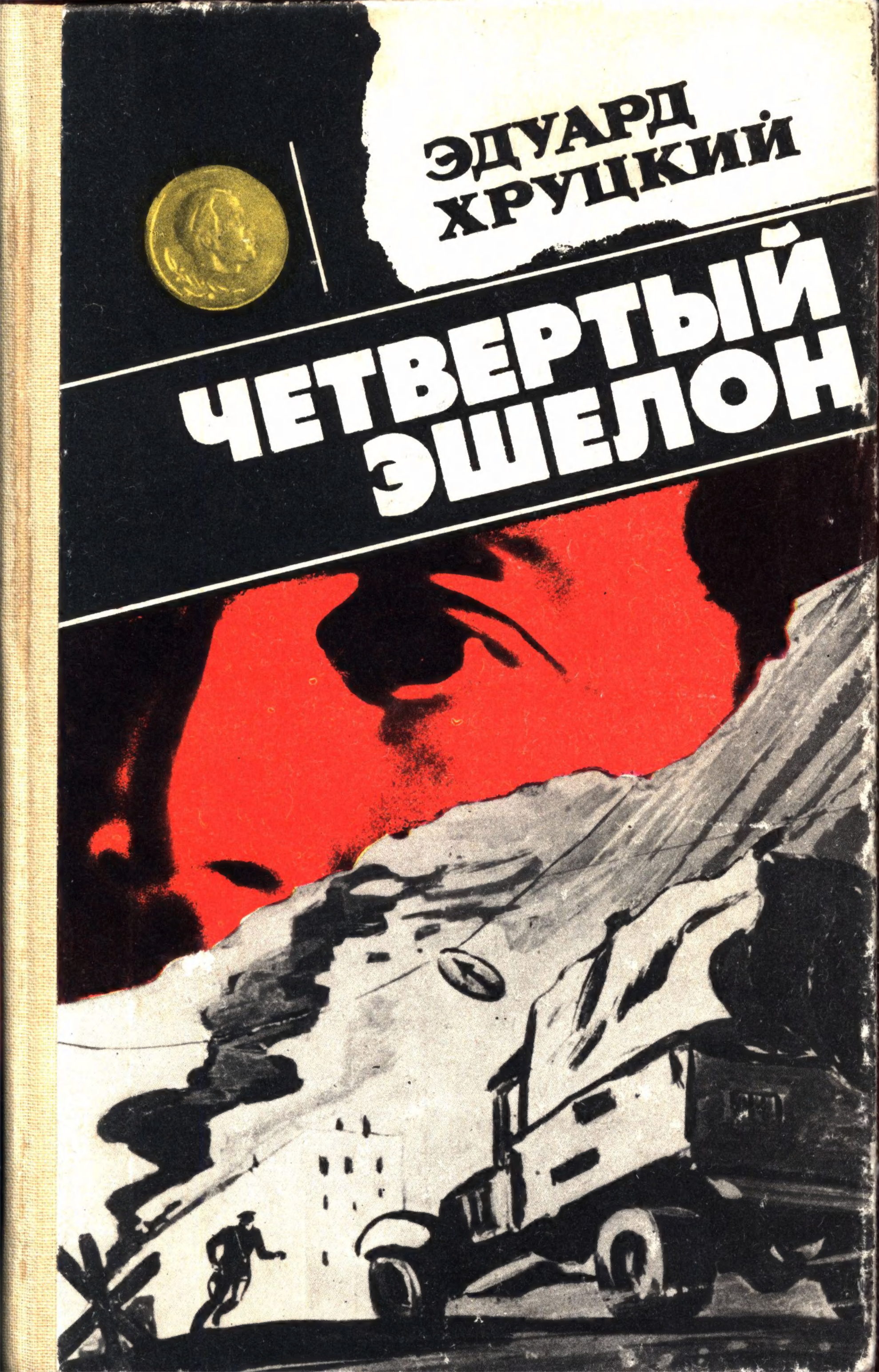

ЭДУАРД
ХРУЦКИЙ
ЧЕТВЕРТЫЙ
ЭШЕЛОН

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭШЕЛОН

РОМАН-ХРОНИКА

1941·1945

МОСКВА
„ПАТРИОТ"
1990

ББК 84.Р7
Х95

Редактор Т. А. Соколова

Художник В. Г. Долуда

Хруцкий Э. А.
Х95 Четвертый эшелон: Роман-хроника. — М.: Патриот, 1990. — 688 с.

7 р.

Составившие роман-хронику повести («Комендантский час. 1941», «Тревожный август. 1942», «Приступить к ликвидации. 1943», «Четвертый эшелон. 1945»), связанные одним героем, рассказывают о работе милиции в годы Великой Отечественной войны.

Эта книга открывает серию книг — лауреатов премии имени разведчика Николая Кузнецова, учрежденную Союзом писателей РСФСР и Уралмашзаводом.

Для массового читателя.

Х $\frac{4702010201-007}{072(02)-91}$ без объявл.

ББК 84.Р7
Р2

Издание подготовлено при участии кооператива «Детектив».

ISBN 5-7030-0471-3

1941

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС

МИНСК. 6 июля, утро

«Солдаты! Перед вами Москва. За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошли по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войне. Москва — это отдых. Вперед!»

Приказ Гитлера от 6 июля 1941 года

Совещание окончилось. Генералы, штабные и командиры частей группы армий «Центр», выйдя из зала, торопливо начали доставать сигареты. Они были похожи на кадетов, дорвавшихся до долгожданной курилки. Конечно, командующий генерал-фельдмаршал фон Бок официально не запрещал курить, но все знали, что он не переносит табачного дыма.

Только один человек мог позволить себе не считаться с привычками фельдмаршала — группенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевски — личный представитель рейхсфюрера СС при штабе группы армий «Центр».

Никто из штабных, даже приближенных к фельдмаршалу, не знал, чем занимается этот страшновато-вежливый эсэсовский генерал. Знали только, что у него свой штаб и двухметроворостые мордатые телохранители.

Из зала совещания группенфюрер вышел последним.

«Как они мне все надоели! — подумал он, глядя на суетившихся в вестибюле генералов. — Какая ограниченность, полное непонимание ситуации! Сейчас они делят победы. Хотят урвать кусок послаще. Неужели они не могут понять, что их «победы» были предреше-

ны задолго до того, как они перешли границу? Они не любят меня так же, как и всю службу безопасности. Службы Гиммлера они боятся, а меня считают просто выскочкой. Что делать — каждому свое. Все-таки я сделал правильно, что ушел из армии в охранные отряды. Иначе дослужился бы сейчас в лучшем случае до заместителя командира полка».

— Курт, — повернулся группенфюрер к адъютанту.

— Слушаю, экселенц.

— Что было в этом доме раньше?

— Совет Народных Комиссаров Белоруссии, экселенц.

— Занятно строят эти русские, какая-то смесь казармы и замка. Кстати, Курт, узнайте фамилии и звания летчиков, первыми идущих на Москву.

— Слушаюсь! — штурмфюрер стремительно повернулся.

— Да постойте вы! Командира эскадрильи и командиров экипажей сегодня же ко мне.

— Слушаюсь, экселенц!

Группенфюрер не выспался. Вчера ночью к нему прибыл особоуполномоченный рейхсфюрера штандартенфюрер Гунд, он привез важные инструкции, в которых оговаривались обязанности полевого реферата СД, который возглавлял Бах-Залевски.

Задание было трудным, группенфюрер гордился, что именно ему поручено дело, которое, безусловно, войдет в историю войны.

У входа его ждала машина. Приземистый бронированный «майбах». Вокруг стояла охрана.

Рядом с тяжелым «майбахом» приткнулся элегантный серебристый «хорьх». От машины навстречу группенфюреру, улыбаясь, шел офицер с нашивками штурмбанфюрера. Черный мундир сидел на нем, словно фрак на дирижере. Он был чрезвычайно элегантен.

— Франц, — группенфюрер улыбнулся, — дорогой Франц, как вы мне нужны!

— Я это почувствовал, шеф. Вернувшись, узнал, что вы на совещании, и приехал сразу сюда.

— Чертовски приятно иметь такого заместителя.

Группенфюрер говорил вполне искренне. Действительно, приятно иметь заместителем доктора права, профессора искусствоведения. Но кроме этого, штурмбанфюрер Франц Альфред Зикс был неоценимым зна-

током агентурной работы. Феноменальная память позволяла ему держать в голове сотни кличек, псевдонимов, явок.

«Мне не нужна картотека, — часто шутил группенфюрер, — пока вы со мной. Вас, Франц, нужно беречь, как самый дорогой секретный сейф».

Бронированный «майбах» лавировал между разбитыми зданиями. Кое-где по самой земле стлался едкий, зловонный дым. Город еще горел.

Группенфюрер, презрительно прищурив глаза, смотрел в окно. Улицы были пустынны, завалены обломками кирпича.

Самые неожиданные вещи валялись на мостовой: перевернутые ручные тележки, разбитые чемоданы, детская кукла, сплющенный трехколесный велосипед.

Бах-Залевски достал сигарету, адъютант услужливо щелкнул зажигалкой.

— Унылый город, Франц. Унылый. Разве его можно сравнить с Парижем? Помните Монмартр, прекрасные кафе. А женщины! И небо над городом, лиловое небо над черными, словно грифельными, крышами.

— Париж? Но я был в Минске в 1939 году. Конечно, он не похож на Париж, но... Что касается женщин...

— Нет, вы меня не убедите, Франц. Кстати, кажется, тогда же вы были в Москве?

— У вас прекрасная память. Был. Как говорят русские, «стоял постоем» в гостинице «Националь».

— Что ж, вам повезло. Скоро вы будете рассказывать знакомым о том, что когда-то был такой город.

— Я не понимаю вас.

— Приедем — поймете.

На самой окраине города, у здания, построенного в стиле охотничьего домика, машина остановилась.

Группенфюрер и Зикс вошли в дом. В кабинете Бах-Залевски расстегнул китель, подошел к сейфу, набрал цифровой код.

— Вчера мне привезли из Берлина план операции «Тайфун». Провести ее поручено нам. Идите сюда, Франц.

Они удобно расположились в креслах у стола. Группенфюрер закурил.

— Вы удивились, Франц, когда я сказал о столице большевиков. С сегодняшнего дня группа армий «Центр»

начинает наступление на Москву. Москва — конец войны. Как только столица большевиков падет, их многонациональное государство рассыплется, как карточный домик. На Москву наступает семьдесят пять дивизий, из них четырнадцать танковых и восемь моторизованных. С воздуха их будут прикрывать легионы «Кондор», «Вевер», 28-я и 55-я эскадры. Тысяча самолетов. Тысяча, Франц! Такого ударного кулака не знала ни одна война. Дни большевиков сочтены. Но это дело армии. Кстати, знайте, что ни один солдат вермахта в Москву не войдет.

— То есть, — Зикс снял очки, — как так?

— Туда войдут части СС. В течение недели мы должны будем вывезти из Москвы все архивы и ценности, к чертовой матери выгнать население, арестовать и расстрелять энкеведистов, партийных функционеров, интеллигентов. А потом взорвать шлюзы и затопить Москву. Такого города больше не будет. Будет озеро, где мы будем кататься на яхте. Но для этого нужно провести колоссальную работу. Читайте документы.

Через два часа штурмбанфюрер фон Зикс вызвал к себе подполковника фон Мантейфеля. Подполковник был уже стар, когда-то, еще при кайзере, он руководил немецкой разведкой в России. Потом о нем вспомнило ведомство Гиммлера. Фон Мантейфель спас от превратностей немецкой революции архивы своего отдела. Конечно, многих разыскать не удалось, но и среди этого старья нашлись стоящие люди. Как только началась война, Мантейфелю присвоили звание подполковника, и теперь он работал в группе Зикса.

— Пора активизировать ваших людей, господин фон Мантейфель. — Зикс встал, прошелся по кабинету. — Пора! Наша задача: внести дезорганизацию в тыловую Москву. Паника, грабежи, слухи, сплетни, анекдоты, срыв эвакуации заводов, хищения ценностей культуры. Над Москвой каждую ночь должны зажигаться ракеты. Это не столько военный, сколько психологический эффект.

Я понял вас. У меня есть подходящий человек. Он надежно законспирирован, имеет обширные связи среди уголовников.

— Ну что ж, пожалуй, подойдет. Тем более что

уголовниками занимается милиция. А милиция, полиция — все одно и то же.

— Если считать этот разговор приказом, то я немедленно посылаю к нему связного.

— Кого?

— Унтерштурмфюрера Алекса Прилуцкого.

— Пригласите его ко мне.

Утром на стол группенфюрера лег рапорт.

«Группенфюреру СС и генералу полиции Эриху фон дем Бах-Залевски.

Штурмбанфюрер Зикс почтительно докладывает.

Вчера в 23.00, во исполнение операции «Тайфун», в Москву на связь с агентом Отец отбыл унтерштурмфюрер Алекс Прилуцкий. Прилуцкий снабжен деньгами и получил необходимые инструкции.

Штурмбанфюрер СС и доктор фон Зикс».

МОСКВА. Июль

Начальник МУРа смотрел в окно. На противоположной стороне улицы у киоска с газированной водой стояла очередь, человек семь. Начальник на секунду представил, как пенная струя бьет в стакан, как пузырится в нем холодная, жгучая от газа вода.

Голова продолжала болеть. Повышенное давление напоминало о себе болью в затылке.

Два месяца назад он бросил курить. Как только появились первые боли, вынул из ящика стола коробку «Казбека», хотел бросить в урну, но передумал. Вызвал к себе молодого сотрудника Игоря Муравьева и отдал папиросы ему.

— Так как же быть с Костровым? — прорвался сквозь головную боль голос начальника отделения Данилова.

— Погоди, Иван Александрович. У тебя есть что курить?

— «Казбек».

— Давай его сюда.

— Но вы же...

— Мало ли что, время, видишь, какое.

Начальник жадно затянулся. И сразу стало легче, даже показалось, будто боль утихла.

— Вот так, — он тяжело опустился в кресло. — Не верь врачам, Иван Александрович. Курнул — и легче стало. Ты мне оставь пяток.

— Да вы все возьмите. У меня в кабинете есть еще.

— Соблазн велик, возьму. Так ты спрашиваешь, как быть с Костровым?

— Случай уж больно необычный.

— Нет, Данилов, в этом нет ничего необычного. Он сам-то где?

— У дежурного сидит.

— Проверить его показания надо. А вдруг врет?

— Да я его знаю, Мишка врать не станет.

— А ты все ж проверь. Сколько у тебя в группе народу осталось?

— Трое.

— Значит, Полесов, Шарапов и Муравьев.

— Точно.

— Считай, что остался ты один.

— То есть как? — Данилов встал, шагнул к столу. — Как один, товарищ начальник? Моя группа больше всех потеряла людей. Восемь человек на фронт забрали. Я сам...

— Ты погоди, Иван Александрович, не торопись. На! — начальник протянул три одинаковых листа бумаги.

Данилов, недовольно посапывая, достал из кармана очки.

«Начальнику Московского уголовного розыска. От помощника оперуполномоченного Муравьева Игоря Сергеевича. Рапорт. Прошу Вас разрешить мне пойти в ряды действующей армии. Я комсомолец, и место мое на фронте. Хочу беспощадно громить фашистскую нечисть, мстить за нашу поруганную землю. И. Муравьев».

— Понял, Данилов, в чем дело? Ты два других можешь и не читать. Шарапов и Полесов тоже просятся. Ты им скажи, Данилов, я сам на фронт хочу, и ты тоже хочешь. Все хотят. Вон мне Дерковский какой концерт устроил — в батальон московской милиции его отпусти. А я с кем здесь останусь?

— Товарищ начальник...

— Ты, Данилов, молчи. Помню, как ты еще на финскую просился. Молчи уж. — Начальник взял папиросу. — Молчи, Данилов, а со своими ребятами поговори... Иди, Иван Александрович, иди... Чувствую я, что к вечеру много работы будет. — Начальник опять отвернулся к окну.

Почему-то ему казалось, что так легче думается. Калейдоскоп улицы успокаивал.

Петровка была почти такой же, как месяц назад. Торопились куда-то по-летнему нарядные люди, бойко торговал мороженщик, стояла очередь за газировкой. Но война уже чувствовалась. Военных побольше на улицах стало. На углу вместо привычного усатого постового стоит с винтовкой СВТ молоденькая девушка.

Вот она взмахнула полосатым жезлом, останавливая движение. Со стороны Пушкинской по трамвайным путям несли похожий на колбасу огромный зеленый баллон с газом для заправки аэростата. Девушки из батальона МПВО крепко держали за стропы упругое подпрыгивающее тело. А месяц назад он, начальник МУРа, видел аэростаты только на картинках в кабинете Осоавиахима.

Война для него началась так же неожиданно, как и для всего по-летнему беспечного города. Накануне днем поступили данные, что в бараке на Дангауэровке отсиживается Колька Цыган. Два месяца до этого дня МУР лихорадило. Бежавший из лагеря Николай Савельев по кличке Цыган совершил на окраине столицы восемь вооруженных налетов. Звонили из Прокуратуры Союза, звонили из наркомата, звонили из таких мест, что и вспоминать не хочется. И был еще телефонный разговор с помощником одного из руководителей. А все потому, что Цыган, кроме всего прочего, ограбил одну из дач, которую в разговорах называют с приставкой «спец». Брать Кольку поехали ночью, ближе к утру. Операцию возглавил он сам, никому не доверил. В конце шоссе Энтузиастов, у Баулинских прудов, приткнулся дощатый барак. Здесь и было Колькино убежище. Оперативники быстро окружили барак. Оружие держали наготове, знали, что Цыган вооружен и так просто в руки не дастся. Начальник уже сталкивался с этим человеком. Он пошел первым. По неписаным законам, оставшимся еще с

первых лет революции, в самой опасной операции первым идет старший.

Он шел, не глуша шагов, по-хозяйски, как дома. Ему противно было думать, что он, краснознаменец еще с гражданской, должен подкрадываться, чтобы взять эту сволочь.

У дверей с цифрой «пять» было подозрительно тихо.

— Ломайте, — приказал он.

Два оперативника плечами высадили фанерную дверь. Подняв пистолет, начальник шагнул в комнату. Свет карманного фонарика вырвал из темноты фигуру, лежащую на кровати. Кто-то пошарил руками по стене, щелкнул выключателем. На железной койке, разметав во сне руки и широко открыв губастый рот, храпел Колька. В комнате отвратительно пахло перегаром, прокисшими консервами, потом.

— Берите его, — начальник сунул пистолет в кобуру и вышел на воздух.

А Цыган так и не проснулся, ни пока тащили его в машину, ни в самой машине, — до такой степени напился. Только следующей ночью он очнулся в камере и завыл от страха и ненависти.

Приехав на Петровку, начальник поднялся к себе в кабинет. Тотчас зазвонил телефон.

— Не спишь? — услышал он голос начальника московской милиции.

— Цыгана только что...

— Да какой тут Цыган! Война! Сегодня немцы бомбили Минск, Брест, Киев, перешли границу. Собирай своих по тревоге!

Новость была настолько ошеломляющая, что он сразу и не понял, о чем говорит его собеседник.

— Ты что, оглох? — пророкотала трубка. — Собирай своих сыщиков. А за Цыгана спасибо.

— Есть. — Он положил трубку и посмотрел в окно, потом на часы. Пять... Почти незаметный свет фонарей, кое-где желтые окна, перекличка редких автомобильных гудков, и вдруг — война... Нелепо и страшно.

Начальник сам пошел к дежурному. И пока он шел по коридору, почему-то в голову лезли совсем посторонние мысли — о том, что теперь уж в отпуск он не пойдет и долго, наверное, не увидит реки Ужи. И зря он отправил туда удочки.

Комната дежурного тряслась от хохота.

— Вы это чего? — спросил начальник.

— Да вот, комика привели! — вскочивший дежурный пытался согнать с лица веселость и придать ему подобающее моменту выражение.

Начальник оглянулся. Со скамейки для задержанных поднялся человек.

— Ага, значит, ты здесь есть самый главный? — Язык у задержанного заплетался, казалось, что тот говорит с полным ртом.

— Возможно.

— А ты неприятности любишь?

— Нет, — думая о своем, ответил начальник.

— Тогда отпусти меня.

— Это ж почему? — удивился он, словно только что увидел задержанного.

— Работа у меня такая. Не отпустишь — не миновать тебе беды.

За спиной начальника сдавленно прыснул дежурный. Милиционеры у входа беззвучно хохотали, прикрыв рты ладонями.

— Ты кто ж такой: полярник, летчик-герой?..

— Почище их буду... — Человек, покачнувшись, схватился за угол скамейки. — Не выпустишь, утром люди дознаются, придут сюда, большую неприятность сделают.

— Какие люди? Что ты болтаешь? — раздраженно бросил начальник.

— Я пивной палаткой заведую на прудах. В шесть утра открываю. Ко мне люди со всего города приезжают. Приедут сейчас, а меня нет. Где, спросят, Иван Карпыч? В милиции. Вот тогда они прямо к тебе.

— Никто к тебе нынче, Иван Карпыч, не придет.

— А я и по выходным торгую!

— Никто не придет к тебе. Потому что война началась...

Начальник увидел вмиг протрезвевшее лицо задержанного, встревоженные глаза милиционеров.

— Новиков, этого пивного негоцианта оштрафуй и выпусти, и срочно весь личный состав — по тревоге в управление.

Он вышел во двор. Над Москвой начался первый военный рассвет.

На всю жизнь, наверное, запомнится это утро. Пья-

ненький Иван Карпыч, дождевые тучки, собирающиеся в предрассветном небе, и Москва... теплая от сна и такая беззащитная на первый взгляд.

ДАНИЛОВ

Данилов вышел из кабинета и в приемной еще раз перечитал рапорты.

«Ишь ты, — он покрутил головой, — ишь ты, на фронт! Ну ладно, Муравьеву простительно. Совсем еще мальчишка, а Шарапов? Взрослый человек, а туда же». Он вышел в коридор, под ногой запела половица. «Хорошая примета. Иногда идешь, нарочно ее ищешь, а тут — на тебе, сама».

Пол в коридоре угрозыска был наполовину паркетный, наполовину из крашеных половиц. Одна из них скрипела, как только на нее ступишь ногой. Прозвали ее «певуном». Считалось, что если тебя вызвали «на ковер», то именно эта половица «приносит счастье». Но даже «певун» не радовал сегодня Данилова. Хотя, впрочем, день начался не так уж неудачно.

Рано утром к дежурному по МУРу явился бывший домушник Мишка Костров. Явился сам, сам, ожидая Данилова, написал о всех последних «делах» и в конце просил отправить его на фронт. Данилов знал Мишку не первый день и чувствовал: Костров что-то скрывает.

У дверей своего кабинета Данилов немного постоял, словно решая, зайти или нет. В комнате пахло застоялым табачным дымом. Даже открытое окно не помогало. Казалось, что стены и потолок навечно впитали в себя этот прочный и горький табачный дух.

Зазвонил телефон.

— Данилов, — зарокотал в трубке голос заместителя начальника МУРа, — Данилов, ты знаешь, что составляют списки семей для эвакуации? Как у тебя?

— Что у меня?

— С семьей как?

— Без изменений.

— Я не об этом, ты жену думаешь эвакуировать?

— Нет.

— Ну смотри...

Иван Александрович положил трубку. Эвакуировать

Наташу. Конечно, хорошо бы. Да только она об этом и слышать не хочет. На второй день войны пошла учиться на курсы медсестер РОКК. Он пытался было начать этот разговор. Да куда там!

Война. А дела у них, у сыщиков, пока мирные. Старые дела. Двадцать четвертого собирали их на совещание, говорили о возможной активизации преступных элементов. Но пока все тихо. И наоборот даже — преступлений меньше стало.

Данилов это объяснил просто. Огромное горе, постигшее страну, заставило вспомнить о своем гражданском долге даже тех, которые в мирное время доставляли немало хлопот. Дней пять назад он стоял у аптеки, что на углу улицы Горького, рядом с Белорусским вокзалом. Движение было остановлено: на погрузку шли войска. Внезапно кто-то осторожно тронул его за локоть. Данилов обернулся. Перед ним стоял боец в новом обмундировании.

— Не признаете?

Данилов вгляделся.

— Самсонов я, неужели не помните?

— Помню, Борис, как же, помню.

— Я так и думал. Память у вас хорошая.

— На фронт?

— На фронт, Иван Александрович. Вы только не подумайте, я сам в первый день в военкомат пришел, да многие наши тоже пошли. Вы только не подумайте...

— А я и не думаю, Боря. Родина тебе поверила, а прощение сам заслужишь. Ты ведь перед ней в большом долгу.

— Я знаю, — голос Самсонова сорвался, — знаю. Вы только не подумайте...

— А кто из «ваших» пошел?

— Баранов, Алешка-Бердадым, Сенечка, Колян, Битый...

— Ну что ж, Боря. Желаю встретиться после победы. Хочу в гости к тебе зайти, поговорить.

— Обязательно! — Самсонов крепко пожал протянутую руку. — Обязательно!..

Данилов смотрел ему вслед до тех пор, пока Борис не смешался с толпой. Но Данилов слишком хорошо знал своих «клиентов», чтобы тешить себя иллюзи-

ями. Кто и ушел на фронт, а кто и остался. А если остался, значит, ждет удобного случая.

Иван Александрович еще раз перечитал рапорты, усмехнулся и спрятал их в ящик письменного стола. На фронт захотели. Еще неизвестно, где им труднее будет: на фронте или здесь. Вчера в метро на площади Маяковского Данилов на противоположном эскалаторе увидел военного. Седоватый подполковник с зелеными петлицами пограничника глянул в его сторону и сразу как-то уж слишком быстро отвернулся. Но тренированная память моментально зафиксировала брезгливо опущенные складки губ, кривоватый, словно у боксера, нос, а главное, глаза, большие синие холодные глаза! Широков? Нет, этого не может быть. Ведь Широков убит. Совершенно точно. Он даже вспомнил сводку-ориентировку Иркутского угрозыска, где ясно говорилось о том, что Широков, кличка Резаный, он же Колодный, он же Скопин, он же Веселаго, был убит работниками розыска на лесной бирже в леспромхозе «Красный Восток» в тот момент, когда пытался на плоту уйти вниз по реке. Но почему же так быстро отвернулся тот подполковник? Даже слишком быстро...

Данилов поднял телефонную трубку:

— Архив?.. Пришлите ко мне дело Широкова.

И пока сотрудники архива искали нужную папку, пока несли ее, Иван Александрович раздумывал о случайной встрече в метро. Конечно, если он ошибся, то, как говорится, слава богу. Ну а если нет? Если нет — это очень страшно. Такая сволочь, как Широков, зря в Москву не приедет. Жди беды.

МУРАВЬЕВ

Игорь проснулся буквально за минуту до звонка. Еще миг он лежал с закрытыми глазами, чувствуя, как через веки просачивается багровый свет солнца, а потом на ощупь взял будильник и перекрыл рычажок звонка. Будильник запоздало звякнул.

— Игорь, опять! — воскликнула мать, увидев сына с будильником на пальце. — Сколько же раз повторять надо?! Это реликвия. И опять ты не дал ему звонить. От этого портится пружина. О господи! Эта молодежь! А нашей семье он служит уже двадцать лет!

— Не двадцать, а всего-навсего семь. — Игорь, чмокнув мать в щеку, поставил на стол будильник и пошел делать зарядку.

Настроение было отличным. Сегодня наконец сбывается его мечта. Как вот только сказать матери — этого Игорь пока не решил. Ну ничего, он скажет попозже, когда явится домой в новенькой форме, перетянутый ремнями, с направлением на фронт и кубарями в петлицах. В том, что его рапорт удовлетворят, Игорь ни минуты не сомневался — армии нужны знающие командиры. Начальник, конечно, его поймет: время такое. Вот лишь бы Данилов не упрямился.

Решение немедленно идти на фронт созрело окончательно и бесповоротно вчера, когда Игорь встретил очкарика Петьку — Таниного мужа. Человек худосочный и слабый, Петька всегда вызывал у Игоря чувство пренебрежительного снисхождения. Да и где уж ему было сравниться с Игорем, который еще два года назад, в школе милиции, был чемпионом по боксу. А вчера Игорь встретил его и не сразу узнал. Петька словно преобразился, хотя военная форма висела на нем мешком. Но в петлицах у очкарика сидело по шпале и звездочка на рукаве. «Старший политрук» — это что-то да значило! Уж если таких призывают, то ему отсиживаться в тылу просто невозможно.

Окончив зарядку, Игорь плескался под умывальником, растирал тело под струей холодной воды и ощущал, как приятно твердели мышцы.

Одевался он привычно быстро — работа научила. Оглядел свою маленькую комнату, и на миг что-то стеснило сердце: может, в последний раз. Да, конечно, война не на один день. И хотя мысли о смерти ему не приходили в голову (как не было их и прежде — ведь работа в МУРе постоянно связана с определенной опасностью), тем не менее хотелось запомнить все родное и привычное, как-то по-новому сохранить в себе... Портрет Дзержинского над письменным столом... Этот портрет, как говорила мама, принадлежал еще отцу, кочевал с ним повсюду, благо небольшой размером. Снимок был редкий, один из последних. Феликс Эдмундович сидит за письменным столом. Оторвавшись от бумаг, поднял голову, и глаза у него пронзительные и усталые. Может быть, из-за этого портрета, ну и конечно же из-за отца и выбрал себе такую профес-

сию Игорь. Вот он — отец. Его увеличенная фотография висит над кроватью. Отец, в кожанке, уселся верхом на стуле, облокотившись на спинку. Игорь знал: у него такие же, как у отца, светлые волосы и широко поставленные глаза. Отец родом с Южного Урала. А погиб он в тридцать первом в Средней Азии. Его имя хорошо известно, и, конечно, это сыграло свою роль при поступлении Игоря в школу милиции. Там ему постоянно напоминали, кто был Муравьев и каким должен быть он, его сын.

Уже в школе милиции Игорь твердо решил, что пойдет работать в органы госбезопасности, станет настоящим чекистом, как Дзержинский, как отец. Раскрывать заговоры вражеской разведки, брать шпионов — в этом, разумеется, была настоящая романтика. Но им распорядились по-своему. Послали в уголовный розыск. Поразмыслив, Игорь пришел к выводу, что и это, пожалуй, ничуть не хуже. Те же засады и ночные погони... Да, в этой профессии тоже было немало романтики. Правда, на счету у Игоря даже теперь еще немного дел, и все в основном так себе — мелочь, все больше кражи, но ведь по коридорам небольшого дома на их легендарной Петровке ходили настоящие герои. В общем, Игорь не жалел, что попал в МУР. Вот только с начальником ему не повезло. Данилов никак не подходил под разряд «героев». И, что самое главное, никак не хотел понять, что преступно сидеть в тылу, когда началась такая война. «Но теперь все, уважаемый товарищ Данилов, рапорт подан, и завтра мы с вами расстанемся. Пусть в тылу сидит Иван Шарапов — ему можно, он все равно старый».

— Игорь, сколько тебя можно ждать? — донесся с кухни сердитый голос мамы. — И вообще, перестань свистеть в доме. Во-первых, это неприлично. Отец в твоем возрасте...

— Знаю, знаю, мамочка, — прервал ее Игорь, входя на кухню. — Все знаю. — Он обнял мать. — Отец в моем возрасте никогда не свистел. Кому ж, как не тебе, это знать. Вы и познакомились-то, когда ему было за тридцать. Разве не так?

— Ах, оставь меня! Вечно ты со своими шуточками... Взял бы лучше пример с Петра. Вот истинно интеллигентный человек!

Игорь хотел было ляпнуть про хилого очкаря, но

вовремя прикусил язык. Судя по всему, мать еще не знала о назначении Петьки, Татьяна, видимо, еще не прибегала, так что лучше придержать язык. «Да, — подумал он и вздохнул, — сюрприз будет матери...»

— Ладно, мам, не буду, — примирительно сказал Игорь, — давай пищу, а то опоздаю.

— Разумеется! Он опоздает! Боже, что это за народ!.. Почему я никогда не опаздываю?

Кашляя и давясь пересушенной картошкой, Игорь слушал сетования матери на резко возросшую дороговизну, потом она пересказала ему последние известия. Игорь не дослушал, выпил чашку молока и, поцеловав мать, выскочил из дому. Он спрыгнул с крыльца, обернувшись, махнул рукой матери, выглядывающей из окна кухни, и бегом припустился через заросший лебедой пустырь к трамвайной остановке.

Звеня и раскачиваясь, из-за поворота выполз трамвай, битком набитый, как всегда. Но тут еще втиснуться можно. А подальше, у рынков, будут висеть на поручнях гроздьями. Игоря притиснули к окну на задней площадке.

Расправив затекшие в трамвайной давке плечи, вынул отцовские часы-луковицу на цепочке и отщелкнул крышку. Было только половина девятого. Значит, есть еще полчаса. Конечно, лучше раньше появиться на работе, узнать последние достоверные новости, обсудить их с ребятами, но хотелось, пока есть время, заскочить хоть на минутку к Таньке. Может быть, Петр дома. «Ишь ты, — подумал он, — Петька! Его теперь и неудобно так называть».

Семья оказалась вся в сборе: Петр, Татьяна и обе их девчонки. Малышки сразу повисли на Игоре и хором начали кричать, что их папа идет бить Гитлера, что у него есть револьвер и что они все вместе его собирают. Петр стоял, растерянный, посреди комнаты, очки у него съехали на кончик носа, волосы взлохмачены. Он схватился двумя руками за вещевой мешок, а Татьяна засовывала туда кульки и свертки.

— Нет, я так не могу! — воскликнул Петр с отчаянием. — Это же черт знает что! Игорь, посмотри же! Это же действительно черт знает что! Это же все смеяться будут!

Он резко тряхнул мешок, и из него посыпалось печенье, выпала и покатилась коробка с монпансье. Петр

подхватил коробку, высоко поднял над головой и тонко закричал:

— Вот! Взгляни! Старший политрук Карпунин будет сосать душистый горошек! Надо мной вся дивизия хохотать станет! Это же... Ну, Танюша, ну, деточка, умоляю, дай я сам все сложу. Мне ведь сказали, что надо брать.

Татьяна молча сидела на диване, сложив на коленях руки, и по щекам ее катились крупные слезы. Она смотрела на мужа и молча плакала. А девчонки, хохоча, подбирали с пола печенье.

Петр вытряхнул содержимое мешка на стол и стал аккуратно укладывать полотенца, белье, портянки...

Игорь присел на диван рядом с сестрой, положил ей руку на плечо, и Татьяна уткнулась ему в грудь.

— Да, дела... — протянул Игорь. — На какое направление, не знаешь?

— Какой там фронт! — неохотно отозвался Петр.— В запасной полк пока, а там видно будет... Ты тут не оставляй моих, заглядывай, ладно? — Он просительно заглянул в глаза Игорю. — Трудно им тут будет без меня... А это еще что? — снова воскликнул он тонко. Из груды вещей выпал медвежонок. Петр повертел его в руках, разглядывая недоуменно.

— Это мы, папочка, чтоб тебе не скучно было, — в один голос закричали малышки. — Пусть он вместе с тобой воюет!

Петр задумчиво посмотрел на медвежонка и, отвернувшись от Игоря, сунул его в мешок.

— Так заходи, — глухо повторил он.

— Я думаю, — медленно сказал Игорь, — что им надо с матерью съехаться. Я ведь и сам... не сегодня-завтра... Рапорт вчера подал, должны отпустить.

— О господи, горе мое!.. — уже в голос заплакала Таня. — И этот туда же... Мальчишка...

— Какой я тебе мальчишка! — Игорь обиженно отстранился от сестры. — Где ты видела мальчишку? Я уже год в угрозыске, каждую ночь операции...— Игорь запнулся, поняв, что перехватил. — Ладно, пора идти. Давай простимся. Может, доведется на одном фронте воевать.

Он подошел к Петру, пожал руку, потом они крепко обнялись, расцеловались, похлопали друг друга по плечу.

— До скорого, — Игорь махнул рукой. — А за них не бойся. Мать нас с Танькой одна вырастила, как-нибудь уж справится с моими племянницами.

Уже выйдя на лестничную площадку, Игорь понял, что его беспокоило. В квартире сестры поселился новый запах — кожаных ремней, ваксы — запах дороги. У них в МУРе, в дежурке, так было все время. Но теперь Игорю показалось, что это запах войны.

ШАРАПОВ

Всю ночь у Шарапова болело плечо, простреленное двадцать лет назад. Его знобило. Иван подбирал колени к животу и, нашаривая в темноте рукой, натягивал поверх одеяла свое старенькое пальто. Но когда ледяная дрожь отпускала, становилось нечем дышать, и он, шлепая босыми ногами по скрипучим половицам, брел к ведру с водой и, лязгая зубами о край оцинкованной кружки, пил противно-теплую воду. Ненадолго становилось легче, вроде бы расступалась ночная тьма и уже виделся близкий рассвет, хотя на улице было и так светло — июльские ночи коротки. И еще Ивана мучило прошлое, даже, скорее, не мучило, а как бы раскручивалось бесконечной лентой, и остановить это движение не было никакой возможности.

Старые ходики на стене показывали пятый час. Чего уж теперь спать... Он снимал с женой маленький частный домик на Перовом поле. Домишко был старый, но крепкий, весь обсаженный густой сиренью, отчего в комнатах было немного сумрачно и прохладно даже в нынешнюю июльскую жару. Иван распахнул створки низенького окна, вдохнул рассветную пахучую прохладу — хозяйка разводила под окнами флоксы на продажу, а теперь была пора самого цветения.

С недалекой станции доносились приглушенные гудки паровозов, шипение пара и лязганье вагонных сцепок. Железная дорога жила напряженной жизнью и днем и ночью. Тяжело груженные составы шли в Москву с Урала, из Сибири — техника, люди, — казалось, вся страна сдвинулась с места. Ивана снова стало знобить, он прикрыл створки окна, накинул на плечи пальто и присел к столу, разминая в пальцах папиросу.

Он наконец прикурил и сладко затянулся дымом, поплотнее укутав левое плечо. Пуля тогда была, видно, на излете, но кость все же тронула. Да, намучились с ним в ту пору врачи, пока вынули... Вынуть-то вынули, а рана вот напоминает.

.Он хорошо помнил гражданскую. Тяжелая то была война, но ведь и он молодой был, девятнадцать лет, — марш, марш, руби, коли! Друзья-эскадронцы веселые, лихие, чубатые. Или так теперь кажется, что просто все было? Он ведь в тонкой политике не был силен: за мировую Революцию! — и в клинки. Позже стал разбираться, что к чему. Тогда и угодила в него кулацкая пуля.

Иван выдвинул из-под койки обшарпанный, со сбитыми углами чемоданишко, где хранился весь его личный и семейный архив, сдул пыль, поставил на койку, открыл крышку и, присев рядом, стал перебирать пожелтевшие бумажки...

Наконец Иван сообразил, что он ищет в своем архиве. Вот она, истертая, того и гляди в руках развалится, подклеить бы.

Он развернул почти прозрачный серый лист, перенес его к столу, аккуратно разложил и, щурясь, стал читать.

«Хищникам и ворам народного достояния нет пощады.

В то время, когда все усилия трудового народа направлены к борьбе с разрухой и надвинувшимся стихийным бедствием — голодом.

В то время, когда дорог каждый вовремя добытый и доставленный нуждающимся и голодным кусок хлеба и каждый пуд зерна для обсеменения обширных полей пострадавшего Поволжья, — находятся паразиты и негодяи, которые расхищают народное добро из вагонов, пакгаузов и складов.

Хищники пользуются всякими способами, чтобы за счет несчастия другого, за счет награбленного создать свое благополучие.

Им нет дела до миллионов страдающих детей и крестьян голодных губерний.

Им нет дела до лишений и испытаний, которые терпит все трудовое население городов.

Часто они бывают неуловимыми, скрываясь под маской должностных лиц, причастных к нагрузке, вы-

грузке, хранению и перевозке грузов на транспорте.

Они не только сами воруют, но и потворствуют сторонним бандитам и ворам, скрывая следы их преступных дел.

Советская власть, в интересах трудящихся масс, примет все меры, чтобы положить предел этим преступлениям.

Суровые кары, вплоть до высшей меры наказания — расстрела, будут применяться не только к непосредственным участникам в хищениях на транспорте, но и к пособникам краденого.

Советская власть призывает всех честных граждан на борьбу с паразитическими элементами, ворами и бандитами, разрушающими благосостояние Республики.

Все честные транспортные работники должны принять участие в этой борьбе совместно с карательными органами.

Будьте бдительны и вместе с рабоче-крестьянской властью беспощадно боритесь с волками и хищниками народного достояния.

ПредВЧК и Наркомпуть Ф. Дзержинский».

Вот с этой листовки, которую осторожно, чтобы не разорвать, отклеил со стены Серпуховского вокзала и спрятал в карман бывший боевой эскадронец Иван Шарапов, и началась у него новая жизнь.

Стал Иван Шарапов рядовым чоновцем. В него стреляли, и он стрелял.

А вот уж чего он никогда до самой смерти не забудет, так это ночевки в Кирсановском уезде на Тамбовщине. Название той захудалой деревушки, где их отряд остановился на ночлег, совсем стерлось из памяти, а та ночь и теперь напоминает о себе. Среди ночи изба, где спали чоновцы, вспыхнула со всех сторон сразу, и тут же по окнам хлестнули выстрелы. Иван помнит, как товарищи сообща выставили узкую раму и, отвлекая огонь бандитов на себя, помогли ему бежать за подмогой. Он невесть каким чудом нашел коня и умчался в ночь, зажимая пятерней простреленное плечо. Только под утро он встретил мужиков из соседней коммуны и, еле держась в седле, привел их к сгоревшей дотла избе.

Потом, говорили, были похороны. Оркестр играл «Интернационал», но Иван в ту пору метался на боль-

ничной койке, снова, полураздетый, мчался сквозь пургу на коне, и кричал страшным матом, и срывал бинты...

Сколько ран было на его теле — все зажили, одни рубцы остались. А эта вот — в плече — никогда, видно, не заживет.

Из госпиталя он вышел, как после тифа, — ветром качало. Вот тогда, помнится, и приехал в родное село, да уж нечего там было делать — подался обратно в город. Работал в охране на транспорте, в милиции. Новые товарищи встретили хорошо, помогли на первых порах, посоветовали учиться. А каково это было ему? За спиной — война, госпитали и столько смертей, что целому эскадрону хватило бы. Однако все та же крестьянская хватка помогла. Усидчив был. Крепок в своем желании. Шел на грамоту, как на Деникина. И победил. Перебрался поближе к Москве, в Загорск, тут и женился. Только не вышло у Ивана порядочной семейной жизни в тещином доме.

Поначалу он решил было: богомольная тихая старушка, греха за душой не держит. И дом такой же тихий и скромный. Сад, огородишко. Поселился Иван у молодой жены, думал жизнь свою бурную поправить, в порядок привести и, кто знает, возможно, дальше учиться. А вышло все наоборот.

Теща тихая-тихая, а оказалось — дальше его смотрела. Иван по-прежнему был постовым милиционером. Должность, как говорится, невелика, а по мнению некоторых — все же начальство, власть, иными словами. Вот эта самая власть и нужна была тещеньке для своих темных дел. Жена — что... Марья, конечно, во всех материнских делах участия не принимала да и не знала о них наверняка. Красивая была девушка, смирная. А теща, выходит, сразу поняла свою выгоду от такого брака: власть в доме, кто сунется? Да только не на того напала.

Стал он со временем замечать, что похаживают к старушке разные люди. Ну, дело божеское, богомольное, лавра под боком. Теща говорила, дальние родственники к богу приходят.

И вот однажды...

Иван закурил новую папиросу и выглянул за дверь, как будто его мысли могли потревожить сон Марьи. Нет, спит — не шелохнется.

Да, припозднился он однажды на службе, считай под утро домой явился, уже светать начало. Глядит, на тещиной половине свет горит. «Молится, что ли?» — подумал. Вроде рано. Никогда так рано не вставала. Они тогда в своем доме глухую перегородку поставили, чтобы тещиным гостям не мешать, да она и сама была не против. «Дело ваше молодое, — говорила, — вам самим по новым порядкам жить требуется...» Подошел он к тещиной-то половине, а из ее двери как раз на крыльцо мужик выходит, прощается со старушкой и довольно резво идет прямо на Ивана. И ряса на нем черная до пят. Увидал Ивана, не растерялся, подошел поближе, поздоровался смиренно, сказал, что о делах божеских со старушкой-праведницей беседовал, да вот и время не уследил. Слушал его Иван, и что-то давно забытое копошилось в его памяти, но что — никак не мог понять. Вроде бы знавал он этого человека. Только не такого, как сейчас, с аккуратной темной бородкой, а другого, молодого и без бороды. Но где он его встречал? Нет, что встречал — это точно, память у Ивана и сейчас на лица отменная. Раз увидел — как впечатал.

Так и расстались они у тещиного порога. Позже, отгоняя назойливую мысль, спросил тещу, кого это она посреди ночи-то принимала. Мелко смеясь, старушка вроде бы даже сконфузилась, сказала, что это дальний ее родственник, перевели его в лавру, теперь тут служит. Давно не виделись, вот он и наведался. Хороший, божеский человек. Может быть, все бы так и кончилось, кабы не острая память Ивана.

Однажды ночью его так и подбросило на кровати — даже Марья испугалась. Но ничего не сказал жене, а утром отправился в лавру и весь день присматривался к приходящим. И на другой день тоже. Того ночного незнакомца не было. Не было видно его и среди служителей, хоть службы шли богатые — Сергия Радонежского праздновали, основоположника Троице-Сергиевой лавры. Провалился незнакомец. Приступил с расспросами к теще. Что-то, мол, нашего родственника не встречаю, вы же говорили, что сюда переведен. Теща отделывалась общими словами или попросту отмахивалась.

Увидеть этого человека стало для Ивана необходимостью. Увидеть, чтобы утвердиться в своих подоз-

рениях или рассеять их. Наконец не выдержал, пошел и все рассказал своему начальнику. Хороший был человек, только женитьбы Ивана не одобрил, ну так ведь не ему жить. А тут, как рассказал Иван о своих подозрениях, даже со стула привстал. «Ну ты, — сказал, — даешь! А ежели тебя память после всех ранений подводит?» Однако согласился с Ивановым планом. Стали ждать. И дождались. Явился родственничек, тут его с золотишком и взяли. А когда потянули ниточку, так и весь клубок покатился.

Не подвела Ивана память: еще за день до пожара он видел этого человека — сына кулака Леденева. Видел, когда у его папаши хлеб из ям выгребали. Взгляд его запомнился. А после, как стало известно, сынок и порешил чоновцев, банду организовал из дружков своих. Погуляли они на Тамбовщине. Долго будут помнить люди их кровавые загулы.

Вот как все обернулось. А начальник действительно хорошим мужиком оказался. Когда Ивана потянули в особую инспекцию, пошел сам, партийным билетом поручился. О чем они там долго говорили, Иван так и не узнал, но только вкатили ему «строгача» да еще сказали, легко, мол, отделался. Ну а с тещей по закону поступили. Начальник и позже помог, когда Иван, забрав жену, уехал в Москву. На курсы устроил, рекомендацию хорошую дал, а как стал Иван работать в МУРе, едва ли не первый поздравил с повышением.

Вот через сколько лет протянулась леденевская ниточка... До сих пор плечо по ночам ноет. Главное, чтобы врачи не догадались. Да, время сейчас такое, что не до личных ран. Потом подлечимся...

Иван сложил бумаги в чемодан, запихнул его поглубже под койку и стал одеваться. Решил пораньше уйти, не будить жену. Ей не впервой, привыкла к беспокойной мужниной службе.

Солнце уже давно встало, но утренняя свежесть лежала на траве и листьях. Дышалось легко. Воздух припахивал паровозным дымом, щекотал ноздри. Возле станции на длинном дощатом заборе висел свежий плакат. Иван остановился. Женщина подняла руку, а сзади штыки, штыки... И присяга военная: «Родина-мать зовет!»

Иван посмотрел и, ссутулившись, пошел на станцию. Скоро должен был пройти поезд на Москву.

ПОЛЕСОВ

Просыпался он всегда в шесть. Что бы ни случилось, когда бы спать ни лег — в шесть открывал глаза. Потом он мог поспать еще, но в шесть должен был проснуться обязательно.

Когда жена Соня еще жила с ним, из-за этого по выходным скандалы бывали. Мол, покою от тебя нет, даже в день отдыха. Но Соня ушла от него. Ушла, оставив записку: «Степа, полюбила другого». Кто был тот другой, Полесов знал точно. В первую минуту чуть было не собрался пойти по адресу Грузинский вал, дом двадцать шесть, но передумал. Насильно мил не будешь. Это уж точно.

Но даже после ее ухода в доме все шло по старому, заведенному порядку. В шесть утра Степан вставал. Сорок минут занимался гимнастикой, поднимал пудовые гири, потом мылся холодной водой по пояс, докрасна растирался жестким полотенцем. Завтракал он в буфете на углу 1-й Брестской и Грузинского вала, приходил первым, к открытию. Потом покупал газету и шел на работу, в депо. День был загружен полностью. А вечера?.. После работы приходил он домой в чистую комнату, садился у окна и часами смотрел на улицу. Звенели трамваи, кричали паровозы на Белорусской дороге, шуршали по тротуару подошвы прохожих, и Степан сидел, глядя на зажигающиеся огни Ленинградского шоссе.

Иногда во дворе он встречал Соню. Двор был общий, так как его дом, сорок третий, являлся как бы началом дома двадцать шесть.

Она проходила веселая, в ярком летнем платье, а рядом с ней Борька Константинов, симпатяга, лихой парень, лучший гитарист, пьяница и бабник. Жил он в одной квартире со старшим братом, Анатолием, военным инженером. Вот тогда совсем плохо становилось Степану. Тогда и просиживал он целыми вечерами у окна: бездумно и одиноко. Правда, такие вечера стали нечастыми: Степан записался в деповском клубе в секцию гиревиков.

Он решил твердо: вырву память из сердца. Упорным был мужиком Степан. А был бы другим, неизвестно, что и получилось бы...

Вьюжной ночью сурового двадцатого года подобрал машинист Андрей Полесов на перроне станции Чита-товарная мальчишку лет семи. Тот лежал возле угольного пакгауза совсем замерзший. Принес его Андрей в дежурку, отогрел, чаем отпоил. Парень был черный от угольной пыли, худой, в рваном кожушке. Забился в угол и всю ночь дрожал там, как побитая собака.

Утром отвел его Андрей в привокзальный санпропускник, вымыл, сам постриг ножницами. Парнишка оказался белоголовым, большеглазым. Он рассказал Андрею, что отец его погиб на войне, а мать зарубили какие-то бандиты месяц назад.

Жаль стало Полесову сироту, посадил он его к себе на паровоз и увез. Сначала в детский дом определить хотел, а потом оставил у себя. Так появился в Москве Степан Андреевич Полесов.

Дальше жизнь пошла как надо. Степан кончил семилетку, пошел в техникум. Конечно, в железнодорожный. Получил диплом с отличием, получил и ушел на военную службу.

Попал Степан в пограничные войска на Карельский перешеек. Служил хорошо, стал старшиной заставы. Правда, особых происшествий у него не было, но все-таки увез домой именные часы от наркома. Повезло за два дня до окончания срока службы: задержал опасного нарушителя.

Вернулся Степан домой — пошел в депо мастером паровозоремонтной бригады, стал стахановцем, вступил в кандидаты ВКП(б). В тридцать девятом, как раз перед самой женитьбой, наградили его медалью «За трудовую доблесть». За несколько дней до финской войны умер отец. Только похоронил его Степан — война.

Он сразу же написал заявление в военкомат. Но через несколько дней его вызвали в партячейку.

За столом секретаря сидел мужчина в гимнастерке без петлиц, но с медалью «За отвагу».

— Давайте знакомиться, товарищ Полесов, — сказал он, — я из милиции. Данилов моя фамилия. Садитесь, пожалуйста.

Степан присел у стола, недоумевая, зачем он вдруг милиции понадобился.

— А дело у меня вот какое, — продолжал Данилов. — Сейчас лучших коммунистов партия направляет для работы в органы НКВД. От депо рекомендовали вас.

Степан согласился сразу. Он не кокетничал, не говорил о том, что работа незнакомая. Нет. Партия рекомендует, — значит, так нужно.

Взяли Степана Полесова на работу в угрозыск. Учил его сам Данилов. Наука была непростая. Но там, где не хватало специальных знаний, Степан поступал так, как ему подсказывала совесть большевика.

В отделе у Данилова работа была трудная. Занимались они налетчиками, бандитами. «Клиентура», как говорил начальник отдела, серьезная. Народ в основном отпетый. Почти каждому при задержании грозила высшая мера наказания — расстрел, поэтому они сами стреляли, не стесняясь.

Новая служба пришлась Степану по душе. Товарищи ему тоже нравились. Веселые, смелые, отзывчивые ребята.

Они тоже вскоре полюбили Степана. Ценили его за хладнокровие и огромную физическую силу. Так же, как в армии и в депо, Степан работал обстоятельно, на первый взгляд неторопливо. Брался он за дела незаметные. Но обязательно находил в них важные и интересные моменты. Так, однажды он получил, казалось, совсем пустяковое дело о взломе голубятни во 2-м Кондратьевском переулке. Но Степан был твердо убежден, что пустяковых дел не бывает. Постепенно разматывая почти совсем незаметный клубок, Степан вышел на группу подростков, а через них на знаменитого Вальку Китайца — крупного грабителя и домушника. Оказывается, Валька сколотил группу мальчишек, которых пока заставлял воровать по мелочам: белье на чердаках, голубей, папиросы в киосках.

«Кадры готовил» — так доложил Степан Данилову.

Это дело было переломным для Полесова. Ему стали все чаще и чаще поручать работу с подростками.

«Директор детского сада», — смеялись отчаянные ребята из даниловской бригады. Но они были рады, что передали Полесову свои «скучные» дела.

Степан ездил в школы, в райком комсомола, на за-

воды и фабрики. Беседовал с родителями и воспитателями детских колоний, организовывал юношеские клубы при домоуправлениях, доставал футбольные мячи и сетки для волейбола.

Дни укладывались плотно, как патроны в обойму. Он и не заметил, как пролетел год.

И этим утром Степан встал, как всегда, в шесть, едва только прозвучали в репродукторе первые позывные станции имени Коминтерна. Он несколько раз присел, потом взял гири. Привычно, легко, даже с некоторым изяществом бросил их вверх, вниз, вдох, выдох...

— Передаем утреннюю сводку Совинформбюро, — прозвучал в комнате металлический голос репродуктора. Степан поставил гири и внимательно выслушал сводку до конца. Не окончив гимнастики, пошел в ванную. Долго, зло полоскался под краном. Вернувшись в комнату, открыл платяной шкаф.

Что же надеть? Костюм? Сегодня он пойдет в военкомат (в том, что его рапорт удовлетворили, он не сомневался, все-таки не какой-нибудь новобранец, а кадровый старшина). Естественно, что сразу же отправят на сборный пункт, там ему дадут форму. Значит, пригодятся и хромовые сапоги, и широкий командирский ремень.

Степан достал новую коверкотовую гимнастерку. Через десять минут он вышел из подъезда на залитый солнцем двор. Эх, лучше бы он подождал еще минут десять, лучше бы и не выходил!

Навстречу ему шел Борька Константинов, в новом солдатском обмундировании, в левой руке он держал вещмешок, а на правой повисла заплаканная Сонька.

Борька молча критически оглядел Степана. Всего, начиная с новой гимнастерки, кончая хромовыми, сияющими на солнце сапогами. Оглядел, ухмыльнулся и скрылся под аркой ворот.

Степан постоял, потом зачем-то поправил медаль на гимнастерке, помедлил еще немного и пошел следом за ними.

Он без всякого аппетита выпил стакан кофе и съел пирожок, даже не обратив внимания — с чем он. Расплатился и вышел из буфета. До управления ходьбы было минут тридцать. Взглянул на часы. Семь десять. Времени больше чем достаточно.

Степан не торопясь пошел к улице Горького. На

углу у аптеки остановился возле «Окон ТАСС». Внимательно прочитал стихи под карикатурами Кукрыниксов. На картинках наши бойцы насаживали на штык сразу по пять бегущих немцев. Степан вспомнил сводку и вздохнул. Рядом на стенде был вывешен свежий номер «Красной звезды». Полесов прочитал вечернюю сводку Совинформбюро, потом несколько заметок о подвигах никому не известных бойцов и командиров... Странно как-то получается. Вроде бы, если судить по заметкам, бьют немцев в хвост и в гриву. А опять оставляют город за городом. Действительно, странно. Настроение испортилось окончательно. На улицу Горького Степан вышел мрачнее тучи.

Вот уже год, как ходит он этой дорогой на работу. Вроде бы ничего не изменилось. Та же улица, те же вывески и витрины... А все-таки не то. На окнах крест-накрест белые бумажные полоски, исчезли продукты с витрин. Закрыт кафетерий «Форель». В трамваях и троллейбусах окна плотно закрыты синей бумагой, на перекрестках стоят милиционеры с винтовками. Даже дворники и те метут улицу с противогазами через плечо.

Наверное, таким и должен быть фронтовой город. А Москва, хоть немцы еще и далеко, город именно такой. Ведь здесь — главное, отсюда партия руководит обороной.

И все-таки Москва остается Москвой. Несмотря ни на что. Вот газировщицы открывают свои палатки. В кинотеатре «Москва» идет фильм «Антон Иванович сердится» и «Боевой киносборник» номер три. Хорошая там песня. Степан пошел дальше, напевая про себя: «До свиданья, города и хаты...»

Постепенно настроение улучшилось. Он шел по своему городу, в котором вырос и который ему доверили охранять. Для него Москва осталась такой же красивой, только она надела военную форму и возмужала.

ГРАСС

Первым в коридоре Данилов встретил Шарапова. Как всегда, Иван пришел на работу за четыре минуты до девяти. Данилов еще раз подивился точности этого

человека. Ведь живет же дальше всех, у черта на куличках.

— Желаю здравствовать, Иван Александрович.

— Здравствуй, Иван Сергеевич.

Шарапов глядел на начальника спокойно и выжидающе. Нет, он не раскаивался ни в чем и ни в чем не чувствовал своей вины. Он был прав. Как всегда, прав. И правду свою понимал сердцем.

Данилов знал это и не осуждал его. Он знал: уж Шарапов если что решил, то, значит, обдумал основательно.

— Ты на меня не смотри так, Иван, не смотри. Я ведь тоже просился неделю назад. И сам видишь...

— Значит, нет?

— Значит, нет.

— Что ж, я понимаю, дисциплина и все такое...

— Нет, ты еще ничего не понимаешь. Нельзя же нам город-то оголять. Город-то наш? Мы за него в ответе? Иди. Попроси, чтобы из дежурки задержанного привели ко мне в кабинет, вдвоем допросим. А я пока к Смирнову зайду.

Придя к себе, Шарапов дернул тугой шпингалет, распахнул створки окна. За всю долгую службу в милиции Иван так и не привык к запаху присутственных мест, этой удивительной комбинации табачного перегара, гуталина, карболки и тлена. Шарапов пытался бороться с ним, даже цветы из дому в горшках принес. Но цветы погибли на третий день, а молодая травка сразу же стала желтой.

— Иван Сергеевич, здорово! — крикнул с порога Муравьев. — Ты прямо здесь спишь, что ли?

— В такой духоте поспишь — мыши сдохнут.

— А ты, Иван Сергеевич, в противогазе попробуй.

Игорь дернул ящик стола и начал выгребать из него бумаги.

— Так, так... — Он быстро пробегал их глазами, рвал и бросал в корзину. — «В аллеях столбов, по дорогам перронов... — лягушечья прозелень дачных вагонов...» Так... не нужно... И это тоже. Иван Сергеевич, хочешь, я тебе стихи подарю?

— Стихи? Да я их не очень уважаю, Игорь. А ты что порядок наводишь — дела, что ли, сдаешь?

— «Уже, окунувшись в масло по локоть, рычаг...»

Ага... «...начинает акать и окать...» Сдаю... Это нужно... На фронт иду...

— На фронт?..

— Именно. «И дым оседает...» Вот как с этим быть?

— Игорь! К Данилову, — приоткрыл дверь Полесов.

— Иду. О... Степа, товарищ старший опер! Ты прямо на парад собрался. — Игорь завистливо оглядел Полесова. — Слушай, давай меняться, ты мне ремень, а я тебе австрийскую кобуру.

— Разбежался! Ну что стоишь, пошли.

— Садитесь. — Голос начальника был сухим и будничным. — Прежде всего я вам один вопрос задам. Вы оба такой документ, как присяга сотрудников рабоче-крестьянской милиции, подписывали? Ну, я вас спрашиваю?

— Подписывали.

— Значит, разговор у нас будет простым. Рапорты ваши у меня в столе. Там они и останутся. Здесь воевать будем...

На столе длинно и резко зазвонил телефон.

— Данилов слушает. Так, пишу. Армянский переулок, дом три, квартира десять. Со двора? Понял. Полесов, — Иван Александрович положил трубку, — эксперта, проводника с собакой! Срочно на выезд. Муравьев, поедешь со мной. Шарапову скажи, чтоб допрашивал один.

На лестничной площадке третьего этажа толпились жильцы: мужчина лет пятидесяти в грязной нижней рубахе, с очками в металлической оправе на птичьем носу, три женщины в засаленных халатах с пронзительно-любопытными глазами. У дверей квартиры стоял дворник в белом фартуке.

На ступеньках, прислонясь головой к переплету перил, сидела девушка в милицейской форме. В лице ни кровинки. Рядом старушка с жиденьким пучком волос на затылке держала пузырек с нашатырем.

— Товарищ начальник! — навстречу Данилову шагнул дворник. Он каким-то шестым чувством определил, что старше всех здесь именно этот человек в полувоенном костюме. — Дворник Спасов. В квартиру никого не пускаю.

— Спасибо, товарищ Спасов. Народу вот многовато...

— Женщины ить, любопытные больно, — виновато улыбнулся дворник.

— Любопытным придется разойтись по квартирам. Что с милиционером? — Данилов кивнул в сторону лестницы.

— Да, товарищ начальник, страсти-то какие, — одна из женщин вонзила любопытные глаза в Ивана Александровича. — Мы в квартиру зашли...

— А, собственно, зачем вы туда заходили? Забыли чего?

— Как же зачем? — вмешался в разговор мужчина в очках.

«Гриб-мухомор», — подумал Данилов.

— Мы общественность...

— Вы лучше бы за порядком в подъезде следили, а то у вас на лестнице помойка. А это, — Данилов кивнул на дверь, — дело милиции. Разойдитесь по квартирам.

— То есть как? Я, как общественник, обязан информировать...

Данилов обратил внимание на глаза этих людей, полные назойливого любопытства глаза: «Сволочи, сплетники, это из тех, что крупу и соль скупают пудами...»

— Все, — твердо сказал он, — по квартирам. Доктор, займитесь милиционером. Орлов, пускай.

Проводник, стоявший на площадке ниже, отстегнул поводок. Огромная овчарка Найда, черная как ночь, без единой подпалины, деловито, в два прыжка оказалась у дверей.

Прием был старый. Эта категория людей больше всего на свете боялась собак. Площадка вмиг опустела, только старушка осталась рядом с врачом да дворник стоял рядом с Даниловым.

— Что с милиционером?

— Обморок, Иван Александрович, ничего страшного, — судебно-медицинский эксперт Лев Борисович подошел к Данилову, — девчонка...

— Кончили? — спросил Иван Александрович эксперта, осматривавшего дверь.

— Можно.

Они вошли в квартиру. В прихожей резко пахло

чем-то горелым. Коридор был темен и казался бесконечным. Данилов пошарил по стене, щелкнул выключателем. Под потолком вспыхнул матовый фонарь, отделанный бронзой. Две двери вели в комнаты.

Эксперт, посвистывая, возился с дверными ручками.

Данилов слышал, как за спиной порывисто дышал Игорь.

— Муравьев, спокойнее, ты же не девушка. Все?

— Да, — эксперт отошел к стене.

В комнате, тесно заставленной громоздкой мебелью, на ковре, сшитом из нескольких узких крученых дорожек, лежал человек. Левая рука была неестественно выгнута и подмята телом, рядом с правой, откинутой в сторону, лежал пистолет.

Данилов внимательно оглядел комнату: тяжелые бархатные шторы на окнах; буфет, похожий на замок; черное бюро; инкрустированный перламутром письменный стол, громоздкий, как саркофаг; покрытый пылью чертежный комбайн; шкаф с выбитым зеркалом; еще одно зеркало, наклонно висящее на стене, на полу под ним несколько маленьких блестящих осколков; полуоткрытая дверь в другую комнату...

Иван Александрович шагнул к настенному зеркалу. Несколько минут рассматривал его раму, отделанную стеклянными цветами. Они были необычайно тонки и изящны. Один цветок был отбит начисто. Данилов нагнулся, поднял осколки с пола. Потом снял зеркало со стены, внимательно рассмотрел дырку в обоях и вышел в другую комнату.

Он не хотел смотреть на убитого. Да и ни к чему это было. Он знал убитого. Еще там, в управлении, услышав адрес, он знал, что это «Зяма-художник» — Зиновий Аркадьевич Грасс — художник-график. В тридцать втором он попался на изготовлении фальшивых документов, брал его тогда Данилов, брал здесь. На суде Грассу дали пять лет. Но ударным трудом на Беломорканале он сократил срок, вернулся, и Иван Александрович все чаще и чаще встречал его рисунки в газетах и журналах.

Вторая комната в квартире, видимо, спальня. Почти всю ее занимала огромная кровать с рваным выцветшим балдахином. Кровать, кресло, столик на паучьих ножках и банкетка. Грасс жил холостяком, это было видно сразу.

«Почему-то в холостых квартирах даже пахнет особо», — подумал Данилов.

Он сел в кресло и только теперь увидел тяжелые яловые сапоги у кровати, брезентовый ремень с кобурой на полу, хлопчатобумажную гимнастерку с зелеными петлицами.

Данилов подошел к кровати, поднял гимнастерку. В петлицах старшинские треугольнички, в кармане удостоверение: «Настоящим удостоверяется, что тов. Грасс З. А. является художником-ретушером газеты «Тревога».

Так, теперь ясно, откуда у него пистолет. Значит, он вошёл в эту комнату, взял его, пошел обратно, выстрелил в кого-то, кто стоял рядом с зеркалом... А потом?

Данилов достал папиросу.

А потом? Второй раз ему не дали стрелять. Почему?

Человек не мог прыгнуть на него. Не успел бы просто. Грасс бы попал. Наверняка попал бы. Значит, стреляли дважды. Значит, пуля, убившая его, выпущена из другого пистолета.

— Муравьев! Если можно, принеси мне его «коровина».

Игорь вошел и положил на стол пистолет. Данилов вынул обойму. Пять патронов. Выходит, убитый стрелял дважды.

— Пулю из стенки вынули, Иван Александрович, из «коровинского» пуля.

— А вот ты, если бы жизнь решил кончать, сначала бы в зеркало палил, а потом в себя?

— Может, он с оружием обращаться не умел?

— Не думаю.

— А может быть, еще у кого-то «коровинский» был?

— Вряд ли. Сюда приходил, видимо, опытный человек. Он и постарался инсценировать самоубийство. Если бы это была случайная ссора, то гость убитого просто ушел бы, вернее, убежал в страхе. Человека убить — дело нешуточное. Значит, второй был опытным в этих делах. А раз так, то подобные люди пистолет Коровина в руки не возьмут. Им эта «пукалка» не нужна. Ты вот от него, я помню, отказался. То-то...

— Любопытное дело, милый Иван Александрович,—

в комнату вошел доктор. — У нашего подопечного на затылке гематома.

— На затылке? Ваш вывод?

— Пока преждевременно, но я думаю, не ошибаюсь, вскрытие подтвердит. Убитого сначала оглушили, а потом выстрелили ему в висок.

— А потом кто-то зеркало передвинул, — добавил Игорь. — Оно за два конца веревкой схвачено было. Чуть подвинул — и закрыта дырка...

— Собаку пустили?

— Только что.

— Протокол?

— Полесов пишет.

— Игорь, милиционера и свидетелей сюда пригласи.

В дверь неуверенно постучали, словно поскребли.

— Да. — Данилов наконец вспомнил, что держит во рту незажженную папиросу.

— Товарищ начальник, — на пороге, неуклюже приложив руку к берету, стояла девушка в милицейской форме, — старший милиционер Редечкина...

— Садись, товарищ Редечкина, — Иван Александрович чиркнул спичкой, — садись. Как же ты так?

Девушка покраснела, казалось, кровь вот-вот закапает сквозь щеки.

— По комсомольскому набору?

— Да, пятый день в милиции.

— Раньше где работала?

— В метро, контролером.

— Что ж так? Постовой, а без оружия...

— А я не постовой, товарищ начальник, у меня здесь сестра живет во дворе. Я от нее шла. Вдруг женщина бежит: «Помогите, помогите!» Я за ней.

— Ты соберись и расскажи все по порядку. Только вспомни как следует. Все вспомни, важно это очень.

Девушка опасливо покосилась на открытую дверь в соседнюю комнату:

— Я сейчас. Погодите...

К сестре Алла Редечкина забежала на минутку. Занесла ребятам сахар из своего милицейского пайка. Никого дома не было. Алла достала из-за половицы ключ, открыла дверь и оставила сахар на столе. Она еще немного постояла в комнате. Потом взглянула на часы. Было четверть девятого утра. У нее оставалось целых три часа, и Алла решила подъехать в общежи-

тие к девчатам. Она вышла во двор, порадовалась, что ей дали отпуск именно в такой солнечный день.

«Помогите... А-а-а! Помогите! Милиция!!»

Из соседнего подъезда выбежала женщина. Алла только увидела ее лицо и остановившиеся, полные страха глаза. Она еще не успела опомниться, как женщина, схватив ее за рукав, потащила к дверям:

«Скорее, скорее, товарищ милицейская девушка! Там... там...»

На третьем этаже женщина толкнула ее в дверь квартиры:

«Там!.. Там!..»

Алла, ничего не понимая, словно автомат, шагнула в темный коридор. В глубине его была открыта дверь. Она подошла к ней и заглянула в комнату.

На ковре лежал человек. Босой, в зеленых военных галифе, рядом с ним зловеще поблескивал пистолет, вокруг головы ковер влажно чернел. Что-то липкое подкатилось к горлу, в ушах зазвенело тонко-тонко. В коридоре внезапно стало темно. Хватаясь руками за стену, Алла выбралась на лестничную площадку...

— А во дворе вы никого не заметили?

— Нет, пусто было.

— Ладно, идите. Только в следующий раз не пугайтесь. У нас служба такая.

— Я знаю, извините, — смущенно почти прошептала девушка.

— Ну иди, дочка...

— Стало быть, вы дежурная ПВО?

— Я.

— Ваша фамилия Самойлова, зовут Елена Сергеевна?

— Так, Елена Сергеевна.

— А скажите, уважаемая Елена Сергеевна, в чем заключаются ваши обязанности?

— Если, значит, фашист прилетит, разбудить жильцов в своем подъезде, в убежище их проводить, деткам помочь, там, старухам. Бомбы поджигательные тушить...

— А еще?

— Нести ночное дежурство. У всяких посторонних документы проверять, и если что, милиционера кликнуть.

— Вы все время находились у дверей подъезда?
— Все время.
— Так как же? Никого не было посторонних?
— Никого.
— А что случилось, вы знаете?
— Как не знать, жилец из десятой самострел учинил. Это он из-за нее все.
— Из-за кого?
— Марина у него была. Беленькая такая. Ходила к нему. Что они делали, не скажу, не видела, только часто она у него оставалась. Бывало, ночью вместе приедут на машине, шмыг в парадную и к себе. А потом он ее утром провожает.
— А кроме Марины к Грассу ходил кто-нибудь?
— Много, все его дружки разные. Бывало, идут, а карманы от бутылок рвутся. Безобразить к нему ходили. А он душа простая, добрая, всех пускал.
— А в последнее время?
— Да последнее время его-то и не было. Он ушел в том месяце. На фронт, говорил. Вот только вчера и вернулся в форме и с наганом. «Ты, — говорит, — тетя Лена, меня разбуди в восемь», — и к себе пошел.
— А почему вы в шесть ушли с поста?
— Ах, товарищ начальник, не в шесть — в семь ушла. Гастроном у нас в семь открывают.
— Долго там были?
— Час, наверное, у меня часов-то нет. А домой шла и у ворот двух военных встретила, они-то мне и сказали, что время пять минут девятого.
— Военные выходили из вашего двора?
— Из нашего. Из ворот.
— Постарайтесь вспомнить их.
— В сапогах хромовых, с ремнями через плечо. У одного, что на часы смотрел, нашивка золотая.
— Какая нашивка, узкая или широкая?
— Широкая, товарищ начальник, страсть какая широкая.
— Вы раньше их не видели?
— Нет, не видела.
— Что дальше?
— Я, конечно, побежала Зиновий Аркадьевича будить. Гляжу, дверь открыта. «Неужто встал?» — думаю. Зашла в комнату, а он лежит. Тут я и побегла на улицу.

— Игорь, — Данилов встал, — дело ясное. Ты сейчас иди в «Вечерку», найди знакомых Грасса, узнай, кто такая Марина. Ты, Степан, с жильцами поговори. Я в управление.

На лестнице Данилов задержался, пропуская санитаров, уносивших убитого. Он прошел сквозь расступившуюся толпу любопытных у подъезда, подошел к машине.

— Извините, — кто-то тронул его за рукав.

Данилов оглянулся. Перед ним стояла пожилая женщина с пустой авоськой в руках.

— Я хотела вам кое-что сообщить...

— Слушаю вас.

— К гражданину Грассу ходило много разных людей. Журналисты... А три дня назад заходил его сослуживец, подполковник.

— Так, значит, подполковник? Я знаю, летчик?

— Нет, пограничник. Такой интеллигентный, седоватый. Очень жалел, что не застал его.

— У этого подполковника ожог на правой щеке?— внутренне холодея, спросил Данилов.

— Ошибаетесь, у него шрам, белый такой, с левой стороны, здесь, — женщина провела пальцем от губы до глаза.

Он. Точно он. Широков. Уже в машине Иван Александрович расстегнул крючки воротника. На душе было скверно. Точно так же, как пятнадцать лет назад, когда он в Питере, на Лиговке, потерял след Резаного.

Зачем Широков приходил к Грассу? За деньгами? Может быть, за ценностями? Маловероятно. Ни денег, ни тем более ценностей у убитого не было. Значит, Широкову был нужен Зяма-художник. Но ведь Грасс никогда не связывался с уголовниками. Он делал фальшивые накладные артельщикам, липовые печати на документы, справки. Его «клиентура» была — крупные хозяйственники. Кто же указал Широкову на Грасса? Кто?

В коридоре «Вечерки» пахло керосином. Из-за закрытых дверей вырывался приглушенный стук пишущих машинок, обрывки телефонных разговоров, смех.

В отделе иллюстраций было тихо. Огромное окно

распахнуто, за ним в золотистом мареве видны крыши и облезлые церковные маковки. Со стен на Игоря смотрел добрый десяток человеческих лиц. Красивые, строгие и веселые женщины, мужчины с орденами и без таковых, бородатые и бритые, дети.

Из-за стола, заваленного старыми фотографиями, обрезками бумаги, рисунками, газетными полосами, навстречу Муравьеву поднялся человек в синем костюме.

— Я хотел узнать, сотрудничал ли в вашей газете художник Грасс.

— Зяма? Разумеется! Мы с ним гигантские друзья! А с кем имею честь, простите? Смирнов, — представился художник.

— Значит, мне повезло. — Игорь достал из кармана удостоверение.

Смирнов внимательно прочитал его, поднял на посетителя удивленные глаза:

— Нет. Это недоразумение. У него были неприятности, но давно. Он чудный художник. Хороший товарищ.

— Вы его хорошо знали?

— Хорошо — не то слово. Зяма мой лучший друг!

— Значит, мне опять повезло.

— Что? Скажите, что могло с ним случиться? Ах ты господи, Зямка...

Смирнов заметался по кабинету, он был похож на большую птицу.

— Вы сядьте, сядьте, пожалуйста. — Игорь присел на стул. — Дело серьезное.

— Серьезное? — Смирнов сел и сразу же начал перекладывать на столе строчкомеры, пинцеты, ножницы.

— Вы только... В общем, Грасс убит.

Ножницы со звоном упали на пол. Смирнов закрыл лицо руками. Только пальцы мелко вздрагивали.

«Они слишком тонки и красивы для мужчины, — подумал Игорь, — слишком нежны».

Смирнов убрал руки, и Муравьева поразила перемена, происшедшая с этим красивым, не по годам моложавым лицом. Оно сразу постарело, даже глаза померкли. Перед Муравьевым сидел усталый, больной человек.

— Дайте закурить.

Смирнов неумело взял папиросу, прикурил.

— Зяма звонил мне вчера, сегодня он должен был зайти ко мне с новыми рисунками...

Он замолчал. В комнате повисла тишина, гнетущая и тяжелая.

— Кто мог это сделать? — спросил Смирнов.

— Мы еще не знаем. Вот пришли к вам. Надеюсь, вы поможете.

— Я говорил ему: брось эту женщину. Брось!

— Вы имеете в виду Марину?

— Да, Марину Флерову.

— Кто она такая?

— Как вам сказать? Знаете ли, есть категория женщин, красивых, умных, свободных. У них огромный круг знакомых и необычайная жадность к развлечениям. Они не думают, как и где живут. Они просто живут, легко и свободно. Такие обычно нравятся занятым мужчинам. Дайте спички, пожалуйста. — Смирнов снова прикурил. — Марина такая. Немного пишет, чуть рисует, немного снимает, немного поет, снимается в кино... в эпизодах, разумеется. Всего понемногу и — ничего. У нее открытый дом. Народу полно. Можно приехать в полночь, за полночь.

— Она давно знакома с Грассом?

— Да, года три. Он для нее — убежище. Это она говорит... Устав от кутежей, разочаровавшись в очередном увлечении, она убегала к Зяме. Марина называла это — «стать на душевный ремонт». А он терпел, терпел и ждал.

— Вы говорили, что у нее открытый дом? Если я вас правильно понял, к ней мог приходить любой, даже малознакомый человек?

— Да, вы правильно поняли.

— А что вы скажете о людях, которые у нее бывали?

— Всякие. — Смирнов вздохнул. — Наш брат-журналист, киношники, актеры. Всякие. А бывает, компания эдаких молодчиков приедет... Хватких таких, разодетых, с короткими пальцами в кольцах. Молчаливые, только пьют да похохатывают. Я их не люблю. Денег у них много.

— А где живет Флерова, знаете?

— Да, конечно.

Телефон зазвонил.

— Ты погоди, не части так. Погоди! — Данилов взял трубку. — Данилов слушает. Молодец, Игорь, ты сначала сюда приезжай, а потом уже к мадам поедешь. Давай, жду. Ну, так как будем? — Иван Александрович отодвинул телефон. — Как будем, я спрашиваю, дальше жить? А, Михаил?

— Как люди, как все люди. Я же завязал.

— Это я знаю, читал твое заявление. Ты лучше скажи, зачем ко мне пришел?

— Так военком же...

— А ты думал, Костров, что военком тебе сразу два кубаря даст? Как я помню, ты в тридцать седьмом его квартиру побеспокоил...

— Так...

— Нет, брат, ты что-то недоговариваешь.

— Я, Иван Александрович, перед вами как на духу...

— Так зачем ты себе дело в Грохольском приписал? А? Ты же был домушник, а тут разбойное нападение. Да еще пишешь, что завязал?

Мишка Костров заерзал на стуле. Он сидел в кабинете уже битый час. Здоровый, большерукий. Неспокоен был Мишка, ох неспокоен. Где-то в глубине глаз прятался страх.

— Так мы с тобой не столкуемся. В Грохольском работал не ты. Работал там Влас. Он сейчас в Таганке суда ждет. А вот зачем тебе это дело брать?

Мишка молчал.

— А я знаю. Ты домой идти боишься. Лучше в тюрьму, чем домой. Верно?

— Сажай, Иван Александрович. Хочешь, все нераскрытые квартиры возьму?

— Все? До одной?

— Все...

— Ишь благодетель. Ты мне квартиры, а я тебя в КПЗ. Так? Молчишь... А правда где? Мы для чего здесь сидим? Мы закон охраняем. А закон и есть правда. Ты лучше расскажи, зачем пришел? Может, я тебе помогу.

— Честно?

— Ты, Миша, мое слово знаешь.

— Боюсь я домой, Иван Александрович. Ритку с

дитем утром к матери в Зарайск отправил. Сам сюда: или на фронт, или в тюрьму, только не домой.

— Кто приходил? Кто?

— Мышь.

— Как Мышь?.. Лебедев?

— Он.

— Зачем?

— Пришел ночью, дверь отмычкой отомкнул, поднял меня. Послезавтра, говорит, чтоб у Авдотьи был.

— В Малом Ботаническом?

— Там. Не придешь, и тебя и Ритку с Надькой — на ножи, так, говорит, Резаный велел.

— Ясно. А что еще?

— Найди, говорит, Пахома, чтоб тоже был. Я утром к вам. С Резаным, знаете сами, не пошутишь.

— Знаю, ты пока подожди в коридоре, я тебя позову.

Ну, что будем делать, Данилов? Что делать-то будем? Значит, появился в Москве Широков. Ох, не вовремя он появился. А впрочем, когда Резаный был ко времени? Лежит на столе пачка. На истертом корешке штамп наискось — «Архив». Вот тебе и архив! Как же вы там, братцы-иркутяне, а? Жив Широков. Сколько лет орудует, и ни одного задержания.

А память, память крутит ленту воспоминаний. Двадцать пятый год. Саратов. Тогда ты приехал в город вместе с ребятами из бандотдела помочь местным чекистам обезвредить особо опасную группу. Помнишь?

Данилов проснулся оттого, что почувствовал: кто-то стоит над кроватью и внимательно разглядывает его.

В комнате было по-рассветному серо, за окном хлестал по крышам дождь. Первое, что он увидел, — глаза. Холодные, большие, синие глаза. Они смотрели на него требовательно, по-хозяйски. Около кровати стоял человек в кожаной куртке, щеголеватых бриджах и сапогах.

«Значит, ты и есть Данилов?»

Иван вскочил, сунул руку под подушку.

«Лежи, лежи. Пистолетик твой я забрал. Больно крепко спишь, уполномоченный. Фамилия моя Широков. Для ясности — поручик Широков».

Иван закрыл глаза и застонал от стыда и бессилия.

«Не надо нервничать. Ты же хотел меня увидеть? За этим из Москвы приехал? Смотри. Вот я весь», — Широков левой рукой снял фуражку.

Седой, большеглазый, худощавый, похожий на киноактера Альфреда Менжу, стоял он перед Иваном, поигрывая его именным маузером.

«Запомнил, уполномоченный? Прощай, братец!»

Иван увидел, как из черной пустоты ствола вырвалась бесконечно длинная огненная игла и ударила его в грудь, слева, там, где сердце. Потом уже хирург сказал ему: «На полмиллиметра повыше, батенька, и все».

Широков, Широков... Бандит, никогда не грабивший частных лиц. Только инкассаторов, сберкассы, налеты на транспорты с золотом.

Впрочем, он допустил несколько исключений из этого правила. Да. Точно. Грабеж церкви. В тридцатом, тридцать третьем и, если не ошибся, в тридцать седьмом, здесь в Москве, попытка... Церковь... Зяма-художник... Любопытно. Любопытно. Нет, погоди, при чем здесь Зяма? Какое отношение имеет газетный график к церкви? Вроде никакого? Но все же это версия... А может быть, Широков приходил к Зяме за документами? Нет. Не может быть. Зяма работал с артельщиками, а это совсем другой мир. Да и у Широкова есть люди для подобных дел. Другие люди. Совсем другие.

И тут почему-то Данилов вспомнил отца. Старик работал лесничим под Брянском. Последний раз он видел его два года назад. В июне. Ему дали отпуск, и они с Наташей поехали к старикам. В Москве накупили вина, икры, рыбы, сухой колбасы. Кучу никому не нужных подарков. Наташа всегда покупала самые неожиданные вещи: то часы с боем, возраст которых нельзя было определить, то прибор для сбивки мороженого, то духовой утюг.

Потом они со стариком бродили в лесу, и Данилов радовался, что вот какой у него отец крепкий еще. А он показывал сыну лес, словно знакомил с людьми, потом привел его на лесопитомник и показал двухлетние сосны, трогательные в своей беспомощности, похожие на молодую травку. Но все-таки это были сосны, и на них можно было сосчитать иголки. Все, до одной.

Здесь у питомника они выпили водки, которую отец захватил с собой. Пили по очереди из кружки, закусывая солеными крепкими огурцами. Остро пахла хвоя, и роса была холодная. Он собирал росу в ладони, слизывал языком, и ему казалось, что вместе с ней в него входит свежесть и сила. А старик сидел напротив, курил и молча улыбался.

Дверь распахнулась без стука, и в кабинет ввалился запыхавшийся Муравьев.

— Иван Александрович!

Данилов молча, выжидающие разглядывал Игоря.

— Иван Александрович, я...

— Ты пока еще помощник уполномоченного, а не начальник розыска. Уяснил?

— Уяснил.

— Так что из этого следует?

— Я, товарищ начальник, эту бабу «наколол».

— Так...

— Вы дайте мне ее взять и ордер для «шмона», а потом она расколется как орех.

— Так... — угрожающе произнес Данилов. — Ты кто, работник милиции или вор? Еще раз услышу — пять суток ареста. Сядь, воды выпей и докладывай по-человечески.

— Я узнал, кто эта женщина, — Игорь вздохнул.— Флерова Марина Алексеевна. Проживает на Делегатской.

— Понятно. Поедешь к ней. У меня пока версий определенных нет. Ясно одно — работа Широкова. Да, да. Не удивляйся, именно Широкова. Он жив. В разговоре с Флеровой нажми на церковь. Любые ее связи с церковью. Понял?

Когда Муравьев вышел, Данилов глубоко вздохнул и задумался. Ему опять предстоял сложный разговор с Мишкой Костровым.

— Ты меня слушай, Миша. Внимательно слушай. Ну кого ты боишься? Мрази, Резаного, бандита, бывшего поручика. Да он ведь даже и поручиком-то не был. Юнкер недоучившийся. Он чем силен-то, чем? Страхом твоим да других. А как его перестанешь бояться — он слаб становится, совсем слаб.

Молчание.

— Молчишь. На фронт пойти не боишься, а здесь... Здесь тоже фронт. Резаный не зря в Москве объявил-

ся именно тогда, когда немцы наступают. Ты пойми это, Михаил. Для нас Резаный такой же враг, как и немцы. Вот сегодня он человека убил. А тот человек на фронт ехал, драться ехал. Понял? Он еще многих убьет, если его не взять. Зачем он просил найти Пахома, как думаешь? Пахом мастер. Значит, Резаному инструмент нужен. А для чего? Ну, что молчишь? Боишься? Да... здесь тот же фронт!

— Я не боюсь, я о другом думаю...

— А, кодекс воровской чести? Нет его. У всех у нас один кодекс — гражданственность. По ней мерить свои поступки надо. Смотри, — Данилов подошел к карте. — Смотри, немцы вот уже куда пришли. Об этом подумай, а не о дружках своих бывших.

Зазвонил телефон: Данилова вызывал начальник МУРа.

Иван Александрович вошел в кабинет и остановился на пороге. Начальник сидел, закрыв глаза. Данилов осторожно кашлянул.

— Я не сплю, глаза просто устали. Заходи.

— Вы бы настольную лампу включили.

— Не люблю. Садись, Иван Александрович.

Спокойно, даже слишком спокойно, Данилов начал докладывать об убийстве в Армянском переулке. Начальник не перебивал. Он сидел, закрыв глаза, откинувшись на спинку кресла. Молчал, молчал все время. Даже тогда, когда услышал о Широкове.

Иван Александрович закончил доклад. В комнате воцарилось молчание, только старые часы в углу астматически хрипло отсчитывали секунды.

— Плохо дело, Иван, — начальник открыл глаза,— совсем плохо дело. Ты не ошибся?

— Точно он.

— Широков... Широков. Просто не верится. Неужели опять появился? Не забывай, что Широков не просто бандит. Это преступник с политической окраской. И если он появился в Москве в такое время, значит, это не просто так.

Начальник снова закрыл глаза. Часы в углу заскрипели и медленно, натужно начали бить. Раз... Два... Три... Четыре... Пять... Шесть... Семь... Восемь...

Потом они замолкли, и внезапно комнату наполнил чистый, светлый звук, будто где-то зазвенела тонкая струна.

Начальник улыбнулся:

— Слышишь? Вот за это их и держу... Приказываю. Создать группу по отработке версии Широкова. Старший — ты, твои помощники — Муравьев, Шарапов, Полесов. Будет трудно, подкину еще людей. О Широкове надо сообщить в госбезопасность.

Начальник поднял телефонную трубку.

ПОТАПОВ

«Ох грехи, грехи наши тяжкие. Время смутное, бесовское. Разбойное время!»

Отец Георгий шел привычной тропкой вдоль кладбища. Оно походило на город. Здесь были свой центр и своя окраина. В центре стояли внушительные часовни. Тут господствовали мрамор и золото. В центре этого города вечного покоя нашли последнее пристанище купцы первых двух гильдий, действительные статские советники, инженеры горные и путейские. Чуть поодаль — целый квартал занимали генералы и кавалеры орденов... Могилы военных украшали кони, барабаны, пушки, кивера.

Могилы артистов, художников, поэтов были легкомысленно украшены каменными и гипсовыми цветами, виньетками, палитрами и лирами. Этот квартал отец Георгий не любил. Особенно часовню поэта Есенина. Нередко приходили сюда пьяные любители изящной словесности. Пили водку, пели, плакали, писали на памятнике стихи. Особенно досаждал священнику студент Владислав Арбатский. Он почти каждую ночь приезжал и безобразничал. Но сейчас исчез, видимо, в армию забрали.

Каждый вечер отец Георгий гулял по улицам города печали. Он не боялся мертвых, он шел мимо могил, читал даже в темноте надписи на памятниках. Это были привычные для него люди. Привычны были и чины. Он словно видел их живыми: в мундирах, манишках, сюртуках дорогого сукна.

Дома отец Георгий аккуратно снял облачение, повесил его в шкаф на плечики, расправил складки тяжелой рясы. Затем он накинул на плечи расписной китайский халат и отправился в ванную. Подставляя под струи воды свое еще крепкое, холеное тело, он

покрякивал от удовольствия, притопывал ногами и довольно громко напевал невесть каким образом пришедшую на память песню своей бурной молодости. Собственно, слов той песни он уже не помнил, в голове вертелись лишь строчки: «Степь, пробитая пулями, обнимала меня...» Ее-то и напевал теперь отец Георгий в разных вариантах, и его красивый густой баритон доносился до кухни, где супруга, Екатерина Ивановна, готовила легкую закуску. Она покачивала головой, отмечая про себя, как это мирское столь быстро вытесняет у батюшки божественное.

Она была воспитана в строгой вере и с глубоким почтением относилась не только ко всему, имеющему непосредственное отношение к отправлению церковной службы, но строга была и непримирима и тогда, когда, как ей казалось, нарушаются устоявшиеся законы семейной добропорядочной жизни. Так было до ее замужества в тихом Тамбове, в отцовской семье. Ничто тогда не нарушало главного течения жизни — ни революция, ни последовавшая за ней война, ни разгул антоновщины. В степенной семье тамбовского иерея не было места революциям. Первое смятение пришло в образе крепкого, немногословного, хмурого мужчины, на лице которого бурное время оставило свой неизгладимый отпечаток: у него была прострелена щека, и он, когда волновался, слегка заикался и картавил. Судя по немногословным рассказам, жизнь потаскала его по городам и весям, приходилось ему бывать и заметной фигурой в политической игре, а нынче он решил отойти от политики и создать свое собственное гнездо, обратившись к богу.

Вместе с ним ворвались в жизнь Екатерины Ивановны и тревоги того времени. Отец и новый постоялец подолгу тихо беседовали за накрепко запертой дверью отцовского кабинета. Приходили к ним какие-то незаметные люди и так же незаметно исчезали. Но затем все вошло в свою обычную колею. Она привыкла к гостю, к преследующей ее хмурой улыбке и даже не удивилась, когда однажды он сделал ей предложение, а отец с легкостью благословил их. Как-никак, у гостя имелся довольно крупный капитал, и не в бумажках, а в довольно-таки твердой валюте. Видно, у мужчин была своя договоренность о будущем Екатерины Ивановны. Несколько позже благодаря отцу ее супруг

стал священником в подмосковном селе Никольском. Оттуда уж и перевели супруга в Ваганьковскую церковь.

Судьба складывалась удачно. Впереди, опять-таки благодаря старым связям отца и усердию новоиспеченного батюшки, открывались широкие перспективы на пути служения господу. Одно только смущало Екатерину Ивановну — вот это самое мирское, от чего никак не мог да, видно, и не хотел отказываться отец Георгий. Она вздохнула и понесла в столовую закуски.

Отец Георгий старательно расчесал старинным гребнем длинные волосы, бороду, слегка подправил усы и, еще раз внимательно осмотрев себя в зеркале, остался доволен. Вот уже к пятидесяти, а лицо свежее, без морщинки. И все оттого, что он умеет пользоваться жизнью. Никаких излишеств — и потому всегда в форме. «А если эта рука, — он вытянул руку, сжал и разжал кисть, — возьмет саблю, то ого-го! — мы еще посмотрим, кто сумеет устоять против славного потаповского удара».

Он закутался в халат, подпоясался шелковым шнуром и, сунув ноги в тапочки, отправился в столовую.

— «Степь, прошитая пулями...» — снова запел он, входя. — Н-ну, матушка, чем вы сегодня порадуете страждущего? — пропел он. — Посмотрим, посмотрим... — Он подошел к буфету, открыл дверцу и достал хрустальный, оправленный серебром графин. Открыл пробку, долго принюхивался к содержимому, потом крякнул и сказал: — Отменно, матушка. В самый раз настоялась! Заготовил для большого праздника, ну да уж господь простит, отведаю нынче.

Он выпил, смакуя, рюмку настойки, стал медленно закусывать, развалясь на стуле.

— Да, любезная Екатерина Ивановна, — продолжал он свою речь, — скоро, скоро наступит большой праздник для нас с вами. И достигнет известный вам отец Георгий высот немалых. И снова, как прежде, много скажет знающим людям имя Сергея Владимировича Потапова.

— Уж не собираешься ли ты, — сказала жена с усмешкой, — отойти от церкви? Мирское потянуло?

— Ну что ты, что ты! — засмеялся он. — Большие перемены грядут, и нам готовить к ним паству. От знающих людей слышал — готовятся серьезные перемены...

Этих перемен он ждал всю жизнь. Будучи человеком опытным, он сумел прикрыть свое прошлое такими одеждами, что, пожалуй, ни у кого, даже у его собственной жены, оно не вызывало сомнений.

Что знали о нем? Сергей Владимирович Потапов. Происходит из приказчиков. В свое время закончил школу прапорщиков. Мечта об офицерских погонах была у него, по существу, мечтой выбиться в люди. Однако карты, все заранее распланированное будущее смешала Октябрьская революция. Многие в ту пору слабо разбирались в нахлынувших событиях, не разобрался вовремя и он... Ушел на Дон, а после прихода в Ростов Буденного понял наконец, на чью сторону склоняется фортуна. Испугался расправы скорых на руку «товарищей» и ушел со старыми своими документами подальше, в глубинку российскую. Увидев, что новый порядок пришел надолго, если не навсегда, решил, что надо служить ему. Встретил на тернистом пути своих исканий добрых людей, те помогли ему найти дорогу. Оказалась та дорога служением богу. Вот, пожалуй, и все. Не ведая за собой особых грехов против Советской власти, он не считал даже необходимым сменить фамилию, что в двадцатые годы сделать было проще простого. Честность перед богом и собой — вот его основной принцип. Принципы уважают. Даже ошибаясь, можно рассчитывать на снисхождение. Его праведное настоящее искупало с лихвой ошибки незрелой молодости. Все почти так и было.

Но иногда, то ли под действием хмеля, то ли в предвидении наступающих потрясений, прорывалось в нем то, прежнее, томительно-сладкое желание «выбиться в люди». Нет, он не считал, что ему крупно не повезло в жизни, просто он готовил себя для иной, более возвышенной роли.

Все, что говорилось им на исповеди, — решительно все верно. И он не уставал это подчеркивать. Но была у Сергея Владимировича и вторая жизнь.

Было так. И школа прапорщиков, и мечта о погонах. В смутные дни между Февралем и Октябрем семнадцатого года вступил он в ударный отряд — ловил и пускал в расход дезертиров. В те дни носил на рукаве белый череп и трехцветную нашивку. Форма шла ему. После Октября перебрался на Дон, к генералу

Краснову. Вот там-то и состоялась памятная до сих пор встреча. Сергей Владимирович и сам роста немалого, но на барона фон Мантейфеля смотрел снизу вверх, смотрел с почтением и преданностью. Ротмистр фон Мантейфель был начальником разведки немецкого экспедиционного корпуса, и связи его со штабом генерала Краснова оказались довольно-таки тесными.

Ему не давали сложных или трудновыполнимых поручений. Так, по мелочам. Но платили исправно, с немецкой щепетильностью. Война есть война, и вскоре капитан Сергей Владимирович Потапов за храбрость и особое усердие был представлен к офицерскому Георгию, который получить так и не успел. Может быть, в память об этой первой награде и изменил имя, став отцом Георгием. У него был, как говорили, очень уравновешенный и спокойный характер. Никто, пожалуй, в контрразведке не умел так чисто проводить допросы. И, в конце концов, кто-то же должен был заниматься черновой работой. Он отменно делал допрашиваемым «маникюр», то есть загонял под ногти иголки, добивал уже не нужных пленных. Разумеется, не у всех его работа вызывала сочувствие или просто элементарную приязнь. Находились такие, что и здоровались с брезгливым равнодушием. Однако своим трезвым, практическим умом он не одобрял подобных интеллигентов и внутренне презирал их за слабость и неустойчивость характера. Может быть, потому и крушение Деникина воспринял спокойно, без трагедии, не пустил себе в отчаянии пулю в лоб, а вместе с напарником, вахмистром из юнкеров Широковым, тоже основательно «запачканным» в контрразведке, подался в среднюю Россию, к людям таким же спокойным и основательным. Еще в прежние времена он не стремился особенно попадаться на глаза начальству, не лез в герои, оттого, наверно, и остался незамеченным.

На Тамбовщину попал в трудное время. К счастью своему, не послушался Широкова и к эсеровскому мятежу не примкнул. Он рассудил, что теперь не время участвовать в делах сомнительных и недолговечных. Пора пришла оседать в жизни крепко и надолго, благо какой-никакой, а капиталец имелся. По новым временам полагалось вести себя тихо, как мышь. Он помнил совет отца: мышь сперва норку прогрызет, малень-

кую дырочку, а уж потом начинает туда сахар таскать. Главное, проделать дырочку...

И Потапов нашел свою норку. Он не терял связи с бывшим сослуживцем — мало ли что может случиться! — но и не афишировал своего знакомства.

Он уже стал забывать свое прошлое, но оно само напомнило о себе. В Никольском это было. Исповедовал приезжего человека. Дело было привычное. А тот возьми да и скажи, мол, нет ли у вас, батюшка, маленькой дырочки вот тут, и показал на правую щеку. Потапов машинально схватился рукой за бывшую рану, что скрыта была бородой. Спросил враз охрипшим голосом, откуда ведомо про то незнакомому человеку. Тот тихо улыбнулся и попросил батюшку уделить ему несколько минут там, где сам считает возможным. Потапов пригласил незнакомца к себе домой. Жены не было, они остались вдвоем.

Да, прошлое возвращалось. А, собственно, почему он думал, будто о нем забыли? Какие у него на то были основания?

А рану эту Потапов получил во время одного из свиданий с бароном. Кто-то стрелял из темноты. Потапов потом с месяц провалялся в госпитале, кормили черт те чем, прости господи. Щека долго не заживала. Барон шутил, что отныне эта метка и станет паролем. Вечным паролем. Хмуро шутил барон.

Незнакомец оказался необщительным человеком, отказался от обеда, даже рюмочки предложенной не принял. Передал довольно толстую пачку денег и бумажку, где было написано лишь одно слово: «Жди».

Потапов начал осторожно выяснять, от кого, мол, подобное благодеяние и не употребить ли его на церковные нужды. Незнакомец усмехнулся, оглядел вполне приличное жилье Потапова и наконец сказал, что деньгами батюшка может распоряжаться по своему усмотрению, на них ничего не написано, однако их общий знакомый, который никогда не забывал одного драматического вечера — тут незнакомец снова ткнул себя пальцем в правую щеку, — полагает что святой отец сам найдет этим деньгам нужное применение.

— Это уж не высокий ли такой? С седыми висками? — снова допытывался Потапов.

— Может быть, и он, — уклончиво ответил посетитель.

Они распрощались, и больше Потапов его никогда не встречал и никаких известий ни от кого не получал. Было то в тридцать четвертом году. Считай, семь лет назад. И стал он ждать.

Потапов решил: пока суд да дело, не лежать же деньгам без пользы. Дал нужному человеку. Процент положил небольшой, чтобы убытку не терпеть. Так и пошло. От того верного человека пришел посыльный, принес кой-чего по мелочи, в основном золотишко. Оно удобно — много места не занимает. Опять-таки приход был у отца Георгия не очень богатый, надо было думать и о будущем. В общем, организовалось небольшое, но верное дело. Божий человек приносил под покровом ночи привет от общего знакомого, а отец Георгий принимал дары по установленной цене, иногда ссужал деньгами в счет будущих дел...

Отец Георгий потихоньку попивал свою настоечку, а в голове его бродила фраза из старого романса, что так любили петь молодые офицеры, заливая свою безумную тоску неочищенным самогоном: «Степь, прошитая пулями, обнимала меня...»

Настоечка подходила к концу, и минорное настроение отца Георгия откровенно усиливалось. Уже Екатерина Ивановна не раз напоминала, не пора ли отдохнуть от трудов праведных, однако батюшка и не думал отрываться от графинчика. Время от времени он поднимал указательный палец и бормотал: «Перемены», потом он сказал: «Смоленск» — и почему-то с пафосом продекламировал: «Гибнет русская земля под пятою супостата» — и усмехнулся. Матушка осуждающе покачала головой:

— Ох, отец, не доведет тебя твой язык до добра. Эк наклюкался! Бога ты не боишься. Шел бы в постель от греха...

— Не боюсь греха! — снова заговорил отец Георгий. — Великие перемены грядут! Великие... Русь велика, и никакие бароны... — он осекся. — И впрямь пора на отдых. Ко мне нынче божьи люди не приходили? — спросил осторожно.

— Да коли и придут, как ты беседовать-то станешь в этаком-то виде?

— Божьим словом, мать, божьим словом...

— Эк тебя развезло, — сочувственно сказала жена,

заботливо поддерживая мужа. — Поди десятый час уже. Обопрись-ка на меня, провожу.

Халат на отце Георгии распахнулся, тапочки он забыл под столом. Покачиваясь, пошел он в спальню, рукой отстранил жену, сказал:

— Если кто придет, зови без промедления. Времена нынче тяжелые, доход уменьшается. Ко всему надо быть готовым. Так что сразу буди. Нынче каждое божье слово...

У себя в комнате отец Георгий прилег не раздеваясь. Пошарил в кармане и вынул часы с боем. Надавил на кнопку. Куранты проиграли восемь раз. Спать не хотелось. Потапов лежал и думал. Думал о том, что вчера опять заходил Широков. Он вспоминал перекошенное ненавистью лицо бывшего сослуживца, его свистящий шепот.

«Надо сдерживать Андрея, сдерживать, — напылит, настреляет... Подымет шум — и конец».

Потапов встал с постели, зажег свечу, подошел к письменному столу. Пошарил пальцами сбоку тумбы, нажал на деревянный завиток, и тумба повернулась обратной стороной. В ней давно еще сделал он секретный шкаф. Сунул в него руку и вытащил вороненый офицерский наган, самовзвод с укороченным стволом.

Потапов бережно положил его на стол. Свет свечи заиграл на черном масленом стволе. И показалось вдруг Потапову, что где-то далеко зацокали копыта лошадей и снова песня грянула, лихая, с присвистом: «Степь, прошитая пулями, обнимала меня...»

В окно постучали резко и требовательно. Отец Георгий встал, сунул наган в карман брюк, дунул на свечу. Потом подошел к окну и поднял светомаскировочную штору.

За темнотой стекла еле различалось светлое пятно человеческого лица.

— Кто? — спросил Потапов.

— Мне бы отца Георгия.

— Это я буду.

— Пусти, отче, с приветом я от старого друга твоего из Ростова.

Потапов похолодел. Неужели вспомнили? Но мало ли кто может ходить под окнами ночью?.. Правой рукой нащупал наган в кармане, левой распахнул окно.

— Ну что, отец Георгий, в дом не зовешь? Или боишься?

— Святость моя, уважаемый гражданин, оберегает меня от лиходеев. А в дом приглашу...

Они сидели за столом. Потапов внимательно разглядывал позднего гостя. Только что тот положил перед ним половинку креста — условный пароль с тех далеких лет.

Гость от выпивки отказался, зато ел жадно.

Потапов смотрел на него и думал, что в лице незнакомца есть что-то собачье, тяжелая нижняя челюсть, что ли...

Наконец гость отодвинул тарелку, закурил, блаженно откинувшись на стуле.

«Сейчас начнется главное, сейчас», — понял отец Георгий. Что принес ему визит этого человека? Об этом он не знал. Ясно было одно: окончилось, навсегда окончилось спокойное житье, с домашними настоечками и соленьями... И Потапову вдруг стало страшно. Он вспомнил бешеный грохот копыт по улицам Ростова, всадников в островерхих шлемах. Матово-блестящие шашки. Пальцы его до сих пор помнили неподатливую упругость срываемых с кителя погон.

— Боитесь?

Отец Георгий похолодел: гость словно читал его мысли.

— Нет, не боюсь.

— Так вот, святой отец, наступило время действия.

Потапов истово перекрестился.

— Вы должны помочь нам. Подполковник фон Мантейфель надеется, что именно вы сделаете это.

— В чем же помощь моя выразиться должна?

— У вас есть связи с уголовным миром...

— Какие там связи...

— Есть. Мы знаем точно. Надо создать хорошо вооруженную группу. Ее задача — сеять панику, грабить магазины, ночами, во время бомбежек, подавать сигналы ракетами. Помните: грабеж, ракеты, слухи — это все должно создавать панику, деморализовывать большевиков. У армии, защищающей Москву, не должно быть прочного тыла. И еще одно. В городе много ценных произведений искусства: картины, скульп-

туры, чеканка, церковная утварь, иконы. Все это, безусловно, начнут эвакуировать. Помешать!

— Как же мы сможем? Ведь в одной Третьяковке да в Музее изобразительных искусств сколько ценностей!..

— А я и не прошу все. Что сможете. Вы священник, вот и займитесь церковными делами.

— Ну, если так... — протянул Потапов. А мысли его работали уже с лихорадочной быстротой.

Откуда немцам знать о церковных ценностях? Взять их самому, а в одной только Николе на Песках — на многие тысячи. Покупатель всегда найдется.

— Вы задумались. Что, задание слишком сложно?

— Да, не легко. НКВД свирепствует. А люди... Сами знаете, люди деньги любят. Откуда они, деньги-то, у бедного священника?

— С этого и надо начинать. Деньги, оружие, ракетницы, ракеты получите сейчас же. Пойдемте со мной.

Гость встал. Потапов вслед за ним вышел на улицу, и они отправились к кладбищу. Отец Георгий подивился, как хорошо этот человек знает все аллейки и тропочки. На окраине города мертвых гость подошел к полуразвалившейся часовне, открыл дверь. В лицо пахнуло сыростью и плесенью.

— Здесь!

Незнакомец зажег карманный фонарь. Пошарил лучом. Тонкая полоска света пробежала по выбитым кирпичам и остановилась в углу, на куче камней.

— Помогите-ка мне, — гость отодвинул камни. Под ними были два чемодана.

Потапов с трудом поднял один. Чемодан оказался очень тяжелым.

— Пошли.

На этот раз тишина над кладбищем казалась Потапову зловещей. Кресты и могильные камни могли обернуться засадой.

— Ну что вы стоите! — недовольно бросил гость.— У меня мало времени, пошли!

— Погодите...

Тихо. Только слабый ветер чуть слышно перебирает листву деревьев над головой.

— Боитесь? — Потапову показалось, что гость улыбнулся.

— Нет.

— Пошли!

Они шли быстро, не останавливаясь. Только войдя в калитку и поставив на землю оттянувший руку чемодан, Потапов облегченно вздохнул: пронесло.

— Теперь слушайте меня внимательно...

Незнакомец не успел кончить фразы. Где-то совсем рядом пронзительно взвыла сирена. Ей откликнулись паровозы на Белорусском. Тревога! Город к ним уже привык. Почти каждый вечер репродукторы на минуту замолкали, а потом бросали в настороженную тишину: «Граждане, воздушная тревога!» Но через некоторое время по радио давали отбой, и люди спокойно расходились по домам. Тревоги в Москве стали такой же обыденностью, как стекла, крест-накрест заклеенные бумагой, маскировочные шторы на окнах, неосвещенные трамваи и троллейбусы по вечерам.

Но на этот раз все было иначе. На небе сошлись белые лучи прожектора. И вдруг где-то совсем рядом ударил, захлебываясь, пулемет.

— Налет! — гость схватил Потапова за руку. — Скорее!

Он рванул замок чемодана. Наконец крышка открылась, и отец Георгий увидел длинные, похожие на патроны к охотничьему ружью, гильзы. Поверх них лежали большие черные пистолеты.

— Берите один. Пользоваться ракетницей умеете? Прячьте чемоданы! Пошли!

Они бежали через кусты, по могилам. Сучья били их по лицу, под ногами путалась трава и цветы. Вдруг гость, ломая кустарник, тяжело рухнул на штакетник могильной ограды.

— О... ферфлюхте людер! — выругался он сквозь зубы и сразу же вскочил на ноги.

Немец. Точно, немец.

Они остановились у забора кладбища.

— Где железная дорога? — хрипло спросил гость.

— Вон там, — Потапов протянул руку.

Гость переломил ракетницу, вставил патрон и выстрелил в указанную сторону.

Ракета рассыпала зеленый огонь почти над самым Белорусским вокзалом...

Данилов ушел к начальнику, а Мишка разыскал в полумраке жесткий деревянный диван. Ох как хорошо он был знаком Кострову! Каждый раз, когда его приводили в МУР, он ожидал допроса на этом диване.

Синие лампочки почти не освещали коридора. Изредка мимо Мишки проходили сотрудники управления. Лица их он не различал, а они просто не видели его. До Кострова доносились обрывки разговоров. И разговоры эти были деловиты и тревожны. В этом коридоре только он один оказался лишним и чужим для этих невероятно загруженных людей.

Утром этого дня, придя на Петровку, он еще толком не знал, о чем будет говорить с Даниловым. Когда ночью к нему пришел Лебедев и, цыкая после каждого слова больным зубом, подмигивая и усмехаясь, передал Мишке приказ Резаного, Кострова охватил ужас. Нет, он сам не боялся Широкова, хотя знал, что шутить с этим человеком не рекомендуется. Он испугался за жену и дочь.

Полтора года назад Мишка вернулся из тюрьмы и, не заходя домой, поехал к Данилову.

— А, это ты, Костров, — сказал Иван Александрович так, будто не было долгих двух лет после их последней встречи. — Ну заходи, заходи. Давно в Москве?

— Только с поезда.

— И, значит, сразу ко мне.

— Значит, сразу к вам.

— Просто так или дело какое есть?

— Есть у меня дело, — сказал Мишка, — есть. Специальность в лагере получил. Знатную специальность — дизелиста. Поэтому желаю дальше работать именно по этой специальности, а не по какой-нибудь другой.

— Так, — сказал Данилов, — так, Миша. Значит, сам понял, что нельзя по-старому жить. Значит, нужно тебя на работу устраивать.

Мишка тогда ничего не сказал Данилову. А сказать хотелось очень многое. Пять последних месяцев он готовился к этому разговору, продумал его до мельчайших подробностей, а, придя, сказал всего несколько слов. То многое так и осталось в подтексте их бе-

седы. И оба поняли это. Уж слишком давно они знали друг друга.

Мишкина жизнь складывалась нелепо и недобро. Она могла развиваться до конца по стереотипу многих таких же жизней, начавшихся в годы послевоенной разрухи. Беспризорщина, воровство, домзаки и колонии. Но ему повезло: он встретил на своем пути человека, перед которым всегда стоял светлый пример Феликса Эдмундовича Дзержинского. Данилов тоже твердо верил, что нет неисправимых людей.

Через десять дней Мишка работал дизелистом в экспедиции, которая искала в Подмосковье артезианские скважины. Работа была веселая, кочевая. С апреля по ноябрь в поле. А зимой приходилось тяжеловато. Нет-нет да и навестят старые дружки. Однажды Мишка чуть не сорвался, когда Володька Косой стал, смеясь, упрекать его в трусости. Но все же выдержал...

И вот сейчас, сидя в темноте, Мишка вспомнил всю свою прошедшую жизнь, которая, кроме этих последних лет, состояла из драк, пьянок и была насквозь пронизана страхом наказания.

Приход Лебедева он воспринял как возвращение к прошлому, и понимал, что, став теперь другим человеком, он не сможет жить так, как жил раньше. Но вместе с тем в нем слишком прочно сидело уважение к воровским законам. Порвав со старым, он всегда помогал чем мог бывшим дружкам и никогда не говорил никому то, о чем знал.

Данилов просил его помочь. В чем заключалась эта помощь, Костров прекрасно понимал. Он должен сделать что-то, что поможет поймать Резаного. А не значит ли это предать? Предать человека, о котором рассказывали легенды в воровских притонах, тюрьмах и лагерях. Мишка хорошо знал Широкова. Когда-то ему нравился этот человек, он даже старался подражать Резаному. Так же щегольски одевался, старался как можно реже материться, так же веско и спокойно говорил с людьми. Но Мишка знал и другого Широкова. Знал его жестокость, невероятную жадность, когда дело доходило до дележки «прибылей». Никто так не обдирал компаньонов, как он.

Костров прекрасно понимал, что Широков просто сволочь, прекрасно понимал, что именно такие, как он, испортили ему жизнь. Но предать...

И хотя он порвал со старым, но в глубине его души жила еще инерция прошлого. Вместе с тем его просил Данилов. Человек, который для него сделал очень и очень много. Мишка вспоминал толпы у военкоматов, вокзальные перроны, у которых стояли готовые к отправке поезда с бойцами... Вспоминая все это, он ощущал свою ненужность и беспомощность как раз в тот момент, когда он хотел быть полезным. Данилов просил его помочь, и если он согласится на это, то немедленно станет нужным и полезным.

Надо думать, надо решать.

Он не знал, сколько просидел в коридоре почти в полузабытьи. Мимо, как обычно, проходили люди, но на этот раз Костров не видел их — он думал.

— Ты, никак, спишь, Михаил! — вывел его из забытья голос Данилова. — Чего это ты, брат? Заходи.

Они снова сидели на тех же местах, будто и не выходили из этой комнаты. Сидели и говорили о вещах, не имеющих отношения к недавнему разговору. Данилов внимательно следил за собеседником. Мишка был рассеян, отвечал невпопад — он думал.

— Ну что решил, Миша?

Костров вздрогнул, он больше всего боялся этого вопроса.

— Так что же ты надумал, Костров?

— Иван Александрович, — Мишка вздохнул, — помогите на фронт, а...

— Значит, не надумал. А я, между прочим, за тебя перед начальником МУРа поручился.

— А он что?

— Теперь это уже малоинтересно. Ну, давай твой пропуск.

— Значит, домой мне?

— А куда же еще?

— Но ведь там...

— Боишься, значит? Ничего, ты Резаному помоги, он тебя не тронет.

— Да как же так? — крикнул Мишка. — Я же честно жить хочу, а вы говорите — помоги. Помогу, а меня к высшей мере!

— Честно, говоришь, жить хочешь? — Данилов обошел стол и подошел вплотную к Мишке. — Честно? А ты знаешь, что любой честный гражданин обязан помогать органам следствия? Молчишь? Половинчатая

у тебя честность. И вашим и нашим. Нет, Костров, человек обязан решить для себя — с кем он. Посредине проруби знаешь что болтается?.. Если ты с нами, значит, должен и бороться за наше дело. Середины здесь нет. Понял? А ты, я вижу, больше всего Резаного боишься.

— Я не боюсь. Он придет, я с ним знаете что сделаю!

— Ничего ты не сделаешь. У него наган, а у тебя? Ты лучше сделай так, чтобы мы с ним что-нибудь сделали.

Внезапно за окном пронзительно и резко закричала сирена, та, что на крыше здания МУРа. Потом голос ее слился с десятком других. Над городом поплыл протяжный басовитый гул.

— Опять тревога. — Данилов погасил лампу на столе, поднял штору светомаскировки. — Что такое? Гляди, Костров!

Над городом ходили кинжальные огни прожекторов. Внезапно два из них скрестились, и в точке встречи заблестел корпус самолета. Захлебываясь, ударили с крыш зенитные пулеметы, глухо заухали зенитки.

Налет. Вот оно. Немцы над Москвой.

Данилов забыл о Кострове, он забыл вообще обо всем на свете. Он видел только небо, рассеченное прожекторами, на котором, словно красные цветы, вспыхивали разрывы снарядов.

Где-то над крышами домов занялось зарево.

— Что это? — спросил Костров. — Что это, Иван Александрович?!

— Это город наш горит, Миша. Вот и в Москву пришла война.

А зарево разгоралось все сильнее. Горело где-то недалеко, в районе Трубной. Отчаянно звеня, пронеслись туда пожарные машины. В кабинете стало светло. Зыбкий розовый свет выхватывал из темноты лица, словно выкрашенные желтой краской.

Данилов взглянул на Кострова. У того дергало щеку.

— Иван Александрович, — хрипло сказал Мишка, — я помогу. Сделаю все, что нужно будет.

— Вот эта квартира. Здесь и живет Марина Алексеевна.

— Спасибо, мамаша. Вы не беспокойтесь, она мне рада будет, — сказал он, твердо глядя в подозрительные старухины глаза.

— Ну, если так...

— Только так и никак иначе.

Старуха отошла, еще раз подозрительно оглянувшись. Бог его знает, кто такой. Здоровый байбак, одет ничего себе, может, и впрямь родственник.

Игорь сел на скамейку у крыльца. От цветов в палисаднике шел терпкий, дурманящий запах.

«Почти как на даче, как в Раздорах».

Там эти же цветы росли у самого крыльца и так же дурманяще пахли вечерами. Когда-то они казались ему огромным пушистым ковром. И дача казалась огромной, и даже скамейка. Но с каждым годом они становились все меньше и меньше. Дача уже не представлялась такой большой — обыкновенный одноэтажный домик. Он понял, что сам вырос, а все осталось прежним.

Последний раз он был на даче летом тридцать девятого. Ах какое это было лето! Рано утром они втроем: Коля, Володя и он, уезжали на велосипедах на Москву-реку, купались до одури, валялись на траве, курили. Курили вполне легально, и именно это было особенно приятным.

После обеда ходили на окраину поселка, на дачу инженера Дурново, где была волейбольная площадка. Веселая это была дача. Сам инженер почти все время находился в отъезде — строил мосты. Его жена Александра Алексеевна хотя была дама в возрасте, но молодежь любила очень и сама играла в волейбол.

Вечером они сидели на скамейке у водокачки и пели о том, как юнга Биль дерется на ножах с боцманом Бобом и о «стране далекой юга, там, где не злится вьюга...»

А рядом со скамеечкой был забор, и за ним тоже тонко и волнующе пахли цветы, и за этим забором жила Инна.

Они вместе росли на даче, вместе катались на ве-

лосипедах и вместе играли в волейбол. И только в этом году он увидел ее словно впервые, будто не было до этого пяти долгих лет. Увидел, что у нее тонкая, легкая фигура, золотистые волосы, вздернутый нос и родинка над верхней губой.

При ней ему хотелось еще лучше играть в волейбол, еще быстрее гонять на велосипеде. Хотелось выдумывать необычайные истории или спасти ее от хулиганов. Почему-то, играя в волейбол (если они попадали в разные команды), он старался «погасить» мяч именно на нее, обогнать рискованно, прижав к забору, на велосипеде, обрызгать водой на купанье. Да мало ли что тогда могло прийти в голову!

Однажды он заметил, что, приезжая из Москвы, на станции он всегда встречал ее. Как-то они пошли со станции совсем в другую сторону, мимо дач, мимо заборов, через шоссе, к лесу.

Они шли и молчали, только иногда касались друг друга горячими руками. Он задержал ее руку в своей, и она не отняла ее. Потом он целовал ее теплые шершавые губы, и она целовала его неумело, как целуются дети.

Она говорила все время: «Игорек... милый... Игорек». С того дня они каждый день встречались на той же полянке. Инна бежала к нему, и у него холодели руки от нежности.

В Москве они встречались реже, но все равно часто. Ходили в кино, на каток. И у них было свое парадное, в котором они целовались...

И сейчас, увидев цветы, уловив запах того далекого лета, Игорь вспомнил Инку и пожалел, что не позвонил ей. Он даже знал, как она ждет его звонка. Забирается с ногами на красный большой диван в своей комнате, читает и ждет. Ветер из окна шевелит ее волосы, она смешно дует на них, если они падают на лоб.

Но как он может позвонить, что сказать?.. Все ребята уходят на фронт, а он...

Игорь сидел на лавочке, слушал, как дребезжат стекла на улице, и думал об Инне. Постепенно наступила ночь. И она была особенно заметна, эта военная ночь, так как оконный свет не разгонял темноты.

Игорь закурил, на секунду ослепнув от вспышки

спички. Лишь только глаза привыкли к темноте, он увидел перед собой старичка с противогазом через плечо.

— Сидите, значит? — вкрадчиво спросил он.

И от одного его голоса у Игоря стало муторно на душе. Он понял, что ему ни за что не отвязаться от этого почтенного ветерана домоуправления и что придется доставать и показывать удостоверение, чего совсем не хотелось.

— Сижу, папаша, — все же бодро ответил Игорь.

— Курите?

— Курю.

— Знаете, на каком расстоянии виден с воздуха огонь зажженной папиросы?

Игорь вспомнил плакаты, которыми было обвешано муровское бомбоубежище, твердо сказал:

— Знаю, — и тут же погасил окурок.

— А документы у вас есть, что вы родственник Флеровой?

«Все же настучала вредная бабка», — подумал Игорь и ответил:

— А зачем документы, папаша, я разве на нее не похож? Многие говорят, что очень.

— Мне ваше сходство устанавливать некогда...

— Папаша!..

Игорь не успел договорить. От калитки процокали каблуки. Подошла женщина. Муравьев не мог хорошо разглядеть ее в темноте. Он только видел, что она по-мальчишески стройна и высока.

— К вам родственник, гражданка Флерова, — проскрипел ехидный дежурный.

— Ко мне? — Голос был низкий, чуть с хрипотцой.

«Курит, наверное», — подумал Игорь.

— Я к вам, Марина Алексеевна.—Муравьев встал.— Может быть, в дом пригласите?

Женщина открыла дверь и остановилась на пороге, приглашая:

— Прошу, родственник.

Осторожно пройдя темную переднюю, Игорь вошел в комнату. Он слышал, как хозяйка опускала шторы на окнах, потом щелкнула выключателем. В углу засветилась причудливая лампа: бронзовая женщина держала за стебель цветок лотоса. Зеленый мертвенный свет заполнил комнату, увешанную картинами.

3. Заказ № 3884

— Ну, я вас слушаю, родственник, — Флерова взяла тонкую папиросу.

«Латышская», — отметил Игорь.

— Так что же?

— Я уполномоченный Московского уголовного розыска, — прибавив себе одно звание, сказал Игорь. доставая удостоверение.

— Так, — сказала Флерова, — любопытно.

И по тому, как у нее дрогнуло что-то в глубине глаз, как нервно пальцы начали перебирать спички в коробке, Игорь понял, что она чего-то боится. И тут само сердце подсказало ему нужное, вернее, единственное решение. Возможно, что именно в этот момент в нем родился следователь.

— Ваш друг убит.

— Зяма? — почти крикнула Флерова.

«Вот оно, начало!» По спине Игоря поползли мурашки.

— Почему вы подумали о нем?

— Я не...

— Отвечайте! Ну! Быстро!

Пауза.

— Разве у вас один друг?

— Зяма собирался на фронт...

— Не лгите, вы знали, что он в Москве, он сегодня вечером должен быть у вас.

— Я...

— Говорите правду.

И тут случилось неожиданное. Флерова заплакала. Громко, навзрыд. Этого Игорь никак не мог предугадать. По дороге сюда он ожидал чего угодно: лжи, запирательств, сопротивления, наконец, но только не слез.

А женщина продолжала плакать. Игорь налил воды в стакан, протянул ей.

— Хорошо... Я скажу... Я все... сама... — говорила Флерова, стуча зубами о край стакана.

— Собирайтесь.

И тут где-то совсем рядом раздался отрывистый и басовитый звук. Он на секунду наполнил комнату и стих. Но вслед ему спешил второй, третий. Зазвенело окно, тонко-тонко. Где-то на улице ударил пулемет. И вдруг — страшный грохот. Со звоном рухнула рама. Погас свет.

Игорь подбежал к окну. На небе, в лучах прожекторов, лопались белые разрывы зенитных снарядов.

Налет! Первый настоящий налет!

— Марина Алексеевна, — позвал Игорь.

И вдруг он понял, что Флеровой в комнате нет.

Натыкаясь на мебель, опрокинув что-то, Игорь выскочил на крыльцо. Двор был пуст. Улицу заливал мерцающий мертвенный свет. Она стала неузнаваемой. Метрах в ста он увидел бегущую женщину.

Она!

— Стой! — крикнул Игорь. — Стой, стрелять буду! — Он выхватил наган и побежал. Под ногами противно хрустело стекло. И вдруг нога поехала в сторону, он тяжело упал на тротуар. Левую руку обожгло, но Игорь видел только Флерову, которая вот-вот скроется за углом.

— Стой! — еще раз крикнул он и выстрелил в воздух.

Из-за угла навстречу Флеровой выскочил милицейский патруль. Один человек остался возле нее, другой подбежал к Игорю.

— Все в порядке, — сказал Муравьев, — я из МУРа, помогите доставить задержанную.

ФЛЕРОВА

— У вас есть только одна возможность, — Данилов встал, прошелся по комнате, — одна возможность— правда.

Флерова молчала. Она словно окаменела с той самой минуты, когда ее ввели в управление.

— Вы слышите меня? Я понимаю ваше состояние. Но хочу напомнить: время военное, и закон строже вдвое. Помните, суд всегда принимает во внимание чистосердечное признание. Я уйду, а вы посидите, подумайте.

Она осталась одна.

Вспышка энергии, вызванная страхом, заставившим ее бежать из квартиры, сменилась сначала истерикой, когда ее вели по темному Каретному ряду, потом полной апатией.

На столе рядом с ней лежала пачка «Казбека» и спички.

Она взяла папиросу, попробовала прикурить. Не получилось. Спички ломались одна за другой. И только тогда Марина увидела, что у нее дрожат руки. Она, словно слепая, вытянула пальцы перед собой.

Дрожат. Но почему? Что она сделала плохого? Что? Нет, так не годится. Почему этот человек говорил о суде? Судят убийц, шпионов, воров. Она же ничего не украла. Не убила никого... Зяма убит. Но при чем здесь она? Она, конечно, расскажет. Как познакомилась с этим человеком... Пускай его приведут сюда... Все по порядку. Вот бумага, ручка. Она напишет. Сама напишет...

А где-то в глубине памяти ожили слова: «... суд всегда принимает во внимание чистосердечное признание».

Этот день был особенно длинным. Солнце закрыла светлая пелена. Батуми ждал дождя. Одуряюще и терпко пахли цветы. Воздух стал влажным и липким.

Она утром поругалась с Зямой. Просто так, от нечего делать. Ей не хотелось больше жить в этом городе, есть в душных шашлычных, пить кофе на набережной и ждать дождей. Она хотела уехать в Сочи. Увидеть знакомых, начать привычно-веселую, безалаберную ночную жизнь. Ей мучительно не хватало сплетен и новостей, элегантных поклонников, преувеличенно дружеских объятий знакомых киношников.

— Уезжай, если хочешь, — сказал Зяма, — я не поеду. У меня здесь дела. И потом, неужели я не имею права один месяц в году не видеть пьяных рож твоих знакомых?

У него действительно были дела. Он приехал к старику-чеканщику. Зяма хотел написать о старом мастере для журнала и поучиться у него искусству чеканки. Зяма уходил к нему рано утром и возвращался домой только под вечер. От него пахло кузницей, раскаленным металлом и углем.

Марина отчаянно скучала. Поначалу она ходила с Зямой к старику. Искренне восхищалась тяжелыми барельефами и изящными тарелками, пила терпкое вино и ела тягучий сыр сулугуни. Потом ей наскучило все это: и чеканные фигуры на меди, и ласковый, улыбчивый старик, и вино.

Ей надо было встречаться со знакомыми, обяза-

тельно заниматься чужими делами, ночи напролет спорить об искусстве.

— Ты говоришь, что любишь искусство, — сказал Зяма. — Оно вот — рядом с тобой, настоящее искусство, а не треп о нем. Ты никогда не станешь хорошим художником — ты слишком много говоришь об этом. А творчество — это молчание. То, что в тебе и что всегда страшно вынести на люди, так же как и любовь.

— Ты на себя погляди. Тоже мне художник — из бывших каторжников!

Сказала — и сразу же пожалела. Зяма стоял бледный, только пальцы судорожно перебирали кисточки, которые сушились на подоконнике.

— Да, я сидел. Но там я работал. Был бригадиром взрывников. Я строил канал, и у меня кончился срок, но я остался рвать гранит для канала еще на полтора года. Я только там понял, что такое творчество и каким должен быть художник. Он должен быть достойным великих свершений людей, тех самых каналов и строек. Иначе он просто лишний.

Потом он взял свой чемоданчик и ушел к старику. А она осталась.

«Нехорошо, — подумала Марина, — нехорошо, что я так его обидела. Он добрый. Он же единственный человек, который меня ни разу не обидел. Ведь сколько ухаживал и ждал! Не то что другие. У тех одно: в ресторан, выпить, а потом — в постель. Нет, зря я его так... Зря». Но ничего, вечером она «залижет раны»... Возьмет у него деньги, на неделю смотается в Сочи.

Теперь, когда было найдено компромиссное решение, Марина успокоилась. И хотя она точно знала, что не вернется больше в Батуми, ей все равно приятно было думать о том, что она непременно приедет сюда через неделю. И Зяма будет ее встречать, и лицо у него будет добрым и радостным. От этих мыслей стало хорошо на душе, и она пошла на набережную в кофейню перекусить.

Пока смуглолицый толстоусый официант, похожий на разбойника, не принес ей вино и купаты, она все думала о том, кого встретит в Сочи и как там обрадуются ее приезду.

— У вас свободно?

— Да, — ответила она и подняла глаза.

У столика стоял высокий седой человек. Потом, когда он сел, она заметила шрам на лице и орден на лацкане светлого пиджака.

Некоторое время они сидели молча. Потом разговорились. И опять Марина стала прежней, московской Мариной: в меру кокетливой, в меру грустной и остроумной. Ее нового знакомого звали Вадим Александрович или просто Вадим. Он — ленинградец. Полярный летчик. Марина почувствовала, что ее понесло. Так всегда начинался у нее очередной роман. После завтрака они гуляли по набережной, потом зашли на квартиру к Вадиму (у его хозяина чудная маджарка)...

Днем они уехали в Сочи. Марина едва успела собрать вещи и написать записку.

В Сочи все было так, как она думала. Шумно, весело, безалаберно. Знакомые артисты, режиссеры, писатели. Но был еще и Вадим. Ей нравилось бывать с ним на людях. Летчик, герой. «Мужик на зависть».

А он был сдержан с ее знакомыми. Сдержан, но щедр. Только когда Вадим садился играть в карты, он становился совсем другим. Глаза его были пусты и холодны, лицо приобретало странное, охотничье выражение.

— Он настоящий мужчина, — говорили ей приятельницы, — любит риск. Видишь, какое у него лицо?

Вадим никогда не проигрывал и не прощал долги.

— Это дьявол, а не человек, — говорили о нем.

Под утро, когда они оставались вдвоем, Марина жадно обнимала его. Он был крепок, как спортсмен-профессионал. Она рассказывала ему о себе, о Зяме... Рассказывала и боялась надеяться, что вот оно, счастье, которого она ждала всю жизнь.

Уехал Вадим внезапно. Утром они пошли на пляж, но по дороге встретили какого-то человека. Он что-то сказал Вадиму, и тот сразу заторопился.

Собрался он по-военному быстро. Оставил Марине десять тысяч и два костюма.

— За ними зайду в Москве. Жди...

А вечером Мишка Посельский, фотокор столичного журнала, рассказал, что два дня назад в колхозе «Виноградарь» кто-то оглушил сторожа, взломал сейф и унес триста сорок тысяч. Но Мишке никто не поверил. Его все знали как отчаянного трепача.

Конечно, в Батуми Марина не поехала. Десятого июня, почерневшая от солнца и размякшая от жары, она решила уехать. Хотелось махнуть в Ленинград, там, в Управлении полярной авиации, разыскать адрес Вадима и уехать с ним в Латвию на взморье. Пока еще Латвия была «заграницей», и киношники, приезжавшие оттуда, рассказывали чудеса.

Но в Москве она закрутилась: дела, как говорят гадалки, «пустые хлопоты». Деньги она истратила. Ей подвернулась халтурка на Мосфильме — маленькая роль со словами, — и она осталась. А через неделю началась война.

Целый месяц ей никто не звонил, никто не приходил в гости. О ней просто забыли. И тогда она почувствовала свое одиночество. Она осталась одна в этом огромном городе, занятом делами суровыми и важными. Вместе с одиночеством пришел страх. Тогда Марина позвонила. Зяма был дома. Он встретил ее, сварил кофе, налил коньяку, и она поняла, где ее настоящее убежище, и всю ночь Марина строила планы их будущей жизни. А утром, успокоенная и полная твердой уверенности в том, что она начнет жить по-новому, она вернулась к себе. Перебирая вещи в шкафу, нашла костюмы Вадима. И ей стало грустно. Они были совсем из другой, беззаботной, веселой жизни... Наверное, Вадим уже на фронте. Увидятся ли они еще?

Он пришел через два дня. Небритый, в измятом костюме.

— Ты разве не на фронте?

— Пока нет. Я очень устал. Утром поговорим.

Утром Вадим вынул из чемодана форму командира-пограничника.

— Ты же летчик! — удивилась Марина.

Вадим усмехнулся одними губами, продолжая рыться в чемодане. Марина подошла и заглянула через его плечо. В чемодане лежали толстые пачки денег, два пистолета и желтела россыпь патронов.

— Откуда это у тебя?

Вадим, не отвечая, собрал патроны, высыпал их на стол, достал из чемодана несколько обойм и, все так же молча, начал заряжать их.

— Почему ты молчишь?! Слышишь! Почему?!

Вадим молча сунул обойму в рукоятку пистолета. Раздался неприятный щелчок.

— Так, — Вадим подошел к ней, покачивая на ладони матово отливающий чернотой пистолет, — тебе интересно, откуда у меня оружие? Так? Профессия такая.

— Ты же летчик?

— Да, я «летчик». Я летаю и пока, слава богу, не сажусь. Я экспроприатор, ясно? Ну, а если проще — налетчик.

И она вспомнила Мишку Посельского и его рассказ о взломе сейфа.

— Значит, это ты там, в колхозе...

— Не только я. Вместе с тобой.

— Я ничего не хочу знать.

— Об этом скажи в НКВД. Ты жила на эти деньги...

— Будь они прокляты!..

— Это патетика, так сказать, отрывок из мелодрамы. А чекисты любят факты.

— Какие факты?.. Слышишь, какие?!

— Не глухой, слышу. Первый — деньги. Второй — ты служила мне ширмой. Третий — прятала мои вещи. Любого из них хватит, чтобы отправить тебя на десять лет. А ввиду военного времени — расстрелять.

Она согласилась. Вернее, заставила себя согласиться. Ею управлял уже только страх. Вадиму понадобились документы, вернее, нужно было что-то исправить в ночном пропуске. Она дала адрес Зямы...

Написав все, Флерова положила ручку, и внезапно ей стало удивительно спокойно и совсем не страшно.

ДАНИЛОВ

— Картина ясная. Грасса убил Резаный. Убийство художника — его первое преступление в Москве. Понимаете, товарищи, по городу ходит командир-пограничник. Хотя он, может быть, уже переменил обличие. Но это неважно. Кровь пролита. У него нет документов, значит, надо ожидать следующего убийства. Он свободно разгуливает по городу. И сигналы тревожные. Кто-то ракеты над крышами зажигает. Не надо забывать: Широков — бывший белобандит. Такому ничего не стоит с фашистами снюхаться. Пока это всего лишь предположения. Пока.

Данилов замолчал, посмотрел на ребят. Лица их

казались усталыми и неживыми. Только Муравьев сидел свежий, словно всю ночь спал. Молодость.

— Я думаю, Иван Александрович, — Полесов поднялся, — надо Широкова ждать или у Мишки, или у Флеровой.

— Ты о Малом Ботаническом забыл?

— Там его ждать нечего. Час назад из райотдела сообщили: сгорел дом номер шесть.

— То есть как?

— Просто очень. Упала зажигалка.

— Не вовремя. Ох, не ко времени. Хозяйка-то жива?

— Добро спасала, обгорела. В больнице.

— Ты, Полесов, в эту больницу поезжай. Узнай, что и как. Я думаю, кого-нибудь из девчат туда вместо нянечки послать нужно. Совещание окончено. Муравьев, пойдешь с Флеровой. Ждать будешь там Широкова. Я договорюсь, тебе подмогу дадут, дом оцепят. Шарапов, останься, разговор есть.

МУРАВЬЕВ

— Хотите, я сварю вам кофе? Настоящий черный кофе. Это очень помогает, когда хочешь спать.

— Я не знаю, удобно ли?

— А чего неудобного, хозяин здесь вы, только прикажите.

— Вот это вы напрасно, Марина Алексеевна...

— Шучу, сидите и ждите. Сейчас будет чудный кофе, меня научил варить старик в Батуми.

Флерова вышла. В квартире было необычайно тихо. Игорь разглядывал натюрморты на стене, и ему на секунду показалось, что никакой войны вообще нет. Тишина окутывала его вязкой пеленой. Воздух в комнате слоился сизым табачным дымом.

«Нужно открыть окно. Обязательно открыть окно, иначе я засну».

Игорь подошел к старому креслу, покрытому истлевшей шкурой, и сел, вытянув ноги, только теперь он почувствовал смертельную усталость. Глаза начинали слипаться. Муравьев глубоко затянулся папиросой.

«Ты смотри, Игорь, идешь на задание старшим. Я

договорился, дом оцепят. Где ставить людей, участковый покажет. Если что, стреляй, но лучше живым бери. Очень он нужен нам, Широков-то, живой нужен. Разговор с ним один есть».

Игорь встал, посмотрел в окно. На улице — пусто.

Это хорошо, значит, ребята из отделения укрылись как следует. И вдруг ему стало не по себе: а если кто-нибудь видел его в окне? Муравьев задернул шторы и снова сел в кресло.

В комнате с шорохом ожил репродуктор:

«Доброе утро, товарищи! Передаем сводку Совинформбюро.

В течение 22 июля наши войска вели бои на петрозаводском, порховском, смоленском и житомирском направлениях. Существенных изменений в положении войск на фронтах не произошло.

Наша авиация за 22 июля сбила 87 самолетов противника. Потери советской авиации — 14 самолетов.

По дополнительным данным, при попытке немецких самолетов совершить в ночь с 21 на 22 июля массированный налет на Москву уничтожено 22 немецких бомбардировщика. В условиях ночного налета эти потери со стороны противника надо признать весьма большими. Рассеянные и деморализованные действиями нашей ночной истребительной авиации и огнем наших зенитных орудий, немецкие самолеты большую часть бомб сбросили в леса и на поля на подступах к Москве. Ни один из военных объектов, а также ни один из объектов городского хозяйства не пострадал.

Следует отметить самоотверженное поведение работников пожарных команд, работников милиции, а также московского населения, которые быстро тушили зажигательные бомбы, сброшенные над городом отдельными прорвавшимися самолетами, а также начинавшиеся пожары».

Игорь внимательно прослушал сводку. Она была ему вдвойне интересна. Как-никак, а он являлся участником ночных событий.

Хозяйки все не было. Муравьев устал ждать кофе. Глаза резало, словно в них попало мыло. Игорь закрывал их, потом открывал на секунду, потом снова закрывал. Комната начала колебаться, по ней пробегали золотистые искры. Она то отдалялась, то вновь наезжала. Оцепенение и покой сковали его тело. Ми-

мо окна с грохотом проскрежетал трамвай. Басовито задрожали стекла. Но Игорь уже не слышал этого. Он спал.

Марина вошла минут через десять. Муравьев спал, бессильно опустив руку вдоль кресла.

«Пусть, — решила она, — пусть поспит. Дверь закрыта, а если позвонят, я его разбужу.

На него обрушился вал воды, грохочущий и упругий. Игорь хотел закричать и проснулся. Мимо окон шел трамвай. Муравьев взглянул на часы. Десять. Значит, спал он четыре часа. Ничего себе, старший засады. Он хотел встать и тут услышал голоса.

— Откуда я знаю... Ты приходишь и уходишь... Я не спрашиваю тебя, с кем ты проводишь ночи...

«Марина», — понял Игорь.

— Это что, ревность? Или плохо срепетированная роль? Я что-то не узнаю тебя.

Муравьев встал и чуть не закричал от боли. В затекшие ноги врезались сотни иголок.

«Господи, мне только этого не хватало!»

Пересиливая боль, он все же поднялся и сделал первый шаг. А за дверью продолжали спорить.

— Конечно, ты не узнаешь меня. Где я, как я, что я — тебе наплевать. Ты спросил, есть ли у меня деньги?

— Вот ты о чем. Деньги... А как же чистота и святость чувства, которую ты так любила?

— Чистота? О какой чистоте ты можешь говорить? Ты ее убил, так же как Зяму...

— Стоп! Откуда ты знаешь, что он убит? Ты же не выходила из дому.

— Я...

— Да, ты. Может быть, ты все же выходила? Молчишь? Откуда ты знаешь о его смерти? Говори!

— Она ссучилась, Резаный, ссучилась она, факт, — сказал за дверью еще кто-то.

«Их двое, всего двое».

Игорь почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Так всегда бывало в детстве перед началом драки. Он потянул из кармана наган, взвел курок.

А за дверью все тот же голос, хриплый и низкий, продолжал убеждать Резаного:

— Она снюхалась с чекистами. Эта падаль заложит нас. Ну, чего ждать!

— Так, — сказал Резаный. Голос его стал ломким и угрожающим. — Так. Значит, вы, мадам, стали просто сексотом, или, как это называется у вас в МУРе...

— Вадим... Ты меня не понял. Я звонила туда по телефону. Я выходила в автомат.

— Одна ложь порождает другую. Ты не могла туда звонить, мы обрезали телефонный шнур. Откуда ты знаешь?

Зазвенела пощечина.

Нужно только толкнуть ногой дверь. Это совсем нетрудно. Просто взять и толкнуть. Потом войти и приказать им поднять руки. Но им овладела предательская слабость. Дверь разделяла жизнь надвое. Одна половина ее привычная, в ней живет он, Инна, мама, сестра. Живут его друзья и мечты. Другая — страшная, там убивали, били женщин... Он войдет, выстрел...

— Подожди! — высоко закричал женский голос.

Игорь толкнул ногой дверь и шагнул в комнату:

— Руки! Ну! Пристрелю, если двинетесь.

Широков стоял ближе к двери, второй, его Муравьев видел краем глаза, плотный и приземистый, медленно пятился к буфету.

— Дом окружен. Сопротивление бесполезно.

И тут Игорь допустил ошибку. Все свое внимание он сконцентрировал на Резаном, забыв о втором, глядевшем на него с тяжелой ненавистью. Всего на две секунды он потерял его из поля зрения. Тяжелая ваза, словно снаряд, перелетела комнату и ударила его в грудь. Игорь шагнул назад и упал, споткнувшись о стул.

Он услышал крик «Беги!» и, падая, дважды выстрелил во второго, плотного.

Резаный бросился к двери.

Марина увидела, как упал Муравьев, как медленно сползал по стене бандит, кровь пузырилась у него на губах, и похож он стал на тряпичную куклу. Она видела Вадима, бегущего к двери, рвущего из кармана пистолет. Вот он обернулся и поднял его.

«Все», — понял Игорь. Черная дыра ствола показалась ему огромной и устрашающе глубокой.

Марина увидела лежащего уполномоченного, Вадима, целящегося в него из пистолета. И вдруг она вспомнила, как принесла кофе и увидела этого совсем еще мальчика, крепкого и красивого, спящим. Он спал,

словно ребенок, положив голову на валик кресла, и щеки у него были розовые, словно у ребенка, только над губой чернел пушок.

«Он еще, наверное, не бреется», — подумала она тогда. Воспоминание обожгло и погасло. Длилось всего долю секунды. Марина сделала шаг вперед. Ее ударило дважды. Боли она не почувствовала, но сила удара отбросила ее и швырнула на пол.

Муравьев увидел, как Марина начала медленно опускаться на пол. Широкова уже не было. Он вскочил и бросился к дверям. В прихожей хлопнула дверь, гулко грохнул выстрел, потом что-то упало грузно и шумно. «Неужели убили?»

Он выскочил в узенький темный коридор и споткнулся о труп участкового.

«Зачем же он сюда пришел? Зачем? Он же должен был ждать, когда Резаный выйдет».

И тут он понял, что Широков ушел. Ушел именно в ту щель, которую открыл ему участковый.

ДАНИЛОВ

— Ну, Муравьев, натворил ты дел, — начальник МУРа наклонился над убитым. — Обе в область сердца. Неужели так стреляешь, или случайно?

— Случайно, товарищ начальник.

— За скромность хвалю. Но натворил ты дел. Весь город поднял. Крик, свистки, стрельба. Нападение греков на водокачку, а не засада. Засада — это когда сидят тихо и берут тихо.

Данилов, сидя у стола, внимательно и цепко оглядывал комнату. Он почти не слышал начальника МУРа. Только что два санитара увезли в больницу раненую Флерову.

— Как? — спросил Иван Александрович у врача «скорой помощи».

— А как? — Врач был невыспавшийся, с красными, словно налитыми кровью, глазами. — Вскрытие покажет.

— Мрачно шутите.

— Звоните... Только надежды мало.

Данилов понимал, что Игорь где-то допустил ошибку. Именно она погубила участкового Козлова, Фле-

рову, лишила следствие показаний сообщника Резаного и дала возможность уйти Широкову.

«Дороже всего стоят наши ошибки, — думал он, — в угрозыске вообще нельзя ошибаться, иначе — кровь и смерть. Но нельзя об этом говорить мальчику. Иначе это может плохо кончиться. Он хороший парень. Ошибка. Что делать? Мы вместе ошиблись. Я и он. Мне надо было ехать сюда самому. Но ведь я не верил, что Широков придет к ней после убийства, это противоречит логике. За вещами он мог послать своего подручного. Зачем же он пришел?»

И тут Данилов понял его. Понял не как профессионал, а как мужчина. Широков шел к женщине. Он же позер, Широков. Позер и фат.

Придет ли он к Мишке? Нет. Не придет. Он сейчас должен спрятаться. Затаиться. В нору уйти. Вот и надо искать его нору.

— Ты, Иван Александрович, заканчивай, — начальник надел фуражку, — и ко мне зайди.

В управление Данилов вернулся часа через два. Муравьева отправил на машине, а сам пошел пешком, благо совсем рядом. Он медленно шел по Каретному ряду. Поражался городской обыденности. Ведь война идет, а женщины такие же привлекательные, и платья у них нарядные. Вот мужчины стоят, здоровые парни в светлых костюмах, видно из «Кинохроники», стоят и хохочут.

Это хорошо, здорово, что они смеются. Смеются — значит, верят, что все временно: и бомбежки, и наше отступление. Временно. Нас на испуг не возьмешь. Не такие мы.

Данилов перешел на другую сторону, к «Эрмитажу», и встал в очередь за газировкой. Он выпил стакан с желтоватым кислым сиропом и купил мороженое.

Он так и вошел в МУР с брикетом мороженого в руках. На входе ему с недоумением козырнул милиционер. А потом ошалело глядел ему вслед, поражаясь не виданной доселе вольности.

— Товарищ Данилов! — По коридору бежал помощник начальника. — Вас вызывают!

К начальнику он тоже пошел с мороженым в руках. И только у стола, решив закурить, понял, что руки заняты посторонним предметом.

— Ты чего это, Иван Александрович, никак, мороженое купил?
— Купил вот.
— Так чего не съел?
— Забыл.
— Это бывает. Ты жуй его, а то оно потечет у тебя.
— Да я не ем мороженое.
— А зачем купил?
— Понимаете...
— Понимаю. Ты его секретарше отдай, не то зальем пол.
Начальник позвонил.
— Анна Сергеевна, вот Иван Александрович угостить вас решил. Берите, берите!

Данилов отдал ставший мягким брикетик удивленной женщине, облегченно вздохнул и полез за папиросами.
— Последнее ты купил мороженое, Данилов, — сказал начальник, — не будет его больше. Да и много чего не будет. Тяжело станет в Москве. Я в горкоме партии был. Карточки в стране продовольственные вводят. Но об этом, о положении нашем, на партсобрании поговорим. А сейчас частность. Помнишь, в Испании фашисты наступали на Мадрид пятью колоннами. Так?
— Нет, не так. — Данилов подался к столу. — Совсем не так. Где они возьмут у нас в Москве пятую колонну — подполье? Где?
— Ты чего меня политграмоте учишь? Это я фигурально. В органах госбезопасности есть сведения, что фашисты хотят в городе панику устроить. Из Краснопресненского района сообщили, что ночью, во время бомбежки, кто-то ракеты пускал в сторону вокзала.
— Так.
— Вот тебе и так. Есть предположения — вражеская агентура будет искать пособников среди всякой сволочи: уголовников, шкурников и им подобных. Твоя группа должна заняться этими ракетами. Я имею в виду Красную Пресню.
— А в других районах были?
— Были. Но там другие будут работать.

— А как же Широков?
— Будешь вести дело параллельно.

ШИРОКОВ И ПОТАПОВ

— Ну что, «белый рыцарь»! Допрыгался? С бабой связался!

— Ты бы молчал побольше, Сергей.

— Пугаешь, гнида, забываться стал. Я тебя, между прочим, и задавить могу.

— Ты мне эти разговоры брось. Слышишь, брось!

— Не брошу! До тех пор не брошу, пока ты не поймешь, что делать надо.

— Ну просвети, «духовный пастырь», просвети. Только не забывай, что я не старушка-богомолка...

— Ты идиот, Андрей. Неужели непонятно, чем тебе заниматься надо?

— Непонятно.

— Собирай людей надежных. Чтоб замараны по уши были. В крови замараны.

— Банда, значит.

— Нет, группа.

— Это для чека без разницы.

— Скоро здесь будут немцы. У меня был человек оттуда.

— О-о-о!

— Он сказал: пора.

— Что «пора»?

— Пока ракеты. Каждую ночь ракеты. Потом грабить магазины, квартиры, сеять панику. Деньги, документы, оружие — все есть.

— Я панику сеять не умею, слухов тоже, я стрелять умею.

— Вот и будешь стрелять, сколько хочешь. Но не один, с людьми. Есть люди?

— Должны быть.

— Пошлем по адресам надежного человека, тебе отсидеться надо. Ешь, пей, отдыхай.

— Рица прямо. Курорт.

— Нечто вроде.

— А долго ждать?

— Недели две-три, пусть немцы поближе подойдут.

ДАНИЛОВ

Телефон звякнул, и он сразу поднял трубку.
— Шарапов докладывает.
— Ну что у тебя?
— У Миши все тихо. Ждать?
— Не надо. Миша в курсе?
— Да.
— Ты поезжай в управление. Он сам все сделает, если что.
— Слушаюсь.

МОСКВА. Август

Данилов смотрел на календарь. Только что он оторвал предпоследний листок июля. Что же мог он сказать о прошедших тридцати днях? Пожалуй, ничего хорошего. То есть, просто ничего хорошего. Июль для Данилова был на редкость тяжелым. Дело Грасса пока не подвинулось. После неудачной засады на квартире Флеровой Широков исчез, словно канул в воду. Никакие оперативные мероприятия не помогали. Конечно, если бы не война, возможно, сидел бы Резаный во внутренней тюрьме. Но обстановка, сложившаяся в Москве, не позволяла Данилову бросить все силы на поиски Резаного. Слишком мало осталось в МУРе людей и слишком много дел навалилось на них. Четко определенные функции милиции расширились до пределов, никому не ясных. Теперь в сферу их действия попадало абсолютно все: охрана заводов, ночное патрулирование, оказание помощи пострадавшим от вражеских налетов. Особенно тяжело приходилось с нарушением паспортного режима. Москва стала перевалочной базой для всех, без исключения, беженцев из западных областей. Ежедневные сводки дежурного по городу пестрели сообщениями о массе мелких нарушений, которые приходилось оставлять безнаказанными, принимая во внимание сложность обстановки.

Московская милиция ну и, конечно, МУР перешли на казарменное положение. Правда, Иван Александрович пару раз вырывался домой, чтобы повидаться с Наташей, однако встречи эти были слишком коротки.

Но чем бы ни занимался, Данилов постоянно думал об убийстве Грасса. К сожалению, он пока не мог допросить Флерову. По сей день она находилась в очень тяжелом состоянии. В написанных ею еще раньше показаниях Данилов нашел несколько интересных деталей, которые требовали объяснения, а главное, развития. Ничего пока не мог сообщить Костров. Мишка безвылазно сидел дома, ожидая прихода Широкова. За его квартирой велось круглосуточное наблюдение, но пока все это не давало никаких результатов.

Позавчера Ивана Александровича вызвал начальник МУРа.

— Садись, Данилов, — сказал он. — Чем порадуешь?

— Пока нечем.

— Значит, все без изменений.

— Пока да.

— Я думаю, Резаный «лег на грунт». Знаешь, так моряки-подводники говорят. После атаки, чтобы акустиков обмануть, подводная лодка ложится на дно и выжидает.

— В том-то и дело, что он выжидает. Только чего, а главное — где? Долго он не выдержит. Широков все равно объявится со дня на день.

— Товарищи из госбезопасности сообщают, — начальник открыл сейф, вынул оттуда тоненькую папку, — что наши разведчики установили, будто в Москве есть резидент по кличке «Отец», и этот «папаша» вокруг себя банду из уголовников формирует. Тебе эта кличка ничего не говорит?

— Нет. Можно «пройтись» по ней. Были трое. Но на них подумать не могу.

— Почему?

— Первый — Гаврилов. Его застрелили на Малой Бронной.

— Это который по булочным работал?

— Он самый. Второй — Шмыгло, он в Сиблаге. Третий — Князев. Часовщик. В больнице с острым диабетом.

— Значит, новенький.

— Не думаю. Это, наверное, кто-то из бывших. Кроме клички, ничего не известно?

— Больше ничего.

— Маловато.

— В том-то и дело. Ты сам смотри, Иван Александрович, как получается. Появляется Широков, совершает преступление и исчезает. Куда делся? Мы все оставшиеся «малины» прочесали, всех уголовников перетрясли, а его нет. Я тут дела старые смотрел, нашел одну интересную запись.

Начальник протянул Данилову пухлую папку:

— Ты здесь гляди, что отчеркнуто. Это допрос Осипова. Ну помнишь, бандотдел брал его в Мытищах?

— Как же, помню, он тогда чуть не ушел на их же машине.

— Точно. Читай.

— «Я о Широкове могу сообщить только то, что у него в Москве есть никому не известная квартира, на которой он прячется и где может всегда денег занять».

— Ну что, интересная запись?

— Да, любопытно. Возможно, это кто-нибудь из его прошлых сослуживцев.

— Вот так же думают и сотрудники госбезопасности. Они эту версию сейчас разрабатывают. Но у них свои дела, а у нас свои. Поэтому искать надо.

— Вы бы мою группу от текучки освободили.

— Не могу. Людей не хватает, так что все ведите параллельно. Как наблюдение за квартирой Кострова?

— Ничего интересного.

— Тогда придется снять. Люди очень нужны.

— Давайте еще недельку подождем.

— Не могу. Три дня, не больше.

Вспоминая этот разговор, Данилов был благодарен начальнику за то, что тот не требовал от него невозможного. Но вместе с тем он и сам прекрасно понимал, что кто-то очень внимательно следит за ходом расследования и ничего хорошего ему как начальнику группы ожидать не приходится. Пока дело об убийстве Грасса было таким же темным, как и месяц назад. Правда, появился новый персонаж — Отец. Но два дня Полесов работал в картотеке и ничего интересного не нашел. «Как быть? — мучительно раздумывал Данилов. — Кто может знать что-либо о нем?»

На столе зазвонил телефон.

— Данилов.

— Иван Александрович, — взволнованно сказал да-

лекий Мишка, — только что от меня вышел Лебедев.

— Хорошо, Миша, за ним присмотрят.

— Разговор есть, Иван Александрович, встретиться очень нужно.

— Подъезжай немедленно к Никитским воротам. Дом шесть знаешь?

— Знаю.

— Там во дворе скверик, жди.

Данилов приехал раньше. Мишки еще не было. Этот дворик Иван Александрович заметил совсем недавно. Лучшее место для встречи найти было трудно. Во-первых, двор проходной, так что мало ли кто и зачем сюда идет. Во-вторых, в нем был маленький палисадничек. Сядешь на скамейку, и тебя из-за зелени не видно. И еще одна немаловажная особенность устраивала Данилова: днем здесь почти никогда не было народа.

Иван Александрович сел на лавочку, раскрыл газету. Пробежал глазами по полосе и нашел статью Ильи Эренбурга. Он только начал читать первые строчки, как рядом с ним на скамейку плюхнулся запыхавшийся Мишка.

— Иван Александрович, Лебедев был.

— Здравствуй, Миша. Ты отдышись и спокойно по порядку рассказывай.

— На дело он меня звал.

— Куда?

— Куда — не сказал. Только, говорит, Резаный верное дело предлагает. Взять продовольственный магазин, мол, за продукты надежные люди большие деньги дадут.

— Какой магазин и кто эти люди?

— Не говорил он, сам не знает. Резаный должен им вечером сообщить.

— Где?

— Поругался я с ним, он так и ушел.

— Как поругался, из-за чего?

— Да за старое.

— Эх, Миша, Миша! Так ты, брат, ничего и не узнал.

— Он еще говорит, будто Резаный у какого-то человека прячется.

— Мы это знаем, только кто этот человек?

— Больше ничего я не узнал, — сказал смущенно

Мишка, — не получается у меня... Но вы не подумайте, я стараться буду.

— Вот это уже хорошо. Помни, что для них ты должен остаться прежним Мишкой Костровым, точно таким. Ты, надеюсь, не отказался пойти с ним?

— Я согласился, только поругались потом. Но это наши старые дела. Я ему кое-что припомнил.

— Что, если не секрет?

— Обманул он меня лет шесть назад. Я ему вещи передал...

— Старая история, кое-кто у кое-кого дубинку украл.

— Вроде этого.

— Ты теперь иди, Миша. Один иди. Нас вместе видеть не должны. Сиди дома и жди. А за магазин спасибо, это для нас очень важно. Ведь они не зря хотят обокрасть именно магазин. Завтра люди туда придут, а продуктов нет. Исчезли продукты. Вот кое-кто и пустит слух, что в Москве голод начался. Иди, Миша, и жди.

В коридоре управления Данилова догнал оперуполномоченный Рогов.

— Плохо дело, товарищ Данилов, упустили мы того человека.

— То есть как упустили?

— Он вышел от Кострова, ребята пошли за ним, а на Курбатовской площади он ушел проходным двором.

— Неужели он заметил наблюдение?

— Нет, он спокойно шел, это парень наш сплоховал. Мать его встретила, ну и задержала на несколько минут.

— Да, — сказал Данилов, — хороший денек. Прямо как на заказ. Ну что теперь делать будем? Ваши люди с родственниками беседуют, а наблюдаемый уходит, и мы знаем, что сегодня ночью готовится преступление, а где — не знаем.

— Он же не нарочно.

— Если бы я этого не знал, я бы с тобой не здесь разговаривал.

Данилов пошел к себе и позвонил дежурному, распорядился дать телефонограмму по всем отделениям, чтобы усилили этой ночью наблюдение за магазинами. Кроме того, он решил сам проинструктировать сот-

рудников, уходящих на ночное патрулирование.

Развод старших нарядов начинался в двадцать три часа. Сегодня от МУРа выделялось пятнадцать сотрудников. Каждому из них придавались два милиционера из опердивизиона.

Данилов спустился в дежурку.

— Товарищи, — он оглядел собравшихся, — вы знаете, что моя группа разыскивает опасного преступника. Мы располагаем данными, что сегодня ночью должны ограбить один из гастрономических магазинов. По всей вероятности, это будет крупный магазин. Видимо, преступники повезут продукты на машине. Прошу вас особенно внимательно проверять автомобили и груз. Помните, что необходимо быть предельно осторожными: дело придется иметь с очень опасными людьми. Ясно, товарищи?

Последнее он мог бы и не спрашивать. Патрулировать уходили опытные и отважные люди, много сделавшие для поддержания порядка в ночной столице.

Данилов подошел к Полесову. Сегодня Степан шел старшим патруля.

— Ты смотри, Степа, сам знаешь, какое дело. А вдруг, на наше дурацкое счастье, Резаный будет действовать в твоем районе. Ты где, кстати?

— Бронная, Патриаршие пруды.

— Смотри, Степан. — Данилов крепко пожал ему руку.

ПОЛЕСОВ

Они шли по темному бульвару к Пушкинской площади — Степан и два милиционера с винтовками СВТ. Вечер был прохладный, собирался дождь, и Степан пожалел, что не взял плаща. Город лежал перед ним пустынный и глухой. Ни людей, ни машин. Когда Степан узнал, что его назначили в патруль, он даже обрадовался. Последние дни он изучал архивные дела Широкова. Отрабатывал все его московские связи. За это время Степану пришлось встретиться с самыми различными людьми. У Резаного связи оказались обширными и неожиданными: старухи из «бывших», которые прятали от ВЧК милого «инженера с Севера». И хотя линии эти были случайны и запутанны, Степан

нашел интересную нить, которая вела в подмосковное село Никольское. Именно эта версия казалась Полесову наиболее правильной и точной. Но сейчас не время было думать о Никольском. Совсем другая работа этой ночью, значит, и заботы другие.

У трамвайной остановки рядом с Радиокомитетом они остановили двух работников радио, проверили пропуска и отпустили с миром. На Пушкинской им повстречался инженер, торопящийся на завод. У него ночной пропуск тоже был в полном порядке.

Патруль пересек площадь и пошел по Большой Бронной. На углу Сытинского они буквально столкнулись с каким-то человеком в светло-сером костюме.

— Стой, — скомандовал Степан, — пропуск!

— Нет его у меня, ребята, — ответил необыкновенно знакомый голос, — паспорт есть, удостоверение. А пропуска нет.

Степан на секунду зажег карманный фонарик.

— Ваня Курский, — сказал за его спиной милиционер.

Полесов и сам теперь узнал известного всей стране киноартиста.

— Товарищ Алейников, как же так, без пропуска же нельзя.

— Виноват, ребята. Друга на фронт провожал. Вот и засиделись.

— Там бы и остались ночевать.

— Нельзя, мать больная дома.

— Что же делать? — огорчился Полесов. — Ну, мы вас отпустим, другие заберут.

Внезапно послышался шум мотора. Со стороны Никитских ворот ехала легковушка.

Степан выскочил на мостовую и поднял руку.

— В чем дело? — из остановившейся машины вылез военный. — Машина редакции «Красной звезды». Вам пропуск?

— Да нет, товарищ корреспондент, вы помогите до дому человеку добраться, артисту Алейникову.

— Где он?

Артист долго жал Степану руку.

В два часа ночи патруль остановился перекурить на углу сквера, на Патриарших прудах. Пока все было тихо. Они задержали троих без ночных пропусков, передали их постовым.

От прудов тянуло сыростью, и Степан опять пожалел, что не надел плаща.

— Товарищ Полесов, — сказал один из милиционеров, — может, посидим немного, а то ноги гудят от усталости. Мы же в патруль прямо с дежурства попали.

— Давай еще раз пройдемся вокруг и тогда отдохнем. — Степан погасил папиросу.

Шум мотора он услышал внезапно, потом сквозь него прорвалась трель милицейского свистка. Из переулка вылетела полуторка. На повороте ее занесло, из кузова посыпались какие-то ящики.

Степан выхватил наган и бросился на проезжую часть.

— Стой! — крикнул он. — Стрелять буду!

Машина, не останавливаясь, мчалась прямо на него.

Степан поднял наган, дважды выстрелил и отскочил к тротуару. Его обдало жаром и бензиновой вонью. Машина пролетела в нескольких сантиметрах.

— Стой! — это кричал милиционер.

Резко ударили винтовочные выстрелы. Полуторку занесло, и она врезалась в металлическую ограду сквера. Двое выпрыгнули из машины. Один из кабины, другой из кузова.

— Стой!

Двое уходили в разные стороны, отстреливаясь из наганов.

Степан бежал за одним, считая на ходу выстрелы. Вот неизвестный остановился у арки ворот. Поднял наган. Две пули выбили искры из булыжной мостовой.

У него оставался один патрон. Ну, от силы, два. Степан бросился в черный провал арки. Человек бежал, пересекая двор по диагонали. Вот он снова повернулся и снова выстрелил. Теперь не дать ему перезарядить револьвер. Степан бросился на неизвестного. Нож он увидел в последнюю секунду. Увернулся и сильно с ходу ударил в челюсть.

— Товарищ начальник, — к ним, тяжело стуча сапогами, бежал милиционер. — Вы живы?

— Порядок. Помоги поднять. Как у вас?

— Шофер полуторки убит, второй бандит напарника моего ранил и скрылся.

— Так, где задержанный? — спросил Иван Александрович. — Этот? Значит, фамилию не называет. Что ж ты так, Лебедев? Правда, тебя узнать трудно, челюсть распухла, но мы же с тобой друзья старые!

— Взяли, суки. Только я вам ничего не скажу.

— Где Резаный? — спросил Данилов. — Молчишь. Помни, Мышь, тебя взяли с поличным — раз, магазин ограбил — два, в работников милиции стрелял — три. Для трибунала хватит. Как раз для вышки. Так что можешь не говорить.

Иван Александрович увидел, как мелко задрожали лежащие на коленях руки Лебедева.

— Оформляйте задержание и — в трибунал, — повернулся Данилов к Полесову.

— Стой, начальник! — вскочил задержанный.

— Сидеть! — резко скомандовал Степан.

— Я скажу, только мне явку с повинной оформите.

— Ах вот что! Значит, ты на этой полуторке прямо со склада в МУР приехал. А кто милиционера ранил? Кто вон его чуть ножом не пропорол, я, что ли? Не будет тебе никакой явки. Ты со скупщиками краденого торгуйся, а здесь МУР, здесь правду говорят, а ее, эту правду, любой суд в расчет берет.

— Пиши, — дернулся Лебедев. — Все скажу...

— Видишь, Степа, — сказал Данилов, когда они остались вдвоем, — опять ушел Резаный. Мастер, что и говорить. Но кое-что нам известно. В частности, твоя версия насчет Никольского окрепла. Там раньше жил благодетель, который нынче Резаного в Москве прячет. Придется нам с тобой вдвоем этим делом заняться. Пока это единственный верный след. Вот, кстати, читай показания Лебедева. Да не здесь. Вот отсюда.

— «Широков сколотил банду, в которой есть люди, пришедшие из окружения. Я сам видел у Широкова чемодан, в котором лежала ракетница. Кроме того, он регулярно слушает немецкое радио».

— Понял, в чем дело? — Данилов достал папиросу. — Был Широков белобандит, а стал пособником немцев. Если это мы раньше лишь предполагали, то сейчас знаем наверное, данные точные. Пошли к начальству, доложим.

«НАЧАЛЬНИКУ МУРа

В целях обмена оперативной информацией сообщаем Вам, что, по нашим данным, немецкая разведслужба, система СД засылает в Москву людей из числа лиц, прошедших специальную подготовку в разведшколах. Задача последних — организация паники и грабежей. Мы располагаем точными данными, что указанными лицами руководит резидент, кличка — Отец, имеющий обширные связи с уголовными элементами.

Старший майор госбезопасности Сергеев
20 августа 1941 г.».

МОСКВА. Сентябрь

Этот сентябрь не был похож на осень. После дождливого августа установилась теплая, ясная погода. Но все же в этой ясности чувствовалось увядание. Осень давала о себе знать, особенно за городом.

Иван Шарапов не любил это время года. Осень всегда предвещала зиму — пору, не особенно веселую для хлебопашцев. И хотя он давно уже жил в городе, забыл даже, как выглядит его хата в селе, осень он все равно не любил. Зима и для милиционера не подарок. Намерзся он за службу: в санях, будучи сельским участковым, на посту в Загорске, в муровских засадах.

Нет, не любил Иван Шарапов осень — и все тут. Ну а этот сентябрь был для него вдвойне горше. Немцы шли на Москву. И как шли! Казалось, нет силы, способной остановить их.

Было в этом что-то пугающее. Одновременно страшное и непонятное. Страшно становилось, когда прочитаешь в газете длинный список оставленных городов, и непонятно, как могло произойти такое. Иван вспоминал кадры кинохроники, журнальные фото, графики, доклады. «...И от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней». Так почему же список оставленных городов больше и больше?

Помнишь парад первомайский? Единственный, на котором ты был. Пехота шла, винтовки «на руку». Са-

поги яловые, гимнастерки зеленые, крепкие ранцы, каски... Потом кавалерия. По мастям, лошади так и пляшут... Над Красной площадью летят «ястребки»... Маршал Буденный в усы улыбается.

Где же вся сила эта? Где?

Но такие мысли Иван от себя гнал. Нельзя ему, работнику органов и большевику, думать так. Нельзя. Он не мальчик. Сам в гражданскую мотался в полях вместе с остатками кавбригады. А остатков всего два эскадрона еле набралось. Лихо порубала их под Калачом особая группа генерала Покровского. Но ничего, через месяц оправились, обросли людьми, ошибки учли и... Здорово бились на берегу Хопра. Казаки еле ушли за реку.

Убежденность у Ивана была крепкой. Верил он партии, верил, что если партия и народ решили коммунизм построить, — значит, построят. А война — это испытание, только отсрочка. Он не участвовал в войне. Он работал. А насколько важна его служба, понял по-настоящему только за эти военные месяцы.

Думал Иван раньше и верил, что нет при социализме совсем плохих людей. Даже с ворами обходился он жалостливо. Выполнял службу, как положено, но жалел этих, не сумевших ничего понять людей. И верил он, что настанет такой день, когда милиция не нужна вовсе будет.

Войну он принял без страха и смятения. Она вызвала у него небывалый подъем патриотических чувств. Поэтому и написал он заявление с просьбой отправить его на фронт. Но именно тогда столкнулся он с вещами, поразившими его, заставившими заново осмыслить происходящие события и своё место в них.

Иван никак не мог понять, из каких щелей вдруг вылезли все эти шептуны, паникеры. Они торговали рассыпными папиросами у вокзалов, скупали в палатках спички, трусливо и жадно шептались в бомбоубежищах и «скулили» в трамваях.

Иван,. по натуре добрый и беззлобный человек, ненавидел их пуще немцев, считал врагами номер один.

Когда он пришел к Данилову и рассказал о своих опасениях, Иван Александрович долго хохотал.

— Ну, Шарапов, насмешил ты меня. Ну где ты эти легионы увидел? Есть всякая сволочь, я знаю, только их в городе — всего ничего. Мы вот социализм

построили, а обыватель остался. Живуча эта человеческая особь — обыватель. Только его бояться не надо. Его сущность — трусость, понимаешь? Крикни сильнее, и он в свою щель спрячется. Залезет — и молчок. Нам нужно обывателя от врага отличать. А это труднее. Так что помни об этом, Шарапов, крепко помни.

Не стал тогда Иван спорить с начальником. Он все равно считал, что обыватель и враг — одно и то же.

Два дня назад он ехал в трамвае двадцать шестой линии. Дело было утром, около восьми, народу в вагоне немного. Иван сидел впереди. Дремал, навалившись плечом на вагонное стекло. Проснулся он от шума драки. Двое в промасленных спецовках били тщедушного, худого мужичонку.

— Стой! — крикнул Иван. — Прекратить!

Он бросился к дерущимся, на ходу доставая из кармана муровское удостоверение.

— В чем дело?

— А в том, — ответил один из рабочих и тяжело поглядел на тщедушного, — в том, что это шпион немецкий. Слухи пускает, панику.

— Давайте выйдем, дойдем до отделения, разберемся.

В управлении Иван сам допросил задержанного и свидетелей, рабочих механического завода.

Они ехали со смены и услышали, как на площадке этот человек рассказывал женщинам о том, что немцы высадили в Талдоме десант и уже захватили Дмитров.

Через час протокол допроса лег на стол начальника МУРа. Из трех страниц, исписанных убористым Ивановым почерком, он подчеркнул красным карандашом самое главное.

Вопрос: Ваша фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства?

Ответ: Маслов Юрий Филиппович, 1895 года рождения, проживаю по адресу: Зоологический переулок, дом шесть, квартира тридцать восемь.

Вопрос: Где и кем работаете?

Ответ: В тысяча девятьсот тридцать втором году получил инвалидность, с тех пор работаю надомником-трафаретчиком в артели номер шесть Советского района.

Вопрос: Откуда вам стало известно о высадке под Москвой фашистского десанта?

Ответ: Услышал об этом от одной женщины в гастрономе на Пресне.

Далее Шарапов предупреждал задержанного об ответственности за дачу ложных показаний. Шли ничего не значащие вопросы и ответы. Только в самом конце протокола было главное.

Ответ: Мне сказал об этом мой сосед по дому Харитонов Николай Егорович. Кроме того, он сообщил, что сведения точные, переданы по радио.

— Любопытно, — начальник еще раз проглядел протокол. — Очень любопытно.

— Обыкновенная «утка», — устало сказал Данилов.

— Нет, не «утка». Три дня назад под Талдомом действительно высадили десант. Небольшой. Уничтожили его. Но операция прошла строго секретно. Так что любопытно, как об этом узнал гражданин Харитонов Николай Егорович.

— По нашим сведениям, товарищ начальник, — поднялся начальник секретно-оперативного отдела Серебровский, — Харитонов Николай Егорович, бывший директор лесного склада, был осужден за хищение, срок отбыл в 1940 году, от военной службы освобожден по состоянию здоровья, работает заведующим фотографией.

— Ну что ж, — начальник угрозыска протянул протокол Данилову. — Навести его, Иван Александрович, сегодня же навести.

Вернувшись к себе, Данилов позвонил Шарапову.

Шарапов пришел сразу, сел и вопросительно посмотрел на начальника группы.

— Маслов этот — злостный паникер. Но он только передатчик слухов. Видишь? — Данилов взял листок бумаги, нарисовал кружок, поставил букву М. Потом сделал еще несколько кружков и протянул к ним чернильные вожжи. Рядом еще с одним поставил букву Х, другие же украсил жирными вопросительными знаками.

— Вот что мы имеем: паникера Маслова, некоего Харитонова, который слушает радио, и несколько неизвестных. Может быть, неизвестных вообще нет. Есть

просто два сплетника — и все. Тогда это не страшно. Но может быть и иначе.

— Я так понимаю, Иван Александрович, что разговор этот не случайный. Видать, начальство знает что-то?

— Правильно понимаешь. Но начальство ничего не знает, только предположения. Надо проверить. И вот что, Шарапов, нам весь район доверен от улицы Горького до Краснопресненских прудов, одним ничего не сделать. Надо на фабрики сходить, в депо, по квартирам походить. Надо с людьми поговорить, рассказать рабочим...

— Рабочих-то почти не осталось. Одни бабы.

— Значит, с женщинами говорить надо. Там, где мы недосмотрим, народ поможет.

— Сегодня же пойду.

— Сходи, сходи. Прямо к этим, что Маслова задержали, на механический. Начни с них.

В проходной механического завода Шарапова остановила необъятных размеров женщина-вахтер. Она долго, придирчиво читала его удостоверение, потом минут десять куда-то звонила, остервенело крутя ручку старенького висячего телефона. Наконец, видимо получив разрешение, протянула Ивану его красную книжечку и шагнула в сторону. Шарапов еле протиснулся между ней и до блеска вытертым железным турникетом.

Ступив во двор, он почувствовал прежнюю уверенность и бросил, не оборачиваясь:

— Вы бы, гражданочка, кобуру застегнули, а то наган украдут, — и зашагал к зданию заводоуправления.

Секретаря партячейки на месте не было, в цех его провожала председатель завкома, пожилая женщина в синей спецовке.

— Вы, товарищ, удачно пришли. У нас сейчас обеденный перерыв начнется, вот как раз лекцию и прочитаете. А то давно уже к нам никто не приходил.

— Да я, собственно, не лекцию...

— Понятно, понятно... У нас народ хороший, товарищ уполномоченный.

Они шли мимо стеллажей, на которых лежали большие металлические поплавки.

— Это что? — спросил он у провожатой.

— Мины. Мы их в токарном цехе делаем, а рядом слесаря стабилизаторы для них клепают. — Женщина взяла со стеллажа хвостовое оперение смертоносного снаряда: — Видите? Мы раньше хорошие вещи делали — арифмометры, машины счетные, даже цех детских металлоигрушек был, самолетики...

Шарапов услышал в ее голосе столько боли, что ему мучительно стало жалко эту немолодую, усталую женщину, и себя стало жалко, и самолеты детские.

— Курить-то можно у вас? — спросил он.

— Можно, курите. Только-только пришли мы.

Работницы сидели прямо у станков, на перевернутых ящиках, разложив на коленях свертки с едой. Никто не обратил внимания на Шарапова, видимо, люди привыкли к посторонним.

— Товарищи! — сказала председатель завкома. — К нам пришел лектор, товарищ... — она обернулась к Ивану.

— Шарапов.

— Шарапов, он вам расскажет о текущем моменте.

Женщины оставили еду, как по команде, повернулись к Ивану.

Он подошел поближе, поглядывая на эти с надеждой смотрящие на него лица.

— Я, товарищи работницы, за другим пришел, — Шарапов перевел дыхание, — совсем за другим. У меня дело особое. — Иван еще раз оглядел собравшихся. — Я, товарищи женщины, из милиции...

— Ишь ты, — удивленно сказал кто-то.

— О текущем моменте говорить не стоит. Всем нам этот момент известен прекрасно. Наступает фашист, идет к нашей столице. Поэтому я к вам за помощью пришел.

— За помощью? — насмешливо спросила высокая работница. — Ишь ты! Бабоньки, милиция у нас помощи просит. Ну давай нам наган — мы ворюг ловить будем. Лучше скажи, что ты в Москве делаешь? Муж мой, братья на фронте. А ты, мужик здоровый, у баб помощи просишь...

Наверное, никогда в жизни ему не было так плохо, как в эту минуту. Густой, липкий стыд обволок его сознание, но вместе с ним, вернее, сквозь него прорывалось какое-то огромное и горячее чувство. Теп-

лый комок сдавил горло и мешал, не давал говорить. Только бы не заплакать!

А женщины уже кричали. Все. До одной. И упреки их были горьки и несправедливы.

Тогда он шагнул к ним. Вдохнул глубоко, словно собирался нырнуть:

— Товарищи женщины!

Голос его внезапно обрел силу и звучность. Стал звонким и упругим, как много лет назад, когда Иван служил в кавалерии.

— Товарищи работницы! Я служу в милиции. Но, что войны касается, я вам отвечу. Не обижайтесь, конечно, но, когда ваши мужья еще при мамкиной юбке сидели, я уже на гражданской войне кавалеристом был. Имею ранения. Если желаете, могу рубашку снять, у меня под ней весь послужной список имеется. Потом с кулачьем дрался, хлеб вам добывал. Потом все это от бандюг сохранял. Вот, значит, какая мне жизнь выпала. Я от фронта не бегал. Только есть у нас партия большевиков, и она приказала мне с фашистами здесь бороться.

Женщины замолчали.

Иван перевел дыхание.

— Вы думаете, что враг там только, на фронте? Нет. Фашист на что надеется? На панику среди нас. Как только мы испугаемся, тут он и победит. Вот за этим мы в Москве и оставлены. Что? Не слышу? Нет, не потому я к вам пришел. Хочу просить вас от имени московской рабоче-крестьянской милиции помочь нам.

— Да как помочь-то?

— Сейчас расскажу. Вы слыхали, конечно, что кто-то ракеты во время бомбежки пускает? Слыхали. А в очередях сволочь панику сеет. То-то. Помогите нам. Двое ваших рабочих недавно в трамвае задержали злостного паникера. Честь им и хвала. Они показали свою высокую пролетарскую сознательность. Я вот хотел рассказать о всевозможных уловках врага, и вижу, что вас, товарищи работницы, долго агитировать не надо. Правильно я говорю?

— Да чего там!.. Сами не маленькие!..

Иван подошел к работницам, сел на ящиках и неторопливо повел разговор.

— Этот, что ли, дом? — Данилов полез в карман за папиросами.

— Этот самый.

— Сколько выходов во дворе? Спички есть?

— Два, Иван Александрович. — Черкашин зажег спичку.

— Людей поставил?

— С утра, товарищ начальник.

— Ну, добро тогда. Поди проверь посты, а я пока покурю на воздухе.

Черкашин, чуть волоча раненную еще в двадцатых годах ногу, пошел к воротам. Данилов остался один. Вот бывает же так: кажется, всю Москву облазил за двадцать лет работы в угрозыске, а в этом переулке со смешным названием Зоологический не довелось. Хороший переулок, очень хороший. Здесь жить здорово. Зелени много и тишина. Вон листьев сколько накидано.

Казалось, что на тротуаре постелили ковер ржаво-желтого цвета. Листьев было много, и они мягко глушили шаги, пружиня под ногами.

И внезапно Данилов поймал себя на странной мысли. Ему захотелось сесть на трамвай и поехать через всю Москву в парк Сокольники. Дребезжащие вагоны начнут кружить по узеньким улочкам, пересекут шумное Садовое кольцо. Проплывут мимо три вокзала, начнется Черкизово. Приземистое, зеленое, деревянное Черкизово. А потом будет сокольнический круг. Там он выйдет из вагона и пойдет в рощу. Нет, не к пруду с пивными палатками и каруселями, а в другую сторону. На тропинки, по которым так приятно бродить одному в тишине.

— Товарищ начальник!

Голос Черкашина вернул его из Сокольников в Зоологический переулок.

— Вы, никак, заболели, Иван Александрович?

— Да нет, это я так. Ну что?

— Порядок.

— Ох, Черкашин, Черкашин, у тебя всегда порядок. И когда в сороковом за Лапиным приезжали, тоже был порядок.

4. Заказ № 3884

— Вы, товарищ начальник, мне этого Лапина всю жизнь вспоминать будете, наверное.

— На то я и начальство, чтобы вспоминать. Мне тоже это кое-кто напоминает. Дома он?

— Дома. Не выходил.

— Ну, раз так, пошли.

— Еще кого-нибудь возьмем?

— А зачем? Ты ребят внизу, в подъезде, поставь.

— Иван Александрович, да как он в подъезд-то попадет?

— Ножками, Черкашин, ножками.

— А мы на что?

— Человек смертен, через него перешагнешь и иди дальше.

— Ну это вы зря.

— А ты что же, до ста лет жить хочешь?

— Да хотя бы. Не от бандитской же пули умирать.

— Это ты прав, я тоже хочу до ста. Только тогда нам с тобой делать нечего будет...

— На наш век хватит.

— К сожалению, верно. Какой подъезд-то?

— Вон тот.

— Этаж?

— Самый последний, пятый.

— Эх, Черкашин, не жалеешь ты начальство. Зови дворника.

— Ждет на пятом этаже.

— Молодец.

Они остановились у двери с круглой табличкой: «143».

— Значит, я позвоню, — повернулся Данилов к дворнику, — вы скажете Харитонову, что ему из военкомата повестка. Понятно? Ну и хорошо. Как мы войдем в квартиру, вы спуститесь этажом ниже и ждите, мы вас позовем, если понадобитесь.

Данилов повернул рычажок звонка. За дверью было тихо. Он еще раз повернул и еще. Наконец где-то в глубине квартиры послышались тяжелые шаги.

— Кто там?

— Это я, — сипло и испуганно выдавил дворник. Данилов выругался беззвучно, одними губами.

— Я это, дворник Кузьмичев. Повестка вам из военкомата.

— А, это ты, Кузя? Что хрипишь, опять политуру пил? Сунь ее в ящик.

— Не могу, расписаться надо.

«Молодец!» — мысленно похвалил дворника Данилов.

— Черт его знает! — Голос невидимого Харитонова был недовольным. — Я же инвалид, чего надо им?

Звякнула последняя щеколда, и дверь осторожно начала открываться. Черкашин с силой рванул ручку.

— Добрый день, гражданин Харитонов. — Данилов шагнул в квартиру. — Что у вас темно так?

— А вы кто?

— Я... Ну как вам сказать? Если точно, то начальник отдела Московского уголовного розыска, а это товарищ Черкашин из раймилиции. Еще есть вопросы?

Он все время наступал на Харитонова, тесня его в глубину квартиры, одновременно настороженно и цепко следя за его руками.

— Я думаю, нам лучше поговорить не здесь. Как вы думаете?

Все так же тесня Харитонова, он вошел в комнату, в которой пахло подгоревшим салом. На покрытом старой клеенкой столе стояла большая закопченная сковородка с едой, начатая бутылка портвейна. Но не это было главным. За столом только что сидели двое.

— Ваши документы, — хрипло сказал Харитонов,— ордерок?

Черкашин вынул ордер.

— Сейчас очки возьму, — Харитонов потянулся к пиджаку.

И тут Данилов понял, что пиджак не его, уж слишком он был мал для этой огромной, оплывшей фигуры. Но хозяин уже сунул руку в карман, и тогда Данилов ударил его ребром ладони по горлу. Харитонов икнул, словно подавился воздухом, и, нелепо взмахнув руками, рухнул на пол. В передней хлопнула дверь.

«Второй!» — похолодел Данилов.

— Черкашин, останься с ним! — крикнул он и выскочил в темный коридор.

После комнатного света в темной прихожей вообще ничего нельзя было разглядеть. Натыкаясь на сундуки, Иван Александрович наконец добрался до двери

и понял, что бессилен перед набором замков и задвижек. Он зажег спичку. А драгоценные минуты таяли. Наконец Данилов справился с дверью.

Пистолет. Большой тяжелый пистолет валялся на лестничной площадке. Его и увидел Данилов в первую очередь, потом он увидел руку, тянущуюся к нему, и, не думая, наступил на нее сапогом. Только после этого он обнаружил на площадке странное многорукое и многоногое существо. Это дворник подмял под себя щуплого, маленького человечка.

— Встать! — Данилов нагнулся и поднял пистолет.

Первым встал Кузьмичев, сплевывая кровь. Тот, второй, лежал, тяжело глядя на Данилова.

— Встать! Поднимите его, Кузьмичев.

Неизвестный поднялся. Он был похож на подростка. Его фигура, маленькие руки не вязались с отекшим, морщинистым лицом и выцветшими глазами.

— Идите в квартиру. Только без фокусов. Ясно? — Данилов шевельнул стволом пистолета.

— Я его отведу в лучшем виде, товарищ начальник, — прохрипел Кузьмичев, — не извольте сумлеваться.

— Ну что ж, веди!

Задержанные сидели в разных углах комнаты, рядом с каждым из них стоял оперативник. Данилов с Черкашиным обыскивали комнату.

Это был удивительный обыск. Еще ни разу Иван Александрович не сталкивался с такими беспечными преступниками. Немецкий радиоприемник стоял на тумбочке, прикрытый для видимости пестрой салфеткой, две ракетницы и ракеты к ним лежали в чемодане под кроватью. В шкафу нашли три пистолета с запасными обоймами и несколько толстых пачек денег. Складывая на столе все эти вещи, Данилов краем глаза наблюдал за Харитоновым. Тот сидел, прислонившись головой к стене, лицо его стало пепельно-серым, мешки под глазами еще больше набрякли.

Трусит, сволочь, знает, что заработал высшую меру. Но почему же он не спрятал все это? Почему оружие и ракеты лежали на самом виду?

И тогда Данилов понял, что Харитонов просто ждал немцев. Он ждал их со дня на день и не считал нужным скрывать это!

А ракеты он держал под рукой, хотел пустить в ход в ближайшее время.

— Товарищ начальник, будем писать протокол? — спросил его Черкашин.

— А как же, обязательно будем писать. Чтоб все по закону. Их будут судить, а суду нужны доказательства. Документы трибуналу нужны, — сказал и посмотрел на задержанных.

Боятся смерти, сволочи. Будут рассказывать все, жизнь будут покупать.

Через час приехала машина. Оперативники повели задержанных вниз. Данилов еще раз обошел квартиру, дал Черкашину указание насчет засады и спустился по лестнице.

ШИРОКОВ

Он почти месяц провалялся на диване в маленькой комнатушке, с крохотным оконцем под самым потолком. Широков целыми днями читал старые «Нивы» в тяжелых, словно мраморных, переплетах. Читал все подряд, начиная от романов с продолжениями и кончая сообщениями о юбилеях кадетских корпусов. Ох, господи, жили же люди! Черт знает какой ерундой занимались. Ну, подумаешь, семьдесят лет действительному тайному советнику исполнилось. Толку-то что? Зачем писать об этом? Толстые эти журналы не вызывали у него никаких ассоциаций. Надо сказать, что прошлую свою жизнь он вспоминать не любил. Его отец был акцизным чиновником в Тамбове. Андрей стыдился его. Отец слыл в городе взяточником, и гимназисты при каждом удобном случае издевались над Андреем.

В декабре 1916 года, подравшись с сыном пристава Юрьева, Широков сбежал на фронт. Ему повезло. Под Ростовом он пристал к эшелону Нижегородского драгунского полка. Офицеры-драгуны оказались ребятами компанейскими, они уговорили командира взять гимназиста с собой, тем более, что юноша прекрасно играл на гитаре и пел душевные романсы. Его обмундировали и зачислили на довольствие. Так вместе с пополнением в персидский город Хамадан прибыл юный драгун Широков.

На одной из пирушек в офицерском собрании в присутствии командира корпуса генерала Баратова Андрей исполнил романс «Снился мне сад...». Генерал, большой любитель пения, прослезился и немедленно взял молодого драгуна личным ординарцем. Через пять дней он «за высокий патриотизм» наградил его Георгиевским крестом четвертой степени и произвел в вахмистры. А через десять дней началась революция. Как он ее воспринял? Черт знает, видимо, с радостью. Он ожидал каких-то необыкновенных перемен. Революция представлялась новоиспеченному вахмистру и «егорьевскому кавалеру» бесконечной скачкой по бескрайней степи, полной приключений и опасностей. Но на самом деле все приняло другой оборот. Бежал его благодетель генерал Баратов, солдаты перестали подчиняться, посягнули на самое святое — офицерские погоны. Кавказский фронт развалился.

Где только не был вахмистр Широков! На Дону, у Краснова, и первопоходником успел стать. В восемнадцатом определился он наконец в Ростовское юнкерское кавалерийское училище. Стал портупей-фельдфебелем. Даже не пришлось дослушать курс: бросили юнкеров против красной кавалерии. Ох и рубка была! Хоть с разрубленным плечом, а ушел вахмистр Широков, проложил себе дорогу шашкой и револьвером.

Потом, в госпитале, он часто вспоминал этот бой. Яростные людские глаза, пену на лошадиных мордах и молчаливую рубку, страшную своим молчанием. И, только вспоминая все это, Андрей понимал, что жил на свете только те пятнадцать минут, вся остальная жизнь — утомительное и длинное существование. Он был странно устроен. Риск воспринимался им словно наркотик. Он служил в контрразведке, был в Крыму у Врангеля, мотался по селам с развеселым антоновским полком. Даже у барона Унгерна успел побывать. Там, в Монголии, он сам себя произвел в поручики. Позже к жажде остроты прибавилась тупая ненависть к этим кожаным курткам, от которых всегда приходилось уходить «с разрубленным плечом».

Лежа в маленькой душной комнате, Андрей лениво вспоминал всех «взятых» им инкассаторов, ограбленные сберкассы и ювелирные магазины. Теперь жизнь сама давала ему в руки новое, рискованное и веселое

дело, а главное — возможность стрелять. Все время стрелять — в кого хочешь!

Этот месяц напомнил ему многие другие, когда он «отсиживался» после удачного дела. Ждал, когда поутихнет немного и можно будет уехать и спокойно тратить так трудно добытые деньги. Но именно подобные передышки Широков и не любил. В такие дни исчезала нервная напряженность, оставалась масса времени для раздумий. А это как раз и было самым неприятным. Сорок один год, то есть, как ни крути, — пятый десяток. Почти вся жизнь прожита. А толку? Да никакого толку. Ничего он не добился.

Месяц он провалялся здесь бездельно и бездумно. Правда, кое-что все-таки удалось сделать. «Святой отец» подобрал людишек. Да что это были за людишки! Дрянь, сволочь. Такие продадут, услыхав только скрип сапог оперативников. Но других не было. А раз так, нужно «работать» с ними. Правда, через линию фронта перешли трое отчаянных ребят. Им-то терять нечего. При любом исходе — «вышка». На них особенно и надеялся Широков.

За дверью послышались легкие шаги хозяина.

— Андрей Николаевич, не спите?

— Сплю.

— Тогда проснитесь и приведите себя в порядок.

— Это зачем же?

— Давай быстрее, — Потапов распахнул дверь, — человек тебя ждет.

— Из МУРа?

— Шутить изволишь. С той стороны, с инструкциями.

В столовой было двое незнакомых Широкову людей. Один стоял, прислонившись к резному буфету, второй разглядывал иконостас в углу. Он так и не повернулся, когда Широков вошел в комнату.

«Ишь сволочь — начальство корчит». Андреем овладела тихая ярость. Да кто такие эти двое? Немцы? Разведчики? Хамы! Широков опустил руку в карман, нащупал рукоятку пистолета.

— Выньте руку, — сказал тот, что стоял у буфета, и шагнул к Широкову, — я не рекомендую применять оружие. Вы, кажется, отдохнули, так откуда же эта нервозность?

— Мне нервничать нечего, я у себя. Это вы беспокойтесь...

— Боюсь, что так мы не найдем общего языка, — второй из гостей повернулся к нему. — Ни одного дела нельзя начинать со ссоры, не так ли, святой отец?

— Именно так, господин Прилуцкий, именно так.

— Ну вот, значит, наши взгляды сходятся. А руку все-таки выньте.

— Если хозяин не возражает, — вмешался в разговор первый, — то мы бы закусили.

За стол сели вчетвером. Широков сразу же оценил опытность гостей: они расположились так, что в случае конфликта он оказался бы под перекрестным огнем. Налили по первой.

— Господин Широков, — сказал Прилуцкий, — видимо, вы догадываетесь, кто мы?

— Приблизительно.

— Ну что ж. Мне кажется, что люди, сидящие за одним столом, должны познакомиться поближе. О вас мы знаем все или почти все. Меня зовут Прилуцким, моего спутника Александром.

— Ну а если поточнее?

— Можно и поточнее. Мы представители германского командования и прибыли сюда для оказания практической помощи нашему доверенному лицу господину Потапову.

«Значит, «святой отец» просто-напросто немецкий шпион, — подумал Широков, — просто шпион». И спросил громко:

— А давно ли он ваше доверенное лицо?

— Давно.

— Понятно. Ну а я зачем вам понадобился? — Он отставил рюмку и налил коньяк прямо в фужер. Полный налил, до краев. Не ожидая, пока гости поднимут рюмки, одним махом, немного рисуясь, вылил в себя жгучую коричневую жидкость. — Так как же?

— Господин Широков, — Прилуцкий отхлебнул немного из своей рюмки, — вы не хотите понять меня. Ровно через месяц в Москве будет наша армия...

— Ну, это как сказать.

— А вот так. Безусловно, что вам будет предоставлена работа, отвечающая вашим запросам и наклонностям. Вы можете занять достойное место в новой русской администрации.

— Так, — Широков закурил. — Как я вас понял, это место надо заработать?

— Именно.

— Как же?

— Мы не станем предлагать вам невозможного. Вы раньше специализировались...

— Статья 59.3.

— То есть?

— Бандитизм. Вас устраивает?

— Лично меня вполне.

Ему очень хотелось взять бутылку и со всей силы двинуть этого по черепу. Полетели бы осколки, опрокинулся стол, началась бы короткая и яростная драка. А то сидит, гнида, и разговоры разговаривает.

— Что вам нужно, короче? Я человек дела.

— Это разговор, достойный мужчин, — вмешался Александр.

Прилуцкий быстро посмотрел на него, и тот замолчал, словно поперхнулся.

«А этот белоглазый главный у них», — понял Широков.

— Я не предлагаю вам ничего невозможного. Есть люди, есть оружие: мы дадим вам наши автоматы.

— Понятно, что надо делать?

— Большевики, отступая, будут пытаться увезти из Москвы ценности: картины, золото, камни.

— Трудновато.

— Я вас не узнаю. Господин Потапов, рекомендуя, говорил, что для вас нет ничего невозможного.

— Разговор не о том. Ценностей много, а я один.

— Вы захватите хотя бы то, что сможете, остальное сделают другие.

— Когда и что?

— Вам дадут знать в самое ближайшее время. Кстати, почему мы не пьем? Мне кажется, что пора скрепить наш союз.

Прилуцкий встал и налил всем не в рюмки, а, как до этого сделал Широков, в фужеры.

ДАНИЛОВ

— Вы захвачены с оружием, пытались бежать, при обыске в квартире у Харитонова обнаружены ракеты,

приемник и деньги. Всего этого достаточно, чтобы передать вас в трибунал, а там шутить не любят. Надеюсь, понятно?

Данилов посмотрел на задержанного и опять подивился внешности этого человека. Неприятное лицо. Словно маска.

На кого же он похож?

— По документам вы — Сивков Михаил Анатольевич. Это ваше настоящее имя?

Задержанный заерзал на стуле и поднял лицо, и тут Иван Александрович увидел, что тот плачет.

— Ну вот тебе и раз! Держите себя в руках. Закурите.

— Спасибо.

Голос у него оказался неожиданно грубым и низким. «А ведь это первое его слово. Первое слово за шесть часов».

— Гражданин следователь, суд примет во внимание чистосердечное признание?

— Надеюсь.

— Тогда пишите. Фамилия моя Носов. Зовут Николаем Петровичем. Родился в городе Бресте в 1894 году. Кассир. В 1940 году осужден за растрату, срок отбывал в минской тюрьме.

— Ну вот, — Данилов облегченно вздохнул, — а то в молчанку играем. Пиши, Полесов.

На столе приглушенно звякнул внутренний телефон.

— Данилов слушает... Есть... Буду... Во сколько?— переспросил он. — Ну раз в два, так в два.

Ровно в час сорок пять Данилов забрал из сейфа пачку бумаг, на которой было написано: «Группа Широков, Флерова, Харитонов, Носов». Две последние фамилии вписаны только сегодня. И хотя у него пока не было никаких доказательств причастности Харитонова и Носова к убийству Грасса, он объединял их. А вот почему, объяснить не мог. В коридоре горели синие лампочки. Уже месяц все сотрудники уголовного розыска да и других служб московской милиции жили на казарменном положении. Устроились кто где. Некоторые в кабинетах, если место позволяло, а большинство в подвале, оборудованном под бомбоубежище. Данилов с Муравьевым спали, когда случалось, в комнате без окон: в ней когда-то был архив. Там по-

ставили две койки, и на них отдыхали по очереди работники отдела.

В приемной начальника дремал, положив голову на руки, Паша Осетров, молодой парнишка, совсем недавно пришедший в управление. Из-за сильной близорукости его не взяли в армию, для оперативной работы он по тем же причинам годен не был, так что ему определили «должность при телефоне».

Данилов не переставал удивляться, глядя на Осетрова. Вроде бы сугубо штатский парень, а выправка как у кадрового военного. У интеллигентного человека, надевшего военную форму, бывают только две крайности: либо он похож на огородное пугало, либо становится страшным службистом, ходячей картинкой из устава.

Иван Александрович еще раз с удовольствием оглядел Осетрова. Всего. Начиная от яростно сверкающих сапог, кончая нестерпимо синими петлицами на воротнике.

Оглядел и подумал: «Молодец!»

— Где начальство?

— Только что звонил, сказал, что скоро будет, велел ждать.

— Ладно, подожду, — Данилов уселся на диван. — Ты поспи пока. Я разбужу.

— Я не спал давно, — виновато улыбнулся Осетров.

«А улыбка-то у него детская, и похож он на большого ребенка. На ребенка, которому разрешили носить оружие».

Иван Александрович поудобнее устроился, взял со стола газету. Это был старый номер «Московского большевика». Данилов поглядел на дату. 5 июля. Раскрыл газету. На второй странице была напечатана корреспонденция о записи добровольцев в народное ополчение на электроламповом заводе.

«Посмотрите на бесконечную ленту людей, идущих к комнате партийного комитета, и сквозь призму одного этого предприятия — одного из тысяч! — вы увидите всю страну, миллионы советских патриотов, идущих в народное ополчение.

— Какого года?

— 1903-го.

— 1898-го.

— 1901-го.

— 1925-го.

— Стой! Ты еще молод, паренек. Может быть, подождешь?

— Нет! — твердо отвечает шестнадцатилетний подросток. — Ждать некогда! Записывай!..

...Вот трое с одной фамилией Кукушкины.

Коммунист-отец и два его сына. Третий сын уже в армии.

— Пойдем и мы, — говорит отец. — Пойдем всей семьей».

В коридоре послышались голоса. Данилов отложил газету, встал и потряс Осетрова за плечо. В приемную вошли: начальник, его заместитель и двое в форме сотрудников госбезопасности.

— А, ты уже здесь? — сказал начальник. — Ну, молодец, молодец! Знакомьтесь, товарищи, — повернулся он к гостям: — Начальник отдела Данилов.

Иван Александрович пожал протянутые руки и чисто автоматически отметил, что у старшего из гостей в петлицах было два ромба старшего майора, а у второго три шпалы — капитан. Видимо, разговор предстоял серьезный. В кабинете Данилов сел на свое обычное место рядом со столом начальника. Напротив расположился старший майор, капитан уселся в кресло в темном углу. Заместитель начальника, как обычно, стоял, прислонившись к стене.

— Иван Александрович, — начальник расстегнул ворот гимнастерки, — вот товарищи из госбезопасности интересуются работой твоей группы. Ты доложи подробно.

Данилов раскрыл папку, поглядел на старшего майора. Тот сидел, прикрыв глаза рукой, но из-за нее внимательно и цепко смотрели на Данилова его чуть прищуренные глаза.

— Как докладывать: по порядку или о последнем задержании?

— По порядку, — ответил из темноты капитан.

— Так как, товарищ начальник? — Данилов обращался только к начальнику МУРа, давая понять гостям, что задавать ему вопросы они могут, а командовать в этом кабинете должен только хозяин.

Старший майор, видимо, понял это и бросил, не оборачиваясь:

— Помолчите, Королев.

Иван Александрович начал с июля, с тех далеких дней, когда был убит Грасс, потом рассказал о Харитонове и Носове. Говорил он медленно, нарочито медленно, чтобы оставить время на секундное раздумье, если зададут вопросы. Но его не перебивали, слушали внимательно, и это радовало Данилова. Раз так слушают, значит, понимают все трудности этого дела, значит, гости — люди толковые.

— У меня все, — Иван Александрович закрыл папку.

Все молчали. Данилов достал папиросу, медленно начал разминать ее.

— Так, товарищ Данилов, — капитан встал и шагнул из темноты в высвеченный лампой круг.

Только теперь Иван Александрович смог разглядеть его как следует. Гость был невысок, широкоскулое лицо изъедено оспой.

— Так, — повторил он, — фактически вы упустили Широкова.

— Если хотите, да.

— Смело отвечаете.

— А мне бояться нечего.

— Даже собственных ошибок?

— Не ошибается только тот...

— Знаю, — перебил капитан, — вы хотите сказать, кто не работает! Истина старая.

— Но верная.

— На вашем месте я бы вел себя поскромнее.

— А я на вашем месте — вежливее.

— Постойте, — вмешался в разговор старший майор. — Товарищи, мне кажется, вы взяли не ту тональность. Безусловно, товарищ Данилов совершил целый ряд ошибок. Вы со мной согласны? — старший майор повернулся к начальнику МУРа. — Ну вот, видите. Но вместе с тем Иван Александрович сказал правильно. Не ошибается тот, кто не работает. На мой взгляд, сотрудники уголовного розыска поработали за эти три месяца много и хорошо.

— Вы понимаете, Павел Николаевич, — начальник МУРа вышел из-за стола, — я, конечно, ни жаловаться, ни хвалиться не буду, но хотел бы сообщить в порядке справки: хлопот прибавилось. Нет. Я имею в виду не рост преступности. Другие у нас появились заботы, не менее важные. На сегодняшний день резко

сократилась численность некоторых милицейских служб. Люди направлены в партизанские отряды, народное ополчение и истребительные батальоны...

— Из МУРа мобилизовано в действующую армию двадцать пять человек, — уточнил заместитель начальника.

— В общем-то это не так уж и много, — начальник опять сел за стол, — но все дело в том, что на наш аппарат возложили целый ряд новых функций. Прежде всего — патрулирование по городу и контроль за состоянием охраны на предприятиях. Это я говорю о, так сказать, постоянных обязанностях. Но, как вам известно, каждая бомбежка прибавляет нам работы .

— Что делать, всем война работы прибавила, — старший майор затянулся папиросой. — Наш сотрудник капитан Королев погорячился немного, утверждая, что группа Данилова «фактически упустила Широкова». Как я понял из вашего рассказа, Иван Александрович, еще сохранилась возможность в ближайшее время обезвредить его.

— Видите ли, Павел Николаевич, — Данилов говорил нарочно медленно, тщательно обдумывая каждое слово, — все зависит от того, как следует понимать эту формулировку.

— Все дело в том, что — вы и сами прекрасно видите, — вы вторглись в сферу нашей деятельности. Нет. Ни в коем случае я вас не виню. Мы, сотрудники госбезопасности, благодарны вам за помощь, но, естественно, возникает вопрос: как быть дальше?

— Павел Николаевич, — Данилов поднялся, — я понимаю, о чем вы хотите сказать. Мол, это не ваше дело...

— Товарищ Данилов, — перебил капитан, — ну что вы говорите...

— Вы уж извините меня, — Данилов сделал несколько шагов по кабинету, — все, что касается этой мрази, которую мы сегодня арестовали, это, конечно, не наша «клиентура». Но Широкова все-таки позвольте взять нам.

— Правильно, — поддержал Данилова начальник МУРа, — дело об убийстве художника Грасса — наше дело.

Павел Николаевич достал новую папиросу, постучал мундштуком о коробку.

— Я все понимаю, товарищи. И вы и мы — чекисты и делаем одинаково нужное дело. Кстати, я направил вам информацию о резиденте по кличке Отец.

— Да, мы получили ее, внимательно ознакомились, проверили кое-что. У товарища Данилова есть предположение, что Широков связан с этим самым Отцом, — сказал начальник МУРа.

— Это точно? — повернулся старший майор к Данилову.

— Пока только версия, но версия прочная.

— Значит, так, — Павел Николаевич вынул из кармана авторучку. — Дело это будем вести совместно. От госбезопасности к вам подключается капитан Королев. Я думаю, что он быстро войдет в курс дела. Это первое. Второе, мы вам, естественно, поможем людьми. Создадим совместную оперативную группу. А теперь расскажите подробнее о сегодняшнем задержании.

— Докладывай, Данилов, — сказал начальник МУРа.

Иван Александрович начал с последнего допроса. Рассказал о том, что в Москву из минского разведцентра переброшен некто Носов, явка у него была в фотоателье, в котором работал Харитонов. Носов должен был связаться с группой ракетчиков, явка к ним у того же Харитонова.

— Так, — старший майор сделал какую-то пометку в записной книжке, — вы нам передайте этих людей.

— Я бы просил, Павел Николаевич, забрать одного Носова.

— У вас есть соображения по второй кандидатуре?

— Есть, — Данилов закурил и начал излагать свой план.

КОСТРОВ

Его вели по узкому коридору внутренней тюрьмы. Мишка шел независимо, в такт веселому мотивчику, бившемуся в памяти: «К ней подходит один симпатичный, кепка набок и зуб золотой...»

— Ты иди спокойно, — зло сказал конвоир, — спокойно иди. Небось не на свадьбу сейчас повезут, а в «Таганку».

— Скучный ты человек, начальник. «Таганка» — все ночи полные огня...» — запел Мишка. — Это ты ее бойся, ты там не был. А я...

— Сволочь ты, — просто сказал конвоир, — люди на фронте. Руки назад, иди!

Мишка шагнул в темноту. Постепенно глаза его привыкли к ночному мраку, а память услужливо дорисовывала детали двора.

«Эх, неволя, неволя!» Он вздохнул и шагнул вперед. И сразу же за спиной раздался холодный, словно металлический, голос:

— Шаг вправо, шаг влево расцениваю как попытку к бегству, стреляю без предупреждения.

— Понятно, — Мишка потянулся так, что суставы хрустнули, и поглядел на небо. Темно, ни звездочки. И вдруг он подумал, что именно сейчас в этом дворе произойдет самое важное событие в его жизни. С этой минуты она полностью переменится и побежит по неведомому ему, но прекрасному руслу.

За спиной опять лязгнул дверной засов, еще кто-то шагнул через порог и стал рядом с Мишкой. Он покосился, но смог увидеть в темноте только высокую грузную фигуру.

Откуда-то из темноты, урча мотором, подкатил «черный ворон».

— Садись! — скомандовал конвоир.

Сначала Мишка, потом тот, второй, влезли в душную металлическую коробку. Автозак тронулся.

Костров удобно устроился в темноте и спросил:

— Что, едем в «Таганку»?

— Нет, в Сочи, — ответил невидимый попутчик. — За что?

— Грабеж. А ты?

— Спекуляция.

— «Недолго музыка играла, недолго фрайер танцевал...»

— Ты веселый больно. Закурить есть?

— Нет, все вычистили, псы.

— Плохо.

— Куда хуже!

Они замолчали. Машину нестерпимо трясло, и Миш-

ка понял, что едут они переулками, по булыжникам. В «воронке» стало совсем нечем дышать, в углу громко сопел Харитонов.

Когда же? Долго-то как...

— Слышь, друг, — спросил Мишка попутчика, — тебя как звать-то? А то...

Он не успел договорить. Машину тряхнуло, раздался скрежет железа, на Мишку навалилось что-то липкое и тяжелое. Но все это длилось какую-то долю секунды. Очнувшись, Костров понял, что лежит на полу, придавленный тушей Харитонова. В открытую дверь сочился ночной холодный воздух.

«Пора», — понял Мишка. Он стряхнул с себя попутчика. Харитонов заворочался, застонал.

«Жив, сволочь». Мишка сильно тряхнул его за плечо.

— Бежим, слышь ты, бежим.

Мишка подтянулся на руках и спрыгнул на мостовую. За ним Харитонов. На мостовой лицом вниз лежал милиционер. Машина, ударившись о столб, нелепо накренилась, въехав в яму, зачем-то выкопанную у самого тротуара. В кабине кто-то стонал. Протяжно и страшно. Мишка наклонился, вынул из кобуры лежащего наган. А Харитонов уже поворачивал в проходной двор.

Они бежали минут двадцать. Мимо каких-то флигелей, мимо помоек и маленьких пузатых домов.

Наконец перелезли через забор и оказались в каком-то парке. Там они разыскали полуразрушенную беседку и спрятались за ее щербатой стеной.

— Данилов слушает.

— Все в порядке.

— Люди целы?

— Да.

— А машина?

— День работы.

— Хорошо. Он взял оружие?

— Взял.

— Приезжай немедленно.

— Так, — сказал Мишка, — значит, «мы бежали по тундре». А дальше?

— У тебя хата есть? — спросил Харитонов.

— Что толку, у меня там, наверное, засада. Они мою хату много лет знают.

— Вор?

— Ну зачем так грубо?

— Понятно. Сидел?

— Пять сроков, два побега, этот третий. Если возьмут, то, по военному времени, вполне могут прислонить к стенке.

— Ко мне тоже нельзя. Но есть одно место. Так что пошли, — Харитонов встал.

— Я себе не враг — ночью с «пушкой» патрулю попадаться. Надо до утра ждать.

— Резонно. Значит, давай обождем. Курить только страсть хочется. Я вздремну, пожалуй.

— Спи, я погляжу.

Мишка закутался в плащ. Все-таки холодны сентябрьские ночи. Он сидел и глядел в темноту.

Совсем рядом шумел ветер в ветках деревьев, где-то в пруду звонко плескала вода. Ночь темная, и он был в ней один, со своими мыслями, со своим страхом. Он сидел и слушал. Ему казалось, что слышит он тяжелый басовитый гул, который с запада нес ветер. И Мишка понимал, что в этой ночи идет война и гибнут люди, а он ничем не может им помочь. Сознание своей беспомощности рождало в нем тяжелую злость. Ему хотелось вынуть наган и всадить все семь пуль в этого гада, сопящего у противоположной стены. Ишь, сволочь, с немцами спутался. Но он вспоминал слова Данилова о том, что дело, порученное ему, поможет фронту и оно сейчас самое главное и важное для многих людей.

Под утро он задремал. Проснулся от резкого толчка. Над ним стоял Харитонов и тряс его за плечо:

— Утро. Проспал, караульщик.

— Я только полчаса. Ох и курить охота!

— Скоро покуришь. Пошли.

— Куда?

— Закудыкал. Тащить верблюда.

— А, ну если так, то я могу.

Они прошли по мокрой от росы траве. На аллеях клубился туман, солнечные лучи, с трудом пробираясь сквозь него, не доходили до земли. Было свежо.

— Пойдем побыстрей, — сказал Мишка, — а то я закоченею.

Где-то зазвонил трамвай, и они пошли на его голос мимо детской площадки, сырых скамеек, выцветших на солнце беседок.

Им повезло. Трамвай, показавшись из-за поворота, только-только набирал скорость. Они прыгнули на ходу. Вагон оказался пустым. Только пожилая кондукторша дремала, прислонив голову к стенке. Она открыла глаза, поглядела на пассажиров.

— Оплатите проезд, граждане, — голос ее был поутреннему хриплым.

Влипли. Мишка похолодел: денег-то нет.

Он поглядел на судорожно шарящего по карманам Харитонова. Кондукторша уже совсем проснулась и выжидающе глядела на них.

— Мамаша, — сказал Мишка, — мамаша, мы беженцы. Из-под Смоленска мы. Нету у нас денег. Ты уж извини нас.

— Откуда? — переспросила кондукторша.

Мишка молчал. Тогда она оторвала два билета и протянула ему:

— Бери, а то не дай бог — контролер. Как там?

— Плохо, мать, совсем плохо.

Они прошли вперед и сели.

— А ты ничего, — усмехнулся Харитонов, — молодец. Видно, битый.

— А по чему видно? — зло спросил Мишка.

— Да по всей ухватке.

Трамвай медленно пробирался через пустую Москву. Мишка смотрел в окно и удивлялся тому, как изменился город. Мимо окон проплывали магазины с витринами, забитыми досками. Нижние этажи домов закрыли мешки с песком, на перекрестках стояли разлапистые ежи, сваренные из обрубков рельсов.

— Эй, мужики, — крикнула кондукторша, — вы свою остановку не проедете?

— Нет, нет, — засуетился Харитонов, — нам здесь выходить, на Курбатовской.

Они сошли с трамвая и пошли сквериком, пересекая площадь. Миновали особняк, в котором помещался ВОКС, старый собор и вышли в тихий переулок. Потом они долго кружили проходными дворами.

— Здесь, — наконец сказал Харитонов, — пришли.

— Куда?

— К надежным людям. Только помни: народ тут

серьезный, чуть что... — он щелкнул пальцами.

— Не учи, — лениво процедил Костров, — не таких видали.

Они вошли в старый, похожий на казарму, дом. Долго блуждали в переплетении лестниц и коридоров.

У двери с вылезшим наружу войлоком Харитонов остановился и постучал в стену.

«Номера нет», — автоматически отметил Мишка.

Они стояли и ждали минуты три. Харитонов занес было руку, чтобы опять постучать, как вдруг из-за двери раздался голос:

— Кто?

— Свои.

— У нас все дома.

— Егора недосчитались.

Дверь отворилась.

— Один? — спросил тот же голос, показавшийся Мишке необыкновенно знакомым.

— Нет, с хорошим человеком.

Мишка шагнул в темноту квартиры. За его спиной хлопнула дверь. Сразу же вспыхнула лампочка в прихожей. И тут Мишка увидел Резаного. Он стоял, широко расставив ноги в командирских галифе, стоял и улыбался:

— Ну-с, как говорится, гора с горой... Так, что ли, Миша?

— Да вроде так, — Мишка на всякий случай опустил руку в карман.

— Это ты брось, — спокойно, даже слишком спокойно сказал Резаный. — Наган или нож, я не знаю, что у тебя там, не поможет. Да и зачем они тебе, ты же не у чужих людей. Припекло, а, Миша? Ко мне прибежал.

— А куда побежишь, Резаный? Куда? Сейчас время такое: кто к деловым пристанет, у того фарт.

— Это ты прав. Ну что мы стоим? В комнату заходите. Там поговорим, закусим. Время завтрака. Прошу, — Широков приглашающим жестом распахнул дверь в комнату.

Мишка шагнул первым, и сразу чьи-то сильные руки скрутили локти, кто-то невидимый вырвал из кармана его брюк наган.

ДАНИЛОВ

Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Восьмой день люди непрерывно у телефона дежурят, а Мишки нет. Мишка как в воду канул. Ох, нехорошо это. Прямо скажем — плохо... Неужели... Нет, об этом Данилов даже думать не хотел. А вдруг Широков не поверил Мишке? Тогда... Лучше и не думать, что тогда... Но если случилось непоправимое, все равно Данилов в ответе за провал, а значит, необходимо найти еще одно решение, аварийный вариант, который поможет в ближайшее время обезвредить группу ракетчиков.

Всю эту неделю Данилов мотался по городу. Он с Шараповым объехал почти все предприятия в своей зоне, говорил со многими людьми. Проинструктировал домоуправов и дежурных МПВО. Особенно долго беседовали с мальчишками, эти-то ничего не упустят.

Пока удалось задержать несколько паникеров и двоих неизвестных, пытавшихся во время тревоги разбить склад гастронома на Лесной улице.

Но все это было не главным. Вчера позвонил капитан госбезопасности Королев и передал, что в Москве уже действует хорошо законспирированная группа диверсантов, которой руководит тот самый Отец. Как и предполагалось, группа эта состоит из бывших уголовников.

— Ну, как ваше мнение? — спросил Королев.

— Я думаю, что именно к ним мы и послали Кострова.

— Молчит?

— Пока да.

— Ну а вы думали о худшем?

— Я только об этом и думаю.

— Так что делать будем?

— Я пока знаю только район, в который их привез трамвай. Дальше наши люди не пошли за ними, боялись расшифровки.

— Уже кое-что. Нужно сориентировать общественность.

— Сделано.

— Молодцы. Ты, Иван Александрович, позвони мне сразу, если новости будут.

— Непременно.

Положив трубку, Данилов подумал о том, как ме-

няются люди. После совещания он думал о Королеве как о резком и даже грубом человеке, — и вот, на тебе, того будто бы подменили.

— Он тогда не в себе был, — сказал ему заместитель начальника. — У него семья на Украине отдыхала. Ну, конечно, война — от них ни слуху ни духу. Только три дня назад сообщили, что им удалось эвакуироваться.

Семья... Вот у него отец тоже на оккупированной территории, а он об этом не говорит никому. Он все время гнал от себя мысли об отце. Только ночью да в редкие часы отдыха вспоминал последнюю поездку к родителям, и на душе становилось скверно, тяжело. Он слишком хорошо знал отца, поэтому не искал его среди эвакуированных. Из своего леса старик мог уйти только на кладбище.

— Разрешите войти? — спросил в полуоткрытую дверь Игорь Муравьев. На нем была новая шинель, туго перепоясанная ремнем с кобурой, фуражка. Хромовые сапоги нестерпимо сияли.

— Входи, Игорь, — Данилов удивленно поглядел на него. — Ты куда это?

— К вам.

— Ну, ко мне ты мог зайти менее нарядным. Ты все-таки куда собрался?

Игорь покраснел:

— Я хотел вас об одной вещи попросить... Я... В общем, жениться мне надо.

— Что? — спросил Данилов. — Что ты сказал?

— Женюсь я, Иван Александрович, — пробормотал Игорь.

— Ах, так! То есть как ты женишься?

— Очень просто! — в голосе Муравьева послышалась обида. — Как все, так и я.

— Да нет, ты меня не так понял. — Данилов встал. — Я разве против? Неожиданно как-то.

— Для меня тоже. Да вот в чем дело. Инна с институтом эвакуируется... Мы и решили.

— Это все правильно. Замечательно это. Только я при чем? Если надо тебе уйти, то я отпущу...

— Нет. Иван Александрович, я за другим. На свадьбу приглашаю. Полесова и Шарапова я уже позвал.

— Так, — Данилов провел ладонью по лицу. Ще-

тина неприятно царапала кожу. — Ты погоди немного. Ты мне полчасика дай. Жди здесь, я скоро.

Данилов вышел в коридор. Вот оно как, Игорь женится. Ай как хорошо это! Ай как здорово! Милый мальчик. Красивый, хороший. Наверное, Инна его такая же. Они будут счастливы, обязательно будут, потому что счастье их началось в самые горькие дни.

Иван Александрович спустился в общежитие, вынул из-под койки чемодан. Сегодня он наденет выходную форму и медаль к гимнастерке прикрепит, чтобы все было, как нужно. Праздник так праздник.

Через пятнадцать минут, выбритый, в выходной габардиновой гимнастерке, Данилов поднялся в кабинет начальника.

— У себя? — спросил он у Осетрова.

— Совещание у него, группа Серебровского докладывает.

— Ты, Паша, передай записочку.

— Хорошо, — ответил Осетров. — Вы ждать будете?

— Буду, непременно буду.

Данилов написал карандашом несколько строк и передал Осетрову.

Начальник вышел сразу. Он изучающие оглядел Данилова от ромба в петлице до сапог и удивленно поднял брови.

— Ишь ты, прямо лейб-гвардии гусарского полка милиционер Данилов. Тебя что, вызывают куда? — начальник показал пальцем на потолок.

— Да нет, тут вот какое дело, — Иван Александрович, косясь на Осетрова, зашептал что-то на ухо начальнику.

— Вот даете! Нашли время. Что, пожар? Подождать некогда?

— Так ведь любовь, ей ждать нельзя.

— Н-да, Муравьев, говоришь... Только неудобно получается, человек женится, а дарить нечего. Ты постой... Бери машину, до двадцати двух я вас отпускаю. Это тебя, Полесова и Шарапова. Муравьев свободен двое суток. А теперь ты мне Шарапова пришли, есть у меня срочное задание ему.

В кабинете Данилова ждали Игорь, Полесов и Шарапов. Все трое были по-праздничному подтянуты.

— Ну, я готов, — сказал Иван Александрович. —

Ты, Иван Сергеевич, — сказал он Шарапову, — иди к начальнику, у него для тебя какое-то дело важное есть.

— Как же так, — спросил Игорь, — а ко мне?

— Он приедет, чуть позже приедет. Ты ему оставь адрес.

Они вышли из комнаты.

— Оружие взяли? — спросил Данилов.

— Взяли.

— Ну хорошо, а то мало ли что. Кстати, Игорь, а где невеста?

— В дежурке ждет.

— Достойное место для будущей жены оперативника. Пропуск ты не догадался выписать?

В дежурке на вытертой до блеска деревянной скамье сидела Инна. Увидев Игоря, она встала.

— Знакомься, Инка, — смущенно пробормотал Игорь, — это мои друзья.

Она протянула руку. Пожатье ее было сильным и мягким. Данилов подивился цвету волос и синеве глаз. У подъезда стояла «эмка» начальника. Иван Александрович распахнул дверцу. Инна села рядом с шофером. Мужчины втиснулись на заднее сиденье.

— А куда, собственно, едем, товарищ Данилов? — спросил шофер.

— Это тебе Муравьев покажет, он сегодня старший.

— Куда, Игорь?

— В загс.

— Да ну? Кого брать будем?

— Нет, Егор Акимович, на этот раз жениться будем.

— Это дело! Держись, невеста! — крикнул шофер. — За сыщика замуж выходишь, за орла-сыщика!

Громко сигналя, «эмка» влетела в узенький переулок и остановилась у маленького домика.

Райбюро загса находилось в подвале. В комнатах невыносимо пахло плесенью.

«Почему это, — подумал Иван Александрович, — самое прекрасное в человеческой жизни должно обязательно совершаться в таких вот жутких подвалах? Неужели никогда не додумаются построить клуб молодоженов или что-нибудь в этом роде!»

Навстречу им из другой комнаты вышла мужепо-

добная женщина в пиджаке со значком «Ворошиловский стрелок» на лацкане.

— В чем дело, товарищи? Я заведующая загсом.

Голос у нее был прокуренный и хриплый, в нем слышалось явное волнение. Естественно, что появление трех командиров милиции может обеспокоить кого угодно.

— Да нет, все в порядке, — улыбнулся Полесов,— мы вот товарища нашего записать приехали.

— Как это записать? — удивилась заведующая.

— А очень просто, — Степан улыбнулся еще шире, — поженить. — Он показал на Игоря и Инну.

— Поженить? — возмущенно переспросила заведующая. — Вы, товарищи, наверное, все партийные, а текущего момента не понимаете. Время ли сейчас для мелких личных радостей? В те дни, когда озверелый враг...

— Прекратите, — Иван Александрович почти вплотную подошел к ней, — прекратите немедленно и делайте свое дело. А когда людям жениться, то их дело. Ясно?

— Мне, конечно, ясно, но я сообщу куда следует. Работники органов — и такая несознательность. Давайте документы! — рявкнула она на Игоря.

— Вы меня сознательности не учите, — возмутился Игорь, — мы свое дело делаем, а вы своим занимайтесь.

Лицо его пошло красными пятнами, руки, достававшие документы, дрожали. Инна осторожно взяла его за локоть:

— Игорек!

До этого она все время молчала, только улыбалась светло и радостно. Ее не смущало происходящее: ни эта женщина, грубая и злая, ни унылые комнаты загса, ни скрипящие ремнями снаряжения друзья. Она просто не замечала ничего. Для нее в этом огромном мире жил сегодня всего лишь один человек — Игорь.

Заведующая доставала какие-то бумаги, рылась в столе, и все это она делала, не переставая ворчать. Наконец она протянула Игорю документы:

— Распишитесь. Вот здесь... Теперь ваша жена.

— Все? — спросил Степан.

— А что еще?

— Да нет, ничего, — вмешался молчавший до сих

пор Данилов, — ничего особенного, можно было бы и поздравить людей.

— Чего бог не дал, — сказал стоявший у дверей шофер, — того, значит, в лавочке не купишь.

Они вышли на улицу.

— Ух, хорошо-то как! — засмеялся Степан. — Ну, Игорек, поздравляю!

Он обнял Муравьева и поцеловал. Друзья поочередно поздравили молодых.

— Теперь куда, Игорь? — спросил шофер.

— На улицу Горького, к Белорусскому вокзалу.

— А может быть, пешком пройдемся? — вдруг сказала Инна. — Ну, пожалуйста.

— А что? Давайте. — Данилов повернулся к шоферу: — Вы можете ехать в управление, мы пройдемся.

Переулками они вышли на улицу Горького. Впереди Игорь с Инной, за ними Данилов с Полесовым. До Инниного дома, где ждали молодых с гостями, было недалеко. Жила она в угловом здании у Белорусского вокзала, в самом высоком на улице Горького, в одиннадцатиэтажном. Он был последним, дальше — вокзальная площадь, Ленинградское шоссе.

— Иван Александрович, — сказал Степан, — а вы знаете, мне грустно что-то.

— Вот тебе и раз. Завидуешь?

— Да нет. Игорь женится как-то нескладно.

— Ты что же, Степан, тоже скажешь, что не вовремя?

— И не знаю даже.

— А кто нам это время определил — время любить? Неужели для прекрасного должны существовать определенные сроки? Вот тебе год на труд, вот на войну, на неприятности, а вот на счастье. Так, что ли?

Данилов помолчал немного и продолжал:

— Нет, брат, счастье — понятие постоянное. Оно должно быть стабильным, иначе жить незачем. И хорошо, что они поженились именно сейчас. Значит, это им обоим необходимо было.

Они дошли до угла Большой Грузинской и остановились. Со стороны Миусской площади шли войска. Длинная колонна людей по четыре в ряд. Шли ополченцы. Штатское пальто перетянули ремни с подсум-

ками. Над колоннами колыхались граненые штыки трехлинеек.

Шли рабочие, инженеры, писатели, актеры. Люди самых мирных профессий, которых война заставила взять в руки оружие. Пусть в этих рядах не было геометрической точности армейских порядков. Пусть линия штыков ломалась при каждом шаге. Строй батальона объединяло другое — мужество и желание отстоять родную столицу.

Данилов, пропуская колонну, жадно вглядывался в лица людей, искал знакомых. Они наверняка были там, только он не узнавал. Вернее, не мог различить. Отпечаток мужественности, легший на лица людей, делал их незнакомыми и даже похожими одно на другое.

Рядом тяжело вздохнул Полесов. Иван Александрович поглядел на Муравьева. Игорь стоял, низко опустив голову.

Колонна шла, унося с собой запах ременной кожи и ружейного масла.

— Закурим, — предложил Данилов и достал пачку «Казбека». Он зажег спичку, дал но очереди закурить Степану и Игорю.

— Вот что, ребята, — сказал Иван Александрович, крепко затянувшись сразу затрещавшей папиросой, — нет того хуже, когда перестаешь уважать свое дело. Вот сейчас ополченцы на фронт пошли. А кто их до войны охранял? Дом их оберегал, работу, жизнь? Мы! Теперь же мы должны семьи их здесь в Москве защищать. Да разве только семьи? Ну давайте уйдем все в окопы. А тыл на кого оставим? Обычно армия наступает эшелонами. Первый, второй, третий. Мы, четвертый эшелон, не менее важный и нужный, чем все предыдущие. Мы охрана тыла действующей Красной Армии. Подумайте об этом. А что касается опасности, так каждый из нас в любой момент может пулю схватить.

Данилов краем глаза увидел сразу побледневшее лицо Инны.

— Да, — продолжал он, — конечно, горько об этом говорить в такой день, но пусть и жена твоя, Игорь, знает и гордится твоей профессией. Помните, мы — чекисты, а этим сказано все. Ну что стоим? Пошли, а то свадебный гусь остынет.

Лифт не работал. Пришлось подниматься пешком на одиннадцатый этаж. Данилов еле осилил бесконечные ступени. Сказывалось постоянное недосыпание и курение. Только сейчас он понял, как устал. Сердце колотилось гулко и прерывисто.

«Плохи дела, — думал он, преодолевая ступеньку за ступенькой, — совсем плохи. Возраст-то какой? Всего сорок один год. Мужик-то еще молодой, а сердчишко шалит. Эта сволочь Широков тогда в Саратове испортил сердце. Но ничего, в запасе есть немного времени. Мы с ним рассчитаемся. Это уж непременно!»

Их ждали. Как только на лестнице раздались шаги, дверь распахнулась. На пороге встречала гостей мать невесты.

Они вошли в прихожую, казавшуюся очень просторной, поскольку в ней не было привычных вещей. Только вешалка намертво прикреплена к стенке да в углу высилась груда сундуков и чемоданов.

— Вы извините за беспорядок, — сказала хозяйка, — эвакуируемся. Я с Инночкой еду, и бабушка с нами.

В прихожую вплыла, именно не вошла, а вплыла маленькая старушка, похожая на колобок.

— Заходите, гости дорогие, заходите! А что всё милиционеры, больше людей не будет?

— Будет, — захохотал Игорь, — и еще один будет, Анна Васильевна, только тоже милиционер.

Стол был накрыт в большой комнате. После двух месяцев казарменной жизни чистые салфетки, блестящие грани фужерного хрусталя казались непривычными, необычайно чистыми и хрупкими.

— Все запасы здесь, — сказала за спиной Данилова Иннина мать. — Как знала, икру зернистую на черный день, мол, заболеет ли кто, приберегла. Вот и пригодилась.

Что и говорить, стол по военным временам был неплохой, а запах, идущий из кухни, вызывал зверский аппетит у мужчин, несколько месяцев питающихся в столовой.

К столу не садились, ждали Инниного отца. Данилов взял с подоконника раскрытую книгу.

«За Гусь-Хрустальным, на тихой станции Тума, я пересел на поезд узкоколейки. Это был поезд времени Стефенсона. Паровоз, похожий на самовар, свистел

детским фальцетом. У паровоза было обидное прозвище: «мерин». Он и вправду был похож на старого мерина. На закруглениях он кряхтел и останавливался. Пассажиры выходили покурить. Лесное безмолвие стояло вокруг задыхающегося «мерина». Запах дикой гвоздики, нагретой солнцем, наполнял вагоны».

Иван Александрович опустил книгу и закрыл глаза. И снова вспомнил он поездку к отцу: маленькую станцию, куда его привозил такой же паровик, лесную дорогу, поросшую травой. Обычно он приезжал вечером. В лесу было тихо, только на маленьком озерке пронзительно и звонко клекотали лягушки.

Как там его старик? Просто страшно подумать, что с ним могут сделать немцы. Но он гнал от себя эти мысли. Александр Данилов не будет сидеть и ждать фашистов. Не тот человек. Еще в гражданку лесничий стал на время начальником уездной милиции, дрался с бандами и кулачьем. Теперь-то отец наверняка партизанит. Но все равно сердце щемило. Тревоги заполнили Данилова. Противно заныло сердце.

В прихожей послышался звонок. Иван Александрович открыл глаза. Звонок повторился. Он по-хозяйски важно дребезжал в пустой прихожей. «Наверное, отец Инны». В комнату вошел мужчина в военном костюме без петлиц и с орденом Трудового Красного Знамени на гимнастерке.

— Ну, давайте знакомиться, товарищи, — широко улыбнулся он, — я, так сказать, отец молодой.

— Фролов, — говорил он, поочередно пожимая руки, — Александр Петрович.

С приходом хозяина все оживилось. Женщины засуетились у стола, что-то расставляя и поправляя на нем.

— А чего стоим? За стол, за стол!

Александр Петрович обнял Инну и Игоря и повел их к столу. Только сели, загремели посудой, как в прихожей снова раздался звонок.

— Это Шарапов, — сказал Игорь, — не беспокойтесь, я открою.

Он побежал в прихожую, и минуты через три в комнату вошел Шарапов. Иван был торжествен и строг. В руках он держал огромную вазу, ту самую, японскую, фарфоровую, которая много лет стояла в кабинете начальника рядом с сейфом. Кое-кто во вре-

мя совещания стряхивал туда пепел, что потом становилось причиной легких управленческих бурь. Начальник любил говорить, что ваза эта семнадцатого века и что ей цены нет. Но кто-то из экспертов, приглашенных в МУР по делу кражи из музея, сказал Ивану Александровичу, что ваза действительно японская, но сработана много позже, приблизительно в 1908 году, харбинским мастером. Тем не менее ваза была гордостью МУРа. Но не ваза была самым удивительным. Нет. Розы, огромные бархатные красные розы.

— Ой, — воскликнула Инна, — какая прелесть!

— Это, значит, — Шарапов покраснел даже, — это, значит, от нас, от товарищей. Счастливы будьте!

Иван поставил вазу на стол. И сразу в комнате стало весело и радостно, совсем по-летнему. Инна подбежала к Шарапову, обняла и крепко поцеловала.

Наступило то веселое оживление, которое всегда царит за столом, когда собираются за ним приятные друг другу люди. Кому-то не хватило вилки, у кого-то рюмка оказалась слишком маленькой. Все эти милые мелочи порождали веселье и шутки.

Но вот рюмки у всех налиты, закуска положена на тарелки, в комнате на секунду установилась тишина.

— Товарищи, — встал Александр Петрович, — сегодня у нас день радости. Семья наша пополняется. О дочери своей я ничего говорить не буду, а о зяте скажу. Я рад, душевно рад, Игорь, что ты в наш дом пришел. Я сына хотел, да... Теперь у меня сын и дочка. И, как отец, я своим сыном горжусь. Горжусь его профессией, званием его чекистским горжусь. В нелегкое время мы гуляем на этой свадьбе, враг к Москве рвется. Но жизнь продолжается. Желаю вам, мои милые, прежде всего мужества, потому что оно очень нужно нам всем, и счастья, настоящего и большого.

После него говорил Данилов, потом бабушка, мать, Степан Полесов. Самый короткий тост принадлежал Шарапову. Он встал, оглядел всех лукавыми, смеющимися глазами и сказал одно лишь слово: «Горько!»

Время бежало незаметно. Вот попрощался с гостями Александр Петрович, он даже на свадьбу дочери мог приехать только на два часа. Завод, на котором он был директором, работал для фронта, ремонтировал танки, делал мины. Сейчас на нем выполнялся срочный заказ: собирали бронепоезд.

Отец ушел, а они еще выпили за его здоровье, за завод, за тех, кто на фронте.

Данилов поставил рюмку на стол и вдруг увидел гитару. Как же он ее не заметил раньше? Она стояла на диване у самой стены. Иван Александрович встал, вытащил инструмент из угла.

— Ого, — засмеялся Игорь, — Иван Александрович, у вас, никак, тяга к слободской лирике?

— Это почему же? Гитара — инструмент прекрасный, а твою «слободскую лирику» можно и на концертном рояле играть. Не в том дело, на чем, а — как и что.

Данилов начал осторожно настраивать гитару. Потом взял первый аккорд, сначала тихо, затем сильнее... Иван Александрович пел старые, давно забытые романсы. Его голос, тихий, чуть с хрипотцой, заполнил комнату. Слова романсов были просты и нежны. Они звучали словно откровение. Но вместе с тем они были знакомы, мучительно знакомы...

— Это же Есенин. Ну, конечно, Есенин, — сказала Инна.

— Правильно, — Данилов отложил гитару, — это Есенин, чудесный поэт, истинно русский, только вот его у нас почему-то забывают.

— Его не забывают, но нам нужна прежде всего гражданская лирика, — возразил Игорь.

— Нам вообще нужна лирика, тем более есенинская. Человек иногда должен грустить и даже плакать. Это очищает...

Внезапно ожил молчавший до этого репродуктор. «Граждане! — произнес уже знакомый голос диктора. — Воздушная тревога! Граждане! Воздушная тревога! Штаб противовоздушной обороны приказывает...»

— Ну вот, — чуть не плача сказала Иннина мама, — пожалуйста. Неделю не прилетали, и нате же, в такой день...

— Поздравили, — усмехнулся Полесов.

— Мрачно шутишь, Степа, — Данилов надел шинель, — пошли.

— А может быть, останемся? А? Ребята, что мы, смерти боимся? — крикнул Муравьев.

— Боимся, Игорь, ох как боимся. — Шарапов взял со стола папиросы. — Смерть, она тебя не спросит.

Нет. Придет — не заметишь. Нам жить надо. Дел у нас еще много очень.

Быстро они спустились по лестнице. Площадь была темна и казалась безлюдной. Но первое впечатление было обманчивым. Площадь жила короткой, но тревожной жизнью. В темноте ко входу в метро двигались десятки людей. Ночь была заполнена шарканьем подошв и человеческими голосами.

Они пересекли площадь, вошли в метро. Вестибюль гудел от множества голосов: искали потерявшихся, звали знакомых.

«Но ведь все спокойно, — подумал Данилов, — да, торопятся, боятся, конечно, но паники-то нет. Молодцы!» У эскалаторов два милиционера умело направляли людской поток. Сначала — женщины, дети, старики, потом — мужчины. Впрочем, последних почти не было.

Вдруг равномерное движение нарушилось. Данилов сначала даже не понял почему. Закричала женщина, надрывно и страшно заплакал ребенок. Очередь смешалась. Сквозь толпу, расталкивая людей, рвался к эскалатору мужчина в полувоенном костюме. На побелевшем лице лихорадочно блестели полные ужаса глаза. Вот он схватил за плечо женщину и оттолкнул, расчищая себе дорогу.

— Полесов! — крикнул Данилов.

Степан понял его сразу. Раздвинув плечами людей, он встал на дороге. Человек наткнулся на него, как в темноте наткнулся бы на столб.

— Пусти! — визгливо закричал он. — Пусти!

— Идите за мной. — Степан взял его за руку и вытащил из толпы.

— Пусти!

— Ваши документы, — Данилов подошел к незнакомцу, — ну, быстро!

— Какие документы? Немцы же...

— Молчать! Где немцы? Когда вы успели увидеть их? Паспорт, быстро!

К ним пробирались дежурные милиционеры.

— Возьмите этого человека, — повернулся к ним Иван Александрович, — проверьте как следует, выясните, почему он не на фронте, и доложите мне на Петровку. Фамилия моя Данилов, ясно?

— Так точно, товарищ начальник.

Данилов и Полесов встали в хвост очереди. Она двигалась быстро, и скоро они уже стояли на ступеньках эскалатора. Данилов, глянув вниз, увидел платформу, черную от людей.

Игорь с родными и Шарапов ждали у начала перрона. Они пристроились на каком-то перевернутом ящике. Рядом точно на таких же сидели другие люди. Видимо, ящики специально для этого принесли сюда. Как же люди быстро привыкают ко всему! Прячутся от бомбежки, а уже обставляют свой быт, пытаются сделать его по возможности удобным.

Перрон жил особой жизнью. Он напоминал вокзал. Люди словно ожидали прихода поезда. Вот три старушки сидят на раскладных стульчиках. На чемоданчике, поставленном на попа, разложены карточки лото. Два паренька играют в шахматы, а дальше седой мужчина в очках что-то пишет, положив блокнот на колени. Женщины баюкают детей, кто-то наливает чай из термоса.

— Вот так и живем! — вздохнула бабушка Инны. — Иван Александрович, когда это кончится?

— Скоро, очень скоро кончится!

«Граждане, опасность воздушного нападения миновала!» — раздался металлический голос из колокола-репродуктора. Но люди не поднимались, они знали, что будет еще несколько тревог, они оставались в метро.

— Пошли, — Данилов встал. — Нет, ты, Игорь, оставайся, на работу явишься завтра. Проводишь жену и придешь.

— Иван Александрович, — сказал Муравьев, — тревога кончилась, мы домой пойдем. Инне собираться надо.

— Конечно, конечно.

Они долго шли по остановившимся ступеням эскалатора. Только сейчас Данилов понял, что метро действительно расположено глубоко под землей.

Площадь все так же была темна и еще более пустынна. Только на Ленинградском шоссе слышался гул моторов. Простились они у Инниного подъезда. Впервые товарищи уходили на работу, а Игорь оставался.

С восьми утра Игорь дежурил у телефона. Ждал Мишкиного звонка. Девять дней не звонил Мишка. Данилов извелся, ожидаючи. Сегодня с утра он уехал под Москву, в село Никольское. Зачем поехал, никому не известно. Такой у него характер: пока сам все не проверит, никому ничего не скажет.

— Ты, Игорь, сиди у телефона, звонка жди. Я не верю, чтобы Мишка пропал, не мог он... Видимо, просто проверяют его.

Данилов с Полесовым уехали, а Муравьев остался в кабинете начальника отделения один на один с телефоном и своими невеселыми мыслями.

Действительно, чему радоваться? Мать с сестрой и племянницами эвакуировалась. Инну он вчера проводил в Челябинск. Всего одну ночь вместе — и она уехала. Почему-то Игорь опять вспомнил дачу. Лес вспомнил и узкую велосипедную дорожку. Велосипедной ее назвали они, на самом деле это была обыкновенная, правда очень твердая и накатанная, тропинка. Там они с Инной и познакомились. Теперь даже не верится, что это было когда-то. Словно сон...

Ту, их единственную, первую и пока последнюю ночь они не сомкнули глаз. Она пронеслась удивительно быстро, и настало утро, утро разлуки. На перрон они протолкнулись с трудом. Потом тащили чемодан к поезду, пробираясь сквозь плачущих и целующихся людей. Но все же даже здесь существовал свой порядок, строгий и непреклонный. То и дело репродуктор бросал в толпу слова команды, и люди, взяв вещи, уходили на посадку. Состав найти было нетрудно: вокруг него толпилась молодежь. Уезжали институты. Причем эвакуировались только девушки, ребята всеми правдами и неправдами оставались в Москве, старались уйти на фронт.

Инну немедленно окружили однокурсницы. Сразу же начались какие-то неотложные общественные дела. И пока Игорь помогал матери и бабушке устроиться, пока заталкивал на полки тяжелые, словно набитые кирпичами, чемоданы, жену у него увели в «штабной» вагон. Потом Инна прибежала, смущенно посмотрела на мужа и скрылась, словно растаяла.

— Совсем девчонка, — сквозь слезы сказала мать, —

ну, просто ребенок еще. И вот тебе на, замужем. — Она посмотрела на Игоря.

И ему стало нехорошо от этого взгляда. И неловко почему-то стало.

— Я покурить пойду, — сказал он.

— Поди, сынок, поди, — улыбнулась бабушка, — подыми, а то когда еще тронемся.

Она уже обжила место у окна, разложила на столике свои многочисленные кулечки и пакетики.

Муравьев вышел на перрон, и снова его окружила вокзальная неустроенность. Казалось, весь город тронулся в путь. И невеселой была эта дорога.

Внезапно состав дернулся, залязгал буферами.

— Паровоз прицепили! Паровоз! — закричал кто-то.

Люди бросились к вагонам, начали торопливо прощаться.

Где же Инка?!

Вот уже бабушка стучит в окна вагона.

Где же Инка?!

— Граждане! Граждане! Поехали! — стараясь перекрыть шум толпы, кричит кондукторша.

Где же Инка?!

В конце перрона закричал паровоз, тоскливо и гулко.

Где же Инка?!

Он увидел ее, когда поезд медленно поплыл вдоль перрона. Увидел ее заплаканное лицо, тонкую руку, машущую ему. Но вагон прошел, а бежать за ним не давала толпа. Мимо него промчались пассажирские вагоны и теплушки. Промелькнули сотни лиц, и наконец показалась последняя, тормозная площадка. Поезд набирал ход.

С вокзала он поехал в управление. Трамвай долго кружил в лабиринтах улиц. Игорь читал знакомые названия, и как будто ему становилось легче.

До этого он вообще не знал, что такое разлука. Ну, мать уехала, сестра, муж ее, племянницы. Но это было как-то незаметно. Словно они поехали на дачу и должны вернуться через неделю. Отъезд жены (какое непривычное слово «жена»!) впервые породил в нем какую-то непонятную пустоту. Муравьев еще не знал, чем он ее сможет заполнить.

Сидя в кабинете Данилова и отвечая на бесконеч-

ные звонки, он все время видел лицо Инны и ее машущую руку.

Ну до чего же нудная работа дежурить у телефона! Ужас прямо какой-то. Целый день звонят, и все не по делу. Игорь успел уже несколько раз поговорить с дежурным, поругаться с начальником АХО, внимательно выслушать начальника НТО Рассказова. Да, скучное это дело — дежурство. Вот и папиросы кончаются. Кого бы попросить сбегать? Игорь потянулся к телефону, и в это время он зазвонил.

— Да!

— Это я, — услышал Игорь Мишкин голос.

КОСТРОВ

Двое держали его за руки. Держали крепко. Но Мишка и не пробовал вырываться. Все равно, если заподозрили, значит — каюк. На диване у окна сидел незнакомый человек в военной форме. Свет падал на его начищенные до блеска сапоги, и по голенищам бегали черные зайчики. Почему-то Мишка видел только эти сапоги с маленькой, изящной колодкой.

— Ну-с, — Резаный вошел в комнату, — значит, пришел к нам в гости, Михаил?

— Ты мне руки прикажи отпустить, тогда я с тобой говорить буду. — Мишка дернулся.

Но слишком уж крепки были эти чужие руки, словно стальным обручем сжимали они его.

— Ах, Михаил, Михаил, когда тебя звали — не шел, а теперь сам прибежал.

— Я не к тебе бежал, а вот к нему, — Мишка кивнул головой на Харитонова. — Ты мне лучше скажи, чего твои шестерки мне руки крутят? А?

«Эх, давай, давай, Мишенька, заведись. Я сейчас такой концерт устрою!»

— Ну скажи, гад! — крикнул Мишка с надрывом, взвинчивая себя. — Скажи!

— Тихо, — внезапно сказал сидевший на диване, — вам здесь не милиция и не домзак. Помолчите. Действительно, Андрей Николаевич, — он повернулся к Резаному, — что это за дешевая мелодрама? Что вы от него хотите? Если вы ему не верите... отпустите, но, конечно, вечером. — Он, прищурившись, поглядел на

Мишку, и тому нехорошо стало от этого взгляда.— Ну а если это наш человек, зачем же нервы трепать?

Внезапно с необычайной остротой Мишка понял, что от ответа Резаного зависит, останется ли он жить или нет.

Широков подошел к столу, взял папиросу из пачки, не торопясь размял ее, прикурил.

— Человек он, конечно, наш. Только несговорчив больно. Что, Михаил, с нами остаешься или отпустить тебя вечером?

— Куда пускать, кровь на мне, милиционера-то я добил. Теперь мне дорога с вами.

Сказал и почувствовал, как распался стальной обруч рук.

— Ну вот и ладно. Вот и хорошо. Пойди умойся, да подзакусим самую малость. Небось отощал на казенных?

— Что есть, то есть. Только ты, Резаный, мне водки дай. Хоть немного...

— Этого добра сколько хочешь будет. Пей не хочу. Иди рожу ополосни, а то ты как будто из топки вылез.

Потом они выпили, и Мишка сразу уснул на старом продавленном диване. Точнее, провалился куда-то, а когда очнулся, то в комнате было темно, только из дверей пробивалась узкая полоска света. Мишка решил повернуться на спину, но диван немедленно предательски зазвенел, протяжно и громко. Сразу же в соседней комнате смолкли голоса, послышались шаги, и кто-то распахнул дверь.

— Отоспался, — в светлом квадрате стоял Харитонов. — Вставай, брат, спал-то ты почти полтора суток. Небось жрать хочешь?

И только теперь Мишка почувствовал нестерпимый голод. Он встал, нашел под кроватью ботинки и пошел в соседнюю комнату.

Мишка, щурясь от света, разглядывал стол, заставленный закусками, людей, сидящих вокруг него.

— Ты на себя погляди, Михаил, — сказал Широков, — шнурки болтаются, морда опухшая, неумытая, волосы...

— Ты что, Резаный, ко мне в няньки нанялся? Может, мне еще и зубы почистить?

— Не мешало бы. Ты блатные замашки брось. Теперь ты член нашего отряда.

— Какого еще отряда? Банда и есть банда.

— Иди умойся, потом я тебе все объясню.

Ох и тяжелый был этот разговор! Все Мишкино существо кричало беззвучно Резаному: «Сволочь!» Хотелось взять бутылку из-под портвейна и ударить его по набриолиненным волосам. Но вместе с тем он испытывал чувство какого-то необъяснимого азарта. Он замирал от слов собеседника, и сердце его словно падало глубоко-глубоко!

Мозг его цепко и жадно воспринимал все, что говорил ему Широков. Он отбрасывал ненужные, лишние детали, оставляя самое главное. Сейчас Мишка действовал от имени Данилова и поэтому старался представить его на своем месте, старался быть таким же, как этот спокойный, уверенный в себе человек.

Да, тяжелый был разговор. Но Мишка выдержал все и теперь чувствовал себя сильнее, потому что это был его первый экзамен и Резаный поверил ему.

— Что ж, — сказал Мишка, — деваться мне действительно некуда. На фронт, лоб подставлять — дураков нет. Дома вся муровская псарня ждет. Бери меня в свою банду, только помни — я вор. Как немного поутихнет, я опять по-старому жить начну.

— Когда поутихнет, — усмехнулся Широков, — тогда тебе воровать не надо будет. Те, кому мы помогаем, отблагодарят. Всего хватит.

— Ладно, я пойду опять спать лягу, а то мандраж у меня после нашей беседы. Прямо как после разговора с прокурором.

— Ну иди, только не бойся и приведи себя в полный порядок. Дисциплина у нас, брат, военная. Так что без истерик.

— Я постараюсь, — сказал Мишка и опять ушел на свой диван.

Лежа с открытыми глазами, он вглядывался в темноту и думал о разговоре. Значит, вот зачем Резаный собрал банду. Пускать ракеты во время бомбежек, сеять слухи и панику, продовольственные магазины грабить, склады поджигать. И убивать, конечно, потому что не такой он человек, чтобы обойтись без этого. Мишка знал, что на Петровке ждут его звонка круг-

лые сутки. Теперь надо было как можно быстрее позвонить Данилову.

Однако это на первый взгляд простое дело оказалось самым сложным. Все дни рядом с ним были люди. Ему никак не удавалось остаться одному. Наверное, никогда в жизни у него не было таких удивительно длинных и страшных дней. Он томился в этой проклятой квартире. Наконец Резаный сказал ему:

— Сегодня ночью налета ждем, поедешь с ребятами. Ракетницу освоил?

— Теоретически.

— Практика — штука несложная. Так что давай.

— Ты меня в город выпусти.

— Зачем?

— В баню хочу, а то чешусь весь.

— Только смотри, не больше чем на два часа.

Мишка собрался стремительно. Уже у дверей он сказал, остановившись:

— Ты мне хоть сотню дай, а то денег-то у меня ни копейки.

— И то правда. На, но смотри у меня!

— Да чего там. Куда пойдем вечером?

— На Грузинский вал, там дом угловой большой красный, знаешь?

— Где столовая?

— Тот самый, только во дворе там еще корпус есть.

— Там, где проходной?

— Там. А ты что, боишься? — Резаный достал папиросу.

— Нет, я думаю, как от чекистов бежать.

— Что ж, ты прав, даже лучшие стратеги думали об отступлении.

— Так это стратеги. Им ничего, а мне... — Мишка провел пальцем по горлу.

— Иди, не трусь. Помни, — в спину ему крикнул Широков, — начало в девять!

— Утра?

— Остришь?

— Нет, рыдаю.

— Не забудь: начало через два часа.

Мишка вышел из дома и долго крутил в знакомых проходных у Тишинского рынка. Потом он нырнул в палисадник на Грузинской и сквозным подъездом вы-

скочил на Брестскую. Здесь отдышался, закурил и опустил монетку в телефон-автомат.

— Да, — раздалось на том конце провода.

— Это я, — сказал Мишка.

МУРАВЬЕВ

— Я, Миша, я это! — У Игоря даже ладони вспотели от волнения. — Я это, — почти крикнул он, — я!

— Не ори, — голос Мишки на том конце провода звучал издевательски спокойно. — Не ори, а слушай. Сегодня в девять дом двадцать шесть по Грузинскому валу, корпус последний, ближе к Тишинке. Их хаза за техникумом на Курбатовском. Чуть по переулку, проходной двор, двухэтажный каменный дом, квартира на втором этаже. Номер не помню, обивка на двери рваная.

— Я понял тебя.

— Ну, привет!

Ти-ти-ти, — запело в телефонной трубке.

Что делать? Данилова нет. Что делать?

Игорь выскочил из кабинета и бросился по коридору к приемной начальника. Он пробежал мимо заспанного помощника и вихрем ворвался в кабинет.

— Товарищ начальник!

— Позвонил?!

— Позвонил.

— Докладывай.

Игорь точно передал содержание разговора. Начальник слушал внимательно, только иногда что-то записывал в блокнот.

— Ну и Костров, ну и Мишка! Подожди, — начальник поднял телефонную трубку, набрал номер. — Позвонил... Да... Да... Сегодня... через сорок минут... У них, видимо, свои данные есть. Высылаю группу... Данилова нет... Нет, старшим поедет Муравьев. — Игорь даже вздрогнул от неожиданности. — Да, тот самый... Нет, он теперь не подведет. Грузинский вал, дом двадцать шесть, дальний корпус, ближе к рынку. Правильно, у Большого Кондратьевского... Ориентировочно их квартира в переулке у Курбатовской площади, наш человек не смог определить точно номер дома, но довольно ясно описал к нему дорогу... При-

шлете людей... Прекрасно... Ждем, — начальник положил трубку и посмотрел на Игоря. — Ты все понял?

— Пока еще нет.

— Бери группу, даю тебе пять человек, едешь к дому двадцать шесть. Бери их по возможности живьем... И смотри...

— Понял. Кто старший дежурной группы?

— Шарапов, но он будет подчиняться тебе. Ты, Муравьев, едешь старшим на операцию, так что весь спрос с тебя. Тот печальный опыт не в счет. Смотри.

До Белорусского вокзала их довез дежурный муровский автобус. Игорю часто приходилось ездить в нем. Всегда, как только он опускался на его продавленное сиденье, сердце его начинало колотиться. Он старался не глядеть на бывалых оперативников. Боялся, что они по глазам узнают о его волнении. Теперь же в автобусе было темно. И можно не опускать головы, можно спокойно разговаривать с людьми.

— Ты не волнуйся, Игорь, — раздался с заднего сиденья голос Ивана Шарапова, — мы тебя не подведем. Все будет нормально.

— А я и не волнуюсь.

— Ну и хорошо.

Воздушная тревога застала их у трамвайных путей на 2-й Брестской. Шофер повернул и погнал автобус вдоль застывших трамваев.

— Мы туда с Кондратьевского переулка заедем, — повернулся он к Игорю, — а то, товарищ начальник, не выйдет у нас ничего. Площадь у вокзала людьми забита, в метро бегут.

— Тогда у «Смены» остановите, у кинотеатра, — сказал Муравьев, — мы там проходными...

Когда они выскочили из машины, по небу огромными циркулями ходили огни прожекторов. Их было много. Полосы белого цвета то расходились, то вновь встречались.

В их мертвенно-бледном свете узкий Кондратьевский переулок с двухэтажными домиками казался театральным макетом. Ракета вспыхнула внезапнс. Лопнула в воздухе и рассыпалась десятками огненных брызг.

— Видишь, — сказал оперуполномоченный Самохин, — видишь, Муравьев, с крыши они пускают? С той крыши, — он ткнул стволом нагана в сторону пя-

тиэтажного дома. Единственного высокого в этом «трехэтажном» районе.

— Шарапов, — Игорь не узнал своего голоса. Говорил не он, командовал другой человек, спокойный и уверенный в себе. — Берите людей, блокируйте подъезды, никого не выпускать. Я с Самохиным и Орловым на чердак. Только помните, что среди них Мишка.

Когда они подбежали к дому, над крышей вновь зажглась и погасла серия ракет.

Навстречу им из подъезда бежал какой-то человек с противогазной сумкой через плечо.

— Товарищи! Там... — он показал на крышу.

— Знаем, мы из милиции. Вы кто? — на ходу спросил его Игорь.

— Командир дружины МПВО.

— Заприте все подъезды, оставьте один. Ясно?

— Ясно.

— У вас ключ от чердака?

— У меня, только дверь там не отпирается.

— Понятно, где пожарная лестница?

— У первого и третьего подъездов.

— Шарапов, блокируйте выходы! — Игорь сбросил шинель. — Я наверх!

Муравьев подбежал к пожарной лестнице. Снова ракета прочертила в небе свой жутковатый след. Внезапно все существо Игоря наполнилось неведомой ему доселе ненавистью. Он подтянулся на руках, стал ногами на первую ступеньку.

Игорь не глядел вниз. Только наверх, только наверх. С каждым усилием мышц приближалось небо, перечеркнутое лучами прожекторов. Но ниже его была крыша. И карниз ее становился все больше и больше. Он не испытывал страха. Ненависть руководила сейчас всеми его поступками. Глухая ненависть к тем, на крыше, подающим сигналы вражеским самолетам, пытающимся открыть немцам дорогу на Москву. Наконец перед ним показалась последняя ступенька. Но Игорь не стал подниматься дальше, он пролез меж металлическими опорами и лег грудью на железное покрытие. Левой рукой он ухватился за палку, похожую на флагшток, а правой потянул из кармана наган. Сантиметр за сантиметром он втягивал себя на крышу. Когда в колени впилось что-то острое, Муравьев оперся руками и встал.

И тут он увидел ракеты. Они вылетали почти рядом с ним из слухового окна. От неожиданности Игорь присел и сразу же увидел такое же окно рядом с собой. Тогда, не думая, он ногой выбил раму с остатками стекла, выстрелил два раза в темноту чердака и прыгнул.

Его спасло, что он оступился. Оступился и упал, больно ударившись грудью о балку перекрытия. Темноту в трех местах разорвали пистолетные вспышки. Над его головой противно взвизгнули пули. Лежа на полу, Игорь выстрелил дважды и откатился в сторону. Теперь он ждал этих вспышек и, когда они опять на долю секунды осветили чердак, выстрелил по одной из них три раза.

В глубине чердака вспыхнул свет карманных фонарей. Это товарищи спешили на помощь Игорю.

— Клади оружие! — крикнул он, и голос гулко и грозно раскатился под низким железным сводом.

Свет фонаря на мгновение вырвал из мрака фигуру человека. Матово блеснул в его руке пистолет. Игорь выстрелил, и человек упал. Чердак гудел от выстрелов и сильных равномерных ударов. С лестницы пытались высадить дверь. Прячась за деревянными опорами, Игорь пошел на этот стук, пытаясь найти дверь. Наконец он нашел ее и рывком сбросил массивный металлический крючок. На чердак ворвались люди с винтовками. Видимо, Шарапов позвал на помощь военный патруль.

Теперь уже перестрелка вспыхнула с новой силой, но преимущество было на стороне нападающих.

Постепенно свет фонарей начал сходиться, как бы замыкая кольцо. Вот он осветил ящик с песком и человеческое тело, распростертое на полу лицом вниз. И еще Игорь увидел двух людей, стоящих с поднятыми руками. Все было кончено. Троих ракетчиков пули поймали в разных углах чердака, двое сдались. Но ни Мишки, ни Резаного среди них не было.

КОСТРОВ

Он выстрелил всего один раз в Харитонова. Выстрелил в упор и увидел, как тот оседал у стены. С одним было покончено. Тогда Мишка вылез в окно

по водосточной трубе, спустился на балкон пятого этажа и лег на холодный цемент. Он должен был ждать конца боя.

ШИРОКОВ

Как только на чердак ворвались солдаты и гулкие, тяжелые выстрелы трехлинеек на секунду перекрыли хлопанье наганов, он понял, что игра сделана. Пора уносить ноги. Широков вылез на крышу. Путь отступления был продуман заранее. Дом стоял буквой Г. Необходимо добежать до противоположного конца, а там спрыгнуть на крышу детского сада. Дело плевое, всего какой-то этаж, потом по трубе вниз. И ищите... Он так и сделал. Вылез и побежал по крыше, но, посмотрев на секунду вниз, увидел темную фигуру человека... И не увидел, а понял, что этот человек целится в него.

Тогда Широков, не останавливаясь, выстрелил несколько раз наугад.

ШАРАПОВ

Иван увидел человека, бегущего по кромке крыши. Железо гулко отвечало каждому его шагу. Шарапов вскинул наган, норовя срезать его, словно птицу, влет... Он не почувствовал боли. Просто увидел почему-то ярко вспыхнувшую звезду, потом грузно осел, подвернув под себя руку с револьвером, и щека легла на что-то мокрое и мягкое.

МУРАВЬЕВ

Сначала он закричал. Потом начал трясти Ивана за плечи. Игорь никак не мог поверить в смерть этого человека.

— Врача, скорее врача! — кричал он.

— Перестань, Игорь, — сказал Самохин хрипло,— перестань, слышишь. Ему врач не нужен.

— А-а-а! — простонал Игорь и тут увидел тех двоих с чердака, стоявших под охраной бойцов. Продол-

жая кричать, он повернулся к ним и рванул из кобуры наган: — Гады! Всех!

Но на него навалились, вырвали оружие. И тогда Игорь сел на землю и заплакал.

ДАНИЛОВ

Ивана Шарапова хоронили в последний день сентября. Он был прозрачным и ярким, этот последний день.

Могила Ивана оказалась под самой стеной, на старом, заброшенном участке кладбища.

Когда опустили гроб, на край могилы шагнул начальник МУРа.

— Товарищи! Мы хороним сегодня нашего боевого друга Ваню Шарапова, честного большевика, отличного оперативного работника и прекрасного человека. Наш фронт здесь, на улицах родного города. И на нашем фронте тоже есть потери, атаки и отступления. Иван Шарапов погиб, как настоящий чекист, заслонив собой родную столицу. Так вечная память герою и смерть фашистской нечисти!

Начальник стоял у могилы, а четверо милиционеров начали забрасывать яму землей.

Данилов слышал, как комья стучали о крышку гроба.

«Значит, ушел от нас Иван. Может быть, — думал Иван Александрович, — лучше было отпустить его на фронт?»

Нет, Шарапов был нужен здесь.

Данилов глядел, как быстро вырастает земляной холмик, как двое милиционеров устанавливают над ним простой деревянный памятник со звездой. В щемящее чувство тоски вмешалось совсем другое — злое и сильное. Он подумал о Резаном, но на этот раз подумал спокойно. Данилов ни на секунду не сомневался, что возьмет его через несколько дней. И это будут лучшие поминки по Ивану.

На кладбище сухо треснул залп.

МОСКВА. Октябрь

Постановление Государственного Комитета Обороны о введении в Москве и пригородах осадного положения

«19 октября 1941 года

Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 км западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в г. Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспорта с 12 час. ночи до 5 час. утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта гор. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правилам, утвержденным московской противовоздушной обороной и опубликованным в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта г. Москвы... для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойст-

вие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. СТАЛИН.
Москва, Кремль. 19 октября 1941 г.».

«НАЧАЛЬНИКУ МУРа
от начальника отделения ДАНИЛОВА

РАПОРТ

Настоящим докладываю, что, приступая к реализации мероприятий по ликвидации банды Отца, состоящей из особо опасных преступников и вражеских пособников, нами предприняты следующие меры.

1. 29 сентября 1941 года в доме 26 по Грузинскому валу полностью обезврежена группа ракетчиков. В результате операции трое из них убиты, двое арестованы.

Из материалов допросов выяснено, что главарь банды Резаный, он же опасный рецидивист Широков, бежал.

2. В доме по адресу Курбатовский переулок, 3а, где находилась база преступной группы, была устроена засада. Широков той же ночью вернулся туда. От задержания Широкова временно воздержался, зная, что он приведет нас к главарю банды Отцу.

3. Целым рядом оперативных мероприятий установил, что руководителем банды вражеских пособников является священник Ваганьковской церкви Потапов.

4. Мною совместно с капитаном госбезопасности Королевым разработан план по совместной ликвидации преступной группы. Операцию начинаем в ближайшее время.

5. Ходатайствую о награждении павшего смертью героя старшего оперуполномоченного Ивана Сергеевича Шарапова, а также помощника уполномоченного Муравьева.

Начальник отделения МУРа И. Данилов
10 октября 1941 года».

В углу рапорта стояла размашистая резолюция начальника: «К ликвидации банды приступить немедленно. Шарапова посмертно представить к ордену. Назначить на его место Муравьева, присвоив ему должность оперуполномоченного».

ДАНИЛОВ

— Ну все, — Иван Александрович встал, взял со стола початую пачку папирос, — поехали.

Все просто. Встал, сказал, взял со стола папиросы. Сегодня вечером все будет кончено. Сегодня наконец допишутся листы дела «Об убийстве старшины Граса». Начатое в июле, оно казалось Данилову бесконечным и, пожалуй, наиболее сложным из всех, с которыми ему приходилось встречаться. Сложность его заключалась прежде всего в огромном количестве разных людей, проходивших по этому делу. Харитонов, Широков — Резаный, Лебедев — Мышь... Это были активные участники, главные действующие персонажи, но вокруг них находилось огромное количество статистов, и всех необходимо было выявить, найти, допросить.

Но была и еще одна сложность. Самая большая. У Данилова было мало людей, а обстановка заставляла заниматься сразу несколькими делами. Все же раскрытие этого старого убийства было для Ивана Александровича главным и основным. Как он ждал сегодняшнего дня!

— Поехали, — Данилов посмотрел на Игоря. — Люди где?

— Группа захвата в машине. Остальные ждут на месте.

Они вышли в темный коридор.

— Данилов! Иван Александрович! — к ним шел начальник МУРа. — Ну что? Готов?

— Думаю, часа через два Широков здесь будет, вот в этом коридоре.

— Ох, Иван, перестань, не хвались, на рать едучи...

— А я не хвалюсь, я знаю, что возьму его сегодня.

В голосе Данилова было столько твердой уверенности, что начальник удивленно замолчал. Никогда он не видел Ивана Александровича таким возбужденным.

— Тебя, я слышал, вызывали?

— Вызывали.

— Ну и что?

— Сказал все то же, что и вам.

— Гляди, Иван, партии обещал. Знаешь цену такому слову?

— Знаю.

— Хочу с тобой поехать, но не поеду — помешать боюсь.

— Действительно, лучше не мешайте.

Спускаясь по истертым ступеням лестницы, Данилов вспомнил сегодняшнее утро. В семь ему позвонил Королев и сказал, что их ожидает секретарь горкома партии.

Коридоры горкома напоминали кинофильм времен гражданской войны. В них почти не было штатских. Люди в гимнастерках с петлицами и без, но все обязательно с оружием.

Секретарь горкома принял их сразу. Он встал из-за стола и сделал несколько шагов навстречу Данилову и Королеву.

— Садитесь, товарищи.

У него был голос смертельно усталого человека, он как-то не вязался с до блеска выбритым лицом и даже легким запахом цветочного одеколона.

— Товарищ секретарь горкома, — сказал Королев, — вот товарищ Данилов, который непосредственно занимается этой бандой.

— Ну рассказывайте, — секретарь взял блокнот и карандаш, — рассказывайте, Иван Александрович.

Данилов начал по порядку, с того далекого июля, когда утром его группа выехала в Армянский переулок. Секретарь слушал, не перебивая, только иногда что-то помечал в блокноте.

— Ну а как обстоят дела сейчас? — спросил он Данилова.

— Наш человек, о котором я говорил, внедрен в банду. Оставив на свободе одного из ее главарей, мы

вышли на подлинного руководителя, Отца, священника Ваганьковской церкви, бывшего белого офицера Потапова. За его домом ведется постоянное наблюдение. Сегодня вечером все будет кончено.

— Вы это твердо обещаете? Помните, этой группой интересуется товарищ Щербаков.

— Доложите Александру Александровичу, — Данилов встал, — что вечером мы сообщим в горком о ликвидации банды ракетчиков.

В машине Данилов, вспоминая разговор с секретарем, поймал себя на странном ощущении: он совершенно не волновался. Так бывало всегда, когда операция была подготовлена тщательно и умно. Фактор случайности в сегодняшней операции Данилов исключал полностью.

Они вышли в темный переулок и пошли проходными дворами к кладбищу. У маленькой, почти незаметной калитки в стене Данилов остановился. От забора отделилась почти неразличимая в темноте фигура человека.

— Ну как?

— Все в порядке, товарищ начальник. Дом оцеплен.

— Они там?

— Да.

— Сколько их?

— Четверо.

Данилов осветил фонарем циферблат часов. Десять. Через тридцать минут Мишка должен открыть дверь.

КОСТРОВ

— Ты не разлеживайся особо, — сказал ему Потапов, — через час выходим. На веселое дело идем, так что гляди...

— Да он парень верный, — вступился за Мишку Широков.

— Знаю я вас, уголовников. Ты лучше постриги меня, Андрей.

— Решил податься в расстриги?

— Как видишь.

В столовой часы пробили половину. Мишка переложил пистолет в карман пиджака и вышел из комнаты.

— Ты куда? — спросил Потапов.

— Да надо зайти перед делом.

— Иди, иди, и чтобы медвежья болезнь не началась. Смотри у меня.

— Вы за собой смотрите лучше.

— Хамишь! — В голосе Потапова неожиданно послышались металлические нотки.

— Да что вы, в самом деле. Все Мишка да Мишка.

— Ладно, иди.

Мишка вышел в столовую. На диване спал, укрывшись шинелью, связник от немцев. Это он сегодня привез им приказ взорвать продовольственные склады.

Стараясь не задеть чего-нибудь в темноте, Костров прокрался по коридору, нащупал дверь и медленно начал снимать крючки. Наконец остался один нижний замок. Он резко повернул его. Скрип ключа казался ему необычайно громким. Но дверь распахнулась, и кто-то из темноты шагнул в прихожую.

ДАНИЛОВ

Наверное, он поседел за эти несколько минут, пока Мишка не открывал дверь. И теперь в коридоре он боялся только одного, чтобы Широков не успел застрелиться. Ему нужен был живой Резаный.

Войдя в комнату, он на секунду растерялся. Уж слишком неожиданным было то, что он увидел, неожиданным и мирным. Широков, наклонив от напряжения голову, подстригал какого-то человека.

— Руки вверх! — сказал Иван Александрович. — Руки...

МУРАВЬЕВ

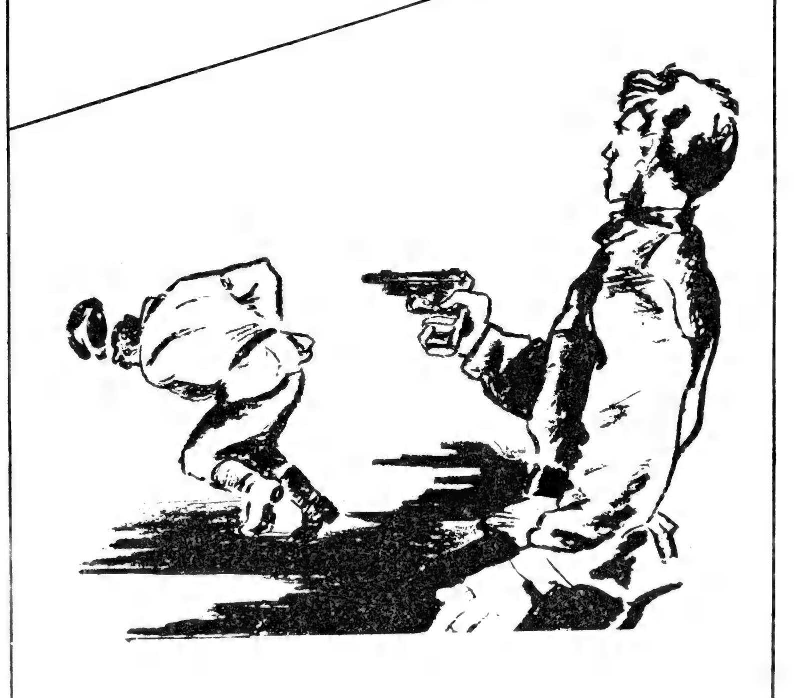
В кабинетах их отдела еще допрашивали Широкова и Потапова, еще шатался по этажам пьяный от счастья Мишка Костров, а Игорь ушел. Он ходил по

пустому Петровскому бульвару и курил, пряча огонь папиросы в рукав шинели. Игорь курил и думал. О себе, об Инке, о матери, об Иване Шарапове. Эти четыре месяца сделали его намного старше, спокойнее, даже мудрее. Ему нужно было о многом подумать сегодня. Завтра начнется новый военный день, и никто не знал, как он кончится. Поэтому человек должен быть готовым ко всему.

Где-то на Петровке послышались тяжелые шаги патрулей. В городе начинался комендантский час.

1942

ТРЕВОЖНЫЙ АВГУСТ

МОСКВА. Август

ДАНИЛОВ

У Данилова был знакомый инженер, который, как только садился в машину, немедленно засыпал. Делал он это независимо от длины пути. Он одинаково крепко спал — в такси ли, едва успев сообщить шоферу адрес, в трестовской ли машине, направляясь на очередной объект.

Над ним смеялись знакомые, о нем рассказывали анекдоты. И только потом Иван Александрович понял, что этот человек ни разу за много лет не выспался по-настоящему. Слишком много тогда нужно было построить, и слишком мало было специалистов.

Он вспомнил о своем знакомом, когда пришел к нему в кабинет всегда недовольный шофер Быков и, хмуро посмотрев на начальника отделения, сказал:

— А между прочим, до райцентра по нынешним дорогам часа четыре с гаком.

— А гак-то велик? — ехидно поинтересовался Данилов.

— Тоже с час.

— Тогда будем просто говорить: пять часов езды.

— А мне, товарищ начальник, при такой резине от вашей точности ни жарко, ни тепло.

— Тогда ты, Быков, мне фаэтон найми, я в нем поеду.

— Это еще что такое? — удивился шофер.

— Вот когда выяснишь, приходи, а пока иди готовь машину. Ясно?

— Куда яснее. — Быков вышел, нарочно громко хлопнув дверью.

«Все, — подумал Данилов, — через три часа сяду в машину и усну. Буду спать пять часов. Пусть только кто-нибудь попробует меня разбудить».

Он подошел к сейфу, отодвинул литую узорчатую крышку замка, с трудом вставил ключ. Ключ был новый, старый, который, видимо, изготовили на заводе именно для этого сейфа, Иван Александрович потерял в декабре прошлого года. Вернее, слово «потерял» было не совсем точным. Тогда осколком мины у него начисто срезало карман полушубка. В горячке боя он так и не заметил этого и только утром разглядел наконец, почему так всю ночь мерз правый бок. Естественно, что ключ искать было бессмысленно. После того как батальон НКВД, в который замкомбатом направили Данилова, расформировали и работники милиции вновь вернулись на свои места (те, кто остался в живых, конечно), вопрос о сейфе встал необычайно остро.

Замначальника Серебровский просто предложил вскрыть его автогеном, но Данилов заупрямился. Ему жалко стало этот заслуженный чугунный ящик, который верой и правдой служил всем его предшественникам. Потом у сейфа была еще одна необычайная особенность: как только открывали замок, он наигрывал какую-то никому не ведомую мелодию.

— Ну, тогда сам его открывай, гвоздем, — сказал, уходя, Серебровский. — Ты, Данилов, прямо как старьевщик. Тебе бы из АХО новый сейфик принесли, и живи спокойно, а это чугунное чудище полкабинета занимает.

Замначальника скрылся за дверью, оставив Данилова один на один с сейфом. Иван Александрович позвонил в справочную, узнал номер телефона Московского завода металлоизделий. Но главный инженер сказал Данилову, что их механики могут вскрыть сейфы только заводского производства.

— Спасибо, — поблагодарил Иван Александрович.— А вам неизвестно, где есть еще такие специалисты?

— По этому вопросу обратитесь в МУР, — рассмеялся невидимый собеседник и повесил трубку.

Что и говорить, адрес был наиболее верным. И вдруг Иван Александрович вспомнил Рогинского. Теперь уже старика Рогинского, бывшего медвежатника, потом болшевского колониста. Он видел его перед самой войной, и Рогинский с гордостью сообщил, что

трудится по прежней специальности, но теперь заведует мастерской по ремонту сейфов где-то на Трубной. Практически в двух шагах от МУРа.

Рогинского разыскали через час. Он минут пять покопался с замком, потом кабинет опять наполнила старинная звенящая песенка.

— Все, — усмехнулся Рогинский, — теперь, уважаемый Иван Александрович, давайте оформим наши отношения. — Он достал из кармана квитанционную книжку.

— А без этого нельзя? — спросил Данилов.

— Левыми делами не занимаюсь, никакими.

— А как же теперь мне быть, записывать вас в штат? Как открывать и закрывать это музыкальное чудо?

— Напрасно иронизируете, сейф у вас замечательный. Теперь таких не делают, их на всю Москву три осталось, а куранты работают только у вас. Ключ я вам сделаю часа через два, правда, замочек придется взять с собой.

Через два часа сейф работал, только ключ вставлялся туговато, но вызывать старика второй раз времени не было.

СУТЬ ДЕЛА. МОСКВА. Май

Шестого мая, когда Данилов только что собрался домой, благо казарменное положение отменили, позвонил дежурный.

— Иван Александрович, — взволнованно закричал он в трубку, — убийство. — Голос дежурного сорвался.

«Видимо, кто-то из новеньких, — подумал Данилов, — старики уже привыкли ко всему», — и спросил:

— Где?

— В Грохольском переулке.

— Хорошо, выезжаю.

Муравьев, Полесов и новый уполномоченный Сережа Белов еще не ушли, и это было очень кстати, так как посылать за кем-нибудь машину времени не было.

В автобусе их уже ожидали эксперты и проводник с собакой. Все было как обычно, обыкновенный выезд.

Автобус гремел по булыгам переулков. Шофер гнал машину кратчайшим путем. Трясло.

— Слушай, — крикнул Муравьев из темноты. — Володя! Что, в Москве нет больше асфальтированных улиц?

— Есть, — ответил шофер, — но так дорога короче.

— Боюсь, Иван Александрович, — сказал Игорь, — что он нас не довезет. Ты нас не жалеешь, так собаку пожалей, — опять крикнул он шоферу.

— Ничего, — серьезно сказал проводник, — Туман привычный. Правда, Туман?

Собака молчала.

По крыше автобуса застучали ветки, водитель въехал в проходной двор.

— Ну дает, — засмеялся Полесов, — сейчас подъездами поедем.

Заскрипели тормоза. Автобус остановился.

— Приехали, — шофер нажал на рычаг двери, — выгружайтесь.

В переулке пронзительно пахло липой. Было совсем темно, только узкие прорези замаскированных фар освещали несколько метров булыжной мостовой.

— Интересно, куда он нас привез? — спросил Данилов. — Как ты думаешь, Игорь?

— А кто его знает...

— Привез я вас правильно, — обиженно сказал шофер, — вон там, видите?

Данилов наконец начал различать неясные фигуры у дома. Потом послышались торопливые шаги, к ним кто-то шел.

— Товарищ начальник...

— А, это ты, Смирнов, — Данилов по голосу узнал начальника розыска райотдела. — Ну, что у тебя?

— Плохо у меня, четыре трупа.

— Куда как плохо, что ж ты, меньше мне не мог приготовить?

— Так это не я.

Насчет чувства юмора у Смирнова всегда было неважно.

— А жаль, что не ты. Никакой возни бы не было, сейчас надели бы на тебя браслеты и отвезли на Петровку. Веди, чего стоишь.

Глаза привыкли к темноте, и постепенно Данилов

уже различал улицу, домишки маленькие различал и деревья, которые казались неестественно большими.

Сзади по тротуару полоснул узкий свет фонаря.

— Пока не надо, потом, — не оборачиваясь, приказал Иван Александрович.

— Сюда, — сказал кто-то и услужливо распахнул калитку. — Тут ступенька одна сломана, так что вы осторожно.

— Спасибо.

Первое, что он почувствовал еще в прихожей, — кисловатый запах пороха. Он появляется в комнатах обычно после перестрелок, значит, здесь стреляли много. Данилов толкнул дверь и очутился в маленькой прихожей.

На полу лежал человек в военной форме, рядом валялась фуражка, с черным артиллерийским околышем. Осторожно переступив через него, Данилов вошел в комнату.

В пять утра Иван Александрович вернулся в управление и, не заходя к себе, сразу же пошел к начальнику. В приемной сидел неизменный Паша Осетров.

— У себя? — спросил Данилов.

Паша вскочил, щелкнул каблуками и, оправив гимнастерку, ответил:

— Час как пришел. А что, важное что-то?

— Придется будить. — Данилов еще раз подивился Пашиной выправке. — Дело безотлагательное.

— А может, подождем, Иван Александрович?

— Нет, Паша, нельзя ждать.

Осетров скрылся за дверью и минут через пять появился вновь.

— Ждет.

Начальник, стоя у стола, застегивал гимнастерку. Одна щека его была намята до красноты. Он поймал взгляд Данилова, усмехнулся:

— На рожу смотришь? На диване прилег. Все часок прихватил, пока ты жуликов ловишь.

Он потянулся всем своим большим и сильным телом, взял со стула ремень.

— Я перед войной, Иван, думал, поеду в отпуск, кроме творога, есть ничего не буду. Похудеть все хотел. А сейчас ем все что придется, а без ремня галифе бы потерял. Такая вот у нас нынче жизнь. Почище всякого лечебного питания. Ну, докладывай.

Иван Александрович сел к столу, достал из планшета бумаги.

— Плохое дело, — начал он, — давно у нас такого не было.

— Ты докладывай, Данилов, — начальник сел на диван, — а потом мы с тобой решим, что было и чего не было.

— Третьего мая в Москву с Дальнего Востока прибыл старший лейтенант Ивановский Сергей Дмитриевич. Цель приезда — служебная командировка. Ивановский сопровождал эшелон с техникой — пушки для фронта. После окончания дел он попросил у начальства разрешения задержаться на три дня в Москве у родителей. Ему разрешили.

Шестого мая вечером он со своей девушкой пошел в кино. Кстати, она живет в соседнем доме. По ее словам, когда они подошли к дому Ивановского, то увидели: на одном из окон часть светомаскировочной шторы оторвана, и свет падает на улицу. Ивановский заглянул в окно и увидел, что какой-то человек бил по лицу его отца. Он выхватил пистолет и бросился к дверям.

— Погоди-ка, — начальник встал, — это тебе девушка Ивановского сказала?

— Да.

— А где она сейчас?

— У меня в кабинете ждет.

— Предусмотрительный ты, Иван, человек, — начальник усмехнулся, — с тобой работать хорошо. Ну, давай дальше.

— Нам повезло, что подруга Ивановского, Алла Нестерова, сразу же подошла к окну.

Сначала она не поняла, куда бросился Сергей, только потом, догадавшись, подбежала к окну. Сквозь порванную светомаскировочную штору Алла увидела кусок комнаты и человека в военной форме. Он поднял руку. И девушка поняла, что этот незнакомый военный собирается кого-то ударить. Все происходило как в немом кино. Люди жили и двигались беззвучно. Но внезапно раздался выстрел, звук его не могли приглушить даже стекла, и неизвестный, так и не опустив руку, упал. Потом в комнате загрохотало и погас свет. Алла прижалась к стене. С крыльца сбежали трое. И только сейчас она увидела «газик», стоявший чуть по-

одаль от дома. Машина развернулась и пронеслась мимо нее. И все же, несмотря на темноту, Алла успела запомнить последние две цифры номера — 06.

— Так, — начальник встал, — это уже кое-что. Ну а дальше?

— В квартире мы обнаружили убитого лейтенанта, его родителей и неизвестного в форме ВОХРа. Найдена всего одна гильза от пистолета ТТ, судя по кобуре, этим оружием пользовался Ивановский.

— А в командирской книжке у него что записано?

— Все дело в том, — Данилов полез за папиросами, — что документов у убитого не обнаружили.

— Значит, их забрали.

— Больше гильз не нашли, видимо, стреляли из нагана, кстати, у убитого налетчика на поясе кобура от нагана. Точнее сообщат патологоанатомы и эксперты.

— Следовательно, — начальник помолчал, — картина такая. Четверо неизвестных врываются в дом Ивановского, избивают его родителей...

— Обыскивают квартиру, — добавил Данилов.

— Да, обыскивают квартиру. Значит, что-то ищут. Поэтому, видимо, и били, заставляли признаться. Им это «что-то» очень нужно было. Просто так на тройное убийство не пойдешь. В общем, поздравляю, Данилов, — начальник усмехнулся. — Банда у нас появилась. Опасная банда. Что-нибудь взято из дома?

— На полу валялась шкатулка. Нестерова показала, что в ней убитая Мария Дмитриевна Ивановская хранила ценности. Нестерова считалась невестой сына, поэтому ей были известны некоторые вещи. Так, например, она рассказала, что там хранились сапфировые серьги с бриллиантами, которые покойная собиралась подарить ей к свадьбе.

Некоторое время они сидели молча, глядя друг на друга. Потом Данилов сказал:

— Не думаю. Мне кажется, что Алла не связана с этим делом. Девушка хорошая, студентка, комсомолка.

— С тобой прямо страшно становится, Иван, — усмехнулся начальник, — ты мысли читаешь.

— Так работаем вместе сколько.

— Откуда у Ивановского-старшего драгоценности?

— Он ювелир, очень известный. Крупнейший специалист, так сказать, художник своего дела.

— Но ведь не из-за сережек к нему пришли. Сколько они, кстати, могут стоить?

— Об этом поговорю сегодня днем со специалистами.

— Надо узнать, зачем они приходили.

В дверях бесшумно появился Осетров.

— Товарищ начальник, там Муравьев товарища Данилова спрашивает.

— Давай зови его, — приказал начальник.

Игорь вытянулся на пороге. Данилов с удовлетворением оглядел его ладную фигуру, туго затянутую портупеей. Игорь последнее время ходил в форме. Гимнастерка сидела на нем как влитая, орден Красной Звезды, полученный за декабрьские бои под Москвой, красиво выделялся на сером коверкоте.

«Он поэтому и носит форму, — мысленно улыбнулся Иван Александрович, — из-за ордена». И пока Игорь произносил уставные слова приветствия, Данилов подумал о том, как все же война взрослит людей. Прошло всего ничего, а Муравьев стал уже вполне зрелым человеком и умным оперативником.

Игорь подошел к столу, сел в кресло. Даже по тому, как он держался в этом кабинете, вызов в который мог не всегда приятно кончиться для любого работника МУРа, чувствовалось, что Муравьев знает цену своим словам и уж если решил чего, то мнение свое будет отстаивать до конца.

— Сегодня утром я посетил директора производственного комбината Ювелирторга.

— Посетил, — Данилов засмеялся, — ну, Муравьев. Посетил, считайте, вытащил человека утром из постели. Сработано оперативно, но не совсем вежливо.

Игорь развел руками.

— Ничего, — сказал начальник, — продолжай, Муравьев.

— Ивановский, — Игорь достал блокнот, — характеризуется с самой лучшей стороны. Старый большевик-подпольщик. В его мастерской резали шрифт для искровских типографий. Участник октябрьских боев в Москве, воевал в гражданскую, но был отозван для работы по специальности в Гохран. В двадцатые годы выезжал в качестве эксперта за границу при продаже наших драгоценностей. Активно участвовал в разоблачении группы Шелехес — Пожамчи.

— Так ты, Иван, его должен был знать, — перебил Игоря начальник МУРа, — ты же этим делом занимался.

— Нет, — Данилов покачал головой, — я тогда ездил арестовывать двух барыг — чисто техническая работа. Молодой был еще, наверное, младше Игоря.

— Ага, — начальник достал спички, — а я кое-что помню. Ну, давай дальше.

— Ивановский, — так же ровно и бесстрастно продолжал Муравьев, — награжден орденом «Знак Почета», имеет благодарности и грамоты ВЦИК и Совнаркома. В октябре 1941 года к нему в мастерскую поступило много ценностей, камней и золота от эвакуированных предприятий Ювелирторга Белоруссии и Украины.

— Так, вот это уже кое-что, — начальник застучал пальцами по крышке стола. — Кое-что. Зачем они поступили?

— Для сортировки, оценки и реставрации.

— На какую сумму?

— Приблизительно на три миллиона рублей.

— Что дальше?

— Когда началась ноябрьская неразбериха, Ивановский и его помощник Попов сложили ценности в специальный ящик, опечатали его и вывезли из Москвы. В дороге Попов умер от воспаления легких...

— Подожди, Игорь, — сказал Данилов, — не части. Ты выяснил, как вывозили ценности? Я имею в виду, был ли ящик с ними дома у Ивановского?

— Да, почти неделю убитый прятал ценности в подвале дома.

— А почему он не сдал их в банк?

— Тогда, в период эвакуации, поступило распоряжение работникам Ювелирторга самостоятельно вывезти ценности.

— Распоряжение, прямо скажем, дурацкое, но делаем поправку на тот период, стремительный и бестолковый, — сказал с иронией начальник. — Вот теперь кое-что проясняется.

— Как вывозились ценности из Москвы? — снова спросил Данилов.

— Ночью, на машине, с инкассаторской охраной.

— Все довезли?

— Точно сдано по акту, копия у меня.

— Мне кажется, товарищи, — начальник встал из-за стола, прошелся по кабинету, — кто-то знал, что ценности Ивановский увез домой. Знал, что увез, но не знал, что сдал государству. Вернее, не поверил. Психологически не мог обосновать. Думал, мол, ювелир, известный мастер, а здесь такие деньги сами в руки плывут. Мне кажется, что навел этот «некто». Муравьев, поезжайте в кадры Ювелирторга, возьмите личные дела всех, кто сталкивался с Ивановским по работе...

А в город пришло утро. И было оно светлым и радостным. Но никто не заметил его прихода, потому что заботы этих людей всегда одинаковы, в любое время года и любое время суток. Постепенно прохладный ветерок вытянул из кабинета слоистые клубы дыма, и все трое почувствовали, как они устали, но их работа только начиналась, и никто не знал, сколько продлится она, сколько листов ляжет в папку с надписью: «Дело об убийстве гр-на Ивановского Д. М. ...».

Звонок телефона возвестил о начале нового дня. Начальник снял трубку. После первых же слов невидимого собеседника он внимательно поглядел на Данилова.

— Так, — говорил он кому-то, — понятно... Во сколько?.. Понятно. Так... Спасибо.

Он положил трубку, повернулся к Данилову:

— Это для тебя, Иван, из Московского управления госбезопасности. Королев звонил. Машина с похожим номером была в пять утра на Минском шоссе остановлена бойцами КПП, пассажиры оказали сопротивление. В общем, один убит, двое бежали, пошли кого-нибудь из своих на место. Но главное — связи. Нам нужно отработать все связи Ивановского. Кстати, машина записана за первым автохозяйством Моссовета.

В коридоре Данилов встретил Полесова.

— Ты куда, Степа?

— За шофером, Иван Александрович.

— За каким?

— В шестнадцатое отделение поступило заявление от Червякова Валентина Ивановича, что вечером у него угнали машину ГАЗ номер МО-26-06.

— Угнали вечером, а когда заявил?

— Утром.

— Привези его ко мне.

— Есть.

Понемногу дело начинало проясняться. В том, что машину у Червякова никто не угонял, он ни на минуту не сомневался, уж больно белыми нитками шито алиби: угнали вечером, а заявил утром. И, уже сидя в кабинете, Иван Александрович порадовался работе своих ребят. Пока все шло четко, без осечек, но вот что будет потом — неизвестно.

В его комнате хозяйничало утро. На подоконнике сидел воробей и, наклонив голову, смотрел на Данилова круглым любопытным глазом, словно спрашивал: ну как, чего нового, уважаемый Иван Александрович?

— Ничего нового, брат, — сказал Данилов воробью, — ничем тебя порадовать пока не могу. Ты залетай через месячишко...

Зазвонил телефон, его хриплый звон спугнул птицу.

— Данилов.

— Иван Александрович, звонили из НТО, все точно, стреляли один раз из ТТ и три пули из нагана, причем, судя по рисунку нарезов, две выпущены из одного и того же револьвера.

— Следовательно, один из нападавших убил лейтенанта, а другой его родителей?

— Именно так. Теперь о дактилоскопии. Отпечатков очень много, но на шкатулке и шкафу идентичные отпечатки, проверяли по нашей картотеке.

— Вот что, вы бы их отправили для идентификации в картотеку ГУМа [1] в наркомат. Чем черт не шутит, а вдруг там найдутся похожие «пальчики».

— Отправили.

— Только побыстрее.

— Сделаем.

Данилов положил трубку, достал из стола блокнот. Так что же мы имеем, уважаемый Иван Александрович? Пока ничего конкретного. Нужно начать с допроса Аллы Нестеровой. Тем более что она ждет в соседней комнате.

Девушка сидела у стола и молчала. Молчал и Данилов, давая ей освоиться и прийти в себя. Делая вид, что он копается в бумагах, Иван Александрович вни-

---

[1] ГУМ — Главное управление милиции Народного комиссариата внутренних дел.

мательно разглядывал ее. Даже горе и усталость не стерли красок с лица девушки. Розовощекая, она, безусловно, была очень хороша собой. Теперь Данилов понял, почему лейтенант Ивановский просил отпуск. Конечно, не родители. Разве в этом возрасте вспоминают о них? Нет, он не прав. И вспоминают и думают, но лишь появится девушка — и все. А что «все», ведь это прекрасно — гулять по Москве с такой Аллой, держать ее за руку, думать о ней в вагоне поезда...

Данилов еще раз взглянул на нее. Бедная, она, наверное, и не думает, что, не будь ее, ехал бы лейтенант Ивановский в свой Хабаровск. Пора начинать.

— Вы очень устали? — задал первый вопрос Иван Александрович.

— Да, — Алла ответила тихо, одними губами.

— Я вас попрошу, подержитесь еще немного, ваши показания для следствия крайне важны. Ведь вы тоже хотите, чтобы мы поскорее нашли преступников.

— Да. — И на этот раз тверже.

— Вы, наверное, голодны. Впрочем, чего я спрашиваю, мы же оба ничего не ели. — Данилов взглянул на часы: — Врачи нам этого не простят. Подождите, я сейчас.

Иван Александрович зашел в соседнюю комнату. За столом покойного Ивана Шарапова сидел новый помуполномоченного Сережа Белов. И снова у Данилова защемило сердце, как будто с того далекого сентябрьского дня прошло всего несколько дней. Белов встал из-за стола, аккуратно оправил гимнастерку:

— Слушаю, товарищ начальник.

— Вот что, Сережа, попроси, чтобы мне принесли два стакана чая, и расстарайся, сообрази чего-нибудь поесть.

— Я уже договорился, товарищ начальник, в столовой дадут в счет пайка.

— Молодец, только побыстрее, пожалуйста.

Они пили чай. Сережа расстарался, чай был ароматный и крепкий. Первая утренняя заварка, ее еще не успели разбавить в буфете. Они пили чай и ели хлеб с маслом. На этот завтрак, по скромным подсчетам Данилова, пошло два командирских доппайка. Девушка ела с аппетитом, что тоже поразило Ивана Александровича, но потом он понял, что это молодость берет свое, в любой ситуации.

6. Заказ № 3884

— Я прочитал, Алла, то, что вы написали, — Иван Александрович отставил стакан с недопитым чаем. — Может быть, еще хотите покушать?

— Нет, спасибо.

Алла заметно повеселела, и это обстоятельство обрадовало Данилова.

— Так я прочитал, — продолжал он, — понимаете, вы написали много интересного, но, к сожалению, кое-что придется уточнить.

— Я готова.

— Вот и хорошо. Скажите, Алла, я все насчет этих серег. Вы не могли бы их ну нарисовать, что ли?

— Попробую.

— Вот вам карандаш и бумага.

Через несколько минут рисунок был готов.

— Так, — сказал Данилов, — значит, это сапфир. Кажется, синий?

— Знаете, такого глубокого синего цвета, а вокруг бриллианты небольшие, но Мария Дмитриевна говорила мне, что они очень старой работы, поэтому дорого ценятся. Они в их семье передаются женам сыновей.

— Ах вот как! Значит, эти серьги — талисман вроде.

— Скорее, семейная реликвия.

— А сколько могла стоить эта реликвия, не знаете?

Алла посмотрела на Данилова с недоумением.

— Я понимаю, — сказал Иван Александрович твердо, — многие вопросы покажутся вам не совсем тактичными. Но прошу понять меня, наша профессия такая, мы, как врачи-невропатологи, безжалостно врываемся в человеческие души. Так что потерпите. Кстати, вы говорили, что серьги лежали в шкатулке?

— Да.

— А что там еще было?

— Я не знаю. Нет, впрочем, погодите. Мне Сережа как-то показывал, там был Наполеон.

— Простите, кто?

— Да, Наполеон, — взволнованно сказала девушка, — печать такая. Наполеон в треуголке, руки скрестил на груди, и ниже кружок, на нем инициалы выгравированы. Печать. Сережа рассказывал, что в 1812 году, когда французы бежали из Москвы, ее забыли,

а его прапрадед ее нашел. Мне ее Сергей показывал.

— А из чего сделан этот Наполеон?

— Сережа говорил — из серебра.

— Нарисовать сумеете?

— Нет, что вы.

— Ну тогда размер приблизительный на бумаге отложите.

— Как отложить?

— Проставьте... Понятно, — Данилов взглянул на бумагу, — сантиметров десять приблизительно.

— Приблизительно.

— Теперь вот о чем расскажите. Вы жили рядом с Ивановскими, считались у них в доме почти родной. Правильно я говорю?

— Да.

— Так вот, не заметили ли вы чего-нибудь необычного в поведении Дмитрия Максимовича за последнее время?

— Нет, ничего особенного.

— Тогда постарайтесь вспомнить другое: перед отъездом Дмитрия Максимовича из Москвы в ноябре вы там не встречали посторонних?

— Видите ли... — Алла замолчала и ответила, подумав: — Дмитрий Максимович никуда не уезжал. В ноябре заболела Мария Дмитриевна, и я ухаживала за ней.

— Как — никуда не уезжал? — удивился Данилов.— А вы ничего не путаете?

— Да точно, Иван Александрович, я говорю правду! — Голос Аллы сорвался от волнения.

— Да вы успокойтесь, я вам верю, тут неразбериха одна получилась. Вы уж помогите нам выяснить.

— Числа пятнадцатого ноября, — медленно, видимо стараясь ничего не упустить, начала рассказывать Алла, — да, по-моему, пятнадцатого, Дмитрий Максимович и его помощник Георгий Васильевич...

— Попов?

— Да, Попов, привезли домой тяжелый ящик. Привезли втроем.

— А кто третий?

— Шофер, я еще удивилась: шофер, а очки у него выпуклые, как у очень близоруких людей. Так вот, они принесли тяжелый ящик. Потом шофер уехал, а

Дмитрий Максимович сказал, что у них сломалась машина и надо ждать инкассаторов.

— Как я понял, инкассаторы должны были подъехать прямо к дому?

— Да, но что-то случилось, я уж не знаю что, и инкассаторы приехали только через неделю. Все это время Дмитрий Максимович и Попов дежурили в комнате, где стоял ящик, по очереди. У них даже наганы были.

— А когда приехали инкассаторы?

— Дмитрий Максимович все время звонил по телефону, а машины не было. Наконец он сказал, что поговорит с замнаркома внутренних дел, которого знал лично.

— Он позвонил ему?

— Да.

— И что дальше?

— Той же ночью приехала машина и люди в форме. А с ними какой-то начальник из Ювелирторга, они вскрыли ящик, составили акт, а ценности положили в зеленые мешки. С ними уехал Попов, а Дмитрий Максимович остался, у него грипп начался сильный.

— Понятно, Алла, вспомните: а больше никто не заходил к Ивановскому?

— По-моему, нет.

— Ну вот мы и уточнили. Спасибо вам.

— Я могу идти?

— Конечно. Я попрошу, чтобы вас проводили.

Данилов встал, пожал девушке руку. Странно, выходит, что Ивановский никуда не уезжал из Москвы. Вот теперь вообще все становится непонятным.

Иван Александрович сел на стул рядом с сейфом, прислонясь виском к его холодному боку. Делать ничего не хотелось. Даже думать было противно, а сама мысль, что сейчас придется идти осматривать привезенную с КПП машину, показалась невероятной и отвратительной. Эх, поехать бы сейчас в пивную на Брестской. Стать в уголке за высоким столиком, пива выпить холодного... А потом домой спать. Открыть окно, с прудов потянуло бы запахом плесени и свежести, и сон бы пришел невесомый и тихий, как елочная вата...

Узор сейфа больно давил висок, но Данилов не замечал этого: он спал.

— Иван Александрович, — слышал он голос Белова, — товарищ начальник...

— Чего тебе? — спросил Данилов, не раскрывая глаз. — Никакого уважения к старости.

— Товарищ начальник, — голос Белова все еще доносился словно из-за закрытого окна. — Алла вспомнила, кто приходил к Ивановскому...

«В дополнение к моим показаниям хочу сообщить, что в конце ноября 1941 года или в первых числах декабря к Ивановскому заходил тот самый шофер. Я узнала его по очкам. Пробыл он в квартире недолго. Больше я его не видела».

Данилов еще раз перечитал протокол допроса. Ну вот, кое-что есть. Теперь нужно установить шофера. Возможно, что он связан с убийством. Вполне возможно. Уж больно много совпадений.

Он позвонил Полесову. Трубку никто не поднял. Значит, Степан еще не приехал. Данилов позвонил дежурному и попросил сведения обо всех разбойных нападениях и грабежах за последние шесть месяцев.

— Это сейчас распоряжусь, — ответил дежурный,— все абсолютно?

Данилов помолчал, а потом добавил:

— Нет, только группы. А также все сведения об использовании наганов. Кроме того, запроси отряды ВОХРа, не случилось ли у них чего за это время.

— Сделаем.

А теперь надо пройтись. Просто выйти из управления и пойти по улице. На ходу́ думается легко. Данилов запер кабинет. В коридоре было пусто. Он прошел полпути до лестничной площадки, услышал, что в его комнате зазвонил телефон. Данилов опять открыл дверь, надеясь, что звонок случайный и телефон замолчит. Но, видимо, на том конце провода сидел человек настырный, и аппарат звонил натужно и длинно.

— Данилов!

Это звонил Полесов.

Иван Александрович приехал в отделение через двадцать минут. В дежурке сидел щуплый белобрысый человек и вертел в руках очки с выпуклыми стеклами. Данилов даже не удивился. Он просто ожидал этого, знал, что заявил о пропаже машины именно тот самый шофер в очках с выпуклыми стеклами.

Допрос он начал сразу, в отделении.

— Ваша фамилия, имя, отчество?
— Червяков Валентин Иванович.
— Год рождения?
— Мне двадцать восемь лет.
— Место работы?
— Я механик первого автохозяйства.
— Почему же в вашем заявлении написано, что вы шофер?
— Это временно, почти все водители на фронте, я из-за близорукости от службы в армии освобожден, поэтому с сентября прошлого года работаю водителем.
— С таким зрением?
— Что поделаешь, товарищ следователь, война.
Данилов встал из-за стола, прошелся по комнате. Червяков сидел спокойно, прищуренные глаза смотрели куда-то мимо, словно видели такое, что никто другой увидеть не мог.
— Номер вашей машины МО-26-06?
— Да, а что, она найдена?
— Пока спрашиваю я.
— Извините.
Голос ровный. Спокойный очень голос, слишком даже. Данилов достал папиросу и начал разминать табак. Делал он это нарочно медленно, специально затягивая паузу. Червяков продолжал молчать, все так же бесстрастно глядя прямо перед собой. Казалось, что именно на стене кабинета проецируется что-то видимое только ему — ему и никому больше — и что это и есть для него сейчас самое главное и интересное.
— Вы знакомы с Ивановским? — внезапно резко спросил Данилов.
— Да.
— В каких вы отношениях?
— Я не понимаю вопроса.
— Как часто вы с ним виделись и в какой обстановке?
— Виделся с ним в конце сорок первого...
— Точнее.
— В ноябре. В конце ноября. Мы ящик с ценностями возили, а у меня машина сломалась. Ну вот и пришлось...
— Что пришлось?
— Ящик к Дмитрию Максимовичу тащить.

— А вы знали, что было в нем?
— Конечно.
— Что?
— Ценности. Большие ценности. Мы их должны были отвезти на семидесятый километр Горьковского шоссе.
— Почему именно туда?
— Там было какое-то учреждение, которое их принимало и отправляло в глубокий тыл.
— А откуда вы узнали о ценностях?
— Интересно, — Червяков поправил очки, — очень интересно! Да вы, видимо, считаете меня человеком, которому ничего нельзя доверить? Так я должен понимать ваш вопрос?
— Гражданин Червяков, здесь спрашиваю я.
— Это почему же? Вы, собственно, кто такой? Вы меня пригласили, а мое право отвечать вам или нет.
— Логично, но неразумно. Я начальник отделения по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска. Фамилия моя Данилов. Зовут Иван Александрович. Вам этого достаточно?
— Вполне, только прошу документы показать.
Данилов усмехнулся, вынул удостоверение. Он смотрел, как Червяков читает его, близко поднеся к глазам, и еще раз удивился, как такому человеку можно доверять машину.
— Все в порядке, — Червяков протянул обратно удостоверение. — Теперь спрашивайте.
— Мы остановились на том, что вам поручили помочь Ивановскому вывезти ценный груз.
— Да. Меня вызвали в нашу спецчасть, объяснили всю важность задания и даже выдали наган.
— Что случилось потом?
— Машину мне дали старую, я сразу же написал об этом докладную записку.
— Почему же вам дали плохую машину?
— Теперь уже сказать трудно.
— И что дальше?
— Машина сломалась у Колхозной площади. Мы ее бросили и отнесли ящик в дом к Ивановскому.
— Вы помните этот ящик?
— Очень хорошо. Он большой, деревянный, сверху обитый тонким железом, по бокам две ручки.
— Какого он цвета?

— Вот этого не помню.
— Понятно. Что было потом?
— Мы отнесли ящик, и я ушел к машине.
— Больше вы не были у Ивановского?
— Был.
— Когда?
— В декабре.
— Зачем?
— В машине Дмитрий Максимович оставил чемоданчик с бельем. Я его обнаружил в гараже на следующий день. Но отнести не мог. Меня срочно направили в Балашиху в ремонтные мастерские чинить разбитые на фронте машины. В декабре я вернулся и пошел к Ивановскому. Я очень удивился, застав его дома. А еще больше удивился, увидев в прихожей тот самый ящик. Тогда я понял, что Ивановский просто жулик. Я долго не решался сообщить о нем. Потом опять уехал в Балашиху. Приехал в апреле и решил пойти в Ювелирторг, в их промкомбинат, и сообщить.
Червяков снял очки, помолчал.
— В промкомбинате я передал заявление начальнику охраны, фамилия у него странная, подождите, — Червяков достал пухлую записную книжку, близоруко поднес ее к глазам. — А, вот, Шантрель.
— А почему же вы к нам не пришли?
Червяков надел очки и посмотрел на Данилова. За выпуклыми стеклами глаза казались огромными, особенно зрачки.
— К вам я боялся. Я ведь лишенец.
— Не понимаю.
— Отец у меня арестован в тридцать восьмом.
— Значит, боялся.
— Значит, так.
— А потом что?
— Ночью вчера ко мне четверо военных пришли. Да, кстати, тот самый Шантрель запретил мне говорить об этом. Ну, пришли военные.
— Какие?
— Обыкновенные, в гимнастерках, сапогах, с наганами. Допросили меня. Документ показали, что они из охраны промкомбината. Потом сказали, что воспользуются моей машиной, их якобы сломалась. А моя во дворе стояла. Вот и все. Утром машины нет, я и заявил.

— Побудь здесь, — Данилов вышел в соседнюю комнату. Полесов сидел у самой двери.

— Слышал?

— Слышал.

— Езжай в промкомбинат.

ПОЛЕСОВ

В кабинете директора промкомбината сидели двое. Пожилой человек в гимнастерке военизированной охраны и девушка в милицейской форме. Директор повертел в руках удостоверение Степана и, возвращая, спросил:

— Вы к нам по поводу Ивановского или из-за этой кражи?

— Какой кражи?

— Да...

— А вы, товарищ, из МУРа? — взволнованно спросила девушка. — Вы что же, нам не доверяете?

— Кому это вам? — Степан присел на стул.

— Нашему отделению. Я следователь Анохина. Я думаю, что эту кражу мы сами размотаем.

И это «размотаем» так не вязалось с ее аккуратной гимнастеркой, пушком на щеках и маленькими карими глазами, что Степан невольно улыбнулся:

— Вы уж объясните мне все по порядку. Ладно?

— Дело простое. Очень простое, — горячо заговорила Анохина. — Вчера вечером пропало со склада четыре комплекта обмундирования. У нас есть предположение, что они похищены для продажи.

— Вы, наверное, подозреваете кого-нибудь? — Степан опять усмехнулся.

— Конечно, и усмешки ваши неуместны, товарищ...

— Полесов.

— Товарищ Полесов, — закончила Анохина.

— Вы не обижайтесь только, договорились? — примирительно сказал Степан. — Здесь все немножко сложнее. У нас есть мнение, что эти два дела тесно между собой связаны. Правда, пока это предположение. Вы расскажите, что случилось.

— Такое, значит, дело, товарищ уполномоченный,— откашлявшись, начал рассказ пожилой человек в вохровской форме. — Я начальник военизированной ох-

раны промкомбината. Вчера кто-то взломал окно каптерки и похитил четыре комплекта обмундирования. Гимнастерки и шаровары. Между прочим, диагоналевые. Шерстяные, значит. Мы их перед самой войной получали. Так они без дела лежали до срока.

— А почему без дела? — поинтересовался Полесов.

— Так мужчин всех забрали на фронт. Женщины у нас теперь в охране, а им галифе без надобности. Думаем, что кто-то свой расстарался. На продажу или, вернее, на Тишинку на харчи менять.

— Вы мне покажите склад.

— Пошли.

Промкомбинат был небольшой. Всего несколько аккуратных двухэтажных домиков с огромными окнами. Каменный забор с вышками по углам и проволокой по гребню плотно отделял его от тихой Шаболовки. Степан уже знал, что на вышках постоянно дежурят бойцы охраны, проволока под током, у ворот караульное помещение. Сюда не проникнешь. Даже принимая во внимание неопытность новой охраны, а впрочем, какая там неопытность! Люди несли службу отлично. Москва совсем недавно перестала быть фронтовым городом. Да и в самом комбинате ювелирные изделия стали всего одной третью производства. Сейчас рабочие, опытные мастера-ювелиры, привыкшие к необычайной точности, выполняли особо секретные задания фронта. Такие, что знать об этом ему, чекисту и большевику, не полагалось.

Нет, с улицы сюда не проникнешь. Да и какой вор полезет на охраняемый объект ради четырех комплектов обмундирования, за которые на Тишинке можно получить только водку с закуской. Не так здесь что-то. Ох, не так. А как — Степан уже приблизительно представлял.

Каптерка была небольшой. Обыкновенная каптерка, как на заставе у него, когда Степан служил старшиной на границе. Те же стеллажи по стенам, тот же запах кожи и оружейного масла.

Сейчас пачки с гимнастерками валялись на полу.

— Какие размеры пропали?

— Один пятьдесят четвертый, рост третий, два пятьдесят вторых, четвертый и сорок восьмой, третий рост, — сказал начальник охраны.

— Вот видите, — повернулся к Анохиной Степан, — видите, как получается. Если бы брали просто для продажи, то схватили бы первую попавшуюся пачку и ушли. А здесь вор размеры выбирал.

Степан подошел к разбитому окну, присел на корточки, осмотрел пол. Потом вышел, обошел здание. Под окном на траве валялись осколки стекла. Полесов еще раз оглядел раму. Да, рассчитано на дураков. Во все стороны торчало минимум четыре острых, как ножи, осколка. И ни одной нитки на них, ни одной капли крови.

— Окно разбито изнутри. Кто-то вошел, открыл ключом дверь, выбил окно и забрал вещи, так-то. Причем этот «кто-то» имел сюда доступ, у него был ключ. У кого есть ключи? — повернулся он к начальнику охраны.

— Только у меня и запасной в караулке.

— Все ясно. Где ваш заместитель Шантрель?

— Он всю ночь дежурил, теперь сутки свободный.

— Принесите из отдела кадров его личное дело.

ДАНИЛОВ

Машину они оставили на улице. Шантрель жил во флигеле в глубине двора. Шли порознь, обходя сквер, на скамеечках которого под деревьями сидели старушки. Флигель был маленький. Четыре окна выходили в заросший палисадник.

«Ничего себе, домик тихий. Сиди у окошка, чай пей и дыши озоном. Прямо дача. Только не пил здесь чай Григорий Яковлевич Шантрель, 1900 года рождения Он здесь другим занимался, совсем другим»

Данилов прислушался, во флигеле было тихо. Из открытого окна доносился голос репродуктора. «...Роман «Мать» имеет огромное значение в творчестве Горького. В нем пролетарский писатель...»

— Второго выхода нет, — сказал за спиной Муравьев.

— Понятно. Ты, Игорь, здесь останься, в палисаднике, цветочки там всякие посмотри... Понял?

— Так точно.

— Белов и Полесов, за мной.

Входная дверь была закрыта, и Данилов посту-

чал. Осторожно постучал, как приятель. В глубине квартиры по-прежнему мягкий актерский голос рассказывал о значении творчества Горького.

Иван Александрович ударил сильнее, потом еще. За дверью закончилась передача о Горьком и начался концерт Александровича.

— Так мы до вечера колотиться будем. Видимо, Григорий Яковлевич давно уже ушел. Ты, Сережа, сбегай за дворником или слесаря приведи, жалко же дверь ломать.

— А зачем, — усмехнулся Белов, — замок здесь английский, давайте я в окно влезу и открою.

— Я тебе влезу, ишь жиганское отродье, — раздался за спиной голос.

Данилов оглянулся. В проеме двери стояла старушка.

— А я сижу и думаю, не к квартиранту ли моему гости? Вроде военные. Значит, к нему. Он спит, всю ночь дежурил, теперь не добудишься.

— Правильно, мамаша, — сказал Степан, — мы к Григорию Яковлевичу, к нему самому.

— С работы, что ли, или так, друзья?..

— Мы из милиции, мамаша, — прервал ее Данилов, — вы уж откройте скорее, дело у нас к вашему жильцу срочное.

— Ну, если казенная надобность...

В маленькую прихожую выходили три двери.

— Вон там его комната.

Данилов дернул ручку, дверь была закрыта изнутри.

— Вы постучите, он спит.

— У вас есть второй ключ?

— Да там задвижка...

— Степан, — Данилов достал наган. — Вы бы к себе в комнату пошли, — повернулся он к испуганной старушке.

Полесов отошел на шаг и ударил плечом дверь. Створки разошлись, комната была пуста.

Когда-то один из учителей Данилова, старый оперативник Покровский, говорил, что жилище может многое рассказать о характере человека. Иван Александрович бывал в квартирах, на которые наложила отпечаток человеческая индивидуальность. Ох, сколько он их повидал за время работы в угрозыске! Всякие

он видел. Но были и такие, как эта. Здесь ничто не говорило о характере и склонностях хозяина. Убогая старая мебель, пустой шкаф, под кроватью чемодан с грязным бельем.

— Позови Игоря, найди понятых и начинайте обыск,— приказал он Полесову, — а я пойду с хозяйкой поговорю.

Иван Александрович постучал в соседнюю комнату и скорее догадался, чем услышал приглашение войти. Хозяйка сидела в углу под иконой и, глядя на дверь, быстро крестилась. Маленькая, седенькая, с жидким пучком волос на макушке, она была похожа на белую, добрую, ручную мышь, впервые в жизни увидевшую кота.

— Да чего вы испугались-то? — приветливо улыбнулся Данилов. — Полноте. Ваше имя-то как, отчество?

— А ты, поди б, не испугался, если бы к тебе такие ловкие пришли? А имя мое Нина Степановна.

— Вы успокойтесь, мы вам ничего дурного не сделаем. Мы же милиция.

— Вам видней, уважаемый, — хозяйка опять перекрестилась. — Вам видней. Вы молодые, грамотные, значитца, зачем старуха-то вам?

— Да что вы, что вы, мы к вам претензий не имеем. Мы вот к жильцу вашему.

— А я ему говорила. Ох, говорила. Ты человек, мол, военный, откуда продукты-то берешь? Одному столько не дадут.

— Какие продукты?

— Да всякие: и мука у него, и сахар, и мясо всякое. Он говорил: родственники привозят. Значит, из-под Москвы. А я все равно не верила. Что это за родные такие, чтобы сахару — три мешка, сухофруктов — тоже мешок, консервы опять же.

— А где он это держал все?

— Да на чердаке. Потом к нему его барышня приезжала. Тьфу! — Старуха закрутила головой; «барышня» — слово это она проговорила нараспев, с презрением. — Одна видимость. Ну в теле, конечно, крашеная, кольца золотые. Она где-то по торговой части работала. Воровка, значит. Я вот вчера пошла карточки отоваривать, а продавщица мне подушечки... — Старуха говорила долго и все не по делу. Но Дани-

лов не перебивал ее, он много на своем веку свидетелей видел, они были разные. Из одних слова приходилось тащить клещами, другие, наоборот, говорили много и охотно, часто о вещах посторонних, но в их рассказе, словно в пустой породе, иногда мелькало искомое и очень важное. Поэтому он слушал Нину Степановну внимательно, иногда сочувственно кивая головой, словно пустую породу, просевал ненужные слова.

— Он мне, знаете, и говорит, — продолжала старуха, — время сейчас голодное, людям жить надо, питаться, может, кто и у вас есть, кто всякие камешки там или золото на хорошие продукты обменяет? Я ему говорю: такими делами отродясь не занимаюсь...

— Ну зачем же так, — стул под Даниловым скрипнул, — зачем, Нина Степановна? Мы же знаем, что вы ему помогли, на то мы и милиция.

— Да, господи, святой крест, начальничек, нет на мне ничего. — Старуха выпалила последнюю фразу и замолчала, словно поперхнулась.

Стоп. Где же он ее видел? Глазки эти маленькие, словно буравчики. Пучок, да нет, не было тогда у нее пучка. Руки как лапки у мышки. Маленькие, с круглыми ладошками и короткими пальцами. Где? Где? И фраза эта: «Начальничек, нет на мне ничего». Так тихие квартирные хозяйки не говорят. Они больше о карточках и распределителях.

И вдруг он не ее узнал, а руки. Эти самые короткие пальцы. Они сгребали пыль, золотую пыль из-под ювелирных тисков. И была она тогда полнее, и голос у нее был хриплый от ненависти, а потом — в Гнездниковском МУР тогда был — там она крестилась на портрет Дзержинского.

— Ах, Нина Степановна, Нина Степановна. Годы идут, а замашки старые. Нехорошо знакомых не узнавать. Ах как нехорошо!

— А я тебя, Данилов, сразу признала, — сказала вдруг старуха другим, совсем другим голосом. Сказала и словно выпрямилась. И не было больше мышонка беспомощного. Зверь сидел, старый, но зверь.

— Поседел ты, а все такой же. Орел. Молодым тогда был, жалостливым для людей. А сейчас, видать, заматерел. Дай, что ли, папироску.

Иван Александрович достал портсигар. Хозяйка взяла его, поглядела.

— «Тов. Данилову за борьбу с правонарушителями. От Пермского исполкома». Ишь ты, от исполкома. А цена в нем какая, копейка цена.

— Здесь цена не по тому прейскуранту идет, Спиридонова, другая моему портсигару цена.

— Это понятно. Только в двадцать пятом ты от мужа моего, покойника, мог золотой иметь, с алмазной монограммой. Да не захотел. Видишь, железкой балуешься. Другая, значит, цена?

— Это точно, другая, — Данилов чиркнул спичкой, дал прикурить. — Но разговор у нас не о муже покойном, а о жильце вашем.

— А я ему не судья. Он продукты на золото менял, а я при чем?

— Мы сейчас у вас, Спиридонова, обыск сделаем, тогда и посмотрим.

— Делай. Моя судьба прятать, а твоя искать. Только про Гришку ничего не знаю и к его делам непричастная. А золото, если найдешь, так это мое. Папенькой моим, золотых дел мастером Крутовым, оставлено. Его никто у меня отобрать не сможет.

— Ладно, о золоте потом. Вы мне скажите, как к вам Шантрель попал?

— Пришел сам, узнал, что комнату сдаю, попросил прописать. Я и сделала. Человек он военный, мне с ним не так страшно.

В комнату вошел Белов:

— Иван Александрович, в комнате ничего, а на чердаке два ящика консервов нашли и мешок сахара.

— Хорошо, в машину погрузите. Да и хозяйку не забудьте. Она с нами в МУР съездит. Может, там и вспомнит чего. А здесь засаду оставим, ты и Полесов, со стороны улицы вас ребята из отделения подстрахуют.

ДАНИЛОВ И НАЧАЛЬНИК

В подъезде постовой, увидев Данилова, бросил руку к козырьку и шагнул к нему.

— Ты чего, Зимин?

— Вам передано немедлённо к начальнику явиться.

— Ладно, — Иван Александрович провел рукой по щеке. Щетина отросла и кололась безжалостно. В та-

ком виде наверх идти не хотелось. Не привык он к этому. Совсем давно молоденьким реалистом он пришел на работу в ЧК. Тогда и брить ему было нечего, пушок рос, но каждый оперативник держал в ящике стола бритву и помазок. Феликс Эдмундович не терпел неаккуратности. Он сам в любое время суток был подтянут и выбрит, от других требовал того же.

Рядом с кабинетом Данилова поймал Серебровский.

— Ваня, тебя начальник уже два часа ищет, хотел в питомник ехать: собаку за тобой посылать.

— Я только побреюсь.

— Ваня, и думать не моги, если я все дела бросил и тебя ищу, — значит, спешная надобность.

Он обнял Данилова за плечи и повел к лестничной площадке. Серебровский был, как всегда, выбрит и от него довоенно пахло одеколоном. Когда-то они с Даниловым работали в одной бригаде. У красавца Серебровского была необыкновенная особенность располагать к себе женщин. Поэтому, когда требовалось допросить кого-нибудь из «подруг жизни» клиентуры бригады, то лучше Серебровского сделать этого никто не мог. Женщины всегда становились на пути Сережи Серебровского, и не было у него из-за них служебного роста. Перед самой войной его забрали в наркомат, но там нашлась чья-то секретарша, и опять его отправили на старую работу, правда, с повышением. Холостяк Серебровский работал и жил легко. Удачливый Сережа был и парень хороший.

— Слушай, ты где одеколон берешь? — поинтересовался Данилов.

— Страшная тайна, Ваня. В ноябре сорок первого я с одной дамой познакомился, ничего так дама, — Серебровский повел руками, показывая в воздухе габариты дамы, — так она в ТЭЖЭ работала. Когда их эвакуировали, она мне говорит: если нужно, я тебе одеколона продам сколько хочешь. Вот я и запасся. Да я тебе дам, у меня еще есть.

В приемной начальника у стены сидели трое военных с худыми, изможденными лицами, у одного рука была на перевязи. Увидев Данилова и Серебровского, они встали.

— Это к нам из госпиталей направили, — пояснил Осетров, — на пополнение оперативного состава.

— Вот что, — приказал Серебровский, — началь-

ник сейчас уедет, а ты товарищей командиров накорми и проводи отдохнуть в общежитие. Как вернемся — поговорим.

Начальник, наклонившись, копался в сейфе.

— А, дорогая пропажа. Ну как?

— Докладывать?

— Некогда, — он подошел к Данилову, — иди переодевайся, побрейся. В горком нас вызывают, к секретарю.

— Так, — Данилов сел, — а зачем?

— Полегче чего спроси. Позвонил его помощник и говорит: давай с Даниловым. Я ему объяснил, что ты на операции, а он — разыскать. Через каждый час тобой интересуется...

На столе зазвонил телефон правительственной связи, или, как его называли, «вертушка».

Начальник подошел, снял трубку:

— Да... Есть... Будем через сорок минут.

Он отошел от стола и еще раз оглядел Данилова.

— Двадцать минут тебе на бритье. На тары всякие, бары. И вниз. — И уже в спину крикнул: — Гимнастерку надень новую.

Данилов брился в общежитии, благо там стоял кипятильник с горячей водой. Бритва шла с треском, как коса. Иван Александрович глядел на себя в зеркало, и грустно ему становилось. Все-таки беспощадная вещь время. Какие у него годы? Сорок два скоро, а вот и голова уже вся седая, и морщины. А впрочем, еще ничего, не так уж он плох. Крепкий пока. Только одышка появилась да головные боли.

— Хорош, хорош, — засмеялся за спиной Серебровский, — я тебе обещанное принес. На, владей, «Тройной». Только смотри. Мне Гостев говорил, что после коньяка он на первом месте стоит по вкусовым качествам.

— Врет твой Гостев, — Данилов крепко вытер лицо мокрым полотенцем.

— А ты пробовал?

— Было дело.

— Ну и как?

— Ты попробуй.

— Ты же знаешь, Ваня, что я только портвейн и пью.

— Аристократ. Твоя фамилия случайно не Юсупов-Серебровский?

— Нет. Серебровский, Сумароков-Эльстон, — замначальника засмеялся, обнажив белоснежные зубы.

И Данилов еще раз подивился его характеру. Серебровский был человеком мягким, веселым и щедрым. И все эти качества он сочетал с огромным личным мужеством и знанием дела.

К машине они вышли вместе.

— Ну, Ваня, езжай в верха. Только по дороге крепко подумай, какие у тебя подходы к рынкам есть.

— А мне-то они зачем? Рынки — это Муштакова дело.

— Все равно подумай, об этом разговор будет. Мне сегодня верный человек в наркомате шепнул.

Начальник оглядел Данилова всего, от головок начищенных сапог до фуражки, и, ничего не сказав, полез в машину. Иван Александрович сел сзади, удобно откинувшись на широком сиденье ЗИСа. Шофер развернулся, и машина понеслась по полупустой Петровке, распугивая клаксоном-кукушкой редких пешеходов. Начинало темнеть. И сумрак этот был особенно заметен из-за светомаскировки. Дома глядели на улицу черными, ослепшими глазницами окон.

У Мосторга девушка-регулировщица опустила жезл, открывая дорогу знакомой машине. Начальник молчал. Молчал и Данилов. Он разглядывал улицы, не переставая удивляться. Правильно говорят: лицо города. Есть оно, это лицо. И меняется оно от настроения, от усталости, от горя. Москва выглядела усталой. И это не только темнота на улицах. В сорок первом, в августе, тоже окна завешивали и баррикады строили. Но тогда и женщин нарядных много было, и мужчины в светлых костюмах. А сейчас все в темном, все словно в одинаковой форме. Но все-таки было что-то еще, чего он никак не мог определить. И эта мысль мучила его, когда они шли по длинным коридорам горкома партии, мимо одинаковых дверей с фамилиями на табличках.

Да, здесь все изменилось. Последний раз он был в этом коридоре в конце октября сорок первого года, тогда горком больше походил на Смольный времен революции. А теперь тишина, солидность, как и положено столичному комитету партии.

Они вошли в приемную, из-за стола им навстречу поднялся помощник, молодой человек в полувоенной форме, с кобурой на широком командирском ремне:

— Подождите, товарищи, у секретаря рабочие с «Серпа и молота», присядьте пока.

В приемной ждал уже один человек. Он широко улыбнулся Данилову, протянул руку:

— Не узнали?

И тут Иван Александрович понял, что это Королев. Капитан госбезопасности Королев, с которым они вместе кончали банду Широкова.

— Здравствуй, Виктор Кузьмич, я тебя и не признал сразу в штатском. Ишь ты какой стал...

Королев был одет в элегантный коричневый костюм, пиджак спортивного покроя сидел на нем как влитой. Коричневая шелковая рубашка, галстук в тон и отличные бежевые туфли.

— Трудновато тебя узнать, трудновато, — докончил Данилов.

— Это и хорошо. Нас с тобой не всегда узнавать надо. Ты садись. — Королев потянул Данилова за рукав. — Тут по моему ведомству кое-что для тебя пришло, на, читай.

Данилов развернул бумагу: «Спецсообщение. На ваш запрос сообщаем, что лесничий тов. Данилов Александр Андреевич в настоящее время является комиссаром партизанского отряда «Смерть фашизму». Зона действия отряда (дальше зачеркнуто). Подпись, печать».

Данилов сглотнул комок, подступивший к горлу, и еще раз прочитал спецсообщение. Жив отец. Жив. А он уже и надеяться перестал. Комиссарит. Прямо как в гражданскую.

Он повернулся к Королеву, но в это время распахнулась дверь кабинета, и из нее вышли люди. Они шли через приемную, о чем-то споря, видимо продолжая неоконченный разговор. Но Данилов не слышал, он не услышал, как помощник пригласил их пройти. Он был далеко, на Брянщине у отца, в его доме, окна которого выходили в лес и в котором было так хорошо и тихо.

— Ты что, заснул? — начальник дотронулся до его плеча. — Ждет, идем.

Секретарь горкома встретил их у дверей кабинета,

крепко пожал руки, показал на кресла у стола, приглашая садиться.

— Можно курить, товарищи.

Неслышно появился помощник, поставил стаканы с чаем и сел в углу кабинета в тени.

Секретарь горкома прошелся по кабинету, остановился у стены.

— Я пригласил вас, товарищи, для того, чтобы совместно обсудить создавшееся положение. Вам хорошо известно, что вся Московская область освобождена от немцев. В настоящее время линия фронта проходит на рубеже Гжатска. Но наступление гитлеровцев продолжается, по-прежнему тяжелые бои идут в излучине Дона, враг рвется к Волге, хочет захватить Кавказ, лишить нас нефти. Государственный Комитет Обороны делает все, чтобы остановить и разгромить врага. Для этого спешно ведется реорганизация и перевооружение армии. Перед Московской партийной организацией поставлена задача — в кратчайший срок сделать наш город кузницей оружия. Москва и область становятся крупным центром оборонной промышленности. Вполне естественно, что мы просто обязаны создать все условия рабочему классу столицы для нормального труда. На нашем совещании должен был присутствовать представитель МВО, но он запаздывает, причина уважительная, он... — На столе тихо звякнул один из телефонов. Секретарь взял трубку и сказал одно слово: «проси».

В кабинет вошел невысокий генерал-майор с зелеными звездами на защитных петлицах.

— Извините за опоздание, — чуть глуховато сказал он, — был в гостях.

— Ну вот, теперь все в сборе. — Секретарь горкома сел за письменный стол. — Товарищи, генерал-майор Платонов возглавляет охрану тыла войск МВО, он и доложит обстановку.

Платонов расстегнул полевую сумку, вынул бумаги.

— Дело такое, товарищи, обстановка в тылу наших войск, то есть в Московской области, в общем нормальная. Население освобожденных районов помогает бойцам и командирам, чем может. Соответственно воинские части тоже идут навстречу нуждам трудящихся. Мы отдаем трофейную технику в восстанавливающиеся колхозы, на полях работают команды выздоравливаю-

щих, ну, конечно, продовольственную помощь оказываем. Но за последнее время в зоне действия наших подразделений появились случаи нападения на отдельные машины с продовольствием, на склады, фуражные пункты. С подробной сводкой я всех ознакомлю. По данным наших особых отделов стало известно, что существуют вооруженные группы, сформированные из бывших уголовников, укрывшихся фашистских пособников и дезертиров. Это, товарищи, нарушает нормальную работу тыла действующей Красной Армии. Мы обратились к Московскому горкому с просьбой оказать нам помощь. Вот вкратце обстановка. — Генерал полез за папиросами.

— У вас все, товарищ Платонов? — спросил секретарь горкома.

— Пока все.

— Что скажет представитель госбезопасности?

Королев встал, помолчал немного, видимо собираясь с мыслями:

— Мы располагаем данными, что вражеская разведка, причем обе службы — абвер и СД, постоянно засылает свою агентуру в наш тыл. Борьба с ней ведется успешно, наши компетентные органы располагают людьми, работающими в тылу у фашистов и передающими нам весьма ценные сведения именно по этому вопросу. Оставив надежду посеять панику, грабежи и беспорядки в Москве, враг сегодня решил прибегнуть к другим методам. Вызвать недовольство жителей, нарушить снабжение, организовать черный рынок. Вражеские агенты торгуют через подставных лиц фальшивыми продовольственными карточками, причем в некоторых местах их просто сбрасывают с самолета. Надо отметить, что население столицы проявляет огромную сознательность, большинство фальшивых карточек сдано. Но есть и другие — а именно на них делает ставку вражеская агентура, — эти люди являются косвенными пособниками врага, и наше дело — их выявить.

Кроме того, по нашим данным, немецкая агентура пустила в обращение фальшивые денежные знаки, но это дело ненадежное, попасться можно, поэтому враг опять делает ставку на уголовный, деклассированный и чуждый нам контингент населения, чтобы организовать продовольственный кризис. Для этого сфор-

мировано несколько бандгрупп, и они начали действовать. Вот о них и говорил только что товарищ генерал.

Данилов слушал Королева, а мысленно уже перебрал все возможные подходы к рынкам, вспоминал все последние происшествия, связанные с продовольствием. Пока определенной картины не складывалось. Все распадалось, но, возможно, не так надо рассматривать эти случаи. Попытаться объединить их, найти систему.

Королев закончил и сел. Несколько минут все молчали.

— Разрешите мне, — начальник МУРа одернул пояс. Хорошо он выглядел в этом кабинете, высокий, широкоплечий, в красивой коверкотовой гимнастерке с тремя малиновыми ромбами на синих петлицах, с двумя орденами Красного Знамени на груди.

— Как я понимаю, — продолжал начальник, — нас вызвали для координации действий и создания единого оперативного руководства операцией. Но о чем бы мне хотелось доложить. Дело в том, что начиная с июня 1941 года работа наша приняла несколько иные формы.

— Конкретнее, — поинтересовался генерал.

— Пожалуйста. — Начальник раскрыл папку, достал отпечатанные на машинке страницы. — Вот, товарищи, пачки сводок за последние полгода. Никаких серьезных уголовных проявлений нет. Мелочевка.

— Что-что? — секретарь горкома подался вперед. — Как вы сказали?

— Мелочевка, — начальник МУРа смутился, — ну это жаргон у нас профессиональный. Значит, мелкие дела, особой угрозы не представляющие. Но и с этими проявлениями мы боремся...

— Это мы знаем. — Секретарь горкома взял сводку, пробежал ее быстро глазами. — Партийная организация столицы в курсе дел своей милиции. Мы многое знаем. Приняли соответствующее решение, обратились в Президиум Верховного Совета, и скоро об этом узнают все. Я понимаю вас так, что организованной преступности нет. Как вы считаете, товарищ Данилов, вы же руководите борьбой с бандитизмом?

— К сожалению, работа у наших товарищей есть, правда, она приняла действительно несколько иные формы. С начала войны не было заметно активизации

старых профессионалов. Кроме банды Потапова — Широкова. Но, как видите, она тоже была инспирирована немецкой разведкой. Сейчас, а именно — сегодня, мы занимаемся одной группой. Возможно, что это именно то, о чем говорили товарищи, — Данилов кивнул в сторону генерала и Королева.

— Значит, так, — секретарь горкома посмотрел на часы, — давайте составим план мероприятий, определим участки работы.

ПОЛЕСОВ И БЕЛОВ

До темноты они сидели в коридоре. Степан нашел двадцатых годов подшивку журнала «30 дней» и читал «12 стульев». Иногда он начинал хохотать, зажимая рот рукой, и старое кресло под ним трещало. Тогда Белов, сидящий у двери, неодобрительно поглядывал на него.

Читать ему не хотелось. Да, наверное, он ничего бы и не понял. Полистал «Огонек» и бросил. Да разве до чтения сейчас? Его оставили в засаде. Слово-то какое! Короткое, опасное слово. Конечно, Полесов читает Ильфа и Петрова, смеется, ему спокойно. И «12 стульев» он открыл для себя впервые, а он, Белов, помнит их почти наизусть. В институте они соревновались, кто лучше знает роман. Выиграл он. На его вопрос: «С какой стороны в Старгород вошел Бендер?» — никто не смог ответить. А вошел-то он со стороны деревни Чмаровки. Такие вот дела были раньше.

СЕРГЕЙ БЕЛОВ

Перед самой войной родители его уехали в Ташкент к бабушке. А он собрал однокурсников, которые, конечно, были в городе, устроили вечеринку. Танцевали, пели, спорили и говорили о войне. Утром провожали девушек. Утро было пасмурным, улицы пустыми, легкое вино туманило голову, и им казалось, что нет более счастливых людей на земле. А потом выяснилось, что в те минуты, когда они спорили о возможности войны, она уже началась. Он пошел в военкомат в понедельник, выстоял огромную очередь. Ему отказа-

ли. Сильный грипп год назад дал осложнение на легкие.

Тогда он решил схитрить, пошел в горком комсомола. И снова медкомиссия...

Родители остались в Ташкенте. Отец прислал пространное письмо, в котором советовал, как сохранить квартиру. Сергей, не дочитав его, порвал, отношения с отцом были выяснены давно, еще в девятом классе.

В сентябре сорок первого он уехал рыть окопы. Под Москву послали бригаду московских вузов. Работали со светла до темна. Прерывались, чтобы поесть из походных кухонь горячую жидкую кашу. Спали здесь же, в землянках. Каждый день приезжали военные инженеры, лазили по окопам, проверяли блиндажи, наносили их на карты. Газет не было, радио, естественно, тоже. Но о том, что творится на фронте, узнавали по приближающемуся его дыханию. Именно дыханию. Так сказал мальчик-первокурсник из ИФЛИ, Андрюша Громов.

Ночью они сидели, курили на гребне окопа. Где-то вдалеке, за лесом, грохотала канонада.

— Сейчас он стихнет, — почти прошептал Андрюша.

— Кто? — удивился Сергей.

— Фронт. Он дышит и только ночью засыпает. Слышишь?

— Ты мистик, Андрюша, ты начитался Метерлинка.

— Метерлинк здесь ни при чем. Понимаешь, я его так вижу, он словно огромный зверь, ну типа динозавра, что ли, он ползет все ближе, ближе. Он еще далеко, но мы уже слышим его дыхание.

— Так нельзя, — твердо сказал Сергей, — нельзя превращаться в дрожащего обывателя. Мы все равно его остановим.

— Я понимаю, — помолчав, ответил Андрюша. — Но мне вдруг становится очень страшно, Сережа.

А через несколько дней канонада приблизилась. Казалось, что снаряды рвутся где-то совсем рядом, в нескольких шагах. К часу вместо кухни к ним примчалась полуразбитая полуторка с обгоревшими бортами. Из нее выскочил военный в ватнике, перетянутом портупеей:

— Кто здесь старший?! Немедленно сматывайтесь: немцы прорвались! Немедленно!

С машины бойцы начали стаскивать длинноствольные неуклюжие противотанковые ружья.

— Идите вдоль леса мимо деревни к мосту, — продолжал военный, — не дай бог высунуться на дорогу.

Сергей бросил лопату, подошел к командиру. Под ватником на петлицах алела шпала.

— Товарищ капитан, я умею стрелять из винтовки и пулемета, я «ворошиловский стрелок», чемпион института по стрельбе из нагана, я...

— Короче. Почему не в армии?

— Дважды пытался. Осложнение на легкие.

— Вы кто?

— Белов Сергей, студент второго курса юрфака МГУ.

— Разыщите старшину, получите винтовку. Кстати, здесь есть еще желающие остаться?

Добровольцев набралось восемнадцать человек. Капитан выстроил их в одну шеренгу, прошелся вдоль строя, побеседовал с каждым.

— Белов, — приказал он, — ведите людей на опушку, там старшина Гончак, он переоденет вас и даст оружие.

Через час они получили кирзовые сапоги, ватники, ремни и пилотки. Подъехала машина. В кузове лежали винтовки. Оружие было не новым. На вытертом воронении стволов пятна ржавчины, ложи и приклады треснутые и побитые.

— Давайте, давайте, — торопил старшина, — да не выбирай винтовку, все они одинаковые. Погоди, погоди-ка, как тебя, Белов вроде? Точно, ты пулемет возьми, «дегтяря», тебе капитан приказал выдать. Обращаться умеешь?

И увидев, как Сергей отсоединил диск, умело передернул затвор, как бережно платком начал вытирать прицельную планку, понял старшина, что знает студент пулемет, конечно, не как кадровый боец, но для новобранца вполне сносно.

— Товарищ старшина, — попросил Сергей, — мне бы наган.

— А что, точно, — Гончак даже не удивился просьбе, — все правильно. Первому номеру личное оружие положено. Пойди погляди в кабине, там их несколько штук лежит.

В кабине полуторки прямо на полу лежали брезентовые кобуры с наганами.

А на опушку опять подъехала машина с какими-то ящиками, потом еще одна с красноармейцами, но почему-то винтовок у них не было. К четырем часам артиллеристы прямо на руках прикатили три маленькие пушки-сорокапятки, потом связисты протащили тонкую телефонную нитку. Так появился оборонительный рубеж. И если еще сегодня утром окопы и блиндажи были для Сергея абстракцией, чем-то неживым, не имеющим непосредственного отношения лично к нему, то сейчас пулеметное гнездо стало его защитой, и от прочности и надежности этой аккуратно выкопанной ямы с ровной площадкой на уровне груди зависела его жизнь.

Вторым номером Сергею дали Андрюшу Громова. Дотемна они провозились с окопом. Оказывается, вырыть его было полдела, главное — обжить, приспособить к себе. Когда совсем стемнело, старшина принес две банки мясных консервов, хлеб и сахар.

— За чаем сходите, там ребята вскипятили. Ну как, студенты, не страшно?

— Страшно, товарищ старшина, — сказал Андрей.

— Молодец, что правду говоришь. Только в кино не страшно, когда войну показывают.

— А вы как же? — спросил Сергей.

— Попривык я, Белов, кадровый я, еще финскую ломал. А так оно, конечно... Жить всем охота. Ну, давайте за чаем.

Они пили чай в темноте, и он казался им необыкновенно душистым и вкусным, и консервированное мясо, облепленное блестками желе, казалось вкусным, и хлеб. И, сидя на дне окопа, Сергей вдруг понял, что раньше он просто не обращал внимания на массу прекрасных вещей, которые окружали его. Они казались ему обыденными и скучными. Но почему-то этой ночью у него словно обострилось зрение, и он увидел то, чего не мог видеть раньше. Потому что то «раньше» отдалилось от него и стало прошлым, в которое нет и не будет возврата, а будущее... Его могло тоже не быть. Теперь он жил в одном временном измерении — настоящем, а оно было короткое, как миг.

Утром на землю низко лег туман. Казалось, он начинается прямо в окопе. Брезент, которым они укры-

лись, был мокрым, мокрыми стали ватники, пилотки, шаровары.

Они умылись, собрав росу с травы, мелко порубив сухие доски от ящика с патронами, разожгли костерок и согрели чай. Пили, обжигаясь, чувствуя, как тепло входит в каждую клеточку их тела.

Они сидели на дне окопа и курили. Внезапно сверху посыпались комья земли. Вдоль траншей шли капитан и какой-то военный в кожаном пальто.

— Значит, вы поняли меня, Лукин, — говорил незнакомый командир резким, властным голосом — так обычно разговаривают люди, привыкшие к тому, что их обязательно услышат. — Вы должны продержаться до тринадцати часов, потом отходить к мосту.

— Есть, товарищ генерал, постараюсь.

— Что значит постараюсь, Лукин? Что значит постараюсь?!

— С людьми плохо.

— Если бы было хорошо с людьми, я не заставил бы вас сидеть на этой «линии Мажино». Я приказал бы вам наступать, Лукин... Вы должны...

Шаги удалились, голоса смолкли.

Когда часа через полтора ветер подразогнал туман и стало видно поле и лес за ним, где-то вдалеке послышался гул. Он нарастал, постепенно приближаясь.

— Приготовиться к атаке!!! — разнеслось вдоль окопа. Мимо их огневой пробежал капитан.

— А, чемпион... Белов, слушай и запомни, как таблицу умножения. Что есть основа боя в обороне? Глубоко зарываться в землю и отсекать пехоту от танков. Понял?

— Понял, товарищ капитан.

— Ну, глядите, ребята. Я на вас очень надеюсь. Очень...

Сказал и побежал дальше. А они остались. Они не могли знать, что острие танкового удара противника, прорвавшего нашу оборону, растеклось. И немцы громят тылы потрепанной в боях армии. Командование срочно организовало вторую линию, мобилизовав для этого всех, кто мог держать оружие. Не знали они также, что группа капитана Лукина — так со вчерашнего дня именовались шестьдесят бойцов и ополченцев — занимает участок по фронту более километра и их задача — задержать первый натиск против-

ника до подхода кадровой дивизии, снятой с другого участка фронта.

Всего этого они не знали и знать не могли, так же, как не знал их командир, каким образом продержится он до тринадцати часов. Но он был кадровым командиром, знавшим, что такое приказ, и у него было всего два выхода — удержать немцев или погибнуть. Третьего не дано. Потому что армия — это приказ. И в нем определено все: жизнь и смерть. А кроме того, капитан Лукин прекрасно понимал, что будет, если он пропустит немцев к дороге и мосту, где накапливаются для обороны остатки уцелевших подразделений его дивизии и идут беженцы.

— Вниз, — скомандовал Сергей, — вниз, Громов! — крикнул и удивился сам своему голосу. Теперь он тоже начал приказывать, и голос его стал властным, и слова короткими, как выстрел. — Готовь диски, Андрей, — наклонился он к удивленному Громову, — диски должны быть всегда снаряженными. Понял?

— Понял, Сережа.

— Ну, давай.

Белов достал укрытый брезентом пулемет, еще раз протер прицел, вскинул «дегтяря» на бруствер: утопил сошники. И вдруг наступило спокойствие. Страх ушел. Был холодный приклад пулемета у щеки, узкая прорезь прицела, через который сегодня он видел мир. Звонко и отрывисто ударили сорокапятки. Но танки шли так же спокойно, как и раньше. Наконец на башне одного из них сверкнула молния, и над окопами вздыбилась земля. Запахло жженым. Теперь танки, стреляя с ходу, шли на окопы.

Все это видел Сергей словно в замедленном кино. Сощурив глаза, он пытался разобрать, что там, за танками. И когда машины подошли совсем близко, метров на пятьсот, он различил на их броне прилипших к борту людей. Внезапно один танк дернулся и завалился на бок, по его боку пробежала синеватая молния. С брони посыпались солдаты. Сергей перевел дыхание и плавно нажал на спуск. Двое упали сразу, словно ударились грудью о невидимую проволоку, остальные, стреляя из автоматов, начали отползать.

Теперь Белов уже не чувствовал и не видел ничего, кроме этих фигурок которые хотели расползтись по полю. О том, что немцы могут двигаться вперед,

он пока не думал, весь захваченный необычайностью обстановки.

А вокруг шел бой. И били сорокапятки, глухо кашляли противотанковые ружья, стучали пулеметы. И весь объем боя видел только Лукин. Он видел, что три машины горят, но четыре другие продолжают идти на окопы, видел, как завалилась на бок одна из сорокапяток, видел дергающиеся в такт выстрелам спины бронебойщиков. Пока бой разворачивался в их пользу. Во-первых, противник не ожидал здесь встретить сопротивление, а во-вторых, он не знал, какими силами располагает Лукин, и если ему удастся отбить эту атаку. «Теперь они ворвутся в пустые окопы и перепперегруппировку. А там и до тринадцати недалеко. И тут капитан увидел то, чего боялся значительно больше танков, больше любой лобовой атаки. Вдоль опушки шли два бронетранспортера с пехотой. Вот они остановились, и на землю начали прыгать солдаты. «Чуть больше взвода», — мысленно подсчитал Лукин. Развернувшись цепью, автоматчики начали фланговую атаку. «Теперь они ворвутся в пустые окопы и передавят всех поодиночке, как кроликов». Лукин выругался, подобрал автомат и, крикнув связному: «За мной!» — бросился вдоль окопа.

Сергей, на секунду оторвавшись от пулемета, увидел длинные, с высокими бортами машины. Они, подпрыгивая на рытвинах, шли вдоль опушки. Он не знал, что это такое, но опасность почувствовал интуитивно.

— Андрей, бери диски, гранаты — и за мной.

Они бежали вдоль окопа, спотыкаясь, и пулемет больно бил Сергея по плечу. Задыхаясь, они добежали до края обороны, до той самой опушки леса, где вчера днем получали оружие.

Сергей выглянул из-за бруствера и увидел метрах в ста рассыпавшуюся цепь немцев, они шли мимо него, обходя оборону с фланга. Он не торопясь утопил сошники, проверил деление на планке прицела и хлестнул длинной очередью почти в спину атакующим.

Капитан Лукин спрыгнул в окоп и увидел очкастого студента, лежащего у задней стенки (из простреленного виска текла тонкая струйка крови), и спину человека, прилипшего к пулемету, она дергалась в такт длинным очередям. Вот он повернул потное, с потеками грязи лицо:

— Диск. Давай диск.

Лукин схватил магазин и протянул его Белову. И опять заработал пулемет, и заходили лопатки под рубашкой, затряслась по-мальчишески тонкая шея.

Что было потом, распалось в памяти, как сон. По сей день Сергей помнит только обрывки боя: грохот танков, липкая кровь, бегущая по щеке, дрожащее, раскаленное тело пулемета, ветви, хлеставшие по лицу. Потом у моста в какой-то канаве они снова стреляли, и все время хотелось пить, и говорить он не мог, потому что сорвал голос. Где-то рядом разорвался снаряд, и стало больно ушам, и слышать он стал только на следующее утро.

Этим утром на краю деревни Лукин выстроил двенадцать человек в обгоревших ватниках и рваных шароварах. Двенадцать из шестидесяти.

— Наша группа выполнила задачу. Мы задержали врага...

Подъехала машина. Лукин подал команду и строевым шагом зашагал навстречу генералу.

Тот выслушал рапорт, повернулся к спутнику:

— Все-таки остановили, товарищ командующий.

— Молодцы, молодцы, — командующий шагал к строю, оглядывая людей. — Смирнов, — скомандовал адъютанту, — принеси портфель. Спасибо, товарищи. Как дрались ваши люди, капитан?

— Прекрасно, товарищ командующий.

— Все кадровые?

— Никак нет. Вот тот боец, с пулеметом, студент, добровольно попросился в группу.

— Как он воевал?

— Отлично, товарищ командующий, если бы не он, смяли бы нас с фланга.

— Подойдите, товарищ... — генерал обернулся.

— Белов, — подсказал Лукин.

— Белов, — продолжил генерал.

Сергей подхватил пулемет, вышел из строя.

— Спасибо за службу, доброволец, — командующий достал из портфеля серебряную медаль и прикрепил ее к ватнику Сергея.

А вечером ему стало плохо. Поднялась температура, кашель разрывал горло. Гончак на попутной машине отвез его в Москву, в госпиталь. В ноябре он выписался. Врач посоветовал ему беречь легкие.

— Ничего страшного нет, — сказал он. — Но необходимо питание, воздух, покой.

Сергей усмехнулся. Он пришел домой. В пыльной квартире стояла гулкая тишина. Разжег газовую колонку, принял ванну. Лежа в горячей воде, разглядывал свои худые руки и думал о Гончаке, Лукине, ребятах.

Наутро отправился в университет. Его сразу же привлекли к общественной работе. Заставили составлять списки эвакуированных. На него приходили смотреть девушки и ребята с других курсов. Когда он шел по коридору, то в спину ему доносился восторженный шепот. Он стал героем. Он знал и видел такое, чего не знали и не видели другие.

Несколько раз Сергей ходил в военкомат. Безрезультатно. В первых числах января, рано утром, ему позвонили домой из горкома комсомола.

— Приходи сегодня в горком, — сказал заведующий военным отделом, — есть важный разговор.

Он пришел. В кабинете, рядом с завотделом, сидел человек в милицейской форме. Он внимательно поглядел на Белова.

— Ну, я пошел, — завотделом встал, — вы поговорите без меня.

— Моя фамилия Данилов, — сказал человек в форме, — я начальник отделения по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска.

Так они познакомились. А через три дня Сергей Ильич Белов стал оперуполномоченным в отделении Данилова. С ребятами он сошелся быстро. Поначалу он думал, что медаль «За отвагу» позволит ему чувствовать себя человеком бывалым и обстрелянным, но в отделении, или, как их звали в МУРе, бригаде Данилова, были награждены все. Иван Александрович имел такую же медаль еще с 1939 года, а к тому же за бои под Москвой орден Красного Знамени. Полесов и Муравьев носили по Красной Звезде, а у Степана еще и медаль была, правда трудовая. Так что бригада их была, как шутил Полесов, орденоносная. Здесь прошлое в зачет не принималось. На деле требовалось себя показать...

Когда стемнело и читать стало невозможно, Степан отложил журнал:

— Ты не спишь, Сережа?

— Что вы, Степан Андреевич!

— Ну, молодец. — Полесов встал, хрустко потянулся. — До чего же жрать охота. Ты как?

— То же самое.

— Надо воды попить и покурить сразу. Очень рекомендую, отбивает аппетит начисто.

— Как вы думаете, Степан Андреевич, придет сегодня кто-нибудь?

— Вряд ли. Мы здесь так, для порядку сидим. Теперь дураков нет, чтоб после мокрого дела сами в засаду приходили.

— Так чего же мы, собственно, ждем?

— У моря погоды или, вернее, дорогой Сергей Ильич, вдруг в сеть, расставленную для щуки, заплывет ершик. Маленький, но умный, кое-что знающий. Совсем стемнело. Ты, Белов, сиди здесь, а я в комнату пойду. Вдруг в окно кто заглянет.

Сергей сел в кресло. В темноте медленно-медленно поплыло время.

ДАНИЛОВ

К пяти утра, когда начался новый солнечный день, Данилов закончил дела. Вернувшись из горкома, он упросил Серебровского помочь ему допросить хозяйку Шантреля, и Сережа, как всегда, не подвел. Старуха «развалилась» через полчаса.

— Возраст, — потом говорил Серебровский, — я, Ванечка, у нее был лебединой песней.

Правда, особенно важного от допроса Спиридоновой Данилов и не ждал, но тем не менее выяснилась одна любопытная деталь. Шантреля привел к старухе Володя Гомельский, известный фармазонщик и золотишник. Привел он его в июле сорок первого, а откуда приехал Шантрель, давали разъяснения следующие строчки протокола:

«Я, конечно, как женщина честная, в чужие дела

не лезла, но случайно услышала (читай, подслушала под дверью), что Володя Гомельский называл моего постояльца земелей, и они вспоминали общих знакомых и родителей Володи». Теперь кое-что было. Во-первых, нужно разыскать Гомельского, во-вторых, узнать, откуда он родом.

Но все это пришлось отложить, так как начальника отделения, занимающегося мошенничеством, на месте не было, видимо, носился по городу, разыскивая свою беспокойную клиентуру.

Данилов позвонил в район и приказал снять засаду на Палихе. Она ничего не дала, а главное, особой пользы он от нее и не видел. Оставил ребят в надежде, может, кто-нибудь придет за продуктами.

— Вы за этим домиком смотрите в оба. Поставь ребят, пусть глядят. Должен же кто-то прийти. Обязательно должен, — сказал он начальнику розыска райотдела. И, выслушав его длинную тираду, что людей не хватает, и уж лучше пускай его пошлют на фронт, и что у него на территории зависают кражи, твердо сказал: — Это приказ начальника горуправления, и наше дело выполнять.

Повесив трубку, Данилов запер кабинет и вышел на улицу. От табака и таблетки кофеина гудело в голове.

«Вот же какая гадость! — подумал Иван Александрович. — Все-таки эти лекарства — отрава. Башка гудит, а спать хочется сильнее».

Он только подошел к остановке, как подъехал двадцать третий трамвай. В вагоне было пусто, старичок-кондуктор читал газету. Данилов сел у окна и задремал. На остановках он открывал глаза, невидяще глядел на знакомые улицы и снова погружался в звенящее полузабытье. Кондуктор, видимо, пожалев его, начал тоненьким дискантом объявлять остановки.

На улице 1905 года Иван Александрович сошел. До дома было рукой подать, но идти стало трудно, ноги налились свинцом и не слушались. Но все же он поднялся на третий этаж и открыл дверь квартиры.

Стараясь не шуметь, стащил в прихожей сапоги и расстегнул портупею. Так, с ремнем в руках, вошел на кухню и увидел Наташу. Она стояла у плиты и улыбалась.

— Ну что, Данилов, — она засмеялась и дотрону-

лась пальцем до кончика носа. Такая уж у нее была странная привычка. — Что, Данилов, наконец ты и обо мне вспомнил?

Она шагнула к нему, и он обнял жену, еще теплую от сна, и, как всегда, удивился, почему волосы у нее пахнут травой.

Когда он проснулся, в комнате царил полумрак от задернутых штор. Данилов взял с тумбочки часы. Стрелки показывали три.

Он сразу же позвонил в отдел. Трубку снял Муравьев.

— Ну что, альтруисты, как дела?

— Дела у прокурора, Иван Александрович, — голос у Игоря был невеселый, — он, кстати, вас с двух часов дожидается.

— Кто он? — не понял Данилов.

— Помпрокурора, — пояснил Игорь, — всю душу из меня вынул, о диабете рассказывает.

— Ты послушай, тебе полезно, — засмеялся в трубку Данилов, — пришли машину, я еду.

Он быстро побрился, принял холодный душ — горячей воды, естественно, не было, — больно вытерся жестким полотенцем. Тело приятно горело; шлепая босыми ногами по нагретому солнцем полу, прошел в комнату, надел все чистое. У стола на спинке стула висели вычищенные и выглаженные гимнастерка и галифе, на скатерти лежала записка:

«Картошка в духовке. Поешь обязательно. Целую. Наташа».

Иван Александрович оделся и почувствовал зверский аппетит. Он еще не успел справиться с картошкой, как внизу условно загудела машина, два коротких и длинный. Данилов запер дверь и спустился во двор. За рулем сидел недовольный Быков. Всю дорогу до управления он жаловался начальнику на «затир» в гараже, на отсутствие запчастей, на плохой бензин, на... Тема эта была бесконечной. Шофер все бубнил и бубнил, не давая Данилову сосредоточиться, наконец у поворота на улицу Горького Иван Александрович не выдержал:

— Ты помолчал бы, Быков, а то голова от твоих колец и поршней пухнуть начинает.

Шофер замолчал. Видимо, обиделся. Когда подъехали к управлению, Данилов, выходя, сказал:

— Завтра поговорю с кем надо. Выдадут тебе запчасти.

На календаре было записано: позвонить Муштакову, начальнику отделения по борьбе с мошенничеством. Данилов решил не звонить, а зайти, благо кабинеты их на одном этаже.

Муштаков, как всегда в штатском, как всегда модный, сидел за аккуратным, без единого пятнышка столом.

— Привет, — улыбнулся он, — привет героям сыска. Чего в наши палестины, никак, сняли тебя, Ваня, и бросили на новый ответственный участок?

— Нет, Леня, пока не сняли. Но кто знает, все может быть, особенно если ты мне не поможешь.

— Господи, Ванечка, — Муштаков поднял руки. Манжета рубашки поехала вниз, обнажая запястье с золотыми именными часами.

«Пижон, — мысленно усмехнулся Данилов, — неисправимый пижон».

— Леня, у тебя память, говорят, хорошая.

— Пока не жалуюсь.

— Володю Гомельского помнишь?

— Ну как же, — Муштаков даже прищурил глаза от удовольствия. — Самый яркий из моих клиентов. Образование, начитанность, умение одеться, ум — все при нем.

— Ленечка, он у меня по одному делу проходит.

— Повезло тебе. А у меня он не вагончиком, он паровозиком идет.

— А где он?

— Я думаю, Ванечка, твои орденоносцы его уже повязали.

— В том-то и дело, что нет.

— Вот слушай, — Муштаков достал из стола бумагу. — Этот «цветок душистых прерий» залепил два «разгона» с какими-то орлами.

— Он же вроде самочинными обысками не занимался.

— Это, Ваня, как говорят наши враги, плюсквамперфект, что значит — давно прошедшее. Залепил он два «разгона» и карточками продовольственными фальшивыми, конечно, промышляет.

— Что они изымали при обысках?

— Камни, золото.

— У кого?

— Тоже у сволочей. У тех, кто в прошлом году на людском горе наживались.

Данилов вкратце изложил Муштакову суть дела. Леонид слушал внимательно, что-то помечая карандашом на листе бумаги. Когда Иван Александрович замолчал, Муштаков, подумав немного, сказал:

— Все дело в том, что Володя Гомельский родом из Харькова, так что и Шантрель твой оттуда же. Сам понимаешь, что справки навести почти невозможно. Но все-таки надо попробовать, запроси наркомат, вдруг здесь их архивы или кто из ребят эвакуировался, вполне реальное дело, как ты считаешь? Там замечательный парень начальник угрозыска, Боря Пономарев, я у него в гостях был, он своих клиентов наизусть знает.

— Я человек невезучий, — Данилов встал.

— Кстати, Ваня, — Муштаков подошел к Данилову, — ты мне фотографии убитых дай. Я их своим «лишенцам» покажу, чем черт не шутит, может быть, опознают они их.

— А зачем тебе фотографии? Твои «лишенцы» где?

— Один на Таганке, а другой у нас во внутренней тюрьме.

— Ты им, так сказать, «живую натуру» покажи, я к тебе Полесова пришлю, он и проведет опознание.

На том они и разошлись. Придя к себе, Иван Александрович отдал необходимые распоряжения Степану, а сам стал составлять письмо в наркомат по делу Шантреля.

МУРАВЬЕВ

С утра Игорь изучал личное дело Шантреля Григория Яковлевича 1900 года рождения. С фотографии, приклеенной в левом верхнем углу анкеты, глядел на Игоря большелобый человек с тонкими губами и крепким носом. По составленному словесному портрету Муравьев знал, что волосы у Шантреля рыжеватые, вьющиеся, сзади круглая плешь, что роста он 176 сантиметров, лицо белое, без особых примет, телосложение упитанное. В день убийства Ивановского Шантрель находился на работе все время. Сменился он только в восемь часов утра. Из дома, по словам Спиридоно-

вой, не выходил. Видимо, она просто не заметила, как Григорий Яковлевич преспокойно вылез в окно.

В анкете и биографии изложен весь его жизненный путь. Что и говорить, анкета у него прекрасная. Удивляло другое. В личном деле Шантреля записана благодарность Союзювелирторга за доставку ценного груза. Когда Игорь посмотрел реестр привезенных ценностей, он своим глазам не поверил. Мимо таких денег не должен пройти был ни один уголовник. Впрочем, возможно, инкассатор минского Ювелирторга Шантрель стал преступником позже. Кто знает. Пока Игорь читал личное дело разыскиваемого. Судя по нему, Григорий Яковлевич был человек передовой.

Правда, оставалось еще одно обстоятельство. Хотя все, кто сталкивался с Шантрелем по работе, говорили, что человек он замкнутый, малоразговорчивый, однако стрелок охраны Казакова рассказала, что видела Шантреля несколько раз с молодой художницей Валей Поповой и что Григорий Яковлевич с ней подолгу разговаривал. Это уже было кое-что. С такими данными можно идти к Данилову. Но прежде Игорь решил кое-куда позвонить.

Начальника отделения Муравьев застал за странным занятием. Данилов чинил настольную лампу. На столе хаотически перемешались проволочки, винтики, гайки.

— Ты чего? — буркнул он, не поднимая головы.

— Вот, Иван Александрович, — Игорь положил на стол бланк протокола допроса. — Я тут красным карандашом отчеркнул.

— Так, — начальник еще раз пробежал глазами по протоколу, — любопытно. Я тебя понял. Адрес установлен?

— Да, Иван Александрович, Скатертный, два, квартира сорок один. Есть телефон, живет с матерью, муж на фронте, детей нет. В райотделе никакими сведениями о ней не располагают.

— Ну как думаешь действовать?

— Хочу сейчас к ней поехать домой.

— А откуда ты знаешь, что Попова дома?

— Звонил.

— Как представился?

— Другом Григория Яковлевича.

— Что она?

— Сказала: мол, что этому трепачу от меня надо?

— Да, на устойчивые отношения это мало похоже. Как ты считаешь?

— Думаю, что да. Но вдруг, Иван Александрович, она даст нам хоть какую-нибудь связь Шантреля? Хоть самую маленькую.

— В нашем положении ничем не стоит пренебрегать. Ничем. Валяй. Только смотри. Возьми людей из дежурной группы. Мало ли что.

— Хорошо. Я лучше Белова возьму.

Придя к себе в комнату, Игорь многозначительно поглядел на Сергея, аккуратно пишущего какую-то бумагу.

— Сережа, хочешь со мной съездить?

— Куда, Игорь?

— Есть дело, в цвет вышли, — прошептал Муравьев.

Он специально употреблял блатные слова, зная по себе, как они действуют на новичков.

— Кого наколол? — серьезно спросил Белов.

— Маруху этого золотишника. Сейчас поедем повяжем ее и начнем колоть. Ну, едешь?

— Конечно.

На ходу Игорь выпросил у дежурного автобус, разъяснив ему, что они едут брать важного фигуранта по делу об убийстве в Грохольском переулке. Дежурный помялся, но дал. Дело было свежим, и все управление только о нем и говорило.

Когда в Скатертном Игорь отпустил машину, Сергей понял, что его разыграли.

— Ну зачем же так? — сказал он с обидой. — Я бы все равно поехал.

— Ты не сердись, старик, — Муравьев внимательно разглядывал дом два. — Я действительно не знаю, что у нее в квартире творится, может быть, там спокойно сидит наш друг Шантрель и пьет кофе. Так что одному, понимаешь, ехать никак нельзя. Ну, пошли.

Лифт не работал, и они поднимались пешком. Дом был старинный, из тех наемных домов, в которых любила раньше селиться интеллигенция и профессура. Почти на каждой площадке обязательно попадалась дверь с медной табличкой, на ней старинной вязью, с буквой ять была написана фамилия жильца.

— Эх, найти бы такую дверь с надписью «Г. Я. Шантрель», — вздохнул Муравьев, — вот тогда...

Что тогда, он так и не договорил, они подошли к сорок первой квартире. Игорь поправил фуражку, расстегнул кобуру и переложил пистолет в карман галифе.

— Ты свой наган тоже в карман сунь. Мало ли что. Да кобуру застегни вот так. Помни, Сережа, — голос Игоря стал строгим, — чуть что... В общем, хорошо стреляет тот, кто стреляет первым.

— Ясно, — отпарировал Белов, — я Козачинского читал.

— Приятно иметь дело с интеллигентным человеком. — Игорь нажал на кнопку звонка.

Дверь открылась сразу, будто их давно ждали. В проеме стояла женщина лет двадцати восьми в синем легком платье, облегающем фигуру.

«Вполне», — подумал Игорь и поднес руку к козырьку.

— Нам нужна гражданка Попова Валентина Сергеевна.

— Это я, как вы правильно заметили, гражданка Попова В. С.

— Вы разрешите к вам зайти? — Игорь приветливо улыбнулся.

— Пожалуйста. Судя по голосу, это вы звонили мне час назад? — спросила Попова с насмешкой.

— У вас уникальная память на голоса, — Муравьев улыбнулся еще шире, а глаза уже обшаривали прихожую, фиксируя каждую мелочь, считая двери, выходящие в коридор, впитывая в себя шкаф, столик с телефоном, мутную от полумрака поверхность зеркала, стулья.

— Проходите, — хозяйка рукой указала на полуоткрытую дверь в глубине прихожей. — Я одна.

— Если вы не возражаете, то я своего товарища здесь оставлю. У меня к вам, Валентина Сергеевна, дело деликатное.

— Ах так. А я действительно подумала, что вы из милиции, товарищ майор.

Игорь никогда не был в столь высоком звании. Он именовался оперуполномоченным МУРа и как работник центрального аппарата носил две шпалы в мили-

цейских петлицах. То есть то же самое, что и майор РККА.

Но Муравьев никогда не разубеждал людей. Ему нравилось, когда его называли воинским званием.

Они вошли в комнату, и Игорь, продолжая начатую игру, улыбаясь самой обворожительной из всех своих улыбок, спросил:

— А вы когда видели Григория Яковлевича?

— Вот что, дорогой товарищ, покажите-ка документы.

Игры не получилось. Муравьев вздохнул и достал удостоверение. Попова прочитала его внимательно, опустилась на диван, показала рукой на кресло, приглашая гостя сесть.

— Непонятно, — в голосе ее Игорь уловил нотки раздражения, — совсем непонятно, такая серьезная организация и глупые мальчишеские шутки. Как понимать прикажете?

— Действительно, нехорошо, получилось, — сознался Игорь, — но я думаю, Валентина Сергеевна, вы меня поймете. Нам очень нужно знать, где сейчас Шантрель.

Говоря так откровенно, Игорь очень рисковал. Он просто не должен был так себя вести. Если Попова связана с Шантрелем, то все. Она немедленно бы поняла, что в угрозыске ничего не знают, и попыталась бы еще больше запутать следы. Но почему-то Игорь поверил ей. Поверил этой комнате, обставленной просто, но со вкусом, поверил веселым натюрмортам, а главное — поверил большой фотографии лейтенанта на стене. Он смотрел с нее, серьезно сдвинув густые брови, словно взглядом этим полностью отрицал, что в его доме может произойти что-то нечестное и гадкое.

— Я видела Шантреля неделю назад, ну дней пять. Я точно не помню. — Хозяйка удобнее устроилась на диване. — Он у меня вызвал странное чувство...

— Какое?

— Брезгливости и жалости одновременно. Он какой-то неестественный, ну как персонаж «Синей птицы»...

«Странные ассоциации», — мысленно усмехнулся Игорь.

— Деланный он был, как кукла тряпичная. Мне го-

ворили, что у него горе, семья пропала без вести, а я этому не верила. У него глаза масленые, всегда противные очень. Я к нему как-то подошла и спрашиваю, вы, мол, на Минском комбинате не знали мою подругу художницу Шкляревскую Стасю? Он говорит: конечно, знал. Я начала с ним о Минске говорить, я там работала, а он ни одной улицы не знает. Потом все за виски хватался. Мол, извините, контузия, помню плохо.

— Это очень интересно, то, что вы о Минске рассказываете. — Игорь весь подался вперед. — Ну а еще что-нибудь?

— А он действительно оказался сволочью?

— Вроде бы. Кончим следствие, точно скажу.

— Буду ждать. Вы скажите, в чем его подозревают, или это нельзя говорить?

— Вам, я думаю, можно. В грязных махинациях с ценностями и продовольствием.

— Очень похоже. Очень. Он мне несколько раз продукты предлагал. Говорил, что ему их родственники привозят. А один раз в компанию взял. В апреле. Пойдемте, говорит, пасху праздновать.

— А куда звал, адрес, может быть, помните?

— Говорил, что к друзьям, где-то в районе Кировского метро.

— Да, не слишком точный адрес.

— Знала бы, спросила.

— Я понимаю.

— А вы, кстати, товарища вашего позовите, чего ему в коридоре-то. Я чай сейчас поставлю.

— В другой раз, Валентина Сергеевна. Как-нибудь потом обязательно. — Игорь встал, надел фуражку. — Ну, извините нас за беспокойство. Служба.

— Я понимаю. Жаль, что бестолковая я.

— Нет, вы нам с Минском помогли.

— Тогда очень рада.

На улице Белов спросил Игоря:

— Ну как?

— Глухо. Правда, кое-что есть интересное. Понимаешь, Шантрель приехал из Минска, жил там, работал, ценности из Ювелирторга привез, а города не знает. Как ты думаешь, что сон сей означает? Вот и я не знаю.

Они шли по Тверскому бульвару, шли и удивлялись, что он такой же точно, как и до войны. Так же на

лавочках сидели старички с газетами, дети играли в траве, вязали что-то старушки.

— Я из университета домой по этому бульвару каждый день ходил, — внезапно прервал молчание Белов, — так здесь все так же было. Будто войны и в помине нет.

— Война-то есть, к сожалению. — Игорь посмотрел по сторонам. — Вон она, война, видишь?

Между деревьями, словно глубокий шрам, изгибалась траншея-щель, сверху прикрытая дерном. Чуть подальше — вторая. Да, война добралась и сюда, до этой тишины, запаха липы, ярких майских листьев. И облик ее был особенно отвратительным на фоне зелени и покоя.

ДАНИЛОВ

Когда-то давно он читал о том, что человеческая жизнь похожа на полосатый матрац. Узкие полосы — удача, широкие — неприятности. Прочтя эти строки — а был тогда Данилов совсем молодым шестнадцатилетним реалистом, — он наглядно представил мир, расчерченный по этому принципу. Потом, естественно, забыл о прочитанном но, работая в уголовном розыске, все чаще и чаще приходил к выводу, что не так уж не прав оказался тот самый литератор, написавший в журнале «Нива» за 1912 год уголовный роман «Золотая паутина».

И опять сбылись его предсказания. Начав дело Ивановского, они ступили на узкую полоску удачи. Совсем узкую, а за ней начиналось широкое черное пространство. Если первые два дня принесли его группе относительный успех, то вот уже почти месяц прошел, а они не сдвинулись ни на шаг.

Вспоминая всю цепь удачных совпадений, Иван Александрович еще раз приходил к выводу: чем сложнее дело, тем легче идет оно поначалу. Седьмого мая, что уж тут греха таить, он втайне надеялся раскрыть убийство не позже чем через неделю. И предпосылки все для этого были. Во-первых, показания Нестеровой о шофере-наводчике: только было собрались искать его, а он сам в милицию пришел. Потом уже Данилов проверил его показания, все совпало. Червяков оказал-

ся человеком честным, трусливым немного, но честным. Во-вторых, показания самого Червякова. С их помощью его ребята сразу вышли на Шантреля. И здесь, казалось, все идет как нельзя лучше: имитация кражи на комбинате, квартирная хозяйка — бывшая спекулянтка золотом. В-третьих, арестованные Муштаковым спекулянты опознали в одном из убитых человека, который приходил вместе с Володей Гомельским к ним с «обыском». Столько удачных совпадений — и сразу пустота. Дальше начиналась та самая широкая полоса неудач: за месяц дело не продвинулось ни на сантиметр.

— Что-то вы долго топчетесь на месте, орденоносная бригада, — сказал на очередном совещании начальник. — Мне это дело вот где, — он похлопал себя ладонью по шее, — вы, между прочим, по городу бегаете, воздухом дышите, а я перед начальством отдуваюсь. Молчишь?

А что Данилов мог ответить? Ничего. Совсем ничего.

После совещания начальник попросил его остаться, сел на диван, расстегнул крючки на воротнике гимнастерки.

— Ну, давай, Иван Александрович, вместе помозгуем над этим ребусом. Что же у нас есть?

— Немного.

— Это как смотреть. Есть Шантрель, есть приметы всех четырех, ну, двух уже можем списать. Какие размеры обмундирования похищены?

— Пятьдесят четвертый, третий, два пятьдесят вторых, четвертый и сорок восьмой, третий рост.

— А во что убитые одеты были?

— Пятьдесят четвертый, третий, пятьдесят второй, четвертый.

— Значит, остались двое: один ростом около 176, а второй — 161—165. Так?

— Так.

— Теперь, что дал ГУМ?

— Отпечатки принадлежат убитому, некоему Музыке Станиславу Казимировичу, проходившему по делу о вооруженном нападении на инкассатора в Брестской области.

— Новое наследие проклятого прошлого.

— Вроде того. Он к нам в картотеку попал после

воссоединения западных областей. До этого, как указано в справке, промышлял контрабандой.

— Подарочек. Непонятно только, почему он там не остался. При немцах ему бы хорошая должность нашлась. Ты обрати внимание: Попова из промкомбината тоже говорит о Минске, и груз Шантрель оттуда доставил, а города не знает.

— Да, я уж думал об этом.

— Ну и чего надумал?

— Решил: пусть и Королев голову поломает.

— Передал ему данные?

— Официально письмо послал. Я к тому, что и Широков с Минском был связан.

— То-то и оно. Папиросы есть?

— Нет, кончились.

— Подожди, я у Осетрова возьму, у него в столе всегда лежат. Где он их только достает?

Начальник вышел и вернулся с черной пачкой, на которой золотыми буквами было написано: «Герцеговина флор».

— Смотри, чем разжился, — засмеялся он.

— Где он их берет? — завистливо поинтересовался Данилов. Он взял одну папиросу, понюхал ароматный табак.

— Тайна. Личная тайна Осетрова. Сам пытался узнать, не говорит. Но вернемся к нашим баранам. — Начальник глубоко затянулся, с силой выпустил струю дыма

— Есть еще Гомельский.

— Между прочим, большая сволочь. Гастролер. Что о нем известно?

— Глухо. Как в воду канул. Его группа Муштакова ищет, город весь перевернули, пока ничего.

— Теперь Спиридонова, старушка божий одуванчик, наблюдение за ее квартирой ведется?

— Круглосуточно, но пока ничего интересного.

— Дай-ка мне акт баллистической экспертизы. Так... Понятно... Так... — Начальник внимательно прочитал заключение экспертов.

— Я уже распорядился. Если где-нибудь будет применен наган или ТТ, все данные к нам.

— Только по Москве?

— Нет, и по области тоже.

— Хорошо.

— Кроме того, есть еще Григорий Яковлевич Шантрель 1900 года рождения. Его и Гомельского фотографии и приметы отправлены на все контрольные пункты, всем отделениям. Ориентировки разосланы представителям госбезопасности и работникам особых отделов. Москву им покинуть практически невозможно.

Начальник погасил папиросу, встал, прошелся по кабинету.

— Ну, вроде ты все сделал.

— Более того, объявлен всесоюзный розыск, пусть и в тылу посмотрят.

— Вот что, Ваня, твое отделение, как работающее на самом тяжелом участке, решено укомплектовать полностью. Сколько у тебя не хватает людей?

— Семь человек с заместителем.

— Сегодня всех получишь

— Откуда?

— Из тайных фондов. Замом к тебе идет Парамонов из Сокольнического РОМ.

— Николай?

— Он самый. Доволен?

— Очень.

— А оперативниками — из присланных нам раненых сержантов и командиров. И рядовых милиционеров выдвинем.

— Их же учить надо.

— А где я тебе академию возьму? В ГКО напишу, Сталину, верните, мол, нам людей, ушедших на фронт? Вот Парамонов их учить и будет. А ты со своими выделяешься в отдельную группу по ликвидации банды «ювелиров». Так операцию закодируем.

— А как же с рынками?

— Этим Парамонов займется. Ты сейчас все силы брось на ликвидацию этих бандюг. Помни, дело на контроле у замнаркома. Он мне вчера сам звонил.

— Ну, он мужик понимающий...

— Он замнаркома, помни это. Безусловно, обстановку понимает, поэтому и приказал для твоей группы выделить «эмку» из наркомовского резерва. Так что давай действуй. Я тебя дергать не буду, но сроку дам до первого сентября.

Данилов мысленно поблагодарил начальника. Три месяца при такой ситуации был действительно срок большой. Можно было работать не торопясь, без лиш-

ней спешки, которая обязательно влечет за собой неисправимые ошибки. А их много было за все время работы его, Данилова, в органах.

В тот день Иван Александрович принимал пополнение. В отделение направили четырех милиционеров из конвойного дивизиона и трех военных, по состоянию здоровья не годных к службе в действующей армии. Милиционеры люди оказались знающие, правда, опыта оперативной работы у них не было, но ничего, научатся. А вот с демобилизованными ему просто повезло. Удружил ему Серебровский. Он позвонил Данилову по телефону и сказал:

— За тобой бутылка.

— Это за что же?

— Благодарить будешь всю жизнь, Ваня. Ребят тебе отобрал лучших. Сержант Никитин, бывший оперативник из Тулы, младший лейтенант Ковалев, начальник паспортного стола из Львова, а Ганыкин, лейтенант, юридическую школу окончил и нотариусом работал в Ленинградской области. Одним словом, юрист.

Новость была приятная. Иван Александрович пошел к начальнику и договорился, что Никитина и Ковалева назначат оперуполномоченными, а остальных пока помощниками. Потом вместе с Парамоновым они быстро получили для всех хорошее диагональное обмундирование, устроили в общежитии недалеко от управления.

Утром следующего дня он вызвал Полесова, Муравьева и Белова.

— Вот, — сказал Данилов, — прочтите приказ. Всем ясно? Освобождаю вас от всех дел. Передадите их Парамонову. Новички заканчивать будут. Весь сегодняшний день ваш. Помогите новым сотрудникам. Завтра начнем работу. У меня все. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Зазвонил телефон.

— Данилов.

— Иван Александрович, к вам из госбезопасности товарищ поднялся, — предупредил дежурный.

Данилов еще трубки не успел положить, как в кабинет вошел Королев:

— У тебя совещание?

— Уже кончил. Идите, товарищи.

— Нет, ты их попроси задержаться. Как я пони-

маю, это и есть группа по работе над делом «ювелиров»?

— Да.

— Ну тогда мое сообщение будет всем небезынтересным. — Королев взял стул и сел к окну, чтобы видеть всех находящихся в комнате.

— Вот какое дело, товарищи. Показания Поповой очень заинтересовали нас, мы послали нашего сотрудника в оперативную партизанскую группу, действующую в районе Минска. В ее составе находилось несколько работников белорусского Ювелирторга. Наш сотрудник предъявил для опознания фотокарточку Шантреля, ту самую, из его личного дела. Никто его не узнал. Это не Шантрель. Что нам удалось еще установить, — Королев достал из планшета блокнот, — старший инкассатор Григорий Яковлевич Шантрель на машине-полуторке с охраной выехал из Минска буквально за несколько часов до того, как в город вошли передовые немецкие части.

— Видимо, выехать выехал, — сказал Муравьев, — а в Москву доехал другой.

— Игорь! — Данилов строго поглядел на него.

— Ничего, ничего, — Королев полистал блокнот. — Дальше нами установлено, что дорога на восток в это время была, правда ненадолго, блокирована фашистскими диверсантами. Так что выводы делайте сами.

— А вы что предполагаете? — спросил Полесов.

— Я думаю так, Степан Андреевич, машину с ценностями немцы перехватили, охрану уничтожили, а потом подставили своих, они и довезли золотишко в Москву. Комбинация почти беспроигрышная: человеку, спасшему большие ценности, поверят, да и документы у них были в полном порядке, переставить карточки для специалиста — дело плевое.

— Я так предполагаю, — подумав, проговорил Данилов, — что если они пожертвовали ценностями, то неспроста посылали к нам этого человека.

— Насчет золота, — Королев зло усмехнулся, — они спокойны были. Считали, что захватят Москву с налету, так что ценности никуда не денутся, а вот чего они человека посылали, над этим подумать надо. — Он показал глазами на оперативников.

Данилов понял.

— Вы свободны, действуйте.

Когда они вышли, Королев, навалясь грудью на стол Данилова, тихо сказал:

— Опять, видно, Иван Александрович, вторглись вы в нашу сферу. Я с Сергеевым говорил об этом, он не возражает против совместной работы. Давай договоримся: берешь человека, если что интересное — сразу к нам.

— Боишься, Виктор Кузьмич, что я государственную тайну разглашу? Так выходит?

— Нет, совсем не так. Ни за тебя, ни за твоих ребят я не боюсь. Я другого боюсь.

— Чего?

— Знаешь, как Сергеев говорит, — Королев вплотную приблизил лицо, — меньше знаешь — дольше живешь.

— Это точно, к сожалению.

— Ну ладно, хватит об этом. Я тут материалы смотрел. В допросе Спиридоновой сказано, что этот аферист... как его?

— Гомельский.

— Правильно, Гомельский, и тот, кто выдает себя за Шантреля, земляки.

— Точно. По нашим предположениям, они оба из Харькова.

— Так вот какое дело, друг мой Данилов, — Королев встал, прошелся по кабинету. — Есть одна комбинация, пока я еще не уточнил ничего, но через два часа полная ясность будет. Приезжай в наркомат к шестнадцати, — капитан поглядел на часы, — нет, лучше к восемнадцати. Лады?

— Лады.

— Ну тогда я не прощаюсь.

Данилов вышел из управления в семнадцать тридцать. Машину вызывать не стал: от Петровки до площади Дзержинского, где помещался наркомат, было двадцать минут хода. Погода испортилась, начал накрапывать мелкий дождик. Данилов ускорил шаг, через проходной двор вышел на Неглинную и там быстренько на Кузнецкий мост.

В ГУМ Данилов заходить не стал, опасаясь, как бы от него не потребовали срочно написать какую-нибудь справку, до которых работники наркомата были весьма охочи. Он позвонил Королеву прямо из бюро пропусков.

— Пришел, — обрадовался капитан, — а я тут кое с кем договорился. Ты жди, я сейчас.

Через несколько минут он спустился и повел Данилова подземным переходом в другое здание. Иван Александрович здесь был впервые, поэтому разглядывал все с любопытством.

— Что, любуешься нашим «метро»? — усмехнулся Королев.

— Солидно сработано.

— Фирма. Это тебе не уголовный розыск.

— Уж это точно.

— Мало почтения в голосе слышу, товарищ Данилов, — Королев засмеялся и показал на дверь: — Нам сюда.

Потом лифт поднял их на четвертый этаж, и они шли длинным коридором мимо одинаковых дверей с круглыми цифровыми табличками.

— Все, пришли, — Королев толкнул дверь и пропустил Данилова вперед.

Из-за стола навстречу им поднялся лейтенант с зелеными пограничными петлицами:

— Товарищи Королев и Данилов?

— Они самые. — Капитан достал удостоверение.

Лейтенант бегло взглянул на него и показал рукой на дверь:

— Товарищ полковник вас ждет.

В небольшом кабинете, всю стену которого занимала завешанная шторкой карта, за столом сидел полковник погранвойск.

— Товарищ полковник, капитан Королев и начальник отделения по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска Данилов, — доложил Королев.

— Мне звонили о вас, садитесь. Я дал команду узнать, есть ли в районе действий партизанской группы интересующий вас человек.

Полковник нажал кнопку. В дверях появился адъютант.

— Новожилова ко мне.

— Слушаюсь.

«А порядок у них железный», — подумал Данилов. Он не успел спросить у Королева, к кому и зачем они идут, и поэтому чувствовал себя не в своей тарелке. А спрашивать у Королева именно сейчас было совсем неудобно. Что подумает о нем полковник-погранич-

ник? Мол, пришел, куда и зачем — не знает. Видимо, этот отдел имел какое-то отношение к партизанским отрядам. Данилов решил пока ждать.

— Разрешите?

В кабинет вошел майор с такими же зелеными петлицами.

— Ну что у вас, Новожилов?

— Мы связались по радио и получили ответ. Пономарев, начальник уголовного розыска Харькова, действительно находится в указанном вами соединении.

— Спасибо. Можете идти. Ну вот, товарищи, интересующий вас человек нашелся.

— Товарищ полковник, — Королев мельком взглянул на Данилова. И Иван Александрович увидел сразу повеселевшие глаза капитана. — Товарищ полковник, — продолжал он, — нам надо послать туда своего человека.

— Ну что ж. На этот счет также есть распоряжение замнаркома. Кто полетит? Кто-нибудь из ваших сотрудников?

— Нет, мои, к сожалению, все заняты. Придется послать кого-нибудь из наших коллег. — Королев кивнул в сторону Данилова.

— Прекрасно. Поторопитесь. Он должен быть у меня к двадцати одному часу.

Только теперь Данилов понял все до конца. Пономарев, тот самый Пономарев, о котором говорил Муштаков. Надо лететь к нему и показать фотографию того, кто выдал себя за Шантреля.

В коридоре Королев спросил:

— Знаешь, где мы были?

— Нет.

— У начальника штаба ОМСБОН полковника Орлова.

Данилов присвистнул.

— Так-то. Видишь, как я все организовал. Теперь знай лови своих бандитов.

— Фирма, — Данилов хлопнул Королева по спине. — Работа высокого класса.

— То-то. Кто полетит?

— Я.

— Нет, брат, не выйдет. Ты операцией руководишь, у тебя в руках все нити. Не выйдет.

— А жаль. Я на самолете ни разу в жизни не летал.

— Ничего, успеешь. Кончится война, возьмешь билет — и в Крым, с комфортом. Так кто полетит?

— Думаю, Муравьев.

— Это тот, молодой, с двумя шпалами?

— Тот самый.

— Вроде боевой парень. Не подведет?

— А чего сложного? На самолете туда и обратно да карточку Пономареву показать. Всего страху-то сутки, — наивно, словно не понимая, ответил Данилов.

— Это точно. Дело пустяшное. Рейс Москва — Великие Луки с посадкой в живописных местах. — Лицо Королева стало строгим. — Все может случиться, Иван Александрович, ведь в тыл летят.

— Я за него ручаюсь, Виктор Кузьмич, а если моего слова мало, то возьми у нас в парткоме рекомендацию, которую я вчера ему написал. Для вступления в партию, между прочим.

МУРАВЬЕВ

Минут через сорок машина остановилась. По темным окнам скользнул узкий луч фонаря.

— Документы, — скомандовал кто-то невидимый в темноте.

Полковник Орлов, сидевший на переднем сиденье, протянул бумаги. Часовой внимательно читал их, потом передал еще кому-то. Наконец раздался голос:

— Пропустить.

Со скрипом распахнулись металлические ворота.

«Наверное, приехали на аэродром», — понял Игорь.

Еще минут десять машина шла в кромешной темноте. Муравьев из-за спины Орлова, напрягая зрение, пытался разобрать что-нибудь на черном экране лобового стекла. Сначала ничего не было, но потом привыкшие к темноте глаза начали различать большой предмет, лежащий на земле. Он пытался понять, что это такое, и так и не понял. Машина остановилась.

— Приехали, — обернувшись, сказал Орлов.

Игорь вышел на летное поле, пошел за полковником. Постепенно контуры неизвестного предмета ста-

ли вырисовываться точно, и он понял, что это самолет. Вот только какой, Муравьев не знал.

К Орлову подошел военный и доложил, что все в порядке.

— Вот тот самый человек, которого приказано доставить в отряд, — сказал Орлов. — Пойдемте, товарищ Муравьев, — повернулся он к Игорю.

Военный пожал Муравьеву руку, пробормотал фамилию.

— Скорее идите к трапу.

— Спасибо, товарищ полковник. — Игорь шагнул к Орлову.

— Не стоит, мы же одно дело делаем. — Он крепко пожал руку Игорю. — Помните, если что случится, действуйте по обстановке, не забывайте о звании чекиста.

— Я все сделаю. — Голос Муравьева сорвался от волнения.

— А вот волноваться не надо, это же наша работа. Ну, счастливого полета. — Полковник легонько подтолкнул Игоря к машине.

У трапа его кто-то услужливо подсадил.

— Осторожно, осторожно, — предупредил чей-то голос.

Игорь, оступившись, шагнул в черный проем двери. В салоне пахло бензином, нагретым металлом и еще чем-то пахло, только вот чем, Муравьев никак не мог определить. Он сделал несколько шагов по покатому полу. Впереди в темноте светились приборы. «Кабина», — понял Игорь и, больно ударившись коленом об острый выступ, почти упал на узкое металлическое сиденье у борта.

Колено ныло длинной пронзительной болью, и Игорь подумал, что в такой ситуации ему только ногу сломать не хватает. Постепенно он освоился с темнотой и понял, что кроме него здесь есть еще люди.

Загрохотал пол под чьими-то тяжелыми шагами, с лязгом закрылась дверь. Потом взревел мотор, и машина, чуть подпрыгивая, покатилась по полю.

Сразу же вспыхнула маленькая лампочка над дверью кабины пилотов, и Игорь увидел, что у противоположного борта сидят три человека в комбинезонах и летных шлемах. В салон вышел стрелок, он, прой-

дя в хвост самолета, занял место у турельного пулемета.

— Если кто хочет, то курите, — бросил он на ходу.

Игорь достал папиросы, протянул пачку своим спутникам. Они молча взяли и так же молча закурили. Видимо, разговаривать с ним не хотелось. Муравьев приставать не стал. Он, прислонившись к борту, весь отдался новому ощущению полета.

Когда несколько часов назад в управление приехал Данилов и, вызвав его в свой кабинет, сказал: «Собирайся, полетишь к партизанам», — он сразу не поверил. Начальнику отделения пришлось несколько раз подряд повторить эту фразу, пока смысл ее дошел до Игоря.

На инструктаж и сборы ушло около часа. Муравьев взял фотографию, спорол с гимнастерки петлицы, отвинтил орден, вместо милицейского герба прикрепил к фуражке звезду. В одном он слукавил. Свое муровское удостоверение не оставил в сейфе, а взял с собой. На всякий случай. Кроме того, в полевую сумку он сунул пять снаряженных обойм к ТТ. Всего получилось семь. Мало ли что. Тыл есть тыл. Только потом, через день, понял, как был прав.

И вот, сидя в самолете, Игорь думал о великой силе Закона. Если для многих других слово это было понятием абстрактным, то для него, человека, призванного охранять Закон, оно приобретало особо важный и глубокий смысл. Вот он летит в самолете. Летит над землей, на которой идет самая страшная в истории война. Для него гудят двигатели. Зачем пилоты вглядываются сквозь плексиглас колпака в темную даль, спрашивал он себя и сам отвечал: для торжества Закона, единственной правды, установившейся на одной шестой территории земного шара. Человек, пытающийся нарушить Закон, переступить через него, всегда бывает наказан. Рано или поздно, но наказан. Потому что так требует справедливость, имя которой Закон. Он не знал и, конечно, никогда не узнает, что приблизительно то же в течение двух дней говорил капитан Королев, переходя из кабинета в кабинет огромного здания на Лубянке.

В одних ему сочувственно признавались, что, к сожалению, просто ничем не могут помочь. В других отмахивались и не хотели слушать.

А в одном из кабинетов комиссар госбезопасности третьего ранга, внимательно выслушав, сказал с сильным восточным акцентом:

— Слушай, капитан, тебе что, делать нечего? А?! Ты с чем ко мне пришел? С глупостью пришел. Ты делом займись. Понимаешь! А то я тебе сам дело найду. Ишь ты!

Он был из новых, этот комиссар госбезопасности. Совсем из новых. Из тех, кто не любил ни слушать, ни решать, но умел вовремя доложить о чужих удачах и доложить так, чтобы руководство поняло: без него ничего этого не могло бы быть.

Уйдя от него, Королев узнал, что приехал новый заместитель наркома. Не заходя к Сергееву, обозленный до крайности, капитан пошел прямо к нему.

Замнаркома, комиссар госбезопасности второго ранга, — невысокий, светловолосый, худощавый, совсем молодой, ему и сорока не было, — внимательно прочитал его рапорт и, размашисто написав резолюцию, протянул Королеву.

— У меня все, — сказал он, посмотрев на часы. И, увидев, что Королев не уходит, спросил: — Еще что-нибудь?

— Никак нет, товарищ замнаркома.

— Тогда идите и выполняйте. Я завтра улетаю на фронт, как прибуду, доложите.

Буквально через несколько часов все изменилось. Уже искали Королева, чтобы согласовать с ним, утрясти все необходимые вопросы. Вот что предшествовало полету Муравьева в партизанскую бригаду Леонтьева.

Но всего этого Игорь знать не мог. Он сидел, прислонясь спиной к алюминиевой стенке, слушал шум моторов и думал об Инне, о том, что она сейчас делает в далеком Челябинске, и очень жалел, что нет такого аппарата, который показал бы ей, чем сейчас занят ее муж. Постепенно гул двигателей начал затихать. Спало возбуждение первых часов, бессонные ночи и, конечно, молодость брали свое, и Игорь заснул.

Он не видел завистливых взглядов своих молчаливых спутников: летит бог знает куда, а кемарит. Уважаем.

Разбудил его чей-то голос, командный и резкий:

— Заходим на костры. Приготовить оружие.

Игорь открыл глаза и расстегнул кобуру.

— Слышь, чекист, помоги снять, — воздушный стрелок возился с пулеметом.

— А зачем? — поинтересовался Игорь.

— На посадку заходим, так мало ли что... Вот так, спасибо.

Вдвоем они приладили тяжелый ШКАС на станок, развернули его пламегасителем к дверям.

— Ну, — стрелок улыбнулся в темноте, — пронеси господь.

Самолет, тяжело подпрыгивая, побежал по земле. Моторы заглохли, и сразу же наступила томительная тишина. Игорь достал пистолет, напряг слух. Дверь кабины распахнулась.

— Порядок, ребята, прибыли.

В темноте остро пахло какой-то пряной травой, кричали птицы, где-то невдалеке плескалась вода. И все это показалось Муравьеву слишком мирным и спокойным, точно таким же, как прошлым летом на даче в Раздорах, когда они с Инной вечерами ходили гулять к Москве-реке. Да и сама ночь, вернее, граница ее, которую вот-вот перешагнет рассвет, светилась каким-то голубоватым мерцающим светом. И все окружающее напоминало почему-то аквариум, подсвеченный синеватыми лампочками.

Вокруг суетились люди: одни разгружали самолет, другие подтаскивали свежесрубленные деревья и складывали их рядом с машиной, готовясь, видимо, замаскировать ее на день.

Только один он стоял и был совершенно чужим для этих озабоченных людей.

— Эй, летуны, — раздался чей-то веселый голос. — Кто из ваших пассажиров Муравьев?

— А ты их сам спроси, — ответил недовольный голос, — наше дело кучерское — вези, а ваше — документы проверять.

— Ты чего такой злой?

— Жизнь такая.

— Муравьев я, — крикнул Игорь.

— А... Коллега. Привет, привет московским сыскарям! — Навстречу Игорю шагнул высокий человек в милицейской форме. Он крепко пожал протянутую руку.

— Пойдем. Тебя как зовут?

— Игорь.

— А меня Пономарев, Борис, между прочим. По-

шли ко мне, там и поговорим, и отдохнуть я тебя с дороги устрою.

Они пересекли поляну и свернули на еле приметную тропинку. Шли минут десять.

— Прибыли. Заходи.

Игорь увидел землянку, прямо на ее накате росли березки. Они спустились вниз по обшитым досками ступенькам.

— Подожди, — предупредил Пономарев. — Здесь у нас тесновато, я сейчас свет зажгу.

Под потолком вспыхнула автомобильная фара.

— Для тебя, столичного гостя, иллюминация. Вы-то, наверное, в Москве думаете, что мы, как кроты, в щелях сидим. А у нас, видишь, электричество.

Игорь огляделся. Землянка была довольно просторной: две койки, стол посередине, сейф в углу, на стене портреты Ленина, Сталина и Дзержинского, под ними висели автоматы.

— Это я из кабинета своего забрал. Когда поднапер немец, я ротой нашей милицейской командовал, нам приказали уходить в лес, ну я машину достал, заехал в управление, все бумаги из кабинета прямо с сейфом погрузил, ну и портреты, конечно. Да ты садись.

Игорь присел к столу, расстегнул полевую сумку, достал фотокарточки и бланк протокола.

— Так, — присвистнул Пономарев, — я смотрю, дело серьезное. Значит, по всей форме допрашивать будут. — Он сел напротив. И только теперь Муравьев смог как следует разглядеть его. Скуластое лицо с крепким носом, белобрысая челочка, спадающая на брови.

— Я оперативный уполномоченный отделения по борьбе с бандитизмом Московского уголовного розыска, — сказал Игорь и достал из кармана удостоверение.

Пономарев взял его, внимательно поглядел и протянул обратно.

— Слушаю вас.

Голос его стал служебно-официальным.

— Товарищ Пономарев Борис Алексеевич, я обязан допросить вас в качестве свидетеля и предъявить вам для опознания следующие фотографии.

Муравьев разложил на столе три фотокарточки, на

одной из которых под номером два был изображен тот, кто проходил по делу под фамилией Шантрель.

Пономарев аккуратно, одну за другой брал фотографии и внимательно рассматривал их, поднося к свету.

«Неужели не узнает? — На душе у Игоря стало тоскливо. — Ну узнай его, узнай, пожалуйста», — мысленно просил он.

— Пиши, — Пономарев положил карточки на стол. Все три. Глаза его смотрели так же спокойно, в лице ничего не дрогнуло.

«Мимо», — похолодел внутренне Муравьев.

И пока он заполнял официальные данные, на душе у него было скверно и тревожно. А Пономарев тем же ровным, бесстрастным голосом продолжал диктовать:

— На фотографии под номером два мною опознан...

Он посмотрел на Игоря, чуть заметно усмехнулся краешком рта.

— Ну, что ты на меня уставился? Пиши. Итак, мною опознан особо опасный преступник Генрих Карлович Гоппе, тысяча восемьсот девяносто девятого года рождения, уроженец Харьковской области, из немецких колонистов. Социальное положение — сын крупного землевладельца-кулака. В 1925 году вступил в открытую борьбу с Советской властью, находился в банде Смурого, после ее ликвидации из нескольких ушедших бандитов организовал бандгруппу. Они совершали вооруженные налеты на ювелирные мастерские в Харькове, Одессе, Киеве. Дважды судим. Последний раз, в 1940 году, приговорен заочно к смертной казни. Из-под стражи бежал. Подробно... — Пономарев рассказывал, а Игорь записывал, еще пока не веря в удачу.

— Фамилию немецкую Гоппе изменил в 1930 году. Стал Гопа Геннадий Кузьмич. Впрочем, фамилий у него было много. В наркомате его дело есть, там и поглядите. Все, что ли? — Пономарев улыбнулся и стал прежним веселым и радушным хозяином.

— Ну, давай подпишу.

— Прочти.

— Ладно, верю. Да на тебе лица нет.

— Месяц вашего Гоппе ловим. Он у тебя сбежал, а мы ловим.

— Так давай меняться. Ты здесь оставайся, а я в Москву Генриха Карловича ловить поеду.

— Нет уж, каждому свое.

— Это точно. Но я тебе, Игорь, не завидую. Нет, не завидую, — повторил Пономарев. — Я эту сволочь Гоппе распрекрасно знаю. Я еще опером совсем молодым был в Киеве, брали его на Подоле, ушел он тогда, а плечо мне продырявил. Ты учти, он стреляет, как бог.

— Что-то я в тире богов не встречал.

— Ну ладно, пусть как полубог. Так что с ним надо — чуть что и... — Пономарев щелкнул пальцами,— понял? Ну, ложись поспи. День у тебя целый в запасе. Отоспись малость.

Муравьев заснул сразу, едва коснувшись головой подушки.

Проснулся он с ощущением необычайной легкости, так бывало раньше, в первые дни летних каникул, когда экзамены позади, лето кажется длинным и каждое утро обещает что-то приятное и новое.

— Ну наконец, а я-то думал, что ты экзамен на пожарника сдаешь, — раздался веселый голос Пономарева.

— Это как же? — Игорь сладко потянулся и сел, свесив с кровати босые ноги. В низкую дверь пробивался узкий луч солнца и приятно пригревал влажные ото сна пальцы.

— Это у нас так раньше говорили. Я родом-то из Липецка. Там до революции пожарная часть была. Так они весь день спали. А потом по городу шатались опухшие. У нас смеялись: проспишь день на одном боку — значит, экзамен сдал.

— Я-то, видно, не готов в липецкую команду.

— Ничего, война кончится, отоспимся. Ну, обувайся, пошли мыться.

— У тебя горячей воды нет?

— Есть. А зачем тебе?

— Побриться хочу. Как-никак столица.

— Сейчас принесу.

Игорь достал из сумки помазок, мыльный порошок, бритву, одеколон. Аккуратно и быстро побрился. Выйдя из землянки умыться, Игорь наконец-то рассмотрел лагерь. Прямо между деревьями виднелись накаты землянок, несколько шалашей приткнулись у кромки ле-

са. Мимо него ходили какие-то люди в штатском, но с оружием, прислонясь спиной к телеге, глядела на Игоря высокая девушка в гимнастерке, горели костры.

— Мы пищу днем готовим, — пояснил Пономарев, — ночью нельзя. Немцы летают, обнаружить могут.

— А днем по дыму?

— А где он, дым-то?

Действительно, костры почти не дымили.

— Мы березовые дрова специально сушим. Они быстро горят, жарко и без дыма.

Игорь вытерся жестким вафельным полотенцем и еще раз огляделся.

— Потом посмотришь, пошли обедать.

— Как обедать?

— Очень просто. Завтрак ты, дорогой мой, проспал.

После обеда Пономарев показывал ему лагерь. Они заходили в землянки, посмотрели оружейную мастерскую, склад трофейного оружия, госпиталь.

Игорь знакомился с самыми разными людьми: рядовыми партизанами, командирами и даже комиссаром бригады. Его очень удивило, что в лагере много девушек, причем большинство из них москвички, окончившие специальные школы. День прошел незаметно, уж слишком много новых впечатлений было у Муравьева. До этого он, да и не только он, с жадностью читал в газетах очерки о партизанах. В отрядах побывали писатели и журналисты. Их рассказы всегда были восторженно-приподнятыми. Писали они только об убитых немцах, засадах, пущенных под откос эшелонах. Когда Игорь читал эти материалы, он представлял себе партизан в основном бородатыми стариками или совсем молодыми ребятами-допризывниками. Обычно такими их и в кино показывали.

На самом деле отряд, или, как он именовался, партизанская бригада, был обычным воинским подразделением, с четкой, отлаженной службой, с железной дисциплиной. От обыкновенной кадровой части он отличался лишь разномастной одеждой. Но командиры все были в форме, многие даже со знаками различия.

Когда начало смеркаться, Пономарев сказал:

— Пора собираться. Пойдем заправимся на дорожку.

В землянке собралось несколько человек, как понял Игорь, все работники Харьковского управления НКВД. Один из них быстро разлил по кружкам что-то пахучее из круглой бутылки.

— Ром, трофейный. Ну, давай, ребята. За нас, орлов-оперативников.

Игорь глотнул, у него перехватило дыхание. Ром был необыкновенно крепким.

Все выпили, убрали кружки. Начали закусывать.

— Ты не удивляйся. Это мы только ради твоего отъезда. А так у нас очень строго с этим делом.— Пономарев щелкнул себя пальцем по горлу. — Ты давай закусывай.

Когда пили чай, он наклонился к Игорю и смущенно прошептал:

— Ты мне отлей своего одеколона немного. Понимаешь, девушка одна пришла...

— Да я тебе весь отдам, и мыло, и лезвия, если хочешь. У меня в Москве еще есть. — Игорь обрадовался, что хоть чем-то может отблагодарить хорошего человека за заботу.

— Вот спасибо тебе. А я даже попросить боялся. Я тебе тоже от всех нас подарок приготовил.

Пономарев подошел к кровати и вытащил из-под подушки две блестящие кожаные кобуры.

— На, владей. Парабеллум и «вальтер». Патронов к ним сейчас насыплю.

В дверь землянки кто-то заглянул:

— У вас человек из Москвы?

— Здесь.

— Командир приказал срочно к самолету.

Игорь попрощался с Пономаревым у самолета. Вылет почему-то задерживали. Пилоты нервничали. Муравьев сел на поваленное дерево, закурил, пряча огонь папиросы в кулаке. Он курил и слушал ночь. Она была наполнена звуками. Они то замолкали, то вновь приближались к нему: казалось, что кто-то невидимый играет на странных музыкальных инструментах. Вот в темноте возник протяжный тоскливый крик, возник и оборвался внезапно, словно лопнула струна, а на смену ему спешили другие неведомые звуки и, обгоняя друг друга, смолкали вдалеке.

Ночь была пряной и росистой. И Муравьеву вдруг показалось, что никакой войны вовсе и нет, и захоте-

лось ему, чтобы не кончилось очарование этой прекрасной и теплой ночи.

— Закурить есть? — рядом сел воздушный стрелок.

— На. — Игорь протянул пачку на голос. — Чего ждем?

— Человека одного. Приказ из Москвы пришел, обязательно забрать. Вот и ждем. А ночь-то идет.

— Ну и пусть идет.

— Смешной ты человек. Авиация — расчет точный. Мы можем только в темноте лететь. Со светом «мессера» появляются, встретишь их и... привет родителям.

Они посидели молча, думая каждый о своем. Потом стрелок сказал, тяжело вздохнув:

— А тут приказ: ждите! Командир говорит, давайте еще на сутки задержимся, а из Москвы передают, доставить этого человека немедленно.

Стрелок ушел, а Игорь продолжал сидеть и слушать ночь. Часа через два раздались чьи-то голоса, и сразу же взревели моторы самолета. Муравьев подошел к машине и, уже уверенно поднявшись по трапу, сел на скамейку у борта.

— Все? — пытаясь перекричать шум двигателей, крикнул высунувшийся из пилотского отсека штурман.

— Все! — ответил стрелок.

Машина тряско побежала по полю, металлические скамейки нещадно загремели. Внезапно тряска прекратилась: самолет начал набирать высоту.

Над кабиной опять зажглась тусклая лампочка. И в свете ее Игорь неожиданно увидел немецкую офицерскую фуражку, тускло отливающую серебром. Она лежала в проходе рядом с начищенными сапогами, дальше шли мышино-голубоватые щегольские бриджи.

Перед Муравьевым сидел немецкий офицер. Вернее, нижняя половина была типично немецкой. Вместо кителя с витыми серебряными погонами на белую рубашку была надета кожаная летная куртка.

— Что, — засмеялся незнакомец, — обмундирование мое не нравится? — Он достал из кармана бриджей портсигар, закурил сигарету. — Давайте знакомиться. О вас я кое-что знаю. Вы Муравьев из Московского управления НКВД. А моя фамилия Зимин.

Хотите сигарету? Напрасно. Впрочем, дело привычки.

— А вы откуда знаете мою фамилию?

— В отряде сказали. Предупредили, с кем полечу в Москву. Ну как она?

— А вы давно там не были?

— С тридцать девятого.

— Да все такая же. Конечно, война свой отпечаток накладывает.

— Тяжело было в сорок первом?

— Да как сказать, конечно, нелегко, но...

— А мы переживали очень.

— Ничего. Выстояли. Обстановка в городе нормальная. Театры работают.

— Да ну?! Все?

— Нет, часть эвакуировалась, но я слышал, что и они скоро вернутся.

— Приеду, — мечтательно сказал Зимин, — высплюсь — и в Большой. Большой люблю. А как Третьяковка?

— Эвакуировали.

— Жаль. Ты уж извини меня, спать что-то хочется зверски. За столько лет первый раз дома.

И вдруг Игорь понял, где был этот человек, если даже самолет, везущий его в Москву, становился для него домом. Он глядел, как Зимин пытается устроиться поудобнее, и чувствовал к нему необычайное уважение.

Постепенно в самолете стало почти светло. Это сквозь колпак стрелка проник в салон рассвет.

Опять открылась дверь пилотской кабины, и выглянул штурман:

— Ну как вы тут? Порядок. Через двадцать минут должны дойти.

Не успел он закрыть дверь, как вся кабина наполнилась грохотом, это заработал над головой крупнокалиберный пулемет.

«Напоролись», — подумал Игорь и вспомнил разговор со стрелком. А пулемет над головой неистово грохотал, сыпались со звоном на пол большие гильзы. Машину нещадно трясло. Страха не было. Было неприятное ощущение собственного бессилия, порожденное его непричастностью к бою.

Внезапно прямо над его головой что-то рвануло, и Игорь увидел, как Зимин, согнувшись пополам, валит-

ся на пол кабины. Пулемет замолк, салон наполнило дымом. Чей-то голос крикнул:

— Держись. Садимся.

Потом он испытал чувство стремительного падения, раздался треск, и Игорь потерял сознание.

Очнулся он от боли. Раскрыл глаза и увидел лицо пилота, наклонившегося над ним.

— Где сумка? — спросил Муравьев.

— На тебе. Очнулся, слава богу. Встать можешь?

Игорь, опершись руками о росистую траву, поднялся. Ничего не болело, только немного шумела голова. Он огляделся. Метрах в двадцати горел самолет. Штурман перевязывал Зимина. Игорь увидел его закушенную губу и побелевшее от боли лицо, рядом на траве стоял прилаженный на станке пулемет.

— Что делать будем? — спросил он пилота.

— Когда «мессера» напали, штурман с Москвой связался. До линии фронта километров пятнадцать. Нам дали место, где ждать до темноты поисковую группу. Давай возьмем ребят и двинем потихоньку.

— Надо бы носилки соорудить.

— Нет времени. Понесем на спине. Двое несут, один отдыхает.

Внезапно вдалеке послышался лай собак.

— Быстрее, — крикнул штурман, — чего вы там телитесь!

— Отставить, — хрипло скомандовал Зимин. — Я старший по званию, поэтому приказываю я. Всем отойти. Муравьев, ко мне.

Игорь подошел к лежащему, опустился на колени.

— Слушай меня. С нами вы не уйдете от погони. Мы останемся...

— Нет, — Игорь покачал головой. — Мы вас не бросим.

— Бросите. Еще как бросите. Потому что дело не в нас. Дело вот в этом пакете. — Зимин, сморщившись от боли, достал из внутреннего кармана куртки сверток. — Ты доставишь его вместо меня. Помни, от этого зависит не одна моя или твоя жизнь. От этого зависит жизнь сотен, тысяч людей. И ты доставишь его. — Он устало откинулся на траву, помолчал.

— Запомни, как только перейдешь к нашим, свяжись с комиссаром госбезопасности Новиковым. Запомнил? Повтори.

— Новиковым.

— Расскажешь ему все, отдашь пакет и передашь, что Март ждет пианиста каждую нечетную пятницу. Повтори.

— Март ждет пианиста каждую нечетную пятницу.

— Правильно. А теперь положите нас со стрелком к пулемету, мы им покажем цирк на конной тяге. Постой. Пистолет один оставь... К которому у тебя патронов больше?

Игорь отстегнул кобуру с ТТ, вынул из сумки пять запасных обойм.

А собаки уже где-то совсем рядом. И голоса их звонко неслись над утренним лесом.

— Уходите, — крикнул Зимин. — Слышите? Уходите!

Когда они отбежали примерно с километр, за спиной басовито заработал ШКАС. Ему ответили глухие автоматные очереди. Но голос крупнокалиберного пулемета заглушал их. Игорь остановился, лапнул рукой кобуру.

— Вперед! — крикнул, задыхаясь на бегу, пилот.— Тебе такое доверили. Вперед!

Когда они тяжело бежали по воде ручья, шум боя за их спинами стих...

Часа через четыре штурман достал карту и компас. Он что-то отметил на ней циркулем, посмотрел на солнце, потом на часы.

— Все, командир, вышли.

— Здесь?

— Здесь.

— Мы на месте, — повернулся к Игорю пилот, — теперь надо ждать.

Они лежали молча и ждали темноты. А летний день был, как назло, тягуче-длинным. Казалось, что время остановилось и ночь больше никогда не придет сюда. Наконец, когда солнце приблизилось к готике елей, совсем рядом затрещали сучья.

Игорь вынул пистолет, передернул затвор. Щелчок прозвучал предательски громко. Краем глаза Муравьев увидел, что летчики тоже достали оружие.

В нескольких шагах от них послышалась немецкая речь. Сучья затрещали громче, и на тропинку вышли человек семь немцев. Они шли по-хозяйски, беззаботно смеясь, громко переговариваясь.

У Игоря все застыло в груди. Но нет, это не был страх. Ненависть заполняла его всего. Ненависть к этим здоровым мужикам в куртках с засученными рукавами, с автоматами, болтающимися на груди. Они шли совсем близко, и Игорь уловил запах пота, лавандового одеколона и крепкого табака.

Палец прикипел к спусковому крючку. Муравьев стволом провожал каждого проходившего мимо него солдата. Он долго держал в прорези прицела спину последнего немца, до тех пор, пока он не скрылся в кустах.

Он так и не знал, что пришло к нему потом — страх или усталость? Ноги и руки стали чужими, наступило полное безразличие ко всему, что творится вокруг. Он лежал, лицом уткнувшись в колючий мох, и вдыхал запах нагретой солнцем, но все-таки сыроватой земли. И ему не хотелось ни двигаться, ни поднимать голову, словно он спал и видел хороший сон, который немедленно исчезнет, как только ты перевернешься на другой бок.

— Ты как, — услышал он шепот пилота, — чего замолчал?

— Не могу, — сквозь зубы не проговорил, простонал Игорь.

— Ничего, терпи, придет наше время по счету получать.

Игорь поднял лицо и увидел, что наступила темнота. Сколько же он лежал, уткнувшись лицом в землю? Сколько находился в этом состоянии бредового полузабытья?

Первый хруст веток услышал штурман. Он толкнул рукой пилота. Тот прислушался: со стороны линии фронта кто-то шел. Они вновь приготовили оружие. Теперь уже ветки трещали ближе. Наконец где-то совсем рядом крикнула кукушка.

— Наши, — штурман встал, — нашли.

Игорь сидел в землянке особого отдела дивизии и вспоминал, как вместе с группой разведчиков они переходили линию фронта. Спроси его, как это происходило, он, наверное, связно бы не ответил. Прошедшее рисовалось фрагментарно, словно обрывки сна. Лес, потом рывок по нейтральной полосе, грохот автоматов, мертвенный свет ракет над головой.

Начальник особого отдела, маленький худощавый

8. Заказ № 3884

майор, допросив их по всей форме, ушел на пункт связи ВЧ докладывать в Москву. Его уже не было часа полтора. Они сидели в разных углах землянки. Напротив каждого из них по командиру-особисту.

Наконец майор пришел. Он долго смотрел на Игоря, словно жалея, что его придется отпустить, и сказал:

— Вас приказано накормить и немедленно доставить на аэродром, за вами послан самолет. Просьбы какие-нибудь имеются?

— Дай пожрать и выпить, — пилот витиевато выругался, — а то мы второй день маковой росинки во рту не держали. Разучились жевать, наверное.

— Все приготовлено, — так же, словно жалея, сказал майор. — Приведите себя в порядок и ужинайте.

Игорь брился перед маленьким зеркалом, поставив лампу почти рядом с ним. Свет падал на мокрые от воды волосы, они отливали серебром.

«Словно седые», — подумал он и, положив бритву, пошел умыться еще раз.

Когда он, умытый, свежий, в начищенных сапогах и вычищенной гимнастерке, сел за стол, штурман поглядел на него и присвистнул:

— Здорово тебя скрутило, Муравьев, полголовы поседело за один день.

ДАНИЛОВ

Он ничего не сказал Игорю. Совсем ничего. Так никогда и не узнает Муравьев, сколько папирос выкурил его начальник за эти два дня и о чем говорил он со знакомым врачом. Никогда не узнает Муравьев, что теперь в ящике стола, там, где раньше лежали только патроны, заняла место совсем неприметная скляночка. Неприметная, но ох как теперь нужная Данилову! Без нее он слово дал шага не делать. Да и как без нее обойтись? Только защемит слева, только сожмет сердце болью, вынь пробочку, полижи языком — и все прошло.

Нет, ничего не сказал начальник отделения своему оперуполномоченному. Прибыл из командировки, доложил, как положено. Только руку в своей задержал дольше обычного и сказал:

— Ты молодец, Игорь. Красиво сработано.

И Муравьев знал, что больше начальник ничего не скажет. Зачем пустые слова? Работать надо. А работы действительно многовато поднавалило. В тот же день из архива наркомата прислали дело Гоппе. Любопытное оно, дело. Любопытное и поучительное. Прочитав его, Данилов еще раз убедился в том, что только война позволила таким, как Генрих Карлович, он же Геннадий Кузьмич, всплыть на поверхность. Если бы не она, недолго бы находился Гоппе в бегах, приговор бы привели в исполнение.

В материалах дела обнаружил Данилов любопытную подробность. Оказывается, Владимир Ефимович Шустер, он же Володя Гомельский, скупал и перепродавал добытые бандой Гоппе драгоценности. Вот теперь все окончательно встало на свои места. Ну а дальше что? Дальше широкая черная полоса.

В показаниях Спиридоновой фигурировала некая блондинка из торговой сети. И эту версию отработали. Дружно, всей группой. Две недели ездили по всем торговым точкам. Конечно, попадались похожие, но не те.

И снова приходилось все начинать сначала. Надежда, что где-нибудь всплывут сапфировые серьги или серебряная печать, тоже были маловероятными. Так прошел июль, время к августу приблизилось.

Но недаром Данилов твердо верил в силу улик. Не могли они кануть бесследно, как в воду. Должны выплыть. Только когда — вот вопрос.

Седьмого августа Данилову позвонил Скорин из областного угрозыска:

— Иван Александрович, извините, что беспокою. — Скорин был человеком вежливым. — В райцентре убит человек, пуля выпущена из интересующего вас нагана. Спецсообщение я вам уже послал.

«НАЧАЛЬНИКУ МУРа *СРОЧНО*

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

6 августа 1942 года участковый уполномоченный старший милиционер Ефимов обнаружил на пересечении дорог, рядом с лесным массивом, труп гражданина Ерохина Василия Петровича, в настоящее время

работавшего председателем колхоза «Светлый путь». На месте преступления следов не обнаружено. Из тела покойного извлечена пуля от револьвера системы «наган», калибр 7,62 мм. По данным экспертизы, пуля выпущена из оружия, разыскиваемого Московским уголовным розыском по делу об убийстве гр. Ивановского.

Далее сообщаю, что Ерохин В. П. до начала войны работал в райкоме партии. После оккупации района немцами находился в партизанском отряде. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Проведенные нами оперативные мероприятия пока никаких результатов не дали.

Облугрозыск, Скорин».

МОСКВА. Август (продолжение)

Вот какие события предшествовали разговору Данилова с шофером Быковым. Поэтому сегодня Иван Александрович собирался в дорогу. В общем-то, конечно, поездка предстояла не такая уж долгая. Но все дело в том заключалось, сколько дней потребуется его группе на раскрытие очередного убийства. Найдет убийцу Ерохина, значит, выйдет на тех, кто приходил к Ивановскому. А в том, что эти два преступления одних рук дело, Данилов ни секуды не сомневался.

Так он и сказал начальнику МУРа, когда вместе с ним оговаривал командировку детально. Ехали они не просто как сотрудники милиции. Генерал Платонов прислал им бумагу, в которой группа Данилова именовалась оперативно-розыскной, и строжайше указывалось всем представителям армейских подразделений оказывать ей любую необходимую помощь. Соответственное распоряжение по своей линии дало и Московское управление госбезопасности.

Итак, Данилов открыл сейф, вспомнил добрым словом старика Рогинского. Послушал незатейливую мелодию курантов и достал из нижнего отделения маузер в деревянной кобуре и четыре коробки патронов. Оружием этим (кстати, тем самым, из которого когда-то, в двадцать пятом, всадил ему пулю под сердце Широков), пользовался Данилов редко, только тог-

да, когда выезжал на ответственные задержания, только тогда, когда точно знал, что придется вступать в огневой контакт. Придумали же определение. Раньше во всех документах писали: «началась перестрелка», «вступили в перестрелку», а теперь вот нате — «огневой контакт». Слова-то какие казенные, серые совсем слова, как погода в ноябре. Правда, Данилов упрямо в рапортах писал по старинке, но наверху его редактировали. Да и черт с ними, с формами этими. Какая разница, как писать, лишь бы делу не мешало.

Данилов открыл чемоданчик, маленький совсем, чуть больше портфеля, и спрятал оружие на самое дно. Сегодня утром Наташа, уложив туда две смены белья, гимнастерку, мыло, бритву, помазок, в общем, все для «первого ночлега», спросила:

— Ты надолго?

— Нет, — бодро ответил Данилов, — дней на пять, ну десять от силы.

— Дело серьезное, Ваня?

— Да что ты. Надо ребятам в райцентре службу помочь наладить...

— Только ты не ври, Данилов, ты же этого не умеешь. Как тебя жулики боятся, не понимаю.

— А они не меня боятся, а наказания.

— Это они правы, ты и есть наказание, только мое.

Целуя жену на пороге, Иван Александрович сказал на прощание:

— Да ты не бойся, Ната, всех дел — туда и обратно.

— Ладно, иди уж. Позвони или телеграмму пришли, когда надумаешь возвращаться.

Выйдя из подъезда, Данилов поднял голову и увидел лицо жены в окне за занавеской. Всю дорогу до трамвайной остановки он думал о том, что все-таки мало радости доставляет ей. Считанные разы были они в театре, редко ходили в гости к друзьям, и не потому, что он не хотел, просто времени не было у сыщика Данилова днем, а были у него только ночи, да и то не все.

Дверь кабинета приоткрылась, заглянул Полесов:

— Мы готовы, Иван Александрович.

— С чем вас и поздравляю.

Степан молча глядел на начальника, ожидая, что же будет дальше.

— Ну, чего стоишь?
— Жду.
— Между прочим, у тебя часы есть?
— Есть, — с недоумением ответил Полесов.
— Ну раз так, погляди, который час.
— Двенадцать двадцать пять.
— Насколько мне помнится, я приказал ровно в это время группе быть у машины. Не так ли?
— Так мы уже давно там ждем...
— Смелый ты стал, Полесов. Ишь как с начальством говоришь неуважительно.
— Да что вы, Иван Александрович, — растерялся Степан, — как вы такое могли подумать...
— Ладно, пошли, — Данилов усмехнулся. — У меня сегодня настрой такой, обличительный настрой.

Все уже сидели в машине. Данилов сел рядом с шофером, помолчал и скомандовал:
— Поехали, Быков.
— Включить сирену?
— Не надо, тихо поедем, город посмотрим.
— А чего его смотреть-то, город этот, — мрачно заметил шофер, — город как город.

У Пушкинской машину остановил красный свет светофора. По улице Горького шли бронемашины. Штук двенадцать тяжелых, покрытых зеленой броней машин медленно двигались в сторону Охотного ряда. Наконец последняя пересекла перекресток, и Быков, нажав на газ, выскочил на бульвар. Здесь движения почти не было.
— Все, — сказал Данилов, — я сплю. Ясно вам? — повернулся он к спутникам. — Разбудите у КПП.

Он удобнее устроился на сиденье и закрыл глаза. А машина продолжала бежать по улицам Москвы. И пассажиры ее видели за спущенными окнами знакомые улицы и дома. Многие из них были покрашены зелеными камуфляжными полосами, окна квартир по-прежнему заклеены крест-накрест бумажными полосками. На некоторых школах и учреждениях висели белые полотнища с красными крестами, в них разместились госпитали. Ближе к окраинам улицы менялись резче. Витрины магазинов и окна первых этажей закрыли мешки с землей. Из таких же точно мешков на углах и перекрестках сложены огневые точки. Движение перегораживали сваренные из рельсов противо-

танковые ежи, в скверах торчали стволы зенитных мелкокалиберных пушек. Все чаще начали попадаться парные конные патрули, вместо милиционеров движение регулировали девушки в красноармейской форме. Это было своеобразным кольцом обороны города. И хотя положение на Центральном фронте стабилизировалось, более того, почти полностью прекратились налеты вражеской авиации, город готов в любой момент отражать нападение противника.

Рабочий пригород Москвы стал военным лагерем ополченцев и бойцов истребительных батальонов. Рядом со станками стояли винтовки, по первому сигналу на помощь армии вышли бы, как в годы гражданской, полки московского пролетариата. Это были не наскоро вооруженные ополченские подразделения. Оборону заняли бы уже обстрелянные, хорошо обученные бойцы. Те, кто остался в Москве, знали о наступлении немцев в районе Сталинграда, знали о битве на юге. Они понимали, что судьба войны решается там. И решают ее не только красноармейцы и командиры полков и соединений, дерущихся в районе Сталинграда. Москвичи тоже активно участвовали в ней. Они готовили оружие для решающей битвы, делали танки, бронеавтомобили, самолеты, мины, снаряды, патроны, автоматы. Второй год войны стал годом полного перевооружения армии, годом накапливания сил для решающего удара.

Столица страны являлась не только штабом обороны. Не только мозгом войны. Она стала крепостью, о которую разбились лучшие армии вермахта, на подступах к ней нашли свою могилу сотни вражеских самолетов. Москва превратилась в кузницу оружия. Лозунг «Все для фронта! Все для победы!» стал нормой жизни москвичей.

Постепенно за окном началась совсем другая Москва: маленькие одноэтажные деревянные домики весело смотрели на улицу из-за зелени палисадников. Да и улицы изменились, кончился асфальт, начались булыжные мостовые. Трава пробивалась в щели между камнями, к покосившимся заборам прилипли лавочки. Улицы эти были тенисты, и пахло на них речной водой и цветами. Здесь замыкались трамвайные кольца, кончались линии троллейбусов. Дальше начинались

первые подмосковные деревни — Черкизово, Богородское, Черемушки.

Выезд из города преграждал полосатый шлагбаум КПП. Возле него выстроились для проверки несколько машин. Бойцы в гимнастерках с зелеными петлицами проверяли документы.

— Товарищ начальник, — позвал Быков. — КПП, прибыли.

Данилов открыл глаза, огляделся, еще не придя в себя после сна, и полез в полевую сумку за документами. Проверка была тщательной. Лейтенант, начальник КПП, внимательно прочитал пропуска, командировочное предписание, проверил удостоверения. Рядом с машиной постоянно находились два бойца с автоматами. Наконец Данилов не выдержал и вынул бумагу, подписанную генералом Платоновым. Неизвестно, ускорила ли она дело, но лейтенант начал поглядывать на пассажиров с явным уважением. И все же он ушел в помещение поста, и из открытого окна было слышно, как он говорит по телефону.

Минуты через две он вернулся, протянул Данилову документы и взял под козырек. Шлагбаум подняли, и машина выехала на дорогу.

— Да, — глубокомысленно изрек Быков, — проверочка.

— Делать им нечего, — буркнул Муравьев, вообще не любивший никаких задержек.

— Ты бы помолчал, — бросил Данилов, — еще древние говорили: не можешь сказать ничего умного, лучше молчи.

— Так я...

— Именно ты. Когда оперуполномоченный Муравьев врывается в квартиру в пять утра и человека из постели вытягивает — это как называется?

— Я же для пользы дела.

— И они для пользы. А ты что думал — для удовольствия?

Игорь обиженно замолчал и полез за папиросами. Данилов смотрел на дорогу. Ему редко приходилось выезжать из Москвы. Когда получалось, до войны, раз в два года к отцу на Брянщину, иногда к знакомым на дачу в Переделкино. Вот, пожалуй, и все. Как каждый горожанин, он обостренно чувствовал природу, но, проведя две недели у отца в лесничестве, Иван

Александрович начинал тосковать по Москве. Ему не хватало людей, звуков автомобильных гудков за окном. Но, приехав в город, он вспоминал лес и тропинку, сбегающую к озеру, и большие осенние листья, плавающие в воде. Тогда, выбрав время, он уезжал в любимые Сокольники, забирался в глубину парка и мог часами бездумно сидеть на скамейке, рассматривая осень.

Но сейчас он почти не замечал ничего, кроме тех следов, которые оставила в Подмосковье война. Машина догоняла ее, шла по следам. И это были страшные следы. Они виднелись везде: на дороге, в поле, в лесу. Обгоревшие, вырванные с корнем деревья, глубокие ямы-воронки, которые аккуратно объезжал Быков, и гильзы, много поржавевших гильз. Самые разные — от маленьких пистолетных до крупных артиллерийских. Вот промелькнул повисший на деревьях обломок фюзеляжа самолета, вон валяется на обочине обгоревший остов машины и еще какое-то перекрученное железо, имевшее раньше назначение и форму. Но могучая сила разрушения смяла ее, затейливо переплела, и теперь никто уже не узнает, чему служил этот непонятный предмет.

Когда машина выехала из леса, Данилов увидел на поле остовы сгоревших танков. Они застыли, уронив на броню хищные дула орудий, застыли навсегда, как памятники прошедшим боям. Страшная память страшного времени. Это поле было перекопано обвалившимися окопами, на брустверах цвели немудреные полевые цветы. Танки тоже по трансмиссию заросли травой. Земля залечивала раны.

А дорога, стелясь под колеса «эмки», открывала пассажирам все новые и новые картины. Много увидели они за несколько часов пути: сожженные, но уже строящиеся деревни, почти разрушенные маленькие городки. Но не только это видел Данилов. У военной дороги был свой особый быт, своя жизнь, отличная от других.

Навстречу «эмке» ехали машины с ранеными, тягачи тащили искалеченную технику, сновали мотоциклисты и штабные бронетранспортеры. Они обгоняли колонны бойцов, далеко растянувшиеся вдоль обочин. Больше часа простояли они у переезда, пропуская составы с закрытой брезентом техникой. Чем дальше

они удалялись от Москвы, тем чаще их останавливали военные патрули. Дорогу охраняли. И не только ее, почти через каждый километр в лесу до времени спрятались зенитные пулеметы и пушки. Небо тоже охраняли. Дорога, словно артерия, связывала фронт с Москвой. И она была нужна фронту.

Когда проехали километров сорок, Полесов, до сих пор не сказавший ни одного слова, толкнул Быкова в спину:

— Видишь съезд, проселочек?

— Вижу.

— Сворачивай.

— Это еще зачем? — повернулся Данилов.

— Мы же не железные, Иван Александрович, — так же спокойно ответил Степан.

— Ладно, только недолго.

Машина свернула с дороги и, проехав метров сорок, остановилась. Все вышли.

— Иван Александрович! — позвал откуда-то Белов. — Идите сюда, я криничку нашел.

Данилов пошел на голос и через несколько шагов увидел, что прямо из земли начинается маленький ручеек, вода его, наполняя деревянную бочку, переливалась из нее в маленький прудик.

— Вода чистая, — поднял мокрое лицо Сергей, — и холодная: зубы ломит.

Иван Александрович подошел к криничке, снял гимнастерку и с удовольствием опустил руки в ледяную воду. Набрал пригоршню и с наслаждением кинул в ладони разгоряченное лицо. У родника был странный вкус. Вместе с водой в Данилова входила свежесть, и запах травы входил в него, и цветов, и даже неба, которое отражалось в прозрачной воде. И он лег на траву и, прищурив глаза, начал смотреть в это небо и увидел белые, словно ватные, облака. Они то приближались к земле, то вновь поднимались в бесконечную голубизну. Такие облака он видел только в детстве, приезжая на каникулы из города в лесничество к отцу. И мать он вспомнил. Она в белоснежном, словно сшитом из облаков, платье шла по полю и медленно крутила над головой пестрый зонтик.

Все это вспомнил он, лежа на траве в нескольких десятках метров от фронтовой дороги. Вспомнил и пожалел, что так рано кончилось детство. И грустно

ему стало, и ощущение это, внезапное и острое, затуманило глаза и сладкой тоской сжало сердце.

— Какое сегодня число? — спросил он Белова.

— Восьмое августа.

«Так, — подумал Данилов, — все правильно. Сегодня мне сорок два исполнилось».

Он сел и начал натягивать гимнастерку. «Сорок два, из них двадцать четыре года в органах. Такие-то дела, брат».

Он еще раз поглядел на небо, но теперь оно стало самым обыкновенным. Иван Александрович поправил ремень и зашагал к машине. Он, раздвигая руками кусты, вышел к дороге и с недоумением остановился. На земле, рядом с машиной, была постелена клеенка. Обыкновенная клеенка в цветочек, которой обычно покрывают столы на кухне. На ней на листах бумаги лежала крупно нарезанная копченая колбаса, стояли открытые банки консервов, лежала почищенная селедка, посыпанная лучком. В котелке виднелась картошка.

— Это что же такое? — удивился Данилов. — По какому случаю банкет?

Ребята молчали, только Быков, как всегда мрачно, сказал:

— Случай имеет место быть, товарищ начальник, замечательный, прямо скажем, случай.

Он залез в машину и вынул две бутылки коньяку. Данилов молчал, он все понял. Ребята специально съехали с шоссе, и Сережа Белов нарочно позвал его. И ему стало легко и хорошо. Он хотел сказать что-нибудь строгое, чтобы скрыть смущение, но так ничего и не сказал, просто махнул рукой и опустился на землю.

Все расселись, разлили коньяк.

— Иван Александрович, — Игорь поднял кружку, — дорогой наш Иван Александрович, мы хотим за вас выпить.

— Счастья вам, — прогудел Быков.

— Долгих лет, — добавил Степан.

Только один Сережа молчал, глядя на начальника влюбленными глазами.

Коньяк огнем прошел по жилам, и сразу стало радостно на душе. Данилов обвел своих ребят чуть увлажненными глазами.

— Вы закусывайте, — улыбнулся он. — На мас-

ло жмите, а то скажут потом, что я в командировке пьянку организовал.

— Эх вы, — почти крикнул Белов, — а подарок-то.

— Точно, — хлопнул себя по лбу Муравьев. — Забыли.

Он достал чемодан и вынул из него кожаную светлую кобуру.

— Вот, Иван Александрович, это от нас.

Данилов взял протянутую кобуру, расстегнул ее, вынул вороненый «вальтер».

— Заряжен, — предупредил Белов, — бьет исключительно. Сам пристреливал.

На рукоятке пистолета была прикреплена серебряная пластинка с надписью: «И. А. Данилову от товарищей по МУРу 8.08.1942 г.». Данилов расстегнул ремень, снял старую, видавшую виды кобуру, в которой лежал наган. Ему жалко было расставаться с привычным оружием. Как-никак, а этот наган служил ему почти десять лет. Но он все же надел новый пистолет, понимая, что этим он доставляет удовольствие своим ребятам.

— Ну, Быков, наливай еще по одной, — Иван Александрович протянул кружку. — Разгонную. Вот что, мои дорогие, — Данилов поболтал коньяк, внимательно рассматривая коричневатую жидкость, — спасибо вам за внимание, за подарок, я догадываюсь, откуда он взялся, и это для меня вдвойне дорого.

Он помолчал, оглядел всех:

— Мало у нас праздников, вернее, совсем нет их. Но ничего, мы потерпим. Я не знаю, когда придет он на улицу нашу. Знаю только, что праздник этот в дороге и имя ему — Победа. Доживем ли мы до него? Постараемся, конечно. А теперь давайте о Ване Шарапове вспомним, о дорогом нашем товарище...

Данилов задумался, потом выпил содержимое кружки:

— Вот так. Те, кто доживет, за погибших выпьют на празднике нашем. А теперь все. Пора в дорогу. А вторую бутылку спрячьте. Найдем кого надо — отметим.

И снова машина бежала по военному Подмосковью. И снова пассажиры разглядывали следы войны. Опять их останавливали патрули и проверяли документы. Больше часа проторчали они у моста, где молоденький младший лейтенант, начальник переправы, пытал-

ся навести порядок. Он кричал тонким, срывающимся голосом, поминутно поправляя очки, хватался за кобуру. Но его никто не слушал. Шоферы всегда слыли народом наглым. А вблизи фронта с ними вообще сладу не было. Они каким-то шестым чувством уловили слабость лейтенанта и теперь делали что хотели. Над мостом стоял гул автомобильных гудков, грохот колес, грубая брань. Данилов неодобрительно поглядывал из окна машины на происходящее.

«Что они делают, — думал он, — словно нарочно сбивают пробку, а если налетят самолеты? Странно другое: в кабинах некоторых машин сидят командиры, и никто из них не вмешивается». Иван Александрович вышел из машины. За его спиной хлопнула дверца, оперативники следовали за ним. Они медленно шли вдоль колонны машин, и шоферы с удивлением глядели на четырех командиров милиции. Протиснувшись между радиаторами и бортами полуторок и ЗИСов, Данилов наконец добрался до середины моста. Он сразу же понял, в чем дело. Полуторка, доверху груженная какими-то ящиками, столкнулась с прицепом другой машины. Данилов еще раз мысленно выругал начальника переправы, позволившего одновременное двустороннее движение на мосту.

А младший лейтенант суетился возле человека с петлицами техника-интенданта и здоровенного шофера в мятой, промасленной гимнастерке. В воздухе висел мат, по разгоряченным лицам спорящих Иван Александрович понял, что дело может дойти до кулаков.

— А ну прекратите, — почти не повышая голоса, скомандовал он, — техник-интендант, ко мне!

— Ты кто такой? — повернулся к нему шофер. — Ты там пойди... — Он осекся, увидев ромб в петлицах и орден над карманом гимнастерки.

— Что вы сказали? — чуть растягивая слова, переспросил Данилов. — А ну повторите!

Рядом с шофером выросла фигура Полесова, он крепко взял его за руку, повернул к себе.

— Отберите у него документы. Я долго вас ждать должен, техник-интендант?

— Я, товарищ...

Видимо, тот никак не мог разобраться в знаках различия Данилова и на всякий случай начал именовать его по-армейски:

— Я здесь, товарищ комбриг!

— У вас есть люди?

— Так точно.

— Немедленно пусть расцепят машины. Муравьев, бегом на тот конец моста, остановить движение.

Через пятнадцать минут сбившиеся в кучу машины пришли в движение. Включив задние передачи, они медленно съезжали с моста. Грузовик техника-интенданта вытащил на противоположный берег разбитый прицеп. Откуда-то взялись бойцы-регулировщики, занявшие свои посты по обе стороны моста. Быков, пользуясь преимущественным правом, подогнал свою «эмку» прямо к Данилову. Все заняло не больше получаса.

— Ну вот и порядок, — Данилов открыл дверцу, — а вы, младший лейтенант, — повернулся он к начальнику переправы, — учитесь командовать или уходите служить в банно-прачечный отряд. Ясно?

— Так точно, товарищ комбриг.

— Документы водителя направьте по инстанции. Полесов, передай их младшему лейтенанту — Приложив руку к козырьку фуражки, Данилов сел в машину.

К райцентру они подъехали в сумерках. Еще раз показали документы и, узнав, где находится райотдел НКВД, направились сразу туда.

РАЙЦЕНТР. Август.

— Вот здесь мы вас разместим, — начальник раймилиции Плетнев толкнул калитку.

В густом палисаднике приткнулся маленький, в два окна, домик.

— Вы не смотрите, что он маленький. Место удобное. Машину во дворе под навесом поставьте. Рядом в соседнем доме взвод истребительного батальона расположен. Телефонная связь с ним есть. Часовой ночью службу несет, так что и за вами приглядывать будут. Бойцов вы можете использовать во время проведения операции.

«Молодец, — подумал Данилов, — все предусмот-

рено». Он с симпатией поглядел на этого маленького суетливого человека.

— Второй вход есть. Там калиточка в заборе, в переулочек выходит. Вернее, пустырь там. До войны был переулочек.

— Сильно город пострадал? — поинтересовался Полесов.

— Говорят, что нет. Я ведь не здешний. Когда немцев прогнали, партизанский отряд, который секретарь райкома партии возглавлял, ушел на запад, задание у них было особое. А начальник милиции вернулся в город. Только не дошел. Нашли его на окраине, у водокачки, убитым. Так полагаем, что немцы. Их здесь первое время было много. Так бежали, что части свои растеряли. Я в Балашихе работал замначальника. Вот меня и сюда. Ну, располагайтесь, располагайтесь.

Когда подошли к крыльцу, Плетнев попридержал Данилова за локоть:

— Я там приказал стол накрыть. Чаек и все такое. Так что ужинайте, отдыхайте.

— А вы?

— Не могу, мы с начальником угрозыска на станции операцию проводим.

— Что-нибудь серьезное?

— Нет. Мелочевка. Спекулянты.

— Удачи вам.

— К черту! — Плетнев крепко пожал руку, пошел к калитке. — Кстати, — крикнул он из темноты, — я участкового вызвал, завтра в восемь он как штык...

— Спасибо.

В сенцах дома пахло полынью и еще какой-то травой, названия которой Данилов никак не мог вспомнить. Иван Александрович вошел в маленькую, чисто побеленную комнатку. На стене горела керосиновая лампа под зеленым абажуром. Свет ее был мягок и уютен.

«Хорошая комната», — подумал Данилов и еще раз мысленно поблагодарил Плетнева за заботу. В командировках очень важно, как и где приходится жить.

На столе стоял горячий самовар.

— Чай пить будете? — спросил Быков.

— Давай, — Данилов присел к столу.

Пока наливали чай, резали хлеб, открывали консервы, Данилов мысленно планировал, что надо сделать

завтра. С кем встретиться, куда съездить. Разговор за столом не клеился, все устали. Едва кончили ужинать, начали готовиться ко сну.

Иван Александрович сел на кровать, заскрипели пружины, он не успел еще снять гимнастерки, как зазвонил телефон.

— Данилов.

— Товарищ Данилов, Иван Александрович, — зарокотал в трубке сочный басок, — тебя лейтенант госбезопасности Орлов потревожил, начальник здешнего райотдела. Мне Виктор Кузьмич приказал тебя срочно в курс дела ввести, так что хочешь не хочешь, а приказ выполнять надо. Жду.

— А как найти твою контору? — спросил Данилов, принимая полудружескую, полуфамильярную манеру собеседника.

— Искать не придется. На улицу выходи, там тебя мои люди ждут. Цап-царап — и ко мне в узилище, — Орлов захохотал. — Жду.

Данилов положил трубку. Молодец Королев, предусмотрел все. Завтра утром он придет в раймилицию, точно зная оперативную обстановку, сложившуюся на сегодняшний день.

Иван Александрович подошел к лампе, прикрутил фитиль.

— Кто?.. Это вы, товарищ начальник? — сонно произнес Белов, приподнимаясь на локте.

— Спи. Спи, — Данилов, стараясь не шуметь, вышел в сени. Там постоял немного, чтобы глаза привыкли к темноте, и открыл дверь на улицу.

Он никогда не видел так много звезд. Казалось, что их специально зажгли только сегодня. Призрачный свет луны освещал двор, машину, забор в нескольких шагах. На вытоптанной дорожке лежало лунное серебро, и Данилов пошел по нему. Он не успел сделать и двух шагов, как сзади раздался негромкий голос:

— Стой!

Он обернулся: из опущенного стекла машины торчал тускло поблескивающий в лунном свете ствол нагана.

— Это я, Быков.

Дверцы «эмки» распахнулись, и шофер недовольно спросил:

— Куда едем?
— Никуда.
— А вы что же?
— Я по делам.
— Нет покоя, — заворчал Быков, — ни себе, ни людям.
— Ты почему не в доме?
— Так привычнее.
Данилов распахнул калитку. Темная улица была пуста. Он огляделся, стараясь в мертвенном свете разглядеть людей Орлова. Нет никого. Но все-таки на улице кто-то был, и Данилов чувствовал это.
— Куда идти? — спросил он тишину.
И она ответила ему:
— Прямо, пожалуйста. — Из нее возник человек в форме, знаков различия Данилов разглядеть не мог и пошел рядом с ним. Они пересекли пустую рыночную площадь, свернули в переулок.
— Здесь.
Дом был приземистый, одноэтажный, сложенный из добротного кирпича. Такие раньше купцы строили под магазины.
— Что в нем размещалось до революции? — спросил Данилов у провожатого.
— Купец второй гильдии Козьмин проживал. А теперь мы.
— А при немцах?
— Аналогичная организация.
«Хорошенькое дело, — усмехнулся Иван Александрович, — тоже мне преемственность».
Они вошли в полутемный коридор, в глубине которого тускло горела лампочка. Дежурный у входа молча взял под козырек, видимо, его предупредили. Прошли по коридору и очутились в маленькой приемной. За столиками с телефонами сидел сонный сержант госбезопасности. Он неохотно встал и поправил гимнастерку, видимо, ромб сыграл свою магическую роль. Распахнулась дверь, и Данилов шагнул в кабинет.
Навстречу ему от стола шел тонкий в талии, плечистый командир, маленькие усики делали его похожим на кого-то, а вот на кого — Данилов никак не мог вспомнить.
— Вот ты, значит, какой, — Орлов улыбнулся, обнажив белоснежные зубы, — мне Королев говорил, да

я тебя моложе представлял. Ну, садись, садись. Чаю хочешь?

— Покрепче, а то ты мне сон перебил.

— Ничего, — Орлов захохотал, — выспишься еще. Мне приказано было, как приедет, сразу... А для нас приказ — закон. Тем более майор Королев.

— Капитан...

— Это когда было, а сегодня уже майор и начальник отдела. Так-то. С чего начнем?

— С городом и районом познакомь.

— Смотри, — Орлов раскрыл на стене карту города, — райцентр от войны почти не пострадал. Взяли его, считай, без боя, фронт чуть левее прошел. Поэтому наш город в общем уцелел, правда, немцы его заминировали, но подпольщики взрыв предотвратили. Ну вот смотри. Здесь, — Орлов провел по карте карандашом, — размещены подразделения истребительного батальона. Тут два госпиталя. Один армейский тыловой, а второй пересыльный. По всему городу размещаются тылы фронта. Авторемонтные, бронетанковые, артиллерийские мастерские. Ну, конечно, снабженцы, банно-прачечный отряд. На станции продпункт. Ну что еще? Вот здесь, на окраине, пограничники. А здесь, — лейтенант показал точку, — сюда лучше без надобности не заезжай. Ну, конечно, если возникнет необходимость, то я помогу.

— Понятно. Какая оперативная обстановка?

— Сложная. Много работы по нашей линии.

— Что именно, если не секрет?

— Есть диверсионные группы. Пара радиостанций работает. Но пока справляемся. Я тебя вот о чем попрошу, если в ходе следствия...

— За это не бойся. Что в районе?

— Колхозы восстанавливаем. Трудно, конечно. Мужчин нет, техники, но уборка идет вовсю. Чем можем, помогаем фронту.

— Что ты думаешь об убийстве?

Орлов помолчал, постучал карандашом по столу:

— Сложно это. Ты, конечно, в курсе дела, что убит зимой сорок первого начальник милиции?

— Да, мне Плетнев рассказал.

— Тогда экспертизы не провели, пулей не поинтересовались. Я-то пулю видел. Из нагана он убит был. Немцы в городе недолго стояли, но все равно «новый

порядок» навели. И конечно, пособники были. Бургомистр, некто Кравцов, бывший инженер райкомхоза, начальник полиции, тот приезжий, фамилия Музыка, имя Бронислав, и брат его младший, командир «шнелькомандо».

— Это что же такое? — стараясь не выдать волнения, спросил Данилов.

— Ну, шнель по-немецки значит быстро. Вот они на скорости расстреливали, избивали, нечто вроде зондеркоманды, только русская.

— Как звали второго брата?

— Станислав.

— А где они сейчас?

— Где им быть, с немцами подались.

— Уверен?

— Стопроцентно.

— У тебя их фотографии есть?

— Конечно.

— А ты их самих-то видел когда-нибудь?

— Нет, я же новый, сразу после освобождения назначен.

— Тогда доставай фотографию.

— Сейчас прикажу дело принести, — Орлов вышел в приемную и минут через десять вернулся с тоненькой папкой.

— Вот, смотри.

Данилов раскрыл первый лист дела с грифом «хранить вечно» и увидел приклеенный к тыльной стороне обложки конверт, вынул из него фотографию. Он сразу узнал того, в форме ВОХРа, найденного убитым в Грохольском переулке. Только на снимке он улыбался, и светлые волосы, растрепанные ветром, падали на лоб, и был он похож на самого обыкновенного молодого парня, немного выпившего на праздник и усевшегося фотографироваться. Второй казался старше, и лицо его с неулыбчивыми глазами оставалось серьезным и настороженным .

— Вот этот, — Орлов показал на старшего, — начальник полиции, а этот...

— Этот, — Данилов расстегнул планшет, вынул снимок, сделанный на месте происшествия, — этот покойник.

— Откуда он у тебя? — Орлов даже напрягся весь.

— Вот поэтому мы и приехали.

— Ясно. Стало быть, бывший немецкий пособник превратился в обыкновенного уголовника.

— Считай, что так. Что думаешь об убийстве Ерохина?

— Думаю, дело рук этих гадов.

— Кого именно?

Орлов замолчал, неопределенно покрутил в воздухе рукой:

— Да понимаешь, по нашим данным, где-то в районе прячется Кравцов, его несколько раз видели, но захватить не сумели. Это первое. Из разговоров со старыми работниками советского аппарата я выяснил, что у Кравцова с Ерохиным были личные счеты.

— То есть?

— А вот так. Ерохин как работник райкома курировал городское хозяйство и несколько раз выступал против Кравцова. Второе. Он в местной газете «Ленинский путь» статью опубликовал. Я ее читал. Принципиально написана. После этого Кравцова с должности сняли и перевели в рядовые инженеры.

— Ну, я думаю...

— А ты не думай, — зло ответил Орлов, — чего здесь думать? Кравцов сволочь и немецкий холуй. Может, он с Музыкой в Москве и шуровал. Ну, поехали дальше.

ДАНИЛОВ

К работе приступили сразу после завтрака. Ровно в восемь часов Данилов был у начальника угрозыска. Начальник, невысокий, немолодой уже человек с двумя шпалами в петлицах, явно робел, увидев людей, приехавших из Москвы, да еще в таких высоких званиях. Он нервно перекладывал бумажки на столе, все время поглядывая на Данилова.

Иван Александрович, поняв его состояние, решил сразу перейти к делу:

— С общим положением вещей мы знакомы, товарищ Сомов. Я попрошу познакомить нас с подробностями.

— Значит, так, — Сомов откашлялся, — об убийстве Ерохина знаете.

Данилов молча кивнул головой.

— Приехали мы на место, и ничего. Никаких следов. Была бы собака. Так нет ее. Областное управление обещает...

— Об этом потом. Кто первый обнаружил убитого?

— Участковый, старший милиционер Ефимов.

— Он где?

— Ждет в дежурке.

— Пригласите его.

— Сейчас. — Начальник крутанул ручку телефона. — Кто? Скажи Ефимову, чтобы ко мне поднялся. Сейчас будет. — Он положил трубку. — Я здесь тоже недавно. До этого работал в Ногинске.

В комнату вошел высокий бравый милиционер:

— Товарищ начальник, по вашему приказанию...

— Садись, садись, Ефимов, — Сомов устало махнул рукой. — Расскажи товарищам, как нашел Ерохина.

Ефимов сел. Держался он строго-официально. Рассказ начал не сразу, а подумав немного.

— Я ехал в Глуховку...

— Куда? — прервал его Данилов.

— Деревня у нас такая есть — Глуховка, там правление колхоза. Ехал я туда на лошади. Вдруг гляжу — на дороге вроде велосипед лежит. Я его сразу признал.

— Кого? — спросил Данилов.

— Да велосипед, товарищ начальник, заметный он больно...

— Точнее, пожалуйста.

— Да этот велосипед Ерохину как трофей достался, прямо в его квартире немец оставил, вот он им и пользовался, только перекрасил, а краску желтую нашел, другой не было.

— Понятно.

— Ну а потом я его самого увидел. Он словно отдохнуть прилег, голова на траве, крови немного. Ну я, конечно, наган вынул и к роще, да там никого...

— А почему к роще?

— Я так понимаю, товарищ начальник, что Ерохина за старые партизанские дела убили. Тут у нас есть один гад, прячется где-то.

— Ну, об этом потом. Давайте на место съездим.

Сегодня здесь ничто не говорило о том, что три дня назад именно на этом месте убили человека. Да-

нилов уже многое узнал о Ерохине. Орлов рассказал, что Ерохин командовал оперативной группой в отряде, отличился в боях, был награжден. Перед самым освобождением города его ранили и после госпиталя демобилизовали вчистую. Он сам попросился в председатели колхоза. Пошел туда не за легкой жизнью. Пошел как истинный большевик на самый тяжелый участок. Следствием установлено: Ерохина вызвали в райком партии. Он сел и поехал. А вот что случилось потом...

Дорога была покрыта мягким слоем пыли. Казалось, что кто-то посыпал ее коричневатой мукой.

— Вот здесь, — сказал участковый, — тут он и лежал.

— Спасибо, я понял, — Данилов внимательно огляделся. Ерохин ехал с оружием, у него всегда при себе находился пистолет. Он его даже не вынул. Если бы убитый заметил опасность, то хотя бы кобуру расстегнул. Значит, Ерохина мог убить человек, хорошо ему знакомый и не вызвавший подозрения, либо стреляли из укрытия. Экспертиза показала, что пуля выпущена на расстоянии. Значит, кто-то поджидал Ерохина здесь, у развилки. Данилов еще раз огляделся. А если бы ему понадобилось незаметно подстрелить человека? Сама мысль показалась ему чудовищной. Но все-таки, как бы он поступил? Вот как взять Ерохина, он уже знал точно, а убить? Пожалуй, лучше всего выстрелить из этих кустов. Они ближе всего к дороге, густые, заметить в них человека трудно.

Данилов перепрыгнул через кювет, подошел к кустам. Все точно, лучше места не найти. Он присел, аккуратно раздвинул ветви. Орешник рос вокруг крохотной полянки. Отсюда и стрелял преступник. Здесь-то он и поджидал Ерохина. Трава была примята, ветви вокруг поцарапаны и сломаны. Иван Александрович лег и сразу же увидел маленькую рогатину, воткнутую в землю, он достал «вальтер», положил его стволом на соединение сучков. Точно, стреляли отсюда, причем устроился убийца с удобствами. Он приподнялся на колени и начал сантиметр за сантиметром осматривать землю. Убийца был чуть пониже его, лежал долго, вот следы от носков сапог. Устраивался удобнее, упор искал. Лежал, сучил ножками от нетерпения. Сколько же он ждал Ерохина? Данилов опять

лег, пошарил в траве. Так, так. А вот еще. Долго ждал: три папироски выкурил. Ну и волновался, конечно. Не без этого. Кто же предупредил-то его, что Ерохин в район собирается? Кто? Теперь зацепочка есть. Ох, есть зацепочка. Надо в колхозе народ потрясти. Всех пощупать. Всех до одного.

БЕЛОВ

Ему Данилов приказал осмотреть рощу рядом с дорогой. Сергей медленно шел, внимательно разглядывая землю. На память пришел куперовский Следопыт. Ему-то, наверное, многое рассказала бы эта трава. А для него она была книгой, написанной на незнакомом языке. Правда, попадались какие-то обрывки ремней, полусгнившие тряпки. Тот самый мусор войны, который обязательно остается после боев. Но все это уже стало достоянием истории. А ему, младшему оперуполномоченному Белову, необходим какой-нибудь свежий след. Позарез необходим, до слез. Он сначала не заметил его. Тот самый след. И даже чуть не наступил на него. Берестяное лукошко лежало в высокой траве, рядом высыпавшиеся грибы.

Сергей застыл, внимательно разглядывая находку. Даже его не очень большой опыт подсказывал, что в такое голодное время человек не бросит просто так полную корзину грибов. Значит, его испугали, и он не только убежал, но и боялся вернуться и подобрать корзинку.

Затрещали кусты, к нему шли Муравьев и Ефимов.

— Нашли что-нибудь? — спросил участковый.

— Вот, — Сергей указал на корзинку.

— Так, — Ефимов опустился на колени, начал перебирать грибы. — А знаете, они свежие, — поднял он голову, — им не больше трех дней.

— А вы как это определили? — недоверчиво спросил Муравьев.

— Вы человек городской, вам узнать трудно, а я в деревне вырос. По червякам, извините за выражение, вот смотрите.

Участковый надломил шляпку.

ДАНИЛОВ

Он по-хозяйски уселся за стол начальника райугрозыска и оглядел собравшихся.

— Значит, так. Что мы имеем на сегодняшний день? Прежде всего нам известно следующее: Ерохина убил человек незнакомый. Он подкарауливал его, ждал около часа, ну чуть больше. Об этом свидетельствуют три окурка папирос «Беломорканал» с характерным прикусом. Стрелял он из нагана, это тоже известно. Рост его приблизительно 176—178 сантиметров. Далее, убийцу кто-то предупредил, что Ерохин едет в райком. Отработкой этой версии займется Полесов, ну и, конечно, ему Ефимов поможет. Найдена корзинка, плетенная из бересты. Товарищ Ефимов имеет по этому поводу сообщение.

— Да какое тут сообщение, — смущенно откашлялся участковый, — я так думаю, что за грибами ходил кто-то из близких деревень, то есть Глуховки и Дарьина. В Глуховке дед живет, Захар Петрович Рогов. Так сказать, народный умелец, он эти корзинки и плетет.

— Сколько лет умельцу? — с ехидцей спросил Игорь.

— Под восемьдесят.

— Я думаю, что его лучше об отмене крепостного права расспросить.

— Это конечно. — В голосе Ефимова послышалось неодобрение. — Он, конечно, про царский режим многое рассказать может, потому что память у него светлая.

— Вот ты, Муравьев, и займешься Роговым. — Данилов встал. — Времени терять не будем, начнем сразу же.

ПОЛЕСОВ

Сначала он увидел печные трубы. Обыкновенные трубы, которые видел сотни раз. Но теперь они казались совсем иными, не такими, как виденные раньше. Были они незащищенно-голые, покрытые черной копотью. Они вытянулись неровной шеренгой, но даже

сейчас продолжали делать то, что и было положено им. Почти над каждой вился густой дымок.

— Пожег Глуховку фашист, — вздохнул Ефимов, — а какая деревня была. В каждом доме радиоточка, электросвет до полуночи, клуб — лучший в районе.

Чем ближе они подходили к Глуховке, тем явственнее бросались в глаза следы разрушения. Особенно поразил их один дом. Три стены были целы, а четвертая и крыша отсутствовали. И именно эти стены, оклеенные веселенькими розовыми в цветочек обоями, подчеркивали страшное горе, совсем недавно постигшее деревню. Но тем не менее она жила, эта деревня, восставшая из пепла. Подойдя к околице, Полесов и Муравьев увидели землянки, выкопанные рядом с печками, увидели свежеобструганные бревна, лежащие на подворье, увидели квадраты огородов.

Глуховка жила. На площади о чем-то неразборчиво бормотал репродуктор, укрепленный на высоком столбе, рядом с ним притулился барак, над входом в который висел красный флаг.

— Правление колхоза и сельсовет, — объяснил Ефимов.

Народу на улицах почти не было. Все, как объяснил участковый, находились в поле на уборке.

— Давайте так сделаем, — предложил Степан. — Вы с Муравьевым к нашему деду идите, а я в правление зайду.

Степан толкнул дверь, и она заскрипела как немазаное тележное колесо. Согнувшись, он протиснулся в узенький темный тамбур, ощупью нашел ручку второй двери. Она была заперта. С трудом развернувшись, Полесов вышел на улицу.

Было уже около двух, и солнце пекло нещадно. Степан расстегнул ворот гимнастерки, снял фуражку. Что же дальше-то делать? Сидеть и ждать? А кто его знает, когда появится колхозное начальство... Тем более участковый сказал, что все в поле. Пойти туда? Конечно, можно. Но надо знать точно куда. Поле-то вон какое. Так и дотемна промотаться можно.

Степан еще раз огляделся. То, что раньше называлось деревней Глуховкой, было пустыней. По площади прошла одинокая собака, остановилась, поглядела на незнакомого человека, словно думая, перепадет ли от него какая-нибудь жратва, и, видимо поняв, что

ничего путного от него не дождешься, пошла дальше.

Положеньице. Зря он отпустил участкового. Ефимов наверняка бы помог найти ему нужных людей. Степан еще раз огляделся и внезапно понял, что он круглый дурак. Трубы-то дымили, значит, печи топят. Он усмехнулся внутренне своей полной беспомощности, которая наступила, едва он пересек границу города, и пошел к ближайшей трубе.

У первого двора забора не было, но уже заботливые руки подняли ворота. Они стояли как напоминание о том, что когда-то здесь жили хорошие, крепкие, любящие порядок хозяева. Степан решил войти именно в них, словно отдавая дань уважения тем, кто живет на этом дворе, как будто включился в одну с ними игру. Он толкнул калитку, с удовольствием услышал, как мягко, без скрипа подалась она, и решил, что на этом дворе должны жить люди во всех отношениях степенные.

Не успел он войти, как из-за обугленной печи выскочила лохматая собака. Без лая, молча она начала приближаться к Степану. Вид ее не предвещал ничего хорошего. Полесов знал характер таких именно собак. Они молча появлялись и так же молча бросались на человека.

«Приятные дела, — подумал он, продолжая краем глаза следить за противником, — не стрелять же мне в нее».

И тут Степан увидел прислоненную к воротам штакетину, оружие, вполне пригодное в подобной ситуации. Он взял ее и смело пошел на собаку.

— Ты чего это, товарищ военный, — окликнул его чей-то голос.

Из землянки вылезла старушка в засаленном зеленом ватнике.

— Да я, мамаша... — Степан так и не успел окончить фразу. Собака прыгнула, но он, увернувшись, сунул ей в пасть штакетину.

— Назад, аспид, пошел вон! — закричала старуха, схватив хворостину.

Собака поджала хвост и с рычанием покинула поле боя.

— Приблудная она, — извиняющимся голосом сказала старуха, — мы уж ее и прогнать хотели, да со своими больно уж она ласковая. А чужих, особенно

военных, страсть до чего не обожает. Ты уж прости, сынок.

— Да что вы, мамаша. Я зашел спросить, где мне сейчас нового председателя найти.

— Клавдию, что ли... Так это моя дочь. Сейчас время-то сколько?

— Третий час.

— Вот сейчас она аккурат и прибудет. Ты проходи на двор, подожди.

— А если ваша собачка опять со мною пообщаться захочет? — улыбнулся Степан.

— Иди, иди. Я ее сейчас привяжу.

Степан уселся на бревно, закурил. Жара усилилась. Над землей повисло неподвижное солнце. Казалось, что все живое замерло, только кузнечики продолжали свою бесконечную перекличку. Старушка не появлялась. Степану очень хотелось пить, и он мысленно выругал себя, что не спросил, как звать хозяйку. Неудобно же кричать на весь двор: «Эй, мамаша, напиться принеси». А искать ее за кустами — дело небезопасное. Второй раз с этой приблудной тварью он встречаться не хотел. Полесов вообще не любил собак. И шло это с далеких дней беспризорного детства. В Сибири, где он пацаном шатался по деревням, каждый двор караулили огромные злые волкодавы. Ох и натерпелся он от них — страшно подумать. Вот с тех пор он и не любил. Всех. Независимо от породы, размеров и применения. Терпел только служебно-розыскных как неизбежное дополнение работы, да и то при выездах в машине старался сесть как можно дальше.

За кустами, которыми порос двор, виднелся на скорую руку сколоченный сарайчик, оттуда слышались характерные звуки, кто-то работал рубанком. И по тому, как медленно потрескивало дерево, как запинался резак, Степан понял, что орудует рубанком человек слабый и неумелый.

Он еще раз внимательно огляделся. Чертова собака! И направился к сарайчику. Дощатое сооружение, которое он увидел, меньше всего напоминало сарай. Просто навес, под которым стояли грубые козлы. Старушка сноровисто, хотя и медленно, работала рубанком.

— Хозяйка, — Степан подошел, погладил доску, — это не женское дело, давайте я помогу.

— Теперь, товарищ военный, все стало нашим, бабьим делом. Мужики-то на фронте, вот мы...

— Вот и пользуйтесь, пока к вам внаем мужик попал, — Полесов засмеялся и начал стягивать гимнастерку.

— Спасибо тебе, сынок, я пойду пока обед погляжу, скоро Клавдия придет.

Степан удобно уложил доску, проверил ногтем резец. Ничего, работать можно, он вытер вспотевшие ладони и взял рубанок. Вжик — пошла первая стружка, желтоватая, ровно загибающаяся кольцом. Вжик — и сразу же терпко запахло смолой и деревом, и доска, по которой спешил резец, обнажила коричневатые прожилки и темные кружки сучков. Степан работал ровно. Эх, давно уже не занимался этим делом. Бывший кузнец-деповец, надел он несколько лет назад милицейскую форму, а руки все равно скучали по труду, просили его. Прислушиваясь, как с непривычки немного ноют мышцы, Степан подумал, что хорошо бы после войны уволиться и опять пойти в депо. А память подсказала рукам великую автоматику движений, и рубанок шел ровно и быстро.

Он не замечал жары, мокрой майки, прилипшей к спине. Он был весь поглощен давно забытым процессом созидания, единственным, дающим человеку счастье.

— Где же ты, мама, такого работника нашла? — раздался у него за спиной звучный женский голос.

Степан обернулся, вытирая тыльной стороной ладони потное лицо. Высокая стройная женщина в выгоревшем на солнце сарафане, белозубо улыбаясь, протягивала ему руку. Он увидел большие светлые глаза, особенно большие на загорелом лице, отливающие бронзой волосы, собранные в тяжелый пучок на затылке.

— Да вот, — он пожал протянутую руку, — помог вашей мамаше немного.

— Спасибо. Только вы сначала скажите, откуда такие помощники берутся?

Степан расстегнул нагрудный карман гимнастерки, вынул удостоверение. Женщина внимательно прочитала его.

— Из Москвы, значит.

— Оттуда, Клавдия...

— Михайловна.

— Вот и познакомились. Вы мне за труды праведные водички бы помыться дали

— Пойдемте, полью.

Ледяная колодезная вода обожгла разгоряченные работой плечи. Степан вымылся по пояс, крепко вытерся грубым полотенцем, надел гимнастерку. Он заметил, как женщина уважительно поглядела на орден. на шпалы в петлицах, и ему стало приятно.

— Я к вам, Клавдия Михайловна, по делу.

— Что за судьба у меня такая, — она опять улыбнулась, — такой мужчина видный — и по делам.

— Жизнь такая, Клавдия Михайловна, — ответил Степан, а про себя подумал, что хорошо бы приехать к ней просто так, без всяких дел, помочь поставить дом, рыбы половить, а вечером гулять с такой вот Клавдией по пахнущему травой полю, обнимать ее упругие плечи.

— Вы, Степан Андреевич, по поводу убийства к нам приехали?

— Точно, Клавдия Михайловна. Хочу у вас спросить, как Ерохин узнал, что его в райцентр вызывают?

— Да очень просто. Я в правлении была. Я же в одном лице и зам, и агроном, и парторг. Позвонил по телефону Аникушкин, заворг, и просил передать, что Ерохина вызывают. Вот и все.

— Ну хорошо. Позвонил, передал, а вы что же?

— Я сразу к Ерохину пошла и передала ему. Он собираться стал, вывел велосипед и поехал.

— Сразу в район?

— Нет, мы с ним еще в правлении с час-два документы подбирали. Ну а потом он уж и поехал.

— А кто еще знал о вызове?

— Да никто. Люди в поле были.

Клавдия подумала, а потом отрицательно покачала головой:

— Нет, никто.

— Дела... — Степан задумался.

Все вроде совпадало. Убийца ждал Ерохина около часа. Значит, его предупредили сразу же, и он... Стоп. Конечно, он шел из райцентра. Точно, оттуда. Иначе бы он застрелил председателя сразу по выезде из деревни, в лесу.

— Спасибо, Клавдия Михайловна. — Степан встал.

стряхнул с брюк приставшую стружку. — Спасибо, я, пожалуй, пойду.

— Да куда же вы, Степан Андреевич? Так не годится. Из нашего колхоза гости голодными не уходят. Чем богаты...

Степан взглянул на нее и словно утонул в ее огромных глазах. Нет, не мог он так просто уйти от нее.

— Ну что, пошли к столу? — улыбнулась женщина.

— Пошли.

МУРАВЬЕВ

Ну и дедок. Вот это старикашечка. Ничего себе восемьдесят лет. Да он покрепче его, Игоря, будет. Вон лапища какая загорелая, жилы, словно канатики, перевились. Да такой этими вот пальцами пятак согнет.

Старик сидел за столом, на них поглядывал хитровато, будто спрашивал: зачем пожаловали, граждане дорогие?

— Ты чего, Ефимов, пришел? А? Какая такая у тебя во мне надобность? И молодого человека привел. Никак, в острог меня засадить хотите, дорогие милицейские товарищи?

— Ты скажешь, — участковый сел на лавку, — тоже шутник.

— Так зачем же? Дело какое али в гости?

— Считай, что в гости.

— А раз в гости, то иди к шкафчику лафитнички бери. А я мигом.

Старик вышел в сени. Игорь внимательно оглядел избу. Вернее, не избу, а так, наскоро вокруг печки сколоченную комнату.

— Зачем лафитнички?

— Самогон пить будем, — ответил Ефимов, расставляя на столе рюмки.

— Да ты что, в такую-то жару, на работе...

— Иначе разговора не получится, я этого деда распрекрасно знаю, характер его изучил лучше, чем Уголовный кодекс. Занятный старикашка. Между прочим, партизанский связной.

В сенях загремело ведро, появился хозяин с литровой металлической фляжкой:

— Ну, товарищи милицейские, садитесь.

Он быстро разлил желтоватую, резко отдающую сивухой жидкость по стопкам.

— С богом, — хозяин опрокинул водку куда-то в бороду.

«Вот это да, — подумал Игорь, — ну и дед», — и тоже одним махом выпил свою.

Самогон отвратительно отдавал керосином, был теплый и очень крепкий. Закуски не было, чтобы перебить его вкус, Муравьев достал папиросы. Закурили.

— Ну, милицейские товарищи, — хитро прищурился хозяин, — какая во мне нужда?

— Ты, Кузьмич, — спросил Ефимов, — среди других свою корзинку узнать можешь?

— А то как же. Очень даже просто. Я, донышко когда плету, обязательно крест выкладываю. А зачем тебе мои корзины-то?

— Нашли мы одну, вроде твоя.

— Это какая, эта, что ли?

— Она самая.

— И точно моя, я ее совсем недавно сделал.

— А кому, не помнишь?

— Ну как же, Видинеевым из Дарьина. Видишь, ручка немецкой проволокой синей обкручена, это их Витька сделал.

— Семья-то у них большая?

— У Видинеевых-то? Нет. Витька-пацан, невестка и сама старуха. А зачем они тебе?

— Дело, Кузьмич, у нас к ним срочное, безотлагательное дело.

У правления их ждал Полесов.

— Ну, что у тебя? — спросил он.

— Вроде нашли.

— А у тебя?

— Глухо.

— Иди докладывай.

— Пошли.

Они опять с трудом протиснулись в тамбур и попали в маленькую комнату правления. Степан подошел к телефону, висевшему на стене, закрутил ручку. В трубке что-то шумело, слышались отдельные разряды. Наконец женский голос ответил: «Город». Степан назвал номер райотдела и попросил соединить его с Да-

ниловым. Они с Игорем по очереди условными выражениями доложили о результатах.

— В Дарьино я приеду сам через час, — сказал Данилов.

Степан повесил трубку, посмотрел на Игоря:

— Далеко до Дарьина?

— Надо у Ефимова спросить.

Игорь высунулся в окно и позвал участкового:

— Ефимов, до Дарьина далеко?

Участковый, подумав, ответил:

— Если лесом напрямки — минут двадцать, а по дороге — так час с гаком.

Они не успели еще дойти до околицы Глухова, как их догнала полуторка, переделанная под автобус.

— Наша, — обрадовался Ефимов, — райотдельская.

Машина притормозила. Из кабины высунулся молодой светловолосый парень:

— Далече, Ефимов?

— В Дарьино. Ты бы нас подбросил, Копытин. Со мной товарищи из Москвы, а по такой жаре пехом взмокнешь.

— Садитесь.

Что ж, день пока начинался неплохо. Нашли хозяев корзины, теперь вот автобус подвернулся. Сложив все это вместе, Игорь твердо решил, что и в Дарьине их ожидает удача.

Копытин высадил их у околицы, и машина, нещадно гремя, скрылась в клубах пыли. Дарьино, в отличие от Глуховки, совершенно не пострадало. Дома стояли так, как им и было положено. Война пожалела деревню. Казалось, что она и не заходила в эти места.

— Н-да, — сказал Муравьев, — у меня создалось впечатление, что мы попали в рай.

— Вроде того, — отозвался Ефимов, — лучшая деревня на моем участке. Видите, вон там дом под шифером. Там Видинеевы живут. Вы идите туда, а я зайду к бойцам-ястребкам, их в деревне двое, что-нибудь насчет обеда соображу, а то от голоду сил никаких нет.

— Вот это дело, — обрадовался Игорь, — а то вечер на носу, а мы голодные.

Степан молчал. Он пообедал у председателя, и теперь ему почему-то неудобно было говорить об этом.

— Пошли к Видинеевым, поговорим со старушкой.

Они разошлись по пыльной деревенской улице. Жара постепенно спала, пахло зеленью и рекой. У видинеевского дома Степан остановился, прислушался. Вроде собак не было.

— Пошли.

На крыльце сидел белобрысый паренек и немецким штыком-тесаком стругал палку. Он поднял глаза на вошедших, продолжая так же яростно кромсать здоровую орешину.

— Ты Витька? — спросил Игорь.

— Витька, — ответил мальчик.

— Ну, тогда здравствуй.

— Здравствуйте, дяденьки. Вы из милиции?

— Точно.

— А зачем к нам?

— Да вот корзинку нашли в лесу вашу, — Игорь протянул Витьке лукошко, — занести решили.

— Ой, и впрямь наша. Ее бабуня потеряла.

— А где она?

— До соседа подалась, скоро будет. Вы подождите. Это у вас парабеллум, дяденька? Да? У меня два таких было, да дяденька Ефимов отобрал.

— Где же ты их взял?

— А их по весне много на полях находили. И наганы и автоматы. Немцы покидали. — Витька встал, начал собирать стружки.

— Я за молоком пойду, а вы подождите бабуню, она скоро.

В углу двора за кустами малины (прямо даже не верилось, что такое может быть) лежали бревна с истлевшей корой.

— Пошли покурим, — сказал Степан, — а то день уж больно колготной, ноги гудят прямо.

Сели на бревна, закурили.

— Понимаешь, Игорь, — Степан глубоко затянулся, папироса затрещала, — странная история получается. Выходит так, что о поездке Ерохина в райцентр никто не знал.

— Так уж и никто?

— Знала только парторг, она же зам Ерохина.

— Ты же знаешь, — Игорь устроился поудобнее, вытянул ноги, — ты же знаешь, — повторил он, — что в такой ситуации никому верить нельзя.

— Да что ты городишь? — Степан удивленно посмотрел на Муравьева. — Ты как ребенок, наоборот, надо верить, только, конечно, проверять все необходимо. Но тут случай иной...

Где-то вдали на деревенской улице раздался грохот мотоцикла.

— Вон, — усмехнулся Игорь, — бабка Видинеева едет.

А звук мотора все приближался и приближался и наконец остановился у дома.

— Смотри-ка, — засмеялся Степан, — и точно, бабка приехала.

Он выглянул из-за кустов. У ворот стоял армейский мотоцикл. За рулем, положив автомат на колени, сидел боец без пилотки, из коляски, расстегивая кобуру, вылезал командир, петлиц его Степан не разглядел. Но в позе бойца, который глядел на дом, и в движениях командира Полесов вдруг почувствовал еще не осознанную опасность. А командир уже приближался к воротам.

— Игорь, — скомандовал Полесов и выдернул пистолет.

Муравьев понял все сразу. Он быстро переместился ближе к дому, оставляя солнце за спиной.

Военный подошел к крыльцу и уже занес ногу на первую ступеньку.

— Руки, — тихо скомандовал Игорь, — руки вверх!

Командир дернулся и чуть обернулся, рука неохотно отползла от кобуры.

— В чем дело?

— Кто вы такой? — Игорь внимательно следил за неизвестным.

— Я помощник коменданта, нам сообщили, что в этом доме скрывается дезертир. — Командир повернулся лицом к Игорю. — Кто вам позволил...

— Об этом после. Документы.

— Пожалуйста, — лениво произнес старший лейтенант и сунул руку в карман галифе.

И тут Игорь понял, что у него там второй пистолет.

Старший лейтенант резко рванул руку, и Игорь, падая, выстрелил. Два выстрела слились в один. Им ответила длинная автоматная очередь, и взревел мотор мотоцикла.

Старший лейтенант лежал, отброшенный к стене

тяжелой пулей парабеллума, глядя перед собой остановившимися глазами, из угла рта на гимнастерку сбегала тоненькая струйка крови. Все это промелькнуло перед глазами Игоря стремительно, как кинокадр.

«Готов», — понял он и бросился к воротам.

Степан, положив ствол нагана на изгиб локтя, целился в мчащегося по улице мотоциклиста. Муравьев вскинул пистолет, тоже ловя на мушку широкую согнувшуюся спину...

Наперерез машине выскочил Ефимов и два бойца-ястребка с винтовками. Мотоциклист рванул машину к обочине, стараясь выскочить на поле. Глухо ударил винтовочный выстрел. Над мотоциклом взметнулся клуб голубого огня. Водитель, выброшенный взрывом из седла, нелепо расставив руки, объятый пламенем, пролетел несколько метров и упал в траву.

Когда Игорь и Полесов подбежали к месту взрыва, Ефимов уже сбил пламя с одежды мотоциклиста. Муравьев увидел сгоревшие волосы, черное, обуглившееся лицо и отвернулся.

— Живой, — поднял голову Ефимов, — дышит. Боец по шине стрелял, а попал в бак с бензином.

У околицы в клубах пыли появилась «эмка». Это ехал Данилов.

ДАНИЛОВ

— Так ,— сказал он, оглядевшись, — атака слонов под Фермопилами. Живой? — Он кивнул на мотоциклиста.

— Пока.

— Срочно в машину. Полесов с ним. В город в больницу. Потом обратно. Срочно. Видинеева жива?

— Все в порядке, — ответил Игорь, — там, во дворе, еще один лежит.

— Научились стрелять, — выругался Данилов, — мне не трупы нужны, а свидетели.

— Так ситуация...

— Догадываюсь. Машинку новую не терпелось опробовать...

— Иван Александрович...

— Я сорок два года Иван Александрович, а толку-то. Веди.

Они подошли к видинеевскому дому. У забора, прижав к себе Витьку, стояла старушка. Она с ужасом поглядела на Данилова.

Данилов вошел во двор, долго рассматривал убитого, словно пытаясь вспомнить, где видел это лицо. Нет, он просто был похож на всех покойников. А их много видел Иван Александрович на своем веку. Смерть делает всех людей похожими. Лицо покрывает синевой, обостряет черты.

— Обыскать, — повернулся он к Белову, — внимательно только, а потом в машину и в город. Где хозяйка?

— Вон она, — кивнул Муравьев в сторону старушки.

— Так, — Данилов подошел к Видинеевой. — Вас как зовут? Ага. А меня Иван Александрович. Этот человек, — он показал на убитого, — хотел вас застрелить.

— Меня-то за что?

— А вот из-за этой корзинки.

— Не знаю, ничего не видела, — Видинеева закрестилась.

— Да вы погодите, Анна Федоровна, погодите. Если вы не скажете, кого видели в лесу в день убийства Ерохина, я не могу ручаться ни за вашу жизнь, ни за жизнь ваших близких.

— Ишь ты как. Ты милиция. Ты власть Советская. Ты меня и защищай. А то немец измывался, а теперь свои...

— Да вы погодите, вы только скажите, о чем он с вами говорил? — устало, словно нехотя спросил Данилов.

— А о чем мне с кровопийцами говорить? С жиганьим отродьем, — старуха плюнула. — Он мимо прошел, а я в кусты схоронилась.

— Правильно, вы его не узнали.

— Я! Да я его рожу гадкую всю жизнь помнить буду. Он у немцев в городе бургомистром был.

— Ну вот видите, мы и договорились. Сейчас ваши показания запишут, и все. Игорь! — позвал Данилов.

— Иван Александрович, вот поглядите, — Белов протянул Данилову командирскую книжку убитого.

Данилов взял ее, раскрыл.

Фамилия: Ивановский.
Имя: Сергей.
Отчество: Дмитриевич.
Воинское звание: старший лейтенант.

Так как же это произошло? Все, начиная с их приезда, кончая перестрелкой в Дарьине? Уж слишком быстро. Просто неестественно быстро. Создавалось впечатление, что кто-то специально следил за ними. Данилову даже не по себе стало. Казалось, что этот «кто-то» сейчас из темноты улицы смотрит в открытое окно. Нет, исключено. Но факт остается фактом. О поездке Ерохина в город узнали и о старухе Видинеевой тоже. Информация была получена быстро. Двое преступников угнали военный мотоцикл, который раззява-связист оставил на улице. Неужели это Кравцов? Но для того чтобы руководить группой, он должен скрываться в городе. А это же нелогично. Не может человек, хорошо известный в районе, скрываться там, где его каждый знает. Нет, не может. Но ведь именно его видели на месте убийства. Погоди, погоди, давай-ка вспомним показания Видинеевой.

«Я услышала выстрел, очень испугалась и легла на землю, и тут мимо меня пробежал человек, в котором я узнала бывшего работника райисполкома, а потом немецкого бургомистра».

На вопрос Муравьева, сколько времени прошло между встречей и выстрелом, Видинеева ответила, что минуты две. Не получается, от места засады до опушки быстрым шагом минут пятнадцать. Значит, не Кравцов стрелял в Ерохина. Он был на месте убийства, но стрелял другой.

У убитого «старшего лейтенанта» обнаружили пистолет ТТ Ивановского и его документы. Кроме того, в кармане у него находился пистолет «манлихер». Видимо, в Ерохина стрелял не он. Значит, есть еще третий. Он скрывается в городе, он и убил Ерохина, и он, безусловно, руководит бандой. Теперь необходимо найти Кравцова. Непонятная с ним история приключилась. Посмотрим, главное теперь — Кравцов. Врач сказал, что «мотоциклист» в очень тяжелом положении, но обещал сделать все, что в его силах. А когда раненый сможет давать показания и будет ли давать их вообще? Нет, надо искать Кравцова. Кстати, его

жена живет в городе. Где же ее адрес? Ах, вот он: Первомайская, двадцать шесть. Ребята спят, взять, что ли, кого-нибудь с собой? Не стоит будить. Возьму Быкова.

В сенях послышались шаги. Данилов зажег фонарь.

— Кто там?

— Я, товарищ начальник, — вошел Быков, жмурясь в ослепительном луче света, — вам из Москвы телеграмма.

«НАЧАЛЬНИКУ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ МУРа. СРОЧНО. ДАНИЛОВУ

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

4 августа сего года работниками отделения Муштакова в районе Тишинского рынка был обнаружен Шустер Владимир Григорьевич, он же Володя Гомельский. Из-за ошибки оперуполномоченного Петрова разыскиваемый ушел из-под наблюдения. По нашим данным, Шустер В. Г. часто появляется на рынке и в прилегающих к нему переулках, занимаясь спекуляцией драгоценностями. Предлагаю вести разработку Шустера параллельно с оперативными мероприятиями в райцентре, для чего откомандировать в Москву одного из работников вашей группы.

Начальник МУРа».

ДАНИЛОВ И КРАВЦОВА

— Вы врываетесь ко мне ночью, и меня никто не может защитить. Я осталась за чертой. Всю жизнь я учила детей гражданственности, объясняла им Советскую Конституцию, а теперь я за чертой. Законы общества не распространяются на меня.

— Я пришел к вам ночью, нарушив правовые нормы. Я вообще не должен был приходить.

— Так зачем же вы пришли?

— Для того, чтобы не вызывать вас в райотдел. Для того, чтобы никто не знал о нашем разговоре.

— Что вам надо?

— Где ваш муж?
— Не знаю.
— Вы лжете. Обманывая меня, вы сами ставите себя за черту.
— Я не знаю.
— Вы учите Конституции, но нарушаете ее основное положение, скрываете врага общества.
— Он не враг.
— Кравцов служил у немцев бургомистром. Не так ли?
— Он выполнял задание райкома...
— Весьма возможно. Но почему же уже почти год он прячется в лесу или еще где?
— Он выполнял задание райкома...
— Я это уже слышал, но почему же об этом никто не знает?!
— Он спас город от взрыва, он...
— Это эмоции, а мне нужны факты.
— Он ранен кулаками, воевал с белофиннами.
— Прошлое.
— Вы не имеете права так говорить со мной.
— Имею. Мне его дала все та же Конституция.
— Он выполнял задание...
— Послушайте меня. Вашего мужа перед войной исключили из партии.
— Он мне сказал, что его восстановил подпольный райком.
— Факты.
— У нас во время оккупации был Васильев.
— Секретарь райкома?
— Да.
— Это он сказал?
— Да.
— Факты, где факты?
— Отряд ушел, я не знаю, почему они не сообщили о муже.
— Кто знал о его связи с отрядом?
— Начальник НКВД и Васильев.
— Ваш муж подозревается в убийстве Ерохина.
— Этого не может быть!
— Все может быть, особенно сейчас. Почему он прячется?
— Он боится, вы же сами знаете, чего боятся люди.
— Я знаю. Но я знаю и другое. честному человеку

нечего прятаться: правда всегда найдет дорогу. И помните, что если он большевик, вернее, опять стал им, то ему незачем прятаться. Я ухожу и прошу передать ему, что если он большевик, то он сам найдет меня. Найдет и расскажет об убийстве Ерохина.

ПОЛЕСОВ

Врач вышел. И они остались втроем: «мотоциклист», весь забинтованный, похожий на белую тряпичную куклу, сестра и он. Окно в палате было раскрыто, и поэтому горела синяя лампочка. В свете ее особенно резко выделялась обмотанная бинтами голова.

После операции, когда хирург пообещал Данилову, что «мотоциклист» жить будет, Иван Александрович приказал Полесову остаться. Во-первых, для безопасности задержанного, во-вторых, надеясь на то, что в бреду раненый скажет что-то важное для следствия. В палате было тихо, только раненый дышал тяжело, через силу. Казалось, что работает старая, изношенная паровая машина. Степан даже представил ее мысленно: текущие трубки, разработанный сухопарник, разношенные цилиндры. Точно такая стояла у них в техникуме когда-то. На ней практиковалось несколько поколений будущих специалистов по ремонту подвижного состава.

И вдруг он поймал себя на мысли, что не думает о задержанном как о человеке, и это сравнение с паровой машиной в другой ситуации никогда бы у него не возникло. Он не жалел «мотоциклиста», он думал только об одном: как вытянуть из него показания. И он сам внутренне подивился своей жестокости и равнодушию. И даже постарался представить его среди дорогих и близких ему, Степану, людей. Но так и не смог. Он видел только вскинутый автомат, потную челку, упавшую на лоб, и прищуренные пустые глаза.

Сама жизнь лишила его всего человеческого. Он сам сделал выбор, став за черту. А за ней для Степана находились только враги. И если до войны он понимал, что многих можно спасти и перевоспитать — ярким примером тому служил Мишка Костров, — то те, кто остался за чертой в самое трудное для страны

время, сами вынесли себе приговор. И разговор с ними должен быть коротким.

Время тянулось бесконечно. Но именно это однообразие успокаивало его, и Полесов постепенно начал думать о вещах приятных. Он вспомнил Клавдию и ее сильные ловкие руки, накрывавшие на стол. Он пытался вспомнить, о чем они говорили за столом, но так и не смог восстановить в памяти весь разговор, но главное он помнил. Они все-таки договорились встретиться. Степан сказал, что позвонит ей утром и уточнит время. Конечно, он может сказать Данилову, что надо еще раз сходить в Глуховку, поговорить с людьми, посмотреть. Но сама ложь претила ему, и он решил просто объяснить Ивану Александровичу все как есть, без уверток и глупой выдумки. Он поймет его, наверняка поймет.

Раненый застонал, сначала тихо, потом громче, заскрежетал зубами. Белый кокон бинтов зашевелился. Степан тронул сестру за руку.

— Ничего, — прошептала она, — так бывает, так часто бывает, почти всегда.

И снова наступила тишина, и снова остановилось время.

— Витя, — внятно и отчетливо произнес чей-то голос.

Полесов даже обернулся, но потом понял. И снова тишина.

— Я туда не доеду, — сказал раненый звучно, — у меня бензина не хватит. — Он застонал и затих.

— Бредит, — шепнула сестра, — он теперь все время будет бредить. Я их много, обожженных, видела.

А раненый продолжал стонать, ругаясь матом витиевато и грязно, и Степан уловил уже несколько блатных словечек, которые обычно употребляют профессионалы, и понял, что «мотоциклист», как говорит Данилов, «самый сладкий их клиент».

Степан даже сел ближе, наклонился над ним, но тот заскрипел зубами и затих.

— Сейчас я ему укол сделаю. — Сестра встала, загремела чем-то в темноте. — Пусть поспит спокойно. Ему сейчас главное — покой.

— Вы здесь начальник, — улыбнулся Степан, — вам видней.

— Вот скажите мне, — после паузы спросила се-

стра, — мы его вылечим, выходим, дорогих лекарств на него убьем массу, то есть отнимем их от раненых бойцов, а дальше?

— Что дальше?

— Ну вот, к примеру, мы бойца лечим или командира. Он за Родину пострадал. Встанет на ноги и в бой. А этот куда? К стенке? Так зачем же его лечить? Только для того, чтобы он показания дал? Так, что ли?

— Нет, не так. Мы еще не знаем, кто он. А может, он случайно попал в банду. Вылечим, выясним.

— Ну а если случайно?

— Значит, дадим возможность исправиться, вину искупить, и будет он таким же человеком, как и все.

— А если не случайно?

— Это суд решит. Наше дело следствию материалы представить. Так сколько он спать будет?

— Я думаю, до утра.

— Тогда я пойду.

Степан вышел из палаты в темный коридор. Больница спала тяжелым, нездоровым сном. Осторожно, стараясь не стучать сапогами, прошел он мимо дремлющей у столика дежурной медсестры и спустился на первый этаж в прихожую, залитую синим светом. Здесь уже можно было закурить, и Степан достал папиросы, чиркнул спичкой. Из синего мрака выдвинулась фигура милиционера.

— Это вы, товарищ начальник?

— Я. Ты что, один здесь?

— Нет, у палаты второй дежурит.

— Молодцы, а я его и не заметил.

— Служба.

— Где телефон?

— Вот здесь, на столике.

Степан подошел, поднял трубку. Минуты две она молчала, наконец женский голос ответил: «Город». Полесов положил трубку, так и не назвав номера. Произошло что-то необъяснимое. Он пока и сам не мог догадаться, что именно. Но это слово! Обычный отзыв телефонистки на коммутаторе: «Город!» Он звонил Данилову из Глуховки, и ему ответили: «Город». Заворг звонил Ерохину, и ему тоже ответили: «Город». Значит, был третий человек, слышавший все эти разговоры. И он сидел на коммутаторе. Так-так. Неужели он нашел? Третий слушал и передавал четвертому. А тот...

Вот на него-то и надо выходить через девицу с коммутатора. И как он раньше не догадался? Ах, идиот, идиот! Степан аж зубами заскрипел.

— Вы что, товарищ начальник? — спросил дежурный.

— Ничего. — Степан потянулся к телефону, потом отдернул руку. — Ничего. Вот что, ты знаешь, где мы разместились?

— Так точно.

— Дуй туда, то есть пусть ко мне сюда бегут. Понял? Скажи: важно это очень.

— А как же?..

— Я пока здесь побуду. Беги.

Он еще не верил сам, что нашел искомое. Слишком все это просто получается. Но ведь тот, кого они ищут уже третий месяц, человек неглупый. Ох какой неглупый. Умный он и коварный. Поэтому и нашел самый простой, а вместе с тем невероятно необычный канал связи. Нет, не только связи, но и информации. Его ищут, шлют телефонограммы, а те сами к нему приходят. Нет, этот противник не хуже покойного Широкова.

Степан, забывшись, нервно мерил шагами вестибюль больницы. Но чего они там, почему так долго не идут? И вдруг он поймал себя на том, что думать об этом начал настороженно, будто кто-то сможет подслушать его мысли. Полесову даже не по себе стало. Минут через двадцать распахнулась дверь и вбежал Сережа Белов.

— Где Данилов?

— Не знаю, ушел куда-то с Быковым.

— А Муравьев?

Сережа пожал плечами.

— Вот что, Белов, — Степан вплотную приблизил лицо, — по-моему, я нашел связника, надо его установить.

— Я слушаю вас.

— Нет, пойдем вместе. Только вместе.

— Товарищ, — Полесов повернулся к милиционеру, — нам в Москву позвонить надо срочно, где у вас телефонный узел?

— На Коминтерна, это сразу за площадью, я бы вас проводил...

— Ничего, вы только объясните, как добраться побыстрее.

— Вы из больницы выйдете и направо, потом мимо каменного дома. Правда, темно сейчас, это мы, здешние, все помним.

— Мы найдем. Если меня будут искать, скажите, куда пошел.

— Есть, товарищ начальник.

Даже после синего полумрака прихожей темнота ослепляла. Она накрыла город плотным покрывалом без проблесков и звезд. Они шли по улице, иногда светя под ногами тонкими лучами карманных фонарей. Шаги их гулко отдавались на деревянных тротуарах. По дороге Степан рассказал Белову о своих подозрениях. Решение было принято одно: сегодня же, прямо ночью проверить тех, кто работал на коммутаторе шестого августа и вчера. О том, что должно это дать розыску, Полесов не думал. За время работы в милиции он приучил себя точно придерживаться первоначального этапа версии. Излишняя фантазия всегда ведет к горечи разочарований. А их у него случалось достаточно. Сейчас ему нужно было, чтобы совпали два дежурства одного и того же человека. Вот только после этого он вправе выстраивать дальше цепочку предположений.

Они долго блуждали по темным улицам вокруг площади, мысленно кляня безлюдность ночного города. Наконец совершенно случайно Белов заметил узкую полоску света, лежащую на крыльце.

— Степан Андреевич, я пойду спрошу, — сказал он, — а то мы так до утра здесь лазить будем.

Сергей поднялся по ступенькам, толкнул дверь, она оказалась открытой. Полесов шагнул за ним. Они еще не успели даже войти в дом, как в маленьком, ярко освещенном тамбуре появился человек в форменной тужурке НКС, перетянутой ремнем с кобурой.

— Вам кого?

Глаза человека смотрели настороженно, рука лежала на кобуре.

— Мы из милиции, — Полесов достал удостоверение, — ищем телефонный узел.

— Он здесь находится, я его начальник.

— Нам бы хотелось поговорить с вами.

— Пойдемте.

Они вошли в большую комнату, заставленную огромными рамами с проводами, в центре ее блестела лаком и медью старая панель коммутатора, над ней горела маленькая лампочка. Какая-то женщина с полукружьем наушников на голове пристроила к свету растрепанную книжку. Она на секунду повернула голову, но тут загорелся красный глазок.

— Город. Соединяю.

Что-то щелкнуло, и в металлическое кольцо плотно вошел штекер на гибком шнуре.

Вслед за начальником оперативники миновали зал и вошли в маленькую комнату с небольшим телефонным пультом и письменным столом в углу.

— Мой кабинет, — словно извиняясь, сказал начальник.

— Ничего. — Степан присел на край стола, — вы партийный, товарищ?..

— Макаров Павел Сергеевич... Да, с двадцать четвертого.

— Дело у нас такое, секретное дело. О нашем разговоре никто не должен знать.

— Я понимаю, органы и все такое.

— Правильно понимаете. Так вот что нам скажите. У вас есть график дежурств сотрудников?

— Кто вас интересует? Монтеры? Техники?

— Нет, телефонистки.

— Конечно. Они как раз работают строго по графику. Правда, бывают замены, но редко.

— А график далеко?

— Не очень, как раз за вашей спиной.

Степан обернулся. На стене был прикреплен разграфленный кусок ватмана.

— Этот?

— Он.

— Кто дежурил у вас утром шестого августа?

Начальник узла связи чуть прищурил глаза, приглядываясь.

— Дробышева Нина. Нина Васильевна.

— А сегодня, вернее — вчера в шестнадцать часов.

— Она тоже.

— Ага, — Степан сжал кулаки так, что ногти больно впились в ладонь. — Так. Что вы о ней сказать можете?

— А что сказать. Женщина она молодая, видная из

себя. Незамужняя. Вроде ничего за ней плохого не замечали.

— Что она при немцах делала?

— Да вроде ничего, как и все, дома пряталась. Ну, конечно, поговаривают, мол, с военными она крутит. Да кто ее судить-то может! Незамужняя, живет одна.

— Давно она в городе?

— Нет. Перед самой войной приехала.

— Откуда?

— С Украины. Точно не помню. Если надо, я могу личное дело посмотреть.

— Не надо.

Степан помолчал. Его начали уже настораживать совпадения. Как профессионал, он давно уже четко уяснил, что, чем больше случайных совпадений, тем меньше вероятность надежности версии. А здесь как-то все на Украине замыкается. И Гоппе, и Володя Гомельский.

— Вы не могли бы ее нам внешне описать?

— Видная она. Интересная такая блондинка.

— А сколько ей лет?

— Двадцать восемь.

— Подождите-ка, — Полесов задумался. Неужели опять совпадение? Неужели это та самая блондинка, приходившая к Шантрелю, которую они так долго и тщетно искали в Москве. — А она в Москву часто ездит?

— До войны случалось, а теперь нет. Да и когда? У нас работы невпроворот.

— А что вы об ее личной жизни знаете?

— Да как сказать, — начальник узла смущенно улыбнулся. — Говорят, у нее какой-то военный есть. Да, знаете, как таким разговорам верить... Чего угодно наговорить могут.

— Вспомните, пожалуйста, утром шестого и вчера в шестнадцать часов Дробышева никуда не уходила?

— Вот насчет шестого не помню. Знаете, наши девушки дежурят сутками, иногда просят подменить на полчасика. Я всегда подменяю. Им то в магазин карточки отоварить надо сбегать, то домой. А вчера в это время подменял я Дробышеву. Точно подменял. Она домой отпрашивалась. Правда, недолго ходила.

— А когда она вернулась, вы ничего особенного не заметили?

— Да нет. Ничего. Пришла, надела наушники и начала работать.

— Хорошо, Павел Сергеевич, — Полесов встал, — дело очень важное, у меня к вам просьба. Проведите нас к Дробышевой домой.

— Пожалуйста. Только дежурного монтера разбужу.

Начальник узла вышел. В комнате повисло молчание. Потом Полесов сказал тихо:

— Это она, Сережа, и мы ее возьмем сегодня.

— Может, людей позвать? Ребят из райотдела.

— Не стоит, что мы, втроем одну бабу не задержим? Задержим.

Уже на улице, по дороге к дому Дробышевой, Степан спросил начальника узла:

— А вам, Павел Сергеевич, стрелять-то из своего нагана приходилось?

— Мне? — в темноте не было видно лица, но Полесов понял, что его собеседник улыбнулся. — Мне приходилось. На Халхин-Голе, я там командиром взвода телефонистов был. Там меня ранило, и списали вчистую. Потом здесь уже в ополчении дрался. Опять ранили...

— Это замечательно...

— То, что ранен?

— Да нет, я о другом. Мы с вами, Павел Сергеевич, в дом пойдем, так что вы наган-то переложите из кобуры, а ее застегните: вроде он там.

— А зачем?

— На серьезное дело идем.

— Как у вас в угрозыске все странно.. Женщину задержать — и столько приготовлений!

— Да нет, просто у нас все наоборот. Совсем просто. Только работа у нас такая, что ничего заранее предусмотреть нельзя. Идешь вроде к женщине, а попадаешь в банду. Так-то. Особенно здесь, в прифронтовой зоне. Скоро?

— Да вот на той улице.

— Выходит, она на самой окраине живет.

— Вроде того. Ну вот и пришли.

В темноте дом казался вымершим. Степан прошелся вдоль забора, толкнул калитку. Она оказалась запертой.

— Собака у нее есть?

— Нет.

— Сергей, давай через забор.

Белов подошел, поднял руку, измеряя высоту, потом подскочил, уцепившись руками за край. Степан подтолкнул его, и Белов легко перебрался во двор. Он несколько минут повозился с замком, щеколда тихо звякнула, и калитка открылась.

— Так, — Полесов всмотрелся в темноту, — стойте здесь, я обойду дом.

Вернулся он через несколько минут.

— Сережа, стань к той стене, — прошептал он, — там два окна. Если что...

— Есть, — Белов, осторожно ступая, скрылся в ночи.

— Ну, Павел Сергеевич, — Полесов наклонился к начальнику узла, — пошли, и если что...

— Я понял.

— Стучи.

Дверь снаружи была обита дерматином, и стук получался глухой. Они постояли, послушали. В глубине дома все было тихо. Тогда Полесов спустился с крыльца и сильно ударил в ставню. Потом еще и еще.

— Кто там? — спросил испуганный женский голос.

— Это я, Дробышева, Климов.

— Павел Сергеевич?

— Он самый.

— Да что же такое?

— Ты открой, что я из-за двери кричать буду. Валю подменить надо. Заболела.

— А вы один?

— Нет, всех монтеров с собой взял. Конечно, один.

— Я сейчас. Оденусь только.

— Давай быстрее.

Степан, припав к двери, настороженно слушал дом. До него доносился какой-то стук, чьи-то легкие шаги, шорох. Нет, он не мог определить, — одна ли была Дробышева или кто-то еще прятался в темной духоте дома.

— Я войду, — тихо сказал он Климову, — а ты в дверях стань. Чтоб мимо тебя никто!

— Не пройдет.

И по этому твердому «не пройдет» Степан понял, что Климов шутить не будет, что вряд ли кто-нибудь прорвется мимо живого связиста.

А дом между тем ожил. Шаги послышались за

дверью, и свет из щели на крыльцо выполз. Загремели засовы, и дверь распахнулась.

На пороге стояла женщина, лица ее Полесов не разобрал, в левой руке она держала керосиновую лампу, правой запахивала халат у горла.

— Ой, — сказала она тихо, — вы же не один, Павел Сергеевич.

— Ничего, ничего, — Степан начал теснить ее в комнату, — идите, гражданка Дробышева, я из уголовного розыска.

— Зачем это, зачем, — голос ее срывался, и она, отступая, поднимала лампу все выше и выше. Пятна света прыгали по прихожей, выхватывая из мрака углы, прихожая была маленькая, заставленная какими-то старыми картонками, обои на стене пузырились и отставали. Все это Степан уловил краем глаза. И понял, что здесь никто спрятаться не может, и дверь в прихожую выходит всего одна.

— Климов, — позвал он и услышал, как тот вошел в прихожую.

— Вы, гражданочка, засветите-ка лампу как следует и еще что-нибудь зажгите. Только быстренько.

Дробышева выкрутила фитиль, и сразу же в маленькой столовой, обставленной старой, резной, потемневшей от времени мебелью, стало светло и уютно.

На столе стояли остатки ужина, бутылка вина и недопитая бутылка водки. Но главное, что увидел Степан, — два прибора.

— Вы одна в доме?

— Конечно, — Дробышева пожала плечами.

— А это? — Степан кивнул на стол.

— Вечером заходил мой знакомый, мы закусывали.

А Полесов тем временем быстро оглядывал комнату. Вот дверь закрытая, стол с закуской, этажерка с патефоном, буфет тяжелый, резной, на нем какие-то безделушки, собачка, поднявшая лапу, мальчик со свирелью, охотник...

Мелькнул Наполеон, поблескивая серебряным сюртуком и шляпой, стоял между бронзовым охотником и чугунной собачкой. Сложив на груди руки, он спокойно глядел на человеческую суету, словно осуждая ее и жалея людей.

И тут Степан совершил ошибку. Он подошел к буфету и схватил серебряную фигурку. Шагнув к буфе-

ту, он на секунду оказался спиной к двери, ведущей в другую комнату.

— Откуда она у вас? — Степан повернулся и сразу увидел открытую дверь и, рванув из кармана наган, понял, что уже опоздал.

Его сначала обожгло и отбросило к стене, и он упал, потянув за собой стул, но, падая, он все же поднял наган, только выстрелить не успел: вторая пуля словно припечатала его к полу. И, умирая, он услышал голос Климова, но слов так и не смог разобрать. А потом он увидел фонтан, и вода в нем падала бесшумно, постепенно темнея. Он хотел позвать Муравьева, хотел, но не смог.

— Ложись, сука! — крикнул Климов Дробышевой.

Из темноты спальни ударил выстрел, и пуля рубанула по косяку так, что полетели щепки. Климов присел и выстрелил из нагана трижды, потом одним броском пересек комнату и опрокинул стол, надежно загородившись его дубовым телом. Он прислушался. Тихо. Только, забившись в угол, всхлипывала Дробышева. Что делать дальше, Климов не знал. И поэтому приказ охранять выход принял для него особый и очень важный смысл. Он исходил из какого-то не им придуманного плана, и в этом плане ему была отведена особая роль. И как человек военный, бывший лейтенант Климов знал, что приказ надо выполнять точно. Он вынул из кармана три патрона и засунул их в пустые гнезда барабана. Теперь он был готов.

На крыльце послышался топот. Бежали несколько человек, но это не смутило Климова. Он поднял наган. В комнату ворвался сержант с автоматом и двое бойцов.

— Кто?.. Кто стрелял?

И вдруг сержант увидел Степана, лежавшего на полу, он сделал шаг к нему, вглядываясь.

— Степа! Полесов! — сержант бросился к убитому.

Когда они ворвались в спальню, то увидели маленькую дверь, ведущую в кладовку, и поднятую крышку люка погреба.

— Выходи! — крикнул сержант. — Выходи, сволочь!

Он вскинул автомат, и гулкая очередь разорвала тишину. На пол со звоном посыпались гильзы.

— Прикройте меня! — крикнул сержант и спрыгнул вниз.

Через несколько минут в глубине подвала вспыхнул свет фонаря.

— Ну что, Миша? — один из бойцов наклонился к люку.

— Ход там, видно, во двор. — Голос сержанта звучал глухо.

ДАНИЛОВ

Он глядел невидящими глазами и не верил. Нет, Данилов не мог смириться с тем, что в углу комнаты лежал, разбросав руки, убитый Полесов. Но тем не менее это случилось, две пули, выпущенные бандитом, оборвали его жизнь, и она ушла из этого большого и сильного тела.

Данилов стоял молча, изо всех сил пытаясь справиться с тяжкой волной ненависти, захлестнувшей его. Она, как алкоголь, парализовала сдерживающие центры, мутила разум. И уже кто-то другой, а не он стоял в этой комнате и тяжелым взглядом смотрел на забившуюся в угол Дробышеву. Кто-то другой тихо скреб пальцами по крышке кобуры, еще не решаясь расстегнуть ее и вынуть оружие. Потому что если ты достанешь пистолет, то должен, просто обязан выстрелить.

— Не надо, Иван Александрович, не надо, — сказал сержант и стал рядом с ним, — незачем вам из-за этой суки в трибунал идти.

— Это ты прав, Миша, прав, не наступило время трибунала. — Данилов сказал это почти автоматически и только тут понял, что говорит с Костровым, с Мишкой Костровым, о котором думал последние несколько дней.

— Это ты, Мишка?

— Я, Иван Александрович.

— Видишь, горе у нас какое. Ах, Мишка, Мишка.

А дом заполнялся народом. Приехали люди из райотдела и из госбезопасности. Уже протокол писали, и Климов кому-то давал показания. И все они занимались его, Данилова, делом.

— Белов, — спокойно позвал Данилов.

— Здесь, товарищ начальник.

— Немедленно прикажи посторонним оставить помещение.

— Есть.

— Сержант Костров, задержитесь, — добавил Данилов.

— Есть.

Теперь в нем словно сработала какая-то система: ушла ненависть, и жалость ушла, остался только профессионализм.

Иван Александрович наклонился над убитым, провел рукой по лицу, закрывая глаза, внимательно рассмотрел пол рядом с телом Степана. Рядом с правой рукой лежал наган, левая намертво сжимала какой-то блестящий предмет. Данилов с трудом разжал пальцы и высвободил из них фигурку Наполеона. Он перевернул ее печаткой к свету, посмотрел инициалы.

— Где врач? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Здесь, — ответил Белов.

— Пусть увозит тело.

Он сказал и сам удивился. Как он мог сказать это слово? Тело. А чье тело! Это же Степа Полесов, спокойный, рассудительный, справедливый и добрый Степа Полесов. Один из самых лучших его, Данилова, друзей. Но он опять сжал внутри какую-то одному ему известную пружину. Начиналась работа, сыск начинался, и у него не должно быть эмоций и переживаний, только объективная реальность.

А в доме шла работа. Оперативная группа райотдела НКВД внимательно осматривала каждый уголок дома, подвал, чердак. На стол ложились пачки писем, обрывки бумажек с надписями, деньги, ценности. Данилов бегло осматривал все это, но пока ничего интересного не было. Правда, нашли несколько ящиков водки, муку, сахар, консервы. Иван Александрович поглядел на задержанную, она сидела в углу, крепко сцепив на коленях руки, и остановившимся взглядом смотрела в тот угол, где еще десять минут назад лежало тело Полесова.

— Гражданка Дробышева! — громко позвал Данилов.

Она не шевельнулась, даже глаз не повернула в его сторону. Стоявший рядом с ней милиционер потряс Дробышеву за плечо.

— Да... Да... Что? Это не я... не я... Это все он... он...

— Кто он? — Данилов шагнул к ней.

Дробышева вскочила и прижалась к стене, закрыв лицо руками.

— Кто он? — повторил Данилов.

— Я скажу, я все скажу, я не хотела... — И она заплакала, почти закричала.

— Дайте ей чего-нибудь, пусть успокоится, — приказал Данилов милиционеру.

И пока Дробышева пила воду, стуча зубами о край стакана, он уже для себя решил твердо, что начнет допрос немедленно, пока она находится в состоянии нервного шока. Главное — не дать ей успокоиться.

— Я предлагаю вам, — наклонился он к Дробышевой, — добровольно указать место, где ваши сообщники прячут ценности, оружие и боеприпасы.

— У меня нет ценностей... Нет... А в сарае они что-то закапывали под дровами, а что, я не знаю. Только запишите, я добровольно, я сама... Чего же вы не пишете?! Почему?!

— Тихо, без истерики. Все запишем и дадим подписать вам. Смотрите за ней, — скомандовал Данилов милиционеру и пошел к двери.

На дворе уже светало. И в сероватой синеве все уже различалось отчетливо. Из-за закрытых дверей сарая пробивался желтый свет фонарей.

— Они там копают, — тронул Данилова за рукав Быков, — как же так, Иван Александрович, а?..

— Не надо об этом, не надо сейчас... Потом, Быков, потом.

Дверь сарая распахнулась, и вышел Плетнев.

— Есть, — устало сказал он, — нашли.

— Что там?

— Патроны в цинках, два автомата, пулемет РПД и золото.

— Много?

— Да нет, небольшой такой ящичек, но полный.

— Надо оформить как добровольную выдачу.

— Какая разница, — улыбнулся Плетнев. — Этой уже не поможешь. По нынешним временам все равно стенка.

— Это трибуналу решать, а не нам с тобой. Наше дело всю правду написать, все как на самом деле было.

— Вы какой-то странный товарищ Данилов, — Плетнев пожал плечами, — она вашего опера заманила в засаду, а вы...

— Его никто не заманивал, он сам шел, и, между прочим, шел за правдой и погиб за нее. Поэтому мы, живые, с ней, хорошей этой правдой, как со шлюхой обращаться не имеем права. Этому, между прочим, нас партия учит.

— Ну как хотите, я, конечно, распоряжусь.

— Давайте, и все документы мне.

— А нам?

— Вы себе копии оставите, а я бумагу соответственную сегодня же напишу.

— Добро.

Плетнев опять вернулся в сарай, а Данилов достал папиросу, размял табак. Его уже не интересовало, что нашли в сарае, главное было зажато в холодной руке Степана. Та самая печать, серебряная фигурка Наполеона, похищенная из дома Ивановского. Значит, человек, убивший Ерохина, точно находится здесь, где-то совсем недалеко, в нескольких километрах. Ну что ж, пора начинать допрос Дробышевой. Пора.

Они сидели в спальне. Данилов на стуле, Дробышева на разобранной постели. Данилов старался не смотреть туда, ему казалось, что он видит на этих простынях отчетливый силуэт человека, того самого, который стрелял в Степана. Дробышева сидела, безвольно опустив плечи, зажав кисти рук между коленями. Окно было открыто, на улице стало почти совсем светло, но в комнате еще прятались остатки темноты, и поэтому лицо Дробышевой казалось особенно бледным.

— Что мне будет? — спросила она.

— Это решит суд, — Данилов встал, прислонился к стене.

— Я скажу всю правду.

— Единственно разумное решение.

— Спрашивайте.

— Откуда у вас эта печать?

— Наполеон?

— Да.

— Мне его подарил Музыка.

— Когда?

— В мае.
— Где?
— Здесь, у меня.
— При каких обстоятельствах?
— Они вернулись из Москвы: они последнее время туда часто ездили...
— Кто они?
— Музыка Стасик и Бронек, его брат, Виктор Калугин, их шофер.
— Кто это такой?
— Я не знаю. Он при немцах шофером в полиции служил.
— А что делал до войны?
— Он из этих мест. Судимый, тоже был шофером.
— Так, кто еще?
— Сережа, его они так звали. Нет, они его называли Серый, он всегда в военной форме ходил. Веселый был, смеялся, пел хорошо.
— Фамилия Серого?
— Не знаю. Они его Серый да Серый звали.
— Кто еще?
— Еще четыре или пять человек с ними, но я их видела мельком, я ничего не могу сказать.
— Хорошо, вернемся к печати.
— Ну вот, они приехали, Бронек и Виктор Калугин, из Москвы.
— Когда точно?
— Не помню. Ко мне они ночью пришли. Пили сильно, и Бронек все плакал, он Стасика вспоминал, убитого, и поклялся за него отомстить.
— В каких вы отношениях были с братьями Музыка?
— Я дружила со Стасиком.
— Дружила, иначе говоря...
— Да, иначе говоря, спала. Я любила его. — Дробышева поднялась, и впервые за все время разговора глаза у нее оживились. Даже лицо стало другим, оно разгладилось, тени на нем исчезли и появился румянец. И голос стал звонким. Таким голосом люди обычно отстаивают свою правоту.

Данилов глядел на нее и думал о великой силе любви. О том, что только она может подняться надо всем: правдой, разумом, гражданственностью. Да, эта жен-

щина, безусловно, любила бывшего начальника полицейской «шнель-командо» Станислава Музыку, и ей было безразлично, что делал он, кого убивал, после каких дел приходил в этот дом. Она просто любила. Нет, не просто. Она невольно становилась сопричастной к жизни этого человека, становилась его помощником, а следовательно, врагом всего того, что защищал Данилов, значит, такую любовь он оправдать не мог. И была она для него сейчас не любовницей Станислава Музыки, а его соучастницей.

— Давайте оставим лирику, — резко сказал Иван Александрович, — лучше займемся фактами. Итак, как вы стали соучастницей Станислава Музыки?

— Я с ним познакомилась в октябре сорок первого.

— Когда пришли немцы?

— Да.

— Вы знали, чем он занимается?

— Да.

— И тем не менее поддерживали с ним отношения?

— Да! Да! Да! Мне было безразлично. Наплевать мне на все было! На вас, на немцев! Я его любила, понимаете это?

— У меня хороший слух, так что кричать не надо.

— А я не кричу, я плачу.

— Это тоже лишнее. Вы находитесь на допросе, и мне нужны факты, а эмоции можете оставить при себе. Кто-нибудь знал о ваших отношениях?

— Только его брат.

— Что было потом?

— Когда немцев выбили, они прятались у меня.

— Кто?

— Братья Музыка, Виктор Калугин и Серый.

— Долго?

— Неделю.

— А потом?

— Потом они закопали какие-то ящики в сарае и ушли.

— Куда?

— Этого я не знаю.

— Предположим. Часто вас посещал Станислав Музыка?

— Часто. Раза два в неделю.

— А он не боялся приходить к вам?

— Вам не понять этого. Он меня любил.
— Что вы собирались делать дальше?
— Стасик говорил, что они должны кое-что сделать, и тогда у нас будет много денег, и мы уедем в Ташкент.

— Что именно сделать?
— Этого он мне не говорил.
— Он приходил один?
— Да.
— А после его смерти?
— После его смерти пришел Бронислав и просил меня помочь ему.
— Конкретно?
— Он назвал мне несколько фамилий людей, и все, что услышу о них, я обязана была передавать.
— Кому?
— Ему или Виктору.
— Как?
— Они по очереди ночевали у меня.
— У вас или с вами?
— У меня.
— В числе названных была фамилия Ерохина?
— Да.
— Что вы еще передавали ему?
— Многое. Все переговоры милиции, сообщение о вашем приезде, о том, что в Дарьине нашли свидетеля.
— Так. Ясно. Кто был у вас сегодня?
— Я его видела впервые, его прислал Бронислав, звали его Константин.
— Зачем он находился у вас?
— Бронислав сказал, что для связи. Ему было необходимо знать, что вы собираетесь предпринять.
— Ясно. Кстати, он не дарил вам никаких украшений?
— Нет. Только Наполеона подарил. Сказал: «Возьми на память о Стасе».
— Хорошо. На сегодня пока все. Подпишите протокол.
Данилов повернулся к Белову, сидящему за столом у окна:
— У тебя все готово?
— Так точно.
— Дай подписать и отправь в райотдел.
Он повернулся и вышел.

«Ах ты, Мишка, Мишка! Вот ты какой стал, мой крестник. Сержант, две медали «За отвагу». Молодец, ай какой молодец!» Данилов глядел на Кострова, на гимнастерку его ладную, на медали и радовался. Нашел-таки дорогу свою в жизни бывший вор Мишка Костров. Да нет, он ее уже давно нашел, еще до войны, только шел по ней неуверенно, как слепой, палочкой дорогу эту трогая. А теперь нет, шалишь. Теперь его ничто не заставит свернуть с нее. Настоящим человеком стал Мишка Костров.

— Ну что, Михаил, теперь давай поздороваемся.

Они обнялись. И постояли немного, крепко прижавшись друг к другу.

— Вот видишь, горе у нас какое.

— Это я, Ван Саныч, виноват. Я упустил гада этого. Эх, — Мишка скрипнул зубами, замотал головой,— я бы его за Степу...

— Еще успеешь. Я тебе эту возможность предоставлю.

— Правда?

— А когда я тебе врал?

— Никогда.

— То-то. Ты где служишь?

— После ранения при комендатуре нахожусь. А так я в разведроте помкомвзвода был. Подбили меня, попал сюда в госпиталь, потом в команду выздоравливающих, ну а потом сюда. Но, говорят, временно, Иван Александрович, — Мишка искательно заглянул в глаза Данилову. — Как мои там?

— Нормально. Заезжал к ним, продуктов завез. Я же их эвакуировать хотел. Да жена у тебя с характером.

— Малость есть, — довольно усмехнулся Мишка, — чего, чего. Так как же она?

— Ждут тебя, беспокоятся. Письма твои читать мне давали, фотографию из газеты показывали, где генерал тебе руку жмет.

— Это под Можайском генерал Крылов, комкор наш, первую медаль мне вручает.

— Да уж слышал о твоих подвигах, — Данилов чуть усмехнулся.

— Какие там подвиги. А вы, значит, по-прежнему.

— Как видишь, нам генералы руку не жмут. Нас, брат, они в основном ругают.

— Да вы скажете.

— Значит, слушай меня, Миша, сегодня в двадцать часов придешь в райотдел НКВД, там тебя к нам проводят. С начальством твоим согласуют. А я пойду, Миша, плохо мне сейчас.

— Я понимаю, Иван Александрович, понимаю.

Данилов притиснул Мишку к себе, тяжело вздохнул и, резко повернувшись, пошел по переулку, Мишка взглянул ему вслед и поразился. Он видел только спину, перерезанную ремнем портупеи, и в этой спине и опущенных плечах было столько горя, что у Кострова защипало глаза.

Во дворе дома на подножке «эмки» сидел Быков. Данилов прошел мимо него, потом остановился, вспоминая. Быков встал.

— Вот что, у тебя где коньяк?

— Здесь, в машине.

— Принеси, — сказал Иван Александрович и, тяжело ступая по скрипучим ступенькам, поднялся в дом.

В комнате он снял портупею, бросил ее на кровать, расстегнул крючки гимнастерки. Вошел Быков с бутылкой. Он остановился в дверях, не решаясь войти в комнату.

— Ну, чего стоишь, — не оборачиваясь, сказал Данилов, — наливай.

— И себе?

— И себе налей. Помянем Степу.

Быков разлил всю бутылку в две кружки.

— Закусим чем, а, товарищ начальник?

— Ты как хочешь, я так прямо. — Данилов подошел к столу, взял свою кружку, несколько минут глядел на темную жидкость, подступившую к краям, и выпил ее в три глотка. Потом постоял немного, опустив голову, и снова отошел к окну.

— Вы бы поспали, Иван Александрович.

— Ладно, Быков, ты иди, иди. Мне одному побыть надо.

Данилов сел на кровать, внимательно прислушиваясь к себе. Алкоголь горячим огнем разливался по жилам, словно запруду ломал где-то под сердцем. Очень давно, когда он пришел на работу в бандотдел ЧК,

у него был друг. Веселый и добрый Миша Резонов, студент-технолог, влюбленный в революцию. Они работали в одной бригаде и дружили сильно, взахлеб, как это случается только в молодости. Зимой девятнадцатого под новый год, когда они проводили очередную проверку в гостинице «Лиссабон», Миши не стало. И случилось все это глупо, совсем глупо. Когда они уже выходили в вестибюль, из дверей номера выскочил совершенно пьяный мальчишка в замшевом френче и офицерских бриджах и, крича что-то непонятное, стал палить вдоль коридора. Он был смертельно пьян, еле стоял на ногах, наган в его руке прыгал и описывал круги. Но все же одна пуля кусанула Мишу в висок. Увидев, как падает Резонов, Данилов с первого выстрела завалил бандита.

Потом они приехали в ЧК, и Данилов молчал и не говорил ничего, только почернел весь. Зашел в комнату начальник бригады Чугунов. Бывший прапорщик по адмиралтейству, выслужившийся во время войны из матросов, поглядел на него и запер дверь. Потом из-за дивана достал бутылку водки и налил Данилову стакан.

Иван с удивлением посмотрел на начальника.

— Пей, — сказал Чугунов, — только сразу. Так надо.

Данилов, давясь, выпил водку, и ему стало тепло и грустно. Придя к себе, он заперся, сел за стол и заплакал. И горько ему было, но вместе с тем боль, сжимавшая грудь, уходила вместе со слезами, точно так же, как в детстве, когда он дрался с гимназистами на пустыре за артиллерийским заводом.

Но восемнадцать — это не сорок два. В юности все проще, легче приобретаешь друзей, спокойнее расстаешься с ними. После сорока друзья становятся как бы частью тебя самого, и потеря их напоминает ампутацию без наркоза. Да и плачется труднее, кажется, что жизнь высушила тебя и нет уж больше слез, есть только пронзительная горечь утраты, невероятной болью разрывающая сердце.

И чтобы заглушить эту боль, Данилов лег лицом в подушку и заснул сразу, словно провалился в темную глубину.

Проснулся Данилов так же внезапно, как и уснул.

Сон освежил его, и чувствовал он себя почти хорошо, но тяжелое чувство утраты так и не покинуло его. В комнате было прохладно, остро пахло зеленью, и Иван Александрович понял, что прошел дождь. Он поглядел на часы, вытянувшиеся в одну прямую линию стрелки показывали восемнадцать. Значит, он проспал почти двенадцать часов.

Иван Александрович натянул сапоги и вышел на крыльцо. У машины на перевернутых ящиках сидели Быков, Муравьев и Сережа Белов. Они смотрели на начальника и молчали.

— Сейчас я побреюсь, — сказал Данилов, — и ты, Игорь, зайди ко мне ровно через двадцать минут.

— Хорошо.

Данилов повернулся и пошел в дом.

Ровно через двадцать минут Игорь вошел в комнату. Начальник стоял у окна свежевыбритый и холодно-официальный.

— Значит, так, — он помолчал, побарабанил пальцами по подоконнику, — значит, так, — повторил Данилов, словно стараясь собраться с мыслями.

Игорь понял, что начальник весь еще полон событиями этой ночи.

— Ты едешь в Москву, — наконец сказал Данилов.

— В Москву? — удивленно переспросил Муравьев.

— Да, в Москву, на, читай, — Данилов подошел к столу, расстегнул полевую сумку, вынул спецсообщение.

Муравьев пробежал глазами, вернул Данилову.

— Это обязательно? — спросил Игорь.

— Просто необходимо, — Данилов сунул руку в карман галифе и, не разжимая кулака, поднес ее к лицу Муравьева. Когда он раскрыл пальцы, то на ладони лежала серебряная фигурка Наполеона.

— Тот самый?

— Да.

— Где?

— У Дробышевой.

— Так. Значит, вышли.

— Вышли. Теперь нам нужен Гомельский и Гоппе. От них сюда нитка тянется. А у нее, у нитки этой, два конца. На одном — Музыка, на другом — Шантрель. Они-то думают, что мы их здесь трясти будем, и постараются, чуть что, в Москву уйти, а там мы.

— Как думаете, Иван Александрович, подход к Гомельскому есть?

— Есть.

— Кто поможет?

— Костров.

— Мишка?

— Мишка.

— Где же он?

— Скоро будет здесь.

МОСКВА. Август

— Ну, Муравьев, знаю, слышал о ваших делах. — Начальник МУРа встал, пошел навстречу Игорю. — Жаль Полесова. Очень жаль. Редкой души человек и прекрасный работник. Похоронили его?

— Да.

— Где?

— Прямо там, на кладбище. Все как положено, оркестр, цветы, памятник. Только ему это без разницы.

— Ему да, а нам нет. Делу нашему не без разницы, как хоронят людей, отдавших за него жизнь. Ты мне эти разговоры брось.

— Он мой друг...

— И мой, и Серебровского, и Муштакова, и Парамонова. Мы все друзья. Так-то. Ну, садись, поговорим. — Начальник нажал кнопку звонка. В дверях появился Осетров.

— Где Муштаков?

— В приемной.

— Проси.

— А, Игорь Сергеевич, — улыбнулся, входя, Муштаков, — значит, мы с вами работать будем?

— Да.

— Ну и прекрасно, — Муштаков уселся в кресло, аккуратно поддернув выглаженные брюки, — можно докладывать?

— Давай, — начальник закрыл ладонью глаза, — начинай.

— Видите ли, Игорь Сергеевич, — Муштаков сделал паузу, словно обдумывая следующее предложение,

поглядел на Игоря, — данных у нас немного. Согласно нашей сводке-ориентировке о Гомельском были предупреждены все сотрудники милиции. Второго августа постовой милиционер заметил похожего человека на Тишинской площади. Он немедленно сообщил в 84-е отделение милиции. Оперуполномоченный Ларин, приехавший туда, также опознал Гомельского. Он довел его до Большого Кондратьевского и там потерял. Гомельский скрылся. Ларин работник опытный, на следующий день он опять был на площади. В одиннадцать часов Гомельский появился вновь и опять исчез на углу Большого Кондратьевского.

— Там проходные дворы, — сказал Игорь.

— Теперь все дворы проходные, заборы-то сломали на дрова. — Начальник опустил руку. — Ты продолжай, Муштаков.

— По оперативным данным нам стало известно, что Гомельский часто бывает именно в этом районе и даже посещает пивную.

— Это которую? — поинтересовался Муравьев.

— Знать надо, — усмехнулся начальник, — она там одна.

— Да я этот район не очень...

— Придется изучить. Ну, какие у тебя соображения, Муравьев?

Игорь помолчал немного. Вопрос начальника застал его врасплох.

— Видите ли, — начал он.

— Нет, так не пойдет, — начальник хлопнул ладонью по столу, — я смотрю, у тебя и плана нет.

— Есть.

— Тогда излагай.

— Мы продумали два варианта. Первый: установить дежурство и арестовать Гомельского.

— Ишь ты, — начальник иронически поглядел на Игоря, — один думал или с Даниловым вместе? А если Гомельский туда больше не придет? Тогда что?

— Тогда на него должен выйти Костров.

— Где он? — Начальник встал.

— У меня дома сидит:

— Что же ты раньше мне не сказал, — он поднял трубку телефона, — машину. Едем, — начальник повернулся к Игорю, — к тебе в гости.

Из окна комнаты был виден двор. Совсем крохотный, с чахлыми акациями. Дома обступили его со всех сторон неровным квадратом. Они были старые, облезлые от дождя, поверх дерева покрытые штукатуркой, потерявшей цвет. В некоторых местах она обвалилась, обнажая дранку, уложенную крест-накрест. Окна первых этажей были почти у самой земли, на подоконниках стояли горшки с непонятными цветами, лежали худые жуликоватые коты.

Мишка знал, что двор имеет три выхода. Один на Большой Кондратьевский, другой — на пустырь и один на Большую Грузинскую. Удобный оказался дворик, ничего не скажешь. Для всех удобный. Только те, кто знает об этих выходах, даже не догадываются, что закрываются они очень легко, и тогда из этого дворика никуда не выйти.

Мишку привезли сюда ночью. По легенде, придуманной ему Муравьевым, он дома показаться не мог, так как его еще с сорок первого ищут, а здесь он у подруги. Игорь все предусмотрел. Хозяйка квартиры Зоя, высокая светлоглазая брюнетка с яркими чувственными губами, посмотрела на Мишку, прищурясь, и спросила:

— Это, значит, он теперь мой любовник?

— Он, — кивнул головой Муравьев.

— Ну что ж, — Зоя оглядела Мишку с ног до головы, — парень он вполне ничего. Только глаза диковатые.

— Какие есть, — буркнул Мишка.

— Ну вот, видите, Игорь, — Зоя развела руками.

— Миша, — Муравьев положил руку на плечо Кострова, — Зоя наш сотрудник, но об этом во дворе никто не знает. Все считают, что она в клубе работает администратором. Понял?

— Я-то понял. Только урки тоже не дураки.

— Ты что, боишься?

— Это ты бойся, — нехорошо усмехнулся Мишка, — мне чего, я опять на фронт, а тебя в постовые и будешь на Тишинке щипачей ловить.

— Ты это брось...

— Мне бросать нечего, я слово Данилову дал, что

сделаю, и поэтому из-за вашей глупости совсем даже не хочу Ивана Александровича подводить.

— Да я тебе точно говорю, ее никто не знает. Она у нас по очень секретной линии работает. Ее даже наши сотрудники знать не должны.

— Ладно, ладно, там видно будет.

— В квартире три комнаты, дверь в одну из них обоями заделана, там постоянно будут находиться два наших сотрудника. Тебе надо Гомельского сюда заманить.

— Это понятно, но как?

— Он золото скупает и камни. Но помни, что не только скупает, а может и... В общем, вы с Зоей ими торговать начнете.

— Туфтой?

— Зачем, — Игорь достал из кармана коробку. — Здесь есть и настоящие, — он высыпал на стол кольца, серьги, броши. — Зоя знает, какие можно давать в руки, а какие только показывать издали. Помни, ты пробрался сюда из Куйбышева, там со Степкой Ужом и Утюгом вы взяли ювелирный. Где Утюг и Степка, ты не знаешь, они, наверное, в Ташкент подались.

— А на самом деле?

— Там, — Игорь щелкнул пальцами и показал на стенку, — убиты в перестрелке оба. Ты забрал долю и по документам сержанта Рыбина, вот они, пробрался в Москву. Все понял?

— Все. Значит, могу ходить в форме?

— Можешь.

— И медали носить?

— Носи на здоровье. Твою жену предупредили. Если кто к тебе домой придет, его поведут, потом потеряют. Причем поведут нагло, в открытую.

— Значит, хата моя вся в «мусоре». Так, выходит?

— Так. А теперь давайте детали выговорим.

Проговорили они почти до утра. Мишка должен был найти знакомых перекупщиков, предложить и продать им кольца и золотые диски, но, главное, сказать, что есть бриллиантовая осыпь, и просить за нее деньги большие. Но осыпь эту надо показывать издали, чтобы, не дай бог, не заподозрили чего. Правда, осыпь была подделкой редкой. Она лежала еще в музее московской сыскной полиции. Делал ее известный ювелир Кохнер, делал специально для подмены настоящей. Под-

линник носила княжна Белосельская, ухаживал за ней один гвардейский офицер, так вот на балу ей стало плохо, подсыпал «гвардеец» в бокал с лимонадом порошок, пока она без сознания лежала, он осыпь эту и подменил. Княжна пришла в себя и ничего не заметила. Приехала домой, сняла осыпь, смотрит, одна веточка погнута, видимо, «гвардеец» торопился очень, когда пристегивал, руки дрожали. Вызвали ювелира, тот и обнаружил. Мошенника арестовали, он указал на Кохнера, там осыпь и нашли, а подделка осталась в музее рядом с первым автогенным аппаратом для вскрытия сейфов и кистенем извозчика Чугунова. Позже она перекочевала в музей криминалистики МУРа. А теперь опять настало ее время.

Первое московское утро началось для Мишки неспокойно. Он нервничал, почти не мог есть. За стол сели все: Зоя, два оперативника и Мишка. Костров только чай выпил, а до картошки с консервами даже не дотронулся.

— Это ты зря, Михаил, — сказал рассудительный Самохин. — Есть надо. Иначе перегоришь, на одних нервах тебе не продержаться.

Мишка кивнул головой, молча взял вилку, поковырял в тарелке и положил.

— Не хочется что-то, — вздохнул он, — это пройдет. У меня и раньше так было, в разведку ходил, потом пообвык.

— А ты считай, что опять в разведку идешь, — сказала Зоя.

— Не могу, там враги...

— А здесь друзья, выходит, — прищурился Самохин.

— Нет, Самохин, тоже враги. Только на фронте самим собой остаешься, а здесь врагом становиться надо. Противно мне.

— Это ты прав. Противно. Потерпи уж, Миша, пожалуйста, потерпи.

— Потерплю.

— Ну, заканчивайте, — сказала Зоя, — мне еще посуду помыть надо.

— Мы скоро, — Самохин глотнул горячего чая и, открыв рот, начал втягивать в себя воздух.

— Не торопись, не торопись, — засмеялась Зоя.

Все просто. Женщина торопится на работу, а ей еще

по хозяйству управиться надо. Просто, обыденно. И именно эта обыденность успокоила Мишку. А что, действительно? Совершенно ничего особенного. Начинается для тебя, сержант Костров, новое дело. Да не такое уж оно новое. Когда внедрился в банду Широкова, вот тогда оно было новым. А теперь ходи по рынку, строй из себя удачливого урку да смотри в оба. А если что? Если что, он сам не прост. На ремне у него наган в кобуре, а в кармане галифе браунинг второй номер. Восемь аккуратных патронов в обойме. А в них восемь никелированных пуль. Ну, попробуй подойди. А стрелять он научился. Еще как! Разведрота не такому научит. Ну а на самый крайний случай есть у него нож. Нажмешь медную кнопку на ручке, и выбросит пружина жало стилета. Нож этот Мишка у убитого шарфюрера из диверсионной группы СС взял. Сначала завалил его в лесу под Рогачевом, а потом взял. Дважды пользовался он им и всегда наверняка.

Ничего, мы этой кодле покажем. Люди на фронте кровь льют, а они, сволочи, людей стреляют да баб грабят. Нет им пощады и прощения. И миру ихнему, воровскому, тоже нет.

Мишка загасил папиросу и почувствовал голод. Ужасно есть захотелось. Он пошел на кухню. Зоя из чайника смывала тарелки, сложенные в раковину.

— Ты чего? — повернулась она к Кострову.

— Ты уж меня прости, понимаешь, есть захотел. Зоя поглядела на Мишку и добро улыбнулась.

— Ну, слава богу, успокоился.

— Вроде того.

— Ну, садись, я, как знала, отложила тебе. Погреть?

— Не надо.

Мишка уселся за кухонный стол и прямо из сковородки начал есть необыкновенно вкусную картошку и застывшие мясные консервы. Вычистив все, он допил остывший сладкий чай и вынул папиросу.

— Ну что, невеста, — улыбнулся он, — пошли?

МУРАВЬЕВ

С утра он дозванивался до майора Королева. Сначала он был у руководства, потом сам проводил сове-

щание, потом его опять вызвали к руководству.

— Вы передайте, пожалуйста, Виктору Кузьмичу, что его Муравьев из МУРа разыскивает по срочному делу, — попросил Игорь секретаря отдела.

— Хорошо, — ответил любезный женский голос, — я доложу.

«Вот так-то, брат, доложу, — подумал Игорь, вешая трубку .— Начальству не передают, а докладывают. Такие, брат, дела». Он только что вернулся из дома, куда заезжал буквально на какой-то час. Нужно было переодеться и взять кое-что из вещей. Когда он подошел к дверям квартиры, то увидел юркого человека со связкой ключей в руке. Он, наклонив голову и высунув от напряжения язык, копался в замке.

— Что вам надо? — спокойно спросил Игорь.

Человек обернулся, увидел милицейскую форму и почтительно захихикал:

— Я так что из конторы домовой. Так что площадь эвакуированных на учет берем.

— А кто позволил в квартиру лезть без спроса?

— Пустая она, товарищ начальник, а люди есть, желающие занять.

— В ней живу я.

— Нет, — захихикал человек, — она пустая. В ней Муравьева Нина Петровна проживала. Сейчас она в эвакуации, а сынок на фронте.

— Сынок — это я, — сказал Игорь спокойно, — и если я еще раз вас увижу...

— Извиняйте, извиняйте...

Человек растаял, просто растворился в полумраке лестницы. Муравьев вошел в квартиру и позвонил в домоуправление, рассказав о странном визите.

— Так, — ответил домоуправ, — интересно. Действительно, есть распоряжение Моссовета о временном вселении в свободные квартиры. — Он помолчал немного и добавил: — В общем, вы не волнуйтесь. За сигнал спасибо. Мне уже подобные поступали, да я думал... Вы сами в милиции работаете, поэтому знаете, всякие люди бывают. Еще раз спасибо за сигнал.

Игорь повесил трубку и подумал о том, как быстро повылезала из щелей всякая нечисть. Как умело маскировалась она до войны. Платила взносы в МОПР и Осоавиахим, ходила на собрания, ждала своего ча-

са. Но нет, их время не пришло и не придет никогда, для этого он и служит в уголовном розыске.

Муравьев открыл шкаф, достал из него синий костюм, тот самый, который сшил перед самой войной. На работе мать премировали талоном на отрез, и она взяла бостон специально для сына. Шил костюм дорогой мастер и, надо сказать, сделал все, как надо. Всего один раз надел его Игорь, когда ходил с Инной в Большой театр на «Красный мак». Господи, давно же это было, совсем в другой жизни. Он надел голубую шелковую рубашку, повязал полосатый галстук, натянул пиджак и подошел к зеркалу. Из пыльной глубины стекла на него глядел очень похожий на него, Игоря Муравьева, человек, только совсем уж молодой, просто юный до неприличия. Поглядишь на него и подумаешь, что он специально выкрасил голову серебром.

Да, отвык он за два года от штатского костюма. Почти все время Игорь ходил в форме или в обыкновенной зеленой гимнастерке без петлиц.

Но тот, другой человек, в зеркале, Муравьеву понравился. Костюм на нем сидел хорошо. Не нарочито, а с долей той небрежности, совсем неуловимой небрежности, которая и придает элегантность. Жаль только, что орден надеть нельзя. А он бы хорошо выглядел на костюме. Темно-синий бостон, а на нем рубиновая звезда. Жаль, но что делать.

Игорь еще раз поглядел на себя в зеркало и начал собираться.

Машина ждала его прямо у крыльца подъезда, и, когда он открыл дверцу, шофер, недовольно оторвавшись от газеты, рыкнул:

— Куда лезете, не видите, что ли?

Потом помолчал и, улыбнувшись, замотал головой:

— Вот это да! Игорь Сергеевич, быть вам богатым, не узнал.

— Это хорошо, — Муравьев довольно улыбнулся.

Приехав в управление, Игорь сразу же стал звонить Королеву. Майора не было, и Муравьев сидел в своей комнате, ожидая его звонка. Пока все складывалось крайне неудачно. Ему необходимо было ехать на Тишинку, а проклятый телефон молчал. Игорь начал уже со злостью поглядывать на аппарат, слов-

но именно он был виноват в том, что Королев никак не может освободиться. Конечно, можно было бы встать и уйти, но Данилов категорически приказал передать майору письмо и на словах добавить, что очень ждет результатов.

А управление жило своей обычной жизнью, и ритм ее Игорь уловил сразу по возвращении. Он состоял из знакомых ему и привычных забот. В кабинет заходили ребята из его отделения и рассказывали о новостях. Заглянул начхоз и сказал, что он, Игорь, поставлен на довольствие; потом явился комендант и начал по ведомости сверять номер табельного оружия, числящегося «за оперуполномоченным первого отделения тов. Муравьевым И. С.».

— Все ждешь? — в комнату вошел Парамонов.

— Как видишь.

— Завтракал?

— Да нет пока.

— Я тоже не успел. Давай сообразим.

— Да у меня нечего.

— Если бы я на таких, как ты, надеялся, — Парамонов встал, одернул гимнастерку, — давно бы ноги протянул. Я сейчас.

Он вернулся минут через десять. В одной руке Борис нес чайник, в другой что-то завернутое в газету.

— Ну, давай, — он расстелил чистую бумагу, поставил банку консервов с яркой этикеткой.

— Ух ты, — удивился Игорь, — что это?

— Второй фронт.

— Что?

— Ну консервы, колбаса американская. Вкусная, прямо сил нет.

— Я такой и не пробовал.

— А она только что и появилась. — Парамонов взял банку, и Игорь увидел сбоку, прямо на ней, ключик. Борис повернул его, и жесть, закатываясь в трубочку, начала освобождать крышку.

— Ничего придумано.

— С умом делают. Вот сейчас в Москве появились консервы ихние, колбаса, тушенка свиная, сало консервированное, шоколад. Машины грузовые. Между прочим, в каждой, говорят, кожаное пальто лежит.

— Врут.

— Я тоже думаю. Наливай чай. Вон песок в пакетике.

Игорь разлил чай, насыпал в кружки коричневатый крупный сахарный песок. До войны он такого и не видел никогда. Чай сразу помутнел, покрылся сероватой пенкой.

— Ничего, — Парамонов взял кружку, — он сладкий зато, лучше, чем сахарин. У меня от этого сахарина во рту кисло становится, словно я лимон со шкуркой съел.

— У меня тоже. Химия есть химия. — Игорь сглотнул слюну, следя за Парамоновым, режущим красноватую, покрытую желе колбасу. Но, несмотря на цвет, она оказалась удивительно вкусной. Ели молча. Допив чай, Парамонов поставил стакан в шкаф, полез за папиросами. Закурили.

— Ну как харч?

— Подходящий. Это ты что, спроворил где или из пайка?

— Колбаска-то? Пайковая. Видел, наклейка какая? Так-то. Помощь. Я вчера газету читаю. Значит, сводка с ихнего фронта. В Месопотамии. Стычки патрулей, несколько раненых. И колбаска эта. — Парамонов повертел банку в руках, прищурил глаз от папиросного дыма. — Стычки, колбаска. Легко воюют, чужими руками, кровью чужой, а как мы немцу хребет сломим, так они сразу заорут: «Мы тоже, мол, дрались...» Баночками этими. Как думаешь?

— А что думать? — Игорь постучал пальцем по столу. — О чем думать-то, Боря? Читал, о чем Совинформбюро пишет, что на фронте появляются части из армии Роммеля из Африки. Значит, могут они из Африки дивизии снимать, раз там только стычки патрулей. Я так думаю, что они ждут. Присматриваются. Вот когда мы фашистов измотаем, тогда они начнут. А пока ешьте, на машинах ездите.. Да что говорить об этом. Противно становится.

— Это ты точно сказал — противно... За консервы, конечно, спасибо, — Борис бросил банку в корзинку с мусором, — но история всем воздаст.

— При чем здесь история, — сказал Игорь, — разве в ней дело... Нам о сегодняшнем дне думать надо. Самим, без их консервов и патрулей.

Зазвонил телефон.

— Муравьев слушает.
— Товарищ Муравьев?
— Да.
— Соединяю с майором Королевым.
В трубке щелкнуло, и Игорь услышал голос Королева:
— Здоров, Игорь Сергеевич.
— Здравствуйте, Виктор Кузьмич.
— Ну что там, какие дела?
— У меня для вас письмо от Данилова, приказано лично вручить.
— Раз приказано — вручай. Жду через двадцать минут. Пропуск сейчас закажут.
Через полчаса Игорь сидел в кабинете Королева. Виктор Кузьмич прочитал письмо, хмыкнул, поглядел на Игоря:
— Твой начальник думает, что госбезопасность — справочное бюро.
— Он просил на словах передать, что очень на вас надеется.
— Ишь ты, — майор внимательно поглядел на Игоря, — а ты знаешь, что в этом письме?
— Нет.
— Стало быть, не рассказал тебе начальник.
— Стало быть, так.
— Хороший он у тебя мужик. Очень хороший. Иван Александрович пишет, погиб Полесов.
— Да.
— Жаль. Ведь у меня были соображения насчет него. Хотел к нам Степана Андреевича забрать.
— Он бы не пошел.
— Пошел бы. Докладывай, что у тебя.
Игорь медленно, стараясь не опускать мелочей, рассказал Королеву о готовящейся операции на Тишинском рынке. Майор слушал внимательно, временами что-то помечал в блокноте. Слушал, не перебивая, и, только когда Игорь закончил, сказал:
— Есть одна мелочь, которую вы, братцы, не предусмотрели.
— Какую? — встревожился Муравьев.
— Нельзя Кострову в форме ходить На рынке военных патрулей полно, а документики, как я понял, у него липовые Заберут, как пить дать заберут. Тогда как?

— Освободим.
— Это не вопрос, как он потом там покажется? Или вы на дураков рассчитываете?
Игорь молчал. Он только теперь начал понимать, что так хорошо на первый взгляд продуманная операция внезапно оказалась под угрозой срыва.
— Немедленно, — жестко сказал майор, — немедленно переодеть Кострова. С начальником МУРа я созвонюсь. Иди.
И уже в спину сказал:
— Данилову, если позвонит, передай: все сделаю.

МИШКА КОСТРОВ

У проходного двора два парня зазывали желающих:
— И только на туза, и только на туза. Как шестерку с восьмеркой подняли, так вы и проиграли. И только на туза. Как туз — так и денег картуз!

Грязными пальцами с обломанными ногтями один из них разбрасывал на фанерке три замусоленные карты. Оба парня были в кепках-блинчиках, под пиджаками грязные тельняшки, брюки заправлены в нечищеные, смятые гармошкой хромовые сапоги. Они казались близнецами, сходство подчеркивали сальные, косо подстриженные челки, спадающие на лоб, и золотистый блеск коронок под мокрыми губами. Вот к ним подошел какой-то человек, полез в карман. Вокруг сразу собралась толпа.
— Ну, дядя, — блеснув коронкой, ощерился парень, — спытай счастье. Оно не лошадь, вдруг повезет.
— Давай.
— Сколько?
— Пятьсот.
— Предъяви.
Человек вытащил из кармана мятые бумажки:
— На, гляди. Теперь ты.
Парень достал из-за пазухи пять сотенных и положил их на дощечку.
— Метать?
— Мечи.
Три одинаковые карты легли рубашками вверх. Че-

ловек подумал, выплюнул окурок с изжеванным мундштуком и поднял одну из них.

— Туз, — пронесся по толпе вздох.

— Твое, — с сожалением сказал банкомет и протянул ему деньги. — Может, еще? Или трусишь?

— Сколько? — мрачно спросил человек.

— Эх, трус в карты не играет, — парень бесшабашно махнул рукой, — на отыгрыш: ты тысячу, я тысячу. А?

— Годится.

И опять легли три карты. И опять по толпе прокатился восторженный шепоток.

— Может, еще?

— Хватит, — человек, не считая, сунул в карман комок денег и скрылся в толпе.

Ох и интересная была эта толпа! Кого только не встретишь здесь! Рынок разросся, занял все близлежащие переулки. Это было горькое порождение войны с ее нехваткой, дороговизной, бедностью. Здесь можно было купить все. Краснорожие барыги в солдатских шинелях с чужого плеча могли продать хлеб и водку, пенициллин и зажигалки. Это была грубая и грязная накипь войны. Регулярно ее снимали, эту накипь, но она появлялась вновь, и бороться с ней было необыкновенно трудно. Потому что даже самое мужественное и героическое время имеет пока свои теневые стороны.

Мишка, стоя на углу Большого Кондратьевского, наблюдал за этой толпой и думал: неужели нельзя облить бензином всю эту сволочь? Облить и поджечь, пусть горят. Он даже Зое тихо, сквозь зубы сказал об этом.

— Зачем же так, Миша? — ответила она. — Здесь не одни барыги. Нехватка, вот люди и понесли сюда то, что могут продать или обменять, и нет в этом ничего зазорного. Люди свое, не ворованное продают или на продукты меняют. А сволочь есть, конечно. Только она здесь-то вся и собралась. Ее, как магнитом, тянет к человеческому горю. Вон, видишь, — она кивнула головой в сторону игроков.

Мишка сам давно уже наблюдал, как эти двое внаглую чистят простодушных людей, зараженных азартом.

— Ну-ка подожди, — Мишка шагнул к толпе.

— Зачем? — Зоя схватила его за руку.

— Сейчас увидишь.

— Миша!

— Так надо.

Мишка раздвинул плечами любопытных, подошел к банкомету.

— Что, товарищ военный, спытай счастье, — улыбнулся парень желтыми потраченными зубами.

— Давай.

— А ставишь что?

— Вот, — Мишка вытянул из кармана золотое кольцо.

— Дай гляну, — сказал второй и протянул руку.

— Смотри из моих рук.

Парень наклонился, внимательно рассмотрел кольцо.

— Рыжье, — шепнул банкомету.

— Сколько против него? — спросил банкомет прищурившись.

— Три куска.

— Идет.

— Предъяви.

— Не в церкви...

— Здесь тоже не фрайера.

Банкомет достал из кармана толстую пачку денег:

— Метать?

— Мечи.

Три карты шлепнулись на дощечку. Мишка подошел к банкомету вплотную и крепко взял его за руку. Парень дернулся, но Костров держал крепко.

— Ты что, падло, а? — прошипел банкомет.

— Тихо, сявка, кого лечить решил? — Мишка выдернул из рукава банкомета карту, бросил на дощечку.

— Вон он, туз, — сказал он спокойно, забирая деньги, и, повернувшись к угрожающе надвигавшемуся на него второму, добавил: — Тихо, фрайер, сопли вытри, а то я тебя сейчас по стенке разотру.

Толпа весело загудела. Мишка повернулся и пошел к Зое. Вслед ему несся тяжелый мат.

— Зачем ты? — спросила Зоя.

— Золото им показал. Теперь, где надо, разговор пойдет, мол, появился карась с рыжьем.

— А что такое рыжье?

— Эх ты, знать надо. Это на нашем с тобой нынешнем языке золото.

— О господи, бедный Тургенев.

— Кто?

— Да так я, Миша, кое-что из школьного курса вспомнила.

— А...

Они продирались сквозь толпу. Мимо старушек, торгующих постным сахаром, мимо пацанов, пронзительно кричащих: «Папиросы! Папиросы «Пушка»!» Мимо женщин с невидящими глазами, вынесшими на рынок осколки годами складывавшегося быта, мимо юрких подростков в кепках-малокозырках.

Они шли через этот ссорящийся, гомонящий, торгующий человеческий клубок, ища только им одним нужные лица. Их толкали, извинялись и бранили, но они продолжали свой путь. Купили у старушки постный сахар и пошли дальше, аппетитно похрустывая, приценивались к совсем новеньким сапогам, постояли рядом со старичком, торгующим старыми часами. Потом они выбрались из толпы и подошли к кинотеатру «Смена». У входа в кассы толпился народ: шел американский фильм «Полярная звезда». На огромной афише был нарисован горящий самолет. Здесь можно было передохнуть. Но напротив кинотеатра была как раз трамвайная остановка, и битком набитые красные вагоны выбрасывали на тротуар десятки людей. День был воскресный, и многие со всех сторон города ехали на рынок.

— Давай отойдем, — сказала Зоя.

Они зашли за кассы кинотеатра, стали у проходного подъезда каменного двухэтажного дома, через него можно было попасть во двор.

— Да, — Мишка полез за папиросами, — к этой сутолоке привыкнуть надо. Сразу не разберешься.

— Это сегодня, — ответила Зоя, — все-таки выходной.

— А в обычные дни?

— В обычные народу мало. Заняты люди, работают.

— Ну а барыги?

— Эти-то здесь крутятся.

Внезапно она замолкла и сжала Мишкину руку:

— Смотри.

Мишка, прикуривая, чуть повернулся и увидел на другой стороне знакомую кепочку-малокозырку и косую грязную челку. Рядом с банкометом стоял высо-

кий сутулый человек в мешковатом, неопределенного цвета костюме. В нем Костров сразу же узнал того самого «счастливчика», выигравшего две тысячи. Они о чем-то говорили, иногда поглядывая в Мишкину сторону.

«Засуетились, сволочи, — внутренне усмехнулся Мишка, — три куска — деньги немалые. Посмотрим, что будет дальше». Он бросил спичку, повернулся к Зое, взял ее под руку. Девушка сразу же прижалась к нему, улыбаясь, игриво и многообещающе.

— Товарищ сержант, — услышал Костров за своей спиной глуховатый, официальный голос. Он обернулся и увидел пожилого младшего лейтенанта в очках и двух красноармейцев с винтовками СВТ. На рукавах у них алели повязки с белыми буквами КП.

Патруль. Мишка похолодел. Вот сейчас он достанет липу, и поведут его в комендатуру. Конечно, там все разъяснится, выпустят, но зачем лишние сложности, да еще на глазах этих двоих? Тут ему в голову пришла невероятная и дерзкая мысль. Пришла внезапно, и он уже точно знал, что будет делать и как.

— Документы, — еще раз устало приказал командир и протянул руку.

— Есть, товарищ младший лейтенант, — Мишка краем глаза увидел, что Зоя скрылась в подворотне, теперь все было в порядке: между ним и спасительной аркой стоял боец с красивой, но ненадежной винтовкой СВТ.

Мишка, оторвав руку от пилотки, медленно начал расстегивать карман гимнастерки, сделав всего полшага вперед. Теперь он стоял как раз между младшим лейтенантом и бойцом. «Ну, — внутренне собрался он, — давай, Мишка. Давай».

Сильным ударом сапога он подсек ноги лейтенанта, одновременно правой ударил бойца чуть выше пряжки ремня. Не оборачиваясь, сбив с ног какую-то женщину, он бросился в подворотню. За спиной раздалось запоздалое «Стой!», но он уже был во дворе рядом со спасительным подъездом.

Зоя открыла дверь и увидела Мишку, прислонившегося к косяку. Глаза у него были совсем шалые, дурные глаза. Костров вошел молча, косо посмотрел на Зою и сел на сундучок в прихожей.

— Ну как ты? — спросила она.

— Как видишь, — Мишка встал, пошел в комнату, на ходу расстегивая гимнастерку.

Зоя пошла вслед за ним. Костров сел на диван, перебирая на груди желтые пуговички со звездочками, пальцы его бегали по ним, как по ладам баяна, словно он наигрывал одному ему известную мелодию.

Заскрипела дверь в стене, показалась голова Самохина.

— Вы чего? — спросил он, удивленно глядя на Мишку.

— Патруль, — вздохнула Зоя, — напоролись, глупо совсем.

— Ну и что?

— Сбежали.

— А они?

— Они ничего, — Мишка встал, расстегнул пояс с тяжелой кобурой. — Им, старичкам этим, салажат ловить, а не нас. Знаешь, Самохин, — он хитро прищурился, — помог нам патруль-то этот. Ох как помог.

— Как же так?

— А вот так, зови ребят, расскажу. Зой, ты бы разыскала Игоря, пусть мне штатское пришлет, завтра опять пойдем в карты играть.

ДАНИЛОВ

— Я понимаю, понимаю. Но, если честно, ничего не понимаю в специфике вашей, только по тону чувствую, что больной на поправку идет. — Данилов подвинул стул к столу главврача. Стул противно, по-поросячьи взвизгнул. Данилов поморщился. — Когда он сможет говорить, вот что для меня главное.

— Как вам сказать, — врач посмотрел на Данилова, потом перевел взгляд куда-то за его спину, — ожоги. Сильные ожоги. Плюс, конечно, элемент симуляции имеет место быть.

— Что? — удивился Данилов.

— Имеет место быть, присказка такая, — врач усмехнулся, — ждите.

— Да поймите вы меня...

— Я не бог, хотя понимаю вас отлично. Вам нужно, чтобы «мотоциклист» заговорил? Так? Нет, вы мне ответьте.

— Так.

— Прекрасно, — врач вытянул перед глазами руки и начал внимательно рассматривать их, — он не транспортабелен пока.

— А это вы к чему?

— Возможно, вы захотите забрать его к себе. Возможно, ваши врачи, ваши методы...

— Доктор, — сказал Данилов почти шепотом, — вы же интеллигентный человек, о чем вы, доктор? Какие методы? Кто наговорил вам этой ерунды? У нас работают точно такие же врачи, как и везде. Эх, доктор, доктор.

Данилов откинулся на спинку и стул опять пронзительно взвизгнул. Главврач опустил руки, помолчал и сказал тихо:

— Не раньше чем через пять дней.

— Что же делать? Против науки не попрешь. — Данилов встал, протянул врачу руку: — Значит, буду надеяться.

— Надейтесь.

Прежде чем выйти на улицу, Иван Александрович прошел к комнате, в которой лежал «мотоциклист». У дверей дежурил милиционер.

— Ну как? — спросил его Данилов.

— Да все так же, товарищ начальник.

Данилов немного постоял, посмотрел на плотно закрытую дверь палаты и, козырнув вытянувшемуся милиционеру, пошел на выход. Вчера из Москвы прислали данные на «мотоциклиста» — Виктора Степановича Калугина 1910 года рождения, по профессии шофера, уроженца города Дмитрова Московской области. В справке значилось, что: «Калугин Виктор Степанович судим дважды: в 1930 году по статье 166 УК РСФСР и в 1938 году по статье 86» [1].

Итак, он судим дважды: первый раз за кражу лошадей, короче, за вульгарное конокрадство, второй раз — за браконьерство с отягчающими вину обстоятельствами. В общем, обе судимости слабы. Настоящим рецидивистом, судя, конечно, по ним, назвать его нельзя. Но кто знает, что стоит за последней судимостью? Данилову часто приходилось сталкиваться с людьми, совершившими убийство и попавшимися на

---

[1] Статья УК РСФСР введена в действие 1 января 1927 года.

карманной краже. Год отсидел, замел следы и вернулся, а то главное, чего он боялся, осталось нераскрытым. Возможно, Калугин пошел пострелять лося специально, с явным намерением отсидеть свои положенные полгода. Кто знает. Конечно, будь время, можно было бы поднять прошлые дела, посмотреть внимательно. Но не было у него этого времени. Совсем не было. Ежедневные допросы Дробышевой пока ничего не дали. Она твердо стояла на своем или действительно ничего не знала, что, кстати говоря, Иван Александрович считал самым вероятным.

Два дня они с начальником райотдела и Орловым прикидывали, где приблизительно может находиться база банды, не просто прикидывали, а даже проверили все подозрительные места, но там ничего не было. Перед глазами Данилова все время стояла карта района, вернее, той ее части, где руководила гражданская администрация. В полосе дислокации войск тоже все было проверено.

Данилов не заметил, как сошел с тротуара и зашагал по мостовой. Только скрип тормозов за спиной вернул ему ощущение реальности. Он обернулся: в нескольких шагах за его спиной стояла горячая от бега машина. Шофер открыл было рот, но, увидев ромб, сглотнул, подавился не успевшим вырваться словом.

— Виноват, товарищ комбриг, разрешите проехать.

— Ты чего же не дал сигнала?

— Да он у меня не работает.

— Почему? — и тут Данилов увидел огромную заплату на радиаторе.

— Да вот, осколком немного покалечило, а вы, случаем, не заболели, товарищ комбриг, может, подвезти?

— Все в порядке, проезжай.

Машина, прижавшись к тротуару, объехала Данилова, шофер еще раз из окна опасливо покосился на командира милиции в непонятно высоком чине и, с треском переключив скорости, скрылся за поворотом.

Улица опять опустела. Она была провинциально тихой и пыльной. Над райцентром повисла жара. Раскаленный воздух дрожал под поникшими, со скрученными листьями деревьями. В такую погоду портупея особенно жмет плечо, кобура особенно тяжела, сапоги раскалены, гимнастерка режет под мышками и фуражка давит голову, как обруч.

В такую погоду не хочется ходить по улицам. Ничего не хочется, даже думать.

Данилов снял фуражку, вытер вспотевший лоб. Из-за постоянного недосыпа и чрезмерного количества папирос сердце билось натуженно и неровно, казалось, что кто-то сжал его рукой, и оно пытается освободиться. Боли не было, и это пугало еще больше. Приходило непонятное паническое ощущение. Справиться с ним Иван Александрович не мог. Правда, врач, у которого он был месяц назад, объяснил ему, что подобное ощущение теперь будет постоянно преследовать его, но разве от этого становилось легче? Как всякий волевой человек, он мог почти всегда спокойно управлять своими чувствами. Людей абсолютно бесстрашных не существует. Их выдумали писатели и журналисты. Данилов считал, что храбрость — это четкое выполнение своего служебного долга. Он боролся с преступностью, следовательно, просто обязан был идти на риск ради выполнения задания. Смелость — это одно из слагаемых его Долга перед народом и партией. И это для него было основным, все остальное становилось никому не нужной буффонадой.

Нет, этот страх, приходивший к нему, был выше его обычного понимания, выше всего того, что он знал по сей день. Он шел не от разума, не от понимания каких-то вполне конкретных вещей. Он был абстрактен и шел ниоткуда. Страх жил в нем самом, в Данилове, а вот где — он этого не знал.

«Ничего, это пройдет, — успокаивал он себя, — высплюсь, курить стану меньше, и все будет в порядке».

Иван Александрович свернул к их домику, у ворот стояла запыленная «эмка», значит, Белов уже приехал. Данилов вытер ободок фуражки носовым платком, надел ее и зашагал к калитке.

Во дворе Быков из ведра поливал Сережу. Лицо у Белова было такое, что Данилову самому захотелось стянуть гимнастерку и подставить потную спину под холодную колодезную воду. Он так и сделал, а потом понял, что именно этого хотел сегодня с самого утра.

Иван Александрович поднялся на крыльцо, стянул сапоги, блаженно пошевелил пальцами босых ног. О боли он забыл начисто, словно у него не было никакого сердца. Вот ведь история.

— Ну, что узнал, Сережа? — обернулся к Белову.

— Мы с военным комендантом станции проверили все документы за последние месяцы — ничего.

— В продпункте был?

— Был, все корешки аттестатов поднял, — Белов развел руками.

— Так, в общем, я знал это, но на всякий случай решил проверить, как они приезжали в город.

— Так вы думаете?..

— Просто уверен — база их в соседнем районе. Только вот в каком? Соседних-то три. А времени у нас с тобой нет. Август. Последний месяц лета, стало быть, последние дни, отпущенные нам.

— Иван Александрович, — после паузы сказал Сережа, — но почему?

— Что почему?

— Почему так трагично: последние дни, последний месяц? Где логика? Нас в институте учили, что невозможно определить точные сроки раскрытия преступления. Что это не планируется, что это работа сложная. Вот, например, в Америке, там все по-другому.

— Насчет Америки ты определенно прав, а кто тебе лекции в институте читал по уголовному праву?

— Профессор Сколобов.

— Жаль, что он у нас не работал.

— Где?

— В угро, вот где, побегал бы опером, тогда бы провел точную грань между теорией и практикой. А лекции читать, конечно, спокойнее, чем жуликов ловить. Это точно. Вполне возможно, что к концу месяца мы их не поймаем, вполне возможно. Только дело тут не в официальных сроках. В другом дело-то. Я не знаю, как в Америке их полиция на это смотрит, а у нас главное — немедленно обезвредить преступника, чтобы он больше зла людям не смог принести. Для нас закон давно уже стал категорией не только юридической, но и нравственной, а нравственность, я имею в виду подлинную нравственность, — основа нашего образа жизни. Так-то. А ты — профессор...

— Я понимаю, — грустно сказал Белов, — только...

— А никаких «только» быть не должно. Пришел в милицию — живи по ее законам. — Данилов встал, направляясь в дом, у дверей оглянулся, увидел расстроенное лицо Сережи. — Ничего, все будет хорошо. Прекрасно, что ты думаешь об этом, спорь сам с со-

бой, еще древние говорили, что истина рождается в споре, выражение несколько банальное, но верное.

До темноты Иван Александрович просматривал документы, относящиеся к делу. Их накопилось много. Протоколы осмотров, акты экспертизы, объяснения свидетелей, заявления. От самых разных людей. Они относились и к сегодняшнему дню, и ко времени фашистской оккупации. Только теперь по-настоящему Данилов понял, кто такие братья Музыка. За каких-то два месяца они оставили о себе кровавую память. Удивляло другое: что братья не ушли вместе со своими хозяевами. Здесь-то и напрашивался вполне законный вопрос: почему? На этот счет у него было три предположения. Первое — не успели. Второе — оставлены специально. Третье — наименее вероятное — остались сами, пытаясь использовать сложную обстановку для грабежей. Но все же он больше склонялся ко второй версии, так как она не только не исключала третью, но и дополнялась ею.

В двадцать втором году, в самый разгар нэпа, его, Данилова, друг — оперативник Алексей Мартынов, бывший матрос с Балтики, — вернувшись в МУР после очередной операции, сказал:

— Вот, Ваня, скоро, совсем скоро прихлопнем нэп, остатки ворья добьем, и вернусь я, ребята, на флот. Только не на море, нет. В речники подамся. Там красота, плывешь себе, берега рядом, хоть рукой трогай. Лесом пахнет, водой, с полей медом тянет. Я уже кое с кем переговорил, найдут мне работу, ну, конечно, подучусь, речным штурманом стану.

Он расстегнул пояс, снял кобуру, помолчал, потом продолжал:

— Ты бы, Иван, тоже работу присматривал. Знаешь, когда все кончится, надо сразу правильную линию в жизни найти.

Тогда они были совсем молодыми. Он, Мартынов, Тыльнер, Зуев. Совсем молодыми, твердо верящими в добро. С того дня прошло двадцать лет, а он все еще ловит жуликов. Алеша Мартынов не стал штурманом, правда, ушел на реку — в бассейновую милицию. Тогда они просто не понимали, что построение нового общества — процесс долгий. Мало уничтожить явное зло, необходимо искоренить невидимое, спрятанное в глубине человеческой души, а на это время нужно.

Постепенно опустилась ночь и принесла долгожданную прохладу. Где-то на краю темного неба взрывались и гасли всполохи далекой грозы, и раскаты грома канонадой стелились над землей. Ветер стал влажным, и цветы за окном запахли особенно остро. Быков с Беловым уехали. Данилов сидел в темной комнате. Зажигать свет не хотелось, потому что тогда надо было бы закрыть окно и опустить маскировочную штору. Прислонившись головой к раме, он пил ароматную прохладу, и ему казалось, что с каждым новым вздохом-глотком к нему возвращаются утраченные силы. Постепенно многодневная усталость взяла свое, и он задремал. Сон пришел легкий, невесомый, и в нем была свежесть ночи, запах зелени и ожидание надвигающейся грозы. И это тревожное ожидание постепенно наполнило его всего и стало основным и главным, и, еще не проснувшись до конца, он привычной хваткой выдернул из кобуры пистолет, а когда пришел в себя окончательно, то понял, что в комнате кто-то есть.

— Не стреляйте, пожалуйста, не стреляйте, — сказали из темноты, — я Кравцов.

ДАНИЛОВ И КРАВЦОВ

— Садитесь. Если у вас есть оружие, положите на стол. Я вынужден вас задержать, гражданин Кравцов.

— Я пришел сам. Мне передала жена о вашей встрече. Я пришел... Потому... В общем, я понял, что вам можно верить.

— Спасибо, все это чрезвычайно трогательно. Оружие!

— Я уже положил его. Сразу же, как вошел.

— Я должен задать вам всего один вопрос. Кто убил Ерохина?

— Музыка.

— Как это случилось?

— Я шел к городу, шел опушкой леса и видел Ерохина, он ехал на велосипеде, по моим расчетам, мы должны были встретиться с ним у поворота на райцентр.

— Зачем?

— Я не мог больше так жить. Не мог больше ходить в личине предателя. Я должен был поговорить с ним.

— О чем?

— Рассказать Ерохину все, как было, назвать некоторые детали, известные только ему. Они, эти детали, наверняка позволили бы поверить ему мне.

— Вы можете обо всем рассказать?

— Вы не поймете, вы не знаете...

— Так давайте попробуем, возможно, узнав, я пойму.

— Хорошо. Нет... Нет... Не зажигайте света, не надо. Или это у вас профессионально, как в книжках пишут, глаза видеть, руки...

— В книжках многое пишут. Не хотите, будем сидеть в темноте.

— Хочу, пока хочу. Как мне вас называть?

— Иван Александрович.

— Да... Да... Вы никогда не поймете этого. Нет ничего страшнее, когда тебя считают врагом. Предательство — это... ну не только черта характера, это, если хотите, профессия. Да... Поверьте мне. Я не желаю вам, да и никому другому пережить то, что пережил я. Хорошо... Хорошо... По порядку. Я пришел с финской. На фронте был сапером. Старшим лейтенантом. Воевал не хуже других, но, видимо, и не лучше... Награжден значком, памятным. Так. Приехал, снова дела принял. До меня здесь Малыхин работал, пьяница, очень плохой человек. Работу он развалил и, не сдав дела, уехал, написал заявление, что, мол, на Североникель. Я принял дела, сразу начал восстанавливать все, но тут появилась статья Ерохина в «Городском хозяйстве». Он о Малыхине писал, а редактор взял да везде фамилию и поправил на мою. Мол, что с уехавшего взять, а я рядом, ответить могу. А время, помните, какое было? Да, конечно, вы помните... Тут комиссия, ревизия... Васильев, наш первый секретарь райкома, был в отъезде, его замещал Блинов, человек хороший, но новый, с учебы к нам попал, не разобрался, в общем, исключили...

— А как Ерохин реагировал на все это?

— Он заявление писал на редактора и в мою защиту, но ему тоже чуть беспринципность не пришили.

Но мы с ним были всегда не то чтобы друзья, но уважали друг друга.

— Это заявление сохранилось?

— Безусловно, на основании его потом был освобожден от должности редактор газеты Авербах. Именно после письма Ерохина прислали настоящую комиссию, разобрались, а тут война.

— Что было дальше?

— Когда немцы подошли, меня вызвали в НКВД и предложили остаться в городе. В общем, все логично, я обижен Советской властью, даже инсценировали, что именно я спас от взрыва городское водоснабжение.

— С кем вы поддерживали связь?

— Только с Васильевым и Котовым

— Котов — это начальник НКВД?

— Да.

— Вы знаете, что он погиб?

— Да, знаю. Он шел ко мне. Перед этим ночью ко мне домой пришел Васильев, он приказал спасти от взрыва город.

— Вы выполнили приказ?

— Как видите.

— Один?

— Нет, у меня была группа, три человека, они погибли в перестрелке, а меня ранили. Добрался до дома. Немцы уже бежали, и меня начали разыскивать как врага, тут я узнал, что Котов погиб, а отряд ушел на запад.

— Почему вы не явились в органы?

— Как предатель я был бы немедленно расстрелян. А мне жить хочется, тем более что Васильев сказал, что меня восстановили в партии.

— Хорошо, о вашей деятельности я уже запросил отряд Васильева.

— Правда?.. Вы говорите правду?..

— Я всегда говорю правду, во всяком случае, стараюсь это делать. Расскажите об убийстве Ерохина подробно.

— Я увидел его, он ехал на велосипеде, и побежал, чтобы успеть к месту встречи. Вдруг раздался выстрел. Я обернулся и увидел, что Ерохин лежит, из кустов выскочил человек...

— Вы узнали его?
— Потом да, когда встретил.
— Кто это был?
— Бронислав Музыка, бывший начальник полиции.
— Что вы сделали?
— А что мне оставалось? Если бы меня увидели рядом с убитым, то и это приписали бы мне как врагу. Я решил убить Музыку, полез в карман и вспомнил, что забыл пистолет на пасеке.
— Где?
— Я скрывался на пасеке, здесь, недалеко, у своего двоюродного брата-инвалида.
— Понятно. Что дальше?
— Музыку я все равно встретил. На опушке. Он увидел меня и засмеялся. Не успел, мол, сказал, а, бургомистр? А я успел, рассчитался за тебя. Так всегда, пока вы, фрайера, дергаетесь, деловые в цвет попадают
— Вы точно передали разговор?
— С жаргоном этим? Потом он меня к ним звал. Мол, говорит, один пропадешь, а с нами и погуляешь, и поживешь широко.
— Звал с собой?
— Да. Но я отказался, тогда он мне сказал: «Надумаешь, приходи на кирпичный завод к Банину, сторожу, я его предупрежу, он тебя ко мне на дрезине доставит».
— На чем?
— На дрезине.
— Что дальше?
— Я испугался его откровенности, он зверь, вы же слышали о нем?.. Тогда я ему обещал, что приду точно, только, мол, возьму ценности.

Он засмеялся и предупредил, чтобы я не опаздывал и, если попадусь, чтобы лучше стрелялся сразу, не ждал, пока коммунисты к стенке поставят.
— Что означают его слова «на дрезине»?
— От кирпичного завода идет узкоколейка, четыре километра прямо к торфоразработкам, они находятся на территории соседнего района.
— Так... Так... Пока все, я вам верю, но до прихода подтверждения я вынужден задержать вас.
— Я понимаю.

Он закрыл окно и опустил штору. Сразу в комнате стало невыносимо темно. Темно и тревожно. Ощущение это длилось всего несколько секунд, пока он не зажег лампу. Даже крохотный поначалу огонь заставил его зажмуриться, таким ярким и резким показался он после темноты. Данилов прибавил фитиль, и комната сразу же наполнилась слабоватым, колеблющимся светом. Теперь он мог осмотреться. Первое, что он увидел, — пистолет ФН, пятнадцатизарядный девятимиллиметровый пистолет, лежащий на столе. Иван Александрович взял его, вынул магазин, передернул затвор, патронник был пуст. Пятнадцать тупоголовых, крупных, как орехи, пуль лежали в обойме. Теперь он окончательно верил Кравцову. Враги всегда досылают патрон в ствол. Всегда, потому что им нужно стрелять, и желательно первым. Данилов сунул пистолет в сумку и только тогда как следует поглядел на Кравцова, до этого он следил за ним боковым зрением, на всякий случай, по привычке улавливая только движения.

За столом сидел человек с худым лицом, чуть прищуренными от света лампы глазами. Он был худ и потому скуласт, седые, чуть вьющиеся волосы падали на лоб. Иван Александрович сразу заметил, что инженер давно не был в парикмахерской, стригли его ножницами, дома, и делали это неумело.

— Пойдемте, — сказал Данилов.

Кравцов встал, и только теперь Иван Александрович понял, до чего он худ.

— Вы плохо ели все время?

— Нет, продукты были, это нервы, я почти не спал и не мог есть.

Да, этот человек мало похож на преступника. Их обычно не терзают угрызения совести, они хорошо спят, да и аппетит у них отменный. Это вполне естественно, потому что их жизненное кредо состоит всего из трех основных компонентов: деньги, бабы, выпивка. Он вспомнил, как в тридцатом году налетчик Козлов по кличке Мишка Рябой сказал ему доверительно: «Я, гражданин начальник, ем только в тюрьме, на воле я закусываю».

Данилов пропустил задержанного вперед, нажал на

кнопку фонаря, на секунду освещая крутые ступеньки крыльца. Начал накрапывать дождь, пока еще совсем редкий, но капли были крупными и падали тяжело, звонко. Гроза приближалась к городу, и всполохи ее вырывали из мрака дома, деревья, заборы. Они быстро шли по дощатому тротуару, податливо проваливающемуся под ногами.

— Если бы не война, — вдруг сказал Кравцов, — я бы к следующему году все улицы заасфальтировал.

Данилов молчал.

— Не верите? — спросил Кравцов. — Мне уже деньги выделили, механизмы обещали подбросить. Не верите?

— Верю и верю в то, что именно вы все это сделаете сразу после войны.

— Эх, ваши бы слова да к богу в уши...

Дождь настиг их у дверей райотдела. Данилов пропустил Кравцова вперед и сразу увидел, что тот как будто стал меньше, словно ему подрезали ноги. По полутемному коридору они дошли до кабинета Орлова и мимо удивленного дежурного прошли прямо к двери.

Орлов сидел за столом, положив голову на руки, и, видимо, дремал. Услышав скрип двери, он поднял голову, провел ладонью по лицу, словно стирал с него бессонницу, усталость, нервное напряжение последних дней.

— Это ты, Данилов... — Внезапно он увидел Кравцова, хищно прищурился, узнавая, потом включил рефлектор, направив свет на вошедшего. — Кравцов!

Орлов вскочил из-за стола, словно хотел дотронуться до него, ощутить реальность его плоти и успокоиться.

— Где взял? — повернулся он к Данилову.

— Сам пришел.

— С повинной?

— А ему, мне кажется, виниться не в чем.

— Ты это брось, Данилов! Слышишь! Брось! Ты кого под защиту берешь? А? Немецкого холуя, врага! Перерожденца защищаешь?

— Орлов, Орлов. Ну где ты таких слов набрался?

— Каких?

— Удобных на все случаи жизни. Закрылся ими, как щитом, и всегда прав. Здесь другое дело, совсем

другое. Кстати, мне от Виктора Кузьмича ничего нет?

— Час назад пришло донесение, работают с ним

— Ну вот, давай подождем. Как передадут, тогда и решение примем.

В дверь постучались.

— Войдите, — крикнул Орлов.

Вошел сержант и, покосившись на Данилова и Кравцова, положил на стол начальника папку

— Разрешите идти?

— Свободен, — Орлов вынул из папки лист бумаги и начал читать его внимательно и долго, потом опустил его, постоял, словно обдумывая прочитанное, и вновь поднес к глазам. Потом долго, с недоумением смотрел на Кравцова, протягивая бумагу Данилову.

«ДАНИЛОВУ, ОРЛОВУ, ДОНЕСЕНИЕ.

На наш запрос командир партизанского отряда «За Родину», бывший первый секретарь райкома ВКП(б) тов. Васильев сообщил: «Тов. Кравцов из партии исключен неправильно, решение о его восстановлении получено. Тов. Кравцов работал бургомистром по моему заданию, проявил мужество и героизм, спас город от взрыва. Представлен к правительственной награде, которая и поступила к нам в отряд. Поздравляю тов. Кравцова с награждением орденом «Знак Почета». Орденский знак и документы переправлю в город.

Васильев
Верно: майор госбезопасности Королев».

— Читайте, — Данилов протянул шифровку Кравцову, — читайте и помните, что этот запрос на моем месте послал бы каждый. Я не отрицаю, разное было, но все равно людям надо верить, только тогда они поверят вам.

Но Кравцов не слушал его, он плакал.

— Тихонова ко мне, — приказал, открыв дверь, Орлов.

Через несколько минут в кабинет вошел его заместитель Тихонов.

— Вот что, Борис Петрович, немедленно распорядитесь прекратить розыски Кравцова.

— Бургомистра?
— Нет никакого бургомистра, ошибка это. Был наш товарищ, выполнявший задание.
— А основание?
— Шифровка из Москвы.
— Есть.
— Немедленно.
— Есть.

Когда Тихонов ушел, Орлов подошел к Кравцову, приподнял его со стула:
— Ну, брось, брось мокроту-то разводить, ведь не баба ты. Такое дело для людей сделал... Эх, интеллигенция, интеллигенция. Нет в вас твердости. Все на истериках, даже подвиги. Ну что с ним делать, Данилов, как ты думаешь?
— Товарищ Кравцов, успокойтесь, выпейте воды, напишите подробно все, о чем вы мне рассказали, особенно о кирпичном заводе. Ну же, ну...
— Я сделаю, а потом, потом я могу идти домой?
— Пока нет. Еще пару дней для всех вы бургомистр Кравцов. Да, кстати, возьмите ваше оружие, я думаю, оно вам пригодится, и очень скоро.
— Я его провожу, — сказал Орлов, он обнял инженера за плечи и повел к дверям, — сейчас напишешь, поешь, поспишь, — ласково, как ребенку, говорил он ему.
Уже выйдя из кабинета, Кравцов повернул заплаканное лицо:
— Спасибо вам, товарищи, спасибо. Я сегодня словно заново родился.
Орлов вернулся минут через двадцать, посмотрел на Данилова, развел руками:
— Ну, Александрыч, ты даешь. Как ты вышел-то на него?
— А чего проще. Я все показания о нем прочел. Смотрю, пособник, а крови на нем нет. Потом газетку достал со статьей Ерохина. Там его ругают сильно, а он в это время на финской мерз. Ну а потом мне его жена многое рассказала.
— Это когда ты к ней ночью бегал?
— Знаешь?
— Не сердись, служба такая.
— А я не сержусь, понимаю.

— Что ты о заводе говорил-то?
— Неси карту, сейчас покажу.

МОСКВА. Август

Начальник МУРа внимательно прочитал рапорт Муравьева. Подчеркнул красным карандашом то место, где говорилось о столкновении Кострова с патрулем, и написал наискось: «Тов. Парамонову. Муравьеву поставить на вид. Думать надо». Действительно, глупо начинать операцию, не предусмотрев такой мелочи. Конечно, ничего страшного не случилось, даже наоборот, версия Кострова в глазах «игроков» стала еще более прочной, да и вел себя Мишка, конечно, правильно, четко сориентировавшись в обстановке. Но все равно Муравьеву надо указать. Пусть учится, как следует учится. Быть настоящим оперативником совсем не значит стрелять хорошо да задерживать. Вон Муштаков работает, как шахматист, психологию изучает. Но тем не менее, понимая достоинство Муштакова, начальник все равно ценил в сыске элемент риска, силы, напора. Он пришел в розыск в те далекие времена, когда смелость и хладнокровие были самыми главными качествами агентов угро, когда не было никакой техники, кроме наганов, а эксперты в лучшем случае могли установить время наступления смерти.

Отложив рапорт Муравьева, он ознакомился с бумагой, присланной из отделения Муштакова, ознакомился и еще раз удивился необыкновенной четкости и организованности этого человека. По данным наружного наблюдения Муштакову удалось установить, что «сутулый» был неким Фоминым Сергеем Сергеевичем, крупным мошенником и скупщиком золота. Оперативными данными подтверждалось, что именно с ним и был связан Володя Гомельский. Таким образом, пока все развивалось точно по плану.

На столе звякнул внутренний телефон.

— Да.

— Товарищ начальник, — доложил Осетров, — донесение от Данилова.

— Давай.

«НАЧАЛЬНИКУ МУРа. СРОЧНО!

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Совместными усилиями с органами на местах нами обнаружена база бандгруппы Музыки — «ювелиров». Вступив в контакт с подразделением войск по охране тыла действующей Красной Армии, готовим войсковую операцию, о результатах доложу по выполнении.

Данилов».

«Молодец, вот молодец! Как всегда, не торопясь, но точно в срок». В спецсообщении не было никаких подробностей, но начальник знал точно, что база банды блокирована, что ее участники находятся под пристальным наблюдением и что взяты они будут с наименьшими потерями и, желательно, живыми. Начальник поднял телефонную трубку:

— Муравьева ко мне.

Игорь появился минут через десять. Вошел, доложил по форме, вытянулся у порога.

— Что стоишь? Вырасти хочешь? Хватит уже, эко вымахал. Садись. Ну, чем порадуешь?

— Жду данных.

— Жди, а вот Данилов вышел на банду, брать ее будет.

— Вышел? — обрадованно спросил Игорь.

— Вышел. Но это ничего не значит, ты свое дело делай. Гомельского хоть из-под земли, а представь мне.

— Вы так говорите, товарищ начальник, будто я ничего не делаю.

— Если бы ничего не делал, я бы тебя давно уже из угрозыска уволил. А дело я с тебя требую, на то я и начальник. Где Костров?

— Гуляет по рынку.

— Один или с Зоей?

— Один.

— Страхуете его?

— Тремя группами.

— Серьезно. Прямо как коронованную особу. И долго он с бытом Тишинки знакомиться собирается?

— Это как повезет.

— Ох и смел ты, Муравьев, не по чину смел.

— А у меня другого выхода нет.

— Что ты думаешь делать дальше?

— Хочу туда поехать.

— Не надо. Ты операцией руководи. Получай данные и решения принимай. Помни, что ты не просто старший уполномоченный, а руководитель операции. Так-то. Привыкай. Руководить — наука трудная, если делать это как следует.

И опять зазвонил телефон. Начальник снял трубку, молча выслушал, потом поманил пальцем Муравьева:

— Это тебя.

— Меня? — удивился Игорь.

Начальник протянул ему трубку.

— Игорь Сергеевич, — голос Муштакова звучал приглушенно, — мне только что передали: Костров находится в пивной на углу Большого и Малого Кондратьевских переулков, только что к нему подошел Фомин.

МИШКА КОСТРОВ

Костюм на нем был шоколадного цвета, с чуть заметной клеточкой. Брюки что надо, тридцать сантиметров, рубашка из крученого шелка, галстук. Особенно хороши оказались ботинки: тупоносые, простроченные, темно-вишневые, ну и, конечно, буклевая кепка-лондонка. Вещи привез Муравьев, их ему незаметно передала Рита. Костюм этот Мишка шил в сороковом году, вернувшись из экспедиции, первый его костюм, на честные деньги «построенный», ну а кепка старая. Носил ее еще вор Костров.

Все, что надо, переложил Мишка в карман. Нож в брюки, пистолет засунул за пояс сбоку. Хорош мальчишечка. Ох, хорош.

Теперь по переулку Мишка шел спокойно. День будний был, народу немного, не то что в прошлый раз. Но наметанным взглядом Костров сразу определил крутится кое-кто здесь, ох, крутится. Выросший в блатном мире, с детства познавший его законы, Мишка безошибочно научился отличать своих бывших «коллег» от нормальных людей.

На углу Грузинской сидела старуха, торгующая семечками. Мишка хотел было купить стакан, да раздумал. Новое обличье удачливого налетчика накладывало свои отпечатки, он должен был теперь соизмерять

поступки в соответствии со своей «воровской профессией». «Солидный блатной» не может себе позволить того, что разрешает какая-то мелкота. Вот папиросы он купил у инвалида с пропитым лицом, за тридцатку пачку «Казбека». Инвалид, протягивая пачку, внимательно поглядел на Мишку.

— На мне нарисовано чего или как? — спросил Костров.

— А что, глянуть нельзя, вроде новый человек...

— Ты гляди-то осторожно, — Мишка распечатал пачку, постучал мундштуком папиросы по крышке. — Гляди осторожно, — он улыбнулся, блеснув золотой коронкой, — а то вполне можно тебе сделать полное солнечное затмение.

— Ты чего это? Чего? — инвалид попятился.

— А ничего. Знаю я вас, убогих Сам на костыле, а к куму раньше других добегаешь.

Он повернулся и пошел. Вдоль трамвайных путей к Курбатовской площади. День выдался нежаркий, иначе бы пропал он в своем шоколадном костюме и кепке. Но небо заволокло тучами, собирался дождик, да и вообще дело к осени шло. «Скорей бы, — думал Мишка, — кончить бы это дело да Ритку с ребенком повидать». Вот ведь как получается: сел на трамвай и через полчаса дома, да никак нельзя ему это делать.

Правда, Данилов, прощаясь, обещал, что выхлопочет ему отпуск, а Иван никогда не врет. Кремень-мужик: сказал — сделал. Тем более ему теперь полегче, так как перевели Мишку в истребительный батальон НКВД, а это вроде в его системе. Мишка вспомнил о Данилове, и ему стало тревожно: зря он уехал из райцентра. Там, видно, дела веселые начались, не то что здесь, гуляй по улице да на баб глазей. И в том тяжелом деле ему захотелось непременно быть рядом с Даниловым, а не здесь, среди тишинской шпаны. Но Иван просил его найти Гомельского, а он, Костров, обещал, а раз обещал, значит, найдет.

Володю Гомельского Мишка знал давно, в тридцать четвертом они даже сидели в одном лагере на севере. Володя человек был не злой, но чрезвычайно ушлый, он даже в лагере ухитрился скупать золотые коронки. Как он это делал, никому не ведомо, но важен факт — делал. Отношения у них с Мишкой всег-

да были нормальными, и пару раз Володя взял у него кое-что, правда, мелочь. Золото Мишка не любил, всегда предпочитал наличные.

Так, задумавшись, он шел по знакомым переулкам мимо старых деревянных домов, мимо палисадников и акаций. Мишка думал о прошлом, в которое нет и никогда не будет возврата, о новой своей жизни и о новых друзьях.

Он и не заметил, как вновь оказался в Большом Кондратьевском. И только здесь понял, что за два часа никого не встретил, не увидал. Воспоминания прошлого еще жили с ним совсем рядом, и вернуться в него он мог только в памяти, в реальной жизни пути назад не было. Ну что ж, сыщик из него получился никудышный, хотя, впрочем, может быть, те, кого он не увидел, увидели его.

Мишка не торопясь огляделся, достал папиросу. Что-то все же ему было здесь неуютно. Год фронтовой, разведрота приучили его чувствовать опасность кожей. Нет, что-то здесь не так. Он достал спички и словно случайно уронил коробок, наклоняясь за ним, незаметно посмотрел назад. Вот она, рожа прыщавая в малокозырочке. Так и есть, топает за ним, глаз не спускает.

«Шакал, — подумал Мишка, — ему бы падаль жрать. Присосался к кому-то, служит честно за блатной «авторитет», за водку, за денежки, за то, чтобы во дворе пацаны со страхом и уважением на него глядели».

Он поднял коробок, чиркнув спичкой, прикурил папиросу. Что ж, пора создать им условия для встречи. Пора. Мишка усмехнулся внутренне и толкнул дощатую облезлую дверь пивной.

В лицо ударил душный застоявшийся запах табачного перегара, алкоголя и пива. В маленьком зале уместилось шесть столиков, покрытых несвёжими, потерявшими цвет клеенками. За стойкой, занимавшей всю стену, стояла могучая блондинка с необъятным бюстом, похожая на борца-тяжеловеса. Она равнодушно взглянула на вошедшего, взяла перевернутую вверх дном кружку, поставила ее под кран.

— А может, я не пью пива, — усмехнулся Костров.

— Тогда сюда и ходить незачем.

— Может, я шампанское пью.

— А по мне хоть «Шартрез», не хочешь пива, другие выпьют, а с такими запросами в «Гранд-отель» ходить надо.

— Ладно уж, что пожрать есть?

— Сюда обедать не ходят, по нынешним временам жрать дома надо.

Мишка поглядел на стойку. За засиженным мухами стеклом сиротливо приткнулись несколько тарелочек с кусками ржавой селедки, обложенной кружочками вареной картошки.

— Ну ладно, пару пива, селедочку, а если... — Мишка подмигнул.

Буфетчица внимательно оглядела его, подумала. Костров видел, что она внутренне боролась с собой, но, видимо, профессиональная интуиция взяла верх, она поняла, что этот молодой пижон никак не может причинить ей вреда. Да и вообще, видать, паренек тертый, много таких забегали к ней, а потом исчезали бесследно. Чем они занимались, она не знала, да и не хотела знать, у нее своих забот хватало. Точно, из тех этот симпатичный паренек. Вон улыбается как, а золотые коронки поблескивают.

— Ладно, — буфетчица улыбнулась, показав целый набор металлических зубов, — налью. Сколько?

«Как укусит — полруки нет», — подумал Мишка и ответил как положено:

— К кружечке прицеп — сто грамм, а кружечек-то две.

— Ишь, — улыбнулась буфетчица еще шире, — все понимаешь. — Она наклонилась под стойку и поставила перед Костровым граненый стакан, до краев наполненный водкой.

— Бери и садись.

Мишка полез в карман, положил на стойку четыре радужные тридцатки, потом подумал и добавил еще одну.

И пока он шел к пустому столику, буфетчица глядела ему в спину и думала, что кому-то привалило вот счастье, попался такой симпатичный, щедрый и, видать, деловой парень, а она который год живет со своим пьяницей Лешкой, которого даже в армию не взяли, так отравил себя водкой.

Мишка сел за столик в самом углу, спиной к сте-

не, и внимательно оглядел пивную. За соседним столом удобно устроилась компания здоровенных мужиков в темных костюмах, они тихо переговаривались, не обращая ни на кого внимания, только один из них, седоватый, коротко стриженный, поймав его взгляд, чуть заметно подмигнул и почесал щеку.

«Наши», — понял Костров, и ему сразу же стало легко и спокойно. Теперь здесь он был не один. Ребята из МУРа, его друзья и друзья Данилова, были рядом, и он чувствовал свое единение с ними, и от этого ощущения к нему приходила неведомая ранее сила. Пускай вся блатная кодла Тишинки придет сюда. Пускай! Он как на фронте, с ним рядом товарищи по оружию, и они сильнее всех, потому что именно они защищают правду.

Мишка сел поудобнее и выпил полстакана, потом сдул с кружки белоснежную шапку и с наслаждением потянул пиво. Водка теплом разлилась по телу, и ему стало совсем хорошо. Шум пивной долетал до него морским прибоем, то накрывая его, то вновь откатываясь. Иногда он слышал обрывки фраз, чей-то смех. На какое-то время ему показалось, что войны нет вовсе, а сидит он просто так, в мирном сорок втором, шел по улице да и заглянул сюда. Имеет же мужчина право отдохнуть? Но постепенно первый хмель начал проходить. Так с ним и раньше бывало. Чуть ударит в голову, а потом пей сколько влезет, и ничего. Мишка решил заказать еще пива и совсем было поднялся из-за стола.

У буфета стоял юркий паренек в кепочке-малокозырке. Вот он ловко захватил двумя руками четыре кружки пива и аккуратно, стараясь не расплескать, направился к Мишкиному столу.

— Свободно? — Не дожидаясь ответа, он грохнул кружки на стол и присел осторожно, словно кот.

— А может, у меня занято? Может, я подругу жду, к примеру, — Мишка, прищурившись, в упор поглядел на парня, — тогда как? А?

— Тогда я уйду, ты чего, уйду я. — Парень отодвинулся вместе со стулом.

— Ладно уж, сиди, — Мишка полез в карман, вытащил тридцатку. — Ну, в железку зарядим.

— С тобой-то? Нет. С тобой пусть другие играют.

— По маленькой, чтоб время провести.

— Не буду.

— Не знаешь ты закона, сявка. Когда тебе деловой говорит, все исполнять надо. Запомни: в блатную жизнь вход рупь стоит, вошел туда — исполняй закон, тогда в авторитете ходить будешь.

— Так я всегда. Как кликуха-то твоя будет? Может, я слышал?

— Червонец я. Мишка Червонец.

— Как же, — в голосе парня послышались уважительные нотки, — много слышал от старших. Говорили, что вы по самому краю пошли.

— Говорили, — Мишка выплеснул в рот остатки водки, лениво пожевал картошку, — они много чего говорят. Сами падаль жрут, а нам завидуют. Значит, так, — он вынул из кармана скомканные деньги, — организуй выпить, закуску, ну пива, конечно.

— Это мы в момент, прямо сейчас. — Парень подскочил к стойке, о чем-то зашептался с буфетчицей, показывая на Мишку. Минуты через две он вернулся, присел у стола: — Сейчас все будет в лучшем виде.

— В компанию примете? — спросил кто-то.

Мишка поднял глаза и увидел сутулого.

— Садись.

— Спасибо. Как там, Малышка?

— Все сейчас принесут, Сергей Сергеевич, вот Червонец гуляет.

— Ну ладно, потом я отвечу. Здорово, Михаил. Не признаешь?

— Теперь я тебя, Фомин, признал. А тогда нет, больно исхудал ты, что, чахотка бьет?

— Она. Врачи говорят: питаться лучше надо да не нервничать. Да где там... Каждую копейку горбом выбиваешь, прямо чистый лесоповал. — Фомин вздохнул, потянулся к кружке.

— Что-то я тебя на повале-то не видел, — усмехнулся Мишка, — ты больше в нарядчиках придуривался.

— Кто как может, Миша, кому какая жизненная линия.

— А что ты меня пасешь, чего твои сопляки за мной бегают? Может, ты для МУРа стараешься? А?

— Ты, Миша, меня за стукача держал когда разве? Нет. Мне мальчики мои сказали, что есть у тебя

золотишко. Вот я прицениться и хотел. Может, сторгуемся?

— Может.

— Так покажи.

— Прямо здесь? — насмешливо спросил Костров.

— Зачем здесь, можем выйти.

— Золото есть, и камни есть, только я им цену знаю.

— Про цену сейчас разговора нет. Слушок прошел, будто ты с каэрами спутался, у Резаного в банде был.

— Слушай меня внимательно, Фомин, — твердо сказал Мишка, — я сейчас и тебя, и твою шестерку шлепну и уйду, — он выдернул из-под пиджака пистолет, — на мне крови много, чуть больше, чуть меньше — роли не играет.

— Ты, Миша, примус спрячь. Ты меня знаешь, а я тебя. Живи как хочешь, я тебе не судья, я о другом: есть товар — возьму. Нет — разошлись. Годится?

— Годится. — Мишка сунул пистолет в карман, огляделся и вытащил кожаный мешочек. — Гляди, Сергей, вот что имеем. — Он вытряхнул на ладонь осыпь.

Фомин весь подался вперед, стараясь получше рассмотреть украшение. Мишка подержал ее немного и опять положил в мешочек.

— Большой цены вещь, — хрипло сказал Фомин,— у меня таких денег нет.

— Это точно. — Мишка покосился на пацана, услужливо расставляющего на столе закуску и водку. — Мне клиент с копейкой нужен. Есть у тебя такой?

— Найдем.

— Только ты помни: я к любому не пойду. Что за человек?

— Человек тебе хорошо известный. Володя Гомельский.

— Годится, — равнодушно ответил Мишка. Ох, если бы кто-нибудь знал, чего стоило ему это равнодушие! Ему хотелось кричать от радости, петь, расцеловать всех, кто сидит здесь, в пивной, он даже глаза опустил, чтобы Фомин, не дай бог, не прочитал бы в них эту его радость.

— Ну давай, — Мишка поднял стакан, — выпьем, Серега, за жизнь нашу, копеечную жизнь.

— Давай, — Фомин протянул стакан, чокнулся, — только копеечная она не для всех. Ты вот...

— Давай пей, — Мишка выпил стакан залпом, сморщился, запил пивом. — Ох, хорошо!

— Ты, Мишка, — наклонился к нему Фомин, — скажи мне, какой мне интерес выйдет? Я тебя с Володей сведу, ты ему камни, он тебе деньги, а мне?

— Тебе, — Мишка задумчиво повертел в руках стакан, — польза тебе будет. — Он сунул руку в карман, увидел, как беспокойно забегали глаза у Фомина.

— Не бойся, вот, — он положил на стол две золотые десятки, — бери аванс. После дела еще три.

— Широкий ты парень, Червонец, люблю тебя, как брата люблю.

— Это потом. Где Володю увижу?

— Сегодня в семь. Как найти тебя? Здесь?

— Нет. Я в одном и том же месте появляться не люблю. Сквер на Миусской знаешь?

— Знаю.

— Там площадка детская есть, вот на ней буду в песочек играться. Ну, гуляйте, а я пойду.

— К своей?

— Ага.

— Хорошая баба?

— Ничего, наша, верная.

— Так в семь?

— Точно. Только скажи Володе, что я на Тишинке этим заниматься не буду. Пусть другое место ищет. Когда мы с ним дело уладим, я тебе три червонца отдам, да и по мелочи кое-что у меня есть, на это у тебя денег хватит. Мне надо в Ташкент подаваться, а то климат у вас тут для меня неподходящий. — Мишка встал, кивнул Фомину и вышел из пивной.

МУРАВЬЕВ

Он бежал по коридору мимо сотрудников, изумленно оглядывающихся на него. Остановился он только у двери приемной, толкнул ее и, переводя дыхание, спросил у удивленного Осетрова:

— Где?

— Занят.

— Доложи, срочно.

Осетров из-за очков внимательно посмотрел на Игоря и, видимо, понял, что просто так человек из брига-

ды Данилова не ворвется в приемную в таком виде.

— Подожди.

Он скрылся за дверью кабинета и сразу же появился обратно:

— Ждет.

Игорь рванул дверь и, не глядя, не узнавая тех, кто сидел в кабинете начальника, почти крикнул:

— Есть Гомельский!

— Что, — начальник вскочил, — где?

— Через два часа будет у Мишки на квартире.

Только теперь Игорь смог разглядеть сидящих за столом людей. Это были Муштаков, Парамонов, Серебровский.

— Садись, — приказал начальник. — Продолжай,— кивнул он Серебровскому.

— Из пивной Фомин, — Серебровский, чуть усмехнувшись, поглядел на Игоря, — поехал в Первый Казачий переулок, зашел в дом три, во дворе. Дальше мы его не повели, боялись расшифроваться, пробыл там минут десять и поехал к себе на Маросейку, адрес есть в деле. Один из сотрудников следил за ним, а другие остались в Казачьем. Проверкой установлено, что в доме три, квартира два у некой Силиной, гримерши Еврейского театра, проживает заслуженный артист БССР Сахаровский Владимир Георгиевич, эвакуировавшийся из Минска и работающий во фронтовой актерской бригаде. После предъявления фотографии Гомельского домоуправу оказалось, что он и Сахаровский одно и то же лицо. В 18.30 Фомин вышел из дома и поехал на Миусскую. Там он встретился с Костровым, поговорили они минут десять и разошлись. Фомину удалось остановить машину-полуторку и уговорить шофера. Номер машины МА-17-47. Шофер допрошен. Фомин приехал в Казачий и пока находится там.

— Все? — спросил начальник.

— Пока все, смотрим.

— Что у тебя, Муравьев?

— Зоя сообщила, что Гомельский будет у них в десять.

Начальник взглянул на часы:

— Через два часа, — он помолчал, думая. А подумать было о чем. Как поступить? Брать Фомина

и Гомельского в Казачьем или на квартире у Зои? Как поступить?

— Какие мнения?

— Разрешите, — Муштаков встал, — Фомин и Гомельский под наблюдением, уйти не смогут, мы блокировали переулок. Мне думается, их надо брать у Зои.

— Почему?

— Мне кажется, они не те люди, чтобы заплатить такие огромные деньги. Помните, Гомельский занимался «разгонами»? Так вот, они попробуют это и сейчас. Тут мы их всех, — Муштаков свел ладони.

— Логично, — сказал Серебровский, — только ведь они характер Мишкин знают, оружие видели...

— Я тоже за Зоину квартиру, — перебил его Муравьев.

— Ну что ж. Начинаем. Блокируем квартиру. — Начальник поднял трубку.

В этот вечер город продолжал жить своей обычной жизнью. В восемь вечера закончился последний сеанс в кино, люди должны были до комендантского часа успеть домой; работали заводы, в магазины подвозили свежевыпеченный хлеб, его завтра утром отдадут по карточкам; кончилась третья смена в школе, радио передавало очередную сводку Совинформбюро. Все было как обычно, и никто не заметил, как появились и исчезли в Большом Кондратьевском переулке люди. Они растворились в проходных дворах и подъездах, скрылись в чахлых палисадниках. Другие стали на трамвайной остановке, несколько молодых парней в форме летчиков с девушками в ярких платьях пошли по переулку. Никто ничего не заметил. Город жил своей обычной жизнью.

ГОМЕЛЬСКИЙ И ФОМИН

— Ты, наверное, считаешь меня сумасшедшим? — Володя посмотрел на Фомина изучающе. — Такие деньги отдать этому уркагану. Я что, печатную фабрику открыл? Гознак?

— Мишка парень горячий, потом оружие... Баба эта.

— Ну и что, выпьем. Ему нальем из нашей бутыл-

ки. А когда он закосеет, я скажу, что деньги в портфеле, спрятаны в тайнике во дворе. Ты пойдешь за портфелем и откроешь дверь. Андрей и Лешка в форме войдут, ну тут обыск, изъятие...

— А потом?

— Что потом? Потом его в отделение поведут. Вернее — всех нас, а он смоется и будет молиться богу, что ушел.

— Не поверит.

— Возможно. Главное — взять вещь. Понимаешь? А потом мы с тобой надолго исчезнем. Его же ищут. Я к нему на квартиру человека посылал, так тот едва ушел, засада там. Он все равно из Москвы бежать должен. А ты думаешь, что потом будет? Высшая мера ему светит. За Резаного, да и за камушки эти.

— Ну, если так...

— Трус ты, Фомин, тебе с дураками в три листика играть.

— Какая моя доля?

— Сто тысяч.

— Пошли.

— Иди к Андрею и Лешке, они ждут, скажи, чтобы в полдесятого у дверей стояли. Понял?

— Понял.

— Иди, только быстро, я жду.

МИШКА КОСТРОВ

Он надел форму, туго перепоясался ремнем с кобурой. Ему противен был тот самый костюм, в котором он сидел в пивной вместе с Фоминым. Теперь он опять стал сержантом Костровым, фронтовым разведчиком, человеком, ничего общего не имеющим с известным когда-то Мишкой Червонцем. Наверное, никто, как он, не радовался окончанию операции. И не потому, что удастся увидеть жену и ребенка, несколько дней пожить дома. Другое, более сильное чувство жило в нем. Сегодня — а это он знал точно — заплачен еще один долг. Год назад, впервые согласившись помочь Данилову, он еще смутно, но сознавал, что это его помощь, тот посильный вклад, который он, Мишка Костров, бывший уголовник, порвавший с прошлым, может внести в общее дело борьбы с фашизмом. И ес-

ли после освобождения из колонии он с гордостью думал о том, что стал жить честно, как все, то со временем понял: люди, окружающие его, воспринимают происшедшее как нечто вполне закономерное. Для них, его новых друзей и сослуживцев, это просто норма жизни. С тех пор Костров и свою жизнь разграничил очень четко — то, что было тогда, и то, что стало теперь. Стараясь вытравить из себя прошлое, он самоотверженно работал, начал учиться в школе. Но иногда, задумываясь о своей жизни, Мишка понимал: этого мало. Слишком велик был груз его вины перед теми людьми, которые поверили ему. Когда началась война, он сделал все, что мог, помогая Данилову. Ну а как воевал — об этом можно судить по двум его медалям. Но все равно он чувствовал, что этого мало. Потому что дело не в Почетной грамоте, выданной ему на прежней работе, и не в медалях, полученных на фронте. Костров как бы рождался заново, в нем появились черты, удивляющие его самого. Иногда, совершив тот или иной поступок, Михаил словно со стороны глядел на себя, не узнавая в этом новом человеке себя прежнего. За все, что произошло с ним, он был безмерно благодарен Данилову. Для него Иван Александрович стал непререкаемым авторитетом. Часто, собираясь что-то сделать, Костров мысленно советовался с ним, пытался поставить в подобную ситуацию и сделать точно так, как поступил бы он. Так было в сорок первом, когда он пошел на квартиру к Широкову, так было и сейчас.

Мишка ходил по комнате, курил папиросу за папиросой. Нервничал ли он? Пожалуй, нет. Интуиция, основанная на знании людей, с которыми он сталкивался в той жизни, подсказывала ему, что Гомельский обязательно придет. Не такой он человек, чтобы отказаться от ценностей, да еще таких. Он не нервничал, он ждал. Его и Фомина. Ждал, когда медленно расстегнет кобуру, вынет наган и увидит их глаза. Все! — поставлена последняя точка. Пусть знают все, кем стал он, сержант Костров.

Несколько раз в комнату заглядывала Зоя, но, посмотрев на Мишку, так же молча уходила.

— Ты ему не мешай, — сказал ей Самохин, — у него сейчас день особый, вроде бы как экзамен.

— Он уже его сдал, — усмехнулась Зоя.

— У него их много, экзаменов этих. Каждый новый шаг по жизни.

Мишка подошел к окну, посмотрел в темный квадрат двора. Да, скоро осень, совсем скоро, а потом зима, самое тяжелое время для солдата. Куда он попадет через неделю, в какую часть, с кем служить будет?..

— Окно надо закрыть и опустить маскировку, — услышал он за спиной чей-то голос. Так обычно говорят люди, привыкшие приказывать.

Мишка обернулся, в комнате стоял какой-то человек. К окну подошла Зоя, закрыла его, опустила штору. Щелкнул выключатель. От яркого света Костров на секунду зажмурился.

— Здравствуйте, Костров, — незнакомец протянул руку, — моя фамилия Муштаков.

— Здравствуйте, — Мишка пожал крепкую ладонь и вспомнил, что видел Муштакова в МУРе.

— Ждете гостей? — Муштаков сел на диван, достал папиросу.

— Ждем.

— А что же стол не накрыли?

— Зачем?

— На всякий случай, мало ли как они придут. Может быть, сначала один Фомин, посмотрит, проверит... Давайте, Зоенька, быстренько... Вам помочь?

— Да что вы, что вы, я сама.

— Прекрасно, — Муштаков внимательно посмотрел на Мишку. — Вы молодец, Костров. Я много слышал о вас, но даже представить себе не мог, какой вы молодец. Теперь осталась чисто техническая работа. Они придут, сядут за стол. Вы не волнуетесь?

— Нет.

— Прекрасно. Я так и думал. Вы им нальете водку и скажете: «Зоя, принеси товар». Тут мы и войдем. Ну а как себя держать вам, поймете по обстановке, лучше, конечно, чтобы наган был под рукой.

— Ясно, товарищ Муштаков, как там Иван Александрович?

— У него все хорошо. К утру ждем от него сообщения о ликвидации банды. Кстати, после окончания операции вы уедете вместе с нами, мы завезем вас домой.

Мишка вздохнул. Тяжело, нервно вздохнул. Муш-

таков внимательно поглядел на него и улыбнулся.

А на столе уже стояла немудреная закуска: консервы, колбаса, холодная картошка, две бутылки водки.

Муштаков, словно режиссер сцену, оглядел комнату и, видимо, остался доволен.

— Вам надо выпить. Вам и Зое. Пусть они думают, что все уже пьяны. Кстати, гитара у вас, Зоенька, есть?

— Есть.

— Говорят, вы неплохо поете.

— Какое там.

— Не надо скромничать. — Муштаков взглянул на часы. — Давайте.

Мишка взял бутылку, налил две рюмки, посмотрел на Муштакова:

— А вам?

— К сожалению, в нашей работе не у всех такие приятные обязанности, как сегодня у вас. Я не могу. Пейте.

Он еще раз оглядел стол:

— Вот что, пустая бутылка у вас есть? Прекрасно. Поставьте ее, пусть думают, что вы давно пьете. Кстати, закуску-то. Вот так. А то она уж больно порядком не тронута. А теперь, Зоя, берите гитару. Пора.

Муштаков подошел к Мишке:

— Когда вы скажете: «Принеси товар, Зоя», это и будет сигналом. Начинайте.

МУРАВЬЕВ

Во дворе было тихо. Только с Большой Грузинской долетал скрежет трамвая. Он возникал внезапно и так же внезапно исчезал. Игорь с Парамоновым и двумя оперативниками сидели в затхлом палисадничке. Впрочем, место они выбрали неплохое. Темнота закрывала их лучше любых кустов.

Они сидели и прислушивались к шарканью ног в переулке. Время тянулось медленно, так всегда бывает, когда чего-то особенно ждешь.

Наверху, в квартире за маскировочной шторой, зазвенела гитара, и женский голос, приятный, чуть с хрипотцой, запел:

Мы странно встретились
И странно разойдемся...

Игорь прислушался. Романс был старый и грустный. Он раньше никогда не слышал его. И голос женщины звучал во дворе, как потерянная надежда, и гитара, догоняя слова, подпевала ей с какой-то щемящей тоской.

На несколько минут романс унес Игоря со двора, с улицы этой и вообще отовсюду.

Но это длилось всего несколько минут. Под аркой раздались осторожные шаги. Кто-то, едва различимый в темноте, вошел во двор, постоял, прислушиваясь, и снова скрылся под аркой.

Игорь осторожно потянул из кармана пистолет, спустил предохранитель. Щелчок показался ему выстрелом, и он весь внутренне сжался, прислушиваясь. Опять послышались шаги, но теперь уже шли несколько человек, и шли они уверенно, не прячась и не боясь.

«Четверо», — сосчитал Игорь. Двое были в штатском, а двое в форме, это он определил по силуэтам фуражек, только в какой, он различить не мог.

Вошедшие о чем-то посоветовались вполголоса, потом вспыхнула спичка: кто-то осветил циферблат часов.

— Через тридцать минут... — дальше Игорь ничего разобрать не смог. Двое скрылись в подъезде, а двое остались во дворе.

Парамонов сжал его плечо. Игорь понял: этих двоих надо брать.

В прихожей звякнул звонок один раз и после паузы еще два.

— Иди, Зоя, — Мишка посмотрел на девушку, — иди.

Зоя прямо с гитарой вышла в прихожую. Костров услышал, как щелкнул замок, потом чьи-то приглушенные голоса, среди которых он, прислушавшись, явно различил сипловатый голос Фомина.

— Заходите, — громко сказала Зоя, — а то мы вас заждались, почти все выпили.

— Неужели ничего не оставили? — голос был бар-

хатный, с этакими игривыми переливами. Так обычно говорят с детьми и с хорошенькими женщинами. Мишка сжал зубы от злости. «Ишь, сволочь, — подумал он, — прямо как в театре разговаривает».

— Ну, ведите, хозяйка.

Зоя посторонилась, и в комнату вошел человек в светло-сером костюме со шляпой в руках. На лацкане пиджака блестел орден «Знак Почета».

— Здравствуйте, Миша.

— Здорово, Гомельский, — Мишка встал и, чуть качнувшись, шагнул навстречу вошедшему. — Садись, гостем будешь.

— Ну, если ненадолго.

— А надолго и не выйдет, — Мишка указал рукой на стул, — времени у меня во, — он провел по горлу ладонью.

— Понимаю, — Гомельский сел, изящно развалившись на стуле. Он был точно таким же, как три года назад, когда Мишка встретил его в ресторане «Савой». Элегантным, сдержанным, крайне респектабельным.

— Ну что ж, Серега, — позвал Гомельский, — где ты?

— Иду, иду. Я тут квартирку осмотрел.

— Не верите? — зло скосил глаза Мишка.

— Ну почему же? Просто проверяем. Нынче как? Береженого бог бережет, небереженого конвой стережет.

— Твоя правда.

Фомин вошел в комнату, тяжело сел на стул, осмотрелся и потянулся к бутылке:

— Давайте, что ли?

— Нет, — твердо сказал Мишка, — это потом. Сначала дело.

— Не возражаю, — Гомельский внимательно поглядел на Фомина. — Не возражаю, — повторил он.

— Деньги с собой?

— Всегда. А товар?

— Зоя, — громко сказал Мишка, — Зоя, принеси товар.

Девушка встала и сделала шаг к двери.

— Нет, — вскочил Фомин, — я...

Он не договорил. В руке у Мишки воронено блеснул наган.

Стена в комнате словно разошлась, из темного про-

ема шагнули трое с оружием. Гомельский сунул руку в карман.

— Не надо, Володя, — спокойно сказал Муштаков, — дом окружен.

— Я за папиросами, гражданин начальник, я не ношу оружия. Вы же знаете, на мне крови нет.

— Хочу надеяться. Встать! — скомандовал Муштаков.

Внезапно Фомин, опрокидывая стол, прыгнул на Мишку. В руке его тускло блеснуло длинное жало ножа.

— Миша! — крикнула Зоя.

Костров не сдвинулся с места. Никто даже не заметил, когда он успел ударить. Фомин, как мешок с тряпьем, рухнул на пол. Выпавший из его руки нож воткнулся в дощатый крашеный пол.

— Побил все-таки посуду, сволочь, — сказал побелевший Мишка, — воды принесите, надо его облить, чтобы быстрей очухался.

МУРАВЬЕВ

Королев вошел к нему в кабинет.

— Я в уголке сяду, пока ты его допрашивать будешь. Не возражаешь?

— Что вы, Виктор Кузьмич! Конечно.

— Как решил построить допрос?

— Хочу начать сразу с Гоппе.

— Думаешь так? — Королев подвинул лампу, чтобы свет не падал на него. — Опасно. Битый он.

— Потому и поймет, что битый.

— Ну что ж. Давай.

— Задержанного Шустера ко мне.

Через несколько минут у дверей послышались тяжелые шаги.

— Товарищ начальник, — в комнату вошел милиционер, — по вашему вызову задержанный Шустер доставлен.

— Давайте его сюда и идите, я вызову.

— Есть.

Игорь взглянул на вошедшего Гомельского. Да, это был уже не тот элегантный, похожий на артиста человек. В кабинет ввели типичного обитателя внутренней

тюрьмы, в ботинках без шнурков, без брючного ремня и галстука. Даже эти несколько часов точно разграничили удачливого мошенника Володю Гомельского и подследственного Владимира Шустера.

— Садитесь, гражданин Шустер, — приказал Игорь.

Тот сел.

— Меня зовут Муравьев Игорь Сергеевич.

— Очень приятно, — Шустер чуть привстал, — значит, я буду иметь дело с вами, а не с гражданином Муштаковым?

— Пока со мной.

— А вы из его конторы?

— Нет.

— Я так и понял. Но чем я могу вам быть полезен? Я же фармазонщик, сиречь мошенник. Статья сто шестьдесят девять УК. А позвольте полюбопытствовать, какие в вашей конторе любимые статьи?

Игорь взял со стола Уголовный кодекс, открыл нужную страницу, протянул Гомельскому:

— Вот эта, читайте.

Тот пробежал ее глазами.

— Нет, — он положил кодекс на стол, — нет. Вы мне этого не примеряйте. Не надо. Гражданин начальник, там же вышка за каждым пунктом, а сейчас война. Не надо. Я вас очень прошу...

— Где Гоппе? — перебил его Игорь.

— Кто?

— Шантрель-Гоппе-Гопа. Где он?

— Я не знаю.

— Его?

— Да.

— Вам дать показания Пономарева? Знаете такого?

— Харьковского!

— Да.

— Не надо. Но это было раньше. Я его не видел уже лет пять. Клянусь. Мамой клянусь.

— Тогда давайте припомним Спиридонову.

— Не надо. Я понял. Но в его делах я не участвовал.

— Вы скупали у него ценности?

— Было. Но всего несколько раз...

— Где он?

— Скажите, гражданин Муравьев, суд учтет это?

— Суд все учтет, — Игорь отвинтил колпачок авторучки, — адрес?

Допрос длился недолго, около часа. Муравьева интересовали только вопросы, связанные с Гоппе. Второй половиной деятельности Гомельского должен был заниматься Муштаков. Арестованный, поняв всю опасность ситуации, старался быть предельно откровенным. Да, он встретил Гоппе в Москве, да, устроил его на квартиру, да, знал, что разыскиваемый под чужой фамилией устроился в комбинат Ювелирторга, да, встречался с ним и покупал ценности. Дальше все. О деятельности Гоппе и его связи с Музыкой, о немцах он ничего не знал. Когда его увели, Королев взял протокол, еще раз внимательно прочитал его:

— Ну что ж, вроде все в порядке. Мне кажется, он рассказал все, что знал. Сейчас мои сотрудники возьмут дом под наблюдение. Мало ли кто захочет посетить нашего подопечного. Ну а брать его будете вы, конечно, с нашей помощью. Закроете дело Ивановского и сразу Шантреля к нам. Договорились?

— Конечно, Виктор Кузьмич.

— Вот и прекрасно, разреши, я от тебя позвоню.

Он набрал номер:

— Славин, это я, Королев. Немедленно группу по адресу Сокольнический вал, дом шесть, квартира девять. Да, только смотреть, фотографии у вас есть. У меня все.

РАЙЦЕНТР (той же ночью)

Данилов чистил маузер. Он вынул его из чемодана, аккуратно протер сухой тряпкой. Это оружие в двадцатом году вручил ему начальник Центругрозыска Розенталь. Награжден был Данилов за ликвидацию банды Чугунова. Сегодня наступило время этого надежного оружия.

К операции по захвату банды готовились быстро, но тщательно. На оперативном совещании в райотделе присутствовали сотрудники госбезопасности и командиры подразделений по охране тыла. Той же ночью торфяники были блокированы. Решено было подождать сутки, посмотреть, возможно, кто-то выйдет на

связь с бандитами. Ровно на двадцать два часа сегодня назначили операцию.

Иван Александрович вытер оружие и вложил в деревянную кобуру. Ну вот и все. Сегодня вечером периферийная часть работы его группы будет закончена.

Через час они вместе с Беловым, Быковым и Кравцовым должны подъехать к кирпичному заводу. Кравцов зайдет к сторожу, ну а там уже дело техники.

ДАНИЛОВ

Машину они остановили на поляне, где уже стояли несколько «газиков» и грузовиков. Данилов вылез из «эмки» и подошел к группе командиров.

— Все готово? — спросил он Орлова.

— Как будто так.

— Ну, мы пошли.

— Давайте. Только ты смотри, Данилов... — В голосе Орлова послышалась тревога.

— Ничего, бог не выдаст — свинья не съест.

— Ты все шутишь.

— А в нашем деле иначе нельзя.

— Сторожка перекрыта. Он там один.

— Хорошо.

Данилов повернулся и пошел к своим. За Белова он не беспокоился. Но Кравцов... Сумеет ли он войти в сторожку спокойно, не вызывая подозрений? Бандит им нужен живой. Он должен подвести их к бараку, и на его голос Музыка откроет дверь. Это очень важная часть операции, потому что штурмовать двухэтажное здание — значит потерять людей.

— Вы готовы? — Данилов положил руку на плечо Кравцова.

— Да.

— Дошлите патрон в ствол и поставьте пистолет на предохранитель.

— Я уже это сделал.

— Не волнуйтесь, мы будем рядом.

— А я не волнуюсь. Я когда к вам шел, волновался. А сейчас нет.

Кравцов сказал это твердо и уверенно. И Данилов поверил ему. Продумывая детально поведение Кравцова, Иван Александрович помнил постоянно, что он

гражданский, иногда забывая о том, что инженер Кравцов воевал с белофиннами, выполнял ответственнейшее задание в тылу врага. Впрочем, так он беспокоился всегда, когда не сам шел на опасное дело.

Данилов на секунду включил фонарик, осветил циферблат часов:

— Пора.

Они постояли, давая глазам получше привыкнуть к темноте, и потом гуськом, стараясь идти как можно тише, зашагали в сторону дороги.

До завода было около километра. Минут через двадцать ходьбы они начали различать в темноте очертания его разбитых цехов. Он был разрушен весь, только одна труба почти не пострадала и возвышалась среди развалин. С каждым шагом они становились все ближе и ближе и постепенно начали приобретать самые невероятные и фантастические очертания.

У первого строения они остановились.

— Вот, — прошептал Данилов. — Дальше пойдете один. — Он крепко стиснул руку Кравцова.

КРАВЦОВ

Когда-то, много лет назад, совсем молодым комсомольцем он приехал в район на строительство этого завода. Стройка в областном масштабе считалась ударной. Отсюда и началась его биография инженера. Кравцов даже одно время работал на этом заводе начальником вспомогательного цеха.

Он шел уверенно, что-что, а этот завод он знал как свои пять пальцев. Проходя по его разрушенному двору, он жалел, что не может как следует определить степень разрушения, чтобы сразу прикинуть, сколько понадобится времени и средств для восстановления предприятия. Мысли его, совершенно не подходящие к обстановке и к тому делу, которым сейчас он должен был заняться, внезапно успокоили его, и все происходящее утратило остроту, и волнение стало обычным, таким же, как его мирная работа.

Обогнув стену цеха обжига, он увидел двухэтажное здание заводоуправления, рядом с ним находилась сторожка. Ее он узнал сразу по узкому лучику света, пробивающемуся в занавешенное изнутри окно.

Кравцов опустил руку в карман, потрогал нагретую сталь пистолета. Ничего, он один, если понадобится, возьмет этого Мишку Банина, бывшего заводского кладовщика, жуликоватого и вечно болеющего человека. Впрочем, в болезни его Кравцов никогда не верил, даже после того, как Банина освободили от военной службы. А вот на торговле кирпичом налево его чуть было не прихватили, да война спасла.

Кравцов подошел к двери и постучал. В глубине раздались шаркающие шаги, потом кто-то спросил хриплым, словно спросонья голосом:

— Кто?

— Свои, открой.

— А кто?

— Ты открой сначала, сволочь, а потом допрашивай! — зло вполголоса ответил Кравцов.

Дверь чуть приоткрылась, Кравцов толкнул ее и вошел в комнату.

— А... Герр бургомистр. Наше вам. Собрали вещички, стало быть!

— Много знаешь.

— Как есть, как есть. Прошу в мои хоромы каменные. — Банин посторонился, пропуская Кравцова. Тот шагнул в комнату, огляделся. Посередине стоял грубо сколоченный стол, полка из неструганых досок висела на стене, на ней стояли кружки и несколько фаянсовых тарелок, в углу прижался топчан, покрытый овчинным тулупом. В комнате пахло прогорклым салом, грязным бельем и водочным перегаром.

— Небогато живешь, — усмехнулся Кравцов, садясь на топчан.

— Да уж как положено сторожу-пролетарию, — Банин шутовски поклонился, — куда нам до вашей милости.

— Это уж точно. До нашей милости ох как далеко.

— Рукой не достать...

— Ну ладно, ты брось скалиться. К Музыке меня доставь.

— Это можно. Тем более имею от него такое распоряжение. Только самого Музыки нет, он послезавтра будет. А Горский там, ждет.

— А где же Музыка? — спокойно, стараясь не выдать волнения, спросил Кравцов.

— По делам подался. Как я понимаю, за грошами. Вернется послезавтра, и прощай, родные места. Уйдем мы все.

— Далече?

— Говорит, в теплые края.

— Ну ладно, ты меня все равно доставь.

— Чаю не желаешь?

— Нет.

— А водки?

— Тоже нет. Желаю быстрее уйти отсюда.

— Ишь скорый, где барахлишко-то?

— Здесь, в кирпичах припрятал.

— А... Ну я сейчас. Заправлюсь на дорогу.

Банин пошарил под топчаном, вытащил початую бутылку, посмотрел ее на свет:

— Маловато. Ничего, у ребят разживусь. Не будешь? Ну как знаешь.

Он вылил водку в кружку и выплеснул ее в рот. Кравцов с отвращением увидел его дернувшийся небритый кадык. Ударить бы по нему ребром ладони... Он даже отвернулся, до того ему захотелось этого.

— Ну вот, — Банин поставил кружку, постоял задумчиво, словно проверяя, подействовала ли на него водка. — Ну вот, — повторил он, — вроде все путем. Пошли, что ли, бургомистр?

— Ты это звание забудь. Понял? — зло сказал Кравцов. — Навсегда забудь. Не было этого. Никогда.

— Не сердись, Кравцов, что ты. Я же в шутку.

— С женой шути...

— Ладно, ладно, — Банин наклонился, приподнял половицу и достал ТТ.

— Это еще зачем?

— От плохих людей. Болото оно и есть болото.

— Труслив ты больно.

— Осторожен, жизнь научила. Пошли.

Он привернул фитиль лампы, дунул на нее. Плотная темнота окутала Кравцова.

— Идем.

Где-то заскрипела дверь, и он пошел на звук, оступился, чуть не подвернул ногу. В лицо ударила ночная свежесть, и он, как на огонь, пошел в ту сторону, перешагнул порог и очутился на улице.

— Подожди, — сказал Банин, — я дверь запру.

— Зачем?

— Для порядка, — он повернулся к двери и едва успел наклониться, как из-за угла выскочили двое и крепко взяли его за руки. Кравцов сунул руку в карман задержанного и вынул пистолет.

— Добрый вечер, гражданин Банин, — сказал подошедший Данилов, — зачем же запирать, не надо. Пойдемте к вам, потолкуем.

Он зажег фонарь и шагнул вперед. Войдя в комнату, Иван Александрович вынул спички, и снова вспыхнул желтый, грязноватый свет керосиновой лампы.

Два оперативника ввели Банина. Он осмотрелся, потом остановил взгляд на Кравцове:

— Счастлив твой бог, бургомистр, велел мне тебя Музыка на торфяники привести, говорил, ценности у тебя большие, там бы ты и остался.

— Губит всех вас жадность, Банин, ах, губит, — усмехнулся Данилов, — но это все из области истории. Теперь к делу. Где Музыка?

— Нет его. Обещал быть через три дня.

— Куда он уехал?

— Этого я не знаю.

— Кто знает?

— Горский.

— Это тот, который у Дробышевой нашего сотрудника убил? — спросил с кажущимся равнодушием Данилов.

— Да.

— Как я понимаю, вы, Банин, только связной?

— Точно, я в их делах не участник.

— Тогда и трибунал это во внимание примет. Так что запираться вам смысла нет.

— Я скажу.

— Вот и прекрасно. Сколько в доме бандитов?

— Пятеро. Нет, в самом доме всего четверо и часовой один.

— Нарисуйте план дома.

— Это как?

— Вы бывали в нем?

— Конечно.

— Расположение комнат, кто где спит. — Данилов достал бумагу и карандаш.

Банин взял ее и начал что-то чертить, но линии получались ломаные и неровные, он никак не мог унять дрожь в руках.

— Вроде так.

Данилов взял бумагу, посмотрел:

— Это, видимо, лестница?

— Ага.

— Значит, Музыка и Горский спят на втором этаже?

— Там и спят.

— Ну ладно. Сейчас вы поведете нас на торфяники. Вас окликнет часовой, вы ответите. Потом мы подойдем к дому, вас опять окликнут, и вы опять ответите. Только без шуток, Банин, — Данилов хлопнул ладонью по кобуре маузера, — ясно вам?

— Куда уж яснее.

— Вы, товарищ Кравцов, оставайтесь здесь...

— Но...

— Никаких но. Вы свое дело сделали. Дальше уж наша забота.

ДАНИЛОВ И БЕЛОВ

На чем ему только не приходилось ездить за свою долгую жизнь. А вот на самолете и ручной дрезине не приходилось никогда. Данилов сидел на маленькой металлической скамейке, в лицо бил ветер, пахнущий тиной и плесенью, по обеим сторонам насыпи было болото. Они мчались в полной темноте, только скрип противовеса отсчитывал минуты и метры. Иногда Данилову казалось, что он летит сквозь этот упругий воздух, сквозь ночь и запах тлена.

— Все, — услышал он шепот Банина, — дальше под горку накатом пойдем.

Скрип прекратился, и дрезина, постукивая на стыках, сначала пошла быстрее, потом скорость ее уменьшилась. Через несколько минут колеса тихо ткнулись в шпалу. Все. Приехали.

Банин и Данилов вылезли на насыпь, сделали несколько шагов.

— Стой! — окликнули их из темноты. — Кто?

— Это я, Банин. Гостя привез.

— Ну давай, веди его в дом да напомни, пусть меня сменят, а то...

Дальше послышался придавленный хрип, возня, и все стихло.

— Готово? — тихо спросил темноту Данилов.

— Порядок.

— Передайте, чтобы окружили дом.

— А я поначалу хотел вас на этой дрезине... — Банин замолчал, не окончив фразы, — значит, зря думал?

— Выходит, зря. Пошли.

Сейчас начиналась главная часть операции. Дом стоял в сотне метрах, темный и молчаливый. Данилов подождал ровно десять минут. Ровно столько времени, чтобы людям из группы обеспечения понадобилось окружить дом.

— Сережа, — сказал он Белову, — если что, ты этого... Понятно?

— Понятно.

— Ну, Банин, иди зарабатывай себе прощение.

Они остановились у крыльца. Данилов расстегнул кобуру и вынул маузер. Тихо, стараясь не стучать сапогами, поднялись по деревянным ступеням, и Банин ударил кулаком в дверь.

— Кто? — раздалось через несколько минут.

— Я это, Банин.

— А... Привел...

Загремела щеколда.

— Пусть он выйдет, — прошептал Данилов.

Дверь распахнулась. На пороге стоял человек, лицо его в темноте разобрать было трудно.

— Помоги вещи взять, — так же спокойно сказал Банин.

— Сейчас...

Человек шагнул на крыльцо, и Данилов ударил его рукояткой маузера по голове. Бандит начал медленно оседать на пол.

Сережа Белов, оттолкнув Данилова, бросился внутрь дома. За ним оперативники райотдела. Они должны были взять тех троих, в нижней комнате. Данилов шагнул к лестнице на второй этаж, и, когда он уже подошел к дверям, внизу грохнул выстрел. Сразу же в комнате раздался второй, и щепки, выбитые пулей, хлестнули его по щеке. Данилов толкнул дверь и прыгнул в комнату. Где-то в темноте был враг. Его присутствие Данилов ощущал каждой клеткой своего тела. Но где он был? Двигаться нельзя, иначе выстрел... и кто знает. Тук-тук, билось сердце, тук-тук. Данилов осторожно вынул фонарь и, нажав на кнопку, бросил

его в угол. И сразу же в двух шагах от него темноту разорвала вспышка выстрела. Одним прыжком он пересек эти два шага, упал, подминая под себя человека, рывком заворачивая ему руку за спину.

И, только услышав, как закричал, завыл от боли Горский, Данилов почувствовал, насколько у того слабая рука и какой он сам тщедушный и тощий.

— Товарищ начальник! — раздался на лестнице голос Белова.

— Свет дай!

Вспыхнули карманные фонари. Данилов поднялся:

— Обыщите его, зажгите лампу. Все свободны. Белов, останься.

Горский сидел на кровати. При свете лампы лицо его казалось обтянутым желтым пергаментом. Он раскачивался, словно от зубной боли, придерживая левой рукой правую.

— Где Музыка?

— Нет его!.. Гад!.. Нет!.. Он тебя найдет... Слышишь? Найдет!

— Где он?

— Ищи!.. Гад... Ищи!.. Понял?.. Ух! — Горский застонал.

— Слушай меня. Ты у Нинки убил моего лучшего друга. Я знаю, что меня накажут, но по военному времени дальше фронта не пошлют. Я тебе теперь трибунал.

Данилов ладонью взвел курок маузера и начал медленно поднимать ствол.

— Нет, — крикнул Горский, — нет, — он прижался к стене.

— Адрес!

Ствол пистолета поднялся на уровень его груди.

— Нет... Сокольнический вал, дом шесть... квартира девять. Он там будет завтра.

— Так-то, — Данилов опустил маузер, — мразь!

Он повернулся и вышел.

Потом опять была дрезина, машина, которую Быков вел на предельной скорости. Уже стало совсем светло, когда они подъехали к райотделу. Данилов сразу же вошел к дежурному.

— Москву.

Через десять минут он докладывал о ликвидации

банды. Начальник слушал не перебивая. Только когда Иван Александрович назвал адрес, он сказал спокойно:

— Мы знаем, там уже Муравьев дежурит.

— Завтра туда приедет Музыка.

— Понял тебя. Выезжай.

У машины его ждал Белов.

— Останешься здесь. Я в Москву. Оформишь документы как положено и возвращайся.

— Есть.

Когда Данилов сидел в машине, Сережа спросил:

— Вы бы его убили, Иван Александрович?

Данилов помолчал немного, посмотрел на Белова как-то странно и ответил:

— Не знаю.

МОСКВА (тем же утром)

Девушка в синей форменной курточке с зелеными петлицами ходила по квартирам. В большую амбарную книгу она заносила фамилии жильцов, номера телефонов, количество окон в каждой квартире. Новый уполномоченный штаба МПВО при домоуправлении. Когда-то этим делом занимался в доме старик-пенсионер Соколов, но после того, как его по состоянию здоровья эвакуировали в Пермь, место это несколько месяцев пустовало. Правда, жильцы не особенно жаловались. Старик Соколов был личность въедливая и крайне пунктуальная. Память, несмотря на преклонный возраст, у него была на зависть светлая, и график дежурств он просто держал в голове. Новым же уполномоченным была веселая и, видимо, добрая девушка. Дело это для нее новое, поэтому она не стеснялась, у всех спрашивала совета, интересовалась, как работал ее предшественник. Слух о ее появлении немедленно распространился по дому, и жильцы втайне радовались, что теперь можно хоть немного отдохнуть от железной руки старика Соколова.

Так ходил новый уполномоченный с этажа на этаж, из квартиры в квартиру. Настала очередь и девятой квартиры. Сначала дверь приоткрылась на ширину цепочки.

— Я новый уполномоченный штаба МПВО Дмитриева, разрешите войти к вам.

— Я слышала, слышала, — хозяйка распахнула дверь, — проходите.

— Да я ненадолго, хочу сегодня пораньше все закончить, и домой. Ой, какой у вас халат миленький! Прелесть просто! Сами шили?

— Вам нравится? — хозяйка, высокая, статная блондинка, довольно улыбнулась. — Нет, это я перед войной купила в комиссионном.

— Наверное, или львовский, или рижский. Чудная вещь! Мне в ателье дней за десять до начала войны принес один знакомый целую кучу ихних журналов мод с выкройками. Да вот, началось, не до шитья. Клиентки разъехались, — вздохнула Дмитриева.

— А вы портниха?

— Была, даже в Доме моделей работала, а теперь нет, — она провела руками по куртке, — дядя устроил, чтобы не забрали на трудфронт.

— Страшное время, милая, страшное, — вздохнула хозяйка. — Смотрите, что вам надо, ради бога, не стесняйтесь. Вот кухня, одно окно. Теперь прошу сюда. Проходите. Комната, два окна. А в другой спит мой друг. Вы понимаете?

— Ой, конечно, конечно, — Дмитриева прижала ладонь к губам, — конечно.

— Там одно окно. Заходите. Всегда буду вам рада.

Они подошли к дверям, и хозяйка начала поворачивать ручки замков.

— Тоже местная оборона, — улыбнулась она.

— И правильно, жулья-то развелось.

Дверь распахнулась, и с площадки в квартиру шагнул человек. Хозяйка даже не успела вскрикнуть, как твердая ладонь зажала ей рот.

— Спокойно, — сказал вошедший. — НКВД. Где?— повернулся он к Дмитриевой.

— Там, товарищ майор, — показала она на дверь.

— Пошли, Муравьев.

Прихожая заполнилась людьми, но двигались они бесшумно, словно их вообще не было.

Королев подошел к двери осторожно, приоткрыл ее. В небольшой, со вкусом обставленной комнате на диване спал человек. Гимнастерка с петлицами НКВД висела на стуле, там же лежал пояс с кобурой.

Осторожно ступая, Королев подошел к дивану, взял пояс, передал его Игорю, сунул руку под подушку, достал второй пистолет. Спящий только замычал во сне.

— Хороший сон — признак здоровых нервов, — усмехнулся Королев и потряс спящего за плечо.

— Что... — спросил тот, вскакивая, — куда?

— В НКВД, Генрих Карлович, на Лубянку, — усмехнулся майор.

Гоппе сел на диване, просто так, скорее по привычке, чем на что-то надеясь, сунул руку под подушку.

— Красиво работаете, — еще неокрепшим спросонья голосом сказал он, — красиво.

— Стараемся. Одевайтесь.

Гоппе встал, подошел к окну. На веревочке, натянутой между рам, висело красное махровое полотенце. Он снял его, вытер лицо, бросил на диван.

— Вы это зря, Генрих Карлович, честное слово, зря, — Королев сел на стул, — мы же ведь тоже не от конфирмации, повесьте-ка полотенчико. А то завтра его Музыка не увидит и сбежит к себе на болота.

— Все знаете, — Гоппе тяжело посмотрел на Королева, — все.

— Нет, кое-что еще нет. Придется вам поделиться с нами.

— Ну это как сказать.

— Там посмотрим, а пока одевайтесь.

ДАНИЛОВ

По улице шли люди. Мужчины, женщины, старики и дети. Военные и штатские. А он глядел на них из окна квартиры, постоянно ожидая, стараясь узнать в одном из прохожих Музыку. За эти дни он так устал, что даже перестал нервничать. Особенно последние сутки. Дом на болоте, бешеная гонка по разбитой дороге в Москву, еще одна ночь без сна. Он боялся только одного: Музыка не придет. Не потому, что информация может оказаться неточной, нет. В такое время опасно шататься по тылам. Милиция, госбезопасность, патрули, заставы по охране тыла. В любой момент может возникнуть перестрелка, и какой-нибудь боец-патрульный завалит с первого выстрела так необходимого МУРу руководителя банды Бронислава Музыку.

На кухне капала вода из крана, за окном на повороте скрежетали колеса трамваев. Шло время. Вернее, тянулось однообразно и напряженно.

За спиной Данилова вполголоса переговаривались оперативники, кто-то кипятил чай, кто-то рассказывал о родне. Он не поворачивался, он ждал, а время шло.

Данилов его узнал сразу. Высокий, худощавый военный, перебегая улицу, на секунду остановился и поглядел на окна дома...

Полотенце висело на месте. Ветер чуть трепал его красные края, и оно, покачиваясь, светилось на солнце, словно глаз светофора. Музыка посмотрел на него и усмехнулся. Это надо же додуматься, такой маяк. Ну что, можно и передохнуть. Сейчас он поднимется к Шантрелю, выпьет, закусит и ляжет спать. Завтра возьмет документы, деньги за золотишко получит, и все. Прощай, болота, прощай, райцентр. В Ташкент он подастся. Так начальство велело. Горский знает, где его найти, а остальные... Да черт с ними! Сейчас время такое, людей найти можно. Конечно, лучше бы всего совсем затаиться. Даже от Шантреля. Неизвестно, как дело-то повернется. Вот уж второй год войны пошел, а где победа? Завязли немцы. По таким временам самое лучшее сколотить банду, стволов пять, да тряхнуть тех, кто камушки припрятал. А политика... От нее похмелье плохое.

Он еще раз поглядел на окно и направился к подъезду. В дверях остановился, прислушался. На лестнице играла гитара:

И в вальсе мы кружимся,
Играл на мостовой
Военного училища
Оркестр наш духовой.

Пели два голоса, мужской и женский, а аккорды гитары догоняли их, потом сливались и отступали вновь.

Музыка вошел в подъезд, начал медленно подниматься по лестнице. А над головой продолжалась песня:

Ушла далёко конница,
На запад воевать,
Пока война не кончится,
Нам свадьбы не сыграть...

Два курсанта артиллерийского училища и девушка спускались ему навстречу. Они были совсем молоденькие, и форма на них не обмялась и сидела мешковато. Впереди шли высокий парень в зеленой шерстяной пилотке, он и играл на гитаре, и девушка. Второй чуть отставал от них — спускался, отбивая чечетку в такт песне.

Увидев командира, курсанты, как по команде, прервали песню и прижались к перилам.

— Виноват, товарищ капитан, — сказал гитарист.

— Ничего, — снисходительно махнул рукой Музыка, — веселитесь пока.

Он шагнул вверх, обходя курсантов, и сначала не понял, что случилось с его рукой, почему вдруг ее разорвала острая, ломящая боль. Он захрипел, опускаясь на колени, увидел руку девушки, расстегивающую его кобуру, ствол нагана в руке второго курсанта.

Дверь квартиры Шантреля распахнулась, и из нее вышел высокий командир милиции. Он посмотрел на него и сказал буднично, как будто ничего не случилось:

— Здравствуйте, Музыка, вот и довелось встретиться, а я боялся, что вас по дороге подстрелят.

И только тогда Бронислав понял все и закричал надрывно и страшно...

— Езжайте, — приказал Данилов. Он еще раз взглянул на Музыку, сидящего в машине между Муравьевым и Парамоновым. — Езжайте.

— А вы? — крикнул Игорь.

— Я потом, позже.

Он пошел по улице, не видя людей и не замечая дороги. Спроси его, куда он идет, Данилов бы не ответил. Повинуясь внутреннему автоматизму, переходил улицы, пережидал машины у перекрестка. Наконец вышел к Сокольническому парку и только сейчас понял, что именно сюда собирался уже целый год.

Иван Александрович миновал трамвайный круг, вошел в ворота. С каждым шагом он углублялся все дальше и дальше в заросшие, давно не убиравшиеся аллеи. Но именно такими они нравились ему больше, они стали напоминать настоящий лес.

Людей почти не было. Только в березовой роще сидел на складном стульчике старичок и что-то рисо-

вал. Данилову очень захотелось подойти к нему, но он постеснялся. Прошел еще метров двести и сел на лавочку.

Вокруг умирало лето. Желтые листья засыпали дорожку, остро пахло свежестью и прелью. Данилов глядел на аллею и пытался вспомнить, где он уже видел все это. Пытался вспомнить и не мог. Тишина успокоила его, и он задремал. А когда раскрыл глаза, то вспомнил, что видел такие же деревья, и лавочку, и аллею в лесничестве у отца. В его кабинете висела цветная литография картины Левитана «Осенний день. Сокольники».

1943

ПРИСТУПИТЬ К ЛИКВИДАЦИИ

МОСКВА. Январь

Дверь на чердак была закрыта. Здоровый замок сорвать можно только ломом, да и то не сразу. А лома у него не было и времени тоже: милиционер гремел сапогами этажа на два ниже.

Он стоял, прислонясь спиной к двери чердака, и по его лицу текли слезы. Он слизывал соленую, тепловатую влагу и быстро-быстро говорил про себя: «Боженька, миленький, если ты есть. Пусть он повернет обратно. Боженька, миленький, сделай так, чтобы он меня не увидел».

Он никогда не молился раньше, но слышал, как эти слова часто повторяла баба Настя. Она была рыжая и добрая и покупала ему сладких петушков на палочке.

Пистолет ходуном ходил в руке. И сейчас только он мог спасти его, только он и имя боженьки, которое когда-то повторяла баба Настя.

— Слышь, Потапов, — крикнул снизу второй милиционер, — нашел?

— Да нет, пойду на чердак.

Луч карманного фонарика полоснул по ступеням чердачной лестницы и медленно начал подниматься.

«Боженька, миленький...»

Свет фонаря ударил ему в лицо. Он закричал и надавил на спусковой крючок. Выстрел ударил гулко, пистолет чуть не выпрыгнул из руки, а он все давил и давил на спуск. А потом бросился вниз по лестнице, повторяя про себя:

«Боженька, милый... Боженька, милый...»

СТАРШИЙ ПАТРУЛЯ СЕРЖАНТ МИЛИЦИИ ШУКАЕВ

Выстрел ударил неожиданно, потом кто-то пальнул еще три раза. Шукаев выдернул наган из кобуры и бросился вверх по лестнице. Навстречу ему бежал человек. В лунном свете, падающем из окна, мертвенно-желтом и зыбком, его фигура показалась сержанту неестественно большой.

— Стой! — крикнул он.

Вспышка выстрела на секунду осветила лестницу, и пуля, ударившись о ступени, ушла куда-то, противно взвизгнув. Шукаев поднял наган, срезая бегущего, как птицу влет, и выстрелил два раза.

Человек упал. По ступенькам простучало оружие.

Шукаев зажег фонарь и, держа наган наготове, начал подниматься по лестнице. На площадке лежал пистолет системы Коровина, сержант поднял его, сунул в карман. Он прошагал еще один марш и увидел маленькую, словно сжавшуюся в комок, фигурку в ватнике и хромовых, сдавленных в гармошку сапогах.

Шукаев перевернул убитого и увидел мальчишеское лицо, заплаканное и грязное.

— Как же так, — у него оборвалось сердце, — как же так.

На ступеньках лежал убитый мальчишка. Он был совсем пацаном, несмотря на полоску тельняшки, высовывающуюся из-под ватника, несмотря на мерцавшую в полуоткрытом рту золотую коронку — фиксу.

Шукаев поднялся на чердак. На площадке горел упавший фонарь, у стены, прислонясь к ней спиной, сидел его напарник Потапов. Пуля вошла прямо между бровей, сделав на лбу тонкий, длинный надкол.

Шукаев сбежал вниз и застучал в дверь. Он колотил ее кулаками, потом сапогом, долго и безуспешно. Наконец сдавленный голос спросил:

— Кто?

— Милиция, — чуть не плача от злости, крикнул сержант.

— А как я узнаю, что здесь милиция?

— Я себя фонарем освечу.

Шукаев повернул луч фонаря в свою сторону.

Наконец за дверью послышался лязг запоров, и она приоткрылась на длину цепочки.

12. Заказ № 3884

— Чего вам?
— Телефон есть?
— Да.
— Пустите позвонить.
Дверь распахнулась. Шукаев мимо шарахнувшегося в сторону жильца ворвался в коридор. Луч фонаря сразу нашел висящий на стене телефон. Сержант поднял трубку, набрал номер.

НИКИТИН

Никитин чистил сапоги. Новые, хромовые, полученные сегодня утром. Он выменял на две пачки папирос у одного жмота из БХСС баночку черного эстонского крема для обуви и наводил на сапоги окончательный блеск.

Зашел помощник дежурного Панкратов, посмотрел, хмыкнул и посоветовал:

— Ты, Коля, потом возьми сахарный песок, растопи его и смажь сапоги, так они как лакированные блестеть будут.

— Врешь?

Панкратов выставил через порог ногу в ослепительно блестящем сапоге.

— Вещь, — с восторгом сказал Никитин, — без зеркала бриться можно.

— А ты «врешь», — засмеялся довольный эффектом Панкратов, — благодарить будешь всю жизнь.

— Буду, Саша, точно буду.

Никитин полез в стол, достал последнюю пачку пайковых папирос, распечатал и протянул Панкратову:

— Угощайся.

Панкратов тяжело вздохнул.

— Завязал я с этим, Коля, мертвым узлом.

— Почему?

— Легкие.

Никитин закурил, сочувственно глядя на Панкратова. Сам он, даже после двух ранений, ощущал постоянно свою силу и молодость.

Утром его вызвал Данилов.

Идя к начальнику отдела, Никитин с тоской думал о том, что Данилов опять начнет вынимать из него душу за плохо оформленные документы. Никитин не

любил никаких служебных бумаг. Один вид чистого бланка протокола повергал его в бесконечное уныние. За ним накопился некоторый должок. Надо было написать пару запросов и требований на экспертизу. Лейтенант шел по коридору, и чем ближе он подходил к кабинету Данилова, тем хуже у него становилось настроение.

Начальник ОББ[1] читал какой-то документ. Одет Данилов был в старую форму со споротыми петлицами.

— Присядь, — кивнул он Никитину.

Черкнув резолюцию в углу документа, Данилов поднял голову и посмотрел на Никитина.

Он молчал несколько минут, мучительно вспоминая, зачем вызвал. Потом хлопнул ладонью по лбу.

— Слушай, Никитин, сегодня очередь нашего отдела получать новое обмундирование. Я договорился на вещевом складе, что вы с Самохиным подъедете и получите на всех. Съезди, пожалуйста. Машину я дам.

— Слушаюсь, Иван Александрович.

Никитин был готов ехать куда угодно, лишь бы не заниматься проклятущими бумагами.

Приказ о переходе на новую форму одежды объявили в начале января; часть сотрудников красовалась в коридорах Петровки в синих, почти морских кителях с узкими серебряными погонами, а остальные ходили еще в форме с петлицами.

На вещевом складе им согласно арматурной ведомости накрутили здоровенные узлы. В управлении они с Самохиным разносили узлы по кабинетам. И Никитин занялся приятным делом: начал приводить в порядок обмундирование. Сегодняшнее дежурство было спокойным, и он успел выгладить новую форму, нацепить погоны. Узенькие, серебряные, с синими просветами.

Вроде все было сделано, и Никитин надраивал сапоги. Он принял к сведению совет Панкратова и решил из завтрашней пайки непременно часть сахара пустить на лакировку сапог. Достал из стола Муравьева зеркало, погляделся и остался доволен.

Теперь оставалось самое сложное — пришить погоны к светлому офицерскому полушубку, предмету за-

---

[1] Отдел борьбы с бандитизмом.

висти всех сотрудников ОББ. Никитин добыл его под Тулой, когда командовал взводом полковой разведки. После ранения ребята принесли полушубок в госпиталь. С ним Никитин и пришел в 1942 году в МУР. Он прикрепил погоны, надел полушубок, перепоясал его ремнем с портупеей. Жаль, что зеркало было маленьким и не мог себя видеть лейтенант Никитин во всей красе новой формы. Жаль.

Он начал расстегивать ремень, и в это время зазвонил телефон.

— Ты на хозяйстве? — спросил дежурный по городу.

— Я.

— Давай, Коля, в машину. Эксперт уже там.

— А что случилось?

— На Патриарших милиционера убили.

Никитин схватил шапку и сбежал по лестнице. У дверей стоял муровский автобус. Лейтенант открыл дверь и уселся на сиденье рядом с кабиной.

— Здорово, орлы, — крикнул он, — не вижу вас в темноте. Кто едет-то?

— Проводник Смирнов.

— А, это ты, Мишка. Опять твоя золотушная собака след потеряет.

— Вы полегче, товарищ лейтенант. Найда у меня все понимает. И, между прочим, имущества она вернула людям побольше, чем некоторые в вашем ОББ.

— Хватит ссориться, — вмешался Павел Маркович, один из лучших экспертов НТО [1].

И Никитин обрадовался, что едет именно с ним. Он-то знал, как умеет работать этот маленький худенький человек.

— Поехали, — приказал он шоферу.

Автобус, надсадно ревя мотором, поехал по бульварам, свернул на Малую Бронную и через несколько минут остановился у большого мрачного дома. Рядом с подъездом подпрыгивал от холода милиционер. Никитин открыл дверцу, выскочил из автобуса. Морозный ветер полоснул по лицу хлопьями снега.

— Товарищ начальник, — милиционер шагнул к нему, приложив руку к ушанке, — старший патруля сержант Шукаев.

---

[1] Научно-технический отдел.

— Ну что у тебя, Шукаев?

— Напарника бандюга застрелил, потом в меня пальнул, ну я его... и...

Милиционер замялся.

— Застрелил, что ли? — подсказал ответ Никитин.

— Так точно.

— Ну и правильно сделал, дорогой товарищ Шукаев, а то они нас стреляют почем зря, а мы что, рыжие?

— Так дело-то в том...

— В чем дело?

— Пацан он совсем.

— Это самые что ни на есть вредные гады, приблатненные пацаны. Бандит или вор, тот с пониманием, зря стрелять не станет, а эти палят напропалую. Веди.

В подъезде после улицы было даже тепло.

— Где?

— Наверху.

— А этажей сколько?

— Восемь.

Никитин присвистнул. Светя фонарями, они поднялись на шестой этаж и увидели первый труп. Эксперт включил аккумуляторный фонарь, яркий сноп света вырвал из темноты лестничный марш и маленькую фигурку в ватнике, лежащую у перил.

— Н-да, — сказал эксперт, — действительно совсем пацан.

Никитин увидел залитую кровью тельняшку в вырезе ватника, сапоги-прахоря, кепочку-малокозырку, валяющуюся рядом.

— «Пацан», — передразнил он эксперта, — такой в сто раз опаснее.

Никитин наклонился, похлопал убитого по смятым голенищам.

— Вот она где, — сказал он довольно, вытаскивая из сапога финку.

— Сволочи, они и есть сволочи. До чего же война этих блатников развела. Страшно подумать. Пистолет где?

Шукаев протянул ему ТК.

— Три патрона осталось. Где он ствол-то взял? — Никитин отдал оружие эксперту.

— Посмотрим, посмотрим, — Павел Маркович спрятал пистолет в свой бездонный чемодан. — Баллисты

отстреляют, тогда точно скажем, что это за оружие.

Никитин перевернул убитого, расстегнул ватник. Пиджак и тельняшка пропитались кровью. Одна пуля попала в бок, вторая прямо в сердце.

— Хорошо стреляешь, Шукаев, — сказал Никитин.

Видимо, в голосе офицера сержанту послышалось осуждение, и он заговорил торопливо и сбивчиво:

— Да разве... Знал я, что ли, товарищ лейтенант... Бежит он на меня... Стреляет...

— Да ты не пыли, не пыли, сержант, действия твои расцениваю как правильные.

Шукаев ничего не ответил, вздохнул тяжело.

— Да разве в этом-то дело...

— А в чем? — рассмеялся Никитин. — Ты, сержант, антимонии не разводи. У него при себе пистолет и финка. — Никитин продолжал обыскивать убитого. Из внутреннего кармана он вытащил сброшюрованные листочки бумаги, какие-то снимки и тонкую пачку денег.

— Посвети-ка, — повернулся он к Шукаеву.

На твердой картонной обложке красной тушью было написано: «Блатные песни».

Никитин раскрыл книжку-самоделку.

Проснешься утром — город спит,
Не спит тюрьма — она уже проснулась.
А сердце бедное так заболит,
Как будто к сердцу пламя прикоснулось, —

прочел он вслух. — Ишь ты. Сочинение. — Он листал страницы.

— Оригинальная поэзия, — сказал спустившийся с чердака Павел Маркович, — такие книжечки на Тишинке из-под полы продают.

Никитин сунул книжечку в полевую сумку, повернул к свету фотографии и присвистнул.

— Тьфу, порнография, где только пацаненок этот достал блевотину такую.

— Не где достал, милый Коля, — перебил его Павел Маркович, — а кто ему дал, вот в чем вопрос. Что еще нашли?

— Только ключи от квартиры.

— Любопытно, ключ есть, а двери нет. Неужели никаких документов?

— Никаких, если не считать этого. — Никитин взял

фонарь и направил луч на безжизненно лежащую руку.

Беловатый конус света вырвал из темноты синие буквы татуировки на тыльной стороне ладони: «Витёк», перстень, выколотый на безымянном пальце, и могилу с крестом.

— Видите, поперечина на кресте косая? — спросил Никитин эксперта.

— Вижу.

— Это значит, что он в блатную жизнь принят, но еще не в «законе». Как первый срок отмотает, еще одну поперечину наколет, тогда, значит, полным «законником» стал. Вот, Павел Маркович, какие у него документы.

Эксперт молчал, разглядывая руку убитого.

— Слушай, Шукаев, теперь расскажи, как дело было.

— Мы его на сквере заметили, — начал сержант.

— Где именно?

— У павильона.

— Одного?

— Вроде.

— Вроде или точно?

— Точно одного. Окликнули. Он бежать. Мы за ним. Он в подъезд.

— У него ничего в руках не было?

— Вроде сумка или мешок какой.

— Шукаев, — Никитин достал папиросу, — ты в милиции сколько лет?

— С тридцать девятого. А что?

— А то, друг Шукаев, пора бы отработать память.

Сержант помолчал, потом топнул валенком.

— Был у него мешок, точно был. Он ему мешал в дверь войти.

— Вот это горячее. — Никитин перекинул папиросу из одного угла рта в другой. — Ты лестницу осмотрел?

— Так точно!

— Ну?

— Не заметил. Будем искать?

— А зачем нам надрываться, у нас техника есть. Смирнов, давай Найду.

Собака вспрыгнула на площадку. В свете фонаря глаза ее горели синеватым огнем. Она подняла лоба-

стую морду, посмотрела на Никитина, и ему стало не по себе от этого диковатого взгляда.

— Ищи, Найда, ищи, — скомандовал проводник.

Овчарка потопталась на месте и потянула повод. Она добежала до последнего этажа, стала лапами на дверь шахты лифта и гулко залаяла.

— Ну-ка, убери ее, — отдуваясь, приказал Никитин. Бегать по этажам в полушубке было тяжело и жарко.

Проводник оттянул рычащую собаку, и Никитин распахнул дверь шахты. Мертвая кабина застыла здесь на многие годы.

Никитин посветил фонарем и увидел брезентовую сумку, валявшуюся в углу. Он вошел в кабину, нагнулся, расстегнул пряжку, направил фонарь внутрь. В сумке насыпью лежали патроны к пистолету ТТ и нагану, несколько пачек папирос «Совьет юнион» и какие-то металлические пластинки.

Никитин взял одну и увидел не то буквы, не то цифры, выбитые на конце.

— Это типографские литеры, — сказал за его спиной эксперт.

— Шрифт? — переспросил Никитин.

— Да.

— Зачем он ему?

— Приедем на Петровку, узнаем, что сложить из этих буковок можно.

— Ну что ж, вызывайте перевозку, — скомандовал Никитин, — убитых на экспертизу, а мы по домам. Ты, Шукаев, с нами поедешь, рапорт напишешь.

ДАНИЛОВ

Утром его вызвал начальник МУРа: позвонил по телефону сам и голосом, не терпящим возражений, коротко бросил:

— Зайди.

Данилов вздохнул, закрыл старое дело бандгруппы Пирогова, которое изучал уже второй день, интуитивно чувствуя какую-то невидимую связь между тем, чем он занимается сегодня, и бандой Пирогова, и пошел к начальству.

Бессменный помощник начальника Паша Осетров,

затянутый в синий новый китель, покосившись на краешки ослепительно блестящих погон, кивнул Данилову на дверь:

— Ждет, товарищ подполковник.

Слово «подполковник» Паша произнес с осуждением, покосившись на гимнастерку Данилова со споротыми петлицами.

Начальник стоял посреди кабинета, новая форма делала его моложе и стройней.

— Ну, что у тебя, Иван?

— Все то же самое.

— Так и прикажешь докладывать руководству?

— Пока я ничего конкретного сказать не могу.

— Так, — начальник начал раскачиваться с пятки на носок. — Так, — еще раз повторил он, — хоть что-то у тебя есть?

Данилов посмотрел в окно. По заснеженной Петровке метель гнала редких прохожих. Он помолчал, достал папиросу, прикурил.

— Не знаю, товарищ начальник, не знаю, так, слабые наметки.

— Садись, — начальник опустился в кресло, — сейчас Серебровский зайдет, помозгуем втроем.

Данилов посмотрел на ладную, подтянутую фигуру начальника МУРа и вспомнил, как тот в мае сорок первого рассказывал ему о диете, на которую сел, чтобы похудеть.

— Ты еще смеешься, Иван?

— Да вспомнил, как ты на диету садился перед войной.

В редкие минуты, когда они оставались вдвоем, Данилов и начальник МУРа по-прежнему были на «ты», как в те далекие годы, когда совсем молодыми пришли в уголовный отдел ВЧК. С тех пор они шли по жизни рядом, и Данилов совершенно не завидовал тому, что его друг внезапно из начальника отдела стал руководителем МУРа.

— Жизнь, Ваня, у нас с тобой почище, чем в санатории «Мацеста»...

Начальник не договорил, дверь распахнулась, и в кабинете появился полковник Серебровский — стремительный, цыгановато-красивый и всегда веселый.

Данилов знал его много лет, видел все его падения и взлеты, и его всегда поражала легкость харак-

тера Серебровского. Он жил просто и весело, находя хорошее в любой, самой плохой, ситуации.

— Ну вот и я, — сказал он, усаживаясь и весело поглядывая на Данилова, — давай, Ваня, поведай нам страшные уголовные тайны Москвы.

— Да что говорить-то. Я же все написал в рапорте. Три преступления. На Башиловке ограблена машина с продуктами, шофер и экспедитор убиты. На улице Красина взят магазин, причем сторож найден убитым на улице. На Полянке — квартира. Унесено много ценных вещей. Хозяин ничего толком сказать не может. Открыл дверь, хотел вынести мусор, его ударили по голове, он потерял сознание, заволокли в квартиру, надели мешок на голову, связали.

— А что взяли? — поинтересовался начальник.

— Золото, хрусталь в серебре, несколько отрезов габардина, бостона, коверкота, два кожаных пальто, фетровые бурки, колонковую и каракулевую шубы. Деньги двадцать тысяч и на девять тысяч облигаций золотого займа.

— Кто потерпевший?

— Минин, солист Москонцерта, — ответил Серебровский.

— Это какой Минин? Утомленное солнце?.. — поинтересовался начальник.

— Именно он, жена его работает в жанре художественного свиста. Пластинка есть, танго «Соловей» высвистывает.

— Они хорошие люди, — перебил Серебровского Данилов, — работают во фронтовых концертных бригадах.

— Ты, Иван, — начальник достал рапорт Данилова, — объединяешь эти три преступления воедино. Основания?

— Там написано.

— Ты поведай нам с Серебровским. Бумага бумагой, а мысли мыслями. Мы послушаем, а потом я тебе еще один вопрос задам.

Данилов помолчал, поглядел на начальника. Тот смотрел, откинувшись в кресле, лицо его было серым и отечным. И Данилов подумал, что начальник смертельно устал, впрочем, как и все они.

— Начну с Башиловки. Фургон остановили неизвестные на проезжей части, экспедитору, вылезшему

из машины, нанесли удар тупым предметом по голове..

— Ломом, что ли? — начальник прикурил новую папиросу.

— Или ломом, или монтировкой, смерть наступила мгновенно, шофера застрелили.

— Пулю и гильзы нашли?

Данилов вспомнил грязно-серый рассвет, машину-фургон с распахнутыми дверцами, тело человека у колеса и труп шофера, навалившийся на руль. Было темно и холодно, руки стыли даже в перчатках. Эксперты запалили маленький костерок и по очереди отогревали пальцы.

— Есть, — крикнул самый молодой оперативник Сережа Белов, — нашел!

Данилов подошел к нему и увидел на снегу маленький квадратный след. Его сделала еще горячая гильза, выкинутая отсекателем. Белов снял перчатку и закостеневшей на морозе рукой начал аккуратно разгребать снег. Через минуту он протянул раскрытую ладонь Данилову. На ней лежал латунный бочонок гильзы.

Данилов взял его, поднес к глазам. Похоже на гильзу от парабеллума, но все-таки немного иная. Подошел эксперт.

— Разрешите, Иван Александрович. — Он покрутил гильзу, взглянул на маркировку. — По-моему, «Радом». Приедем, баллистики скажут точно.

— Пулю нашли?

— Ищут, Иван Александрович, надо машину на Петровку отогнать, здесь, на улице, трудновато.

— Пулю и гильзу нашли. Они от пистолета «Радом».

— ВИС-35? — удивился Серебровский.

— Да.

— Это оружие еще по нашей картотеке не проходило.

— При чем здесь ограбление Минина? — нетерпеливо поинтересовался начальник.

— При осмотре квартиры Минина в прихожей нами найден патрон от «Радома». Видно, преступник выронил его. Я показывал патрон Минину, он сказал, что видит его впервые.

— Хорошо. — Начальник встал, зашагал по каби-

нету. — Это ты объединил, возможно, правильно. Действительно, «Радом» — система для Москвы редкая. Правда, во время войны и не такие бывают. Но принимаем как рабочую версию. Магазин на Красина?

— На Башиловке, в квартире Минина и на Красина работал левша. Все три удара нанесены по левой стороне головы.

— Один думал? — хитро прищурился начальник.

— Нет, вместе со мной, — улыбнулся Серебровский.

— Вот и надумали на свою шею. Вместо трех отдельных эпизодов имеете устоявшуюся бандгруппу.

— Так я в ОББ работаю. — Данилов достал портсигар, вопросительно поглядел на начальника.

— Кури, чего там. Только по мне лучше бы вообще никакого ОББ не было. Теперь слушай. Начальство уже задергалось. Звонили. С разных уровней. Говорили всякое, лучше тебе не слушать такого. Времени у нас с тобой практически нет. Доложи, какие приняты меры.

— Отрабатываем версию «левша», смотрим оружие... — Данилов помолчал, глядя, как начальник меряет шагами кабинет, затянулся глубоко, ткнул папиросу в пепельницу и продолжал: — Вещи, взятые у Минина, а также номера облигаций объявлены в розыск, кроме того, по накладным нам известны маркировки папирос и консервов, взятых на Башиловке и в магазине, ищем по рынкам.

— Быстрее работайте.

— Рынки — моя забота, — белозубо улыбнулся Серебровский, потянувшись своим большим и сильным телом.

Сергей ненавидел совещания. Он был человек дела.

Данилов любил его за простоту, за обостренное чувство товарищества, за оперативную хватку и необыкновенное мужество.

За много лет работы в милиции он знал людей, спокойно идущих под бандитские пули, но робеющих перед начальством. Серебровский оставался самим собой и на операциях, и на многочисленных предвоенных собраниях, на которых решались людские судьбы. На них Сергей говорил открыто, смело защищал товарищей по работе, не боясь ни взысканий, ни понижения в должности.

В МУР Серебровский вернулся из наркомата за два дня до войны, и Данилов был несказанно рад этому. Они работали вместе третий военный год, и Иван Александрович ощущал конкретную помощь, которую оказывал заместитель начальника его отделу.

— На рынках мои ребята посмотрят, — еще раз повторил Серебровский.

Начальник посмотрел на него внимательно и промолчал. Он подошел к напольным часам в черном узорчатом футляре, выполненным в виде башни, достал ключ и завел механизм боя.

Потом повернулся к Данилову и сказал:

— Ты, Иван, почему не в новой форме? Не получил?

— Получил, но зашился с делами, не успел погоны пристегнуть. Ребята обещали сделать.

— Так, теперь у меня к тебе последний вопрос, начальник ОББ...

Данилов понял, о чем пойдет разговор, и ему стало мучительно-стыдно, такое чувство появлялось у него только в юности, в реальном училище, когда он, не выучив урока, вынужден был идти к доске.

— Серебровский бы сказал, — продолжал начальник, — «Что это за кровавая драма на Патриарших прудах?» А?

— Убит милиционер Потапов, неизвестный преступник погиб в перестрелке.

— Как у тебя все просто, Данилов. А что я жене Потапова скажу, двум его детям?

— Вы так говорите, — Иван Александрович закатал желваками, — будто я его убил...

— Помолчи, Данилов, помолчи. Это с каких же пор по Москве бегают пацаны с оружием и типографским шрифтом? Что тебе известно об убитом?

— Пока ничего.

— Что за шрифт? Откуда? Что за пистолет?

— Баллисты дадут заключение после четырнадцати, эксперты работают со шрифтами, фотография убитого разослана по всем отделениям.

— Ладно, Данилов, иди. Иди и помни, весь спрос с тебя. С меня, конечно, тоже шкуру спустят, ну а я — с отдела. Иди, а ты, Серебровский, задержись.

Данилов вышел в приемную.

— Ты, Паша, — усмехнулся Данилов, — в этой форме на полярного летчика похож, товарища Громова.

Лейтенант улыбнулся, польщенный, и, посмотрев вслед Данилову, подумал, что начальник ОББ хоть человек молчаливый, но хороший.

Данилов шел к своему кабинету по коридору, стены которого являлись выражением общественного мнения на определенных этапах. В сорок первом на них висели плакаты «Родина-мать зовет!», «Ты записался добровольцем?», наглядные пособия МПВО. В сорок втором их место заняли работы Кукрыниксов, Васильева и Голоненко. На них были изображены немцы, бегущие от Москвы. Сейчас на стене появился новый плакат — огромные щипцы с надписью: «Сталинград перерубил руки Гитлера».

Данилов с особым удовольствием посмотрел на сталинградский плакат. Сорок третий год начался с радости победы.

И Данилов вспомнил сорок первый, декабрь, когда он уходил на фронт в составе батальона Московской милиции. Тогда, в Волоколамске, он впервые ощутил щемящее чувство победы, первым войдя в город, оставленный немцами. В маленьком доме на окраине они пили спирт с партизанами и заедали его консервированной колбасой, именуемой в просторечии «второй фронт». Там, в этом жарко натопленном доме, думал замкомбата Данилов связать до конца войны свою жизнь с армией.

Но не вышло. Немцев разгромили, а оперсостав отправили в тыл на старые должности.

Данилов честно сражался в тылу. В сорок втором ликвидировал особо опасную банду Гоппе, еще несколько мелких групп. Положение в Москве начинало стабилизироваться, так нет же, в конце декабря и январе пошла серия убийств и бандитских нападений.

Дверь в кабинет оказалась открытой, и Данилов застал там старшего оперуполномоченного капитана Муравьева и Никитина. Они аккуратно развешивали на спинках стула новую форму.

— Спасибо, ребята, — добро улыбнулся Данилов,— а то начальство совсем меня засрамило.

Он подошел к стулу, снял со спинки форму с узенькими серебряными подполковничьими погонами, долго

разглядывал, потом стянул старую гимнастерку и надел новый китель. Надел и почувствовал, как стоячий воротничок заставил властно вскинуть голову.

— Ну как? — смущенно спросил Данилов.

— Класс, — ответил Никитин.

— Ладно, ребята, я переоденусь, а кстати, как эксперты?

— Через час доложат. — Никитин взглянул на часы.

Данилов переоделся и, парадно-красивый, уселся за стол, вновь взяв старое дело банды Пирогова.

Она объявилась в Москве в феврале сорокового. Грабила промтоварные магазины, причем почему-то сторожей находили убитыми у дверей, на улице. Двадцатого марта бандиты на двух машинах пытались взять комиссионный магазин на Кузнецком, но напоролись на милицейский патруль. Началась перестрелка, к месту происшествия подтянулись постовые и опергруппа двух отделений. Пирогов был убит, трое его бандитов тоже, одного, тяжело раненного, отправили в больницу, где он и скончался.

Но существовало четкое предположение, что один из бандитов или ушел с места перестрелки, или вообще там не был. А в том, что в банде был еще один человек, не оставалось сомнений. На ломике, которым убили сторожа магазина на Серпуховке, сохранились четкие отпечатки пальцев, они так и не были идентифицированы.

Но и другое заставило Данилова взять старое дело. Эксперты установили, что убийца — левша. Иван Александрович досматривал материалы банды Пирогова, когда в кабинет вошел Серебровский.

— Хорошо, — сказал он, прищурившись.

— У тебя чай есть?

— Есть.

— А у меня полбуханки и банка шпига американского.

— Врешь?

— Когда я врал?

— Было.

— Так то ж давно.

— Ставь чай.

Данилов достал из сейфа электроплитку. Туда он прятал ее от бдительных глаз начальника ХОЗУ, ко-

торый регулярно совершал налеты на кабинеты сотрудников, изымая все электроприборы.

Они пили чай и ели необыкновенно вкусный хлеб со шпигом. Американское копченое сало было аккуратно проложено вощеной бумагой и доставалось из банки легко.

— Смотри, — набитым ртом пробурчал Серебровский, — кусочки-то один к одному.

— У них порядок.

— Вот этим-то порядком они и хотят войну выиграть. Пусть, мол, русские кровь льют, а мы их подкормим. Помяни мои слова, Ваня, они второй фронт откроют, когда мы в Германию войдем.

— Да, — Данилов вытер сальные пальцы газетой, — это ты прав. Вон, читай. У нас война, а в Триполитании стычки патрулей, ранен один английский солдат.

— Англичане все-таки войну чувствуют. Их немцы бомбят. А американцы всем тушенку да колбасу шлют. Понимаешь, Иван, я по сей день понять не могу, почему они не начали активных боевых действий в Европе.

— Ждут, Сережа. Им не нужна сильная Германия, а мы тем более.

— Ох, Ваня, непростой разговор мы начали.

...Война шла. И они не знали еще, что именно этот сорок третий год станет переломным. И через два года они увидят салют Победы.

И война кончится для всех, кроме них. И на этой войне погибнет комиссар милиции Серебровский. В мирном сорок седьмом. Погибнет на тихом хуторе под Бродами, отстреливаясь от бандитов до последнего патрона.

Многого они не знали в тот январский день. И дело свое многотрудное именовали работой. И если бы тогда их кто-нибудь сравнил с солдатами, воюющими на фронте, они наверняка бы смутились. Они не воевали — они работали.

— Разрешите, товарищ полковник, — заглянул в комнату Никитин.

— Давай заходи, — Серебровский встал.

— Эксперты пришли, — доложил Никитин.

— Зови. — Данилов убрал со стола остатки пиршества.

Вошли Павел Маркович и мрачный эксперт-баллист Егоров.

— Ну, наука, что скажете? — Серебровский взял стул и сел у стола Данилова.

— Кое-что, кое-что, товарищ полковник. — Павел Маркович развернул папку. — Сначала о финке. На ее рукоятке затерто слово «Леха» и выжжено новое — «Витёк». Далее, отпечатков пальцев убитого в нашей картотеке и картотеке наркомата не обнаружено. Теперь о шрифтах. Мы проконсультировались со специалистами, и они твердо указали — шрифт из типографии Сельхозгиза.

— Он что, Витек этот, листовки собирался печатать? — лениво, врастяжку поинтересовался Серебровский.

— Нет, товарищ полковник, совсем другое. — Павел Маркович положил на стол несколько листов с отпечатками шрифта.

— Мы складывали литеры, и вот что получилось.

— Что это? — с недоумением спросил Данилов.

— Талоны, продуктовые карточки.

— Шустряк, — хохотнул Серебровский.

— Но дело в другом. Подобные отпечатки не соответствуют московским карточкам.

— Павел Маркович, — распорядился Данилов, — вместе с Муравьевым составьте письмо в Наркомат торговли, пусть дадут справку.

— Теперь о папиросах. Серия их точно совпадает с серией, завезенной в продмаг на улице Красина.

— Вы не ошиблись? — спросил Данилов.

Павел Маркович посмотрел на него с недоумением и пожал плечами, всем своим видом давая понять, что разговор излишний.

— Теперь о книге блатных песен. Она набрана подобным шрифтом, из чего я исхожу, что и она сработана в той же типографии. Слово баллистам.

— Мы, товарищ подполковник, этот пистолет отстреляли, пуля от него в нашей копилке есть. Из него убит постовой милиционер, когда банда Пирогова промтоварный на Серпуховке брала.

Данилов усмехнулся и хлопнул рукой по толстому тому дела банды Пирогова. Когда он брал его в архиве, Серебровский, заскочивший туда на минуту за справкой, обозвал его старьевщиком. Но какое-то чув-

ство, еще не осознанное и тревожное, заставляло Данилова выбрать из кучи архивных дел именно это. Когда-то в одной из старых, еще двадцатых годов, книг о сыщиках он прочитал слово «интуиция», и долго размышлял о его сущности и смысле.

Верил ли Данилов в интуицию? Пожалуй, да. Если она подкреплена сопутствующими факторами. Начиная с сорокового он продолжал искать того последнего из банды Пирогова, постоянно сличая отпечатки пальцев по всем проходившим делам. Он мысленно нарисовал портрет этого человека.

Среднего роста, брюнет, волосы короткие и курчавые, сильно развитые надбровные дуги, глубоко сидящие пустые светлые глаза, чуть приплюснутый нос, тонкие губы, безвольно скошенный подбородок. Данилов даже ловил себя на том, что, идя по улице, он ищет этого человека среди прохожих. Он не радовался, что эксперты подтвердили его гипотезу, он думал о том, чего только не наворотил, наверное, его «знакомец» за эти четыре года.

Эксперты ушли, оставив документы.

— Что будем делать? — спросил он у Серебровского.

— Ловить будем.

— Это понятно. Ты меня, кажется, старьевщиком назвал?

— Я, Ваня, беру свои слова обратно. Нюх у тебя как у охотничьей собаки.

— Ты хотел сказать — у легавой.

— Ну зачем же, я имел в виду, к примеру, благородного ирландского сеттера.

Данилов усмехнулся, подумав опять о значении слова «интуиция». Серебровский разрешил его филологические изыскания коротко и просто:

— Рынками, Иван, как я и говорил, займутся мои люди, ну а остальное...

Данилов, не дослушав, поднял трубку.

— Белов, Муравьев, Никитин, ко мне.

Трое офицеров вошли в кабинет и молча уселись на привычные места.

— Муравьев, займетесь типографией и Наркоматом торговли.

— Слушаюсь.

— Никитин, твое дело обзвонить все отделения, вы-

яснить все об убитом, возьми финку, может быть, узнаешь что о хозяине.

— Слушаюсь.

— Белов, твоя задача — рынок. Действуйте.

БЕЛОВ

Он поехал домой переодеваться. Не попрешься же на Тишинку в полной милицейской форме. Сергей долго ждал трамвая. Мела метель. Тротуары были засыпаны снегом. К остановке протоптали узкую тропинку в сугробах. Холодный ветер пробивал насквозь синюю суконную шинель, и Сергей пожалел, что не надел свитер под гимнастерку.

Перед ним лежал пустой, задубевший от холода Страстной бульвар, и Белову не верилось, что всего три года назад, сдав весеннюю сессию в юридическом институте, они гуляли до утра именно по этому по-летнему прекрасному бульвару.

Как все это было давно. Институт, ночные споры на московских улицах, прекрасных и тихих. Потом был сорок первый год, рубеж под Москвой, болезнь, работа в МУРе.

Родители его уехали в Ташкент сразу же, как началась война. Буквально на второй день. До Сергея доходили слухи, что отец там процветает, имеет обширную практику и считается лучшим адвокатом.

Его отношения с отцом напряглись еще перед войной. Слишком уж суетлив и жаден был Белов-старший. Мать — актриса Московского драматического театра на Новослободской — жила своей отдельной жизнью. Репетиции, премьеры, гастроли и, конечно, устроенный адвокатом Беловым быт.

Отношения с отцом испортились сразу после поступления Сергея в институт. После того, как он немного разобрался в основах юриспруденции.

Трамвая все не было, и Сергей начал замерзать всерьез. Наконец из круговерти выполз, кругом залепленный снегом, лобастый вагон, на котором еле различался номер семнадцать.

— До Никитских ворот вагон, — крикнула из его ледяного чрева кондуктор, — только до Никитских.

А Сергею дальше и не нужно. Он жил у Никитских, в доме, где была аптека.

В вагоне стояла холодная изморозь. Кондукторша взглянула на милицейскую форму Белова и отвернулась. Трамвай медленно полз через заснеженную Москву. Мимо холодных домов с окнами, крест-накрест схваченными полосками из бумаги. Почти из всех форточек жилых квартир торчали закопченные колена «буржуек». Война изменила лицо города, он стал похож на человека, перенесшего тяжелую болезнь.

— Никитские ворота! — надсадным от простуды голосом крикнула кондукторша. — Трамвай идет в парк.

Сергей спрыгнул с обледеневшей подножки, посмотрел на нахохлившегося от холода Тимирязева. Великий ботаник взирал на мир недовольно, с некоторой долей высокомерия. Он был выше мелких человеческих страстей. Его приговорили к бессмертию.

Дверной замок в квартире поддавался туго. Видимо, тоже замерз. Окна в комнате покрылись толстым слоем льда, и в квартире было сумеречно, как перед наступлением ночи. Сергей растопил «буржуйку». Печка горела хорошо. Ее сделал ему шофер отдела Быков, человек, который мог смастерить все.

Комната нагревалась медленно, но Сергей снял шинель, стянул гимнастерку и открыл платяной шкаф. Да, небогато он жил, совсем небогато. На плечиках висели его единственный штатский костюм и демисезонное пальто. Слава богу, что на полке валялась потрепанная, но вполне годная ушанка. Он так и стоял в раздумье, как вдруг услышал, что кто-то пытается открыть дверной замок.

Белов переложил пистолет в карман галифе и тихо, стараясь не стучать сапогами, вышел в коридор. С той стороны кто-то пытался открыть дверь. Сергей щелкнул выключателем, и прихожую залил тусклый свет лампочки, горящей вполнакала.

Сергей опустил руку в карман и распахнул дверь.

В квартиру ввалилась здоровенная бабища в тулупе, перетянутом офицерским ремнем, и огромных валенках. Следом за ней проник, именно не вошел, а незаметно проник старичок в драповом пальто с каракулевым воротником и фетровых бурках-чесанках. Щечки старичка румянились от мороза, словно яблочки.

— Ты кто есть? — прохрипела баба, отталкивая

Белова дубленой грудью. — Ты чего здесь?

— Я здесь живу, — несколько растерянно ответил Сергей.

— Шутите, молодой человек, шутите, — захихикал старичок, — здесь никто не живет. Квартирка эта эвакуированных.

— Вот что, малый, — прогудела баба в кожухе, — я как есть начальство из ЖАКТа, так ты выметайся отсюдова, пока я милицию не позвала. Квартира эта вакуированных. Мы ее занимаем согласно решения.

— Чьего решения? — опешил Сергей.

— Исполкому.

— Но я здесь живу.

— Нехорошо обманывать, — вкрадчиво прошипел старичок, — нехорошо. Квартирка эта адвоката Белова, а он в Ташкенте с семейством урюком питается, пока мы здесь от голода пухнем.

— Это вы пухнете? — Сергей посмотрел на щечки-яблоки, на упитанное лицо старичка-проныры.

— Вы чего с ним разговариваете, Клавдия Ивановна? У нас решение...

— Ты кто такой? — вновь рявкнула женщина в тулупе. — Документы!

— У меня все есть, — с угрозой сказал Сергей и, повернувшись, пошел в комнату.

Пока он надевал форменную гимнастерку, по коридору протопали валенки и бурки. Бабища и старичок прошли в гостиную.

— Мебель хорошая, — гудела баба, — это тоже денег стоит...

— Вот мои документы, — Сергей вынул из кармана гимнастерки муровскую книжку.

Баба и старик как завороженные смотрели на его погоны.

— Ваши документы? — строго потребовал Белов.

— Так мы... Товарищ начальник... Мы что, — засипела баба.

А старичок растворился, исчез. Только хлопнула входная дверь.

— Я чего... Я людям стараюсь... Для народу, значит...

— Документы, — Сергей вынул из кармана пистолет и переложил в кобуру.

Вид оружия парализовал человеколюбивую баби-

щу. Трясущимися руками она расстегнула кожух и вытащила паспорт.

— Получите его в отделении, а теперь вон из моей квартиры, а старичку своему скажите, я его все равно найду.

Тяжело ухнула входная дверь.

В комнате стало теплее, и уходить мучительно не хотелось. Белов с грустью подумал, что надо будет переодеваться, шагать по завьюженным улицам, ехать в стылом трамвае.

Сергей натянул свитер, надел теплые носки, брюки от костюма, сапоги. На вешалке в прихожей висел ватник, сегодня наступило его время. Он постоял у зеркала, рассматривая себя внимательно, потом смял гармошкой сапоги. Теперь он похож на приблатненного.

Перед уходом Белов позвонил в районное отделение милиции и рассказал начальнику о визите «общественников». Обещал не позже чем завтра прислать рапорт и изъятый паспорт. Потом выгреб из печки горячую золу и поехал в восемнадцатое отделение.

Начальник розыска отделения Кузин уже ждал его. Он внимательно осмотрел Сергея и сказал:

— Знаешь, Белов, если бы к твоему маскараду да другое лицо, я бы сам тебя заловил.

— А где я другое лицо возьму? — поинтересовался Сергей.

— Что точно, то точно. Не для нашей работы оно у тебя. Ну ладно, мы тут справочки навели. Верные люди подсказали. Книжками этими торгует Толик Севостьянов по кличке Кочан. Проживает он в Большом Тишинском, дом 3, квартира 5, не учится и не работает. В феврале ему исполнится семнадцать. Детская комната наша от него просто рыдает. Вредный парень. Правда, связишки у него интересные. Он, кстати, в кинотеатре «Смена».

— Что делать будем? — спросил Белов.

— Ты старший, тебе и решать. Я только обеспечиваю операцию.

— Я же советуюсь с тобой, Евгений Иванович, ты же обстановку на своем участке лучше знаешь.

— Вот что я тебе скажу. Этот самый Кочан — мастер на все руки. Торгует книжками этими, папиросами рассыпными, билетами в кино. На моей территории

несколько таких пацанов. Работают они на хозяина. Есть человек, который их всем этим снабжает. Мы пацанов задерживаем. Молчат. Видать, здорово он их запугал.

— Что ж ты, Евгений Иванович, раньше ими не занялся?

— Дорогой ты мой друг Белов, — Кузин встал, подошел к окну, отодвинул занавеску, — посмотри туда. Тишинка. У меня здесь столько всего, что до этих пацанов руки не доходят, а народу... Я сам третий. Так-то.

— Я думаю, мне с этим Кочаном повидаться нужно.

— Давай, он сегодня билетами торгует.

Они вышли на улицу. На город спустились мглистые сумерки. По Большой Грузинской проползали темные трамваи. В их глубине теплился синий свет маскировочных лампочек.

— Ты иди, Кочана этого сразу узнаешь по куртке хромовой желтой, — сказал Кузин.

В кинотеатре «Смена» в который уж раз шел американский фильм «Полярная звезда». На афише горящий краснозвездный самолет врезался в колонну фашистских танков. Сергей видел этот фильм в клубе управления. Он смотрел и смеялся. Американцы показывали некий колхоз «Полярная звезда» и судьбы колхозников в годы войны. Да, несколько странно представляли себе войну люди, отгороженные от нее океаном. Этот фильм можно было смотреть, полностью абстрагировавшись от происходящих событий.

В маленьком зале, где находились кассы, толкался народ. Сергей огляделся и увидел парня в желтой кожаной куртке, кепке-малокозырке, традиционных сапогах-прахорях с напущенными на них брюками. Нет, совсем не пацан был этот Кочан. Отечное лицо, злые рыскающие глаза, расчетливо-вороватые движения. Он только что продал два билета какому-то военному и теперь оглядывал зал, ища нового клиента.

Белов подошел к нему.

— Здорово, Кочан.

— Здорово, — буркнул парень. — Билеты нужны?

— Нет. — Сергей полез в карман и вынул пачку «Беломора», протянул Кочану. Тот взял, прикурил молча, внимательно разглядывая незнакомого человека.

— Ты кто такой? — спросил Кочан.

— А ты что, не видишь?

— Откуда?
— С Бахрушинки.
— Золотого знаешь?
— Его третьего дня «цветные» за квартиру повязали.

Сергей прекрасно знал Бахрушинку, так назывался целый квартал домов бывшего купца Бахрушина в Козицком переулке. Там, так уж сложилось исторически, жила шпана центра Москвы.

Белову не раз приходилось бывать в этих домах, в которых до революции и при нэпе размещались игорные притоны, жили холодные сапожники и портные, за ночь перешивавшие краденые вещи. Дурная слава была у Бахрушинки, куда как дурная.

Но на Тишинке человек оттуда пользовался уважением.

— Значит, повязали Золотого? — задумчиво спросил Кочан.
— Слушай, — Белов говорил, не выпуская папиросы изо рта. — Мне Витек книжку показывал с песнями.
— Пять красненьких.
— По сто двадцать отдашь, десять штук куплю.
— Толкнуть хочешь? — улыбнулся Кочан.
— Есть пацаны, возьмут.
— По сто тридцать.
— Давай, — Белов полез за деньгами.
— У меня сейчас нет, приходи через час в Большой Кондратьевский.
— Где там?
— У седьмого дома.
— Давай. Я бы и папирос у тебя взял тоже, пачек десять.
— Могу и больше.
— Больше завтра, сейчас при себе денег мало.
— Я бы тебе папиросы по четыре червонца продал.
— Завтра, а сегодня возьму немного.

Кочан исчез, растворился в толпе, штурмующей кассу с табличкой: «На сегодня все билеты проданы».

У Белова в запасе был целый час. Он вышел на темную улицу. Метель прекратилась. На остановке ожидала трамвая толпа народа. Сугробы почти закры-

вали окна маленьких, вросших в землю деревянных домов.

Белов зашел в автомат и позвонил Кузину.

— Кочан назначил мне свидание в Большом Кондратьевском через час. Придет с товаром.

— Твое решение? — спросил Кузин.

— Я думаю, надо брать.

— Давай.

МУРАВЬЕВ

В типографии пахло керосином. Запах этот особенно резко ощущался в холодном воздухе наборного цеха. Линотиписты работали в шерстяных перчатках с обрезанными концами пальцев. Иногда они прерывали работу и клали руки на теплый кожух машины, отогревая их.

— Холодно, — сказал директор типографии, — у многих начинается ревматизм и радикулит. Но люди работают в три смены, выполняем фронтовые заказы.

В цехе непривычно горели пятисотсвечовые лампы. После светящих вполнакала муровских малюток Игорю казалось, что он попал в царство света.

— Литеры, интересующие вас, изготовлены на третьем линотипе.

— Это на котором?

— А вон в углу.

Игорь и директор подошли к линотипу. На нем работала молоденькая девушка, укутанная в толстый платок.

— Нина Силина, комсомолка, стахановка, лучший наш работник.

— Она одна печатает на нем?

Директор усмехнулся:

— На линотипе не печатают. Но вам простительно. У них молодежная бригада. Три девушки. Прекрасные девчата, я вам скажу. Трудятся заинтересованно, умно. Борются за звание фронтовой бригады. Я за них головой отвечаю.

— Уговорили. А как у вас охраняется типография?

— Нормально, ВОХР.

— Оружие у них есть?

— А как же.

— Пригласите начальника.

Начальник охраны вошел в кабинет и вытянулся на пороге.

— Разрешите?

— Проходите, пожалуйста, садитесь.

Начальнику охраны было далеко за шестьдесят, но чувствовалось, что форму он носит давно. Гимнастерка сидела на нем с особым, строевым щегольством. Синие галифе ушиты по фигуре, сапоги подогнаны по ноге. На зеленых петлицах теснились белые начищенные кубики.

«Бывший военный», — подумал Муравьев.

Человек сел, внимательно поглядел на Муравьева.

— Вы начальник вооруженной охраны Клевцов Сергей Иванович?

— Так точно. Простите, с кем имею честь?

— Моя фамилия Муравьев, зовут Игорь Сергеевич, я старший оперуполномоченный отдела борьбы с бандитизмом Московского уголовного розыска.

Клевцов все так же молча продолжал глядеть на Муравьева.

Игорь полез в карман, вынул удостоверение, протянул. Начальник внимательно прочитал его.

— Слушаю вас. — Он вернул удостоверение Муравьеву.

— Вы, Сергей Иванович, видимо, знаете, что привело меня сюда.

— Да, я очень огорчен. Бывает, мальчишки-ученики тащат старые болванки, гайки. Один умелец приспособился даже кастеты мастерить. Но шрифт... Такого у нас не было.

— Всякая неприятность случается впервые, главное — чтобы не повторилась.

— Ваша правда, товарищ Муравьев, но нам от этого не легче.

— Сергей Иванович, в бригаде Силиной три девушки. Что вы о них можете сказать?

— Нина Силина вне подозрений. Аня Девятова — тоже, а вот Лена Пименова... — Начальник охраны замолчал, раздумывая. Игорь не торопил его, давая собеседнику собраться с мыслями. — Лена Пименова... Лена Пименова... Вроде и неплохая девушка. Показатели у нее хорошие... Общественница. Но...

Он опять замолчал.

— Так что вас смущает?

— Понимаю, что значит неосторожное слово. Лена девушка неплохая, но, простите, хахаль у нее...

— Вы его знаете?

— Видел. Он ее после первой смены встречал несколько раз. Хлыщеватый тип такой. С баками, усики в стрелочку. Одет дорого. Пальто пушистое, шляпа из велюра. Я ее спрашиваю, почему твой-то не на фронте, а она — бронь у него. Артист Москонцерта. Ну мне что, артист и есть артист. Только внучка заболела у меня, я поехал на Тишинку отрез шинельный сменять на жиры. Вижу, этот артист там со шпаной крутится. Кожаное пальто на нем, кепка букле. Одним словом, все как надо.

— Постойте, Сергей Иванович, — Игорь даже поверить не мог в столь неожиданную удачу. — Где он живет или фамилию его знаете?

— Нет.

— А Лена продолжает с ним встречаться?

— Думаю, да. Неделю назад торчал этот «артист» у проходной.

— Пименова сегодня в какую смену работает?

— Она в ночь.

— Где живет?

— По-моему, на Соколиной горе. Я сейчас вам адрес принесу.

Соколиная гора, прикинул мысленно Игорь, значит, до метро «Сталинская», а там на трамвае. Пилить и пилить, час с лишним, если не больше. И он решил попросить у Данилова машину. Ему повезло, начальник оказался на месте.

Он выслушал Муравьева.

Помолчал.

— Ну что ж, — сказал Данилов, — дам тебе машину. Вроде потянул ты нитку. Запомни, что Минин тоже из Москонцерта. Прими это как рабочую версию.

— Как у ребят?

— У Никитина глухо, а Белов тоже вроде зацепился. Через пятнадцать минут Быков подъедет, я с ним Самохина пришлю. Чувствую, выходим мы.

Начальник повесил трубку. «Неужели вышли?» — подумал Муравьев.

БЕЛОВ

Седьмой дом зиял черной пустотой проходной арки. Сергей сразу же оценил тактические способности Кочана. Сдал товар и растворился в темноте арок, сквозных подъездов, узких щелей между домами. Безусловно, Кочан знал географию района, как коридор в своей коммуналке. Но Сергей очень надеялся, что и Кузин знаком с ландшафтом своей территории. Кочана решили брать сразу при передаче книжек и папирос. Шло время, а он не появлялся. Сергей начал пристукивать сапогами, ноги прихватывал мороз.

— Слышь, — окликнул его голос за спиной, — дай прикурить.

Сергей обернулся и увидел крепкого парнишку в темном пальто, серой кепке и светлом атласном шарфе. Белов достал спички, протянул. Слабый огонек вырвал из темноты поднятый воротник пальто, косую челку, падающую из-под кепки на лоб.

— Кочана ждешь?

— Меньше знаешь, — процедил Сергей, — дольше живешь. Иди, я с тобой дел не имею.

— Меня Кочан прислал.

— Товар у тебя?

— Нет.

— Так зачем ты в чужие дела суешься?

— Ты на меня не тяни. Понял? — с угрозой сказал парень.

— Да я с тобой по масти своей вообще говорить не должен. Ты, фрайерок, иди себе по вечерней прохладе. А если что имеешь с меня, скажи. Я с тобой без толковища разберусь.

— Битый, — в голосе парня послышалась нотка уважения, — Кочан говорил, ты с Бахрушинки. Это я так. Пошли, Кочан во дворе ждет.

Этот вариант они с Кузиным тоже предусмотрели. Они прекрасно понимали, что Кочан со своей кодлой, возможно, захотят просто грабануть залетного парнишку. А там, если он действительно с Бахрушинки...

— Куда пойдем? — спросил Белов.

— А вон, в кирпичный.

Впереди за двухэтажными деревянными домами возвышался темный силуэт пятиэтажного дома.

— Показывай дорогу, — резко сказал Сергей.

Парень зашагал впереди. Они миновали двор с палисадником, забрались на горку. Ноги скользили, и Сергей пару раз чуть не упал.

— Куда? — зло спросил он у провожатого.

— В подъезд.

Вошли в освещенный синим светом подъезд. Белов сразу же заметил желтую куртку Кочана и еще одного парня увидел. Лестничная площадка была довольно широкой, Сергей быстро поднялся и остановился, прислонясь к стене.

— Ну, — сказал он, — Кочан, принес товар?

— А как у тебя с хрустами?

— Где товар?

— Ишь разбежался.

Сергей краем глаза заметил, как двое начинают заходить с боков.

— Давай хрусты, бачата, снимай прахоря тоже и дуй отсюда, пока мы добрые, — угрожающе придвинулся к нему Кочан.

В руке одного из парней блеснул нож.

— Ты что... Ты как... — нарочито испуганно сказал Сергей, — перо-то зачем... Деньги отдам... Бачата берите... А прахоря? Холодно же, ребята...

— Мы тебе дадим перековаться, — в голосе Кочана послышалось торжество, — там старые валенки стоят, не замерзнешь.

Белов сунул руку в карман, словно собирался достать деньги, коснулся пистолета, снял предохранитель.

— На, бери, — сказал он и, выдернув пистолет, ногой ударил Кочана в живот. Перепрыгнул через упавшего и, повернувшись, скомандовал:

— Брось нож! Руки вверх!

На полу корчился от боли Кочан, двое других прилипли к стене с поднятыми руками, с ужасом глядя на пистолет в руке Белова.

Хлопнула дверь, вспыхнули карманные фонари.

— Ну, сопляки, — сказал вошедший Кузин, — на грабеж пошли. Ну-ка, посвети, — попросил он одного из оперативников. — Компания известная. Лешка Шведов и Колька Бодуев. Берите их, ребята, в отделении поговорим.

— Мне пойти с тобой, Игорь? — спросил Самохин.

Муравьев еще не успел ответить, как вмешался шофер Быков.

— Конечно, вместе.

Они вылезли из машины. Самохин зажег карманный фонарь. Синеватый луч заискрился на сугробах, мазнул по тропинке на снегу и уперся в дверь с тремя эмалевыми табличками.

— На первом этаже две квартиры, на втором одна, — сказал Самохин.

— Ты, Петрович, — Муравьев наклонился к окошку «эмки», — смотри, может, кто-нибудь из окна сиганет.

Быков вылез из машины, расстегнул полушубок, достал из кобуры наган, сунул его в карман.

— Иди, не впервой.

На Быкова можно было положиться.

Они вошли в темный подъезд. Светя фонарем, поднялись по деревянной скрипучей лестнице. На дверях квартиры висела табличка.

— Пименовым — два звонка, — прочитал Игорь вслух и дважды повернул звонок.

— Кто там? — спросил за дверями женский голос.

— Из ЖАКТа, — сказал Игорь, — откройте, пожалуйста.

Дверь распахнулась. На пороге стояла молоденькая девушка в халате, волосы ее были накручены на папильотки, и поэтому голова напоминала репей.

— Ой, — вскрикнула она и попыталась закрыть дверь.

Но Игорь подставил ногу и надавил плечом.

— Спокойнее, гражданка Пименова, мы из милиции.

Муравьев достал удостоверение.

— Ко мне?

— Именно.

Прошли по длинному, пахнущему прогорклым жиром коридору, мимо сундуков и старых чемоданов, мимо корыт и велосипеда без колес, висящего на стене.

Девушка толкнула дверь в комнату, совсем маленькую, метров двенадцать. В ней еле разместились две

кровати, платяной шкаф и стол. Пол у окна был обшит жестью, на нем стояла печка, сделанная из оцинкованного бака. Венчал все это желтоватый абажур с кистями, низко висящий над круглым, покрытым вязаной скатертью столом.

— Садитесь, — сказала Лена.

Игорь оглядел комнату. Патефон на тумбочке, стопка пластинок, на стене фотографии Любови Орловой, Павла Кадочникова, Марка Бернеса и еще одна. Молодой мужчина с бачками и тонкими усиками нагловато смотрел на них большими миндалевидными глазами.

— Милая Леночка, — начал Игорь, — я был в типографии, и там нам дали ваш адрес.

— А зачем? — Хозяйка выдергивала из головы бумажные закрутки.

— Леночка, — Игорь достал из кармана шрифт, — кому вы его давали?

— Но ведь ничего страшного не случилось? — спросила девушка. — Правда?

— Как сказать. Вы мне ответьте на вопрос.

— У меня есть друг, ну жених, если вы хотите. Он артист в Москонцерте.

— Это он? — Муравьев показал на фотографию.

— Да. Ему шрифт нужен для нового спектакля.

— Вы любите театр?

— Обожаю.

— Хотите стать актрисой?

— Очень. Весной Олег устроит меня в театральную школу, он говорит, что у меня талант.

— Охотно верю ему, — усмехнулся Муравьев.

Девушка была прелестная. Синеглазая, с золотыми волосами, даже тусклый свет не мог затушевать красок молодости.

— А как фамилия Олега?

— Гостев.

— Вы бывали у него дома?

— Нет. Он приходит ко мне.

— А где он живет?

— Не знаю. Я у него паспорт не спрашивала. Я же женщина, товарищ милиционер, а не комендантский патруль.

— Вы говорите, он ваш жених, и вдруг ничего о нем не знаете?

— Товарищ милиционер, — Лена улыбнулась, — он же не хулиган и не жулик. Почему он вас заинтересовал?

— Допустим, что так. Но шрифт, который вы ему передали, найден у человека, совершившего убийство.

Лена начала медленно бледнеть, отчего глаза ее, казалось, стали еще больше.

— Не может быть!

— К сожалению, это так. Мы ни в чем не обвиняем вашего друга. Но, сами понимаете, время военное.

— Но я...

— Как нам его найти, Лена? — твердо спросил Игорь.

— Он мне сказал, что разошелся с женой, актрисой. Истеричкой и дурой, но вынужден пока жить с ней в одной квартире. Он мне оставил телефон своего друга.

— Номер?

— Ж-2-45-48. Соломон Ильич.

— Леночка, когда вы договорились встретиться с ним?

— Он просил еще несколько литер, я обещала позвонить.

— Вы поедете с нами.

— Вы меня арестовали? — В голосе девушки послышался ужас.

— Нет, пока пригласили в милицию.

— А как же работа?

— Вас подменят. Мы, если вы не возражаете, захватим с собой фотографию вашего жениха.

БЕЛОВ

Кочан сидел посреди комнаты, мрачной и длинной, как пенал. На покрытой засаленным тряпьем кровати лежала стонущая старуха.

— Ой, нет совести у вас, — подвывала она, — обижаете сироту...

Оперативники обыскивали комнату, в углу застыли понятые: дворничиха и сосед из квартиры напротив. Он пришел прямо с улицы, и снег на валенках начал подтаивать, растекаясь по полу маленькими лужами.

— Сироту не жалеете, — стонала старуха, — я немощная... Матка его на трудфронте... Папка от немецкой пули погиб...

— Ты молчи лучше, Севостьянова. Молчи, — устало оборвал ее Кузин, — мамка его за спекуляцию сидит... А сынок твой, Витя Севостьянов, в сорок первом погиб в Зоологическом переулке, когда на третий этаж в пустую квартиру лез... Знатного ты домушника вырастила, Севостьянова.

— Тебе бы оговорить старуху немощную...

Белов смотрел на Толика Севостьянова. Перед ним сидел не Кочан, а обыкновенный мальчишка, шмыгающий носом, нервно облизывающий губы. Руки у него были покрыты цыпками, как у пацанов, играющих в снежки.

Сергей глядел на него и думал о том, сколько таких Толиков Севостьяновых выбросила на улицы война. И как долго придется ему и его товарищам переделывать этих пацанов, рано узнавших вкус табака и водки, полюбивших легкие, лихие деньги.

— Слышь, Толик, — сказал Кузин, — где товар?

— Нету у меня ничего, — буркнул Кочан, — нету как есть.

— Вы на чердак сходите, — сказал мужчина-понятой, — он туда что-то часто лазает.

— Сука, — выдавил Толик.

— Ты меня не сучи, сопляк, и глазами не зыркай, я всю жизнь у станка, а ты, как и твой папаша распрекрасный, на краденое живешь.

— Сам покажешь? — спросил Кузин.

— Ищи, начальник, тебе казна за это платит.

— Дурак ты, Толик, — беззлобно ответил Кузин. — В блатного играешь. Фасон давишь. Вспомнишь еще мои разговоры когда-нибудь. Никакой ты не блатной, а так — пена.

Минут через десять оперативники принесли в комнату несколько бумажных упаковок папирос, ящик водки и пол-ящика шоколада.

— Да у него целый гастроном, — ахнула завистливо дворничиха.

Милиционер, писавший протокол обыска, начал пересчитывать бутылки, пачки папирос, шоколад. Книжки со стихами нашли за иконой, их было пять штук.

— Где деньги, Севостьянов?

Парень молчал, глядя куда-то поверх головы Белова.

— Так, гражданка Севостьянова, — сказал Кузин,— вставайте.

— Зачем? — спросила внезапно старуха хрипло и резко.

И Белову показалось, что говорит кто-то вновь пришедший, так непохожи были голос и интонация на скорбный старушечий плач.

— Кровать обыщем.

— Я хворая, нет у вас такого права.

— Есть, Севостьянова, есть. — Кузин подошел к кровати.

— Я встать не могу.

— Ты мне лапшу на уши не вешай, Севостьянова, хворая. А кто вчера водкой торговал, не ты? — В голосе Кузина зазвенели резкие нотки.

— Вчера не сегодня, начальник.

— Не встанешь — поднимем.

Старуха вылезла из-под одеяла и, на удивление Белова, оказалась в стеганых ватных брюках и толстом свитере.

— Бери, гад. — Она плюнула и отошла в угол.

— Так-то оно лучше.

Кузин подошел к кровати, скинул одеяло, поднял второе, лежащее на матрасе. Под ним были деньги.

— Ты что, Севостьянова, думаешь, это все? Сейчас мы выйдем, а наши девушки тебя обыщут. Не зря ты ватные штаны натянула. Пошли, Белов.

Милиционеры вывели Кочана, в комнату вошли две девушки с сержантскими погонами. За дверью слышалась возня, хриплый голос Севостьяновой, потом все стихло.

— Порядок, товарищ капитан, — выглянула на площадку девушка-сержант. — Заходите.

Старуха сидела в углу, закутавшись в тулуп. На столе лежали кольца, часы и деньги.

Севостьянова глядела на вошедших тяжело и ненавидяще.

— Ты, Севостьянова, — задохнулся от гнева Кузин, — сына своего вором сделала, невестку и внука. Люди на фронте кровь проливают, а ты жиреешь здесь на горе человеческом. Ты паук кровяной. Моя бы воля...

— Бодливой корове бог рогов не дал, — спокойно

и зло ответила старуха. — На мне нет ничего. А деньги и цацки внучек принес.

Кочан, стоявший у дверей, вздрогнул, будто его ударили плетью.

— Ты чего, бабка! Ты же мне срок лишний лепишь.

— А ты, Толик, привыкай. У вас блатной закон — человек человеку волк. — Кузин достал папиросу и закурил.

ДАНИЛОВ

— Значит, вас зовут Леной и вы хотите быть актрисой? — Данилов грел пальцы на стакане с чаем. — Вы пейте чай, правда, он не очень сладкий, но все же с сахаром.

Девушка смотрела на него просто и ясно. Она совершенно не терялась в этом служебном кабинете, чувствуя себя здесь естественно и просто. Сделала маленький глоток, подула.

— Горячий.

— После холода хорошо. Вы мне расскажите про Олега, Лена. Где познакомились, где бывали, как зашел разговор о шрифте?

— Неужели это так важно?

— Очень. Вы комсомолка, сейчас война, сами должны понимать, что просто так вас сюда к нам не пригласили бы.

— А как мне называть вас? — поинтересовалась девушка.

— Иван Александрович.

— Я познакомилась с Олегом летом. В ЦПКиО. Там в летнем театре для красноармейцев концерт был, я туда попала. Олег сидел на соседнем кресле. Я еще подумала — молодой, здоровый, а не в армии. Потом у меня каблук на босоножке сломался. А он подошел, сказал, посиди, мол, здесь, и убежал. Пришел — каблук на месте. Потом он сказал мне, что артист и режиссер, пригласил в гости к своему товарищу.

— Где живет товарищ и как его зовут?

— На Сивцевом Вражке, зовут Славой. У него чудесные пластинки и патефон заграничный. Мы пили у него чай, разговаривали о театре.

— Вы бывали у этого Славы?
— Да, несколько раз.
— Значит, адрес помните?
— Сивцев Вражек, дом три, квартира один.
Муравьев, сидевший в углу, встал и вышел в другую комнату.
— Вы часто встречались?
— По-разному. Олег много ездил в составе фронтовых бригад.
Вошел Муравьев, положил перед Даниловым бумажку. Иван Александрович прочитал:

«Гостев Олег Борисович в Москве не прописан. В кадрах Москонцерта не значится. В Сивцевом Вражке, 3, квартира 1, проживает Шумов Вячеслав Андреевич. Через час его доставят сюда».
Данилов прочитал еще раз, положил записку в папку.
— Кого из друзей Гостева вы знаете?
— Только Славу и телефонное знакомство с Соломоном Ильичом.
— Гостев приносил вам продукты?
Лена покраснела, помолчала, собираясь с мыслями, и ответила не очень уверенно.
— Приносил... Конфеты... Шоколад... Вино... Недавно несколько банок консервов. Он получает все это за концерты.
— Пусть так, пусть так. Да вы пейте чай, он, наверное, совсем остыл, — улыбнулся Данилов.
Он смотрел на эту славную девушку и думал о том, сколько раз она смотрела кинофильмы «Цирк», «Машенька», «Горячие денечки». Как ей хотелось стать такой же, как Любовь Орлова и Окуневская. Наверное, она ходила в самодеятельность.
— Кстати, Лена, вы участвовали в самодеятельности?
— Вы знаете, Иван Александрович, я даже училась в драмстудии театра.
— Это, кажется, на площади Журавлева?
— Да. Потом война, эвакуация. Мне предложили уехать, но я пошла на трудфронт. Сейчас работать надо.
— Это вы правы. Только если у вас талант, вы смогли бы много пользы принести.
— У нас в типографии есть группа девчат, мы ор-

ганизовали концертную бригаду. В свободное время ездим по госпиталям, выступаем перед ранеными.

— Подождите, я вам горячего чаю подолью. Лена, когда Гостев попросил вас принести шрифт?

— Месяц назад, до Нового года. Я не придала этому значения. Потом он опять завел этот разговор и сказал, какие именно литеры ему нужны.

— А для чего, он говорил?

— Сказал, что приехал Охлопков, организует новый театр. Особый фронтовой театр. Им надо напечатать программы, а литер некоторых нет.

— А печатная машина?

— Он сказал, что в театре есть «Бостонка».

— Гостев обещал устроить вас в театр?

— Да.

— Лена, вы должны нам помочь. Позвоните Соломону Ильичу и попросите Гостева встретить вас завтра, скажите, что все готово.

— Хорошо.

НИКИТИН

Ничего нет хуже, чем ждать да догонять. Люди делом занимаются, а здесь сиди, карауль телефон да этого Соломона.

Никитин сидел на диване. На голове обручи наушников. Тоненький проводок шел к телефонному аппарату. Телефон висел в коридоре на стене.

Хозяин дома, Соломон Ильич Коган, оказался портным. Лет ему было под семьдесят, поэтому к приходу оперативников он отнесся философски.

— Я в вашем МУРе знал одного человека, он допрашивал меня еще при нэпе. Занятный был мужчина.

— А вы, папаша, — прищурившись, спросил Никитин, — и тогда с блатными дело имели?

— Я, молодой человек, имел дело со всякими. Я закройщик, а хорошо одетыми хотят быть все: и директора трестов, и актеры, и, как вы выражаетесь, блатные.

— У вас, папаша, нет правового самосознания.

— Чего нет, того нет, молодой человек. Зато есть руки.

— Я в Туле тоже одного рукастого знал, так ему тридцатку нарисовать — раз плюнуть.

— Каждый знает тех, кого знает, — таинственно и непонятно сказал хозяин и пошел в комнату кроить.

В квартире томились еще два оперативника и парень из отдела оперативной техники. Про Гостева хозяин сказал, что это очень милый человек, артист Москонцерта. Шил у него пальто, а потом попросил разрешения дать его телефон девушке Лене.

— У него кошмарная личная драма, — пояснил хозяин, — жена истеричка.

Соломон Ильич, что-то напевая, кроил. Оперативники томились, техник занялся делом, начал чинить электрический утюг, а Никитин рассматривал старые журналы мод.

До чего же хороши там были костюмчики. Брючки фокстрот, пиджаки с широкими плечами и спортивной кокеткой.

Надеть бы такой габардиновый светло-песочный костюм да пройтись по Туле. Смотрите, каким вернулся в родной город Колька Никитин.

Время шло. Телефон звонил редко. Хозяин говорил с племянницей, потом позвонила Лена и назначила Гостеву свидание утром у проходной. Долго Соломон Ильич говорил с каким-то капризным заказчиком.

Положив трубку, хозяин хитренько посмотрел на Никитина и сказал:

— Вот что, молодые люди. У меня есть картошка и лярд. Мы сейчас все это поджарим и поедим. А то вы с голоду умрете. И чаю попьем. Пошли на кухню.

БЕЛОВ

— Ну, Толик, — сказал Кузин, — как дальше жить будем?

Они сидели в кабинете Кузина, электричество горело вполнакала, поэтому капитан зажег керосиновую лампу-трехлинейку. Кочан молчал, шмыгал носом, вздыхал. Предательство бабки здорово подломило его. Возможно, именно сейчас он задумался над словами Кузина. Белов не вмешивался пока. Пять минут назад ему привезли фотографию Олега Гостева.

— Так что, Толик?

— Торговал я, конечно, — шмыгнул носом Кочан, — так жизнь такая.

— Что ты про жизнь-то знаешь? — Кузин встал, по стенам метнулась его сломанная тень. — Люди ее, эту жизнь, на фронте защищают, а ты? Наш, советский пацан, своих сограждан обираешь. Как это понимать, Толик?

— Да я разве... Я что... Боюсь я его... И все пацаны боятся...

Белов положил перед Толиком фотографию убитого. И по тому, как задрожали руки задержанного, как заходило, задергалось лицо, Сергей понял — знает.

— Знаешь? — резко спросил Белов.

— А кто его? Артист?

Белов протянул фотографию Гостева.

— Этот?

— Он... Женька Артист... Это он Витька? Ну, ему не жить...

— Кто такой Витек?

— Кличка у него Царевич. Не московский он. Из Салтыковки. Он от деловых к Артисту приезжал.

— Фамилия Артиста?

— Не знаю.

— Где живет?

— Не знаю. Он ко мне сам приходил. Говорил, где товар взять, деньги забирал.

— Твои дружки его знают?

— Видели.

— Они тоже работают на него?

— Через меня.

— Когда должен прийти Артист?

— Не знаю.

— Выйди, Толик, в коридор.

— Ну вот что, Евгений Иванович, — сказал Белов голосом, не терпящим возражения, — раз я старший, то мое решение такое. На квартире Кочана сажаем засаду. С утра сориентируй всех. Покажи карточку Артиста.

ДАНИЛОВ

Вячеслав Андреевич теребил руками шапку.

— Да вы успокойтесь, чего волнуетесь, — улыбнул-Данилов.

— А вас в МУР вызывали? — внезапно спросил Шумов.

Вопрос был настолько неожиданный, что Иван Александрович на секунду растерялся даже. Потом, представив себе ситуацию, расхохотался. Шумов тоже улыбнулся, но грустновато.

— Нет, — ответил Данилов, — не приходилось мне.

Ему положительно нравился этот худощавый, сдержанный человек. Одет был Шумов в хороший костюм, сорочка на нем была заграничная. Над карманом пиджака были нашиты две полоски за ранения — золотистая и красная.

— Где это вас? — спросил Данилов.

— В декабре сорок первого под Волоколамском.

— Да что вы? Я тоже там воевал.

— Вы?

— Представьте себе. В сводном батальоне НКВД.

— Значит, соседи. Я помвзвода был в Третьей ополченческой бригаде. По ранению уволили вчистую.

— Где работаете?

— В Московском драматическом театре помрежем. Я до войны в театральном институте учился. Ушел добровольцем. Ранило. Вот работаю. Говорят, институт возвращается, опять пойду учиться.

— Послушайте, Шумов, вы этого человека знаете? — Данилов протянул ему фотографию.

— Женька Баранов, — мельком взглянув на нее, ответил Шумов. — Что, за спекуляцию попал?

— Почему вы так считаете?

— А его из нашего театра за это поперли. В сороковом театр ездил в Латвию. После воссоединения. Ну он там и развернулся. Спекулянт. Пустой человек.

— Вы случайно не знаете, где он живет?

— На Краснопролетарской. Дом его одноэтажный, деревянный, как раз напротив типографии. Я у него галстуки покупал, так ездил туда.

— Вы его давно видели последний раз?

— В прошлом году, он ко мне пару раз с очень милой девушкой заходил, просил почему-то называть его Олегом.

— Ну а вы?

— Называл, мне не жалко.

— Он часто бывал у вас?

— Я же сказал, пару раз. Такие, как он, — люди

бесцеремонные. Приходят без звонка, валятся как снег на голову. Эта наша мягкотелость, свойственная интеллигенции. Знаешь, что дрянной человечишка, а все равно обидеть боишься.

НИКИТИН

Гостев позвонил в двадцать два сорок три.

— Соломончик, — услышал Никитин в трубке бойкий баритон. — Звонила ли моя прелесть?

Портной из-под очков поглядел на Никитина. И ответил насмешливо:

— Для вас, молодой человек, хорошие новости. Она ждет свидания утром у проходной. Говорила, что достала для вас кое-что.

— Соломончик, вы умница. У меня есть чудная фланелька, я хотел бы пошить летний костюм.

— Е. Б. Ж., — ответил Соломон Ильич.

— Что? Что? — удивился Гостев.

— Е. Б. Ж. Вам как артисту следовало бы читать письма Льва Николаевича Толстого. Он заканчивал их именно этими буквами. Они расшифровываются очень просто: «Если буду жив».

— Я буду жить долго, Соломончик. Долго и счастливо.

Портной еще раз посмотрел на прижавшего наушники Никитина, на тяжелые фигуры оперативников и, вздохнув, сказал:

— Мне бы вашу уверенность. Так что передать милой даме, если она будет звонить еще?

— Скажите, что приду.

Ту-ту-ту, — загудела трубка.

— Вы, папаша, молодец. У вас не только руки, но и голова золотая.

— Что же, эта оценка мне очень важна. Может, вы мне и справку выдадите?

— Какую?

— О правовом самосознании.

— Нет печати, папаша, — улыбнулся Никитин, — а то бы выдал. Вы уж не обессудьте, двое наших у вас посидят. Ладно?

— Это как, ловушка?

— Да нет, папаша, это засада.

— Жаль, что мои внуки выросли и воюют сейчас на энском направлении, было бы что рассказать им.

— А вот этого, дорогой папаша, не надо. Совсем не надо. Говорить о наших делах не рекомендуется.

ДАНИЛОВ

В Салтыковку уехал Самохин, прихватив с собой фотографию убитого. В квартире Кочана засада, на Краснопролетарской тоже. Ждут Артиста и у портного. Пока все.

За зашторенным маскировкой окном медленно уходила ночь. И Данилов физически ощущал ее неслышное движение. Он курил, зло поглядывая на телефон. Черный аппарат молчал.

Где-то в этой ночи живет своей легкой жизнью Евгений Трофимович Баранов по кличке Артист. Дома, на Краснопролетарской, он не был уже почти год. Так сказала его сестра. Но родственникам не всегда надо верить. Даже когда они ругают братьев.

Пока выстраивалась достаточно логичная цепочка. Пистолет Коровина некий левша передал Витьку, тот взял у Баранова шрифт и патроны. Видимо, этот Витек приносил Артисту продукты, которые на Тишинке реализовали пацаны.

Нет, не так это. Слишком малая толика награбленного попадала на Тишинку. Да и награбленное ли? Но все-таки ниточка была, и как-то соединяла она левшу, Витька, Артиста. А значит, и три последних преступления объединяла она.

Ему удалось сегодня на час вырваться домой, завезти Наташе паек и форму.

Жена долго и одобрительно рассматривала Данилова.

— Тебе идет новая форма, — улыбнулась она, — ты в ней моложе.

— Вместо сорока трех сорок два дать можно, — печально усмехнулся Данилов.

Он глянул в большое зеркало. И увидел, что стал почти совсем седым.

— Ты на седину не смотри, — успокоила Наташа, — она украшает мужчину.

— Почему-то украшательство начинается к старости. Видимо, этим мы и успокаиваем себя.

Данилов с удовольствием отметил, что время почти не коснулось жены. Конечно, она была не той веселой вузовкой, с которой познакомился он восемнадцать лет назад. Но все же она была хороша. И горькое чувство недоверия обожгло сердце. Короткая секундная ревность. Нехорошее чувство, недоброе.

Наташа жарила на кухне картошку, а Данилов сел в огромное уютное кресло. Сел и задремал сразу. Сквозь дремоту он слышал бормотание громкоговорителя, шум воды на кухне, торопливые шаги Наташи. Ему очень не хотелось вставать, надевать полушубок и ехать в управление.

Хотелось остаться дома. Проснуться утром рядом с женой, сунуть босые ноги в тапочки, пойти на кухню, заварить крепкий чай и пить его бездумно, мелкими глотками.

— Ваня, — крикнула из кухни Наташа, — иди есть.

Данилов поднялся, тряхнул головой, прогоняя дрему, и пошел к жене.

После короткой поездки домой кабинет выглядел особенно неуютным. Казалось, что никотиновая горечь намертво впиталась в стены, сделав их желтовато-грязными. Правда, это только казалось ему, стены кабинета были, как положено, покрашены до половины синей краской и до половины белой.

В дверь постучали.

— Да, — крикнул Данилов.

— Разрешите, Иван Александрович? — вошел Белов.

— Заходи, садись. Что у тебя?

— Папиросы, изъятые у Кочана, соответствуют той партии, которая доставлялась в продмаг на улице Красина.

— Ну вот, не зря вы по морозу бегали. Есть связь. Точно есть. Зови ребят, помозгуем, как нам этого Артиста лучше заловить.

Совещались они недолго. Все было предельно ясным. Если Баранов не придет до утра ни в одно из тех мест, где его ждет засада, то брать его будут у типографии. А если не придет и туда? Тогда начинать активный поиск.

Данилов погасил лампу, поднял маскировочную што-

ру и открыл форточку. Морозный ветер с улицы нес запах снега. Так же пахла зима на Брянщине в лесничестве, куда он приезжал к отцу. И он вспомнил красное солнце, уходящее за ели, цвет наступающей ночи, треск деревьев на морозе.

Данилов любил сидеть у окна и следить за наступлением ночи. Солнце ушло, короткие сумерки, и потом над домом, над лесом, над миром низко зажигались звезды. И чем темнее становилось, тем ниже опускались они.

Свежий ветер с улицы вымел из комнаты тяжелый папиросный дух. Данилов стянул сапоги, повесил китель на спинку стула, достал из сейфа подушку, одеяло и лег.

Заснул он немедленно. Словно провалился.

ДАНИЛОВ (продолжение)

Из окна машины он видел проходную типографии и рядом Лену, беспомощно озирающуюся по сторонам. Слишком уж она волновалась, хотя проинструктировали ее правильно.

— Это ваша первая крупная роль, Лена, — сказал он, прощаясь с ней.

Данилов видел и своих ребят. Четверо мерзли на остановке, остальные, постоянно сменяясь, передвигались по улице. Пока все было правильно. Но время шло, и Данилов вспомнил слова первого начальника, с которым работал еще в ВЧК: «Стол-то накрыли, а гостей нет».

По договоренности Лена должна была ждать полчаса, а потом идти. Маршрут ее также был отработан. Трамвай — метро — трамвай — дом. Разрабатывая операцию, они учли все возможные варианты. Баранов мог встретить Лену в трамвае, в метро, у дома. А мог и вообще не прийти. Последнее здорово бы осложнило работу.

Данилов посмотрел на часы. Стрелка неумолимо приближалась к контрольной отметке. Артиста не было.

Лена постояла еще немного и пошла к остановке.

Артиста не было.

А он очень ему нужен, этот Евгений Баранов по кличке Артист, очень.

Кочан на допросе многое порассказал о своем «хозяине», и Иван Александрович ни на секунду не сомневался, что именно бандиты снабжали продуктами Баранова.

Лена медленно шла к остановке трамвая. Дважды она поскользнулась, долго выбирала более безопасную дорогу. Наконец подошла к кучке людей, ожидающих трамвай. Там постояла минуты три. Села в прицепной вагон.

Двое оперативников прыгнули в моторный, двое в прицепной.

— Поехали к метро. Надо обогнать трамвай.

— Трамвай, — усмехнулся Быков, — было бы чего обгонять, товарищ начальник.

У метро «Маяковская» машина остановилась.

— Им еще минут тридцать ехать, — мрачно сказал Быков и, подняв воротник тулупа, сделал вид, что задремал.

Данилов усмехнулся, он, как никто другой, знал, что водитель внимательно смотрит за площадью.

Трамвай пришел действительно через тридцать минут.

Данилов видел, как Лена легко спрыгнула с площадки и, пряча лицо от ветра в воротник, побежала к дверям станции. Но раньше нее к двери подошли два оперативника, Никитин и Самохин шли следом.

— К метро. Успеем раньше?

— Попробуем.

Быков рванул машину с места, въехав под арку проходного двора. У него были свои маршруты, он знал все сквозные проезды в городе.

НИКИТИН

А девочка ничего себя ведет. Вполне грамотно. Идет спокойно, не перепроверяется. Молодец. Только вот Артиста этого нет. Уж не разгадал ли он их? Вряд ли. Спекулянт мелкий. Так.

В метро было тепло. Пожалуй, станции остались единственным местом в Москве, куда можно просто зайти и погреться. Заплатил полтинник — грейся весь день. Народу днем совсем немного было. Военные да

пожилые люди в основном. Пацаны, конечно. Все, кто постарше, на работе.

Проходя по залу, Никитин с удивлением отметил, что работники метрополитена тоже в погонах.

На перроне стояла дежурная в ладной синей шинели с серебряными погонами с черными просветами и одной звездочкой.

— Ты гляди, — сказал он Самохину, — и у них погоны.

— Ты, Колька, газету «Правда» читал, где о новой форме написано?

— Нет, я тем днем в засаде сидел.

— Темнота. Нынче погоны введены в ГВФ, на речном флоте, железнодорожникам. Наркомату госконтроля, прокуратуре, Наркомату иностранных дел и еще кому-то, точно не помню.

— Гляди-ка, — искренне удивился Никитин.

Они переговаривались, но цепко следили за светлым Лениным воротником. Вот начал к ней проталкиваться высокий военный. Нет. Прошел мимо, да и не похож он на Артиста. Они ехали в полупустом вагоне. Шагали гулкими вестибюлями на пересадках. А Артиста все не было.

ДАНИЛОВ

Они успели как раз. Только подъехали, как из метро вышла Лена. И снова все повторилось. Ожидание трамвая и гонка по заснеженным улицам Соколиной горы. И снова ожидание, теперь уже на Лениной остановке. Опять трамвай. Вот Лена, вот Никитин и Самохин.

Быков загнал машину в соседний двор. И Данилов вышел. Пройдя через заваленную снегом детскую площадку с поржавевшими качелями и полуразобранными на дрова грибками, он свернул к двухэтажному дому с аркой, пересекая путь Лене и ее спутникам.

НИКИТИН

Лена шла, почти бежала впереди, и они тоже прибавили шаг. Вот она пересекла улицу, минуя сугробы,

шагнула на тротуар, вот подошла к кирпичному дому с аркой. Скрылась в ней. Они вошли следом.

Никитин сразу узнал его. Высокий парень в кожаном пальто с меховым воротником и серой пушистой кепке стоял рядом с Леной. Никитин напрягся для прыжка...

— Ни с места! — крикнул Самохин. — Милиция!

И тут случилось неожиданное. Парень выхватил пистолет, развернул Лену, закрывшись ею как щитом, и приставил ствол к голове девушки.

— Стоять, — хрипло крикнул он.

Лена почти висела у него на руке — безвольно и расслабленно.

— Ты чего, мужик? Чего? — под дурачка затараторил Никитин, медленно, шажок за шажком, приближаясь к нему.

— Стой. Я крови не хочу.

— Ты чего, чего?

— Стой! Бросайте оружие и отходите к стене. Иначе...

Пистолет в его руке ходил ходуном, глаза были бессмысленно пусты от страха. И Никитин понял, что от глупого ужаса этот человек вполне может надавить на спусковой крючок. Он вынул из кармана ТТ и бросил его на землю. Бросил и отошел. Самохин сделал то же самое.

ДАНИЛОВ

Он посмотрел на часы. Лена с сопровождающими давно уже должна была пройти. Значит, что-то случилось. Возможно, что-то задержало их.

Он зашагал к арке.

НИКИТИН

Артист отпустил Лену, и она осела прямо в снег. Держа пистолет наизготове, он подошел к брошенному оружию.

«Наклонись. Ну наклонись, сука», — мысленно просил его Никитин. Он напряг ноги и весь стал как сжатая пружина, готовая расправиться стремительно и

сильно. Артист подвинул ногой его пистолет к себе.

И тут Никитин увидел Данилова.

ДАНИЛОВ

Он сразу же оценил обстановку. Девушка лежала на земле, в снегу валялись пистолеты, а этот хлыщ в коже пытался ногой подтянуть к себе ТТ.

Данилов вскинул пистолет и выстрелил. Под аркой выстрел прозвучал ошеломляюще, пуля ударила у ног Артиста. Он вскрикнул, обернулся на секунду. Всего на секунду. И Никитин прыгнул. Прыгнул и сбил его на землю. Отлетел в сторону пистолет.

Баранов пытался вырваться. Но что он мог сделать против Никитина?

Щелкнули наручники.

— Эх, дать бы тебе в глаз. — Никитин длинно выругался, Самохин и Данилов поднимали Лену. Ревя мотором, под арку влетела «эмка».

— Что? — крикнул Быков.

— А, ничего, — достал пачку «Беломора» Никитин, — последние папиросы сломал из-за этой падали.

На столе лежали вещи, отобранные у Баранова. Пистолет «Чешска-Зброевка», модель «В», калибр 5,6, замысловатый нож, выполненный в виде лисички. Морду плексигласового зверька почти закрывала кнопка. Нажал — и пружина выкидывает узкое лезвие. Паспорт. Сложенная вчетверо бумага-броня. Удостоверение Москонцерта, где написана должность — артист. Данилов развернул броню. Бланк, печать. «Освобожден от призыва в армию по май 1944 года артист Москонцерта Баранов Евгений Петрович как участник фронтовых бригад». Подпись, печать. Все на месте. Только никому в Советском райвоенкомате не известен был гражданин Баранов тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения. Там стояла отметка — выбыл в эвакуацию.

Еще лежали на столе деньги. Десять тысяч. Две пачки дорогих папирос. Записная книжка. И конверт местного письма, наполовину оторванный, но адрес на нем сохранился: Колпачный пер., дом 7, кв. 23, Латовой В. Р. для Баранова.

И еще одну вещь нашли в кармане пальто Баранова, «Голубень», сборник стихов Есенина.

Данилов прочел первое стихотворение — прекрасное стихотворение об убитой лисице, которое он впервые увидел еще в шестнадцатом году в журнале «Нива». Потом другое, третье...

Напевность есенинских строк на какое-то время заставила его забыться. Он потерял ощущение реальности и времени.

В двадцать втором году Данилов был на выступлении поэта в Доме печати, и его очаровал красивый человек, читавший стихи звучным, чуть грустным голосом.

Ему не пришлось побывать на похоронах поэта. Данилов в тот день был в Воронеже. Потом — госпиталь. И о смерти его узнал только через несколько месяцев.

В середине тридцатых годов о Есенине начали скверно писать. Некоторые ревнители поэзии называли его чуть ли не литературным подкулачником...

Стукнула дверь, Данилов неохотно оторвал глаза от книги.

Вошел Серебровский.

— Ваня, значит, ты все-таки этого парня заловил?

— Взяли мы его, Сережа.

— Допрашивал?

— Пока нет.

Серебровский взял со стола книгу.

— У него нашел?

— Да.

— Я в сорок первом однотомник Есенина выменял на три бутылки коньяка. Я Есенина и Симонова люблю очень.

— Лирик ты, Сережа.

— Ваня, ты когда этого парня допрашивать будешь?

— Да прямо сейчас.

— Не возражаешь, если я посижу у тебя?

— О чем ты говоришь, конечно.

Данилов поднял телефонную трубку.

— Приведите Баранова.

Серебровский сел на диван, в темноту, вытянул ноги, достал папиросы. В коридоре послышались тяжелые шаги конвоя. В дверь постучали.

— Да! — крикнул Данилов.

Вошел старшина.

— Товарищ подполковник, арестованный Баранов доставлен.

— Заводи.

У него даже ниточка усов обвисла. Совсем не тот был Женька Баранов. Совсем не тот. С фотографии глядел на мир самоуверенный красавец — удачливый и избалованный. А в кабинете сидел человек с растрепанными волосами, в ботинках без шнурков, в костюме, который сразу же стал некрасиво помятым.

Данилов повернул рефлектор лампы к задержанному, и тот зажмурился от яркого света, бьющего в лицо.

— Баранов, вы находитесь в отделе борьбы с бандитизмом Московского уголовного розыска. Мы предъявляем вам обвинение по статьям 59^3, 72, 182, 73, 73^2, 107, 59^4 УК РСФСР[1]. То есть вы обвиняетесь в участии в бандитской группе, в подделке документов, незаконном ношении огнестрельного оружия, сопротивлении представителям власти, спекуляции, принуждении к спекуляции несовершеннолетних и уклонении от воинской службы. Вам понятен смысл статей?

— Ты забыл еще сто девяносто третью. Разбойное нападение на Елену Пименову, — сказал из темноты Серебровский.

Баранов молчал, только дышал часто и тяжело, как человек, взбежавший на десятый этаж.

— Вам понятен смысл статей, гражданин Баранов?

Баранов попытался что-то сказать, издал горлом непонятный звук.

Серебровский встал, шагнул в свет лампы.

— Ну, Артист, чего молчишь? Будь мужиком. Умел пакостить, умей держать ответ. А суд чистосердечное признание всегда в расчет принимает. Хочешь пойти молчком? Так по военному времени тебе по одной 59^3 высшая мера светит.

— Я никого не убивал! — крикнул Баранов. — Не убивал я и не грабил!

— А папиросы из продмага на улице Красина? — спросил Данилов. — Там, между прочим, Баранов, человека убили.

---

[1] Статья УК РСФСР в редакции 1943 года.

— Не был я там, не был! — завизжал Артист.
— Откуда папиросы взял? — Серебровский наклонился к задержанному.
Баранов испуганно дернул головой.
— Наслушался от блатников. Это у вас руками махать можно. Нам закон не позволяет. Ну?
— Давали мне их, — чуть слышно проговорил Баранов.
— Кто давал, не помните, конечно? — насмешливо поинтересовался Данилов.
Баранов молчал.
— Хотите, я за вас изложу то, что вы хотите нам рассказать? Молчите? Так слушайте. Однажды на Тишинском рынке к вам подошел человек, лицо его вы плохо помните, он предложил вам купить водку, шоколад, консервы, папиросы. Пистолет вы нашли на улице. Обойму снаряженную — там же. А шрифт брали исключительно из любви к полиграфии. Это ваша версия, Баранов, слушать ее мы не намерены. Вы должны рассказать нам о человеке, который сделал вам фальшивую броню, для кого вы доставали шрифт, кому отдавали деньги за реализованный товар. Вот что мы хотим услышать. Вы знаете этого человека?
Данилов бросил на стол фотографию Витька.
Серебровский взял ее, поднес к свету.
Баранов посмотрел, зажмурился и кивнул головой.
— Кто его убил? — спросил он тихо.
— Это неважно. Вы знали его?
— Да. Он брал у меня шрифт, приносил папиросы.
— Кто давал вам все это?
— Вы можете мне не верить... Но я знаю, что человека этого зовут Павел Федорович. Я встречался с ним несколько раз.
— Где вы с ним познакомились?
— В Риге в сороковом году. Он там каким-то юрисконсультом работал в организации, занимающейся текстилем. Давал мне вещи, я их продавал. Потом война, он сделал мне броню. Велел не жить дома. Познакомил с хиромантками...
— С кем? — удивленно спросил Серебровский.
— С Ольгой Вячеславовной, хиромантокой.
— Это с гадалкой, что ли? — Серебровский никак не мог уяснить профессию Ольги Вячеславовны.
— Да... Она инвалид...

— Ее инвалидность такая же, как и ваша броня? — Данилов посмотрел на Артиста.

Этот будет говорить. Истеричен, труслив. В состоянии аффекта от страха своего глупого готов на любой поступок. Даже на убийство. О таких его первый начальник еще в ВЧК Мартынов говорил: «У него вместо души пар».

— Нет, она старенькая. Но она тоже с ними, меня в этих преступных сетях запутала. Я сам хотел на фронт, но боялся их, очень боялся. Один раз Павел Федорович пришел с человеком. Страшный, у него на руке шрам. Бандит, убийца.

— Как его зовут?

— Не знаю. Павел Федорович называл его Слон.

— Как, как? — переспросил Серебровский. — Слон?..

Он стремительно вышел из кабинета.

— Ольга Вячеславовна знает, где живет Павел Федорович?

— Не знаю, у них не было разговора об этом.

Данилов увидел, как Баранов жадно смотрит на папиросы.

— Курите.

Баранов схватил «беломорину», затянулся со всхлипом.

— Спасибо. Что мне будет?

— Если поможете следствию, то срок вам будет. Большой срок. Но вы еще молодой, Баранов, у вас вся жизнь впереди. Есть время подумать. Сейчас мы поедем на Колпачный. Там, кажется, живет ваша хиромантка?

Баранов молча кивнул головой.

— Теперь так, Баранов, мы поедем вместе.

— Нет... Я не поеду! — Артист вскочил. — Нет!

— Это почему же?

— Боюсь я ее и его боюсь.

— Вы теперь под охраной закона, гражданин Баранов, — сказал Данилов, — так что вам бояться нечего.

В комнату вошел Серебровский.

— Договорились? — спросил он.

— Вроде да.

— Ты, Артист, пойди отдохни в коридоре, мы тебя потом позовем.

Баранов вышел.

Серебровский плотнее закрыл дверь, сел на стул верхом, махнул рукой, прося опустить рефлектор лампы.

— Ваня, ты знаешь, кто такой Слон?

— Нет.

— Ленинградский налетчик. Я им в наркомате занимался. Грабежи и разбой. Грабил пару раз церкви. Из Ленинграда исчез перед войной. Настоящая его фамилия Димитрук Аркадий Петрович. Гад из гадов. Кличку свою получил за необыкновенную физическую силу. Вооружен и очень опасен при задержании.

— Каждая минута общения с тобой, Сережа, приносит мне радость.

— Что делать, Ваня, такой уж я человек. Так как решим?

— Я думаю, надо сначала послать ребят, пусть подразузнают и за квартирой посмотрят. Ну а потом мы двинем.

— Кого пошлем?

— Никитина и Белова. Пусть они проверят паспортный режим.

НИКИТИН И БЕЛОВ

Они прихватили с собой участкового, проинструктировав его, что и как он должен говорить. Участковый вел их проходными дворами, пока наконец они не увидели на маленьком двухэтажном доме вывеску «Домоуправление».

— Здесь, — отдуваясь, сказал провожатый. Был он совсем старый, наверное, призвали из запаса, когда на фронт ушли работники Московской милиции.

Никитин с сожалением посмотрел на участкового. Шинель на нем топорщилась, сразу было видно, что под нее он напялил ватник. Шапка налезала на уши. Погоны с одной звездочкой замялись и торчали словно крылышки.

— Сейчас к управдому пойдем, Феликсу Мартыновичу, он мужчина серьезный — прямо Наполеон.

Участковый уже пятый день читал книгу академика Тарле, поэтому всех именовал соответственно с прочитанным.

— Наполеон так Наполеон, — миролюбиво сказал Белов, — пошли.

Они спустились в полуподвальный этаж. У дверей с массивной табличкой «Управляющий» участковый остановился и поправил пояс. Он махнул Никитину и Белову рукой и распахнул дверь.

В кабинете, стену которого занимала огромная красочная карта военных действий, утыканная флажками, за столом сидел совершенно лысый человек.

Свет лампы отражался на его словно лакированном черепе. Увидев вошедших, он встал и вышел из-за стола.

Крепкий это был мужичок, коренастый, худой, но крепкий. На нем как влитая сидела зеленая диагоналевая гимнастерка, перетянутая широким комсоставским ремнем со звездой. На груди переливались эмалью знаки «Ворошиловский стрелок», «Отличник МПВО» и «Отличник коммунального хозяйства».

— Здравствуйте, товарищи офицеры, — приветствовал он их строгим, но необыкновенно тонким дискантом. — Зачем пожаловали?

Он смотрел на работников милиции так, словно хотел сказать: «Что без дела шастаете, занятых людей отрываете?»

— Это, Феликс Мартынович, — из городского паспортного стола товарищи. Пришли посмотреть, какие у нас здесь порядки.

— Ну что ж, — благосклонно произнес Феликс Мартынович, — нам есть чем похвастать. Наша дружина МПВО занимает первое место в районе и третье в городе. Регулярно проводится военная подготовка. Политчас, конечно. Субботники по уборке территории. Мы на первом месте по сбору металлолома, шефствуем над госпиталем. Книги раненым бойцам и офицерам отправляем, табак, продукты...

— Это все прекрасно, Феликс Мартынович, — перебил его Белов, — только задание наше несколько более узкое. Мы паспортный режим проверяем. Вот и хотели бы взять три квартиры на выборку.

— Какие?

— В соседнем доме мы проверяли четные, ну а у вас нечетными ограничимся.

— Третья, пятая и седьмая, к примеру, — вмешался в разговор Никитин.

— Кстати, — продолжал Белов, — кто там живет?

— Третья коммунальная, в ней прописаны четыре

семьи, люди все больше трудящиеся. В пятой — две семьи проживают. Пенсионер и работник военкомата. А в седьмой... — Управдом помолчал и продолжил: — В седьмой Ольга Вячеславовна Дубасова проживает. Тоже пенсионерка. За мужа, крупного железнодорожного инженера, пенсию получает.

— А пенсия-то велика? — сверкнул золотым зубом Никитин.

— Тысяча двести. От НКПС.

— Ничего. Побольше, чем у нас жалованье.

— Она женщина тихая, квартплату вносит вовремя, карточку отоваривает в срок. Книгами нам помогла для госпиталя. У нее их много. Когда цветные металлы собирали, подсвечники бронзовые отдала, теплую одежду тоже.

— Это, конечно, поступок, — Белов надел шапку, — поступок. Но все же нам пора.

— Не могу задерживать, — с некоторой обидой в голосе сказал домоуправ, — служба, она есть служба.

Они снова прошли двором, занесенным снегом, и Белов подумал, что не все, видимо, так гладко у Феликса Мартыновича, во всяком случае с благоустройством.

— Слушай, младшой, — поинтересовался Никитин, — а сколько твоему Наполеону лет?

— А вы сколько дадите?

— Полтинник, не больше.

— Семьдесят четыре, — участковый засмеялся, довольный произведенным эффектом.

Они вошли в подъезд дома, поднялись на второй этаж.

— Начнем с третьей квартиры, — сказал Белов, — чтобы все натурально было.

Участковый повернул звонок, он хрипло брякнул за дверью, и она распахнулась, словно кто-то специально ждал их прихода. Из квартиры выскочил мальчишка лет десяти в зимнем измазанном пальто и красноармейском шлеме со звездой. Чуть не сбив с ног участкового, он стремительно бросился по лестнице.

— Витька, паршивец, только вернись домой, уши оборву, — крикнула в темноте коридора женщина.

— Ах, Гусева, Гусева, передовая работница, а с сыном справиться не можешь.

— А твое какое дело, Антоныч, я женщина трудо-

вая, сын мой не хулиган. Ращу его, между прочим, без отца, который вместо тебя на фронте воюет да вместо твоих дружков.

Белов даже в полумраке лестницы заметил, как мучительно покраснело лицо участкового. Он хотел что-то ответить, но махнул рукой и отступил в сторону.

— Ты, гражданка, — шагнул к дверям Никитин, — нас своим мужем-фронтовиком не кори и на младшего лейтенанта не кати бочку. Ему возраст вышел тихо на пенсии чай пить, а он пошел вас от шпаны защищать. А что нас касается, то я под Тулой трижды ранен был, а товарищ мой — под Москвой. Стыда у тебя, гражданка, нет.

Никитин с силой закрыл дверь. Так, что грохот прокатился по подъезду.

— До чего же подлый народ бабы, — плюнул Никитин. — Пошли дальше.

Дверь в квартире пять открыл старичок в вязаной теплой кофте. Белов сразу не понял, ему показалось, что он смотрит на них тремя глазами, только потом он сообразил, что на лоб старичок поднял окуляр, которым пользуются часовщики.

— Здравствуйте, Петр Степанович, — участковый приложил руку к шапке, — как у вас с паспортным режимом, живут ли посторонние?

— Я, старуха да сосед Сергей Викторович, работник военкомата.

— Значит, посторонних нет, а вы что, часы чините?

— Знаете, Алексей Антоныч, хорошему часовщику, даже ушедшему на покой, всегда найдется работа.

— Ну, работайте, работайте.

Теперь оставалась седьмая квартира. Ради нее они и пришли в этот дом, ради нее разыгрывали комедию, чтобы никто не заметил их заинтересованности в некой вдове крупного инженера, а ныне хиромантке на пенсии Ольге Вячеславовне.

Данилов, направляя их сюда, просил проверить, как обстоят дела в ее квартире, сколько выходов, сколько комнат, живет ли там еще кто-нибудь. «Если что,— сказал он, прощаясь, — действуйте по обстановке».

А что значит эта фраза «Действуйте по обстанов-

ке»? Для них слишком даже много. Потому что нелегким был этот третий год войны.

У дверей квартиры Никитин расстегнул кобуру и сунул пистолет в карман, Белов тоже. Участковый посмотрел на них и переложил оружие.

— Звоните, — сказал участковому Белов.

Он быстро оглядел дверь и понял, что здесь поработали мастера. Под плотной обшивкой угадывалось массивное дерево, возможно, прошитое стальным листом. Такие двери Белову приходилось видеть пару раз. Они появились в последнее время. Жильцы пытались таким образом защитить себя от некой злой силы.

Но ведь солисту Москонцерта Минину не помогли ни двери, ни замки — его просто подкараулили на лестничной площадке.

Были наивные люди, спрятавшиеся за этими дверями. Но были и другие, для которых подобное сооружение являлось как бы крепостными воротами, которые необходимо штурмовать долго и обязательно с потерями.

Участковый повернул рукоятку. Но звонок словно растаял за дверью. В квартире по-прежнему стояла тишина. Он позвонил еще раз, потом еще.

— Слушай, может, у этой гадалки звонок не работает? — сказал Никитин.

— А кто ее знает, гадалка все же, — с недоумением сказал участковый.

Никитин стукнул в дверь кулаком. Она отдалась тяжелым коротким гулом.

— Слышь, Белов, я так и подумал, что у нее дверь изнутри железом обита. Видишь, как гудит, словно корыто луженое.

Никитин ударил еще раз и приложил ухо к дверям.

— Может, она ушла куда? — повернулся он к участковому.

— Ольга Вячеславовна зимой на улицу не выходит.

— А карточки отоваривать?

— К ней женщина приходит навроде домашней работницы.

— А ты ее знаешь?

— В соседнем подъезде живет.

— У нее ключ от квартиры есть? — вмешался в разговор Белов.

— Не знаю, товарищ старший лейтенант.

— А вы узнайте, мы здесь подождем.

Участковый не по возрасту проворно застучал сапогами вниз по лестнице. Никитин сел на ступеньку.

— Сережа, у тебя закурить есть?

Белов полез в карман шинели, вынул смятую пачку «Беломорканала», встряхнул ее.

— Три штуки осталось.

— А до пайка жить да жить, — философски изрек Никитин, беря папиросу, — я, конечно, с табачком пролетел сильно. Пришлось этому жмоту на вещевом складе подкинуть.

— Коля, быть красивым в наше время — дело нелегкое.

— И не говори. — Никитин поднялся. — Холодно все же.

Они курили, и плотный папиросный дым висел в остылом воздухе подъезда. Он был похож на комья снега, повисшие под потолком.

За тусклым от грязи, перехваченным бумажными крестами окном подъезда плыл январь сорок третьего. Тревожный и студеный. Где-то, как писали газеты, на энском направлении шли бои. Их ровесники в ватниках, потерявших цвет, в шинелях, измазанных кровью и глиной, умирали и побеждали.

Этих двоих война сама отторгла от себя. Она смяла их, покрыла тело рубцами, хотела сломать, но не смогла. Молодость брала свое. Она помогла им залечить раны, помогла найти новое дело. Конечно, им было обидно слушать горькие слова женщины из третьей квартиры. Обидно. Но вины своей перед ее мужем они не чувствовали. Ведь не в ОРСе и не на продскладе поджирались они. Жизнь вновь вывела их на линию огня.

Внизу хлопнула дверь, послышался хозяйски-строгий голос участкового и испуганная женская скороговорка. На площадку поднялся запыхавшийся участковый и женщина лет шестидесяти, закутанная в темный вязаный платок. Белов сразу же отметил какое-то несоответствие в ее одежде. Валенки, подшитые светлой резиной, этот платок и пальто черного драпа с потертым воротником из чернобурки. Причем голова зверя

висела над правым плечом, хитро вытянув остренький нос. Пальто было явно не по росту и напоминало по длине кавалерийскую шинель.

— Вот, — переводя дух, доложил участковый, — вот, товарищ старший лейтенант, и домохозяйка Ольги Вячеславовны, значит, Наумова Лидия Алексеевна. Такая у нее, значит, профессия.

— Где Ольга Вячеславовна? — спросил Белов.

— А где ей быть? Дома небось.

— Мы звонили, стучали, никто не открыл дверь. Когда вы ее видели в последний раз?

— Так утром сегодня, карточки ей отоваривала.

— Она никуда не собиралась уходить?

— Так Ольга Вячеславовна зимой никуда не ходют.

— У тебя, мамаша, ключи от квартиры есть? — вмешался в разговор Никитин.

Он не любил продолжительных бесед, как всякий человек действия.

— Ну?

— Чего «ну»? — передразнил Никитин. — Я тебе не мерин, а офицер московской Краснознаменной милиции.

Наумова посмотрела на Никитина с испугом, видимо, полный титул московской милиции сыграл свою магическую роль.

— Есть, — ответила она.

— Открывай.

— Ольга Вячеславовна сердиться будут.

— Мы ее, мамаша, уговорим.

— Ну, если так...

Сказала Наумова это с видимой неохотой, поглядывая на трех милиционеров недоверчиво.

Она раскрыла большую клеенчатую сумку, достала связку ключей. Их было много, штук шесть. И Белов почему-то вспомнил пьесу «Васса Железнова», которую смотрел перед войной, и вспомнил брата Вассы — Прохора, который собирал странную коллекцию ключей и замков. Много, наверное, отдал бы он за этот набор.

Никогда еще не приходилось Белову видеть столь сложные конфигурации бородок ключей. Они по форме напоминали маленькие крепости с зубчатыми стенами и приземистыми башнями по бокам.

— Да, — изумился Никитин, — штучная работа, большой цены вещь.

Наумова как-то испуганно подошла к двери, постояла некоторое время, не решаясь вставить ключ в замок, потом трясущейся рукой попыталась вложить его в фигурную скважину.

— Эх, мамаша, — Никитин взял у нее из рук связку и начал работать ключами.

Замки щелкали, отдавались металлическим звоном. Наконец первая дверь распахнулась. Никитин достал фонарик и осветил полумрак тамбура. Еще одна дверь. Еще набор замков.

Они увидели темный коридор, пол его был застелен ковровой дорожкой, на которой что-то лежало.

— Я же убиралась утром, — сказала за спиной Никитина женщина, — все в порядке было.

— Хозяйка! — позвал Никитин, войдя в коридор. — Эй, есть кто живой?

Белов, войдя следом за ним, нажал на рычажок выключателя.

Свет в Москве давно был тусклым. Фонарь мутного хрусталя, зажатый по бокам грудастыми серебряными дамами, висел под потолком. Никитин наклонился над темным предметом на ковре.

— Между прочим, котиковая шуба, — сказал он.

Никитин предчувствовал событие, и сердце его наливалось яростью.

— Подожди, — Белов распахнул дверь в комнату.

Большой круглый стол, стулья, картины на стенах. Вторая дверь — вторая комната. Письменный стол, модели мостов, паровоз с большими медными колесами. Плотный ряд фотографий в темных рамках, написанный маслом портрет человека в путейской форме, диван. Третья дверь — третья комната. Совершенно темная, запах духов и еще чего-то, а вот чего, Белов не понял. Он лучом фонаря пересек комнату. Стены, обитые голубым материалом, голубые шторы, голубой ковер на полу, стол, шандалы со свечами...

На полу лежала женщина в голубом халате, беспомощно откинув в сторону руку.

— Никитин! — крикнул Белов. — Свет! Немедленно свет!

Он наклонился над женщиной, взял ее почти не-

весомую руку, нащупывая пульс. Наконец под пальцами дрогнула кожа.

— Врача! — крикнул Белов. — Никитин, звони нашим!

ДАНИЛОВ

В странно голубой комнате горели свечи. Свет их прыгающе отражался в двух огромных зеркалах. Пахло лекарствами, духами и ладаном.

Данилов взял со стола странную колоду карт. Выкидывая одну за одной, он глядел на сложное переплетение фигур и цифр на атласных рубашках и вспомнил, как в четырнадцатом году в Брянске, когда он был еще совсем юным реалистом, все покупали гадальные карты девицы Ленорман, предсказавшей гибель Наполеона.

— Доктор, — спросил Данилов, положив карты, — как она?

— Ее ударили тупым предметом по голове, она потеряла сознание. Но сердце крепкое, думаю, все будет в порядке.

Вошел Муравьев, с интересом оглядел комнату.

— Иван Александрович, мы тайник нашли.

— Где?

— В гостиной.

— Пустой, естественно?

— Конечно.

Данилов встал, прошел по коридору мимо сидящих, как скованные, испуганных понятых и вошел в гостиную. Огромный ковер был скатан в трубку, и в полу зияло квадратное отверстие.

Данилов подошел, опустился на колени.

— Ну-ка, посвети мне.

Эксперт зажег фонарь, и Данилов увидел металлический ящик, вделанный в пол, крышка его была умело покрыта паркетом, так что почти не отличалась от остальной поверхности.

— Посвети-ка, посвети.

Луч света уперся в дно ящика, покрытое пылью, в углах засеребрилась паутина.

— Я так думаю, что в этот тайник года четыре

никто не заглядывал. Ищите, просто так хиромантов у нас в городе по голове не бьют.

Он снова вернулся в эту странную комнату, напоминающую кадр из какого-то немого фильма, которые крутили во время нэпа на Тверской.

— Мы сделали ей укол, — повернулся к нему врач,— надеюсь, что скоро она придет в себя.

И словно в ответ женщина застонала и попыталась сесть.

— Лежите, лежите, — взял ее за плечи врач.

— Нет, — неожиданно звучно ответила она и села.

И Данилов увидел глаза. Только глаза. Огромные и темные, казавшиеся бездонными в свете свечей.

— Кто вы? — спросила она.

— Мы из милиции.

— Тогда убейте его.

— Кого?

— Он пришел и потребовал все деньги и драгоценности. Я отказала, тогда они накалили на керосинке гвоздь и начали прижигать мне руку.

— Он или они? — перебил ее Данилов.

— Их было двое...

Женщина замолчала, глядя на Данилова странными, почти без зрачков, глазами. Лицо ее, тонкое и нервное, странно освещенное колеблющимся от сквозняка желтым светом, казалось сошедшим со старой гравюры.

— Потом он ударил меня... — Так же в никуда и никому сказала женщина.

— Вы отдали ему ценности?

— Все: и деньги, и золото, и облигации. Он взял все.

— Кто он?

— Виктор.

— Его фамилия?

— Я не помню.

— Где он живет?

— В Камергерском переулке.

— Дом?

— Угловой первый дом, третий этаж, квартира двадцать четыре.

Женщина внезапно начала оседать на подушку, что-то бормоча совсем непонятное.

— Что с ней? — спросил Данилов.

— Так, — ответил врач, — ничего опасного нет, но придется отправить ее в больницу.

Данилов вышел в коридор. Странная обстановка, странная женщина в голубом, ее глаза и слова... Она говорила в сомнамбулическом состоянии. Видимо, в этом и заключался ее секрет как предсказательницы.

— Товарищ подполковник, — в коридор выглянул врач, — знаете, что она сказала про вас?

— Про меня? — удивился Данилов.

— Да. Она сказала: у него будет долгая жизнь, но он увидит много горя.

Данилов вспомнил глаза Ольги Вячеславовны, и ему стало не по себе.

— Доктор, она больная?

— Нет, это странный психический феномен. У нас о нем не любят говорить. Но тем не менее он существует.

— И вы в это верите?

— Я не специалист.

— Странно. Нельзя ли больную перенести в гостиную, мы должны осмотреть ее комнату?

— Ваши люди помогут нам?

— Конечно. Муравьев!

Игорь, застегивая воротник гимнастерки, вышел в коридор.

— Распорядись, чтобы перенесли хозяйку в гостиную, и зайди ко мне на кухню.

Данилов налил стакан воды, благо кухня уже осмотрена, и выпил ее в два глотка. Но никотиновая горечь во рту все равно не исчезла, казалось, что он пропитался ею раз и навсегда.

На кухню вошел Муравьев, на ходу подтягивая пояс, на котором висела кобура, ярко-желтая, из хорошей свиной кожи.

Он вопросительно поглядел на Данилова.

— Поедешь в Камергерский переулок, ныне проезд Художественного театра. В угловом доме на третьем этаже есть двадцать четвертая квартира, там живет некто по имени Виктор. Устанавливать его нет времени. Надо брать. Помни, что они работали здесь вдвоем. Возьми людей и езжай.

Данилов подошел к телефону и приказал дежурному допросить Баранова, выяснить все о Викторе. По-

том он сел на кухне, прижавшись плечом к шкафу, и задремал.

МУРАВЬЕВ

Ну до чего же много снега намело. Большая Дмитровка стала узкой, как щель. Благо движения нынче в Москве почти никакого нет. В «эмке» было холодно. Печка не работала. Да и что это за печка — кусок гофрированной трубки. Только руки погреть, и все.

Игорь поднял воротник черного полушубка, отгородившись им, как ширмой, от зимней Дмитровки, холодной машины и вообще от всей суетной жизни.

Вчера он получил письмо от жены. Их институт эвакуировался в Алма-Ату, она писала о том, что работает над дипломом, очень скучает, сообщала о здоровье его матери.

Слава богу, у них все было в порядке. Но какое-то странное чувство жило в нем уже не первый год. Они расписались накануне ее отъезда, поэтому была у них всего одна ночь. И хотя Муравьев верил жене, но все же с каким-то непонятным мучительным любопытством выслушивал веселые истории о женщинах, которые бесконечно рассказывал Никитин.

— В отделение заезжать будем? — спросил Быков.

— Туда позвонили, у дома нас будут ждать.

Оперативники ждали у дома. Одному было около шестидесяти, второй совсем молодой парнишка в очках.

— Это Виктор Розанов, — сказал тот, что постарше, — я его, Муравьев, знаю. Студент, вроде за ним ничего не водилось.

— Почему не на фронте?

— Броня.

— Значит, так, — Игорь окинул взглядом людей. Два муровских парня очень отличались от оперативников отделения. И Муравьев подумал с гордостью, что ОББ есть ОББ, в нем и люди работают совсем другие.

— Пошли, — скомандовал он, — приготовьте оружие.

Никакого определенного плана у него не было. Да, впрочем, и быть не могло. Ничего, кроме номера квартиры и имени Виктор, он не знал.

Дверь в квартиру была распахнута, где-то в комнате патефонный голос Минина пел об утомленном солнце. На площадке красились две девицы. Одна держала маленькое зеркало, вторая подводила губы под Дину Дурбин.

Как ни странно, электричество здесь горело ярко, видимо, дом снабжался от одной линии с Центральным телеграфом.

— Витя дома? — спросил девиц Муравьев.

— Кто? — удивилась та, что держала зеркало.

— Хозяин.

— Высокий такой? Дома.

Они вошли в прихожую, услышали гомон голосов, смех, звон посуды.

— Перекрыть двери, — сквозь зубы скомандовал Игорь, доставая из кармана пистолет.

Он шагнул в комнату. Стол. Четверо мужчин и три женщины, бутылки. Много бутылок, вот что он отметил сразу.

И глаза их увидел. Они словно воткнулись в него, уперлись. И были они полны ненависти. И лицо он увидел человека, сидящего во главе стола. Коротко стриженные волосы, шрам на лбу.

— Всем оставаться на местах. Уголовный розыск.— Игорь поднял пистолет.

Молодой оперативник из отделения, оттерев его, рванулся в комнату, и сразу же тот, кто сидел во главе стола, выстрелил. Парнишка, переломившись пополам, начал оседать, а Игорь, прыгнув на вспышку второго выстрела и почувствовав, как пуля прошла совсем рядом, опалив волосы, ударом ноги перевернул стол и бросился на короткостриженого. Тяжелая столешница ударила бандита в грудь, и он, падая, выстрелил в потолок. Опережая его, не давая вновь поднять пистолет, Игорь навалился на него, прижимая к полу руку с оружием. Тяжелый полушубок мешал ему. Противник попался худощавый и верткий. Он хрипел, смрадно дыша перегаром, пытаясь левой рукой добраться до горла Игоря.

На секунду он увидел его глаза, светлые и беспощадные, и, не раздумывая, ударил бандита рукояткой вальтера в висок. Тот обмяк, и Муравьев, подняв его оружие, обыскал, достал еще один пистолет и финку, поднялся.

Все было кончено. У стены стояли с поднятыми руками трое мужчин, женщины в ужасе сбились в углу. Над раненым оперативником склонился его товарищ.

— Как он? — расстегивая тулуп, спросил Игорь.

— Плохо, в живот угодил подонок.

— Вызывайте «скорую», арестованных в машину.

Ему было нестерпимо жарко, ворот гимнастерки давил горло, по телу текли липкие капли пота.

— Ну, что нашли?

— Вот у этого наган, — оперативник кивнул на высокого парня в темном бостоновом костюме, в рубашке крученого шелка и ярком полосатом галстуке.

— Ну, Виктор, — усмехнулся Муравьев, — пойдем поговорим.

— Куда?.. Я не пойду... Зачем?.. — испуганно забормотал парень.

И Муравьев, глядя на его искаженное страхом лицо, понял, что он скажет все.

— Пойдем, пойдем, — подтолкнул его к дверям Игорь, — не трясись. Пойдем.

Он вывел его в другую комнату с потертым ковром на полу и кроватями, закрыл дверь и стянул полушубок.

Он стоял перед Виктором, еще не остывший от схватки, в форме, плотно облегающей сильное тело, подбрасывая в руке трофейный пистолет.

— Ну, — сказал Игорь, — быстро. Что взял у Ольги Вячеславовны?

— Это не я... Он пришел... Сказал, пойдем... Она на твой голос дверь откроет...

— Кто он?

— Андрей.

— Тот, что стрелял?

— Да.

— Пытал старуху он?

— Да.

— Кто тебе дал наган?

— Он.

— Где вещи?

— В шкафу, я все отдам...

— Ты думал, что убил ее?

— Да.

— Почему ты ударил ее?

— Андрей заставил, сказал, что надо помазаться кровью.

Густая волна ненависти захлестнула Игоря.

— Значит, кровью хотел замазаться? Чьей кровью? Ты бы лучше на фронт пошел, немного своей отцедил. Совсем немного. Значит, так, кто такой Андрей?

— Это человек, это человек...

— Я сам вижу, что не жираф. Кто он?

— Дядя мой имеет с ним дело.

— Кто дядя?

— Адвокат. Розанов его фамилия. Они у него дома живут, в Кунцеве.

ДАНИЛОВ

— Ты, Игорь, молодец, — сказал Иван Александрович, с удовольствием глядя на Муравьева. — Вот только глаз он тебе подбил. Но ничего, намажь бодягой, пройдет.

Глаз Муравьева даже в тусклом свете лампы отливал угрожающей синевой.

— Иди, Игорь, работай с ними, узнай все про дядю Розанова.

Муравьев ушел. Данилов встал из-за стола, пересел на диван. Ему очень хотелось снять сапоги, вытянуть ноги и сидеть бездумно, чувствуя, как усталость постепенно покидает тело. А всего лучше закрыть глаза и задремать хоть ненамного, ненадолго. И чтобы сны пришли непонятно-ласковые, как в детстве.

До чего же смешно, что именно тогда, когда человек счастливее всего, ему так хочется переменить жизнь. Зачем стараться быстрее взрослеть? Прибавлять года, часами у зеркала искать на губе первый пушок усов. Зачем? Все равно самое доброе и прекрасное люди оставляют в детстве. Только в нем в мире столько красок, только в нем столько любви. Неужели в детстве он мог представить, что будет сидеть в этой маленькой комнате со столом, диваном, пузатым сейфом и картой на стене? Нет. Он-то тогда знал точно, что будет моряком или на худой конец авиатором, как знаменитый Сережа Уточкин.

Данилов даже услышал голос, поющий модную в те годы песенку.

Если бы я был Уточкин Сережа,
Полетел бы я, конечно, тоже,
Полетел бы я повыше крыши,
На манер большой летучей мыши...

Вот и все, что осталось у него от счастья. Старенький, прыгающий мотивчик, его хрипели все граммофонные трубы; желтая твердого картона фотография матери и щемящая грусть, которая приходит к людям, так и не нашедшим счастья. Но закрывать глаза было нельзя. Потому что дел многовато накопилось.

Конечно, им сегодня повезло. Бывает такое слепое везенье. Ох уж эта блатная романтика. Кровью им надо обязательно повязаться. Впрочем, не романтика это. Нет. Окропились кровушкой, значит, молчат на допросе оба. Господи, сколько же сволочи на свете! С ножами, пистолетами, дубинками. Гадость и гниль. А к тебе мысли о детстве лезут. И Данилов вспомнил, как, войдя в соседнюю комнату, он увидел застывшее от ненависти лицо Никитина и его пудовый кулак, словно молоток, лежащий на столе.

— Не могу, товарищ подполковник, — скрипнул он зубами, — разрешите выйти.

— Иди. — Данилов сел на край стола, достал папиросу.

— Дешевку куришь, начальник. Я ниже «Казбека» не опускаюсь.

Тот, кого Розанов называл Андреем, сидел на стуле свободно, с профессиональной кабацкой небрежностью.

Данилов молча курил, разглядывая его. Потом встал, ткнул окурок в пепельницу.

— Тебе пальцы откатали? — спросил он.

— Да.

— Значит, через два, может, три часа мы будем знать о тебе все. Я думаю, за тобой много чего числится. На высшую меру как раз хватит.

— А ты меня, начальник, не пугай.

— А я тебя и не пугаю. Я для чего веду нашу неспешную беседу? Чтобы ты понял, сколько еще жить осталось. И не смотри на меня так. Твои показания нам нужны для формальности. Виктор наговорил столько, что нам этого вполне достаточно. Тебя сейчас в камеру отведут, так ты подумай по дороге, один пойдешь в трибунал или с компанией.

— А если я скажу все, — задержанный, прищурившись, глядел на него, — будет мне послабление?

— Ты что, впервые на допросе? Нет у меня права смягчать или ужесточать приговор. У меня есть одно право: написать, как ты себя вел на предварительном следствии. Оказал помощь или нет. Но помни — и это шанс. Маленький, еле видимый, но шанс.

Задержанный молчал. Пальцы его побелели, так плотно он сжал руками сиденье стула.

— Думай. А я пойду. Только не мотай нервы моим людям. Они сегодня водку, как ты, не пили, они работали.

Данилов пошел к двери.

— Погоди, начальник...

Иван Александрович оглянулся.

— Ты хоть соври, начальник, хоть пообещай. Мне же тридцати нет.

— А зачем мне врать, разве ложь приносит радость?

— Мне сейчас все радость принесет. Жить-то хочу.

— А ты думаешь, Олег Пчелин, которого ты подстрелил сегодня, не хотел жить? А женщина, которую вы чуть не убили?

— Сука она, начальник. Падло буду, сука. Она с ними повязана.

— С кем?

— С Розановым этим.

— Виктором?

— Шестерка, дерьмо. Дядька у него всем заправляет. В большом авторитете он. Среди наших кличка ему Адвокат.

— А при чем же здесь старуха?

— У нее вроде малины с девками.

— А ты ничего не путаешь?

— Нет, начальник, слово мое верное. Я сам-то в Москве двадцать дней всего. Еще их всех дел не знаю. Но слышал, что у гадалки этой и деньги, и рыжевье, и камни. Думал, возьму и подамся в Ташкент. Вот и начал этого фрайерка подговаривать. Пошли к ней да пошли. А он на деньги падкий. Девок больно любит. Дядька ему кидает скупо, а девки нынче вино да шоколад любят.

— Ты бы хоть фамилию назвал для порядка.

Данилов вернулся, взял стул, сел рядом с задержанным.

— А я тебя, начальник, знаю. У нас в Питере про тебя слухи ходили.

Данилов усмехнулся и ничего не ответил.

— Так все же как твоя фамилия?

— Их у меня за двадцать девять лет штук семь было.

— Ты мне настоящую скажи.

— Лапухин я, Мишка Лапухин. Кликуха моя Валет.

— Ну вот видишь, и познакомились. Ты мне, Миша, одно скажи: ты Царевича знаешь?

— Пацана этого? Видел, только он не у Адвоката работает. Адвокат вроде перекупщика. А есть люди, которые магазины молотят. Продукты Адвокату сдают, а кто они, не знаю.

После разговора с Валетом пришел Белов и подробно доложил о допросе Виктора Розанова.

Его дядя оказался весьма любопытной фигурой. В тридцать шестом году его исключили из коллегии адвокатов за неблаговидные дела. Он устроился юрисконсультом в артель, выпускавшую трикотаж, начал спекулировать антиквариатом. В сороковом попал в Ригу. Здесь в показаниях Розанова-младшего оказались некоторые провалы. Что делал его дядя в Риге, Виктор не знал. С самого начала войны он был освобожден от военной службы, в мае сорок первого квартиру на Остоженке обменял на дом в Кунцеве.

Виктор по памяти нарисовал план дачи. Находилась она в Почтово-Голубином тупике. Дальше начиналось поле, за ним железная дорога и лес. Теперь все начинало складываться. Розанов скупал у банды продукты, реализовывал их частично на рынке, а большая часть оседала где-то. Вот это где-то и необходимо было выяснить.

И конечно, главное — банда. Где они — Розанов должен знать наверняка. Вообще-то, конечно, дело странное. Убийства, грабежи, спекуляции и вдруг типографский шрифт. Неужели Розанов хотел наладить производство фальшивых продовольственных карточек?

В час ночи Иван Александрович решил поспать, благо Розанова решено брать на рассвете. Пока дом блокировали. Данилов открыл сейф, старинные куранты

звонко отбили свою мелодию. Перезвон старого менуэта напомнил ему лес, утро, восход солнца.

На верхней полке лежал маузер в побитом деревянном футляре. Иван Александрович вынул его, вщелкнул обойму, проверил патроны.

Тупорылые, в гильзовой латуни, они плотно лежали в приемнике. Данилов, усмехнувшись про себя, подумал, что самым изящным и совершенным изобретением человечества за всю его многолетнюю историю стали средства уничтожения.

Иван Александрович протер маузер чистой тряпкой, снимая с него остатки смазки. Без стука распахнулась дверь, на пороге стоял Никитин.

— Иван Александрович, Грузинский вал, дом 143, магазин...

— Сторож?

— Убит.

ДАНИЛОВ (ночь)

Автобус, надсадно ревя, мчал по пустынной улице Горького. Данилов молча глядел в окно. Он не мог говорить, боясь сорваться, и его люди, знавшие начальника не один день, молчали. Даже Никитин. Никогда еще Иван Александрович не испытывал такого острого чувства вины. За много лет работы в органах ему постоянно приходилось становиться причастным к чужой беде. Казалось, должен был выработаться иммунитет, притупиться острота восприятия.

Машину занесло на повороте. Недовольно зарычала собака. Тихо выругался Никитин.

— Где? — спросил Данилов.

— В этом доме, товарищ начальник, — ответил кто-то. На тротуаре вспыхнул свет карманного фонаря.

Автобус затормозил.

Данилов выпрыгнул и, не отвечая на приветствия, пошел к дверям магазина.

— Свет! — скомандовал он.

Вспыхнули аккумуляторные фонари, осветив занесенный снегом тротуар, обмерзлые ступеньки магазина, распахнутую дверь и тело человека. Совсем маленькое на белом снегу. Казалось, что сторож просто при-

лег, поджав под себя ноги и вытянув вперед сухонький старческий кулачок.

— Где директор магазина? — спросил Данилов.

— За ним поехали, — ответил кто-то из темноты.

Данилов, обходя труп, вошел в магазин. Свет фонарей услужливо двигался вместе с ним, фиксируя разоренные прилавки, выбитую дверь в подсобку, разбросанные на полу продукты, горки крупы. Под ногами скрипел сахарный песок.

У прилавков, ручек, замков уже начали работать эксперты, а Данилову все время казалось, что он забыл какую-то важную деталь. Он вышел на крыльцо магазина и увидел. Телефонный аппарат на длинном шнуре стоял на ступеньках рядом с трупом, уже прикрытым брезентом.

Почему телефон оказался здесь? Почему?

— Иван Александрович, — подошел эксперт, — почерк тот же. Был левша, отпечатков много.

— Что взяли?

— А вон директор идет.

Директор магазина — крашеная дама лет сорока в котиковой шубе и фетровых ботах — заголосила сразу, увидев взломанную дверь.

— Вы директор? — подошел к ней Данилов.

— Я, товарищ начальник.

— Утром снимете остатки, акт нам. Упаси бог вас приписать хоть один лишний грамм.

— Да как можно. — Женщина всхлипнула.

— Иван Александрович, — подошел Муравьев, — постовой милиционер делал обход в час тридцать, видел сторожа живым; в два десять, возвращаясь обратно, увидел труп сторожа и взломанную дверь. Эксперты нашли четкий след колес, предположительно ГАЗ-АА. След загипсовали.

— Хорошо, хорошо, — Данилов махнул рукой, — работайте.

Значит, они приехали на машине и управились за сорок минут.

Кому же открывают двери сторожа? Плачущему ребенку? Бездомной собаке? Глупо. Но почему телефон стоял на крыльце?

Может быть, сторож открыл дверь и дал кому-то аппарат? Что могло заставить его? Только человеческое горе. Нет, он бы выслушал через дверь и позво-

нил сам. Что-то другое. Совсем другое. Они все не могли отказать. Кому? Значит, они, все трое погибших, знали этого человека. Но так же не бывает. Не бывает так.

— Товарищ подполковник, — подошел начальник уголовного розыска отделения милиции, — сторож — Ефремов Михаил Егорович, ему семьдесят лет. Живет с невесткой, сын на фронте. Семья хорошая. Да и старик был добрый, честный. Крошки в магазине не взял.

— Как ты думаешь, Соловьев, почему Ефремов открыл дверь?

— Не знаю.

— А на улице Красина?

— Рок какой-то.

— А ты, Соловьев, мистик.

— Не понял вас, товарищ подполковник.

— Ничего, это я так, мысли вслух. Вы работайте, а мы поедем. Эксперты останутся с вами.

ДАНИЛОВ (утро)

Они вышли из машины за две улицы до тупика со смешным названием. Придумал же хороший человек ему имя — Почтово-Голубиный. Шли по узкой тропинке тротуара мимо угадывавшихся в темноте маленьких одноэтажных домиков-дач. Кунцево было не столько районным городом, сколько дачным местом Москвы.

До войны Данилов с Наташей бывали здесь несколько раз у Серебровского, которому как работнику наркомата полагалась казенная дача. У Сергея была тогда очередная любовь. Самая последняя, как уверял он Данилова. На лужайке перед домом топили шишками самовар, женщины суетились с закуской, а Серебровский, наигрывая на гитаре, пел приятным хрипловатым баритоном.

Сапоги скользили, снег под ногами скрипел, как несмазанные петли двери. И Данилову казалось, что звук этот, неприятный и резкий, прорывается сквозь плотно прикрытые ставни домов.

— Далеко еще? — спросил он.

— Метров двести.

Операцию проводили совместно с Кунцевским рай-

отделом милиции. Они и давали установку на Розанова. Ни в чем предосудительном бывший адвокат замечен не был. Работал юрисконсультом районного отделения ВОС[1], преподавал в городской юридической школе, активно откликался на все общественные мероприятия.

Обыкновенный законопослушный гражданин.

Кончилась длинная, прямая как стрела Почтовая, налево начиналась Полевая. Тупик с добрым названием оказался коротким и широким. В нем было всего четыре дома. Дача Розанова стояла на самом краю города: двухэтажная, со странной башенкой, изящной и островерхой.

— Ничего дом, — сказал Муравьев за спиной Данилова.

— Только брать его трудно, — хохотнул Никитин.

— Товарищ подполковник, — подошел старший оцепления, — в доме тихо, никто не приезжал, никто не выходил.

Данилов еще раз посмотрел на дом. Снег кончился, ветер разогнал тучи, и утренние звезды повисли над городком. На фоне неба остроконечная башенка на доме Розанова гляделась легкомысленно и добро.

— Сколько человек в доме? — Данилов расстегнул шинель, вынул из кобуры маузер.

— Трое. Пришли вчера в девятнадцать со стороны поля.

— Ребята в поле замерзли, наверное?

— Есть немного. Всю ночь ведь, товарищ подполковник.

Итак, дом блокирован, подходы к нему также. Теперь оставалось совсем немного — попасть в дачу. Конечно, можно было пойти постучать в дверь, сказать, что телеграмма. Но не те люди сидели за этими закрытыми дверями. Окна заложены ставнями, двери крепкие. Если они начнут стрелять, то положить могут многих.

— Где начальник райотдела? — повернулся к людям Данилов.

— Я здесь, Иван Александрович.

— Нужна машина или телега с дровами.

— А уголь подойдет?

---

[1] Всероссийское общество слепых.

— Подойдет.

— У нас во дворе полуторка с углем стоит, должны разгрузить с утра.

— Найдется, во что переодеть троих?

— Смотря во что.

— Валенки, ватники, брюки ватные. Ну чтобы на грузчиков похожи были.

— Попробуем.

— Тогда пошли.

Через тридцать минут, ревя мотором, в Почтово-Голубиный тупик въехала полуторка, груженная углем. В кузове на брезенте лежал человек в грязном ватнике, некоем подобии шапки и разношенных валенках. В кабине сидели еще двое, грузчик и шофер. Машину вел Данилов. Он давно уже не сидел за баранкой, а на грузовиках вообще не ездил, поэтому полуторка шла странными скачками.

— Пожгет сцепление, — с сожалением сказал начальник райотдела, глядя, как машина, дергаясь, моталась из стороны в сторону.

Но все же Данилов освоился с машиной, и к даче Розанова подкатил сравнительно грамотно. Полуторка затормозила, почти уткнувшись носом в ворота.

Никитин выпрыгнул из кузова, обошел машину, стукнул валенком по переднему скату и, подтянувшись на руках, перемахнул через забор.

НИКИТИН

Ничего себе участок отхватил этот адвокат. Дачка, сарай, сад. Летом здесь, наверное, красота. Ворота были заперты.

Никитин распахнул калитку и крикнул:

— Петя, погуди им!

За забором хрипло заревел клаксон. Никитин вразвалку зашагал к дому, на ходу цепко поглядывая на забранные ставнями окна, на массивную дверь, на стекла террасы, перетянутые бумажными крестами.

Дом молчал. Никитину не нравилось это. Он был как ростовая мишень на белом снегу. В любую минуту утреннюю тишину мог разорвать выстрел... А там... Не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз, как любил говорить его товарищ из Тульского угрозыска.

Но пока ничего, до крыльца дойти дали.

Клаксон ревел. Никитин кулаком забарабанил в дверь.

— Чего тебе? — спросил голос за дверью.

Значит, стояли, следили за ним, но не выстрелили. Значит, наживку сглотнули.

— Я тебе, между прочим, не нанялся, — заводя себя, заорал Никитин, — ты тут сны видишь, а я вам уголь вози.

— Чего орешь? Какой уголь? — так же спокойно спросили за дверью.

— Какой?! Черного цвета, — рявкнул Никитин. — Давай открывай ворота или я его на улице выброшу.

Он полез в карман, вытащил накладную.

— Распишись и сам таскай, мы тебе не нанялись.

За дверью молчали.

Никитин вновь полез в карман, вынул газетную бумагу, сложенную книжечкой, махорку, лихо скрутил самокрутку.

— Дай спички, хозяин. — Никитин оглянулся и увидел идущего к даче Муравьева, он нес в руках совковую лопату.

— Ну чего они? — крикнул Муравьев.

— Спят, падлы. Давай сгружать на улице. — Никитин закончил фразу матом. — Так дашь ты спичку или нет?

— Кто уголь прислал? — спросил за дверью другой голос.

— Слепые. ВОС. Не хочешь брать, распишись.

Загремела щеколда. Дверь распахнулась. На пороге стоял человек в свитере, похожий на квадрат.

«Слон», — понял Никитин.

— Где расписаться? — спросил Слон.

— Дай спичку.

Слон полез в карман, достал коробок, протянул Никитину.

Никитин схватил протянутую руку, почувствовав под свитером стальную упругость мышц, и, падая, потянул Слона на себя. Они покатились с крыльца, и Никитина словно припечатала к земле тяжесть чужого тела.

МУРАВЬЕВ

Он увидел, как Никитин, падая, потащил за собой здорового амбала, увидел открытую дверь и, вытащив пистолет, бросился к крыльцу.

За спиной его взревел мотор полуторки, раздался удар, заскрипели ворота. Он обернулся на крыльце и увидел Никитина, прижатого к земле, и финку в поднятой руке его противника, которая вот-вот должна опуститься.

Игорь дважды выстрелил в широкую квадратную спину, обтянутую свитером, и вбежал на террасу. Пусто. Дверь дачи закрыта. Игорь трижды выстрелил в замочную скважину, рванул дверь, она начала поддаваться. Пуля, выбив щепки, просвистела совсем рядом, и Муравьев отскочил в сторону.

— Возьми монтировку. — Рядом стоял Данилов.

Никитин без шапки, в ватнике с оторванным рукавом, морщась от боли, поднимался по ступенькам.

ДАНИЛОВ

К даче бежали люди. За дверью кто-то бессмысленно стрелял. Летели щепки, звенели разбитые стекла террасы. Никитин, бормоча что-то злое, вогнал монтировку в дверь и, не обращая внимания на пули, налег на нее плечом.

Дверь распахнулась. Они вбежали в прихожую.

В полумраке дома Данилов заметил силуэт человека и скорее догадался, чем увидел гранату в его поднятой руке, он выстрелил и крикнул:

— Ложись!

Граната рванула тяжелым гулом, многократно повторенным стенами, потолком, полом. Упругая взрывная волна выдавила стекла, и ставни с треском лопнули. Над их головами по-поросячьи взвизгнули осколки, тупо ударяясь в стены.

Данилов бросился в комнату. На полу лежало нечто, оставшееся от человека. Граната есть граната.

Огромная комната, тусклое мерцание стекол шкафов и золотого багета рам на стенах. Еще одна дверь.

Выстрел.

Пуля ушла выше.

Опять выстрел. И снова пуля ушла куда-то.

Видимо, стрелял человек с нетвердой рукой, человек, не привыкший к оружию.

Комната. Горящие свечи в канделябрах, свет, прыгающий в темно-красном дереве мебели. У стены человек с пистолетом. Плотно сжатый рот. Дергающиеся щеки. Пистолет в руке ходит ходуном.

— Бросайте оружие, — спокойно сказал Данилов, опуская маузер, — бросайте, бросайте.

Человек улыбнулся криво, опустил пистолет.

— Вот так-то лучше. — Данилов шагнул к нему.

— Нет! — крикнул тот. — Нет!

Человек сунул ствол в рот и надавил на спуск.

Открыли окна, и запах пироксилина, сладковато-едкий и стойкий, медленно покидал дом.

Данилов с отвращением скинул ватные брюки и грязный ватник. Перетянув шинель ремнем с портупеей, он вошел в комнату, в которой застрелился Розанов. Видимо, она служила хозяину кабинетом. Огромный стол красного дерева, такой же диван, три кресла, ковер на полу.

На стенах картины. Много картин. Они висели так плотно, что, кажется, палец не вставишь в щель между ними.

Данилов шел по дому. Картины, картины. Шкафы с золотыми и серебряными кубками, какие-то шкатулки и ларцы редкой работы. Хрусталь в серебре. Подносы, кувшины.

— Муравьев! — крикнул он.

— Слушаю вас, Иван Александрович.

— Пойди в райотдел, позвони в Москву, пусть пришлют специалиста по антиквариату, желательно опытного искусствоведа.

— Слушаюсь.

Санитары выносили из дома трупы. У забора милиционеры сдерживали толпу любопытных. Все как обычно. Такая у них работа. Хорошо, что обошлось без потерь. Правда, он провалил операцию.

Три трупа. А ему нужны не покойники, а свидетели. Ах как нужен ему был живой Розанов. Ведь он являлся связующим звеном между бандой и рынком. Розанов, Розанов... Кто же мог подумать, что ты на такое решишься? Обычно жулики любят себя, боятся

смерти. А этот? Ну прямо гвардейский корнет, уличенный в нечестной игре.

Данилов вошел в кабинет, сел к столу, выдвинул ящик. Нож для разрезания бумаги, словно сотканный из тонкой серебряной паутины. Золотой портсигар с алмазным орлом на крышке, старинный кремневый пистолет с золотой насечкой, фигурки каких-то животных с камнями вместо глаз.

В ящиках правой тумбы лежали документы районного отделения ВОСа, конспекты для занятий в юршколе. В левой тумбе в верхнем ящике пачка чистой бумаги и конверты.

Данилов начал перебирать их. Конверты были еще довоенные, с красивыми глянцевыми марками. В один из них что-то вложено. Иван Александрович раскрыл конверт, вынул листок бумаги в косую линейку с прыгающими буквами, написанными химическим карандашом.

«Дорогой Отец! У нас здесь тихо. Город обстреливают, но ничего, мы отсидимся. Посылку твою получил и пустил в дело. Брат передает тебе цацки. Торопись, так как положение с продуктами улучшается. Посылаю тебе бумагу. Печатай новые талоны по присланным образцам. Это дело золотое. Слона придерживай. Пусть не светится. С января к нам обещают пустить паровоз. Ищи связи. Я не хочу, чтобы Брат рисковал. Твой Николай».

Данилов пробежал письмо еще раз. Есть зацепка, есть. Только ради этого стоило штурмовать этот дом. Он подумал о разговоре с начальником, и стало муторно на душе. Как человек самолюбивый, Иван Александрович не любил никаких замечаний. Все-таки странная служба у них. Строгая. И ценят тебя не за прошлое, а только за настоящее. Все, что ты сделал хорошего раньше, зачеркивается одной сегодняшней ошибкой. Потому что за каждым промахом человеческие жизни.

— Иван Александрович, — подошел начальник райотдела, — закончили обыск.

— Что нашли?

— Станок печатный, самодельный. На нем они отрывные талоны к карточкам делали. Только талоны не московские. Продуктов много, ценности, конечно, четыре комплекта офицерской формы старого образца,

знаки различия военно-медицинской службы. Два пистолета ТТ, патронов триста сорок штук, семьсот тысяч денег.

— Богато он жил, а, майор?

— Да уж. Под носом, можно сказать.

— Себя не вините. Таких людей ухватить трудно. Засаду оставлять не будем. Я не думаю, что после нашего сражения кто-нибудь придет сюда. Но посмотреть за домом следует.

— Сделаем.

ДАНИЛОВ И НАЧАЛЬНИК

Он долго смотрел на Данилова, постукивая карандашом по столешнице. И каждый удар неприятно и резко отдавался в голове Ивана Александровича.

Начальник молчал, тикали часы, карандаш стучал по столу. Пауза затягивалась, и Данилов мучительно ожидал начала разговора.

Он не снимал с себя вины сегодня, как, впрочем, и всегда. За много лет работы в органах он научился нести ответственность за свои поступки, но каждый раз, когда его вызывали «на ковер», Данилов чувствовал себя маленьким реалистом, принесшим на урок дохлую крысу.

— Ты думаешь, Иван, что я буду кричать, ногами топать? Нет. Не буду. Потому что у тебя тогда козырь на руках окажется. Ты мне рапорт на стол: прошу, мол, отправить на фронт.

— Я не подам рапорта, ты же знаешь.

— А кто тебя знает, нынче все нервные. Плохо, Ваня, у тебя получилось. Неужели хотя одного живым взять нельзя было?

— А я разве говорю, что получилось хорошо? Сам знаю, что плохо. Хуже некуда.

— Тогда давай излагай диспозицию.

— Ты, пожалуйста, карандаш положи. А то этот стук в голове отдается.

— Извини.

Начальник положил карандаш, взял коробку спичек и начал крутить ее в руках.

«Психует, — подумал Данилов. — Держится на пределе». Зазвонил телефон, начальник поднял трубку.

— Да... Где?.. А для чего тебя уголовным розыском района поставили руководить?.. Ты хочешь, чтобы я приехал твоих карманников ловить?.. Что?.. Пусть твои лодыри по магазинам бегают... Ты знаешь, что такое для семьи карточки продуктовые на месяц?.. Через три дня доложишь... У меня все.

Начальник положил трубку, усмехнулся.

— Вот наорал на Чумака, и легче стало. Слушай, на тебе лица нет. Говорят, ты там чудеса храбрости показывал.

Данилов поморщился, достал папиросу, закурил.

Они помолчали. Многолетняя дружба, прошедшая самые тяжелые испытания, накрепко связала их. И даже молчание иногда говорило больше, чем самые красивые слова.

— Я думаю так. Розанов был главарем всей группы. Какие-то люди, среди них один из банды Пирогова, грабили магазины, добычу свозили к Розанову. Кто эти люди, нам необходимо установить, и мы установим. Но цепочка складывается так.

Розанов — Баранов. Баранов — пацаны — спекулянты. Туда Адвокат выкидывал малую толику. Так, деньги на мелкие расходы. Далее. Розанов — бандиты с машиной. Это основное. Связь с ними поддерживал Витька-Царевич. Самохину удалось кое-что выяснить, и прежде всего, что Виктору Капытину не семнадцать, а девятнадцать лет. Я думаю, что фальшивую метрику, как и броню Баранову, изготовил Розанов. Он, как юрисконсульт ВОСа, то есть организации инвалидной, имел допуск к подобным бланкам. Этот Царевич был связным между Барановым — Розановым и бандой. Убитый на даче числится в картотеке наркомата, «работал» перед войной в Ленинграде, Громов Павел Петрович, кличка Матрос.

— Слушай, Иван, не слишком ли много бандюг залетных?

— А теперь они все залетные. Война.

— Я имею в виду Ленинград. Трое: Матрос, Слон и этот Андрей.

— Вот письмо при обыске я нашел интересное. — Данилов протянул начальнику конверт.

Тот взял его, вынул письмо, долго внимательно читал, потом зачем-то даже посмотрел бумагу на свет.

— Любопытный документ. Весьма любопытный. Су-

дя по некоторым деталям, обстановка четко напоминает Ленинград. Надо сориентировать ЛУР, подготовь спецсообщение.

Дверь кабинета открылась, и на пороге появился помощник.

— Товарищ полковник, капитан Муравьев срочно хочет видеть подполковника Данилова.

— Зови, — сказал начальник. — Знаешь, Иван, нет ничего хуже, когда на штатских мундир надевают. Одних он тяготит, а другие, наоборот, превращаются в ходячий строевой устав. Полковник, подполковник, капитан. Ему бы в городской комендатуре цены не было.

— Разрешите? — вошел Муравьев.

Был он, как всегда, подтянут и бодр. Ни бессонная ночь, ни захват дачи Розанова совершенно не отразились на нем. И Данилов позавидовал его силе и молодости, вспоминая, с каким трудом он сам собирался на беседу в этот кабинет.

— Товарищ полковник, — Игорь подошел к столу, — эксперты-искусствоведы дали заключение.

— Давай. — Начальник взял акт.

Он опять долго и внимательно читал его. Слишком долго, тем более что акт экспертизы написан страницах на пятнадцати.

Начальник читал, что-то постоянно подчеркивая красным карандашом.

Данилову внезапно захотелось спать. Состояние это было мучительным. Сон волнами наплывал на него, и тогда на секунду Иван Александрович отключался. Всего на одну секунду. Но секунды эти чередовались с удивительной последовательностью и становились все длиннее и длиннее.

Начальник посмотрел на Данилова и шепнул Муравьеву:

— Скажи, чтобы нам чай дали покрепче.

Данилов не слышал этого, он спал. И во сне снова видел синие в утреннем свете сугробы у дачи Розанова, дом со смешной башенкой и поле до самого горизонта.

— Иван, а Иван, — начальник дотронулся до его плеча.

Данилов открыл глаза, тряхнул головой.

— Прошу прощения. Не понимаю, как это могло случиться.

— Ничего, не у чужих людей, на, пей.

Чай был ароматен и крепок. Данилов пил его мелкими глотками и чувствовал, как отступает сон и вязкая пелена инертности покидает его уставшее тело.

— Ну, что сказать. Эксперты пишут, что у Розанова обнаружено много ценных вещей из собраний ленинградских коллекционеров и даже из госхранилища. Тут перечисляются предметы, представляющие особую ценность. В частности, золотой кубок работы Бенвенуто Челлини. Кстати, Муравьев, где вещи, изъятые у Розанова?

— Как положено, товарищ начальник, в хранилище.

— Ты их мне потом покажи. Больно они поэтически про них пишут. А то живем дураки дураками. Кражи да налеты. Продолжим наши игры. Какие соображения по поводу банды?

— Будем усиленно работать с задержанными. Белова пошлю в Салтыковку, пусть отрабатывает связи Царевича.

— А что с Дубасовой?

— Потерпевшая. Доказательств связи с бандой нет. Баранов ничего толком сказать не может. Он же только ночевал у нее. Утром Дубасова его выгоняла, разрешала возвращаться перед комендантским часом. Ночного пропуска у него не было.

— Забавно. Действительно, предъявить ей нечего. У нас пока за хиромантию не судят.

— Когда представить план опермероприятий?

— Утром. А сейчас езжай домой и ложись спать. Спецсообщение для ленинградцев Муравьев подготовит.

Они вышли из кабинета начальника, и Данилов сказал:

— Игорь, вызови мне машину, а то у меня даже на это сил нет.

Он ехал в машине, которую дважды останавливали ночные патрули, но не слышал этого, он спал.

Наташи не было, видимо, ее опять задержали на работе. Данилов вошел в прихожую, скинул шинель, стянул, постанывая, сапоги и, как был, в кителе и галифе, упал на диван. Последним осознанным движением, автоматически выработанным за много лет, он вытащил из кобуры пистолет и сунул его под подушку.

Наташа пришла домой около двенадцати, раскрыла дверь и увидела мужа, спящего в полной форме.

Она не стала входить, зная, что, как бы Данилов ни устал, он сразу же просыпается от присутствия человека в комнате. Раньше ее немного пугало это. Она говорила мужу, что он спит по-волчьи. Потом, через много лет совместной жизни, Наташа поняла, что это один из необходимых компонентов службы мужа.

Данилов проснулся ночью. Снял китель и галифе, умылся и пошел в спальню к жене. Наташа проснулась, зажгла свет, засмеялась. Уж слишком комично выглядел муж в нижнем белье с пистолетом в руках.

— Данилов, — спросила она, — когда ты не будешь класть пистолет под подушку?

— Когда уйду из милиции.

— Значит, нам втроем спать всю жизнь?

— Он мешает тебе?

— Нет, я все эти годы боюсь, что когда-нибудь он выстрелит, как чеховское ружье.

— Он у меня умный и шалить не будет.

— Тогда неси его сюда.

Когда Данилов проснулся, в комнате было совсем светло. Он посмотрел на часы. Десять. Однако неплохо он поспал. Сел на кровати и увидел свои тапочки. Обыкновенные домашние тапочки, которые перед войной выпускала фабрика «Скороход». Они были совсем новые. Некому их носить в этой квартире, некому.

Со странным ощущением покоя он всунул в них ноги и пошел в кухню. На плите стоял чайник, накрытый куклой со стеганым широким подолом платья. Данилов налил горячей воды и пошел бриться. Он внимательно рассматривал свое лицо и отметил, что пока выглядит совсем неплохо. Даже седина ему к лицу. Да, господи, какие его годы, всего сорок три. Отоспаться дня два, и он еще хоть куда. На полочке у зеркала стоял флакон «Тройного» одеколона, видимо, из старых, довоенных запасов. Интересно, работает ли газовая колонка? Иван Александрович двинул рычаг, зажег запал. Колонка работала.

Он мылся, кряхтя от удовольствия. Сильная горячая струя била его по спине, отогревая, кажется, на всю жизнь промерзшее тело. Чистый, пахнущий одеколоном, он надел выглаженный китель и галифе, натянул сапоги и пошел завтракать.

На столе стояла сковородка с жареной картошкой,

залитой свиной тушенкой. Он не стал разогревать, он ел холодным это изумительное блюдо.

В дверь позвонили. Данилов с сожалением отложил вилку и пошел открывать. Приехал Серебровский. Он хищно повел носом:

— Ешь?

— Ем. Пошли.

Данилов достал тарелку. Но Сергей замахал руками.

— Ты что, Ваня, вполне из сковородки поклюем, я тоже люблю холодную картошку.

— Ты зачем приехал?

— Ваня, пока ты являл чудеса храбрости в Кунцеве, я, как человек с умом аналитика...

— Богатое слово выучил, Сережа.

— Так я продолжаю и подчеркиваю, с умом аналитика, решил провести одно мероприятие. Но как человек добрый и бескорыстный, разделю лавры победы с тобой.

— Так что за дело, Сережа?

— Ваня, я хочу тебе сюрприз приятный сделать. Можно?

— Можно.

Они доели картошку, аккуратно вытерли сковородку хлебной коркой, налили чай. Данилов намазал два больших куска хлеба маргарином. Они и их съели.

— Пора, Ваня. — Серебровский закурил.

Надев шинель, Серебровский лихо заломил серебристо-каракулевую папаху.

— Вот, Ваня, что значит полковничий чин. Шапкой какой пожаловали.

Данилов невольно залюбовался им. Хорош был Серебровский. Очень хорош. И форма ему шла, и папаха сидела с каким-то особым щегольством.

— Трудно, Сережа, жениться с такой внешностью.

Серебровский довольно улыбнулся:

— С характером таким, Ваня. Ты у нас тоже мужик не последний, а вот однолюб. А я все сильное чувство ищу.

— Ты лирик, Сережа. Правда, с некоторым отклонением.

— Ладно, пошли.

На улице их ждал агатово-черный длинный ЗИС-101.

— Вот это да, — ахнул Данилов, — на нем же нарком ездит. Где взял?

— Страшная тайна. Сей кабриолет разбили в прошлом году в куски. Списали его из Наркомата внешней торговли. Наши ребята его утянули в гараж, год возились и привели в порядок. Теперь мы из него оперативную машину делать будем, а пока поездим на этой красоте.

Машина плавно катилась по заснеженным улицам. Вовсю работали дворники, тротуары практически стали свободными от снега.

Данилов ехал, отмечая, как все-таки изменилось лицо города. Людей на улицах больше, правда, преобладают военные, из витрин магазинов убрали мешки с песком, с домов сняли маскировочные щиты. Нет уже крест-накрест заколоченных дверей. И очередей у магазинов нет, потому что работающих магазинов стало больше.

Нет, изменилась Москва. Убрали противотанковые ежи с улиц, зенитки не стоят в скверах. Тыловым стал город, тыловым потому что война откатилась на запад.

— Знаешь, — сказал Серебровский, — скоро рестораны откроют.

— Кто тебе сказал?

— На совещании в горкоме. Они будут называться коммерческими.

— Это хорошо. Театры возвращаются, рестораны откроют. Нормально заживет город.

— Это все Сталинград. В «Правде» прямо так и написано — переломный момент в войне.

— Долго же мы его ждали, этого момента, Сережа.

— Главное, что дождались.

Они замолчали, думая каждый о своем. Вспоминая, как ждали этот день, как по мере сил приближали его. И Данилов вспомнил июньское утро, тучки в рассветном небе, чистую Петровку, деревья, Эрмитаж. Тогда он узнал, что началась война.

Его отдел ощутил ее сразу. Никогда еще со времен двадцатых в Москве не было таких дерзких банд.

Война. В сорок первом погиб от пули сволочи Широкова Ваня Шарапов. В сорок втором в райцентре Горский застрелил Степу Полесова. Стоит над их мо-

гилами маленькая колонночка со звездой. Такая же, как над тысячами солдатских могил.

Машина свернула на Неглинку, подъехала к клубу милиции.

— Ты меня на концерт самодеятельности привез? — удивился Данилов.

— Точно, Ваня. Выступает хор Бутырской тюрьмы. Рахманинов, «Мы сидели вдвоем», — засмеялся Серебровский, — пошли, сейчас все узнаешь. — И скороговоркой пояснил Данилову: — Я собрал ночных сторожей. Всех в предполагаемом районе действия банды. Не может быть, чтобы они ничего не заметили.

— Молодец, Сережа, вот что значит наркоматовский масштаб.

— Я же сказал тебе, ум аналитика — основа руководства.

Их ждал Никитин.

— Собрались? — спросил Серебровский.

— Полный зал кавалерийско-костыльной службы, — сверкнул золотым зубом Никитин.

Они вышли на сцену. Данилов поглядел в зал. В полумрак уходили ряды кресел. Все места были заняты.

— Товарищи, — Серебровский подошел к краю сцены, — вы наши первые помощники. Вы несете нелегкую службу по охране госсобственности. Наверное, вы слышали, что бандиты ограбили три магазина и убили сторожей. Мы пригласили вас, товарищи, помочь нам. Пускай к сцене подойдут сторожа магазинов Советского района.

В зале началось движение, захлопали крышками кресел. К сцене подходили люди. Наверное, никогда в жизни Данилов не видел столько стариков сразу. Причем крепких стариков. Таким еще жить да жить.

— Давай, Данилов, — сказал Серебровский, — твое соло.

— Товарищи, два дня назад ночью был ограблен магазин в доме 143 по Грузинскому валу. Кто из вас дежурил в эту ночь, поднимите руки.

Руки подняли все.

— Хорошо. Теперь вспомните, ничего необычного не случилось в эту ночь?

Сторожа молчали. Думали.

— Позволь, — толпу раздвигал крепкий усатый ста-

рик со значком «Отличный железнодорожник» на стареньком черном кителе с петлицами. — Вы, товарищ милиционер, спросили, было ли что-то в ту ночь. У меня точно было.

— Что именно? Вы поднимайтесь к нам, — предложил Данилов.

Старик поднялся на сцену, протянул руку.

— Егоров Павел Кузьмич.

— Данилов Иван Александрович.

— Слушай меня, Иван Александрович, было происшествие, я о нем постовому утром сказал, да тот отмахнулся только, говорит, не до тебя, дед. Так мы где говорить будем? Здесь? Или пойдем куда?

— Иди в комнату за сценой, — махнул рукой Серебровский, — а я с остальными поговорю.

Они прошли в комнату, где переодевались артисты, сели у длинного стола. Павел Кузьмич, не торопясь, степенно достал кисет, начал крутить самокрутку.

— Угощайтесь, — протянул он кожаный мешочек.

Данилов отказался, а Никитин взял, стремительно скрутил здоровенную цигарку, прикурил и сделал первую глубокую затяжку. Данилов увидел, как переменилось лицо Никитина и глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Он закашлялся тяжело и надсадно, перевел дыхание и, вытирая слезы, спросил:

— Ты, дорогой папаша, в табак перец мешаешь?

— Слабы вы еще, молодые, табак — чистый трабизонд, я его под окном выращиваю летом, сушу, конечно. Семена я, еще когда проводником работал, из Сухума вывез.

— Так, Павел Кузьмич, вы хотели нам что-то рассказать?

— Я в двенадцать чай пью. В магазине. В подсобке печка есть, я на ней, значит, чай грею. Только я пить собрался, стучат в дверь. Я, конечно, пошел. Смотрю, женщина военная, погоны, как у вас, серебряные, узкие.

Я к дверям подхожу, смотрю, машина зеленая с красным крестом. А девушка военная кричит мне: пусти, мол, дед, по телефону позвонить. Я ей, как это? А она, мол, машина сломалась, раненые бойцы мерзнут. Я ей, конечно, отвечаю: звони из автомата. Она мне: сломан он. Я тогда говорю, давай телефон, позвоню. Она рассердилась, стучать начала. Тыловой кры-

сой назвала меня. Говорит, людей тебе не жалко, старый хрыч, которые за тебя кровь льют. Ну, она, конечно, кричит, страмотит меня. А я ей, мол, товарищ военная девушка, вы на меня не кричите. Я при посту. Хотите, в милицию позвоню, они вам помогут.

Тогда она обругала меня матерно. Да ловко так, как мой унтер на действительной службе. Плюнула. Ты, говорит, старая падла, попадешься мне. Рот твой ссученный.

— Как она сказала? — Данилов подался к сторожу.

— Рот твой ссученный.

— Блатная, — категорически изрек Никитин, — урка.

— Дальше что? — Данилов уже понял, почему телефон в магазине на Грузинском валу стоял на крыльце, понял, почему открывали двери ночные сторожа. Они помогали раненым бойцам. Ах, гады, нашли же, на чем спекулировать. Девушка-военврач и раненые в кузове. Санитарный фургон. Кто остановит его?

— А дальше она к машине пошла, села и поехала. Я еще удивился: говорит, машина сломана, а она поехала.

— Номер не запомнили?

— Так темно было.

— И то правда. Вы очень помогли нам. Спасибо.

Когда возвращались, Серебровский сказал Данилову:

— Этот фургон еще три сторожа видели. Только никто внимания не обратил. Машина милосердия. Тот, кто придумал это, четко рассчитывал на психологию войны.

Санитарная машина, девушка-врач. Наверное, раненые в кузове. Это придумал человек умный.

— Может быть, Розанов?

— Нет, Иван, Розанов хоть и адвокат, но этого придумать не мог. Человек, знающий армию, стоит за этим делом. Помяни мои слова. Подготовленный человек.

— Так они взяли магазины, машину с продуктами. Только вот квартира Минина... У Розанова не нашли ни одной его вещи.

— Значит, они брали ее не для Розанова. — Се-

ребровский повернулся на переднем сиденье: — Трудное дело, Иван.

БЕЛОВ

— В этом доме он и живет, — показал на длинный дощатый барак оперативник Балашихинского РОМа Вася Паршиков.

Перед этим он час рассказывал Белову о Царевиче. Вася знал его брата Илью, воевавшего на Крайнем Севере. Илья мужик был твердый. Отличник Осоавиахима, стахановец. Витька вроде тоже пареньком был неплохим. Но слабеньким очень. Болел много. В восемнадцать выглядел с натяжкой на шестнадцать лет. По состоянию здоровья на военном учете не стоял. В сорок первом уехал рыть окопы под Клин. Вернулся только в середине сорок второго. Говорил, что работает в военном госпитале. Несколько раз за ним заезжала санитарная машина.

— Какая квартира? — Белов рассматривал грязно-бурую стенку барака. Штукатурка отвалилась, и из стены торчала дранка.

— Пятая. Ты чего смотришь? Неужто в Москве таких нет?

— Да так.

— Ну раз так, пошли.

Дверь в пятую комнату была приоткрыта. Они вошли и поняли сразу, что до них здесь кто-то основательно поработал. Стол был сдвинут, печка-«буржуйка» валялась на полу, лист жести, на котором она стояла, сорван. Из распахнутого шкафа кто-то повыкидывал все немудреные пожитки, даже матрас на кровати вспороли.

— Чего же они здесь искали? — оглядел комнату Паршиков.

— Это у них надо спросить, — Белов снял шапку, — поработали неплохо.

Они и не заметили, как в комнату вошла пожилая женщина в стеганой душегрейке.

— Вы кто такие будете? — спросила она.

— Мы, гражданочка, из милиции. — Паршиков вынул удостоверение. — А вы кто?

— Я соседка.

— Зовут-то вас как? — Белов вспомнил наставле-

ния Серебровского, который говорил, что свидетеля надо брать на обаяние, и улыбнулся.

— Зовут меня Надежда Михайловна. Только сюда уже с Витиной работы приезжали.

— Откуда? — переспросил Белов.

— Из госпиталя, где Витя работает. Девушка в форме и мужчина. Врачи.

— А как девушка выглядела?

— Симпатичная. Родинка у нее под глазом.

— Под каким?

Женщина задумалась на минуту, поводила пальцем по лицу и остановилась: под правым глазом.

— Тут.

— А мужчина?

— Обыкновенный, военный. Высокий.

— Они пешком пришли?

— Нет, на зеленой «скорой помощи» приехали.

— На военной?

— Зеленой, с красным крестом. А какая она, военная или еще какая, я не знаю.

Они шли по улице в сторону шоссе, мимо заколоченных дач и упавших заборов, по тропинке, с трудом протоптанной в огромных девственно-белых сугробах, и Белову казалось, что где-то за углом лежит тропинка, которая приведет его к дому, пахнущему свечами и елкой. Дому, в котором ждут его красивые, веселые люди. Потом он ехал в электричке в Москву. В полупустом салоне было холодно, и Сергей, прижавшись плечом к промерзлой стене, бездумно смотрел в окно.

ДАНИЛОВ

Считалочка была такая в детстве: «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной — кто ты такой?» Глупая считалочка. Но после нее начинали играть в прятки. А у него наоборот. Сначала прячутся, потом считаются, а он водит. Долго уже водит, очень долго. В восемнадцатом он ловил банду Сережи Барина, в двадцатом — Дегунина, в тридцать четвертом — Лосинского, перед войной — Цыгана. Потом Широкова, Гоппе. Это только крупные банды, а сколько он взял налетчиков и грабителей! Водит, все время водит. Такая уж у него судь-

ба. Он водит, а где-то по улицам носится машина милосердия и сеет смерть.

Утром его с начальником вызывали в наркомат. Разговор состоялся неприятный, но, слава богу, короткий.

Начальник ГУББ, глядя куда-то поверх его головы, сказал:

— Когда я работал в Чите, мне все уши прожужжали: Данилов, Данилов. Где ваша хватка, подполковник, где хваленое оперативное мастерство? Медленно работаете, преступно медленно.

На обратном пути в машине начальник МУРа посмотрел на застывшее, каменное лицо Данилова и сказал сочувственно:

— Иван, я такое удовольствие имею ежедневно в пяти инстанциях. Ты успокойся. Но помни: с тебя спрос большой.

Три дня он сам допрашивал задержанных. Баранов не знал ничего, Виктор Розанов тоже.

Ночью Данилов вызвал Никитина и попросил привести Андрея.

— Ты уж извини, что поднял тебя, — сказал Иван Александрович, — но дела так складываются.

Он посмотрел на задержанного, на его горящие сухим светом глаза, на лицо, на котором сразу выступили скулы, и понял, что парень не спит. Не до сна ему нынче.

— Кури, правда, не «Казбек», но все же.

Задержанный взял папиросу, прикурил медленно, посмотрел на Данилова.

— Как паренек этот, в которого я стрелял?

— Повезло, бок ты ему прострелил. Врач сказал, на сантиметр левее, и пуля в живот вошла бы.

— Значит, и мне повезло. Может, поживу еще, начальник?

— Может быть. А хочется?

— А как ты думаешь? Тварь бессмысленная и то жить хочет, а я же человек.

— Поздно ты вспомнил об этом. Очень поздно.

Андрей молчал, крутя папиросу в пальцах.

— Ты мне вот скажи без протокола, для чего тебя Слон из Ярославля высватал?

— Он мне сказал, что человек есть, вроде барыга. Они у него с Матросом пока в шестерках бегают, но

до поры. Ждут, когда он большое дело слепит, тогда порешат его и заберут товар и деньги.

Данилов внутренне усмехнулся, он вспомнил, как Виктор Розанов, захлебываясь, говорил, что среди блатных он наконец нашел верную дружбу и настоящую мужскую честность. Нет. В этом мире вместо дружбы предательство. А вместо честности — вероломство.

— Ты что-нибудь о банде слышал?

— Мало. Знаю только, что у них машина и они под Москвой шуруют. Знаю, что есть еще один человек. У него с Питером связь. Вот он и связан с бандой.

Данилов отправил задержанного в камеру и долго думал о том, что у него нет никаких подходов к банде. Оставалась единственная надежда, что санитарная машина нарвется на заградительные посты. Спецсообщение было разослано всем подразделениям милиции, подвижным КПП, в штаб войск по охране тыла действующей Красной Армии, в НКГБ. Шли дни, но машина не появлялась. Банда, как говорят, подводники, «легла на грунт». Но это не меняло дела. Весь январь сотни людей в Москве и области искали любые следы.

Двадцать пятого января комендантский патруль проверял документы в дачном поезде, идущем в Загорск, пытался задержать человека в форме капитана медицинской службы. Тот, отстреливаясь, выпрыгнул на ходу из вагона и скрылся. На месте перестрелки остались гильзы от пистолета «Радом».

Значит, банда не ушла, а только затаилась. До времени. Возможно, до весны. Теперь любое происшествие в городе Данилов «примерял» к этой банде, старался найти любую зацепку. Время шло, а следов пока не было.

МОСКВА — ЯРОСЛАВЛЬ — ВОЛХОВСТРОЙ — ЛЕНИНГРАД — МОСКВА. Февраль

Утром Данилову позвонил Серебровский. Он выполнял обязанности начальника МУРа. Начальник лежал в госпитале после операции аппендицита. Данилов два дня назад вырвался к нему. Начальник читал «Три мушкетера» издания академии.

— Слушай, — печально сказал он Данилову, — веришь, нет, после гимназии впервые перечитываю. Книга-то великая. Нужная книга, она людей мужеству и верности учит.

Начальник в белой казенной рубахе, схваченной пуговичкой на горле, казался совсем молодым. А может быть, книга их юности положила свою печать на его лицо? Данилов хитрыми путями достал яблоки и принес ему. Тот взял одно, понюхал и сказал печально:

— Детством пахнет.

Данилов потом шел по улице и вспоминал печальные глаза начальника, потрепанный томик «Трех мушкетеров» и яблоко в его руке.

Серебровский позвонил и сказал зло:

— Собирайся, Иван, начальник главка вызывает. Сейчас он с нами поговорит кое о чем и о пряниках.

Данилов пошел в отдел, где стоял большой платяной шкаф, оставшийся с тех пор, когда они официально жили на казарменном положении, вынул новый китель, снял гимнастерку и пошел чистить сапоги. В туалете он посмотрел на себя в зеркало. Вроде все нормально, щеки глянцево блестели.

Много лет назад в коридоре МЧК его встретил Дзержинский.

— У вас мало времени, Данилов? — спросил он.

— Есть время, Феликс Эдмундович.

— Тогда не забывайте бриться по утрам.

Данилов мучительно и жарко покраснел. С тех пор его никто не видел небритым.

Серебровский ждал его внизу. Он нервно ходил по тротуару, забросив руки за спину.

— Готов? — спросил он.

— Как видишь.

— Тогда поехали.

— Зачем вызывают?

— Из-за «докторов».

Так в МУРе называли ту самую банду.

— Значит, ордена нам сегодня не дадут, — Данилов открыл дверь машины.

Коридоры наркомата были пустынны и строги. Вся жизнь проходила за дверьми кабинетов с эмалированными овалами номеров.

Приемная начальника главка, огромная и сумрачная, была обита темными дубовыми панелями. Навстре-

чу им поднялся капитан. Левая рука, затянутая в черную перчатку, беспомощно висела вдоль кителя.

— Полковник Серебровский и подполковник Данилов? — спросил он.

— Так точно, — ответил Серебровский.

— Подождите. — Адъютант скрылся за дверью, выполненной под шкаф.

— Порядок у вас тут, — мрачно сказал Данилов,— ни тебе здравствуйте, ни тебе...

Дверь распахнулась, на пороге стоял капитан.

— Прошу.

Начальник Главного управления, комиссар милиции второго ранга, сидел за огромным полированным столом. Ничего не было на этом столе, только пепельница и календарь.

— Товарищ комиссар, по вашему приказанию полковник Серебровский прибыл.

— Товарищ комиссар, по вашему приказанию подполковник...

Комиссар махнул рукой.

— Садитесь.

Они сели. Начальник главка достал пачку «Казбека», толкнул ее через стол.

— Курите.

Они закурили, и синий ароматный дым поплыл по комнате.

— Ну что же, товарищи, я прочитал вашу справку по делу о банде «докторов». Кое-что, безусловно, вами сделано, но этого мало. Вы взяли второстепенных персонажей этой драмы. А главные герои еще на свободе.

Начальник главка был женат на актрисе, постоянно общался с деятелями театра, поэтому любил щегольнуть искусствоведческой эрудицией.

— Да, — продолжал он, — мало этого, у нас сегодня практически нет подходов к банде. Как ваше мнение, Данилов?

— Я изложил свое мнение в рапорте, но могу повторить: пока подходов нет.

— А вы смелый человек, Данилов.

— Какой есть, товарищ комиссар.

— Вы сказали, пока нет подходов, как понимать это пока?

— Работаем, ищем.

— Долго. Преступно долго. Я прочитал ваш рапорт. Наконец, нам товарищи из Наркомата торговли дали заключение по поводу изъятой вами бумаги для отрывных талонов и шрифта. Таким типом карточек пользуются в Ленинграде. Мы дали команду нашим товарищам в ЛУР, они кое-что нашли. Поэтому я принимаю решение. Вы, Данилов, берете двоих своих и едете в Ленинград. Блокада уже частично снята, и с четвертого февраля туда на поезде доехать можно. Правда, с пересадками, но можно. Помните, выход на банду там. У меня все.

Данилов и Серебровский встали и пошли к дверям.

— Данилов, — сказал комиссар, — задержитесь.

Он подошел к Данилову.

— Дело взял под контроль первый замнаркома. А вы знаете, что он человек крутой. Вы должны сделать все возможное. Поняли?

— Так точно.

— Нет, вы не поняли. Последствия провала операции будут оцениваться по суровым обстоятельствам войны.

Данилов помолчал, глядя на комиссара, потом ответил:

— Товарищ комиссар, я готов нести любую ответственность в любое время.

— Ну что ж, я предупредил вас. Смотрите.

— Я могу идти?

— Да. Впрочем, постойте. Вы пишете в рапорте, что ни у одного из задержанных не обнаружены вещи артиста Минина?

— Так точно.

— Ваши соображения?

— Мне думается, что есть еще кто-то, видимо, тот самый Брат, о котором говорится в письме. Наверное, он. С какой стати брать именно квартиру Минина? Мы сейчас отрабатываем все связи Артиста. Возможно, и выйдем на Брата.

— Желаю удачи. — Комиссар протянул руку.

В машине Серебровский спросил:

— Пугал?

— Немного.

— Он мужик неплохой. Из сыщиков, все понима-

ет, но над ним начальство, — Серебровский присвистнул.

Шофер недовольно посмотрел на него.

— Ты чего? — хитро прищурился Серебровский.

— Нельзя свистеть, примета плохая, — мрачно изрек водитель, — полковник, а бесчинствуете, как извозчик.

Серебровский захохотал.

— Вот, Иван, кто у нас главнее всех. Тебе хоть начальник главка фитиль вставлял, а мне шофер.

В кабинете Данилов, не снимая шинели, сел за стол и долго смотрел на карту на стене. Черным широким пятном на ней расползся Ленинград.

В августе сорокового его премировали поездкой в этот город, он уже собрал чемодан, как начались грабежи дач. Объявился в Москве бежавший из лагеря Цыган. В Ленинград уехала одна Наташа.

Данилов был в этом городе, но тогда он назывался еще Петроград. Как же давно это было... Перестрелка в ресторане, дом на Канавке. Девушка по имени Лена, с которой он гулял ночью вдоль каналов, мостов, высокомерных домов северной столицы. Но Москва все равно была милее ему. В ней не было стрельчато-прямого ранжира улиц, зданий таких не было, мостов. Дома в Москве сгрудились, как зеваки на происшествии, улицы искривились и сгорбатились. И была она вся, с деревянным двухэтажным Замоскворечьем, с элегантным Арбатом и прудами, подернутыми ряской, родной и доброй.

Данилов поднял телефонную трубку, позвонил дежурному и приказал разыскать Никитина и Муравьева.

Потом снял шинель и начал думать о дороге.

Через полчаса появились разысканные в столовой оперуполномоченные.

Никитин выглядел недовольным. Обед он считал делом святым и не любил, когда его отрывают.

Муравьев был, как всегда, невозмутим.

— Вот что, герои московского сыска, едем в командировку. Завтра. Оформляйте документы и собирайте вещи.

— Куда? — с деланным равнодушием поинтересовался Муравьев.

— В Ленинград.

— Вот это да! — вскочил с дивана Никитин. — Вот это дело!

— Вам все понятно? — умышленно строго сказал Данилов.

— Так точно! — заорали оперативники и, толкаясь, выбежали из кабинета.

НИКИТИН

Все документы они с Муравьевым оформили стремительно. Потом он поехал в общежитие на Башиловку собирать вещи.

В комнате их жило шесть человек. Вернее, они иногда ночевали здесь. И сегодня у окна спал парень из ГАИ, недавно по ранению списанный вчистую из армии.

Никитин достал вещмешок, раскрыл его.

Да, немного за двадцать семь лет нажил он вещей. Висел в шкафу единственный штатский пиджак да одна рубашка. А все остальное имущество получал он по арматурной ведомости на вещевом складе.

Никитин уложил в мешок теплую военную фуфайку, их выдавали разведчикам на фронте, носки, две пары байковых портянок, бритву, помазок, кусок мыла. Вот и все.

В Туле перед войной он «построил» себе новый костюм. До чего же хороша была вещь. Светло-серый коверкот. Пиджак с хлястиком и кокеткой, брюки фокстрот, тридцать два сантиметра. Король он был тогда на танцах.

В 41-м в дом, где ему дали комнату, попал снаряд, и погубил немец замечательный костюм. И еще кое-что погубил. Была эта комната первым его настоящим домом. Туда он принес патефон и никелированный чайник, купил чашки со странным названием «ворошиловские».

Теперь его дом — койка в холодном общежитии или промятый диван в его комнате в МУРе. Никитин затянул горловину мешка и вышел, осторожно прикрыв дверь. На работе он бросил мешок под стол и начал просматривать бумаги.

Дверь отворилась, и вошел парень из соседнего от-

дела. Фамилии его Никитин не помнил, знал, что его зовут Миша.

— Коля, ты в Ленинград едешь?

— Еду, Миша, еду.

— Возьми. — Миша поставил на стол банку тушенки.

Это было началом. К ним в отдел заходили сотрудники, приносили консервы, сахар, сухари. Даже мятное драже принесли. К вечеру стол был завален продуктами. Ребята оставляли и говорили, уходя:

— Передашь нашим в ЛУРе.

Нашим. Они не знали своих ленинградских коллег, но знали, что им пришлось пережить. Читали в газетах о цене ленинградского хлеба. И сотрудники МУРа хотели хоть как-то помочь своим ленинградцам, хоть на час, хоть на день доставить им радость.

Вечером зашел Данилов, посмотрел и сказал:

— Зайди ко мне, мне тоже кое-что нанесли.

ДАНИЛОВ

Уже у машины их догнал Серебровский и сунул две бутылки коньяка.

— У нас водка есть, — слабо простонал Данилов.

— Возьми, Ваня, поддержи на местах звание столичного сыщика. Счастливо.

Данилов протянул коньяк Никитину:

— Спрячь. Приедем в Питер, ребят угостим.

На вокзале их встретил сотрудник транспортной милиции.

— Пойдемте, поезд скоро отправляется.

— Сколько ехать до Ярославля? — поинтересовался Данилов.

— Как повезет, товарищ подполковник. Но сутки точно.

— Очень хорошо.

Собеседник посмотрел на него с удивлением. Но ничего не сказал и повел сквозь гомонящий вокзал.

У поездов дальнего следования, а их у платформы было всего два, царил казарменный порядок. Солдаты и офицеры войск охраны тыла, работники милиции проверяли пропуска и документы. У них тоже проверили документы. Молодой армейский старший лейтенант с зелеными полевыми погонами на шинели долго и вни-

мательно читал пропуска, командировочные предписания, разглядывал удостоверения личности.

— Извините, товарищ подполковник, — обернулся он к Данилову, — если, конечно, это не секретно, что такое ОББ?

— Отдел борьбы с бандитизмом.

Старший лейтенант с уважением посмотрел на трех офицеров милиции, козырнул:

— Счастливого пути.

У вагона стоял капитан из транспортного отдела с туго набитым вещмешком в руках.

— Товарищ подполковник, — подошел он к Данилову, — возьмите посылочку.

— Кому?

— Нашим ребятам из транспортного отдела на Финляндском вокзале.

— У вас там друзья?

— Да нет, товарищ подполковник. Просто наши ребята собрали для ленинградцев. Вы с первой оказией едете. Вот мы и решили...

— И правильно решили, капитан. Возьми, Игорь.

Как все же прекрасно это. Ведь они отрывали консервы и хлеб от себя и своих семей. Ради того, чтобы доставить радость совсем незнакомым людям. Впрочем, нет такой категории, знакомых и незнакомых. Война как никогда сплотила людей. Сделала их мужественнее, строже, щедрее.

Ребята-транспортники проводили их до купе, которое было предусмотрительно заперто.

— Мягкий вагон, — с гордостью сказал капитан, открывая дверь, — проводник клялся, что кипяток будет регулярно, ну а чай и сахар ваш.

Транспортники попрощались, пожелав счастливого пути, ушли.

Никитин ловко и стремительно разложил вещи, и буквально через минуту на столике стояла открытая банка консервов, хлеб.

Дверь открылась, и в купе вошел человек в серой железнодорожной шинели с серебряными погонами.

— Добрый день, — сказал он.

— Здравствуйте.

— Я ваш сосед. Инженер тяги второго ранга Алексей Сергеевич Полторак.

Офицеры представились.

Человек с мудреным чином был опытным командированным, через минуту на столе лежали домашние пирожки, кусок колбасы.

Поезд тронулся, поплыли мимо окон люди, перрон, эстакада.

Поезд набирал скорость. Вагон был старый, изношенный совсем. Он скрипел и стучал на разные голоса. Но звук этот, пришедший практически из воспоминаний, стал для них удивительно уютным и успокаивающим.

Вагон, дорога, немудреная снедь на столе, беседа с приятным человеком. Да что еще надо. Вот она, полоса отчуждения. Вот время, вырванное у жизни. Время покоя и раздумий.

— Скажите мне, — спрашивал Никитин Полторака, — вот у вас два просвета на погонах и две звезды. Вы, по-нашему, вроде подполковник.

— Ей-богу, не знаю. Учредили форму, выдали. Иду по улице, бойцы козыряют, а я как пень, ответить им как надо не могу. Нынче многим гражданским ведомствам погоны ввели.

— Только звездочки у вас в одну строчку расположены, — пытался дойти до сути реформы Никитин. — Почему?

— Да кто же это знает?

Данилов краем уха прислушивался к разговору. Движение убаюкивало его. Он расслабился. Глядел в окно на пробегающие дачи.

Потом стянул сапоги и залез на верхнюю полку.

— Все, — сказал он, — до Ярославля не будите.

Засыпая, он слышал напористый баритон Никитина и смех инженера-путейца.

Потом голоса ушли куда-то, и он заснул.

МУРАВЬЕВ

Он всю жизнь завидовал людям, которые много ездили. Ему это никак не удавалось. Школа, училище НКВД, МУР. А куда поездишь в МУРе, особенно во время войны? Правда, в прошлом году он летал к партизанам, потом выезжал под Москву, но настоящая дорога — это поезд. Игорь смотрел в окно, не слушая веселый треп Никитина, и думал об Инне, матери, о

том, что скоро институты возвратятся в Москву. Он ждал встречи с женой и одновременно боялся ее. Слишком уж мало находились они в этом качестве. Один день. А потом почти три года разлуки.

Дверь купе распахнулась, в ее проеме стоял проводник, за ним два офицера с повязками на рукавах.

— Проверка документов.

Проводник скрылся в коридоре. Один из офицеров вошел в купе, второй, не вынимая руки из кармана, стоял, прислонясь к дверям плечом.

Игорь немедленно отметил их профессионализм. Лейтенант, вошедший в купе, огня не перекрывал. Никитин взял полевую сумку, достал документы.

— Вы потише, ребята, — попросил он, — а то наш подполковник спит.

Офицер просмотрел бумаги, вернул.

— Товарищи, — сказал лейтенант, — если что, сами смотрите.

— Будем по обстановке действовать.

— Счастливо.

— Удачи вам, ребята.

Потом поезд остановился и долго пережидал чего-то у выходной стрелки. Игорь вышел в тамбур. Морозный пар клубился, врывался с улицы через открытую дверь. Проводник стоял на насыпи, пыхтя самокруткой.

— Почему стоим? — спросил Игорь.

— Да какая нынче езда, — плюнул проводник, — сплошные нервы. Ни графиков, ни расписаний. Пропускаем эшелон. Не жизнь, а чистое конфетти.

Игорь высунулся из дверей. В сумерках тревожно горел красный круг семафора.

— Простудитесь, — сказал проводник, — идите в вагон да спать ложитесь.

Муравьев так и сделал. В купе уже спали, и он тоже лег. Мимо окон с грохотом промчался эшелон, и через несколько минут поезд тронулся. В Ярославль приехали к вечеру. У соседнего перрона разгружался санитарный поезд. Бинты, носилки, стоны раненых. Они прошли сквозь военное горе, немного стесняясь своей формы, которая точно определяла их положение в тылу. Мимо них пробегали усталые санитарки, спешили куда-то женщины в военных шинелях, надсадно кричал военный комендант. В отделе милиции они вы-

яснили, что поезд на Волховстрой уходит ночью.

— Вы пока по городу погуляйте, — сказал дежурный, — город у нас красивый очень. В кино сходите. Новый заграничный фильм демонстрируется — «Три мушкетера». Веселый фильм.

Дежурный улыбнулся.

Что оставалось делать? Они пошли на продпункт, где по карточкам их накормили супом и кашей, и вышли в город. Он был приземистым и широко разбросанным, этот город. Двухэтажные каменные дома словно осели под тяжелыми снежными шапками. Сквозь сугробы пробирались смешные маленькие трамваи, в Москве таких уже давно не было.

— Я в Брянске из реального училища домой на таких ездил, — засмеялся Данилов, — смотри-ка, бегают пока.

И, словно в подтверждение его слов, трамвай проехал мимо них, нещадно треща, не звеня, а треща сигналом.

— Чего он не звонит? — удивился Игорь.

— Старый. Раньше на них стояли трещотки.

Они спустились к набережной. Во льду намертво застыли буксиры и еще не потерявший веселой белизны речной трамвай, напоминающий покинутую дачу.

Муравьев глядел на широкую ленту льда и думал о том, как тяжело было в Сталинграде переправляться через эту реку под огнем немцев. Потом они опять гуляли по городу. Мимо кремля, по центральной улице, по бульвару у драмтеатра.

— Иван Александрович, — сказал Никитин, — клуб шинников.

— Ну и что?

— «Три мушкетера» идут.

Данилов вспомнил начальника, прижимавшего к груди книгу, и зашагал к клубу. Нет, это были не те мушкетеры. Умелая рука сценариста превратила элитарных солдат Людовика в поваров.

Но в фильме много музыки, и женщины на экране были необычайно хороши. Данилов и Никитин от души смеялись, следя за немудреными приключениями поваров.

А Муравьев сидел насупившись и не улыбнулся ни разу. Они вышли из кино, и Никитин засвистел весе-

лую мелодию, которую пел гасконец по дороге в Париж.

— Ты что такой мрачный? — спросил Игоря Данилов.

— Разве можно такую ерунду показывать?

— Можно, Игорь, и даже нужно. Людям сейчас смеяться надо.

— Я не об этом. «Три мушкетера» — любимая моя книга.

— Считай, что это музыкальная пародия на нее. Запомни, консерватизм в твоем возрасте опасен.

Потом они вернулись на вокзал. Начальник транспортного отдела напоил их чаем и устроил отдохнуть в маленькой комнате для приезжих. Данилов и Никитин уснули сразу, а Муравьев вышел на темный перрон. Где-то в ночи перекликались паровозы. Свет семафоров на фоне черного неба казался огромными звездами. Вдалеке простучал по рельсам поезд. Звук его удалялся все дальше и дальше, пока не растаял совсем.

Темный вокзал жил непонятно и суетливо. Перекликались какие-то люди, долетали обрывистые слова команд, с грохотом катились по обледенелому асфальту тележки.

Бесконечная ночь, а за ней неизвестное утро.

ДАНИЛОВ

— Товарищ подполковник! — Его кто-то тряс за плечо.

— Да. — Данилов вскочил, автоматически нашарив пояс с кобурой.

— Пора.

Они быстро оделись, взяли вещи и вышли на улицу. После сна, дивного ощущения теплой комнаты ночной ветер показался холоднее и злей.

— Лучше маленький Ташкент, чем большая Сибирь, — зевнув, изрек Никитин.

Что правда, то правда. По перрону гуляла февральская метель. Скользя сапогами по обледенелому бетонному покрытию, они шли вдоль длинного темного поезда, составленного из теплушек и дачных вагонов.

— Здесь, — сказал провожатый. — Вагон, правда, дачный, но ничего, к утру будете на месте.

В вагоне было темно и душно, отвратительно пахло чем-то горелым.

— Располагайтесь, — провожатый осветил фонарем две покрытые облупившимся лаком скамейки.

Они попрощались.

— Ну что ж, будем спать по очереди, — сказал Данилов.

— Вы спите, Иван Александрович, — ответил Никитин, — а мы с Игорем ночку разделим. Давай, Игорь, ложись, ты не спал совсем, а я покараулю вас.

Поезд дернулся. С грохотом посыпались вещи, кто-то выругался вполголоса. Поезд опять дернулся и, медленно набирая скорость, пополз к выходной стрелке. Данилов, подложив под голову вещевой мешок, лежал, прикрывшись шинелью, на твердой вагонной скамейке, пытаясь заснуть.

Вагон немыслимо мотало, и Данилову приходилось держаться рукой за угол спинки, чтобы не упасть на пол. Наконец не выдержал и сел, прислонясь плечом к стене вагона. Сквозь полудрему он слышал чьи-то голоса, до него долетали обрывки фраз. Потом это все отдалялось куда-то и снова возвращалось. И вдруг сквозь стук и топот он услышал обрывистый шепот:

— ...Ты не кричи... Слышь, тихо... Дура... я тебе сала дам...

И придушенный девичий голос:

— ...Не надо... Дяденька, не надо... Миленький...

— ...Молчи... Молчи...

Никитин пружинисто вскочил со скамейки. Вспыхнул электрический фонарь.

— А мне ты сала дать не хочешь, гад? — рокотнул баритон Никитина. Потом послышался глухой удар. И кто-то завыл просяще и жалобно:

— Пусти... Слышь, пусти...

— Документы! — резко скомандовал Никитин. — Мешки чьи? Твои мешки? Сейчас проверим, что ты в них везешь.

— Ты чего?.. Ты чего?.. — заговорил кто-то быстрой скороговоркой.

— Ты, гнида, — с ненавистью выдавил Никитин, — чего к женщине пристаешь? А? Документы!

— Есть... Есть документы...

Данилов не вмешивался, он знал крутой нрав Никитина, его обостренное чутье на всякую мразь. И раз уже лейтенант взялся за этого мужика, то он дело доведет до конца.

— Что случилось? Что случилось? — по вагону бежал проводник.

— Как же это так, папаша? — спросил Никитин строго. — Сажаете человека без всяких документов?

— Так разве уследишь за всеми, товарищ начальник?

— Патруль едет в поезде?

— Едет.

— Зови. Пусть они сдадут его куда следует.

Через полчаса в вагоне появился офицер и два сержанта. Они вели мешочника по проходу, и он причитал, бил на жалость:

— Инвалид я... В окопах грудь застудил... Совести у вас нет.

— Вот паскуда, — выругался Никитин, усаживаясь, — все нынче инвалиды, все из окопов. Вы бы, Иван Александрович, на его морду посмотрели. Да на нем гаубицы можно возить.

А потом наступило утро. И было оно солнечным и ярким. Даже грязный вагон в его лучах стал наряднее.

— Волховстрой, — крикнул проводник, — подъезжаем.

Мимо окон плыли разбитые дома, стены, глядящие на мир пустыми глазницами, груды кирпича, сожженные доски.

— Бомбит город фашист, — сказал проводник, — хочет связь с Ленинградом нарушить.

— Папаша, — поинтересовался Никитин, — где здесь горотдел милиции?

— Так кто его знает, сынок, центр-то весь разбомбили.

Они спрыгнули с подножки и пошли в сторону развалин. В этом городе не было привычного вокзала, привокзальной площади. Да и домов почти не было. Только развалины и пепелища. Но тем не менее город жил. Даже киноафиши висели на разбитых стенах.

Нет, не сломлен был город, потому что мужественные люди жили в нем.

Они вышли на какую-то улицу, и закричала, завы-

ла сирена. Данилов взглянул на небо и увидел шесть самолетов, заходящих от солнца.

Забухали зенитки. Разрывы, как фантастические цветы, распустились в воздухе, четко заработали счетверенные пулеметы. Самолеты, перевернувшись через крыло, с воем пошли к земле.

— Ложись, — крикнул Никитин, и голос его утонул в грохоте первого взрыва.

Они лежали на земле, вжавшись в снег, будто он мог защитить их от ревущей над головой смерти. Тяжелый грохот авиабомб больно давил на уши, низко стелился по улицам дым, рушились стены домов, летела земля, обломки бревен и кирпичей.

Сколько длился налет? Пять минут? Двадцать? Час? Данилов не понял. Время остановилось в вое и кошмаре разрывов. Он лежал. Скрипел на зубах снег с землей. Другой отсчет жизни шел сейчас, совсем другой отсчет. Самолеты ушли, напоследок полоснув улицы длинными очередями автоматических пушек.

Город горел. Вернее, горело то, что осталось от него. По улицам со звоном неслись пожарные машины, грузовики, набитые бойцами, машины «скорой помощи». Протяжно и страшно, на одной ноте кричала женщина, где-то плакал ребенок.

— Товарищи, товарищи, — к ним подбежала девушка в военной форме, — детей завалило! Помогите!

Данилов скинул шинель и остервенело ломом откатывал здоровые обломки бетона. Руки саднило, гимнастерка пропиталась потом, но он бил и бил тяжелым ломом, прорываясь сквозь завал к подвальным окнам. Рядом работали Никитин и Муравьев, еще какие-то люди, военные и штатские.

Наконец проход был расчищен. Из темноты слышались стоны и плач. Данилов зажег фонарь и прыгнул в черное отверстие. Среди обвалившихся балок и опор, в красной кирпичной пыли ползали, словно незрячие, дети.

Данилов схватил первого ребенка, почувствовал его невесомую беззащитность, на секунду прижал к себе и протянул наверх. Добрые руки, добрые и любящие, приняли у него спасенного.

...Всю дорогу перед Ленинградом Данилов не отходил от окна. За окном лежала земля после битвы. Это была необычная земля. Каждый метр ее покрылся ис-

кореженным, обожженным металлом. Какой же силы должен был быть взрыв, чтобы расколоть, словно яйцо, огромную самоходную установку! Сколько тротила взорвалось, прежде чем оставить эти страшные воронки.

Техника, взрывчатка, стрелковое оружие — все против тех, кто сидел в зигзагообразных окопах, шрамами легших на землю. Не было деревни, домов, деревьев. Все смела страшная поступь войны. Много дней на этой земле дрались за каждый выступ оврага, за каждый бугорок. Дрались и умирали.

Данилов смотрел и думал, что нет ничего чудовищней и страшней войны. Никогда не привыкнет к этому человек, потому что нельзя привыкнуть к смерти.

Но все же жизнь брала свое. На маленьких станциях, назло хаосу и смерти, выросли домики из свежеоструганных досок, рядом притулились землянки. Над их крышами уютно клубился дымок.

Проплыла мимо окон будка стрелочника, а рядом с ней поленница дров. Брала жизнь свое. Брала. Назло смерти, назло искореженному железу, бессмысленному символу войны.

Простучал под колесами новый мост через Неву. Деревянный, но сделанный добротно, на долгие годы.

— Под огнем за несколько дней возвели, — сказал за спиной Данилова проводник. — Скоро Ржевка, а там уж и Ленинград.

Город вырастал за окном, закрывая поля, деревья, небо. Состав шел мимо улиц, разбитых снарядами домов. Снег занес разрушенные здания. И шли по этим улицам люди, проезжали машины, нещадно звеня, прокатил трамвай.

Жил город. Все выдержал он и остался. Как памятник воинской славы и человеческого мужества. Купол Финляндского вокзала пробит снарядами, высокий перрон расколот в нескольких местах. Но все же это был настоящий вокзал, по-петербургски щеголеватый и элегантный.

Отдел милиции они разыскали быстро. Усталый дежурный, увидев подполковника, встал, застегивая воротник гимнастерки.

— Слушаю вас, товарищ подполковник.

— Вот что, лейтенант, вызовите кого-нибудь из руководства.

— Минутку, — дежурный поднял телефонную трубку.

Через несколько минут в дежурную часть спустился невероятно худой капитан, китель висел на нем совершенно свободно, впалые щеки резко обтянули скулы.

— Начальник отдела капитан Ревич.

— Подполковник Данилов, начальник ОББ Московского уголовного розыска. — Иван Александрович вынул удостоверение.

— Из самой Москвы? — радостно переспросил капитан. — Вот это да! Первые вы, товарищи москвичи.

— Никитин, — скомандовал Данилов.

Никитин положил на стол дежурного тяжелый мешок. И тут только Иван Александрович увидел, что он разорван.

— Это осколок, наверное. Мы в Волховстрое под бомбежку попали. Продукты эти ребята из отдела милиции Ленинградского вокзала собрали для вас.

Капитан развязал горловину, начал вынимать банки и свертки. В одной из банок торчал зазубренный, сине-стального цвета острый обломок металла.

— Вот он, — капитан попробовал вытащить осколок из банки. — Здорово засел, плоскогубцы нужны.

На столе лежали продукты. Смотрели на них офицеры милиции. И каждый думал о той незримой связи, которая объединяет людей в годы испытаний. И каждый знал, что силы их именно в этой связи, которую потом в официальных документах именуют монолитностью и единством.

— Спасибо вам. — Начальник отдела пожал всем руки. — Спасибо. Мы продукты эти по многодетным семьям распределим. Прямо вечером на разводе.

— Нам пора. — Данилов посмотрел на часы.

— Тимин, — спросил капитан, — где полуторка?

— На месте.

— Мы вас до Невского подкинем, а там до Дворцовой площади два шага.

Каким же представлял Данилов себе Ленинград? Кадры кинохроники и фотографии в газетах создавали образ сурового города, переживающего горе. Конечно, из окна машины много не увидишь. Но висят в небе аэростаты ПВО, черные на фоне яркого солнечного неба. Дома на улицах разбиты огнем артиллерии и авиабомбами. А все равно живет город. Улицы расчищены, в развалинах работают восстановительные брига-

ды. Женщины с лопатами чистят тротуары, сгоняя снег в огромные кучи. Много военных на улицах, особенно моряков. И конечно, очереди у магазинов-распределителей.

— Сейчас жить можно, — сказал шофер, — карточки отоваривают как надо. И жиры, и сахар, и мясо. Не то что в прошлом году.

— Натерпелись? — спросил Данилов.

— Всякое было, товарищ подполковник.

Они вышли на Невском и пошли в сторону Дворцовой площади. Многолюдно было на главной улице города, у лотков с книгами стояла очередь.

Данилов встал тоже и купил двухтомник Бальмонта, за которым много лет охотился в Москве. Игорь тоже купил несколько книг и конверты с ленинградским штемпелем.

Никитин же завел веселый треп с хорошенькой, до синевы худенькой, большеглазой девушкой-продавщицей. Немедленно назначил свидание.

— Быстрота и натиск, — усмехнувшись, сказал он Муравьеву. — Девушка классная, зовут Оля.

— Ну и что?

— Пойду на свидание.

— Если тебя Данилов отпустит.

— Он мою личную жизнь разбить не посмеет.

— Данилов все может, — мрачно изрек Игорь.

— Вы это о чем? — подошел к ним подполковник.

— О субординации, Иван Александрович, — нашелся Муравьев.

Они шли по Невскому мимо заваленных мешками с песком витрин, мимо заколоченных досками и фанерой окон, мимо надписей: «Эта сторона улицы особо опасна при артобстреле».

Они шли по главной улице города, и каждый думал о своем. Никитин со злобной яростью вспоминал немцев, подсчитывая, сколько легло их на подступах к городу. Игорь пытался восстановить в памяти пушкинские строки, связанные с невским чудом. А Данилов жадно вглядывался в лица людей, словно читал по ним страшную блокадную книгу.

Война, сколько она принесла горя и сколько принесет еще! Сколько пережили эти девушки, спешащие им навстречу? А этот старик с гвардейской осанкой, в высокой каракулевой шапке? А этот пожилой мили-

ционер, стоящий на углу Невского? Неужели пройдут годы и забудут подвиг этих людей, подвиг бегущего ему навстречу пацана в промасленном ватнике, заменившего у станка отца?

И сам себе Данилов ответил, что не забудут. Всем воздадут по заслугам, каждому найдется место в многотомной истории подвига его соотечественников.

В комендатуре Ленинградского уголовного розыска их документы проверили с особой тщательностью. Дежурный долго читал командировочные предписания, проверял удостоверения, сравнивая фотографии с оригиналами. Наконец Никитин не выдержал:

— Ну чего ты бумажки рассматриваешь? Позвони начальству, оно в курсе.

Дежурный протянул им документы и сказал:

— Вы у нас первые гости из Москвы. Вроде как символ.

При слове «символ» Никитин замолчал, видимо, это слово ассоциировалось у него с памятником.

— Так что, товарищи, — продолжал комендант, — милости просим. Степанов, проводи москвичей к начальнику.

Их уже ждали. И Данилов понял маленькую хитрость коменданта. На столе дымились стаканы с чаем, лежали скромные бутерброды. Начальник Ленинградского уголовного розыска встретил их у дверей, крепко пожал руку.

— Знакомьтесь, товарищи, это наш начальник ОББ,— он показал на невысокого подполковника.

Никитин молча, не ожидая приказания, поставил на стол мешки.

— Это, значит, — сказал он, — товарищ подполковник, наши ребята из МУРа посылку вам прислали.

Начальник сунул руку в мешок, достал пакет с сахаром.

— Спасибо. Мы эти продукты отправим в наш профилакторий, где лежат сотрудники Ленинградской милиции. Истощение у многих из них.

Они пили чай, и Данилов рассказывал о Москве. Ленинградцев интересовало все: вернулись ли из эвакуации театры, начали ли работать институты, каковы продовольственные нормы, идет ли строительство метро? Данилов хотел услышать о Ленинграде, о днях блокады, но хозяев интересовала Москва.

И Данилов понял их. Слишком долго эти люди были отрезаны от Большой земли. Теперь им хотелось знать все о ней.

— Мы вас неподалеку разместим, в нашем общежитии, — сказал начальник ЛУРа.

— Может, вечерком заглянете на огонек? — предложил Данилов. Начальник полистал отрывной календарь.

— Часиков в двадцать устроит?

— Конечно.

— Ну до вечера.

Муравьев и Никитин пошли устраиваться, а Данилов с начальником ОББ Трефиловым сидели в его кабинете.

— Вот смотри, Иван Александрович. — Трефилов положил на стол листы бумаги, на которых были наклеены красные, зеленые, желтые, синие квадратики.

Данилов взял их. На квадратах четко было напечатано: хлеб, жиры, сахар, мясо, водка.

— Это отрывные талоны от карточек. Ими магазин отчитывается за количество проданных продуктов. Туфтовые талоны давали преступникам возможность создавать излишки продуктов в магазинах. Эти излишки и обменивались на ценности. Эксперты дали заключение. Вот, — Трефилов ткнул пальцем в один из листов, — это производство фирмы «Розанов и К°», — а те — подлинные.

— Установлены фигуранты?

— Да. Некто Суморов, директор продовольственного магазина. Продукты он свозит к себе на квартиру, улица Салтыкова-Щедрина, дом 8, квартира 3. Прячет их в сарае. По средам продукты забирают.

— Среда завтра.

— Вот и задержим их.

В пять часов Никитин до изумительного блеска надраил сапоги и начал остервенело чистить шинель. Игорь, лежа на кровати, хитро поглядывал на него.

— Муравьев, — сказал Данилов, — накрывай на стол.

— Товарищ подполковник, — вытянулся Никитин, — разрешите удалиться на два часа.

— Куда это?

— По личным делам.

— Уже?

— Он такой у нас, — засмеялся Муравьев.

— Ну иди. — Данилов вынул из мешка плитку шоколада и протянул Никитину. — Девушке подаришь вместо цветов.

— Спасибо.

Данилов пошел умываться, а Никитин взял гитару, которую оставил здесь предыдущий жилец.

Он пробежал пальцами по струнам и запел:

Это было весною,
Зеленеющим маем,
Когда тундра оделась
В свой зеленый наряд.
Мы бежали с тобою,
Ожидая погони,
Ожидая тревоги,
Громких криков: «Назад!».
По тундре, по железной дороге,
Где мчит курьерский Воркута — Ленинград.

Данилов вошел, послушал.

— Опять?

— Что «опять»? — непонимающе переспросил Никитин.

— Блатнягу поешь. Что, других песен нет?

— Так я же, товарищ подполковник, в МУРе работаю, а не в филармонии.

— Оно и видно.

Никитин, чувствуя изменение настроения, быстро натянул шинель и исчез.

— До чего же у него в башке мусора много, — с недоумением сказал Данилов. — Где он этого всего поднабрался?

— Он опер классный, — примирительно сказал Муравьев.

НИКИТИН

Он везде ориентировался, как в своей родной Туле. Даже в лесу.

И в Ленинграде путем опроса населения он быстро нашел дорогу к Измайловскому проспекту, сделав по пути кучу добрых дел: разогнал дерущихся пацанов, помог женщине достать воды из канала, заволок на пятый этаж дрова старику.

Чувствуя себя благородным и сильным, спешил Колька Никитин к собору на свидание с худой, большеглазой девушкой Олей. Понравилась она ему. Сразу понравилась. То ли глаза ее светлые в пол-лица, то ли еще что. Да разве можно сказать, за что тебе нравится человек? Наверное, нет.

Никитин шел, насвистывая танго. Чувствуя силу и молодость. Даже мороз его не брал.

Он всего лишь три раза обошел вокруг собора, и появилась Оля.

— Не замерзли? — спросила она.

— Пока нет, — Никитин полез в карман, — бегал по вашему городу, цветы искал. Говорят, что зимой не растут. Так это вместо них.

— Что это?

— Шоколад.

— Коля, я его вечность не видела.

— Тем более берите.

Оля взяла плитку, понюхала.

— Да вы ешьте, что его нюхать-то.

— Вы из Москвы, Коля?

— Да.

— И всю войну там были?

— Нет, я с первого дня по май сорок второго воевал. Ранили меня и списали по месту прошлой службы.

— В госпитале лежали?

— Все было, и резали и шили. А вы, Оля, неужели всю войну здесь?

— Да. В комсомольской дружине. Пожары гасили, дрова заготовляли, немощным помогали, хоронили мертвых.

Никитин молча слушал рассказ девушки. И все, что происходило с ним, начинало казаться ему пустым и легким в сравнении с тем, что пережила его спутница. До чего же многолика война! И какой стороной ни поверни — везде одно сплошное горе.

Перед ними в сумерках лежал широкий и прямой, как шпага, Измайловский проспект. Ветер носил по нему клочья снега, неприятно бьющие в лицо. Но они не чувствовали ни ветра, ни холода. Им было хорошо вдвоем в этом огромном городе, на этой громадной земле.

Гости пришли ровно в двадцать. Сняли шинели и стали у стола, потирая руки.

— Ну и стол ты сочинил, Данилов, — сказал Трефилов. — Я давно такого изобилия не видел.

На столе лежали две пачки печенья, крупно нарезанная копченая колбаса, банка американского шпига, сахар.

— Садитесь, — пригласил Данилов и достал из мешка коньяк, разлил коричневую ароматную жидкость по стаканам.

— За победу, — сказал начальник ЛУРа и выпил залпом. Потом выпили еще, закусили. Данилов и Муравьев старались есть меньше, подкладывая куски побольше и вкуснее гостям. За столом они говорили о работе. Потому что о чем ни начинали беседу, она опять переходила на нелегкую службу.

Данилов и Муравьев услышали такое, что не узнаешь в сухих строчках оперативных материалов, не прочтешь в газетах. Голодные, чуть живые от истощения люди боролись с бандитами и спекулянтами, ракетчиками и агентами врага.

И увидел Данилов комнату, полную продуктов, и человека увидел, сидящего в углу, и Трефилова увидел, упавшего от голода в обморок. Данилов слушал их рассказ, смотрел на этих людей и думал о том, что пройдет время, люди расскажут о подвиге бойцов и офицеров на передовой, о доблестном труде рабочих у станков, а вспомнят ли о них? Ведь служба в милиции должна быть незаметной. Человек просто не должен ощущать, что его охраняют.

Они говорили о своей службе, вспоминая трагические и смешные случаи. Говорили о будущем, которое казалось им прекрасным, тем более что фашистов гнали на всех фронтах.

Вскоре пришел Никитин. Он был неожиданно тих и задумчив. Снял шинель, поздоровался, спросил разрешения сесть к столу. Это было настолько непохоже на него, что Данилов спросил даже:

— Ты, Коля, не заболел?

— Здоров, Иван Александрович.

— Ну-ну.

— Это у Николая нравственная перестройка началась, — съязвил Игорь.

Никитин глянул на него быстро, но опять промолчал, сел у зашторенного окна и закурил.

— Слушай, Коля, сыграй что-нибудь.

Никитин встал, взял гитару, подумал немного, подбирая на струнах мелодию, и запел есенинские стихи о клене. До чего же хорошо пел Никитин. Грустная вязь прекрасных слов обволакивала слушателей, уносила их из этой комнаты и этого времени. Каждый, слушая, думал о чем-то потаенно своем, словно только сейчас встретился с первой любовью.

Разошлись они поздно. Давно уже не выходили им такие вечера.

— Спасибо, братцы, — сказал начальник ЛУРа, — на целый год зарядились хорошим настроением. До завтра.

ДАНИЛОВ (следующее утро)

И наступило завтра. Среда наступила.

Оперативники кольцом охватили дом восемь на Салтыкова-Щедрина. Трефилов был человеком серьезным, он учел все проходные дворы, сквозные подъезды, развалины. Запечатал он улицу. Накрепко. В своей работе подполковник не признавал формулировки «незапланированная случайность».

— Пошли, — сказал он Данилову, — навестим гражданина Суморова Андрея Климыча.

Третья квартира была на первом этаже. По раннему времени светомаскировочные шторы еще не поднимали. Кроме штор в окошко были вделаны решетки из толстого железа. Берег свою квартиру завмаг.

— Привыкает, — Никитин бросил папиросу. — Решетка-то прямо тюремная.

Стучать им пришлось долго. Видно, крепко спали в этой квартире.

— Кто? — наконец послышался за дверью женский голос.

— Из домоуправления, — сказал приглашенный в качестве понятого дворник, — Архипов.

Дверь распахнулась. На пороге стояла миловидная блондинка в шелковом халате, по которому летали се-

ребряные драконы. Она была хорошенькая, молоденькая, теплая со сна.

— Ой! — вскрикнула она. — К кому вы? К кому?

— К вам, — сказал Трефилов, по-хозяйски входя в квартиру. — Хозяин-то где?

— Нет его. Нет. На базу уехал.

— А врать старшим нехорошо.

Трефилов и Данилов вошли в спальню. На широкой старинной работы кровати, отделанной бронзой, кто-то лежал, укрывшись с головой одеялом. Трефилов сдернул его, и Данилов увидел маленького лысого человека в яркой атласной пижаме.

— Что же это вы, Суморов, к вам гости пришли, а вы в пижаме?

— Я сейчас, я сейчас...

Никитин пересек комнату, он привычно проверил под подушкой, потом взял висящую одежду, похлопал.

— У меня лично нет оружия, не имею.

— Береженого бог бережет, не береженого конвой стережет, — мрачно сострил Никитин.

— У меня постановление прокурора на производство обыска в вашей квартире и во всех подсобных помещениях. Согласны ли вы выдать добровольно незаконно полученные продукты?

Суморов уже переоделся в полувоенный костюм, первая растерянность прошла, и он оценивающе разглядывал офицеров милиции, мучительно высчитывая, что для него выгоднее.

— Запишите добровольную выдачу.

— Битый, видать, сидел, — прокомментировал Никитин.

— Было, начальник, так как?

— Запишем, — твердо сказал Трефилов.

Никогда еще Данилов не видел в доме столько продуктов сразу. Десять ящиков шоколада, три — водки и шесть — портвейна, десять ящиков консервов, пять ящиков зеленого горошка, семьдесят буханок хлеба. Ванна была полна подсолнечным маслом, шкаф завален рафинадом.

Понятые, сжав зубы, смотрели на это немыслимое богатство.

— Этими харчами, — сказал Трефилов, — неделю детский сад кормить можно.

Ленинградские оперативники старались не смотреть

на продукты. И Данилов, вспоминая вчерашний разговор, думал о том, как тяжело было им, голодным, истощенным, изымать у этой сволочи продукты. Видеть, трогать и не взять ничего. В общем-то, какая разница — бриллианты, золото, деньги, продукты, для них они теряли свою первоначальную ценность, превращаясь в безликие предметы изъятия.

Один из оперативников побледнел. Под глазами резко обозначились синие круги, он, шатаясь, вышел в коридор.

— Ребята, — спросил Трефилов, — хлеб есть у кого-нибудь?

— Что такое? — забеспокоился Данилов.

— Голодный обморок.

Никитин выскочил в коридор, где на стуле, беспомощно опустив руки, сидел оперативник, вынул из кармана шинели сухарь и кусок сахара, сунул ему.

— Воды принесите.

Он смотрел, как медленно, словно неохотно, ест этот немолодой, изможденный человек, и сердце Николая наливалось ненавистью. Никитин ногой распахнул дверь в комнату, рванул застежку кобуры.

— Гад! — крикнул он. — Я на фронт пойду, но не жить тебе!

Он выдернул пистолет, услышал, как заверещал, закричал тонко толстенький человечек, прячась за шкаф.

Данилов крепко схватил Николая за руку.

— Пусти, — рванулся Никитин.

Данилов словно железом продолжал давить руку.

— Лейтенант Никитин, спрячьте оружие и выйдите из комнаты, взыскание получите позже.

Никитин словно во сне сунул пистолет обратно и, никого не видя, вышел в коридор.

— Товарищи, товарищи, — застонал за шкафом Суморов, — уберите этого психического...

— Мы вам не товарищи, гражданин Суморов. И обращайтесь к нам как положено. За действия своего сотрудника приношу извинения. Он будет наказан.

Вошли оперативники, обыскивавшие сарай.

— Там целый магазин, товарищ подполковник. Бочка повидла, пять ящиков водки, три мешка гречки, мешок меланжа, мука.

— Ну, Суморов, — Трефилов сел рядом с задержанным, — когда купец приедет?

— А время сколько?
— Девять.
— В полдвенадцатого.
А на стол продолжали выкладывать пачки денег, золото, камни. Лежали на полу штуки отрезов, дорогие шубы, блестящие кожаные пальто.

МУРАВЬЕВ

Он смотрел на продукты, вещи и никак не мог понять, для чего этот человек, лысенький, маленький, розовощекий, пошел на преступление. Суморов же жил в Ленинграде. Видел, как страдают люди, как гибнут от недоедания дети. Каким же надо быть негодяем, как надо любить эфемерные земные блага, чтобы пойти на самое страшное — лишить умирающего от голода куска хлеба.

«Купца» ждали в сарае. Сарай и квартира были приведены в порядок, и со стороны никто бы не увидел, что несколько часов назад здесь проходил обыск. Никитин, скрипя сапогами, мерил сарай по диагонали, насвистывая какой-то тягучий мотив.

— Коль, не мечись, как маятник, в глазах мелькает, — попросил Игорь.

— А ты глаза закрой, — мрачно посоветовал Никитин, но все же сел. — Я бы, Игорь, того Суморова без суда к стенке.

— Я бы тоже, Коля, но закон.

— Закон, закон. Объявить бы таких, как он, вне закона. Когда «купцы» придут?

— Через полчаса.

И потянулись долгие полчаса в холодном сарае, набитом продуктами.

Ленинградские коллеги молчали, Никитин рассматривал головки сапог, а Игорь вспоминал, кто же написал стихи:

А над Невой посольства полумира,
Адмиралтейство, Мойка, тишина.

Он совсем перестал читать, и это угнетало его. Приедет Инна, вокруг нее будут крутиться начитанные, остроумные ребята, а он — пень пнем. Последнюю книгу, без начала и конца, читал в засаде в Марьиной

роще. Пытался хотя бы приблизительно определить автора и не смог.

До чего же медленно ползет стрелка по циферблату. Может, у них в Ленинграде особое, замороженное время? Должны приехать в одиннадцать тридцать. А вдруг опоздают? Сиди в этом леднике, как скоропортящийся продукт.

Полуторка въехала ровно в одиннадцать тридцать. В кузове сидели два мрачных грузчика в ватниках. Из кабины вылез человек, совершенно не вяжущийся обликом с блокадным городом. Был он высок, в круглой бобровой шапке, в тяжелом пальто, с таким же шалевым воротником, в руке тяжелая трость с серебряным набалдашником.

— Вот это да, — удивленно сказал Никитин, — смотри, Игорь, прямо артист.

Человек вышел, огляделся, постучал тростью в окно. За стеклом появилось кивающее лицо Суморова.

Человек махнул тростью, и полуторка подъехала к сараю.

— Ну, — свистящим шепотом произнес Никитин,— держитесь, гады!

Барского обличия мужчина подошел к сараю, достал ключ, открыл замок.

— Давай, — скомандовал он грузчикам.

Никитин заранее выбрал себе покрепче, мордастого, краснорожего.

Грузчики вступили в полумрак сарая.

— Руки, — тихо, не повышая голоса, сказал Муравьев, — быстренько.

Он повел стволом пистолета.

Один из грузчиков послушно поднял руки, мордастый напрягся для прыжка и выдернул из-за голенища финку.

Всю ненависть к этому откормленному ворью, жиреющему на чужом горе, вложил Никитин в удар. Мордастый сделал горлом икающий звук и покатился по полу, выплевывая зубы и кровь. Финка воткнулась в доски и задрожала, как камертон. Оперативники навалились на него, щелкнули наручники. Человек в бобрах, услышав шум в сарае, побежал к машине, тяжело, по-стариковски выбрасывая ноги в лакированных ботинках с гетрами. У кабины его ждали Трефилов и Данилов.

— Нехорошо, Шаримевский, — Трефилов поднял пистолет, — вы же мошенник, а связались с бандитами.

— Ах, гражданин начальник, — Шаримевский никак не мог отдышаться, — какие бандиты? Бог с вами. Торгую продуктами.

— Мы к вам сейчас в гости на Лиговку поедем, правда, незваный гость...

— Вы всегда приятный гость, гражданин начальник.

— Ну, коли так, поехали.

ДАНИЛОВ

Две комнаты в квартире Шаримевского были заставлены картинами, дорогими вазами, даже две одинаковые фигуры Вольтера словно стражники стояли по обеим сторонам дверей.

— Вы, Михаил Михайлович, — устало спросил Трефилов, — деньги, оружие и ценности сами сдадите?

— Зачтется?

— Как всегда.

— Оружия не держу, а деньги и камушки в печке-голландке. Вы это в протоколе отметьте.

— Обязательно. Мы пока протокол обыска писать будем, а вы с товарищем из Москвы побеседуйте. Специально из столицы ехал на вас посмотреть.

— Гражданин начальник, я даю чистосердечное признание под протокол. Получаю свою 107-ю и еду в края далекие.

— Пойдемте, — сказал Данилов.

Они вышли на кухню, единственное место в квартире, не заставленное краденым.

К столу сел Муравьев с бланком протокола, Шаримевский устроился на стуле, Данилов прислонился к подоконнику. Он посмотрел в окно и увидел ребятишек, бегающих на коньках по льду обводного канала. Нет, война не может остановить течения жизни. Осложнить может, а остановить — никогда.

— Михаил Михайлович, — начал Данилов, — я начальник ОББ МУРа.

— Ого, — Шаримевский с уважением посмотрел на Данилова.

— Это ваше письмо? — Данилов вынул из планшета письмо, найденное на даче Розанова.

— Отказываться нет смысла, вы же все равно проведете экспертизу?

— Конечно. Наши графологи умеют работать.

Шаримевский достал массивный золотой портсигар с алмазной монограммой, вынул папиросу, закурил.

— Я буду лапидарен. Кратким буду. Пишите.

Он затянулся глубоко и начал:

— Ничего общего с бандой не имею. Розанова знаю. Он был подпольным адвокатом. Защищал уголовников, брал и давал кое-кому взятки. В Ленинград он наведывался часто. Особенно в скаковые дни. Любил рискнуть. Его клиенты, бежавшие из лагеря, находили у него приют и материальную поддержку. Он им помогал, они ему награбленное сбрасывали. Из коллегии его поперли. Но он дела крутить продолжал. До войны у него Лапшин прятался.

— Из банды Пирогова, — перебил Данилов, — левша?

— Да. Он его со своей племянницей свел, Кирой. Девкой распутной и алчной. Это она придумала фокус с санитарной машиной.

— Кто она по профессии?

— Врач-гинеколог. Была осуждена за незаконное производство абортов.

— Кто такой Брат?

— Климов Валерий Павлович, бывший муж Киры.

— Как он попадал в Ленинград?

— По-всякому. Его на фронт не взяли из-за близорукости. Он в сорок первом пристроился в организацию, снабжавшую блокадный Ленинград промышленными деталями. Летал на самолетах, сопровождал грузы, ну и, конечно, продукты привозил мне. Я их менял на ценности.

— Он же жизнью рисковал.

— Так без риска копейки не наживешь. Потом Дорогу жизни пустили, он и по ней ездил. А потом перешел в Москонцерт администратором, стал артистов из Москвы возить. Реквизита тонны, кто заметит лишние ящики? Но все же дело опасное. Тогда я в типографии достал бумагу для отрывных талонов, ну и начали печатать.

— Почему у Розанова оказались Слон, Валет и Матрос?

— Он боялся Лапшина, особенно после того, как они квартиру Минина взяли. Я прислал ему людей для охраны.

— Когда вы видели Климова в последний раз?

— В январе.

— У него твердая связь с бандой?

— Он наводит.

— Адрес?

— Московский. Остоженка, 6, квартира 25. Дача у него в Кратове, на Лучевой, дом 11. Телефон на даче И-1-17-21. Домашний Г-1-31-19. Все, — сказал Шаримевский, — все, мне больше добавить нечего.

— Сколько человек в банде?

— Этого не знаю.

— Место дислокации?

— Тоже не знаю.

— Откуда они взяли фургон и форму?

— Климов говорил, что остановили на дороге машину, а нужную форму снимали с убитых.

— Кем убитых?

— Ими, конечно.

Он произнес это настолько спокойно и устало, словно говорил о разбитой чашке или сломанном стуле.

— Вам нечего добавить?

— Нет.

— У тебя готово, Игорь?

— Да.

— Подпишите.

Шаримевский достал черепаховый футляр с бриллиантами на крышке, вынул очки в золотой оправе. Читал долго и внимательно. Потом взял карандаш и подписал.

— Все верно?

— Да.

— Пойдемте.

В комнатах сотрудники милиции упаковывали вещи.

— Не жалко добра, папаша? — весело спросил Никитин. — Наживал, копил, и все прахом.

— Вещи — тлен, — назидательно ответил Шаримевский, — главное — душа, она вечна.

— Вот ты, папаша, о ней и подумай, у тебя время будет.

— Прекратить, Никитин, — оборвал лейтенанта Данилов.

Вечером он стоял у Невы. Глядел на темное полотно льда, на морды сфинксов, истертые веками, на гранит набережной и думал о высоте человеческого мужества. Он мало пробыл в Ленинграде, совсем мало, но того, что увидел он, вполне могло хватить на целую жизнь.

— Разрешите прикурить, товарищ подполковник, — рядом с ним стоял молодой морячок в бескозырке, винтовка за плечами, пулеметные ленты крест-накрест через грудь.

И у Данилова защемило сердце. Из далекого восемнадцатого пришел к нему этот парнишка со светлой челкой.

Значит, продолжается подвиг, а следовательно, продолжается жизнь.

МУРАВЬЕВ

Они уезжали с Даниловым поездом. Никитин повез Шаримевского в Москву на самолете. Начальник Ленинградской милиции договорился с военными, и они взяли арестованного с конвоиром на проходящий борт. Сквозь разбитый вокзальный купол просвечивали звезды, особенно яркие в полной темноте. Муравьеву казалось, что они медленно опускаются на город, как ракеты на парашютах, и что это не вокзальный купол, а залатанное небо над его головой. Он мысленно представил себе обратную дорогу, Волховстрой, потом Ярославль, потом Москва, и позавидовал Никитину, который завтра уже будет дома.

Они попрощались с Трефиловым, сели в душно натопленный вагон, и поезд тронулся. Игорь отодвинул маскировочную штору. За окном лежала темная земля, только звезд на небе стало больше, и они постепенно отдалялись от него. Протяжно и грустно прокричал паровоз. Он увозил их в темноту ночи, в неизвестность. Новый день, к которому они так спешили, мог стать последним в его жизни и в жизни Данилова.

Он отрабатывал связи Минина. Пять страниц машинописного текста с фамилиями и адресами.

Целый день Сергей сидел в десятом отделении, куда вызывал для беседы людей, так или иначе связанных с певцом.

Аккомпаниатор Мондрус Виктор Исаакович был на концерте в госпитале. Домработница Глебова Вера Ивановна была с женою Минина в Сандуновских банях. Полковник Калашников — в комендатуре. Концертмейстер Альберт Францевич Цоо — в Москонцерте. Поэт-песенник Лебедев лежал больной. Композитор Строков — в поездке на фронт. Администратор Москонцерта Климов возил группу в воинскую часть. Врач Либерзон — в больнице.

Почти у всех людей, перечисленных в списке, было алиби. Но Белов продолжал проверять каждого и уцепился за то, что Климов часто ездил в Ленинград. Это была хоть и слабая, но зацепка. Сергей начал отрабатывать связи Климова и из документов выяснил, что он был женат на Кире Розановой. Это уже было кое-что. Но мало ли кто на ком был женат? Брак Климова и Киры Розановой еще ничего не доказывал.

Пожили, пожили да и разошлись. По документам все выглядело именно так.

Сергей позвонил Минину. Телефон долго не отвечал, длинные басовитые гудки бились в эбонитовой трубке.

Но Белов не разъединялся, ожидал ответа.

Наконец женский голос ответил:

— Да.

— Можно Александра Петровича?

— Это из филармонии?

— Нет, из милиции.

Женщина на том конце трубки помолчала некоторое время, потом сказала:

— Минутку.

Белов уже знал, что Минин недавно вышел из больницы, что состояние его удовлетворительное и дело явно идет на поправку.

— Слушаю, — подошел к телефону Минин.

— Александр Петрович, старший лейтенант Белов

из МУРа беспокоит. Вы бы не смогли уделить мне полчасика?

— Когда?

— Да прямо сейчас.

— Приезжайте.

Дверь Сергею открыла высокая красивая женщина,

— Что же вы не спрашиваете, кто там? — поинтересовался Сергей.

Женщина улыбнулась:

— А нам, товарищ старший лейтенант, уже некого бояться. Взяли все, что могли. Вы проходите, Александр Петрович ждет.

Минин сидел в кресле. Одет он был в темную байковую пижаму.

— Вы уж извините меня, — сказал он, — пока еще в себя прийти не могу.

Певец был желтовато-бледным, сложное переплетение бинтов окутывало голову.

— Вы садитесь, — пригласил он Белова.

Сергей сел.

— Слушаю вас. — Минин потянулся за папиросой.

— Александр Петрович, вы знаете Климова?

— Конечно. Очень милый человек, наш администратор.

— Вспомните, перед вашим... — Сергей сбился, не зная, как сказать.

— Вы имеете в виду перед ограблением? — усмехнулся Минин. — Да, Климов заходил. Говорил о каком-то концерте в госпитале.

— А вы не заметили ничего необычного?

— Пожалуй, нет. Только я дал согласие Климову, а утром позвонил в филармонию уточнить. А мне сказали, что ничего об этом концерте не знают. Правда, у нас такое бывает.

— Долго пробыл у вас Климов?

— Минут сорок.

От Минина Сергей позвонил в филармонию и точно узнал, что никакого концерта в госпитале не намечалось.

Значит, Климов приходил за другим. Квартиру он проверял, а потом наводил.

Он приехал в МУР и встретил в коридоре Никитина.

Тот шел, поскрипывая сапогами, насвистывая бесконечное «Утомленное солнце».

— Приехали? — обрадовался Сергей.

— Только я. Самолетом прилетел. Данилов и Муравьев на перекладных трясутся.

— Вышли? — спросил Белов.

— А то.

В кабинете Никитин развернул протокол допроса Шаримевского. Белов читал долго, потом засмеялся и положил перед Никитиным свои документы. Тот проглядел их, одобрительно хмыкнул:

— А ты молодец, Сережа. Вышел все-таки.

— Да разве это вышел, здесь работы еще на месяц.

— Пошли к Серебровскому, — Никитин подтолкнул его к дверям.

ДАНИЛОВ И СЕРЕБРОВСКИЙ

— Ну, с приездом, Ваня. Знаю, все знаю о твоих успехах. Какие мысли?

— Как ведет себя Климов?

— Обычно. Работа, дача, на городской квартире не бывает.

— За ним хорошо смотрят?

— Дай бог. Что думаешь предпринять?

— Брать его будем, Сережа, не думая. Что о нем известно?

— Тут, понимаешь, история романтическая. Климов человек слабый, ну, конечно, любил пожить хорошо. Женился на Кире Розановой, бабе шалавой, для которой, кроме ресторанов и Южного берега Крыма, никаких других развлечений не существовало. Климов зарабатывал немного. А ей жить хотелось. Вот и открыла она подпольный абортарий. Села. Он ее ждал. Она пришла в сороковом и еще пуще во все тяжкие пустилась.

— Красивая дама?

— Говорят, весьма ничего. Врачебную практику забросила, устроил ее дядюшка в меховой магазин. И подумай, в какой?

— Я тебе гадалка, что ли?

— Да в тот, который банда Пирогова колупнула.

— Так, — Данилов зашагал по комнате, — так. Видишь, откуда нитка-то идет?

— Твой Шаримевский показывает, что ушел один Лапшин, это он у Киры отсиделся. Роман у них. Знойная любовь.

— А при чем здесь Климов?

— Он любит ее, понимаешь, любит. Готов для нее на все. Ну и наводит, конечно. Деньги и ценности копит, думает вернуть свою красавицу.

— Откуда столь интимные сведения?

— Ты будешь смеяться, но от бывшей домработницы Климова.

— Сколько ей лет?

— Говорит, семьдесят пять, но я думаю, кокетничает.

— У тебя, Сережа, дар «колоть» женщин всех возрастов.

— Свойство характера. Иди пиши план опермероприятий.

ДАНИЛОВ

В гостях хорошо, а дома лучше. Только работы дома больше.

Иван Александрович чувствовал, что дело «докторов» входит в последнюю, заключительную фазу. Теперь ошибиться он не мог никак.

Целый день он провел на Остоженке, осматривал подходы к квартире Климова. Два проходных двора, черный ход из квартиры, сквозной подъезд, узкий проезд между домами, куда незаметно может въехать санитарный фургон. Все это было аккуратно нанесено на схему. И сразу же ожила схема. Плотно перекрыли работники милиции Остоженку.

Теперь дача. Стояла она среди недостроенных домов, рядом с дорогой, за которой начинался лес. Не то чтобы очень густой, обычная дачная роща, но все же лес. Перед дачей огромная поляна, метрах в двухстах одноэтажный бревенчатый домик поста ВНОС[1]. В нем девять бойцов и лейтенант.

Данилов связался с их командованием и приехал

[1] Пост воздушного наблюдения, оповещения, связи.

на пост вместе с щеголеватым майором из штаба ПВО. Свободные от дежурства люди собрались в ленинской комнате.

— Товарищи бойцы и сержанты, — начал майор, — к вам приехал подполковник милиции Данилов. У наших органов есть к вам просьба и важное поручение.

Данилова слушали внимательно. Он сразу понял, что за народ служит на посту. Понял по наградам на гимнастерках, по нашивкам за ранения. Списали этих ребят по здоровью в тыл. Поэтому Данилов рассказал о потерях, рассказал о тех, кого убила банда. И о Ленинграде рассказал. О людях, умирающих от истощения, и продуктах, найденных на обыске.

Его слушали внимательно. Разглядывали его ордена боевого Красного Знамени, Красной Звезды, медали. Эти молодые ребята, прошедшие фронт, понимали, что просто так эти награды не дают.

— Вы должны нам помочь, товарищи, — закончил свое выступление Данилов.

Встал лейтенант, начальник поста.

— Мы все поняли, товарищ подполковник, поможем, если надо, людьми и огневыми средствами. Мы считаем, что бандиты те же фашисты. И долг наш — уничтожить их. Только одно, мы люди военные и, более того, технические, в деле вашем разбираемся слабо. Вы уж пришлите нам специалистов.

Так на посту появились еще десять бойцов и техник по телефонной связи.

Наблюдение за Климовым пока ничего не давало. Вел он себя как обычно. Ездил в Москонцерт, потом с бригадами артистов по госпиталям, заходил в магазин, отоваривал карточки и ехал в Кунцево. Правда, однажды поехал на Перовский рынок, купил шоколада, десять пачек папирос «Казбек» и вина. Для скромного администратора это были расходы непосильные. Купив все это, Климов вернулся на дачу.

Шло время. Февраль уходил, а банда Лапшина не проявлялась. От телефонных звонков с разных уровней у Данилова начал портиться характер. Он и домой перестал ездить, боясь выплеснуть на Наташу все накопившееся за эти месяцы раздражение. Сотрудники отдела старались не встречаться с ним в коридоре.

Только один Серебровский был безмятежен и весел.

— Никуда они не денутся. Без Климова им крышка, он их разведка.

Двадцатого февраля наружное наблюдение сообщило, что Климов посетил три квартиры: народной артистки СССР Беловой, эстрадного куплетиста Набатского и руководителя популярного джаза Скалова. Во всех трех квартирах он договаривался о концертах в подмосковных госпиталях.

У Беловой был необыкновенный набор бриллиантовых украшений. Набатский собирал старинное серебро, а у Скалова имелось все. Человек он был легкомысленный и добрый, поэтому всегда держал дома большие суммы денег.

Все. Климов начал действовать.

Ночью Данилова разбудил Никитин и положил на стол запись телефонного разговора:

Мужчина: Алло.

Женщина: Это я, Климов.

Мужчина: Кира! Кира, где ты?

Женщина: Где надо.

Мужчина: Кира, милая, я не могу без тебя.

Женщина: Хватит об этом, Климов, хватит.

Мужчина: Сколько ты будешь мучить меня?

Женщина: Награду надо заработать.

Мужчина: Я нашел.

Женщина: Сколько?

Мужчина: Три точки. Все в одном районе.

Женщина: Жди моего звонка вечером.

Мужчина: После этого ты останешься со мной?

Женщина: Да».

Данилов прочитал, усмехнулся и подумал, что любовь тоже принимает формы сумасшествия.

Он встал и скомандовал Никитину:

— Едем.

В машине он спросил у Быкова:

— Ты жену любишь?

— Чего? — удивился шофер.

— Жену любишь?

— Уважаю, конечно, она у меня готовит хорошо. А что, товарищ начальник?

— Да так, просто для информации.

Быков покосился на Данилова и подумал, что начальник от недосыпа совсем ослабел на голову.

Данилов ехал и думал о странных особенностях люб-

ви. Чувства совершенно неуправляемого, прекрасного и жестокого. Вот Климов, чтобы переспать ночь со своей Кирой, готов подставить под бандитский нож трех самых популярных в стране артистов. Он видел фотографию Климова. Большие очки, высокий лоб, волосы расчесаны на косой пробор, мягкие, бесформенные губы, безвольный подбородок. Лицо приятное, интересное даже, но совсем не мужское. На нем не было ни одного отпечатка воли и мужества.

КЛИМОВ

Дачу эту он купил перед войной. Деньгами помог Кирин дядя. Электричества в ней не было, зато телефон проведен. Дом был недостроенным. Комната на втором этаже большая, метров тридцать, столовая на первом. Кире особенно нравилась столовая, в ней она могла собрать много гостей.

Климов налил портвейна в стакан, закурил папиросу и заметался по комнате.

— Позвони, — просил он вслух, — ну позвони, пожалуйста. Ну что тебе стоит. Позвони.

Он ходил по комнате, повторял как заклинание слово «позвони».

Он любил Киру. Сильно, безумно. Чувство это атрофировало в нем все остальное: разум, нравственность, гордость.

Они познакомились в тридцать восьмом в курзале в Пятигорске. Роман их был стремительным и искрометным. Там же, в Пятигорске, они пошли в загс. Потом для Климова началась страшная жизнь. Кабаки, компании молодых мужчин, Кирины исчезновения на неделю, а то и больше.

Другой бы на его месте набил ей морду, развелся и жил себе в свое удовольствие. Но он не мог. Каждая близость с ней была для него прекрасна, мучительна и терпка. У него до нее были женщины, но ни с одной он не чувствовал себя так полно и самозабвенно.

Кира жила в нем как болезнь. Нужны были деньги, много денег. Тряпки, «Метрополь» и «Савой» сжирали его зарплату в первую неделю. Он начал заниматься сомнительными делами. А Кира на даче принимала женщин. В те годы аборты были запрещены. Ее осу-

дили. Климов ездил к ней в лагерь. Плакал на свиданиях, возил дорогие передачи. Из лагеря она вернулась циничной и грубой. И у нее сразу же начался роман с этим бандюгой Лапшиным. Он красив был, Борис Лапшин. Высокий, с военной выправкой, со светлыми всегда прищуренными глазами, холодными и страшными. Розанов говорил, что Борис служил в офицерском Дроздовском полку у Деникина, потом у Врангеля в Крыму. Не успел на пароход и остался в России, переходя из банды в банду.

Когда Климов глядел на этого человека, ему казалось, что в его глазах он видит далекое зарево пожаров и степь под Чонгаром. Иногда, выпив, Борис брал гитару и пел всего лишь одну песню.

Нас уже не хватает в шеренгах по восемь,
И без мертвых в атаку идет эскадрон,
И крестом вышивает последняя осень
По истертому золоту наших погон...

И тогда Климову становилось страшно.

Лицо Лапшина твердело, и он незряче глядел в окно, словно видел что-то такое, ведомое только ему одному. Они с Кирой спали в верхней комнате, и однажды, когда ревность мучительно и яростно захлестнула его, Климов взял топор и пошел наверх.

Он не успел открыть двери. Сильная рука вырвала топор и толкнула его вниз. Он полетел по ступенькам, больно ударяясь об их острые бока.

Лапшин бросил топор, спустился и сказал насмешливо:

— Послушайте, юнкер, ревность — чувство дикое. Оно позорит мужчину. Опомнитесь. Иначе я вас шлепну и закопаю в саду. — Лапшин повернулся и пошел наверх, насвистывая свою мрачную песенку.

Как он жил потом? То ли во сне, то ли в бреду. Зимой в Ленинград ездил на машинах по Ладоге. Его бомбили и обстреливали. И Климов хотел, чтобы все это увидела Кира. Увидела и поняла, что он стал мужчиной.

Он выпил портвейн, закурил новую папиросу и сел, глядя на безмолвный, как языческий божок, телефонный аппарат.

Пусть она позвонит и скажет: «Я еду к тебе».

И больше ему ничего не надо.

Он ходил по комнате, повторяя всего лишь одну фразу: «Ну позвони, позвони, чего тебе стоит».

В дверь постучали. Звук гулко разнесся по даче. «Кира», — подумал Климов и сбежал вниз.

— Кто? — срывающимся голосом спросил он.

— Соседи с поста ВНОСа, у нас дизель сломался, электричества нет. Пару свечей не одолжите?

— Сейчас, сейчас, — засуетился Климов, открывая замки. Он раскрыл дверь, и из темноты шагнуло несколько человек.

— Кто?.. Зачем?..

— Уголовный розыск, Климов, вы арестованы.

ДАНИЛОВ

— Мы все знаем, Климов, и о ваших вояжах в Ленинград, и о Шаримевском, о Кире, о Лапшине. Мы знаем, что вы связник и наводчик банды.

Климов молчал, протирая платком стекла очков.

— Мы знаем, что сегодня вам позвонит Кира и вы наведете ее на квартиру.

— Может быть, лучше, что вы все знаете, — сказал спокойно Климов.

Данилов смотрел на него, понимая, что чувство страха умерло в этом человеке. И он стоит на самом краю, когда безразлична жизнь, не страшна смерть. Сейчас в нем живет только тоска-усталость.

— Где краденые вещи, Климов?

— На чердаке.

— Вас проводят туда.

Климов встал, надел очки и равнодушно, как автомат, пошел за оперативниками.

А Данилов никак не мог отделаться от мысли, что где-то уже слышал его голос.

КЛИМОВ

Вот и все. Вот и все. Конец. Теперь не будет ни его, ни Киры. А главное — сволочи Лапшина не будет.

Они поднимались на чердак. Лестница скрипела под ногами, отсчитывая шаги.

Карманные фонари осветили недостроенную крышу.

— Где? — спросил оперативник.

— Вон сундуки.

— Помоги-ка, — попросил оперативник товарища.

Они попытались сдвинуть сундук.

— Тяжелый, стерва.

Климов стоял у края крыши, внизу лежали под снегом кирпичи, которые он запас еще до войны, надеясь отделать дачу.

«Надо быть мужчиной», — сказал он про себя и головой вниз, как в море, прыгнул в темноту.

ДАНИЛОВ

Он стоял у распростертого тела. Кровь из разбитой головы выкрасила снег в черный цвет.

Данилов смотрел на труп Климова, и тяжелое предчувствие беды захватывало его.

— Уберите. И следы закройте.

Иван Александрович поднялся наверх, где милиционеры делали опись изъятия вещей. Сел на диван. Ну что теперь делать? У трех квартир засады, здесь тоже. А если они не придут? Тогда все прахом. Тогда никому не нужны их жертвы и нервы. Никому. Потому что в работе оперативника важен только конечный результат.

Люди работали, переговаривались шепотом, боясь попасться на глаза начальнику отдела. А он каменел лицом, ненавидя и мучаясь. И вдруг Данилов услышал внизу голос Климова. Это было как в бреду, как в дурном сне. Голос был отчетлив и весел.

— Кто?! — крикнул Данилов.

В комнату поднялся Белов.

— Я говорил, товарищ подполковник.

— Вот и хорошо. — Данилов засмеялся и смеялся долго.

А вокруг стояли ничего не понимающие сотрудники.

— Вы чего, Иван Александрович? — встревоженно спросил Муравьев.

— Игорь, — засмеялся Данилов, — у них голоса похожи, как две гильзы от нагана.

Никитин подмигнул Белову и покрутил пальцем у виска. Мол, чокнулся начальник. Точно чокнулся.

— У кого? — спросил Муравьев. — У Белова и Климова? Ну и что?

— Кира будет звонить по телефону.

Они целый час репетировали текст и просящие интонации Климова.

В качестве эксперта с поста ВНОСа был вызван опертехник, слушавший первый разговор.

Наконец после трех телефонных бесед он сказал:

— В цвет. Тебе, Белов, в театр надо поступать.

Шло время, трещали дрова в печке, телефон молчал. Он зазвонил около двенадцати.

— Алло, — протяжно пропел Белов.

— Это я.

— Кира, Кира, где ты?

— Где надо.

— Когда ты придешь ко мне?

— Дело говори, дело.

— Эти три точки отменяются.

— Почему? Мы готовы.

— Есть дело лучше.

— Какое?

— Район собрал в фонд обороны много ценностей и денег. Их повезут завтра утром. В восемь машина «эмка» должна пройти сорок второй километр. Там лес, Кира, пустой проселок, шоссе ремонтируют.

— Охрана?

— Один инвалид. Шофер наш человек, он уйдет с вами. Когда ты придешь, Кира?

— Завтра.

«Ту-ту-ту», — запела трубка.

У Данилова длинно и мучительно заболело под лопаткой, он осторожно сел на диван, стараясь не дышать. Боль ворочалась в его большом и сильном теле, то затихая, то возвращаясь.

И он с грустью подумал, что еще две-три такие операции — и он вполне может отдать концы. Как быстро это пришло к нему, быстро и неожиданно. Первый приступ — в райцентре летом прошлого года, сейчас второй.

Обидно умереть в больнице. Не солдатская это смерть. А впрочем, везде обидно умирать. Смерть она и есть смерть. Дальше ничего не бывает.

— Вам плохо? — участливо спросил Белов.

— Ничего, Сережа, ничего.

Данилов встал и подошел к телефону, нужно было блокировать дорогу.

ДАНИЛОВ (утром)

Из «эмки» они вынули заднее сиденье, настелили брезент, и там разместились Никитин и Белов с автоматами. Свой автомат Данилов держал на коленях, ощущая его тревожную тяжесть.

Быков вел машину, мрачно глядел в окно.

— Ты наган в карман переложи, — посоветовал Данилов.

— Уже.

— Смотри, Быков.

— А чего смотреть, мне не впервой.

Дорога была пуста, изредка торопились куда-то полуторки с газогенераторными баками по обе стороны кабины. Данилов был спокоен, он волновался всегда накануне, перед началом операции.

Один его приятель, известный боксер, рассказывал:

— На ринг иду, еле ноги передвигаю от волнения. Как только коснусь канатов рукой — все. Спокоен. Готов драться.

Вот и он сейчас коснулся канатов рукой.

— Долго еще? — спросил сзади Никитин.

— Лежи, — буркнул Быков, — скоро.

— Так ноги затекли.

— Терпи.

Поворот. Табличка с цифрой «сорок два».

Быков свернул на проселок. Начался лес.

Санитарная машина стояла, уткнувшись носом в сугроб. Женщина-военврач бежала навстречу «эмке», размахивая руками.

Данилов передернул затвор автомата. Он подался мягко и свободно. Патрон ушел в ствол. Быков затормозил, открыл дверцу, вышел.

У поднятого капота копался человек в ватнике.

— Что у вас? — спросил Быков с деланным равнодушием.

— Товарищ шофер, раненых везем, мотор барахлит, — просяще объяснила девушка.

«А она ничего, — подумал Данилов. — Из-за такой вполне можно потерять голову».

Быков подошел к машине.
— Ценности там? — спросил человек в ватнике.
— Да.
— Где Климов?
— На даче.
— Охранник?
— Фронтовик контуженый.
— Ясно. — Шофер открыл кабину, взял автомат. — Пошли.
— Вы его сами кончайте, я не могу, утром чай вместе пили.
— Смотри.
Данилов увидел человека с автоматом. Он был в ватнике, галифе и сапогах. Даже в этой одежде Лапшин выглядел красиво и нарядно.
Они шли с Кирой к машине, девушка похлопывала пальцами по кобуре.
Быков остался у санитарной машины.
Они повернулись к нему спиной, и Быков вынул наган.
— Стой, руки вверх, — скомандовал он.
Данилов нажал на дверь и вывалился в снег с автоматом. Сзади выскочили Никитин и Белов.
Лес ожил. Из-за деревьев, охватывая машину кольцом, шли вооруженные люди.
— Я — начальник отдела борьбы с бандитизмом Московского уголовного розыска подполковник Данилов, — Иван Александрович поднял автомат, — вы арестованы.
Лапшин оглянулся, увидел людей, идущих к дороге, и бросил оружие. Никитин подошел к Кире, расстегнул кобуру, достал ТТ.
— Не для вас эта игрушка, девушка.
— Внимание, — Данилов подошел к машине, — выкидывайте стволы и ножи и выходите по одному. Принимая во внимание особую опасность вашей банды, имею указание открывать огонь на уничтожение. Считаю до трех.
— Раз!
Дверь фургона распахнулась, и на снег полетели ножи, еще один автомат, две «лимонки», пистолеты.
— Все?
— Все, — ответил чей-то голос.
— Выходи по одному.

Бандитов обыскивали, надевали наручники. Оперативники сносили оружие в подъехавший грузовик.

Данилов почувствовал смертельную усталость, протянул автомат Быкову и пошел к машине...

За его спиной что-то хлопнуло, будто открыли бутылку шампанского. Острая боль пронзила тело, он повернулся и почувствовал второй удар и боль.

Последнее, что он увидел, — маленький, почти игрушечный, браунинг в руке у Киры и падающие на него деревья.

НИКИТИН

— Сука! — закричал он и кулаком сбил женщину на снег, потом наступил на руку с браунингом.

— В рукаве прятала. — Никитин поднял оружие. — «Клемент» 4,25.

Муравьев с Беловым, располосовав кожух и разорвав гимнастерку, перевязывали Данилова.

— Заводи, — крикнул Никитин Быкову, — здесь километрах в семи больница.

Голова Данилова лежала на коленях Никитина. Быков вел машину осторожно, старательно объезжал колдобины. Данилов широко открытыми глазами глядел в потолок. Лицо его заострилось и стало жестким и бледным.

ДАНИЛОВ (МАРТ)

Он открыл глаза и увидел бревенчатую стену и портрет Джамбула на ней. Солнце било в окно, и в палате было бело и радостно.

— Ну, слава богу, — сказала пожилая санитарка, — открыл глаза. Сейчас попить принесу. А то две недели в сознание не приходил.

Данилов смотрел в окно. С сосулек, прилипших к карнизу, падали золотые от солнца капли.

За стеной кто-то печально играл на гармошке. Мелодия была очень знакомая, только вот какая, Данилов вспомнить не мог.

Он лежал, закрыв глаза, ощущая на лице солнечное тепло. Заново привыкая к звукам и запахам. Заново привыкая к жизни.

1945

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭШЕЛОН

МОСКВА. 10—15 января

ДАНИЛОВ

Ветер разогнал облака, лопнувшие, словно мыльная пена, и тогда показалось солнце, круглое и нестерпимо яркое. Пронзительно засиял снег на крышах, а окна домов стали багрово-красными, как при пожаре. Казалось, что горит вся улица сразу.

Данилов открыл форточку, и мороз клубами пара ворвался в комнату. Тонко и легко зазвенели шары на елке, резче запахло хвоей. На старом градуснике за окном ртутный столбик застыл между цифрами «девятнадцать» и «двадцать».

Январь начался круто. Почти бесснежный, солнечный и яркий, он принес в Москву мороз и безветрие. Иван Александрович подождал еще несколько минут и захлопнул форточку. Все, теперь елка будет пахнуть хвоей несколько часов, и этот запах, пробиваясь сквозь тяжелый дым папирос, напомнит ему сегодня о детстве и тихих радостях.

Теперь надо поставить на столик, рядом с креслом, пепельницу, положить папиросы, сесть поудобнее и взять книгу.

Пять дней назад его вызвал начальник МУРа. Идя по коридору и готовясь к предстоящему разговору, Иван Александрович перебирал в уме все возможные упущения своего отдела и мысленно выстраивал схему беседы, проговаривал всю ее за себя и за начальника.

Он рассеянно здоровался с сотрудниками других отделов, но мысленно уже вошел в знакомый кабинет и сел около стола в жесткое кресло, «на свое место», как шутили его ребята.

Бессменный секретарь начальника Паша Осетров встал, увидев входящего в приемную Данилова. Его новенькие погоны даже в тусклом свете лампы отливали портсигарным серебром.

— Прошу вас, товарищ подполковник, товарищ полковник ждет.

С той поры как в милиции ввели погоны и персональные звания, Осетров ко всем обращался только сугубо официально.

На столе начальника горела большая керосиновая лампа под зеленым абажуром, и от этого в кабинете было по-прежнему уютно.

— Разрешите?

— Заходи, Данилов, садись. — Начальник достал из ящика стола тоненькую папку. — Стало быть, так.— Он хлопнул ладонью по картонному переплету. — Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Это точно, не знаешь. Пока. Здесь, Иван, все про тебя написано.

— Это кто же постарался?

— Гринблат.

— Из наркомата, что ли?

— Нет, Данилов, похуже.

— Оттуда? — Иван Александрович неопределенно махнул в сторону окна.

— Нет, там у тебя дружки нежные. Там за тебя генерал Королев стеной.

— Ну, тогда буду тонуть в пучине неизвестности.

— Как хочешь. — Начальник открыл папку. — Гринблат — профессор, светило в некотором роде. Он консультировал тебя во время медкомиссии.

И тут Данилов вспомнил здорового старика в золотых очках, к которому он попал на медкомиссии. У него был медальный профиль и кирасирские усы. Старик беспрестанно курил толстые папиросы и громогласно командовал врачами.

— Курите? — спросил он Данилова.

— Курю.

— Вредно. Надо бросить, если хотите дожить до глубокой старости.

— Так у нас вообще работа вредная. — Данилов покосился на пепельницу, полную окурков.

— Мне можно. — Профессор улыбнулся. — Какой

же интерес запрещать другим, если во всем отказывать себе?

Данилову старик явно нравился. Он был весел и совсем непохож на врача.

— Ладно, — профессор протянул ему портсигар,— закурите, но помните, что с сердцем у вас неважно.

— Это как же понимать? Плохо или совсем плохо?

— Если бы было плохо, я бы вас отправил в госпиталь. Неважно. — Старик, прищурившись, посмотрел на Данилова. — Давно беспокоит?

— С сорок второго.

— Лечились?

— Нет.

— Плохо. Это совсем плохо. Я выпишу вам лекарства, расскажу, как их надо принимать. Только помните: раз начали лечиться — лечитесь. Вам, — профессор заглянул в историю болезни, — сорок пять лет. С вашим сердцем еще можно жить и жить, только его поддерживать надо. Ясно?

— Ясно, — грустно ответил Данилов, старательно пытаясь вспомнить мудреное название болезни.

Когда он подходил к двери, старик крикнул ему в спину:

— Отдых, слышите, подполковник, отдых!

— ...Так вот, Данилов, — начальник полистал бумажки, — я в этом ничего не понимаю, но Гринблат настаивает на твоем отпуске. Я докладывал руководству, оно отнеслось с пониманием.

— То есть как это? — удивился Иван Александрович.

— А очень просто. Разрешено тебе отдохнуть аж целых десять дней. То-то. Видишь, какой ты у нас незаменимый, берегут твое здоровье. Сдавай дела и — марш домой.

— А как же?.

— А вот так же, мне генерал приказал: будет сопротивляться — домой под конвоем. Кому передашь отдел?

— Муравьеву. Зама вы же у меня забрали.

— Игоря выдвинем чуть позже, мы документы в кадры уже заслали.

— Хорошо, — Иван Александрович встал, — это дело. Парень расти должен, ему майора получать скоро.

— Странно у нас с тобой получается. — Началь-

ник прикрутил фитиль лампы. — Как хороший оперативник, так его на руководство. Пошли бумажки, сводки, и кончается сыщик...

— Это вы обо мне?

— О себе.

— А-а.

— Что акаешь? Я ведь дело говорю.

— Не мы эти порядки устанавливали.

— Это точно. Так ты дела передай сегодня же и — домой. А я прикажу, чтобы тебя никто не беспокоил. Лежи читай, в кино ходи, в театр. Когда последний раз в кино был?

— В сорок третьем.

— А я до войны. Но тем не менее ты сходи в кино, отвлекись.

— Схожу, — неуверенно ответил Данилов.

— Бодрости не слышу в голосе, Иван. Радости нет.

— Отвыкли мы от отпусков. Вы говорите — десять дней, а что я делать буду, не знаю.

— Разберешься. Ну, счастливо, жене кланяйся, будет у меня свободная минута — заскочу. Есть до́мато? — Начальник многозначительно щелкнул пальцами.

— Найду.

— Вот и хорошо. Отдыхай, Данилов.

В комнате стало темно, но он не зажигал света. На это надо было потратить массу усилий: встать с кресла, дойти до окна, опустить светомаскировку, потом вернуться назад и зажечь лампу. Двигаться не хотелось. Хотелось сидеть, смотреть в окно, ставшее почти черным. В квартире поселилась непривычная тишина, только на кухне звонко падали в раковину капли из крана.

Ему было хорошо сидеть вот так, бездумно, расслабившись. Старое кресло, мягкое и просиженное, названное почему-то «вольтеровским», удобно приняло его в свое уютное лоно и, казалось, несло куда-то сквозь полумрак и квартирную тишину.

Нет. Вставать положительно не хотелось. Нечасто за последние годы он мог так вот отдохнуть. С утра после завтрака сесть в кресло, взять пухлый том Алексея Толстого и читать не переставая, не останавливаясь. Найдя особо удачную фразу, Данилов опускал

книгу и повторял ее несколько раз, словно пробуя на вкус. И немедленно слова приобретали какой-то особый, дотоле непонятный смысл, звучали совершенно по-новому.

Он так и просидел до темноты, а когда читать стало невозможно, опустил книгу на колени, унесясь в далекий семнадцатый век.

Телефонный звонок был неожидан и резок. И пока Данилов шел к телефону, он подумал, что это первый звонок за весь день.

— Слушаю.

— Витя?

— Нет, скорее я Ваня.

— А Витю можно? — Женский голос был до предела игрив.

— Вот Вити-то у нас и нет.

«Ти-ти-ти», — запела трубка.

Вот теперь надо закурить. Данилов нащупал пачку папирос, чиркнул спичкой и с удовольствием затянулся. Телефонный звонок словно разбудил его, вернул в привычный мир, разрушил связь времен, так прочно приковавшую его к царствованию Петра. Что и говорить, этот первый за многие годы отпуск он проводит очень хорошо.

Данилов затянулся, но почему-то не почувствовал вкуса папиросы.

«Я же курю в темноте, а когда не видишь дыма, не чувствуешь вкуса табака».

Он пошел к окну, опустил маскировочную штору, зажег лампу. Что же дальше? Наташа придет часа через два. Есть не хочется. Почитать? Нет. Пока не надо. Так нельзя, слишком много для одного раза. Это как переесть вкусного. Что-то атрофируется. Может быть, погулять пойти? Эта мысль совсем развеселила Данилова, а вместе с тем он вдруг понял, что просто отвык от выходных. Разучился отдыхать, как другие люди.

Вчера вечером они с Наташей ходили в кино. Шел новый фильм «В шесть часов вечера после войны». Картина поразила Данилова своей полной отрешенностью от жизни. И хотя все это называлось музыкальной кинокомедией, Иван Александрович никак не мог понять, почему для этой цели режиссеру понадобилась именно военная тема.

На экране бравые командиры-артиллеристы, артисты Самойлов и Любезнов, затянутые новенькими ремнями снаряжения, командовали батареей сорокапяток. После первого же залпа поле покрылось огромными грибами разрывов. Когда дым на экране рассеялся, то зритель увидел искореженные, разбитые немецкие танки. Да и вообще война для авторов фильма была эдаким веселым пикником, на котором много поют, пляшут и иногда стреляют.

Они с Наташей шли домой по засыпанной снегом Пресне, и у Данилова никак не могло пропасть ощущение, что его обманули.

— Ну что ты такой надутый? Фильм не понравился?

— Не понравился.

— Ох, Ваня, до чего же ты трудный человек! — вздохнула Наташа. — Ты пойми, что это комедия, гротеск...

— Так вот пусть смеются над чем-нибудь другим. Война — дело жестокое, над ней смеяться нельзя.

— Но ты пойми, главная идея фильма — победа. Свидание влюбленных после войны. Ты подумай о своевременности фильма. Война еще идет, а мы уже говорим о победе.

— Я понимаю, — Данилов усмехнулся, — это все так. Но ведь можно было бы сделать по-другому. Без войны. Пускай герои говорят, пишут о ней, но не показывать сцен боя.

— Ох, Данилов, — вздохнула Наташа, — ты у меня ретроград и консерватор.

Иван Александрович тогда промолчал. Он не смог спорить с ней. Конечно, не ему судить о войне. В основном он видел последствия боев, выезжая на оперативные мероприятия в прифронтовую зону. Правда, ровно месяц он воевал в составе батальона московской милиции зимой сорок первого, под Москвой. Тогда-то он и увидел, что такое сорокапятка. Именно тогда под Волоколамском Иван Александрович сделал для себя горькое открытие, которое потом долго мучило его. За этот холодный и вьюжный месяц он понял, что недостаточно одной храбрости бойцов и командиров — нужна техника. Самоотверженность людей смогла остановить врага, а победить его смогла все-таки техника.

...Данилов погасил папиросу, вышел на лестницу, открыл почтовый ящик. Сегодня принесли «Правду» и

первый номер «Огонька». По старой привычке открыл четвертую страницу газеты. Итак, кино и театр. Кинокомедия «Сердца четырех» — «Метрополь», «Ударник», «Москва», «Колизей», «Художественный», «Шторм», «Форум», «Родина», «Таганский», «Орион», «Динамо», «ЗИС». Документальный фильм «К вопросу о перемирии с Финляндией» — «Метрополь».

«Новости дня» № 18—44 — «Новости дня», «Хроника».

«Дело Артамоновых» — «Наука и знание».

«Жила-была девочка» — «Метрополь», «Заря».

«Воздушный извозчик» — «III Интернационал».

«Степан Разин» — «Кадр».

«Актриса» — «Экран жизни».

«Гроза» — «Диск».

«Семнадцатилетние» — «Экспресс».

И опять «Жила-была девочка». В «Авроре» можно посмотреть. «За Советскую Родину», «Заключенные» шли в «Повторном».

В ЦДКЖ — гастроли Ленинградского театра комедии, в Театре оперетты — «Украденная невеста». Театр миниатюр показывал «Где-то в Москве», в цирке — «Сегодня и ежедневно заслуженный артист РСФСР А. Н. Александров — леопарды и черная пантера».

Данилов пробежал глазами объявления. Так, все понятно. Теперь первая страница.

«ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО
ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 10 ЯНВАРЯ

В течение 10 января северо-восточнее города Комарно наши войска с боями заняли населенные пункты Биня, Барт, Нова Вьеска, Перебете, Старая Дяла, Мартош и железнодорожные станции Нова Вьеска, Старая Дяла, Хетин, Комарно-Тэгельная (2 километра северо-восточнее города Комарно). За 9 января в этом районе наши войска взяли в плен более 800 немецких солдат и офицеров. В Будапеште наши войска, сжимая кольцо окружения немецко-венгерской группировки, с боями заняли крупнейший заводской район Чепель и остров Обудай с судостроительными верфями. За день боев нашими войсками занято в городе свыше тысячи кварталов. В боях в районе города Будапешта за 9 января взято в плен более 3000 немецких и венгерских солдат и офицеров. Северо-западнее и западнее Буда-

пешта атаки пехоты и танков противника успешно отбивались нашими войсками. За 9 января в этом районе подбито и уничтожено 40 немецких танков.

На других участках фронта существенных изменений не было».

Он положил газету, взял «Огонек». На всю обложку портрет Грибоедова, на развороте фотография «На дорогах Венгрии». Бесконечная толпа пленных венгерских солдат, небритых, в мятых шинелях, в пилотках, натянутых на уши. И сразу же память вернула его в жаркий июньский день прошлого, сорок четвертого года, когда по улицам Москвы вели немецких пленных. Огромная колонна растянулась по всей улице Горького. Голова ее была на площади Маяковского, а хвост — на Ленинградском шоссе.

Данилов стоял у кукольного театра у самой бровки тротуара, он был в форме, и поэтому ему удалось стать ближе к мостовой. Улицы были заполнены москвичами, люди сидели даже на крышах домов. Впереди колонны шли генералы и старшие офицеры. Эти еще пытались бравировать, были подтянуты, выбриты, кое-кто с моноклями. Они делали вид, что ровно ничего не случилось и что привели их сюда просто на прогулку. За ними шла безлико-серая масса, поражающая своим однообразием. Данилов внимательно вглядывался, но так и не мог запомнить ни одного лица. И, пропуская мимо себя шеренги небритых, неопрятных людей, он вспоминал октябрь 1941 года, почти пустые улицы Москвы, кучи сожженных бумаг во дворах. Тогда немцам не удалось войти в Москву. Теперь их ведут по улицам солдаты полка НКВД.

Данилов закрыл журнал и пошел надевать сапоги, он все же решил пройтись, хотя сама мысль об этом казалась ему смешной.

МУРАВЬЕВ (утро того же дня)

Игорь дописывал справку. Начал писать ее еще Данилов, но перед уходом в отпуск он положил перед Муравьевым несколько исписанных страниц и сказал:

— С сего дня согласно приказу по управлению я числюсь в десятидневном отпуске. Так что этот труд допишешь ты как мой заместитель.

— Как дописывать труд, — ехидно заметил Игорь,— так я заместитель, а как жалованье получать — все старший оперуполномоченный.

— Тебя, Муравьев, погубит жадность. Не в деньгах счастье, товарищ капитан.

— Но с ними, товарищ подполковник. Справку я, конечно, допишу, но, как вам известно, моя жена, Инна Александровна, врач, она мне тоже найдет какую-нибудь болезнь.

— Это ты правильно решил. Сходи к врачу, здоровье надо беречь именно в твоем цветущем возрасте, а не лакать с Парамоновым водку в парке «Сокольники» и коммерческом ресторане «Москва».

— А вы откуда знаете? — Игорь густо покраснел.— Ну правда, Иван Александрович, кто стукнул?

— Хорошие люди.

— Так мы вовсе не водку пили, а пиво.

— Ой ли?

— Подумаешь, одну бутылку всего.

— Вот ты к врачу и сходи, пусть он тебя от пьянства вылечит, — улыбнулся Данилов. — Мне Инна звонила, я сказал, что ты был у меня. Запомни это, я твою молодую семью сохранил, так что теперь ты за меня все справки писать будешь.

— Буду, ой буду, Иван Александрович, — засмеялся Игорь, — а то я удивился, чего она не ругалась.

— Запомни: не тот друг, с кем водку...

— Пиво, ей-богу, пиво.

— Ну, пусть пиво.

— Вас понял, а предателя Парамонова...

— Ты на него не клепай, он мужик — кремень, другие вас видели, совсем другие люди.

Первые пять дней Муравьев так и не брался за эту справку, но сегодня утром ему позвонил из ГУББ наркомата полковник Серебровский, которого в прошлом году перевели из МУРа, и сказал, что справка не позже завтрашнего дня должна лежать на столе начальника главка. Игорь бросил все дела, заперся в кабинете Данилова и начал дописывать проклятую справку. К десяти часам голова у него начала гудеть, а перед глазами прыгали бесконечные проценты и цифры.

Он так и не дописал последней страницы, когда зазвенел телефон спецсвязи.

— Муравьев.

— Дежурный Попов. В Зачатьевском, дом пятнадцать, вооруженное нападение на работника милиции. Тебе приказано срочно выехать. Машина у подъезда.

УЧАСТКОВЫЙ ИНСПЕКТОР МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СОКОЛОВ

Когда Соколова назначили на этот участок, начальник отделения сказал:

— Мы, младший лейтенант, посоветовались и, принимая во внимание ваши фронтовые ранения, решили дать самый тихий участок, район Зачатьевского монастыря.

Соколов не спорил. Тихий так тихий. Он даже обрадовался этому. Опыта-то у него милицейского не было вовсе. В сорок первом служил на румынской границе, но не на заставе, а в маневренной группе. Воевал как все. Отступал от Днестра до Одессы, оттуда на Кавказ. Но тем не менее везде нес службу свою пограничную. Был старшиной заставы, только именовалась она заставой по охране тыла действующей Красной Армии. Они контролировали рокадные дороги, охраняли железнодорожные узлы, прочесывали тыловые леса. Служба была нелегкой. Банды, дезертиры, диверсанты. Всякое случалось. Ведь не зря получил он два ордена и четыре медали. Но, кроме этого, дважды куснула его пуля. Один раз отлежался в медсанбате, а вот после второго ранения уволили вчистую. В военкомате, когда становился на учет, предложили пойти на курсы при милиции. Пошел. Проучился четыре месяца, стал младшим лейтенантом.

Участок его действительно был спокойным. Тихие переулки, заросшие травой, остатки монастыря, две керосиновые лавки, филиал дровяного склада, булочная, три магазина-распределителя. Мужчин почти не было — все на фронте, мальчишки постарше, живущие в его домах, работали на маленьких соседних заводиках. Делали там стабилизаторы для мин, деревянную тару для снарядов, кожухи к пулеметам «максим».

За год он перезнакомился со всеми, кто жил на его участке, и знал точно: если в третьем распределителе скандал — значит, это Анна Махоркина, зловредная тетка.

Если диким голосом кричит хромой Хасан с дровяного склада — значит, опять набезобразничали пацаны с Кропоткинской, если у Насти, буфетчицы в единственной пивной на его участке, глазки словно катаются в масле — значит, пиво она продает «балованное».

И он заходил к Махоркиным и беседовал с Анной, стыдил ее, что не к лицу жене фронтовика устраивать скандалы в магазине, вызывал к себе в комнату при домоуправлении родителей пацанов, нашкодивших на дровяном складе, крепко штрафовал буфетчицу, грозясь возбудить уголовное дело. Да разве мало забот у участкового, да еще в городе, да во время войны. Был случай, пришлось применить оружие, дважды в магазине с поличным взял карманников, крадущих у людей карточки. Разное было.

С давних пор, с пограничной службы, все, что интересовало, записывал Василий Соколов в тетрадку, так он поступал и в милиции. Приедет новый человек, он его заносит в свою «черную книгу», все у соседей о нем узнаёт, на работе деликатно проверяет. Никуда не денешься — дело военное. Так попал к нему в тетрадь гражданин Судин Илья Иосифович, 1897 года рождения, инвалид труда, ранее несудимый, работающий уполномоченным Управления колхозов Азербайджанской ССР по снабжению продовольствием и мануфактурой областей БССР, восстанавливающихся после оккупации.

Илья Иосифович поселился в Первом Зачатьевском переулке, дом пятнадцать, квартира шесть. Человек он был в районе примечательный. Зимой ходил в кожаном пальто на меху, пыжиковой шапке, белых бурках, обшитых желтой кожей. Он часто ездил в Баку и Белоруссию, привозил домой мешки с сухофруктами, делился с соседями, говорил, что родственники из Баку подбрасывают. Соколов, внимательно наблюдая за его квартирой, отметил, что образ жизни Судин ведет замкнутый, гостей у себя принимает редко, сам, когда бывает в Москве, в основном сидит дома или уходит куда-то с военным в форме летчика.

Соколов побывал в постпредстве Азербайджана, поговорил с кадровиком, тот о Судине толком ничего сказать не смог, дал личное дело. Соколов его прочитал, выписал кое-что. А вот зачем? Да просто так, не

нравился ему Илья Иосифович, и все тут. Спроси почему — участковый бы не ответил. Вежливый, здоровается с ним приветливо, на чай приглашал, соседи о нем хорошо говорят. А вот что-то было в нем не то.

Когда Соколов встречал этого розовощекого, добродушно улыбающегося человека, не мог он поверить, что получил Судин инвалидность на Магнитке, не верил, что съедает его застарелый туберкулез.

О своих сомнениях доложил он начальнику угрозыска отделения капитану Платонову. Тот выслушал его, попросил написать рапорт, сказал, что разошлет запросы. Но по нынешним временам бумаги идут долго.

— Жди, — сказал капитан участковому, — работаешь правильно.

Несколько раз приезжали к Судину машины. Все номера их на всякий случай Соколов тоже записал. Мало ли что. Вдруг понадобится.

10 января он в отделение пришел, как всегда, к восьми утра.

— Здорово, Соколов, — дежурный пожал ему руку, — там тебя дворничиха дожидается.

В коридоре на истертой до блеска деревянной скамье сидела дворничиха из дома пятнадцать. Ждала она его недолго, как заметил Соколов, снег у нее на валенках так и не успел растаять.

— Ты чего это, Климова, в такую рань?

— Да как же, Василий Андреевич, несчастье у нас какое. Жилец-то из шестой...

— Судин, что ли?

— Он самый, Илья Иосифович, по делам уехал, а у него что-то с газом. Видать, горел, он не выключил, а знаете, как теперь, газ-то по три раза на день перекрывают. Вонища на всю лестницу.

— А я тебе, Климова, зачем? — Соколов начал расстегивать шинель. — Я же не слесарь.

— Так слесаря я позвала. А он ни в какую, говорит, без милиции не пойду. Мало что пропадет или еще как.

— Это он, пожалуй, прав. — Соколов застегнул шинель. — А почему ты знаешь, что жильца нет?

— Так я и в дверь звонила, и по телефону.

— Какой у него номер?

— Г-1-74-78.

— Пойду сам позвоню.

Соколов вышел в дежурку, набрал номер. Двадцать раз басовито и длинно пропела трубка.

«Надо идти, — подумал участковый, — а то, не дай бог, газ скопится, замкнет где электричество, одна искра — и весь дом на воздух».

Идти не хотелось, он добирался до работы из общежития на Шабаловке с двумя пересадками, в трамвае было холодно, как в погребе. Он продрог в подбитой «рыбьим мехом» синей милицейской шинели, ноги в сапогах сделались дубовыми, а главное, от холода у него длинно и мучительно ныло раненое плечо. Но ничего не поделаешь: идти было надо.

— Я в дом пятнадцать, в Первый Зачатьевский, — сказал Соколов дежурному, — там с газом что-то.

— Ладно. — Голос у дежурного был вялый и сонный.

Соколов вышел на улицу, и холод снова сдавил его железным обручем. Снег визжал под подошвами сапог, переулок, заваленный сугробами, казался синим. Где-то за Москвой-рекой, над башенкой монастыря, появилась мутноватая светлая полоска, оттуда в город приходил рассвет.

Соколов шел быстро, и дворничиха в тяжелом тулупе и огромных валенках едва поспевала за ним.

— Ох, — вздохнула она, когда переулок, выгнув горбатую спину, резко пошел вверх, — заморил ты меня, Андреич, жарко.

Соколов, скользя кожимитовыми подошвами, мысленно ругал мальчишек, раскатавших спуск и превративших его в сплошной каток. Он так и не согрелся, дойдя до холодного подъезда дома пятнадцать.

— Слесарь-то где, Климова?

— Ждет наверху.

На площадке второго этажа стоял резкий запах газа, у стены на чемоданчике сидел слесарь.

— Здорово, участковый.

— Здоров, Петрович.

Соколов повернул звонок.

— Не стоит. — Слесарь встал. — Я уже раз десять звонил, без толку.

— Ну, что будем делать? — спросил Соколов.

— Ты власть, тебе и решать.

— Тогда давай попробуем эту дверь вскрыть.

— Тяжеловато. — Слесарь громыхнул спичечным коробком.

— Ты что, Петрович, сдурел, дом взорвать хочешь?

— И то...

— Погоди.

Соколов достал карманный фонарь. Узкий луч пробежал по рваному дерматину двери, осветив четыре замочные скважины.

— Видишь, — вздохнул слесарь, — то-то и оно. Замки-то у него лабазные, ручной работы, из нержавейки. Сам делал.

— Что, замки?

— Да нет. Вставлял. Тяжелые замки.

— Так какой же ты слесарь, раз их открыть не можешь? — разозлился Соколов.

— Это кто не может? Я? — В голосе Петровича сквозила явная обида. — Да если хочешь знать, я по молодости на заводе работал, где для сейфов запоры делали.

— Ты еще про Ивана Грозного вспомни, — зло буркнул Соколов.

Теперь только он начал понимать всю серьезность положения. Газ шел, остановить его было невозможно, в любой момент мог вспыхнуть пожар.

— Посвети-ка мне, — попросил Петрович.

Соколов осветил чемодан, набитый разводными ключами, какими-то металлическими щупами, молотками и отвертками. Петрович, покопавшись минут пять, вынул отмычку, повертел ее в свете фонаря и буркнул что-то непонятное.

— Что? — спросил Соколов.

— А ничего, давай свети на дверь.

Участковый осветил дверь.

— Да не сюда, ниже, — ворчливо сказал Петрович, — вот там, где английский.

Он сунул отмычку в скважину замка, покрутил ею, и вдруг дверь мягко подалась.

— Не закрыл все замки-то... — изумился слесарь.

— Стоп, — скомандовал Соколов, — вы стойте на лестнице, я захожу один.

Он шагнул в пахнущую газом темноту квартиры, повернул налево по коридору и толкнул закрытую дверь кухни. Сначала он ничего не заметил, а только нащупал рукой газовую трубу, нашел кран и повернул его.

Потом шагнул к окну, чтобы раскрыть форточку, и обомлел. На полу, прислонившись спиной к плите, сидел человек. Соколов толкнул раму окна и при сером свете утра увидел остекленевшие глаза и белую полоску зубов. Участковый наклонился, взял руку Судина, она была так же холодна, как и снег за окном.

Стараясь ступать осторожно, Соколов вышел в прихожую.

— Климова, — крикнул он, — только не заходи. Здесь дело темное, и ты, Петрович, стойте на лестнице, понадобитесь в качестве понятых.

— Ой, — испуганно вздохнула дворничиха, — а что же там, Андреич?

— Труп там хозяина, такие дела. Где телефон?

— Да в коридорчике на стене.

Сквозняк выдул газ, и Соколов все же решился зажечь фонарик. Он нашел телефон, набрал номер.

— Дежурный! У меня труп. Первый Зачатьевский, пятнадцать, квартира шесть. Обеспечу, жду.

Он повесил трубку и вышел на лестничную площадку. Теперь согласно инструкции он никого не должен был впускать в квартиру.

Через десять минут приехал Платонов и два оперативника.

— В прокуратуру я позвонил, — сказал капитан, — следователь скоро будет. Собаку не брали, незачем, а вот эксперт наш заболел, но ничего, сами попробуем. Понятые где?

— На лестнице, товарищ капитан.

— Молодец, Соколов, зови их в квартиру да спустись в автобус за чемоданчиком эксперта.

Капитан скинул командирский полушубок и остался в ладно сидящем кителе.

— Давай, Соколов.

Хотя в комнатах был сквозняк, тяжелый запах газа все же плыл по квартире.

— Это же надо, знал бы, противогазы взял, — сказал Платонов. — Ну, приступим.

В дверь позвонили. «Зачем Соколов дверь захлопнул?» — подумал капитан и пошел открывать. Замок поддался сразу. Все остальное произошло стремительно и страшно. Платонов увидел человека в коротком полушубке, он еще не успел среагировать, как тот выстрелил в него, не вынимая руки из кармана. Пуля оца-

рапала плечо, дверь захлопнулась. Но на этот раз проклятый замок не поддавался.

Соколов поднялся на первый этаж, когда в квартире приглушенно хлопнул выстрел, грохнула дверь, кто-то, прыгая через ступеньки, побежал вниз по лестнице. Участковый бросил чемодан и рванул из кобуры пистолет. Но он не успел его поднять. Неизвестный выстрелил раньше. Соколов, отброшенный к стене горячим свинцом, падая, все же собрал остатки сил и тяжело рухнул на бегущего человека, захватив его руку последней смертельной хваткой. Он не слышал, как сбежали сверху оперативник и капитан, как прибежал шофер. Он уже ничего не слышал. Только в уходящем сознании билась мысль: «Не пущу!», «Не пущу!», «Не...» Он уже не чувствовал боли, не чувствовал пуль, входящих в него и разрывающих тело. Он умер, так и не разжав рук.

МУРАВЬЕВ

Когда их машина подъехала к дому, двое санитаров выносили из дверей носилки, покрытые белой простыней. Игорь увидел только каблуки сапог со сбитыми металлическими косячками и свисающую из-под покрывала руку, залитую кровью.

Во дворе толпились жильцы, с жадным любопытством разглядывавшие санитаров, муровскую машину, сотрудников милиции.

У дверей подъезда стоял милиционер.

— Второй этаж, товарищ начальник. — Он четко козырнул.

— Кто там?

— Следователь прокуратуры товарищ капитан Платонов, задержанный и понятые.

Игорь, оперуполномоченный Белов, эксперт и врач вошли в подъезд. На площадке первого этажа стоял второй постовой, кусок лестницы был покрыт брезентом.

«Молодец Платонов, — подумал Игорь, — все предусмотрел, видимо, здесь-то и убили участкового».

Он осторожно обошел брезент и поднялся в квартиру. В коридоре гуляли сквозняки и пахло газом.

— Что это у вас, — спросил Игорь Платонова, — труба, что ли, лопнула?

— Да нет, хозяин газом отравился.

— Где тело?

— На кухне.

— Илья Маркович, — повернулся Игорь к медэксперту, — начинайте. Задержанный?

— Там. — Платонов кивнул головой на дверь.

Муравьев вошел в комнату. У стены на стуле сидел парень на вид лет семнадцати, в разорванном коротком полушубке, руки, скованные наручниками, были завернуты за спинку стула. Задержанный поднял голову, и первое, что бросилось в глаза Игорю, — рассеченная губа, которую тот все время облизывал, и глаза с огромными зрачками, смотревшие куда-то мимо него, Муравьева.

За столом, раскладывая бумажки, сидел закутанный в толстый шерстяной шарф старичок.

— Следователь райпрокуратуры Чернышов Степан Федорович, — сказал за спиной Платонов, — а это, Степан Федорович, товарищ Муравьев из ОББ.

Следователь закивал головой, привстал и выдавил из себя что-то типа «очень рад».

На столе среди бумаг лежал офицерский планшет, ремень с кобурой, красным пятном на скатерти выделялась книжка-удостоверение и два пистолета.

Игорь подошел к столу, взял в руки оружие. «Фроммен» 7,62 и маузер 6,35. Из ствола «фроммена» кисло пахло порохом. Игорь вынул обойму, выщелкнул на ладонь патроны. Три. Значит, этот парень стрелял пять раз. И, словно угадав его мысли, Платонов сказал:

— В меня раз, самым жиганским методом, прямо из кармана, остальные в Соколова.

— Так. — Игорь внимательно посмотрел на задержанного, на этот раз он не показался ему таким молодым. У него было странное лицо порочного мальчика.

— Документы его где?

— А вот, пожалуйста. — Чернышов подвинул Игорю истрепанный паспорт и какие-то справки.

Так, Кузыма Сергей Казимирович, год рождения двадцать второй, место рождения — село Гольцы Пинской области, из колхозников, паспорт выдан Пинским ОУНКВД БССР, подпись, печать. Паспорт прописан:

Пинск, Станиславская, 5. Справка: «Дана настоящая Кузыме С. К. в том, что он освобожден от военной службы по состоянию здоровья (эпилепсия). Подпись райвоенкома, печать.

Пропуск в Москву. Все тоже вроде в порядке, цель поездки — лечение. Пропуск-то туфтовый. Реквизиты не те. Прошлогодние реквизиты.

— Игорь Сергеевич, — крикнул эксперт, — можно вас на минуточку?

Игорь вышел на кухню. Труп хозяина лежал на боку, казалось, что он просто пьян, просто вошел, упал и уснул до утра.

— Ну как?

— Вот в чем дело, — сказал эксперт, — на бутылке вина отпечатков нет никаких. Отпечатки только на его стакане, на кранах плиты тоже нет ничего.

— Что же это он, сначала газ включил, потом все вытер? Предусмотрительный самоубийца. Что еще?

— Плитка шоколада с прикусом в вазочке, слепок мы потом сделаем на Петровке. Слесарь говорит, товарищ Муравьев, что звонок слышал, когда у двери сидел, вроде как бы будильник звенел.

— А может, телефон?

— Да нет, звук непрерывный и резкий, а телефон в квартире звонит иначе. Я посмотрел: будильник поставлен на восемь часов.

— Давайте проведем следственный эксперимент.

— Так, — внезапно сказал эксперт, осматривающий пол под столом, — есть.

— Что?

Эксперт осторожно поднял пинцетом женскую заколку с камнем, положил ее на стол, начал разглядывать в лупу.

— Заколка черепаховая с брильянтом, работа старинная.

— Много ты понимаешь, — усмехнулся Игорь.

— А вы не смейтесь. Приедем на Петровку, я точно докажу.

Вот теперь все стало абсолютно непонятным. Если поначалу Игорь думал, что в квартиру Судина ворвался случайный налетчик, ничего не знавший о том, что хозяин кончил жизнь самоубийством, то теперь самоубийство отпадало полностью, по делу проходил некто неизвестный, возможно женщина. А может, она посла-

ла Кузыму за заколкой? Отпадает. Он бы не стал тогда звонить в дверь. Так при чем же здесь этот эпилептик из Пинска? И зачем женщина убила Судина? Да и вообще, кто такой был Судин? Только узнав это, можно было понять, почему пришел Кузыма и зачем убили хозяина квартиры.

Игорь вышел в комнату. Там все было по-прежнему. Чернышов что-то писал, задержанный сидел, не подымая головы, в углу затихли понятые.

— Ну что, Степан Федорович, — спросил Муравьев, — начнем обыск?

— Приступайте.

— Белов, бери людей, начинайте обыск. Задержанного на Петровку.

Сергей и оперативники разошлись по комнатам. Началось самое сложное — найти улики среди этих на первый взгляд мирных, ничего не говорящих вещей.

Игорь не вмешивался, он вполне доверял сотрудникам, по собственному опыту зная, как неприятно работать, когда у тебя над душой стоит начальство. Переходя из комнаты в комнату, он фиксировал детали, обращал внимание на мелочи. Так всегда делал Данилов. Еще в сороковом году он учил Игоря, что главное в работе оперативника — обыск. Иногда любой, на первый взгляд самый незначительный предмет, катушка ниток или старая пробка от духов могут рассказать больше о хозяине квартиры, чем самый тщательный опрос свидетелей.

И вот сейчас, глядя на вещи, доставаемые из шкафов и комодов, Муравьев понимал, что кто-то до них здесь что-то очень тщательно искал. Часто бывая на обысках, он привык к этой неприятной, но тем не менее неизбежной работе оперативника. Привык, что перед ним раскрывалась чужая жизнь, никому дотоле не известная. Привык и смирился с этим, как не останавливаешь себя, когда с любопытством заглядываешь в освещенные окна чужих квартир на первом этаже.

— Игорь, — к нему подошел Белов, — мне кажется, что до нас здесь что-то искали.

— Отпечатки?

— Не видно, эксперт все внимательно посмотрел. Наверное, работали в перчатках.

— Ты обратил внимание на чемоданы в шкафу?

— Да.

— Сколько их?

— Два.

— Там был третий. — Они подошли к шкафу. — Смотри, вещи вывалены в угол. А судя по всему, покойный был мужик аккуратный. Кроме того, носильных вещей нет. Никаких, кроме старого френча. Позови-ка сюда дворника.

— Звали, товарищ начальник? — Дворничиха стрельнула любопытными глазами по сторонам.

— Скажите, у покойного были хорошие вещи?

— Да вон их сколько, целая гора.

— Нет, не это, я имею в виду костюмы, пальто.

— А то как же, он одевался здорово.

— Вы не могли бы припомнить, что именно у него было?

— Перво-наперво, товарищ начальник, пальто кожаное на меху, потом костюмы, летний, коричневый, и синий, уж не знаю из какого материала, плащ габардиновый. Боле не припомню. Да, халат у него был еще шелковый полосатый. Я ему телеграмму передала, так он в ём был.

— Этот?

— Он самый.

Игорь сунул руку в карман халата, вынул телеграмму.

«Буду Москве завтра остановлюсь обычно у З.».

— Приобщи к делу.

— Есть! Нашел! — крикнул Платонов. — Муравьев!

Игорь вышел в другую комнату. Оперативники возились у плинтуса подоконника.

— Я смотрю, — возбужденно говорил Платонов, — вроде все плинтусы нормальные, а в этом какая-то шляпка торчит. Почистил, нажал, вроде винт. Вывинтил, плинтус-то поддается.

— Погоди, не снимай, позовите понятых и следователя.

Под подоконником, в глубоком тайнике, были найдены пачки денег, желтый металл, похожий на золото, и двенадцать коробок с ампулами морфия.

Обыск окончился. Вещдоки запаковали и отправили на Петровку. Протоколы были составлены, понятые расписались. Но Муравьев все же не уходил, что-то еще задерживало его в этой квартире. Вот только что, он никак не мог понять. Еще раз осмотрел комнаты,

кухню, туалет. Смущало, что в квартире не было найдено ни одной записной книжки, ни одной бумажки с номерами телефонов. И вообще никаких бумаг не было. Кто-то унес все. Письма, блокноты, записки. Тот самый бумажный мусор, который подчас оказывает следствию неоценимую услугу. Для Игоря так и осталось непонятным, где покойный хранил свой архив и деловые бумаги. Ну, насчет телефонов дело вполне объяснимое. Он и сам не пользовался книжкой, держал в памяти десятки телефонов и адресов. Видимо, бумаги покойного тоже забрали. Унесли в том самом чемодане, вместе с костюмами и кожаным пальто.

— Послушай, Платонов, когда этот парень ворвался в квартиру?

— Около девяти.

— Его должны были видеть. Кто-то обязательно его видел.

— А зачем нам это?

— А если он был не один?

— Погоди, Муравьев, погоди. Егоров! — крикнул Платонов оперуполномоченному. — Позови Климову.

Дворничиха пришла минут через пять.

— Звали?

— Звали. Да ты садись. Вот подумай, кто около девяти утра мог быть в переулке?

— Да кто же его знает, начальник, я же не гадалка.

— Как продавщицу из керосиновой лавки зовут? — спросил Платонов.

— Вера Симакова.

— Она во сколько открывает?

— В девять.

— А приходит-то раньше.

— Твоя правда, товарищ начальник, вот что образованность-то значит...

— Вы проводите нашего сотрудника к этой Вере, — вмешался Муравьев, — только скоренько, ладно?

БЕЛОВ

Над переулком повисли голубые сумерки. Небо было чистым, и первые неяркие звезды, словно лампочки, зажженные вполнакала, висели низко над крыша-

ми домов. Снег завалил старенькие особняки до наличников окон, деревянные колонны у входа, покрытые инеем, серебрились и казались частью сугробов.

Сергей после пропахшей газом квартиры с наслаждением вдохнул морозный воздух. Вдохнул так глубоко, что у него защипало в носу, будто он залпом выпил стакан боржоми.

Они спустились с накатанной горки и почти уперлись в дворик. В глубину его вела вытоптанная между сугробами дорожка, она оканчивалась у маленького сарайчика.

— Вот она, керосинка, — сказала Климова.

— Благодарю. Вы можете идти, — ответил Сергей.

— М-может, еще чего...

— Тогда вас вызовут. — Он толкнул набухшую дверь.

В лавке было холодно и отвратительно воняло керосином. Рядом с огромной бочкой на скамеечке, положив на колени литровый черпак, сидела женщина, по глаза закутанная в платок. На ней был огромный овчинный тулуп, перетянутый веревкой, и валенки, облитые красной резиной.

— Давай бидон и талоны, — хрипло крикнула она,— а то закрываю. Я в такой мороз не нанялась здесь без вылазу сидеть.

— Милиция. — Сергей достал удостоверение.

— Это еще зачем? Керосин не пиво, его не разбавишь.

— Я по другому вопросу.

— Ну давайте. — Женщина встала, и Сергею показалось, что она ничуть не меньше бочки с керосином.

— Вас зовут Вера?

— Вера Анатольевна Симакова.

— Спасибо. Скажите, Вера Анатольевна, когда вы шли на работу?

— Я в девять открываю. Живу на Арбате в Малом Афанасьевском, так что из дома в восемь выхожу. А что?

— Когда вы шли на работу, вы никого не встретили у дома пятнадцать?

— А правда, что барыга этот, из шестой квартиры, нашего участкового убил, Василия Андреевича?

— Почему барыга?

17. Заказ № 3884

— Форменный, да ты погляди на него, одет в кожу, бурки-чесанки, рожа лоснится.

— Убили, это правда, но не он.

— Вечная ему память, хороший человек был, хоть и милицейский, душа в нем имелась, недаром фронтовик, с наградами.

— Так как же, Вера Анатольевна, вы встретили кого-нибудь?

— Ясно дело. Витьку Шабалина из третьего дома, он в аптеку бежал, Гусеву Надежду с набережной...

— Вы меня не поняли, я имею в виду незнакомых людей.

— Ну а из незнакомых военный шел.

— Какой военный?

— Известно какой. Пальто на нем кожаное с погонами и шапка высокая.

— Такая, как у меня?

— Да тебе до такой шапки как медному котелку служить, я ж говорю: высокая, из каракуля.

— Папаха!

— Вот точно, папаха.

— А какие у него были погоны?

— Известно, золотые.

— Вы в темноте разобрали?

— Да я его раза три с этим жуликом из шестой квартиры видела, он мне раз даже сумку до троллейбуса помог донести. Летчик, одним словом.

У Сергея неприятно защемило под сердцем. Он весь напрягся и задал главный вопрос:

— Он один был?

— Нет, с ним паренек шел в полушубке коротеньком. Маленький, вертлявый.

— Вы бы могли его узнать? — еле сдерживая себя от волнения, спросил Белов.

— А то нет, он меня так толкнул, что я чуть с этой горушки не загремела. Я ему говорю: «Ты чего же, ирод, делаешь?» А он мне: молчи, мол, сука старая. Это я-то старая, мне и тридцати-то нет.

— Ну а дальше?

— А что дальше-то? Я лавку пошла отворять, а они у дома пятнадцать остановились.

— Давайте я запишу все, что вы мне рассказали.

— Записывайте, если надо, если поможет это тех, кто нашего Андреича убил, поймать.

Через полчаса Сергей вышел из лавки. Переулок был пуст. Даже вездесущие мальчишки сидели по домам. Он медленно шел в сторону Кропоткинской, любуясь заиндевевшей стеной монастыря, в ее проломах росли маленькие деревца, и ему казалось, что он идет не по Москве, а мимо разрушенного раскольничьего скита.

Он еще не знал, что Муравьев все же нашел то, что искал. Рядом с телефоном, на стене, карандашом был нацарапан номер телефона, а под ним буква З.

ДАНИЛОВ

Он вышел из дома, еще ничего не зная о том, что произошло в Зачатьевском переулке. Идя гулять, Иван Александрович даже предположить не мог, как это утро, морозное и прекрасное, переменит всю его жизнь, сколько забот доставит сегодняшний день и что долго роман «Петр I» будет лежать заложенным на двухсотой странице. Отойдя от дома метров триста, он вдруг вспомнил, что забыл пистолет. И хотя Данилов пытался убедить себя, что в этот тихий морозный вечер оружие ему не понадобится, многолетняя привычка взяла свое, и он повернул к дому.

У его подъезда стояла машина начальника МУРа. Начальник что-то говорил шоферу.

— А, отпускник, — обрадованно сказал он, — гуляешь?

— Дышу.

— Это правильно.

— Что случилось?

— А ничего, говорил, что заеду, вот и выбрал время.

– Ну, что стоим, пошли в дом.

— Пошли, пошли, посидим поговорим. — Голос начальника был неестественно весел. — Ты мне скажи, Данилов, — продолжал он, — отчего это в подъездах даже зимой котами воняет? Неистребимый московский запах. Я вот в тридцать девятом во Львове был, после присоединения, там этого и в помине нет. Я даже спросил одного поляка: у вас что, кошек нет? А он засмеялся и отвечает: они, мол, у нас иначе воспитаны. Культуришь-европеешь. Так-то вот.

Начальник говорил что-то необязательное совсем и веселое, но Иван Александрович уже не слушал его.

Медленно поднимаясь по ступенькам, он думал о том, что всему хорошему приходит конец, о недочитанной книге на столе и о своем друге, живущем в Архангельском, к которому он хотел поехать завтра, немного погулять по бывшему Юсуповскому парку, походить по упругому льду павшинских прудов, посмотреть настоящую зиму.

— Дела, — ворвался в его мысли голос начальника, — поднялся на третий этаж... и одышка.

— Это от тулупа, — успокоил Данилов, — одышка у тебя еще в сорок первом кончилась.

— Что было, то было. Ведь подумай только, при моей-то росте я девяносто семь килограммов весил.

— А сейчас?

— Сейчас я как олень — поджар, мускулист и строен. Вчера в бане стал на весы — семьдесят девять. Фонарик засветить?

— Да нет, я уже. — Данилов вставил ключ в замочную скважину, повернул. — Прошу. — Он посторонился, пропуская гостя.

— Свет-то зажги.

Данилов щелкнул выключателем.

— Да, — начальник оглядел коридор, — вещей-то у тебя не прибавилось.

— А откуда им взяться-то при наших деньгах? Да ты раздевайся. — Во внеслужебное время они звали друг друга на «ты», вернее, Данилов начальника, тот на «вы» называл только задержанных, считая это своеобразной этикой сыска.

Начальник снял полушубок, повесил папаху, и Данилов невольно залюбовался им, он был таким же, как в те далекие двадцатые годы. В гимнастерке, туго перехваченной ремнем, в фасонных галифе, в начищенных до синеватого блеска сапогах. Только голова его стала белой, появились ордена на груди, новенькие полковничьи погоны отливали серебром.

— Ну что уставился, веди, — улыбнулся начальник. И улыбка у него была все та же, молодая и чуть грустная.

— Куда пойдем, в комнату или на кухню?

— На кухню, только туда. Постой-ка, Данилов, у тебя там елка?

— Елка, — почему-то смутился Иван Александрович.

— Тогда, если можно, к ней. Я под елкой-то с молодых ногтей не сидел.

— Проходи в комнату, я сейчас по хозяйству.

— А где Наталья?

— Через час будет.

— Это славно. Значит, успеем поговорить до ее прихода.

Готовя на кухне немудреную закуску, Иван Александрович думал о предстоящем разговоре, отлично понимая, что не принесет он ничего хорошего. Просто так начальник домой к нему не приедет. Он и был-то у него всего один раз, на новоселье в сороковом году, когда они с Наташей переехали из коммунальной на Мясницкой в этот новый дом. Тогда в комиссионном магазине Наташа купила всю эту мебель, которая, видимо, стояла раньше в квартире присяжного поверенного средней руки. Все эти громадные диваны и кресла, кровать, на которой могли уместиться сразу пятеро, буфет, похожий на город, с полками-улицами и ящиками-домами, книжный шкаф. Вот он-то и был, пожалуй, единственной вещью, которая пришлась Данилову по сердцу. За эти годы, несмотря на занятость и войну, он собрал все-таки вполне приличную библиотеку.

— Ну, ты скоро? — На кухню вошел начальник. — А то у меня от запаха картошки слюна течет.

— А может, от того, что на буфете стоит? — засмеялся Данилов.

— Это само собой. Долго настаивал?

— Месяц.

— А лимон где взял?

— Страшная тайна.

— Нет, серьезно, где?

— Кострова помнишь?

— Мишку-то, вот спросил тоже.

— Он раненый в Батуми в госпитале лежал, после ранения ему отпуск дали. Вот он ко мне заглянул и три штуки дал. Два я Наталье подарил, а на одном литруху настоял.

— Здорово, прямо не водка, а сплошной цитрус.

— А ты откуда знаешь?

— Вкусил полрюмки...

Данилов с усмешкой взглянул на начальника.

— Не вру, полрюмки, хотел узнать, что у тебя получилось.

— Ну и как?

— Невидимые миру слезы, Ваня. — Начальник закрыл глаза и покрутил пальцами в воздухе. — Давай помогу отнести. Ой, грибки-то, грибочки, — заохал он из коридора, — где взял?

— Батя прислал! — крикнул Данилов.

— Везучий ты, Ваня, прямо знаменитый русский сыщик Путилин.

Данилов рассмеялся. Он вспомнил маленькие книжки в бумажном переплете, которые тайно читал на уроках в реальном училище. Продавались они по пятаку, и мальчишки жертвовали потрясающе вкусными пирожными и пирожками ради приключений знаменитого русского сыщика. В углу, на обложке каждого выпуска, в медальоне красовалась фотография человека в мундире со звездами и надпись вокруг: «Его высокопревосходительство, действительный статский советник И. А. Путилин, начальник С.-Петербургской сыскной полиции». Лица на фото разобрать было невозможно, отчетливо виднелись только бакенбарды. Но мальчишки считали, что так и надо. Разбойники, бандиты, шулера и знаменитые аферисты не должны были знать в лицо русского Шерлока Холмса.

Иван Александрович по сей день помнит названия многих из них: «Кровавая маска», «В лапах разъяренных сектантов», «Тайна Сухаревской башни», «Похитители невест», «В объятьях мраморной девы».

Почти все они начинались одинаково: «Ночь была без огней, кошмарно выл ветер».

Он вспомнил похождения Путилина, и мысли у него стали веселыми и добрыми.

Картошка со свиной тушенкой казалась верхом гастрономического искусства. Грибы были в меру солеными, твердыми и приятно хрустели на зубах.

— Начнем с новостей приятных. — Начальник полез в карман, достал коробочку и квадратную, как муровское удостоверение, книжечку. — Хотел вручить тебе в торжественной обстановке, но решил так, дома, по-семейному. На, поздравляю от души. — Он протянул коробочку Данилову. Тот раскрыл ее и увидел отливающий рубином алый знак, пересеченный мечом, в центре которого были серп и молот.

Данилов взял его, положил на ладонь. В свете люстры он еще сильнее загорелся рубиновым светом. В

свете этом были сконцентрированы пробитые пулями знамена гражданской и нынешней войны, алая кровь погибших друзей. Это был тот самый цвет, за которым в семнадцатом, не раздумывая, пошел реалист Ваня Данилов. Это был цвет побед и романтики революции.

Данилов взял книжечку: СССР, Народный комиссариат внутренних дел. Грамота заслуженного работника НКВД. Он развернул ее, посмотрел на свою фотографию. Она ему не понравилась, уж больно сердитым выглядел он на ней, человек по фамилии Данилов. Ниже синие буквы «НКВД» и текст: «Чекист должен быть беззаветно преданным партии Ленина — Сталина, бдительным и беспощадным в борьбе с врагами Советского государства».

«НКВД СССР

ГРАМОТА

Товарищ Данилов Иван Александрович приказом НКВД СССР № 23 от 5 января 1945 г. награждается нагрудным знаком заслуженного работника НКВД № 4020 за успешное выполнение заданий по борьбе с бандитизмом.

Народный комиссар внутренних дел СССР
генерал-полковник С. Круглов».

На своем веку он видел много награжденных. Когда в ГПУ начали вручать первые ордена Красного Знамени, они бегали специально смотреть на тех, кто удостоился этой великой чести. Данилов видел офицеров-фронтовиков с Золотой Звездой Героя на груди и с завесой орденов.

Свои три ордена и две медали он заработал честно, поэтому и носил их с гордостью. Проработав четверть века в органах, он очень хотел получить только одну награду — именно этот рубиновый знак. Да, именно его, потому что он являлся высшим признанием мужества и доблести работника милиции. Орден может получить каждый, а его — только тот, кто постоянно защищает покой людей в любое время. Будь оно мирным или военным — все равно ты на линии огня. Вот тем-то и дорог он был Данилову, поэтому и радовался он, глядя, как играют лучи лампы на его рубиновых гранях.

— Награды положено в стакан с вином опускать,— сказал начальник, — но это обычай фронтовиков, а мы с тобой, Ваня, сидим в глубоком тылу. Ну, еще раз поздравляю.

Они помолчали.

— Я почему его тебе сам вручил, дома, да потому, что не будет у нас времени для торжественных собраний...

— Случилось что? — перебил его Данилов.

— Погоди, не торопись, я все по порядку расскажу. — Начальник подвинул сковородку, ложкой начал соскабливать с нее поджаристую корочку.

— Может, еще сделать?

— Хватит, Ваня, я и так, небось, половину твоего пайка съел.

— Скажешь тоже.

— Ну, нет так нет. Окончился наш с тобой праздник, начались суровые будни. Теперь второе. Сергей Серебровский интриговал очень, хотел в ГУББ начальником отдела на полковничью должность забрать. Но мы не дали.

— Кто это «мы»?

— Я и Маханьков, начальник московской милиции. Мы тут с ним пошептались, с наркоматом согласовали и решили — быть тебе, Иван, моим замом. Рад?

— Честно?

— Честно.

— Если честно, то очень. Я ведь в МУРе почти всю жизнь.

— То-то и оно, — начальник усмехнулся хитро, одними глазами, — мы уже в наркомат бумаги отправили и о замещении должности, и о присвоении тебе полковничьего чина. Ну как?

Что мог ответить Данилов начальнику? Что он двадцать лет работает в МУРе, что трижды ранен на этой донельзя беспокойной работе, что ругали его чаще, чем награждали? Конечно, он был рад. Стать в сорок пять лет полковником — разве плохо? Да и обидно ему бывало встречать в коридоре наркомата совсем молодых ребят с тремя большими звездами на погонах. Нет, он не завидовал им. Просто иногда становилось жалко себя. Совсем немного и редко.

— А как с Муравьевым?

— Сегодня пришел приказ, назначен к тебе замом,

присвоено очередное звание. Белову тоже старшего дали, буду на место Игоря назначать. Не возражаешь?

— Ты меня уже как зама своего или еще как начальника ОББ спрашиваешь?

— Пока как начальника.

— А я бы и как зам тоже не возражал.

— Ладно, — начальник встал, — теперь о главном. Я твой отпуск прерываю. Дело одно сегодня возникло, боюсь, что твоим орлам без тебя не справиться. Так что собирайся, поедем.

— Нищему собраться, только подпоясаться, — усмехнулся Данилов, беря с дивана портупею. — Ну, я готов.

— А что Наташе скажешь?

— Я ей твой телефон оставлю.

— Сколько волка ни корми... — Начальник горестно покачал головой.

— Ладно уж, избавлю, иди в машину, я записку напишу.

Через десять минут они уже ехали по темным, занесенным снегом улицам. Стекло ЗИСа заиндевело, но Данилов, как в детстве, пальцем растопил круглую дырочку в окне и, не отрываясь, глядел в темноту, пытаясь разглядеть что-то известное лишь ему одному.

МУРАВЬЕВ

Телефон он заметил, уже выходя из квартиры. Просто по привычке подошел к стене и увидел слабые цифры, нацарапанные карандашом, и букву З увидел рядом. Из отделения он позвонил в ЦАБ и узнал, что телефон установлен по адресу: Суворовский бульвар, дом 7, квартира 36, и принадлежит Литовскому Геннадию Петровичу. Фамилия и имя ему были почему-то знакомы. Игорь тут же перезвонил в 83-е отделение, и ему объяснили, что по этому адресу находится Дом полярников, в квартире 36 раньше проживал известный летчик Литовский, после его гибели там живет его дочь Зоя Геннадьевна Литовская.

Все это давало повод для раздумий. Дочь героя и — убийца. В другое время он, может быть, и колебался, а сейчас времени для размышлений не было. Чернышова Игорь запихал в машину почти силком.

Старик даже слышать не хотел о производстве обыска в квартире столь известного лица, и повез его в прокуратуру.

Райпрокурор оказался мужичком покрепче. Он выслушал Чернышова, потом Игоря и глубокомысленно изрек:

— Подумаешь...

Подмахнул постановление на обыск и изъятие вещей и, крепко пожав руку Игорю, напутствовал:

— Шуруй, капитан, действуй по горячим следам. Поможешь нам — век помнить буду, а то у меня в аппарате одни инвалиды и старики. Нынче все наши на фронте.

Игорь покосился на широкую ленточку нашивок за ранение на лацкане его пиджака и понял, что прокурор тоже не так давно вернулся с фронта.

Тот, поймав его взгляд, усмехнулся грустно и добавил:

— Про инвалидов говоря, я и себя имел в виду. Что смотришь? Нашивок за ранение пять, а колодок наградных две. Вот такая, брат, арифметика.

В подъезде Дома полярников Муравьева ждали вызванные из МУРа оперативники их отдела Никитин и Ковалев.

— Мы тут с комендантом поговорили, — лениво цедил слова Никитин, — так она от той Зои в полном восторге. И честная, мол, и работящая, в издательстве «Молодая гвардия» редактором служит. Подтвердила, была у ней женщина из Баку, жила три дня. Фамилия ее Валиева Зульфия Валиевна. Лифтерша тоже показания дала: вчера она с большим желтым «узлом» пришлепала, часов в десять. Так что дело ясное, Муравьев, эта Зоя или скупщица, или «малину» держит, брать ее надо.

Никитин достал измятую пачку «Норда», начал разминать папиросу, вопросительно глядя на Игоря.

— Дома Литовская?

— Дома, я проверял, на всякий случай Ковалев у дверей стоит.

— Какой этаж?

— Пятый.

— Лифт работает?

— Тянет.

— Так вот давай, я на лифте, а ты пешочком.

— Ладно. Но зря. Ей деться некуда. Чуть что, Ковалев притормозит.

— Это мне решать.

На площадке пятого этажа курил оперуполномоченный Ковалев.

— Ну как? — спросил Игорь, оглядывая одинаковые, светлого дерева двери с медными табличками.

— А так, — Ковалев бросил папиросу, — одни профессора да герои.

Поднялся запыхавшийся Никитин.

— Пошли, — скомандовал Игорь. — Кстати, — остановился он у самой двери, — понятые есть?

— А то как, — врастяжку сказал Никитин, — целых три, сидят в комендатуре, трясутся.

— Ладно. — Игорь еле сдержал себя. Он вообще не любил Никитина за его полублатную манеру речи, за ненужное хамство, за нахрапистость. Но вместе с тем понимал, что оперуполномоченный — парень хваткий, решительный и смелый.

Дверь открыла высокая женщина в толстом вязаном свитере, серой юбке и белых маленьких валенках. Из-под очков глядели на них большие изумленные глаза.

— Вы ко мне? — растерянно спросила она.

— К вам, к кому ж еще. — Никитин, оттолкнув Игоря плечом, шагнул через порог. — МУР, ясно? — Он вынул удостоверение.

Литовская прочла его и подняла на Игоря недоумевающие глаза:

— Отдел борьбы с бандитизмом?

— Да, Зоя Геннадьевна, мы именно оттуда. — Муравьев вошел в квартиру и сразу же увидел огромный коридор, весь уставленный стеллажами с книгами.

— Но я здесь при чем?.. Как это может быть? — взволнованно спросила Литовская. — Я...

— Ну, кто ты такая, это мы сейчас узнаем. — Никитин опять полез за папиросами.

— Потрудитесь вести себя вежливо, лейтенант. — Игорю хотелось взять Никитина за грудки и вытолкнуть на лестницу. — И перестаньте курить, это отвлекает.

— Слушаюсь, товарищ капитан, — так же врастяжку, без тени обиды ответил Никитин.

— Я старший оперуполномоченный отдела борьбы с

бандитизмом капитан милиции Муравьев, вот мои документы.

Литовская поправила очки и, поднеся удостоверение совсем близко к лицу, начала читать.

— Да, слушаю. — Она вернула документ Игорю. — Чушь какая... милиция, бандиты... Вы не ошиблись?

— Нет, — сказал Игорь твердо, — может быть, мы поговорим в комнате?

— Конечно, конечно, проходите. — Хозяйка отступила, освобождая дорогу.

— Кто еще есть в квартире?

— Я одна.

— Останьтесь здесь, — повернулся Игорь к оперативникам, — если что...

— Понятно. — Никитин вынул из кармана пистолет.

Литовская с нескрываемым ужасом посмотрела на оружие.

— Это? — спросила она. — Зачем это?..

— Для порядка, — усмехнулся Никитин, — для полной, значит, расколки.

Игорь резко повернулся и так посмотрел на него, что тот немедленно спрятал оружие.

«Сволочь, — подумал Муравьев, — не человек, а музей пороков, ну погоди, вернемся на Петровку...»

— Так куда мне пройти? — продолжал он вслух, обращаясь к хозяйке.

Женщина повернулась и пошла в глубь квартиры. Стараясь ступать по постланной на полу вышитой дорожке, Игорь шел за ней, пораженный блеском натертых воском полов. Он не мог понять, как она в такое время одна может поддерживать в квартире идеальную чистоту. Они вошли в комнату, больше напоминавшую музей. Здесь тоже было много книг, но не это поразило Игоря. На стенах висели акварели. Пейзаж, изображенный на них, был однообразен и суров. Льды. Бесконечные. Уходящие к горизонту. Но именно в этом однообразии и была какая-то мрачная красота, заставлявшая смотреть на них неотрывно.

— Вы любите живопись? — поймала его взгляд Литовская.

— Очень, но такое я вижу впервые.

— Это рисовал отец. Он всегда говорил, что нет ничего прекраснее и величественнее льдов.

— Мне трудно судить, но то, что я вижу здесь, очень здорово. И страшно. Только теперь я понял Амундсена. Помните, он сказал: «Человек может привыкнуть ко всему, кроме холода». На них даже глядеть зябко.

— Я привыкла, — Литовская сняла очки, — привыкла и полюбила этот Север.

— А разве есть другой?

— Конечно. Каждый все воспринимает индивидуально, даже ваш визит. — В голосе ее не было прежней растерянности.

— Я понимаю вашу ироничность, но хотел бы заметить, что наша служба не менее важна и полезна, чем любая другая. Только вот нарисовать нам нечего.

— А как же ваши типажи? Система Ломброзо?

— Слава богу, в нашей стране отменили галереи ужасов. Пусть люди лучше смотрят хорошую живопись. Так вот, — Муравьев улыбнулся, — мы и размялись. Теперь перейдем к делу. Кстати, вы позволите мне снять полушубок?

— Ради бога, если вы не замерзнете, глядя на пейзажи.

Игорь снял полушубок, аккуратно положил его на стул.

— Зоя Геннадьевна, вам известна женщина по фамилии Валиева?

— Зульфия? Ну, конечно.

— Откуда вы ее знаете?

— По Баку. Мы были с теткой в эвакуации. Там с ней и познакомились. Она милая, Зульфия, очень помогла нам.

— То есть?

— Тетка у меня больна, а Валиева — управляющая аптекой. Сами понимаете, лекарства сейчас — страшный дефицит.

— Чем было вызвано ее особое расположение к вам?

— Видимо, магической силой фамилии. Дочь героя и всякое такое.

— Значит, она оказывала вам услуги?

— Да, Валиева, я уже говорила, приняла в нас участие... — Литовская замолчала, подыскивая нужные слова.

— Вы должны рассказать мне все.

— Поймите. Эвакуация. Чужой город. Цены на ба-

заре дикие. Тете Соне врач прописал усиленное питание...

— Она помогала вам продавать вещи?

— Да, я ей отдавала мамины украшения, и она приносила нам продукты. Мясо парное, фрукты, рис. Она даже плов нам готовила.

Игорь на секунду представил себе чужой город и эту хрупкую до беззащитности женщину в очках, вырванную из привычного мира натертых до блеска полов, книг, акварелей и фотографий. Он вспомнил рассказы матери и сестры, вернувшихся из эвакуации, и вдруг увидел Валиеву как живую, вернее, не ее, а только руки, перебирающие украшения. Ведь для того, чтобы купить племянникам молока, его мать отдала в такие же жадные руки единственную их ценность — именные золотые часы отца. Он увидел все это и поверил Литовской. Сразу, прочно и до конца.

— Как вы вернулись в Москву? — спросил он.

— Я написала начальнику Главсевморпути. Он был другом отца.

— Вы переписывались с Валиевой?

— Да.

— Вам известен ее адрес?

— Конечно. Баку, Параллельная улица, дом тринадцать.

— Как она очутилась у вас в Москве?

— Первый раз полгода назад возникла как фея из сказки. Привезла массу вкусных вещей и лекарства для тети.

— Ее знакомые бывали у вас?

— Да. Какой-то представитель из Баку, Илья Иосифович, кстати, очень неприятный человек. Представьте себе, он обошел всю квартиру, все ощупал и о цене справлялся. Потом он постоянно, если не ел и не пил, насвистывал какой-то пошловатый мотивчик. Очень противный.

— Была ли Валиева с ним близка?

— Вы хотите сказать?..

— Именно.

— По-моему, да.

— Почему вы так решили?

— Она часто у него ночевала.

— Логично. Она куда-нибудь звонила по телефону или, может быть, ей кто-нибудь звонил?

— Она звонила часто в Главмосаптекоуправление, она же в командировку приезжала.

— Что Валиева делала вчера?

— Она куда-то ушла. Да, извините, я совсем забыла, к ней приходил летчик.

— Полковник? — с надеждой спросил Игорь.

— Нет, что вы, он же молоденький, такой худенький, маленький, а имя у него Батыр, — Литовская улыбнулась, — он даже зайти в комнату стеснялся. Они договорились в коридоре.

— О чем?

— Он командир транспортного «дугласа», они сегодня улетали утром и брали Валиеву с собой.

— Извините, я могу воспользоваться телефоном?

— Пожалуйста, пройдите сюда.

Игорь набрал номер дежурного.

— Кто? Горбунов? Это Муравьев. Немедленно запроси ГУББ НКВД, когда вылетела машина «дуглас» Бакинского УГВФ, командир узбек, зовут Батыр.

— Сделаем, — ответил дежурный.

— И еще — срочно вчеграмму в УББ Азербайджана, взять под наблюдение Валиеву Зульфию Валиевну, Баку, Параллельная улица, дом тринадцать.

— Основание?

— Подозрение в убийстве гражданина Судина.

— Все?

— Теперь все.

Игорь вернулся в знакомую комнату. Литовская сидела в той же позе, зажав ладони рук коленками.

— Вы меня извините, но вы говорили громко, и я все слышала. Это правда?

— Правда.

— Она у меня оставила мужские вещи. Пальто кожаное и два костюма.

— Как она объяснила это?

— Вещи, мол, купила для своего брата. Но чемодан был большой, а у нее еще один. А летчик этот, Батыр, сказал: «Ты их оставь, я через неделю опять прилечу и заберу».

— Что еще было в чемодане?

— В котором?

— Том, что она принесла вчера.

— Бумаги и какой-то сверток.

— Где они?

— Она их уложила в сумку.

— Принесите эти вещи. Нет, вам помогут. Ковалев, — позвал Игорь, — помогите гражданке Литовской.

Через несколько минут Ковалев принес большой кожаный чемодан, перетянутый ремнями.

— Зоя Геннадьевна, — тихо сказал Муравьев, — закон требует, чтобы мы изъяли эти вещи. Вот постановление, подписанное прокурором.

— Берите их, ради бога, берите, — всплеснула руками хозяйка, — эта гадость...

— Мы представляем закон, Зоя Геннадьевна, — продолжал Игорь, — и поэтому не можем нарушать его. Есть процессуальные нормы... прежде чем открыть чемодан, мы обязаны пригласить понятых.

— А иначе никак нельзя? Это же позор, как я тогда людям в глаза глядеть буду? — Голос Литовской дрогнул.

— Иначе... — Муравьев задумался.

— А чего тут думать-то, — сказал вошедший в комнату Никитин, — оформим как добровольную выдачу, без всяких понятых.

— Точно! — обрадовался Игорь. — Ковалев, пиши акт. А вас, Зоя Геннадьевна, я попрошу все, о чем мы говорили, изложить письменно.

— Хорошо. Я сделаю, только как?

— Возьмите бумагу, ручку... Так... Прекрасно... В правом углу пишите: «Начальнику ОББ, подполковнику милиции Данилову И. А.». Написали?.. Прекрасно... Далее — от кого... Так... Теперь посредине листа: «Объяснение»... Отлично... «По существу заданных мне вопросов могу сообщить следующее. С гражданкой Валиевой З. В., проживающей...» Так... Дальше все, как было.

Игорь прочитал объяснение Литовской, попросил уточнить некоторые детали. Ковалев закончил акт добровольной выдачи. Надевая полушубок, Муравьев вдруг почувствовал страшную усталость. Он посмотрел на часы. Двадцать два. Ровно двенадцать часов он мотался по городу, рылся в чужих вещах, напряженно выстраивал разговоры с самыми разными людьми. Все это время он ничего не ел и почти не курил. Произошла обычная реакция: нервы взвинчены до предела, потом спад. И сразу усталость тяжелой волной захлестнула

его, он почувствовал, как горит обожженное морозом лицо, как гудят ноги, как погоны, словно свинцовые плиты, давят на плечи.

— Надеюсь, излишне предупреждать вас, Зоя Геннадьевна, что о нашем визите и разговоре никто не должен ничего знать? — устало произнес Муравьев стандартную, обязательную фразу.

— Да. Конечно. Я понимаю.

Она посмотрела на него и поразилась, как изменился этот молодой, красивый, энергичный человек: внезапно появились черные круги под глазами и резкие складки у рта, заострился нос. И только сейчас она заметила, что он почти совсем седой.

— Простите, — робко спросила она, — сколько вам лет?

— Это очень важно?

— Нет, просто интересно.

— Ну, если очень, то двадцать шесть. Кстати, больше у вас ничего не осталось?

Литовская открыла ящик шкафа и вынула четыре аптечные облатки.

— «Сульфидин», — прочитал Игорь. — Это тоже она?

— Да, для тети. Я отдала за них очень дорогую для меня вещь. Но это ничего не значит. Берите, берите, пожалуйста.

Игорь снова вспомнил часы, которыми отца наградили за борьбу с басмачами. Подумал о том, кто их носит сейчас. И ему захотелось выругаться. Но он сдержался. Он просто отодвинул облатки и сказал:

— Мы этого не видели.

Первым, кого Муравьев встретил в управлении, был заместитель начальника отдела кадров полковник Кулагин.

— Капитан! — окликнул он Муравьева.

Игорь подошел, козырнул.

— С тебя.

— Что?

— Будто не знаешь?

— Нет, я с утра на операции.

— Ну, тогда иди к Осетрову, там приказ лежит. Ты теперь у Данилова зам, да еще и майор. Тебе лет-то двадцать шесть?

— Так точно.

— Быстро вырос. Так и до комиссара недалеко.

Полковник козырнул и пошел к выходу, рассуждая про себя о нынешней молодежи. Вон ему в такие-то годы майора дали, а радости нет. Он сам в двадцать семь лет, когда первый кубик на петлицы получил, всю ночь не спал, все в командирской гимнастерке у зеркала крутился. Да, странная нынче молодежь. Избаловала ее война.

А Муравьев поднимался по знакомой лестнице к себе в отдел. От усталости он даже не мог радоваться.

ДАНИЛОВ

Он поглядел на Игоря, стоявшего на пороге.

— Ну, что смотришь, как монашка на мужика? Не узнал?

— Вы же в отпуске.

— Отдых, как тебе известно, состояние прекрасное, но временное.

— Отозвали?

— Угу. Садись, докладывай.

Игорь расстегнул планшет, вынул объяснение Литовской. Данилов направил лампу, чтобы свет падал лучше, и начал читать. Читал он медленно, по нескольку раз акцентируя внимание на каких-то фразах и подчеркивая их карандашом.

— Так, — он положил объяснение на стол, — поработали неплохо. Какое у тебя впечатление?

— Пока никакого, — честно сознался Игорь, — Баку, Белоруссия. Золото, деньги, морфий. Полковник-летчик. Пока туман.

— Так, что ли, и докладывать будем — «туман»?

— Устал я что-то. Хочу передохнуть часок.

— Ладно, майор, иди в свой новый кабинет. Да не забудь документы заменить согласно новому званию и должности. И подумай, кого послать в Баку.

— А чего думать, Сережу.

— А если Никитина?

— Я думаю, лучше Белова. Работать-то придется с женщиной. К ней, наверное, подходец нужен.

— Ладно. Согласен. Иди готовь приказ.

Муравьев вышел, а Данилов вновь раскрыл папку

с делом. Жаль, что его не вызвали сразу утром. Он, конечно, доверял ребятам, но свой глаз, он вернее. Так что же мы имеем, уважаемый Иван Александрович? Деньги 570 тысяч, забандероленные в стандартную банковскую упаковку... Дальше... Пластины желтого металла... Вот акт экспертов... Золото. Червонное. Госклеймо. Номер... Так... Далее... Ага... Вот что интересно, в обращении настоящие пластины не бывают... Читайте — нигде не продаются... «...Хранятся в отделении Госбанка и спецхранах...» Понятно... Это уже зацепка... Видно, где-то ограблен банк или напали на инкассаторов... Правда, может, это от немцев осталось... Выясним. Немедленно выясним. Морфий. Он — лекарство, снимающее боль, он же и наркотик... Где же акт медосмотра Кузьмы... Вот он... «На руках и левом бедре следы уколов...» Понятно... «Состояние наркотической эйфории...» Наркоман... Знал, что у Судина морфий, и шел к нему... Откуда знал?.. Полковник-летчик... Стоял с ним у дома... Шел с ним по переулку... Его видели с покойным... Ох, не нравится мне этот полковник... Ниточка к нему одна — от Кузымы... Полковник... Это уже горячее.

Телефонный звонок прервал его рассуждения где-то на середине. Данилов поморщился и поднял трубку.

— Данилов.

— Товарищ подполковник, капитан Платонов докладывает.

— Слушаю вас.

— Убитый младший лейтенант Соколов вел служебные записи. Ну, что-то вроде дневника. Я взял их читать. Там много о «полковнике» этом, номера машин, на которых он приезжал.

— Где дневник?

— Выслал к вам с милиционером. Машиной.

— Спасибо, капитан, ваш Соколов был молодец.

Данилов повесил трубку и вдруг понял, что вот она, редкая, как говорят его «клиенты», «фрайерская» удача.

А что, собственно, такое удача? В тридцать девятом году он допрашивал бандита Сенечку Быка. Сенечка в преступном мире «ходил в авторитете», считался одним из некоронованных королей. Он сидел в его кабинете в кожаной коричневой куртке, шоколадных брюках и желтых ботинках на каучуке, ворот рубашки крученого шелка был оторван начисто, уж больно дергал-

ся Сенечка, когда его брали. Сидел он непринужденно, заложив ногу за ногу, и курил свои папиросы «Совьет юнион». Самые дорогие, в красной коробке, на которой была выдавлена знаменитая мухинская композиция. Поигрывая длинной папиросой под названием «метр курим, два бросаем», Сенечка жаловался Данилову:

— Вам этого, гражданин начальник, не понять, вы, извините, на жалованье живете, а вот мои все неприятности сегодня — сел играть в терц. И карта пошла, как никогда. Да что вы, Иван Александрович, вы-то знаете, что Бык всегда играет честно. Так вот я и говорю: пошла карта, и выиграл я семнадцать тысяч и рыжие бочата, — Сенечка ткнул папиросой в лежащие на столе часы, — представляете?

— Представляю, — кивнул головой Данилов. — С кем играл-то?

— Вы же меня знаете, гражданин начальник, я о таких вещах разговаривать не люблю. Так вот, мне все говорят: «Такой понт раз в десять лет подваливает, не ходи на дело». А я пошел. Значит, правда, что жадность фрайера губит. Как вы считаете?

— Да нет, Сеня, — ответил ему тогда Данилов, — не прав ты, мы тебя до той квартиры на Второй Мещанской довели. Дали тебе с Лебедевым в карты сыграть, а потом у сберкассы и взяли. Так что играй не играй, один конец.

— А какой он — мой конец? — хрипло спросил Бык, и глаза его словно выцвели от напряжения.

— Ты же знаешь сам, чего мне тебя учить?

— Значит, по совокупности пойду за всю масть?

— А ты как же хотел, только за азартные игры, незаконное хранение оружия и сопротивление работникам милиции?

— Конечно бы хотел, — горько вздохнул Сенечка, — но разве с вами сыграешь? В вашей колоде, гражданин начальник, всегда десять тузов. Видно, отпрыгался я.

Данилов вспомнил этот разговор, подумав о фрайерском счастье. Нет, их дело — это не карты. Здесь нет хорошего прикупа и длинной масти. Их удача — результат четкой и кропотливой работы многих людей, их отношение к ней. Если ты любишь, болеешь за нее душой, забываешь все остальное, кроме нее, — вот она, твоя удача. Видимо, таким человеком и был покойный

младший лейтенант Соколов. Поэтому и вел он свой дневник. Даже убитый, он участвовал в розыске.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошел старшина милиции.

— Товарищ подполковник, капитан Платонов приказал передать вам планшет лично.

— Спасибо. Идите.

Старшина вышел. Иван Александрович щелкнул тугими кнопками застежки, вынул тетрадь в потрепанном коричневом переплете. Приблизительно посередине она была заложена листом бумаги с надписью: «Судин». Данилов раскрыл тетрадь.

«Судин Илья Иосифович, год рождения 1897, беспартийный, несудимый, происходит из служащих, работает уполномоченным по снабжению (проверял в постпредстве АзССР: отзываются о нем неопределенно). Бывает в командировках в Баку и Белоруссии (проверял: командировочные правильные). Из Белоруссии ничего не привозит (со слов соседей), из Баку всегда сухофрукты и вино (проверял: не спекулирует). Факт положительный — сухофрукты раздает бесплатно соседям, особенно тем, у кого дети.

В личном деле записано: инвалид труда за Магнитку, туберкулез. Факт отрицательный — за два года ни разу не обратился к участковому врачу, в тубдиспансере на учете не состоит. Одевается хорошо. Карточки отоваривает вовремя. Знакомство в доме не ведет. Несколько раз в гостях была чернявая женщина нерусского склада, видно, узбечка. Оставалась ночевать. Трижды видел с полковником авиации. Они ездили на машине «виллис» Д 107-02 (воинской части) один раз и четыре раза на «эмке» МТ 51-50.

С людьми приветлив, вежлив. Факт положительный. Но ни с кем не дружит, скрытен, о себе ничего не рассказывает, что есть факт отрицательный.

Доложил о нем начальнику отделения угрозыска капитану Платонову как о человеке подозрительном. Обещал разобраться. Квартплату вносит вовремя. Говорит по телефону с Минском, Брестом, Баку. Недавно купил трофейную радиолу и пластинки, отдал семь тысяч. Купил с рук. (Откуда такие деньги? Факт отрицательный.)».

Все, на этом записи о Судине кончались. Данилов

еще раз перечитал их и мысленно поблагодарил человека, которого никогда не видел. Эту тетрадь необходимо передать генералу, пусть покажет деятелям из отдела службы, как работает настоящий участковый. А то некоторые из них только за порядком в магазинах следят да паспортным режимом интересуются. В порядке паспорт — живи, делай, что хочешь. Спасибо тебе, Соколов, большое спасибо.

Данилов набрал номер ОРУДа.

— Воробьев, — ответила трубка.

— Боря, — сказал он замначальнику, — мне тут две машины установить нужно, только срочно.

— А у вас все срочно. Тут мне Муштаков звонил, прямо скандалил: мол, установи номер «эмки»-пикап. И что ты думаешь, на ней всего лишь с пивзавода бочку пива увезли. А мы два дня бегали.

— Боря, — устало сказал Иван Александрович, — ты же знаешь, что у нас пивом не интересуются.

— Да, твоя контора посерьезнее. Давай.

— «Виллис» Д 107-02 и «эмка» МТ 51-50.

— Так у тебя и номера есть, это дело минутное.

— Я жду.

— Жди, я быстро.

Данилов снова начал перечитывать документы, делая выписки в блокнот. Он обещал утром доложить начальнику МУРа свои соображения. Дневник убитого участкового стал именно той деталью, которая наконец соединила цепочку Судин — Валиева — Кузыма — «полковник». Теперь можно выстроить первоначальную версию и начать обработку оперативных данных. Он уже прикинул, кто из сотрудников займется каждым из фигурантов по делу. Надо немедленно подготовить спецсообщение в отношении номерных знаков денег и госклейм золотых пластин. Наверняка от них потянется ниточка, которая приведет поиск к тем, кто передал их Судину. И главное, версия «полковника», ею он сам займется, лично.

Воробьев позвонил через полчаса:

— Слушай, Иван, я все выяснил. С «виллисом» глухо.

— То есть?

— Машина эта отдельного инженерного батальона МВО. Водитель — старший сержант Луценко. Но, видишь ли, две недели назад, перед самым Новым го-

дом, он погиб в катастрофе. Сбил ограждения моста и сорвался в Москву-реку в Ильинском.

— Причины?

— Экспертиза установила сильную форму опьянения.

— Ясно.

— «Эмка», тебя интересующая, из спецавтохозяйства Метростроя. Шофер Калинин Владимир Данилович.

— Он давно работает на этой машине?

— Семь лет.

— Почему не в армии?

— Метрострой же бронированный. Записывай адрес.

МУРАВЬЕВ

Игорь просидел в кабинете около часа. Он находился в странном состоянии полудремы, в том самом, когда все становится расплывчатым и в реальность врываются какие-то странные картинки, появляются чьи-то лица, слышатся непонятные голоса. Он вдруг снова увидел кухню и лежащего Судина, а на подоконнике сидел Мишка Костров, веселый, наглый Мишка, но почему-то он был в очках и кутался в оренбургский платок.

— Ну что, Игорь, — хохотнул Костров, посверкивая золотой фиксой, — тяжело, брат, без меня?.. — Хохотнул и исчез. И кухня расплылась, осталось одно окно, а за ним бесконечные льды, уходящие к горизонту. Игорь с ужасом подумал, что стекло не выдержит напора, лопнет и он останется один на один с ними. Лед за окном крошился с пронзительным и длинным звоном...

Муравьев тряхнул головой, открыл глаза. На столе заливался телефон.

— Муравьев.

— Игорь, — услышал он голос жены, — это я.

— Иннуля, ты что?

— Хочу узнать: ты домой придешь?

— Ты понимаешь...

— Я понимаю, но приехал Петя.

— Какой еще Петя?

— Сестры твоей, между прочим, муж. Он всего до утра. Мы собрались все. Может быть, ты хоть на ми-

нутку заглянешь? — В голосе жены слышалась надежда. Но вместе с тем Игорь уловил и металлические нотки. — Кстати, папа на что уж занят, и то приехал. Он с тобой поговорить хочет.

В начале войны его тесть, Александр Петрович Фролов, был директором оборонного завода. В прошлом году его назначили замнаркома, и жизнь у Игоря сразу же испортилась. По управлению немедленно пошли слушки, и его иначе как «зять Межуев» за глаза не называли. Вот поэтому Муравьева и майорские погоны не очень обрадовали. Знал, что начнется опять: «Служишь как медный котелок, а все в капитаны не выбьешься. А тут без году неделя в МУРе, и уже нате вам — майор. Жениться надо с умом».

— Игорь, — прервал его мрачные раздумья голос тестя, — ну как ты там?

— Все нормально, Александр Петрович.

— У тебя всегда все нормально. А у нашей бабушки чуть карточки сегодня не украли, — засмеялся в трубку Фролов, — она тебя ждет не дождется. Имеет точные приметы злоумышленника. Ну ладно, ты приходи. Вся семья в сборе. Неудобно. Хочешь, я Маханькову позвоню?

«Вот оно, начинается», — с тоской подумал Игорь.

— Что молчишь, не бойся, шучу. Я же понимаю все. Но все-таки вырвись хоть на часок, я свою машину могу тебе прислать, — продолжал тесть.

— Александр Петрович, я постараюсь, а пока дайте Инне трубку. Слушай, малыш, я тут ход один придумал. Ты позвони шефу, пригласи его, а?

— Сейчас.

Данилов зашел минут через десять.

— Решил по мне из главного калибра ахнуть? Жену вперед пустил. Сам-то что?..

— Ох, Иван Александрович, муж сестры с фронта приехал, Петька. Ну, они там и устраивают какое-то гульбище.

— Это какой Петька? Карпунин?

— Он самый.

— Твой живой укор?

Игорь усмехнулся. Он вспомнил июль сорок первого и хилого очкарика Петьку в военной форме с петлицами старшего политрука. Встреча с ним оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения Игоря.

Чуть не плача, он прибежал тогда в управление и написал рапорт начальнику МУРа с требованием немедленно отправить его на фронт.

— Ну, что замолчал? — Данилов вынул портсигар.— Помнишь, какую ты мне истерику тогда закатил? Теперь не жалеешь, что я тебя не отпустил?

— Теперь нет. У каждого своя война. — Игорь задумался, — у Петьки своя, у Мишки Кострова тоже своя, у пацанов, которые вместо взрослых на заводах к станкам стали, тоже своя. Я ведь помню, как вы сказали в сорок первом, что армия наступает тремя эшелонами. А мы четвертый, мы ее тыл охраняем. Нет, не жалею я. Мы в своей войне за других не прячемся.

— Вот и дожил я до светлого часа, — Данилов тяжело опустился на диван, — начали меня на старости лет цитировать. Ну что ты на меня так смотришь? Хоть в двадцать три часа по гостям не ходят, но, принимая во внимание военное время, можно зайти на пару часов. Погоди, ну погоди же ты. Ох и заматерел ты, Игорь, раздавишь начальника. На. — Данилов достал из кармана новенькие серебряные погоны с двумя просветами и желтыми звездочками. — Смени погоны-то. Пусть твой свояк видит, что и мы не зря командирский паек получаем. — Он встал, подошел к столу, снял телефонную трубку: — Дежурный? Это Данилов. Мы с Муравьевым будем по телефону Д1-31-19. Если что, немедленно звони туда. Ясно?

Иван Александрович повернулся к Игорю.

— Ты не думай, что я водку пить иду. У меня корысть своя есть. Тесть мне твой нужен, инженер-генерал-лейтенант, замнаркома Фролов.

— Зачем еще? — настороженно спросил Игорь.

— Руководить — значит предвидеть. Ясно?

— Пока нет.

— Ты вот проект приказа подготовил о командировании старшего лейтенанта Белова в Баку. Подготовил?

— Да.

— А как он туда добираться будет? На обычном-то поезде он больше недели по нынешним временам протрясется. А дело спешное.

— Все равно не понимаю.

— В наркомате твоего тестя своя авиация. Я выяснил, что в Баку они ежедневно летают.

— Понял теперь.

— А раз понял, мы с ним договориться должны, чтоб его летуны Сережу прихватили.

— Я...

— Ты сиди молча. Я говорить буду. Думаю, он не откажет. Не за урюком же мы его посылаем. А теперь звони домой. Инна что-то насчет машины говорила.

В городе начиналась метель. Снег крутился в темноте улиц, хлестал по стенам домов. Они стояли у входа в управление, спрятав лица в поднятые воротники полушубков. Наконец из крутящейся мглы вырвалась занесенная снегом большая черная машина. Данилов, прежде чем сесть в нее, посмотрел вверх. Неба не было. Все смешалось. Была только клубящаяся холодная темнота.

И как же приятно было после холодной улицы войти в чистую, теплую квартиру. После темноты свет в ней казался особенно ярким, а радостные лица встречающих — необыкновенно красивыми.

— Петька, — сказал Игорь и засмеялся, — собака, да тебя совсем не узнать. — Он сгреб Карпунина, прижал к своему мокрому полушубку. — Постой-ка!

Он с удивлением взглянул на его погоны с медицинскими эмблемами.

— Ты же политработник. С каких пор ты в доктора попал?

— А я и есть политработник, — смущенно ответил Карпунин, — меня после ранения замполитом санитарного поезда назначили, вот какие дела.

— Ну молодец! Майор. Ордена...

Игорь ревниво посмотрел на его китель. Два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, четыре медали, нашивка за тяжелое ранение. Перед Игорем стоял совсем другой Карпунин. Не тот неловкий и застенчивый Петька, который упрашивал Таню не класть ему в вещмешок конфеты «душистый горошек».

— Что смотришь? — Карпунин поправил очки.

— Подтянула тебя война, товарищ майор медицинской службы.

Карпунин посмотрел на Игоря, стаскивающего полушубок. Увидел его новые майорские погоны, орденскую колодку над карманом кителя. И ему стало тоскливо. Уж слишком привычно сидел на Игоре китель, слишком подчеркнуто светлой была портупея. И весь

он словно родился для погон, оружия и наград. Нет, не таким хотел видеть Игоря он, Карпунин, когда женился на его сестре Татьяне, когда иногда, отрывая от себя, покупал ему, мальчишке, книги. Он хотел, чтобы Игорь пошел в университет. Выбрал себе профессию, связанную с умными книгами и добрыми людьми. Чтобы мысли его были светлы и прекрасны. Нет, не он виноват в том, что брат жены пошел в училище НКВД. Он отговаривал тещу, сестру. И если Татьяна была согласна с ним, то теща, вступившая в партию еще под Перекопом, просто требовала, чтобы сын шел по стопам отца.

— Ну, здравствуй. — Петр приподнялся на носках и крепко поцеловал Игоря.

В прихожей Игоря целовали сестра, Инна, ее бабушка. На Данилова пока никто не обращал внимания. Он радовался этому, и на душе у него хорошо стало: все-таки очень здорово, когда такая дружная семья. Он вообще-то почти всю жизнь прожил один. Мать умерла давно, отец работал по сей день лесничим на Брянщине и ни за что не хотел бросать работу и переезжать в Москву. Женился Иван Александрович поздно, детей у него не было. А какая же семья без детей? И сейчас, глядя на чужую радость, он вдруг остро позавидовал Муравьеву и от этого почему-то смутился.

Наконец дошла очередь и до него. Он поцеловался с Инной, пожал руку бабушке, щелкнув каблуками, блеснул галантностью и приложился к пахнущей тестом ручке матери Инны.

— Знакомьтесь, — Игорь повел рукой в сторону Петра.

— Данилов. Иван Александрович.

— Карпунин. Петр Ильич.

Они крепко пожали руки друг другу. Петр понял, что этот человек и есть начальник Игоря. Знаменитый Данилов, о котором ему только что рассказывала взахлеб Инна. Карпунину этот человек представлялся другим. Скорее как Игорь. Стремительным, энергичным, властным. Теперь же он увидел иного Данилова. Высокий, седоватый, интересный, сдержанный. Данилов тоже был в форме, но сидела она на нем иначе, чем на Игоре, в нем все было в меру, и именно это придавало его облику особую элегантность.

— К столу, к столу! — В прихожую вошел отец

Инны во всей красоте генеральского мундира. Он одобрительно взглянул на новые погоны Игоря, ничего не сказал, только хлопнул его по плечу и, широко улыбаясь, пошел навстречу Данилову.

— Рад, рад, гость редкий, вот уж действительно счастливый случай. Молодец, дочка, — он обнял Инну за плечи, — а то еще бы четыре года прошло, и не зашел бы.

Четыре года. Да, действительно. А много это или мало? В сорок первом они праздновали здесь свадьбу Игоря и Инны. Ваня Шарапов, Степа Полесов... Ваня погиб в сентябре, через несколько дней после свадьбы. Горячий кусок свинца, выпущенный из пистолета сволочью Широковым, оборвал его жизнь. Степу Полесова они похоронили в сорок втором на кладбище подмосковного райцентра. Данилов по сей день помнит тот жаркий день и сухую землю могилы. Нет, он давно уже разучился исчислять жизнь днями, месяцами, годами. Он исчислял ее потерями.

За столом было так же радостно. Все говорили только об Игоре и Петре. Данилов сидел в стороне и радовался, что о нем забыли. Он никак не мог отделаться от воспоминаний. Мертвые входили в эту комнату, садились рядом с живыми и вели свой, особый разговор, слышный только одному ему, Данилову.

Через некоторое время мужчины вышли покурить в кабинет Фролова.

— Александр Петрович, — Данилов присел поближе к Фролову, — у меня к вам дело есть.

— Всегда готов помочь.

— Ваши самолеты ходят до Баку?

— Конечно.

— Вот какой вопрос. Могли бы вы помочь улететь нашему сотруднику?

— Что, Иван Александрович, дело действительно срочное?

— Как вам сказать, от этой командировки зависит судьба очень сложной операции. А у нас, как у хирургов, каждая операция людей спасает.

— Понял. Сейчас прямо и позвоню. Только не обижайтесь, дорогие родственники и гости, мне надо в одиночестве это сделать.

Через несколько минут он вышел к ним в коридор.

— Плохо дело, Иван Александрович, пурга, нет лет-

ной погоды. Синоптики обещают не раньше чем через пять дней. Тогда первым рейсом отправлю вашего офицера.

— Пять многовато. Ну что ж, спасибо. Будем думать.

— Решайте и помните, что первый рейс ваш.

— Простите, — вмешался в разговор Карпунин, — завтра в семь уходит мой поезд. Как раз на Баку. Он литерный, пойдет почти без остановок. Через три дня будем на месте. Я мог бы прихватить вашего товарища.

— Вот спасибо! Игорь, ты оставайся до пяти, ровно в пять — в управление, — Данилов увидел радостное лицо Инны, — отвезешь Белова. А мне пора.

Когда за Даниловым закрылась дверь, Фролов позвал Игоря к себе в кабинет.

— Садись, да не сюда: рядом со мной, на диван. Кури. — Он помолчал, внимательно разглядывая Игоря. — Быстро растешь, твой начальник подполковник всего, а старше тебя на двадцать лет.

— Время такое, Александр Петрович, война. Людей опытных нет.

— А ты, значит, опытней всех?

— Я же не сам себе эти цацки вешаю, — Игорь щелкнул ногтем по погону. — Начальство, а ему виднее.

— Понятно. Только как ты сам считаешь, по праву тебе дают звания и выдвигают?

— Я об этом, Александр Петрович, не думаю. У меня от другого голова болит.

— Так, может быть, мне позвонить кое-кому, переведем тебя в наркомат, работу найдем поспокойнее?

— Я, дорогой тесть, этого, как говорит мой начальник, телефонного права не признаю. Я свои погоны и ордена не по звонкам получал... — зло выпалил Игорь.

— Не сердись. Это я Инне обещал поговорить с тобой, вот, и сам понимаешь... — В голосе тестя послышались извиняющиеся нотки.

— Она пусть в аспирантуре учится, а со своими делами я сам разберусь.

— Ладно, ладно, мир. Скажу честно, другого не ждал. — Фролов положил руку Игорю на колено. — Все-таки молодец твой Данилов. Большой человек. Ты понял, почему он сегодня такой грустный сидел?

— Устал, видно, сердце у него шалит.

— Ничего. Проживешь подольше, поймешь. Ну ладно, иди, а то жена заждалась.

ДАНИЛОВ

Он вышел из подъезда и на всякий случай переложил пистолет в карман полушубка. Мало ли что. Все-таки ночь. Можно, конечно, было вызвать машину, только зачем? От Белорусского до Петровки переулками и проходными дворами пятнадцать минут ходьбы. Правда, теперь все дворы проходные. Опасаясь зажигалок, дежурные ПВО снесли заборы. Иван Александрович вспомнил довоенную Москву. Что же изменилось? Да почти ничего. Все на месте. А все-таки город был другим. Вот здесь, по Грузинской, в это время трамвай еще ходил. Он плыл по улицам, скрежеща на стыках, и синие искры мертвенным светом заливали темные переулки. Иван Александрович любил Москву. Иногда летом Данилов садился в красно-желтый второй вагон, прицепной, выходил на заднюю площадку и ехал через весь город в свои любимые Сокольники. Трамвай нырял в кривые, горбатые переулки, пересекал шумное Садовое кольцо и снова прятался в зелень маленьких улиц. За окнами мелькали утонувшие в деревьях дворы, когда-то каменные, а теперь похожие на выношенный, но все еще элегантный фрак, особняки, красные или серые коробки новых домов. Их Данилов терпеть не мог. Читая в газетах о снесенных старых улицах или застроенных пустошах, он искренне огорчался. Он любил Москву такой, с которой впервые встретился в девятнадцатом году, с ее базарами, бульварами, церквами. Вся его жизнь была связана с этим городом. Он знал его весь, наизусть. Его окраины и центр, проходные дворы и скверы. Иногда Данилов мысленно шел от Патриарших прудов до Колпачного переулка, восстанавливая в памяти все дома, деревья, решетки заборов, скамейки, такая уж у него была игра.

И сейчас, шагая сквозь снежную ночь, Иван Александрович мысленно дорисовывал в памяти скрытые темнотой детали зданий.

«Если доживу до пенсии, — подумал он, — напишу книгу о Москве, как Гиляровский».

Подумал и усмехнулся горько. Нет, не получится

его книга простой и доброй. У Гиляровского другая профессия была, он к хитрованцам на рынок за типажами ездил, а Данилов — за краденым.

Нет, если уж писать книгу, так чтоб она была суровой и жесткой. Пусть те, кто прочтет ее, вспомнят людей, погибших ради счастья других в этих зеленых палисадниках и скверах. Мир, в котором жил Данилов, виделся ему в двух измерениях. Один — красота и тишина. Второй — жестокость и мужество. Они жили в его душе параллельно, не пересекаясь никогда. Из мира тишины он входил туда, где ее разрывали выстрелы из наганов, но все же всегда возвращался оттуда. Потому что иначе можно озлобиться и очерстветь душой.

Занятый своими мыслями, Иван Александрович и не заметил, как дошагал до Петровки.

— Товарищ подполковник, — доложил дежурный, — пока все тихо. Вас никто не спрашивал. Только вот письмо пришло, личное. Патологоанатомы акт прислали, я его на стол вам положил под стекло.

— Спасибо. — Данилов сунул письмо в карман, поднялся к себе. Уходя, он опять забыл открыть форточку и выбросить окурки из пепельницы, поэтому в кабинете стоял отвратительный и горький запах табака. «Трубку, что ли, начать курить, — подумал Иван Александрович, — вон у Муштакова в комнате как приятно пахнет».

Он приподнял стекло, достал акт патологоанатомов. «Посмотрим, что же они нашли у покойного Судина. Ага, вот главное: «В организме найдены следы большой дозы барбитуроновой кислоты, из чего можно заключить, что гр. Судин был предварительно усыплен сильнодействующим снотворным...»

Вот тебе и на! Вот тебе и гражданка Валиева! Прямо Сонька Золотая Ручка. Стало быть, она ему поначалу в вино снотворного насыпала, а потом уж, когда он уснул, пустила газ. Про отпечатки она в книгах, видимо, вычитала, все вытерла. Кухню обыскивала, поэтому спящего к плите и прислонила, да не заметила, как заколка выпала. Нет, она не профессионалка. Обыскала квартиру, бумаги забрала. Ну, вещи от жадности. Психология спекулянтки, от нее никуда не денешься. Только не сама она на это решилась. Ей приказал кто-то. Вот кто? Белов узнает. Он паренек въедливый.

Данилов позвонил дежурному и приказал немедленно вызвать Белова. Потом достал из кармана письмо.

«Дорогой Иван Александрович! Пишет Вам небезызвестный Михаил Костров. Хочу пожаловаться Вам на мою невезучую жизнь. После нашей встречи в ноябре сорок четвертого попал я опять на фронт, на будапештское направление. Служил по своей армейской специальности в разведке на должности старшины. Но вот опять не повезло мне. Попал в перепалку, и контузило меня, да так, что пришлось лечь в госпиталь. Прокантовался я там две недели, и комиссия признала меня негодным для фронтовой службы.

Я уж с врачами лаялся, и на глотку их брал, и на сграх. Ничего. Теперь отправляют меня в тыл в Белоруссию служить комвзвода в истребительном батальоне. Когда я в строевой части скандал устроил, мне майор-кадровик сказал: «Неизвестно, где ты свою голову сложишь раньше, там или на фронте». Мол, буду я бороться в Белоруссии с бандитами. Мол, что у меня большой по этой части опыт работы, он, дескать, обо мне справки наводил. Так что еду я в Белоруссию, а там посмотрим. Большой привет Наталье Константиновне, начальнику, Серебровскому, Муравьеву, Самохину и Сереже Белову.

До свидания, дорогой Иван Александрович.

Ваш друг, младший лейтенант Михаил Костров».

Данилов читал письмо, и на душе у него стало хорошо. Ай да Мишка! Младший лейтенант. Вот что значит жизнь! Когда-то этот младший лейтенант много крови попортил Данилову. Был Мишка Костров удачливым и наглым квартирным вором. Три раза сажал его Данилов. Сколько говорил с ним, сколько нервов потратил! Но все же добился своего. Завязал Костров. Начал работать, женился, ребенка завел, школу-десятилетку окончил. Во время войны дважды помог Данилову. Первый раз в сорок первом, когда брали банду Широкова, потом они в районе встретились в августе сорок второго, был Мишка уже старший сержант, имел две медали «За отвагу», и тогда он помог ему в ликвидации банды «ювелиров». Оставался у Кострова «блатной авторитет», его кличку Червонец многие еще произносили со страхом и уважением. Тогда хотел Данилов оставить его в истребительном батальоне НКВД, но Костров не согласился, уехал на фронт. Пе-

ред его отъездом они с начальником долго думали, чем наградить Мишку. С трудом разыскали золотые часы, сделали гравировку: «Старшему сержанту Кострову М. Ф. за борьбу с бандитизмом от МУРа».

Потом как снег на голову Мишка появился в ноябре прошлого года. После госпиталя ему дали пять дней отпуска. Он ходил по коридорам управления, нагловато поблескивая золотой фиксой, демонстрируя сотрудникам свои шесть наград, среди которых были два ордена и четыре медали. И вот на́ тебе — младший лейтенант.

Иван Александрович аккуратно сложил письмо, спрятал его в стол. «Значит, теперь Костров едет в Белоруссию драться с бандитами. Странно все-таки складывается жизнь. Третий раз всплывает Белоруссия. К Широкову шли люди оттуда. Братья Музыка — ювелиры из Бреста. Теперь вот Кузыма — та же знакомая республика. Ну что ж, жизнь покажет, может быть, и удастся встретиться с Мишкой в Белоруссии, кто знает. Подождем ответа из Пинска».

Он посмотрел на часы — два. Белов вызван на пять, значит, есть еще три часа. Данилов раскрыл шкаф, вынул подушку и одеяло, бросил их на диван и начал стаскивать сапоги.

БЕЛОВ

— Зайдем в транспортный отдел милиции, — сказал ему Игорь, — я уточню насчет эшелона.

Транспортный отдел был похож на штаб казачьей сотни. По коридору ходили милиционеры в косматых папахах, тяжелые шашки стучали по голенищам сапог.

Дежурный сидел за столом, шашка его лежала на скамейке. Он внимательно прочитал удостоверение и встал, застегивая воротник мундира.

— Слушаю вас, товарищ майор.

— На каком пути стоит литерный 6-бис?

— Сейчас уточню.

Через пять минут выяснилось, что санитарный поезд Петра на втором пути.

— Я вам милиционера дам, он проводит, а то вы не найдете. Козлов! — крикнул дежурный. — Вот проводи товарищей из ОББ к 6-бис кратчайшей дорогой.

Действительно, без Козлова они вряд ли нашли бы

санитарный поезд. Козлов повел их мимо здания вокзала, они обошли какие-то пакгаузы, вышли на пути.

— Сюда, — сказал Козлов и начал подниматься на тормозную площадку товарного вагона. Шашка мешала ему, и он зажал ее под мышкой.

— Слушай, — спросил его Игорь, — зачем тебе шашка? Ты ее хоть раз из ножен-то достал?

— Мне она как зайцу модная болезнь, товарищ майор, мы до прошлого года были люди как люди, так вот кому-то понадобилось нам новую форму ввести. Мне тут один старичок, проезжий, говорил, что точно так же до революции казаков обмундировывали. Так казак же на лошади, а нам попробуй побегай по вагонам с этой селедкой. Я поначалу с непривычки прямо на перроне падал под смех трудящихся. Станет проклятая между ног, и все тут. Сейчас пообвык.

— Н-да, — Игорь закрутил головой, — видок у вас, братцы, действительно допотопный. Но зато консервный нож не нужен.

— Так что ж мы, банки рубить, что ли, будем? — обиделся Козлов. — Вы уж скажете тоже.

Они еще минут десять плутали в темном лабиринте тормозных площадок, лазили под вагоны.

— Вот ваш эшелон, — наконец, тяжело отдуваясь, сказал Козлов, — разрешите идти?

— Спасибо большое, идите.

В темноте Сергей увидел длинный хвост вагонов.

— Так, — глубокомысленно изрек Игорь, — полдела сделано. Теперь надо найти Петьку.

Из темноты прямо на них налетели две облепленные снегом фигуры в шинелях.

— Эй, служивые, где нам Карпунина разыскать? — поинтересовался Муравьев.

— У паровоза, — ответил звонкий девичий голос.

— А паровоз-то где?

— Спереди. — Девушки засмеялись.

— Да мы тут уж минут двадцать блуждаем.

— Туда идите. — Девушка махнула рукой.

Они еще минут десять шли вдоль вагонов, спотыкаясь о шпалы, скользя в мазутных пятнах.

— Скорей бы светомаскировку отменили, а то темно, как у негра в желудке, — зло сказал Игорь, — я еще вдобавок фонарик в машине оставил. Твой-то где?

— В чемодане, — виновато ответил Сергей.

— Учи вас, учи... О, слышишь, сопит. Значит, скоро паровоз.

— Я хочу вам сказать, Александра Яковлевна, как начальнику поезда: так больше продолжаться не будет... — услышал вдруг Игорь знакомый голос.

— Петька! — крикнул он.

— Игорь, — от вагонов отделилась темная фигура, — где же ты? Мы через десять минут отправляемся.

— Да вот человека в командировку собирали. Паек, литер, деньги. Попробуй за час выбей. Знакомьтесь. Это майор Карпунин, Сережа, в некотором роде мой медсвояк.

— Как, как? — удивился Петр.

— Очень просто, — засмеялся Игорь, — медсестры есть, медбратья тоже были, я где-то читал об этом. А ты мой медсвояк. Ну ладно, передаю тебе старшего лейтенанта, только ты его с девушками в одно купе не сажай, он у нас скромный.

— Для него место подготовлено. Вы поедете с нашим врачом, капитаном, очень милым человеком, — повернулся Карпунин к Сергею.

ДАНИЛОВ

О том, что Муштаков идет по коридору, все узнавали заранее. Сначала помещение наполнял медовый запах трубочного табака, потом из-за поворота, где в «пенале» располагался его отдел, появлялся подполковник Муштаков. Данилов никогда не видел его в форме. Даже зимой сорок первого, в момент наивысшего напряжения сил, когда не то чтобы побриться, поспать некогда было, Володя Муштаков всегда появлялся в белой крахмальной рубашке, прекрасно сшитом костюме и модном галстуке. Таким же точно предстал он сегодня перед Даниловым. Муштаков шел по коридору в потрясающем синем костюме с трубкой в зубах. Данилов оглядел его всего, от безукоризненного пробора до черных ботинок на толстой каучуковой подошве, и в душе даже позавидовал.

— Милый Ваня, — Муштаков взял его под руку, — вот уж действительно, если гора не идет к Магомету... Я, как ни странно, ищу тебя.

— Слушай, Володя, ты где такой вкусный табак берешь?

— «Золотое руно»? Проще простого. Мой приятель писатель, у них есть свой буфет, там талоны на табак можно отоваривать именно этой маркой.

— Чертовски здорово пахнет.

— Открою секрет тебе одному. Я беру обыкновенный табак и мешаю его с «Золотым руном», поэтому мои запасы долговечны. Но все же я очень прошу: зайди ко мне. Во-первых, я угощу тебя чудесным кофе, во-вторых, у меня есть соображения по поводу твоего покойника.

— Ты имеешь в виду Судина?

— Именно его.

Они вошли в отдел по борьбе с мошенничеством. В кабинете Муштакова приятно пахло хорошим табаком и довоенным кофе.

— Садись, он еще горячий, сейчас тебе налью.

— Ты знаешь, сколько времени я не пил настоящего кофе? — спросил Данилов, глядя на Муштакова, возившегося с немецкой трофейной спиртовкой.

— Знаю. Ровно столько же, сколько и я. С середины сорок первого. Но вчера приехал с фронта мой брат и привез мне эти трофеи. — Муштаков показал на спиртовку и банку с яркой этикеткой.

Данилов взял чашку из рук Муштакова и вдохнул забытый аромат. Сделал первый глоток и закрыл глаза от удовольствия. Когда Данилов ухаживал за Наташей, они часто бывали в кафе «Красный мак» в Столешниковом. Стены, обшитые темными панелями, мягкая удобная мебель, мраморная стойка в глубине. Кафе как бы состояло из двух половин: одна его часть несколько возвышалась, туда вели три ступеньки. Тогда по телефону для конспирации они говорили: пойдем к трем ступенькам. Они приходили туда, брали бутылку «Кара-Чанах», пирожные и кофе, крепкий и ароматный.

Иван Александрович сделал еще глоток, потом еще.

— Налить? — предложил Муштаков.

— Неудобно разорять тебя.

— Пустое. — Он наклонил кофейник, долил еще полчашки. — К сожалению, все. Пей, я тебе кое-что расскажу.

Муштаков открыл сейф, достал тоненькую папку.

— Это показания одного золотишника, спекулянта Володи Булюля, нет, не напрягайся, ты его не знаешь. Он промышлял у скупки в Столешниковом. Вот что он поведал нам.

«Перекупленные дорогие вещи я отдавал за золото и медикаменты некоему Судину Илье, по кличке Морденок.

Вопрос. Какие медикаменты вам давал Илья Судин?

Ответ. Сульфидин и иногда морфий.

Вопрос. Где он их брал?

Ответ. Это мне неизвестно.

Вопрос. Сколько сделок у вас было с Судиным?

Ответ. Точно не помню, пять или шесть.

Вопрос. Чем он занимался?

Ответ. Подвизался уполномоченным по снабжению от какой-то бакинской организации.

Вопрос. Где и когда вы с ним познакомились?

Ответ. Мы вместе отбывали срок на ББК[1]. Только тогда у него другая фамилия была, а кликуха та же...»

— Ну вот, пожалуй, и все новости, — Муштаков закрыл папку, — теперь ты можешь почти точно установить, кто такой Судин.

— Володя, — Данилов встал, — я сейчас к начальству иду, ты мне не дашь этот протокол?

— Зачем он тебе? Я просто прикажу, и выписка через пятнадцать минут будет в приемной у Осетрова. — Муштаков взглянул на часы и постучал кулаком в стенку. — Это моя спецсвязь. Иди спокойно. Все будет вовремя.

Выходя из его кабинета, Данилов столкнулся в дверях с сотрудником Володиного отдела.

ДАНИЛОВ И НАЧАЛЬНИК

Они разложили бумаги на большом столе начальника. В кабинете было по-утреннему зябко, но форточка все равно оставалась чуть приоткрытой, начальник считал, что свежий воздух целебен. Он читал материалы по делу, а Данилов рассеянно рисовал один и тот же мужской профиль на коробке от папирос, ожидая первого вопроса.

---

[1] Беломорско-Балтийский канал.

— Ну что же, Иван Александрович, — начальник оторвался от бумаг, — читается с неослабевающим интересом, как авантюрный роман.

— «Похождения Рокамболя»? — усмехнулся Данилов.

— Нет, скорее, «Петербургские трущобы». Доложи о предпринятых мерах.

— Сегодня утром Белов выехал в Баку. Наблюдение за Валиевой осуществляют местные товарищи.

— Ясно. Транспорт?

— Литерный санитарный поезд. Идет на двойной тяге. Должен прибыть на место через три-четыре дня.

— Дважды в день связывайся по ВЧ и докладывай мне.

— Есть.

— Что с Кузымой?

— Часа через два допросим.

— Что за срок странный такой?

— Наркоман, пока еще не отошел.

— Меня крепко интересует этот «полковник». Где шофер?

— Никитин выехал за ним.

— С прокуратурой говорил?

— Конечно.

— Кто дело-то ведет?

— Чернышов.

— Степан Федорович. Смотри, жив курилка! Молодец! Ему сколько лет-то?

— Шестьдесят два.

— Мне кажется, что главные фигуры здесь «полковник» и Кузыма. С Судиным все ясно. Кстати, пальцы его и фото, кличку тоже немедленно в ГУМ для идентификации. Говоришь, был на Беломор-канале? Выясним! А теперь, Ваня, дальше поедем. Какие у тебя имеются мысли в отношении стратегии, а также тактики?

— Вы меня, видимо, с генералом Скобелевым спутали.

— Нет, я тебя ни с кем не спутал. — Начальник зашагал по ковру. — Нет, не спутал, — добавил он. — В сыске тоже нужна и стратегия и тактика. Понял?

— Куда уж как ясно. Только, на мой взгляд, задача у нас одна — срочно расколоть Кузыму и выйти на

«полковника». Повяжем его, тогда мы на коне. Уйдет...

— Тогда я с тебя первого спрошу, за всю шоколадку, — хохотнул начальник. — Ну а с меня... — Он не докончил и повернулся к окну.

— Ну что мы заранее о выговорах думаем, — Данилов встал, начал собирать бумаги, — что-то вы слабину давать начали. Пока мы точно выходим...

— В цвет? — Начальник быстро повернулся. — Конечно, если возьмем, то оно так и будет. А если нет?..

— Найдем.

— Иголку в стоге сена. Оптимист ты, Ваня. А может, лучше обрубить концы? — хитро спросил он.

— Это как же?

— Да так, возьмем Валиёву, а убийца Соколова у нас.

— Вы что, шутите?!

— Конечно, шучу, — вздохнул начальник, — только кое-кто так делает, и ничего — в передовиках ходит.

— Мы с тобой разве в розыск за этим пришли? За карточкой на доске Почета и процентами?

— Иди ты, — махнул рукой начальник, — тебе же русским языком сказано: шучу. Могу я пошутить или нет?

— Невеселые у вас нынче шутки.

— Ваня, — начальник подошел к Данилову, крепко сжал локоть, — ты мне «полковника» этого дай. Где хочешь ищи. Понял?

— Чего уж тут не понять.

— Ну иди, наводи страх на преступный элемент. После допроса Кузымы сразу доложи.

Данилов вышел из кабинета. Немного постоял в приемной под недоуменным взглядом Осетрова и вышел в коридор. Скоро Никитин привезет шофера. А может, уже привез?

НИКИТИН

Прямо сбесилось начальство с делом этого Судина. Ни поспать тебе, ни пожрать. Только в столовку собрался. Так нет, беги скорей, волоки этого шофера. Да куда он денется? Возит, между прочим, начальника

ОРСа, бронирован, жрет, пьет, что хочет, и еще калымит. Из-за этого дерьма он поесть не успеет. Хорошо, что машину дали, а то на трамвае до Каланчевки насквозь вымерзнешь. До войны он в Туле работал опером в отделении. Вот тогда жизнь шла совсем иначе. Он в районе хозяином был, фигурой. Хорошо жилось, легко, весело, и работалось так же. Потом, когда немцы к Туле подошли, он в роту милиции ушел. Повоевал неплохо. Ранили. В Москву увезли лечиться, а из госпиталя сразу в МУР. Никитин вздохнул тяжело.

— Ты чего, — спросил его шофер Быков, — что вздыхаешь-то, я спрашиваю?

— А что делать прикажешь, когда меня Данилов твой погнал ни свет ни заря, нежрамшего!

— Закури, полегчает.

— Папирос нет.

— Врешь ты, Колька. — Быков покосился на него. — Чтоб у такого жуковатого, как ты, не было папирос? Ни в жисть не поверю.

— Все знаешь. На, закуривай.

— Ишь, «Беломор», не зря ты, видно, около Нинки из столовой вьешься.

— А ты думал.

— Нет, точно ты, Колька, жук, — заключил Быков, — я тебя сразу расколол, еще когда мы в Сходню ездили.

— Это когда же?

— Да за грибами. Самогонку помнишь?

— А, — улыбнулся Никитин, — тогда... Да, показал я класс работы вашим фрайерам.

— Ты это брось, — обиделся Быков, — ребята у нас правильные.

— А зачем же ты тогда ту самогонку пил, Трифоныч? Вот бы и целовал своих правильных.

Дальше они ехали молча. Быков думал о том, что все-таки, несмотря на ушлость, Колька мужик пустячный, а Никитин продолжал злиться на Данилова.

— Приехали.

Машина остановилась у ворот с вывеской «Автобаза».

— Здесь?

— Читай, адрес на стене написан.

— Ты, Быков, смотри, если что.

— Ученого учить — только портить. Иди, жук.

Никитин вышел, зло саданув дверью. В проходной сидел вахтер в метростроевской форме.

— Вы к кому? — Он встал, поправив кобуру нагана.

— МУР, — зловеще, вполголоса произнес Никитин, показывая удостоверение.

— Так к кому же? — голос у вахтера потерял начальственную твердость.

— Калинин на базе?

— Так точно, вызова ждет.

— Где?

— А вон там, в комнате для шоферов.

— Ладно. Я к нему пройду.

Вахтер отступил, освобождая дорогу, думая, позвонить или нет начальнику караула. Черт его знает, этого парня. Борьба с бандитизмом — это тебе не просто так. Он все же решил доложить и пошел к телефону.

В жарко натопленной комнате шоферы играли на вылет в домино. Круглый стол резного дерева, неизвестно как попавший сюда, трещал от ударов костяшек.

— Дуплюсь!

— А мы вам пятерку!

— Нет, нас так просто не возьмешь!

— Да что же ты ставишь, дура! Ты разве не видишь, с чего я хожу?

На Никитина никто не обратил внимания. Шоферы просто не замечали его, увлеченные игрой.

— Калинин, — громко сказал Никитин.

— Ну, я. — Шофер в меховой летной кожанке повернулся к нему. — Чего еще?

— Встань, — чуть повысил голос Никитин, — и иди за мной.

— А ты кто такой? Перед каждым вставать...

«Ну, ты у меня сейчас попляшешь». Никитин достал удостоверение.

— Прочел?

Шофер непонимающе поглядел на него.

— Ну? — рявкнул Никитин и опустил правую руку в карман.

В комнате повисла тишина. Калинин поднялся, опасливо косясь на руки Никитина.

— Документы.

Он спрятал в карман права и паспорт.

— Пошли.

— Куда? — голос шофера дрогнул.

— Куда надо. Только иди спокойно, без фокусов. Стреляю без предупреждения.

Они пересекли двор, подошли к проходной. Там их уже ждал начальник караула.

— Смирнов, — представился он Никитину, — вы куда его забираете?

— А по какому праву ты в действия органов вмешиваешься? — лениво процедил Никитин, глядя куда-то поверх его головы.

— Так ведь товарищ Пирожков звонить будет. А что я скажу?

— А по мне хоть Булочкин. Пусть звонит в ОББ Б4-02-04. Ясно?

— Так точно, — начальник приложил руку к шапке, провожая глазами сотрудника отдела с таким устрашающим названием.

ШОФЕР КАЛИНИН

«Господи, господи ты боже мой! За что же это меня? А? Куда это? Зачем?»

Он покосился на сидящего рядом с ним оперативника. Спросить? Не скажет. Что узнали-то они? Что? Может, за бензин? Подумаешь, продал сто литров. Всего дел. Нет, не за бензин. За седьмой распределитель. За повидло это и водку ту проклятущую. Ту самую, что он в Перово отвозил. Точно. Дознались. Но он скажет. Все скажет. Кого ему прикрывать! Пашку, гада мордастого? Он, наверное, за это какие деньги хапнул, а ему тысячу дал да три бутылки водки. А тысяча эта ему зачем? Что по нынешним временам с этой тысячей сделаешь? Что купишь? Пачка папирос с рук — сто рублей. А может, не за Пашку? Вдруг соседи накапали? Могли. Особенно этот рыжий, филолог, что ли? Червь книжный, паскуда завистливая. Надо было на него написать куда следует насчет книжек немецких. Так пожалел, детей его пожалел. Вот наука впредь будет. А что он написать-то мог? Про продукты. Пусть докажут. Их ему товарищ Пирожков давал. Его не тронут Кишка тонка. У него везде руки.

Друзья. А вдруг он откажется? Павел-то Егорович? Тогда как? Тогда его утоплю. Все расскажу и про суку его блондинистую, и про продукты. Неужто конец? Как жил-то хорошо, как жил! Ой, чего это я молочу! Держаться надо, молчать. Я кто? Шофер. Рабочий класс. А если сосед оговорил? Интеллигент, сволочь, у него книги немецкие и фамилия тоже немецкая. Гримфельд ему фамилия. Хочет насолить пролетарию. Ежели Петька? Ну, возил, ну, дал он мне водки, а я ему деньги заплатил. Кто видел? Никто. Кто докажет? Петька? Оговаривает. Запутать хочет. А то, что я за эту водку талоны не отдал? Наказывайте. Судите. А вдруг разбронируют? Пусть. Войне-то конец. Пока обучат, глядишь — и все».

Калинин прошел мимо строго поглядевшего на него милиционера, и ему стало совсем нехорошо. Ноги сделались словно из ваты, плечи набрякли тяжестью, будто он за баранкой просидел два дня не разгибаясь, к горлу подкатил ком, мешавший дышать. Не замечая ничего, как во сне, поднялся он на второй этаж.

— Садись сюда. — Оперативник показал ему на скамью. — Садись и жди вызова.

Калинин тяжело опустился на жесткое деревянное сиденье и затих, бессмысленно глядя вдоль коридора.

ДАНИЛОВ

Никитина он встретил у кабинета.

— Товарищ подполковник, свидетель Калинин доставлен.

— Где он?

— А вон на скамейке. Пар выпускает.

— Опять?

— Что опять?

— За свои штучки взялся?

— Какие еще штучки? — непонимающе спросил Никитин.

— Смотри!

— А чего, взял его немножко на «понял — понял». И все дела.

— Когда я тебя научу, что свидетель — это одно, а... Ну ладно, позже поговорим. Через пять минут доставишь его ко мне.

Данилов вошел в кабинет, сел за стол. Черт его знает, этого Никитина, ну что за человек! Любить людей он его, конечно, не научит, а уважать заставит. Пусть хоть внешне ведет себя пристойно, как подобает работнику милиции.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге вытянулся Никитин.

— Шофер Калинин по вашему приказанию доставлен. Разрешите ввести, товарищ подполковник?

— Введи.

Данилов рассматривал Калинина и думал: здорово же его скрутило. Шофер не сидел на стуле, а оплыл на нем, как квашня, безвольно и беззащитно.

— Ваша фамилия?

— Моя? — срывающимся голосом спросил свидетель. — Моя, что ли?

— Ваша.

— Калинин Владимир Данилович.

— Номер вашей машины?

— Моей, да? Моей?

— Вашей, естественно, да успокойтесь вы. — Данилов встал и увидел, как голова Калинина дернулась. «Господи, — подумал он, — надо же быть таким трусом!» Иван Александрович налил стакан воды из графина, протянул свидетелю. — Выпейте и успокойтесь.

Калинин пил жадно, расплескивая воду трясущимися руками.

— Ну, успокоились?

Калинин кивнул головой.

— Читать можете?

— Могу, — еле выдавил он.

— Нате вам Уголовный кодекс. Вот статья девяносто пять[1]. Ознакомьтесь. Да нет, так у нас ничего не получится. Ну и развезло вас! Держите себя в руках, вы же мужчина, в конце концов. Слушайте. Статья девяносто пятая УК РСФСР гласит: «Заведомо ложный донос органу судебно-следственной власти или иным, имеющим право возбуждать уголовное преследование должностным лицам, а равно заведомо ложное показание, данное свидетелем, экспертом или перевод-

[1] Здесь и далее статьи УК РСФСР даются в редакции тех лет.

чиком при производстве дознания, следствия или судебного разбирательства по делу, — лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до трех месяцев». Вы уяснили смысл статьи?

Калинин опять кивнул головой.

— Прекрасно. Прошу вас назвать номер машины.

— МТ 51-50, — выдавил из себя свидетель.

Данилову казалось, что говорил не Калинин. В этого обмякшего, потерявшего контроль над собой человека как будто кто-то вставил приспособление, похожее на сломанный старый фонограф со стертыми валиками. Нажимаешь кнопку, изношенная пружина начинает крутить валик, и в трубку сквозь шипение и треск доносится нечто похожее на человеческий голос.

— Подойдите к столу и посмотрите на эту фотографию, — резко не сказал — скомандовал Данилов. Он по опыту знал, что жесткость заставляет таких людей собраться.

Калинин встал, взглянул на фотографию Судина и кивнул головой.

— Вы его знаете?

— Да, — опять послышались хрип и шипение.

— Успокойтесь. И расскажите, при каких обстоятельствах вы познакомились.

— Возил его пару раз, — голос Калинина окреп, — я, товарищ подполковник, — он махнул рукой, — от жадности это все, от корысти моей. Еду по Арбату, они идут...

— Кто именно?

— Этот, что на фото, и полковник авиации. Руку подняли. Я остановился, довез их.

— Куда?

— Сначала в Первый Зачатьевский, к этому, потом на Патриаршие пруды, там женщину взяли — и в коммерческий ресторан «Гранд-отель».

— Дальше что было?

— Его потом всего один раз видел. И все.

— А полковника? — Данилов напрягся внутренне.

— Его часто.

— Куда возили?

— В «Гранд-отель» и на Патриаршие, к этой, значит, женщине, она поет там.

— Где, на Патриарших?

— Нет, в ресторане. Артистка, значит.

— Кто такой этот полковник?
— Зовут Вадим Гаврилович, он здесь где-то на генерала учится.
— Это он вам сказал?
— И мне и женщине. В машине рассказывал.
— Где он живет?
— Не знаю. За городом. В Салтыковке. Я его туда один раз подвозил.
— Куда именно?
— К станции. Поехали по Горьковскому шоссе, через Балашиху, к переезду. Там как раз эшелон стоял, не проехать. Он мне и говорит: ты, мол, давай домой, я пешком доберусь, мне здесь два шага.
— Как зовут эту женщину?
— Какую?
— Певицу из ресторана.
— Он ее Ларисой называл.
— А она его?
— Вадиком. Он меня предупреждал: «Ты говори, что это машина моя». Мол, с уважением ко мне, как к хозяину. А мне-то что, платил он хорошо.
— Сколько же?
— Две тысячи за поездку.
— Часто вы так ездили?
— Раз десять. Я готов, деньги могу сдать. Я...
— Не в деньгах дело, Калинин. Какая у вас была связь?
— Не понял я, вы о чем?
— Ну, как вы договаривались?
— Он мне на работу звонил. Я хозяина своего всегда к шести к его бабе отвожу.
— К жене?
— Да нет, к бабе, она у нас плановиком работает. И до пяти утра свободный.
— Прекрасно. Сейчас вас проводят в другую комнату, там все это напишите. Подробно, не упуская никаких деталей. Понятно?
— Ясно. Все как есть напишу. Спасибо вам.
Когда Калинина увели, Данилов срочно вызвал Муравьева, Самохина, Ковалева и Никитина.
— Муравьев, немедленно в Салтыковку, там разыщешь дом, где живет этот летчик. Бери людей, машину и — туда. Возьми постановление на арест и обыск у прокурора. Если его не будет дома, оставишь заса-

ду, а сам с материалами сюда. Действуй. Самохин, звони в ресторан «Гранд-отель», уточни адрес певицы. Зовут Лариса, проживает на Патриарших прудах. Ковалев, ты едешь на автобазу, будешь сидеть и ждать звонка «полковника», возьми с собой техника, пусть он тебе отводной наушник приспособит. Никитин, в «Гранд-отель». У меня все. Выполняйте.

Через полчаса Самохин принес листок бумаги и положил его на стол перед Даниловым:

— Алфимова Лариса Евгеньевна. Патриаршие пруды, дом шесть, корпус А, квартира четыре.

Вот теперь начиналось самое главное. Все возможные контакты «полковника» были блокированы. На автобазе у телефона дежурил Ковалев, в «Гранд-отель» выслана группа во главе с Никитиным, в Салтыковке— Муравьев, к певице он поедет сам. Где-то «полковник» должен объявиться. Данилов, сидя в машине, старался не думать о том, что вопреки логике этот человек просто может исчезнуть из Москвы.

МУРАВЬЕВ

Он сидел в жарко натопленной дежурке Салтыковского поселкового отделения и ждал участкового, обслуживающего 5-ю Лучевую улицу. Несколько минут назад дежурный старшина подтвердил, что на даче вдовы профессора Сомова действительно проживает слушатель Академии генштаба полковник авиации Вадим Гаврилович Чистяков. Что прописка его оформлена по всем правилам. Игорь попросил принести ему из паспортного стола документы и вызвать участкового и теперь ждал. Его люди сразу же пошли к дому семь по 5-й Лучевой.

— Вот документы. — Старшина положил перед Игорем книгу прописки. — Вот заявление Сомовой.

Муравьев пробежал глазами бумаги.

— Это все?

— А чего еще, прописка-то временная — до мая. Потом мне паспортистка сказала: ей из кадров академии звонили, просили ускорить. Документы мы проверяли. Они в полном порядке. В академию звонили, там подтвердили: такой слушатель есть.

— А кто звонил?

— Начальник паспортного стола лейтенант Ракосуев.

— Ну-ка проводи меня к нему.

Паспортный стол помещался в маленькой комнате, разделенной на два пенальчика. В одном сидели две девушки-паспортистки, в другом был кабинет начальника, в котором еще помещались маленький стол и массивный сейф. Сам начальник, лейтенант Ракосуев, вполне подходил для своего кабинета. Маленький, чистенький, с бесцветными глазами и большими залысинами. Он прочитал удостоверение Игоря и записал реквизиты на отдельный лист бумаги.

— Бдительность, товарищ майор, и еще раз бдительность. Каждый чекист обязан в себе выработать данную черту. Так что же вас интересует? — он откинулся на спинку стула, сложив на животе руки.

— Телефон меня интересует, лейтенант, по которому вы в академию звонили по поводу Чистякова.

— Чистяков, — Ракосуев на секунду задумался, — это тот, что по 5-й Лучевой у Сомовой прописан? Минуту. — Лейтенант достал толстую папку, полистал какие-то бумаги: — Так. Сомова, Сомова. Вот телефончик академии — Г1-74-78. У нас строго. Учет и проверка — основа бдительности.

«Где они достали этого идиота? — Игорь почти с ненавистью глядел на лейтенанта. — Бдительность, учет, данная черта... Кто он, самовлюбленный дурак, а может быть, просто положили на этот стол пачку денег?..»

— Этот номер, лейтенант, никогда не был телефоном академии. Он установлен в Первом Зачатьевском переулке на квартире одного спекулянта. Можете позвонить туда. Там до сих пор находятся наши люди...

— Товарищ майор, — заглянул в дверь дежурный,— участковый пришел.

Выходя, Игорь краем глаза увидел, как лейтенант вытер мальчишеской ручкой покрывшийся испариной лоб.

В дежурной комнате его ожидал участковый в черном сторожевом тулупе, перетянутом поверху портупеей.

— Младший лейтенант Красиков.

— Дежурный вам объяснил, в чем дело?

— Так точно.

— Знаете этого человека?

— Никак нет, не успел, товарищ майор, познакомиться.

— Времени не было? — зло спросил Игорь.

— Он недавно у нас, товарищ майор, — вступился за Красикова дежурный.

— А где же старый участковый?

— Повысили. Да вы с ним только что говорили.

— Ракосуев? — удивился Игорь.

— Так точно, полгода назад его на паспортный перевели, участок бесхозным был. А теперь Красикова прислали из Реутова.

— Любопытно, — и повернулся к участковому, — поехали.

Когда они вышли из отделения, Красиков смущенно сказал, покосившись на сапоги Игоря:

— Туда, товарищ майор, «эмка» не пройдет, там все снегом занесло. Хоть и обувка ваша городская, а придется пёхом.

Они миновали переезд и углубились в длинные, заваленные снегом просеки. Красиков подхватил поскользнувшегося Игоря.

— Это и есть Лучевые улицы.

По обеим сторонам стояли занесенные снегом дома. Только на одной из крыш дымилась труба. Поселок показался Игорю заброшенным и вымершим. У некоторых дач были разобраны крыши, у других оборваны доски облицовки, вынуты рамы.

— Балуют, — крякнул Красиков, — руки б им поотрубал. Люди строят, стараются, а эта хива все на дрова тащит. Но ничего, я порядок наведу.

Дача Сомовой стояла в конце просеки у самого леса. Она выглядела самой нарядной на этой улице.

— Хозяйка ее всегда на зиму сдает, — пояснил участковый. — Я так полагаю, правильно это. В жилую-то никто не полезет.

Оперативники ждали на соседнем участке.

— Дача пустая, никто не приходил, — доложил Игорю старший группы.

Муравьев открыл калитку, вошел на участок. От крыльца вели свежие, чуть присыпанные снегом следы. «Сапоги армейские, сорок второй приблизительно», — автоматически отметил Игорь.

— Ключи от дачи есть? — повернулся к Красикову.

— Никак нет.

— Я уже открыл, тварищ майор, там замки простые, английские, — сказал лейтенант Гаврилов.

— Ну пошли. Будем «академика» дожидаться.

КОВАЛЕВ

Телефон звонил все время. Люди вызывали грузовики, технички, легковые машины. Был обычный рабочий день. Девушка-диспетчер, опасливо косясь на Ковалева, снимала трубку, отвечала, вызывала шоферов.

Калинин сидел здесь же, взмокший, взъерошенный, растерянный. Но страх ушел. Он не был обвиняемым. Свидетель — и все дело.

Телефон звонил, диспетчер брала трубку, на стене большие часы отсчитывали время. Полковник не звонил.

НИКИТИН

— Ну, борода, — спросил он швейцара, — ты этого летуна, что с вашей артисткой крутит, знаешь?

— Всегда. — Швейцар покосился на молчаливых оперативников.

Он с давних пор усвоил непоколебимую истину, что с милицией лучше не связываться. И если дело не касается лично тебя, то уж надо говорить правду. Черт их знает, вдруг в тумбочку залезут? А там у него и аптека и магазин. Каждый ведь жить-то хочет.

— Если он зайдет, ты его нашему товарищу покажи. Только втихаря. Понял? — Никитин положил руку на тумбочку.

«Господи, пронеси, — подумал швейцар, — спаси и помилуй, царица небесная».

— Не сомневайтесь, товарищ начальник. Сполню.

— Смотри, дед, а то я из тебя душу выну. — Никитин повернулся к сотрудникам: — Пошли.

По лестнице, покрытой истертым, когда-то вишневого цвета ковром, они поднялись на второй этаж. Зеркальный зал ресторана поразил Никитина своей по-

казной роскошью. Он разглядывал белые лепные стены, на которых каждый завиток, покрытый сусальным золотом, трижды отражался в огромных зеркалах.

Ресторан только что открыли: народу почти не было, за столом, в глубине зала, сидела компания офицеров в черных флотских кителях.

— Вы кого ищете? — подошел к ним официант. — Если закусить, то прошу ко мне, сам обслужу, в лучшем виде. Командированные?

— Мы из МУРа. — Никитин взял его за лацкан фрака. — Ну-ка нам метра, живенько.

Официант исчез, словно растворился. Через несколько минут к ним подплыл кругленький, толстенький человечек.

— Такие гости. Сахаров, метр.

Никитин неприязненно взглянул на него:

— Ты этого летуна, что с Ларисой крутит, знаешь?

— Как же, как же, такой солидный гость. — Сахаров развел руками.

— Так вот что, посади нас за стол у входа, но чтобы мы в глаза не бросались. Пива прикажи подать. А как тот самый «солидный» гость придет, дай нам знак.

— Сделаем в лучшем виде.

— Да запомни. Если ты или официант скажут кому, что мы из милиции, пеняй на себя.

— Понимаю. Не первый год на этом посту. — Сахаров прижал руку к сердцу.

ДАНИЛОВ

Корпус А оказался маленьким трехэтажным домиком, стоящим в глубине двора. К нему вела вытоптанная в снегу дорожка. В подъезде было темно, скупой январский день с трудом пробивался сквозь давно не мытые стекла окон на лестничной клетке. Данилов уверенно поднялся на второй этаж. Рядом с дверью сиротливо висела выдранная кнопка электрического звонка. Данилов попробовал соединить провода. Тихо. Тогда он постучал в филенку. Стук гулко раскатился по подъезду. Иван Александрович прислушался. В квартире по-прежнему было тихо.

— Вы сильнее стучите. — За его спиной открылась

дверь третьей квартиры, и из нее высунулась женская голова, в папильотках. — Лариса поздно ложится.

Дверь захлопнулась, и Данилов так саданул по филенке, что у него заныл кулак.

За дверью послышались торопливые шаги.

— Кто? — спросил заспанный женский голос.

— Милиция.

Дверь распахнулась, на пороге стояла женщина, рукой она придерживала полы халата.

— Вот это мило, — проговорила она низким, чуть хрипловатым голосом, — ну что же вы стоите, милиция? Заходите, а то вы мне квартиру всю выстудите.

Она пошарила рукой по стене, щелкнула выключателем. Прихожую залил тусклый свет горящей вполнакала лампы.

— Ну, — спросила хозяйка, — документы покажете или как?

Данилов раскрыл удостоверение.

— О, начальник отдела! Да еще с таким громким названием. — Хозяйка с любопытством взглянула на Данилова. — Ну и что же дальше?

— Может быть, вы нас в комнату пригласите? Неловко как-то, знаете, в коридоре разговаривать, Лариса Евгеньевна.

— И имя мое известно. Значит, разговор пойдет серьезный. Вы проходите сюда, — она открыла дверь,— а я пока себя немного в порядок приведу.

Оставив сотрудников в коридоре, Данилов вошел в небольшую, скромно обставленную комнату и автоматически подумал, что в окно Алфимова ничего выбросить не сможет: во дворе дежурят его люди.

Он сел на старый, потертый кожаный диван и огляделся. В углу стояло такое же кресло, кое-где из него торчали клочья обивки, круглый стол, четыре стула, пестрый абажур, металлическая печка-буржуйка у самого окна, труба выведена в форточку. На стене фотографии. Данилов встал, подошел ближе. Семь снимков хозяйки в различных, явно театральных костюмах. С восьмого на него смотрел большеглазый мужчина с гордо вскинутой головой.

«Артист, — подумал Иван Александрович, — нормальный человек не станет фотографироваться в такой неудобной позе».

— Любуетесь? — в комнату вошла Алфимова. —

Это я в ролях. Я же когда-то в драматическом театре служила. Пошла на эстраду ради хлебушка.

Только теперь Данилов разглядел ее как следует. На ней тот же халат, туго перетянутый в талии широким кушаком, короткие рукава обнажали чуть полнеющие, но не потерявшие еще своей формы руки, золотистые волосы падали на лоб. Даже в тусклом свете зимнего дня она была ярка и красива.

— Садитесь, начальник отдела, — Алфимова опустилась в кресло, взяла с тумбочки пачку «Казбека»,— курите.

— Спасибо. — Данилов встал, взял папиросу, чиркнул спичкой, давая прикурить хозяйке.

— Вы весьма любезны, — Лариса глубоко затянулась. — Теперь давайте начистоту. Я понимаю, что начальник отдела из милиции пришел ко мне не из-за вчерашней драки в нашем кабаке, свидетелем которой была ваша покорная слуга. Я угадала?

— Угадали.

— Тогда начинайте, меня никогда не допрашивали.

— Это не так любопытно, как вам кажется.

— Смотря для кого. Вам-то наверняка интересно, что я расскажу. — Лариса по-мужски ткнула папиросу в пепельницу. — Давайте же.

— Я хочу спросить об одном вашем, ну как бы это сформулировать...

— Говорите как есть. Или знакомом, или любовнике. Знакомых у меня много, а любовник один...

— Я хотел мягче — поклоннике.

— Эта формулировка обтекаемая. У меня поклонников ежевечерне больше сотни. Напьются, ну и поклоняются вовсю. Ваша служба просто обязана предполагать конкретность.

— Меня интересует полковник...

— Вадим Чистяков, так это мой любовник. Я почему-то так и знала, что вы о нем спросите.

Лариса потянулась за новой папиросой.

— Не беспокойтесь, я сама. — Прикурила, сделала несколько глубоких затяжек. — А потому, что он не тот, за кого себя выдает. Подождите, не перебивайте. Сначала я ему верила как дура, увлеклась. Герой воздуха, ас, ордена, красив, широк. Потом, когда угар проходить начал, я на него посмотрела как из зала...

— Как посмотрели? — переспросил Данилов.

— Каждая профессия имеет свой специфический язык, — улыбнулась Лариса. — Как там у вас — «по фене ботаешь».

— Это не у нас.

— Бросьте. Мне один умный человек сказал: охотник и дичь — одно и то же. Но мы не об этом. Я о специфике языка. В театре, когда говорят «из зала», подразумевают «со стороны». Ну так вот, поглядела я на него и вдруг поняла: он же играет. Причем плохо. Лжет, завирается, а все равно играет, через силу. Он же только на людях «полковник», — в голосе ее внезапно послышалась непонятная жалость, — а когда один, сам с собой... Я за ним наблюдала. Он если не выпьет, то спать не может, а как выпил, просыпается рано, бежит в комнату, сюда, бутылку вина хватает и стакан за стаканом. А руки трясутся. Сидит и смотрит в одну точку. Мучается, боится чего-то. А чего — я не знаю. Правда, спьяну он болтал кое-что... Ничего конкретного, так, общо очень. Мол, подлец я, негодяй, прощенья мне нет. Нет. Вы не подумайте, он не трус. Тут на нас в переулке трое с ножами налетели. Их тогда еле откачали, а он убежал, чтобы в милицию не попасть. Вот тогда я начала догадываться. Играет он, придумал себя, издерганный он, нервный. Жалкий. Мне его жалко. Да. Что вы так смотрите? Такой вот парадокс. Высокий, красивый, начитанный, умница необыкновенный, храбрый и трус одновременно. Что он сделал, скажите честно?

— Он вам не безразличен?

— Нет. Все равно Вадим дорог мне.

— Видите ли, Лариса Евгеньевна, для того, чтобы узнать обо всем, я должен увидеть его.

— Если он бандит, тот самый, что в тылу околачивается и людей грабит, — он для меня умер. Но если есть хоть какая-то возможность... Если он не сделал ничего страшного...

Она взяла новую папиросу, прикурила от старой, помолчала.

— Так что же... Кстати, как вас называть-то мне? Ведь не товарищ начальник. И что там делают ваши люди? У меня здесь зал ожидания?

— Нет, у вас засада. Мы ждем Чистякова. Зовите меня Иван Александрович.

— Глупо. Он прибежал вчера ко мне, оставил этот

чемодан. — Она ткнула папиросой в сторону дивана, на котором сидел Данилов. Он посмотрел туда. Вплотную прижавшись к дивану, стоял черный кожаный чемодан.

— Слушайте дальше, он сказал, что уезжает завтра. А сегодня придет в ресторан. Ну а оттуда ко мне за чемоданом, а утром на вокзал.

— Он сказал, куда уезжает?

— На фронт. — Лариса усмехнулась. — Господи, если бы это была правда...

— Вы знаете, что в чемодане?

— Нет. Я не любопытна. Не подглядываю в замочную скважину и не читаю чужих писем. Вам нужно? Глядите.

— Чемодан заперт?

— Представьте себе, не знаю. Но я думаю, вас эта мелочь не остановит. Вы мне разрешите пойти на кухню, я ведь еще ничего не ела.

— Вам поможет наш сотрудник.

— Готовить или есть?

— Нет, он просто постоит рядом.

— Как хотите. — Алфимова пожала плечами и вышла из комнаты.

Данилов выглянул в коридор:

— Самохин, зайди сюда с техником.

Пока связист умело и быстро прилаживал к телефону наушники, Самохин не менее умело открыл отверткой замки чемодана.

Данилов поднял крышку. Штатский костюм, белье, гимнастерка, кожаная куртка, опять белье, бритвенный прибор. На самом дне чемодана плотно лежали пачки денег, под ними диплом об окончании Ейского летного училища на имя Алтунина Вадима Гавриловича и летная книжка. С фотографии на Данилова смотрел совсем молодой лейтенант. Лицо его было торжественно и чуть взволнованно.

— Товарищ начальник, — Самохин протянул Данилову бумажку, — нашел в кармане пиджака.

Иван Александрович развернул ее. Ровным убористым почерком на ней было написано: «Красноармейская ул. Пивная. Ежедневно от 17 до 19.00».

Когда Лариса вошла в комнату, чемодан лежал на диване закрытый, а Данилов сидел на стуле рядом с телефоном, в руках он держал наушники.

— Это еще зачем? — она с недоумением посмотрела на него. — Впрочем, делайте что хотите.

Время тянулось бесконечно медленно. Телефон зазвонил всего лишь два раза. Подруга и администратор из филармонии. Подруга рассказывала о каком-то Боре, вернувшемся из Алма-Аты, администратор предлагал левый концерт на мясокомбинате.

— Ты слышишь, — бодро кричал он в трубку, — левак мировой. Расчет натурой. Колбаска, мясо. Золотое дно.

— Надеюсь, меня за это не посадят, — поинтересовалась Лариса, — а в наушниках вы похожи на Кренкеля.

— Вы его видели?

— Только в журнале. Но вид у него был такой же глупо-сосредоточенный.

— Спасибо.

— Кушайте на здоровье.

— Вы когда уходите на работу?

— В девять.

И опять потянулись минуты. Стрелки на часах словно примерзли к цифрам. Тик-так. Тик-так. Тик-так, — громко стучали часы на стене. Алфимова затихла в кресле, укутавшись клубами дыма. Данилова начинало клонить ко сну. Тик-так. Тик-так. Комната медленно меняла свои очертания. Тик-так. Тик-так. Абажур вдруг стал непомерно большим. Тик-так. Тик-так. Папиросный дым казался облаками. Они слоились, окутывали его. Тик-так. Тик-так.

Телефон зазвонил пронзительно и резко.

— Ал-ле, — протяжно пропела Лариса.

— Это я. — В трубке что-то трещало, голос был еле слышен, казалось, что звонят с другой планеты.

— Не слышу, ничего не слышу.

— Я перезвоню.

«Ти-ти-ти», — запела трубка.

— Он? — спросил Данилов.

Алфимова молча кивнула. Прошло минут пять, и телефон ожил снова.

— Ты где?

— Из автомата.

— Где ты?

— Здесь недалеко.

— Приходи.

— Не могу. Я приду в ресторан. Жди. Когда ты уходишь?

— Через полчаса.

И снова короткие гудки. Техник перезвонил на станцию. «Полковник» говорил из автомата на Пушкинской площади. Туда уже выехала опергруппа.

И внезапно Данилов понял, что Чистяков не придет в ресторан. Он же отлично знает, когда начинает петь Лариса. Чистяков спросил: «Когда ты уходишь?» Звонил с Пушкинской. Значит, он будет ее ждать здесь. Где-то рядом, чтобы забрать чемодан. Патриаршие пруды. Патрики, как их называли все, большая площадь. Сколько же улиц вливается в нее? Раз, два, три, четыре. Нет, пять. Точно, пять. Он поднял трубку.

— Дежурный? Данилов. Срочно всеми наличными силами перекрыть все выходы с площади Патриарших прудов. Объект одет в коричневое кожаное пальто с летными полковничьими погонами, в серую каракулевую папаху. Блокировать все проходные дворы и сквозные парадные. Немедленно. — Он посмотрел на Ларису: — Ну вот что, Алфимова, через полчаса вы выйдете и пойдете на работу. Только ничему не удивляйтесь.

— Вы думаете?..

— Уверен. Не бойтесь, мы будем рядом.

Он оставил в квартире сотрудника и связиста, остальным приказал выйти на улицу.

Нет, он не мог ошибиться. Данилов поставил себя на место Чистякова. Арест Кузымы. Он слышал выстрелы. Правда, «полковник» не знает, жив или убит Кузыма. Он поехал домой, собрал вещи, завез Ларисе. Нет, он не такой дурак, чтобы переться в «Гранд-отель». Он сейчас заберет чемодан и постарается исчезнуть из Москвы. Явка у него есть. Пивная на Красноармейской. Только вот в каком городе? Ничего, он сам скажет. Нервный, напьется, и начнется самобичевание. Посмотрим. Ну, пора. Сейчас мы познакомимся, «полковник» Чистяков.

Данилов стоял в подъезде рядом с домом Алфимовой. По улице, пряча лица от ветра в поднятые воротники, пробегали редкие прохожие. По тротуару прошел Самохин. Иван Александрович взглянул на светящийся циферблат часо́в. Ровно восемь. Сейчас на улицу выйдет Лариса. Вот она. Идет медленно. Так, все

правильно. Он вышел из подъезда и услышал торопливые шаги. Кто-то догонял Алфимову. Данилов опустил руку в карман полушубка, нащупал теплую рукоятку «вальтера». Вот он. В темноте матово отливало кожаное пальто. Данилов опустил предохранитель. Человек был совсем рядом. Иван Александрович шагнул ему наперерез, подняв руку с пистолетом.

— Стой.

Бегущий внезапно затормозил, словно споткнулся, и по инерции проехал еще шага два по скользкому тротуару. Теперь они были почти рядом.

— Руки, — тихо скомандовал Данилов, — руки вверх, или пристрелю.

Рядом с «полковником» из темноты выросли два оперативника.

— Тебе же говорят, руки, — зло сказал Самохин.

Данилов услышал, как щелкнули наручники.

— В машину его, — приказал Данилов, — ты, Самохин, останься здесь. Пригласи понятых, составь акт изъятия чемодана. Возьми у Алфимовой объяснение. Где она?

— Я здесь. — Алфимова стояла рядом, и Данилову показалось, что она плачет.

«Ну вот, мы свое дело сделали, — подумал он, садясь в машину, — как же там Сережа Белов?»

САНИТАРНЫЙ ПОЕЗД. 12—16 января

Белов осторожно вошел в теплую темноту купе, боясь потревожить сон соседа. Он тихо прикрыл дверь, снял шинель, сел в угол к окну. Отогнул край плотной занавески. Темно. Внезапно поезд почти без толчков, мягко взял с места.

Жаль, что так темно и он ничего не увидит. Как было бы здорово уезжать днем! Он никогда еще не ездил так далеко. На дачу. В Калинин один раз. А сейчас на другой конец страны. Там, наверное, теплее. Ну конечно же теплее. Это все-таки юг. О Баку он ничего не знал, кроме того, что где-то под Красноводском расстреляли двадцать шесть бакинских комиссаров. Когда его утром принял Данилов и ровным голосом, не упуская ничего, по своему обыкновению, дал

задание, он поначалу растерялся. За три года работы в МУРе это была его первая по-настоящему самостоятельная операция. Там, в Баку, не будет спокойного многоопытного Данилова, энергичного Муравьева и даже отчаянного хама Никитина не будет.

Там за все должен отвечать он — старший лейтенант Сергей Белов. И спрос с него будет, если, не дай бог... Так прямо и предупредил Данилов. Потом они с Игорем вихрем пронеслись по кабинетам, благо во всех службах управления люди работают круглосуточно, получали новое удостоверение, командировочное предписание, литер, продаттестат, деньги, паек, сопроводительное письмо. Господи, сколько же нужно оформить бумаг, чтобы уехать в срочную командировку!

Правда, о поездке Игорь предупредил его еще накануне. Более того, отпустил домой собраться. Так что в управление Сергей приехал уже с чемоданчиком.

— А где мешок? — спросил его Самохин.

— Какой мешок? — удивился он.

— А в чем ты нам сухофрукты привезешь? Ты что, думаешь, поехал просто так бабу эту ловить? — хитро улыбаясь, продолжал Самохин. — Главная твоя цель — сухофрукты. Усек?

— Усек. — Сергей подмигнул ему.

— Привезешь?

— Безусловно.

Поезд набирал скорость. Паровоз, тараня широкой грудью снежную пелену, уносил эшелон к югу. Стучали колеса, вагоны подкидывало на стрелках.

Сергей сидел в темноте, весь отдавшись непривычному для него ощущению движения. Постепенно грохот колес слился в одну протяжную гулкую ноту. Она на секунду стала невероятно басовитой, потом начала удаляться все дальше и дальше и смолкла.

Он проснулся от света. Сквозь растворенное окно в купе лилось яркое серебристое утро. На полке напротив него сидел полный человек в пенсне и гимнастерке с узкими полевыми погонами медицинской службы.

— Хороший сон — признак здоровых нервов. Давайте знакомиться. Меня зовут Владимир Федорович, фамилия моя Лепилов. Как прикажете называть вас?

— Белов Сергей Андреевич, лучше просто Сергей.

— Изумительно. Вот мы и познакомились. Судя по

форме, вы служите в милиции. Вы что же, судмедэксперт, патологоанатом?

— Нет, — Сергей усмехнулся смущенно, — я вообще не врач.

— Ага, — глубокомысленно изрек Лепилов, поправляя пенсне, — вы, стало быть, как это называется, агент?

— Ну, если хотите, да. Только должности такой в милиции уже нет с тридцатого года...

— У меня тоже был один знакомый агент, — не слушая Белова, продолжал капитан, — мы с ним в Ленинграде вместе жили, на одной лестничной площадке. Звали его, между прочим, Василий Сергеевич Соболевский. Не слыхали?

— Нет, — честно сознался Сергей.

— Жаль, мужчина он был весьма примечательный, в свое время, как писал Александр Иванович Куприн, почти всю гимназию закончил. Так он всегда носил галифе и сапоги. В любую погоду. Знаете, просто обожал их носить. На Фурштадтской, ныне Петра Лаврова, проживал, так там на углу айсор сидел, чистильщик. Любопытный старик, так он мне рассказывал, что этот Соболевский сам для своих сапог особый гуталин варит. Представьте только. Такое у него было, с позволения сказать, помешательство. По утрам...

Сергей так и не успел узнать, что делал по утрам столь необыкновенный человек, как Соболевский. Дверь купе мягко отъехала в сторону, а в проеме выросла фигура Карпунина.

— Познакомились? Вот и прекрасно. Между прочим, Сережа, позвольте, я буду называть вас так, вы спали до обеда.

Сергей взглянул на часы — полпервого. Он проспал почти шесть часов.

— Приводите себя в порядок, и милости прошу в столовую. Владимир Федорович вас проводит. — Карпунин кивнул головой и закрыл дверь.

Неужели он проспал почти шесть часов сидя? Так вот почему у него так ломит спину и плечи и ноги как чужие, только мурашки бегают.

— Я вам советую умыться, — сказал Лепилов, — пробегитесь в конец вагона. Это вас освежит.

Сергей достал из чемодана бритвенный прибор и мыло.

— Мыло не берите. Экономьте, пока есть возможность, у нас этого добра навалом. Да, — крикнул он в спину Сергею, — горячая вода в титане рядом с туалетом.

Ах, какой это был туалет! Сергей даже представить себе не мог подобной чистоты. В нем все блестело и приятно пахло душистым мылом. Белов поглядел на себя в зеркало. Можно было, конечно, не бриться. Но уж если взял прибор, то надо. Волосы на лице у него проступали только на третий день после бритья, но он все равно ежедневно остервенело скоблил щеки опасной бритвой, подражая все тому же Данилову. Он работал в его отделе уже четвертый год и не переставал удивляться этому человеку. Белов старался говорить, как Данилов, ровно, вежливо, не повышая голоса, подражал его манере ходить, одеваться, он даже курить по-настоящему начал, чтобы быть похожим на начальника. Ему казалось, что, переняв чисто внешние качества подполковника, он сам станет таким же уверенным, мужественным и сильным, как Данилов.

Сергей брился, внимательно рассматривая себя в зеркало. У кого-то, кажется у Стендаля, он читал, что прожитые годы, скитания и лишения наложили неизгладимую печать на лицо молодого графа. Нет, это у Бальзака. «Человеческая комедия». Видимо, тот юный граф был счастливее его. Из зеркала на Белова смотрело необыкновенно юное лицо с немного взволнованными глазами.

«Тот юный граф скитался и постоянно страдал, — подумал Сергей, — а я вот впервые в поезде дальнего следования еду, какие уж тут печати. Вон Муравьев в сорок втором летал к партизанам, потом через линию фронта пробивался. Он и поседел», — грустно заключил Сергей.

Он представил себе, как сейчас войдет в столовую, где хоть и врачи сидят, но все же люди военные. Вон его сосед на что уж толстый, болтливый, а два ордена Отечественной войны имеет. А у него? Три медали всего. Он внезапно представил себе любопытные глаза людей, в упор разглядывающие человека в незнакомой и такой далекой от войны форме. Как же он не догадался надеть штатский костюм? Или хотя бы пиджак. Ведь ходит же Никитин в форменных галифе с выпоротым кантом и пиджаке. Нет, не додумался он.

Сергей смыл с лица остатки пены, крепко вытерся полотенцем. «Ничего, — успокоил он себя, — у того графа лицо постарело от пороков, а я, оперуполномоченный Белов, борюсь с ними. Буду работать на контрасте. Молод, но очень устал. Служба у нас такая».

Он подмигнул сам себе и начал натягивать гимнастерку. Застегивая портупею, он раскрыл кобуру, достал ТТ. Все в порядке. Пистолет стоял на предохранительном взводе.

Лепилов ждал его в коридоре. Он критически осмотрел Сергея и, видимо, остался доволен.

— Вы выглядите весьма мужественно.

Он поправил гимнастерку, которая никак не хотела сидеть на нем по-уставному ровно и все время собиралась складками на животе. И вообще военврачу форма была явно противопоказана. Пуговицы на воротнике были пришиты криво, погоны висели на покатых плечах.

Сергей сравнил себя с ним и представил на секунду их двоих со стороны: Лепилова, на котором форма висела, как маскарадный костюм, и себя — в перешитой гимнастерке, подогнанных галифе, начищенных хромовых сапогах. Пуговицы у него были довоенные, золотистые, с гербом. Их ему по большому блату за десять пачек папирос устроил старшина из комендантского взвода. Сравнение явно было в его пользу.

— Ну что ж, пошли, — сказал Белов как можно непринужденнее.

— Идите вперед. Это недалеко, через один вагон.

Когда они вошли в столовую, которая раньше наверняка была вагоном-рестораном, Сергей чуть не зажмурился от смущения: на него смотрели десятки любопытных девичьих глаз.

За столом сидели три человека: Карпунин и две женщины, одна с погонами майора, другая подполковник.

— Садитесь к нам, Сережа. — Петр показал рукой на свободное место рядом с ним. — Теперь весь наш недолгий путь вы будете питаться именно за этим столом.

— Разрешите сесть, товарищ подполковник медицинской службы? — обратился Сергей к старшему по званию.

Женщина подняла на него донельзя усталые глаза

и молча, пряча вдруг мелькнувшую на губах усмешку, кивнула. В вагоне сразу стало тихо. Потом раздался девичий приглушенный смех. Подполковник посмотрела в ту сторону, и девушки, сидящие за соседним столом, немедленно смолкли. Сергей покраснел так, что казалось, кровь вот-вот прорвется сквозь тонкую кожу щек и прыснет алым ручьем на белоснежную скатерть.

— Вас зовут Сергей? — у подполковника был удивительно мягкий голос.

— Да.

— Вы служите в милиции?

Белов почувствовал, как прислушиваются с любопытством к их разговору девушки за соседним столом.

— Вы не смущайтесь, Сережа. Меня зовут Александра Яковлевна, я начальник этого поезда милосердия. А на девиц наших не обращайте внимания. У нас, если вы заметили, мужчин совсем мало. И вдруг вы. Это вполне естественно. Вы ешьте.

— Скажите, Александра Яковлевна, кому мне сдать продаттестат?

— Оставьте его у себя. Вы наш гость. Да ешьте вы, ешьте.

Она смотрела, как осторожно ест этот милый, видимо, интеллигентный мальчик, и думала о сыне, которого убили в сорок втором под Ленинградом. И внезапно, помимо ее воли, ей стал неприятен этот молодой сильный парень в темно-синей гимнастерке. Наверное, если бы ее Толя пошел работать в милицию, то был бы по сей день жив и здоров, как этот Сережа, вон и медали у него, целых три. «За отвагу», «За оборону Москвы», «За боевые заслуги». За что их только им дают? Она перевела свой взгляд на его руки и увидела на правой глубокой шрам, уходящий под манжету гимнастерки.

— Что у вас с рукой? — спросила она с профессиональным любопытством.

— Меня ударили ножом. — Сергей ответил коротко, неохотно.

— Давно?

— В ноябре.

— Кто?

Сергей поднял глаза, посмотрел на собеседницу и понял, что он просто обязан ответить на этот вопрос.

— Мы, — он хотел сказать «брали», но вовремя поправился, — задерживали одного человека. А он очень не хотел этого.

— Кто он был?

— Он убил семь человек. Семерых хороших и добрых людей. Убил, чтобы забрать их вещи.

— Вы воевали?

— Да, недолого, под Москвой в ополчении.

— Ранение?

— Нет, комиссовали. Легкие.

— Приходите ко мне, — вмешался в разговор военврач с погонами майора, — я посмотрю вас. Вы когда были у врача в последний раз?

— Тринадцатого декабря сорок первого.

— Что вы делали до войны? Служили в милиции? — спросила Александра Яковлевна.

— Учился в МГУ на юрфаке.

И тут только Сергей понял, почему она его так дотошно расспрашивает. Понял и простил ее. Перед глазами этой женщины ежедневно проходят десятки раненых, многие из них такие же молодые, как и он. Наверное, некоторые умирали в этом поезде. Одни, вдалеке от близких и родных мест. И, видя последствия кровавого конвейера, именуемого войной, она была вправе спросить его: почему он носит эти погоны, а не полевые? Почему он сидит в Москве, вместо того, чтобы драться с немцами? Что же он может ответить ей? Разве он может рассказать о том, как в сорок втором они с Даниловым брали на торфяниках банду Музыки, как от бандитской пули погиб Степа Полесов... Эти люди, врачующие последствия войны, не знают и не могут знать о том, как под Калининым год назад они вместе с опергруппой наркомата по всем правилам четыре часа штурмовали хутор, в котором засела банда дезертиров. Двенадцать человек и четыре пулемета. Разве это не война? Да, он работает в тылу. Но и тыл может быть разный. Милиция служит в горячем тылу войны.

За столом повисло неловкое долгое молчание. Все четверо ели молча, стараясь не глядеть друг на друга.

Обстановку разрядил Карпунин:

— Милые дамы, этот молодой человек служит в отделе по борьбе с бандитизмом. Я не думаю, что их служба намного легче фронтовой.

— Вы преувеличиваете, Петр Ильич, — Белов с благодарностью посмотрел на него. — Все-таки фронт — это фронт.

— Но подождите. Нет, Сережа, подождите. Война скоро кончится, все вернутся домой, но вы ведь останетесь. Игорь останется, Данилов ваш. И снова в вас будут стрелять, а все, даже фронтовики, станут тихо жить и работать. Я правильно говорю?

Сергей помолчал, потом пристально поглядел на Карпунина.

— Когда я пришел в милицию, я думал, что коль скоро мне нельзя воевать на фронте, то я просто обязан принести максимальную пользу в тылу. Если бы я учился в техническом вузе, то просто наверняка бы пошел на завод. Но я юрист. И место мое было не в юрконсультации и не в адвокатуре. Я занялся прикладной криминалистикой. Когда я первый раз задержал человека... Нет, он не был бандитом. Ему тогда только-только исполнилось шестнадцать лет...

— Что же он делал? — перебила его Александра Яковлевна. — Резал, убивал?

— На мой взгляд, хуже. Он отнимал у старух и детей карточки. Грозил ножом и отбирал. Только тогда я понял, что такое служба в милиции. Мы спасли от голода несколько десятков человек. Среди них были врачи, лечившие детей, рабочие, вкалывающие у станка от зари до зари, артисты. У каждого свой фронт. Мы так же нужны армии, как и вы. Врачи лечат солдат, милиция охраняет их дома. — Сергей уже не чувствовал себя смущенным. Конечно, он не убедил эту медицинскую даму, а, собственно, в чем ее убеждать? Доказывать неопровержимые истины? Они же, он, Данилов, Игорь, Самохин, да все их управление не на продуктовой базе всю войну жируют. Они тоже дерутся. Дай бог как дерутся. Он-то в солнечный Баку не за сухофруктами едет. Между прочим, еще неизвестно, как его обратно в Москву повезут.

Когда они возвращались в свой вагон, их догнал Карпунин:

— Вы не сердитесь на нее. У Александры Яковлевны погиб сын, ваш ровесник, Сережа.

Белов молча кивнул, так ничего и не ответив. Тогда он не смог найти нужных слов. Только в купе, оставшись один — Лепилов ушел на дежурство, — Сер-

гей вспомнил, нашел те слова, которые просто обязан был сказать подполковнику. Да, погибло много его ровесников, и наверняка и сейчас они падают, сраженные свинцом на дорогах Чехословакии, Польши, Восточной Пруссии. Но придет время, и люди воздадут каждому. Потому что война — это общее горе, которое вынес на плечах каждый живущий сегодня, независимо от того, что он делал в этой войне. Главное заключается в другом. Через много лет на вопрос: «А что ты сделал для Победы?» — он будет иметь право ответить: «Я сделал все, что в моих силах, я чист перед Родиной».

И вдруг ему захотелось спать. Молодость брала свое. Он снял сапоги, сунул под подушку кобуру и уснул. Проснулся Сергей от напряженной тишины. Поезд стоял. Он выглянул в окно и увидел засыпанный снегом маленький домик, поленницу дров, прижавшуюся к стене, крышу, занесенную снегом, нависшую над ним тяжелой шапкой. Сразу за полустанком начинался лес. Он уходил далеко к горизонту, и высокие ели макушками упирались в садящееся там солнце. Тишина висела над миром. Она была плотной и бесконечной, как лес, снег и красноватый диск солнца. Она была как сама жизнь.

И ему смертельно захотелось вдруг выскочить из вагона и постоять среди этого покоя. Сергей натянул сапоги и, на ходу застегивая портупею, побежал к дверям вагона. На тормозной площадке стоял пожилой усатый солдат в измазанном углем когда-то зеленом ватнике.

— Вы куда, товарищ старший лейтенант милицейской службы?

Так к нему еще никто и никогда не обращался.

— Подышу немного.

— Это вы правильно придумали. Воздух здесь лучше любого лекарства на ноги ставит. Целебный. Расея, одним словом.

Сергей спрыгнул с площадки. В морозном воздухе плыл запах дыма и хвои. Он вдохнул его полной грудью, и вдруг ему мучительно захотелось жить в этом домике, гулять в этом лесу и забыть обо всем — о войне и службе.

— Товарищ старший лейтенант! — окликнул его звонкий девичий голос.

На площадке стояла темноволосая девушка, затянутая в белый халат.

— Вы меня? — весело спросил Сергей.

— Именно вас. Немедленно возвращайтесь в вагон. Вам нельзя.

— Почему? — удивился Белов.

— Мне доктор, Татьяна Всеволодовна, сказала, что у вас слабые легкие. Поэтому немедленно в вагон!

— Есть! — Сергей шутливо приложил руку к голове.

Он легко, подтянувшись за поручни, прыгнул на площадку. Словно ожидая этого, поезд сразу тронулся.

— Вам нужно выпить горячего чая, — строго сказала девушка, — причем немедленно. Пойдемте со мной.

Она повела Белова в соседний вагон.

— Сюда, — девушка открыла дверь. — У нас есть термос, в нем всегда горячий чай.

Она сняла белый халат. И только сейчас Сергей рассмотрел ее как следует. Спроси его, какая она, он бы не ответил. Просто красивая, и все. Во всяком случае, он лучше ее никого в жизни не встречал.

— Как вас зовут?

— Марина.

— А меня Сергей.

— Я знаю.

— Откуда? — удивился он.

— Вам же наша начальница объяснила, что этот поезд — женский монастырь на колесах. Мы, как всякие женщины, любопытны. Поэтому атаковали замполита и все у него узнали. Вот так.

— Вы врач? — Сергей покосился на ее погоны с одной звездочкой.

— Нет, я военфельдшер.

— Вы москвичка?

— Почему вы так решили?

— Понимаете, за последнее время мне приходилось сталкиваться с самыми разными людьми. Мой начальник, когда я пришел работать в розыск, прочитал мне целую лекцию о специфических особенностях, говоре и акцентах самых разных людей.

— И вы можете отличить по выговору любого человека? — с недоверием спросила Марина.

— Конечно, нет. Но вот ленинградцев и москвичей...

— Ну, на этот раз вы не угадали, я ленинградка. Что же вы чай не пьете?..

Сергей взял стакан, отхлебнул, искоса глядя на Марину. Чуть вздернутый нос, большие светлые глаза, вот какие только, он так и не разобрал, коротко стриженные каштановые волосы. Гимнастерка плотно облегала ее высокую грудь. Военная форма не портила, а, наоборот, подчеркивала стройность ее фигуры.

— Как чай?

— Прекрасный.

Он говорил это вполне искренне. Никогда в жизни он не пил такого вкусного чая. Никогда еще ему не было так хорошо, как сейчас. Только вот начать разговор он никак не мог. Хотел, а не мог.

— Я слышала, вы до войны учились в университете? — Марина взяла стакан с чаем, села напротив.

Сергей поднял глаза и вдруг увидел, что она пристально рассматривает его. От смущения он сделал слишком большой глоток и закашлялся, обжигаясь.

— На юрфаке, — сказал он каким-то хриплым, чужим голосом.

— Я тоже училась.

— В медицинском?

— Нет, в Ленинградском университете, на филологическом.

— Правда? — Сергей поставил стакан с чаем, он почему-то очень обрадовался тому, что Марина студентка-филолог. Она как-то сразу стала для него понятнее. Точно такой же, как девочки с его курса и других факультетов МГУ.

— Это же очень здорово.

Марина засмеялась и опять внимательно поглядела на Белова.

— Я хотела изучать русскую литературу двадцатого века, даже автореферат писала о «Хождении по мукам» Алексея Толстого. В Ленинграде жили почти все писатели, именами которых мы гордимся. Моя мама работала в литературном архиве, а папа на радио...

— Они живы?

— Нет. Отец погиб в сорок первом под Лугой. Мама умерла за три дня до прорыва блокады. У нее было много друзей... Почти все ленинградские писатели. Они очень любили маму. Она дружила с Анной Андреевной Ахматовой. Вы любите ее стихи?

Сергей задумался на минуту.

Годовщину последнюю празднуй —
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы той алмазной
Повторяется снежная ночь.
Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму.
Свет луны, как нарочно, притушен.
И куда мы идем — не пойму...

Он читал стихи вполголоса. И вдруг сам увидел заснеженный Ленинград, и Мойку, и конюшни эти царские...

— Как здорово, Сережа! Вы любите поэзию?

— Очень.

— Странно. Война, санитарный поезд, старший лейтенант милиции и стихи Анны Андреевны... Странно... Сон какой-то. Помните, у Алексея Толстого? Москва. Осень. Желтые листья. Катя и Даша сидят на бульваре...

— Идет Бессонов, — перебил ее Сережа, — он в форме санитара, и Даша вспоминает его стихи.

О моя любовь незавершенная,
В сердце холодеющая нежность...

Эти?

— Да, вы и их знаете?

— Я вообще люблю Ахматову.

— Вот и ошиблись. Это не Ахматова, — печально улыбнулась Марина. — Давным-давно, еще в той жизни, я писала свой реферат и об этих стихах сказала, что поэт неизвестен. У нас спецкурс по Пушкину читал профессор Шамбинаго. Он-то и принес мне это стихотворение полностью. Его написала Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая, жена Алексея Николаевича. Она вообще все стихи писала для его вещей. Помните, в «Декабристах» цыганка Стеша поет «Дороги все разъезжены, все выпито вино...» или «Когда поток с вершины гор, шумя, свергается в долины...»?

— Это все она? — удивился Сергей.

— Да, все она. Наталья Васильевна очень ранимый, талантливый человек, всю свою жизнь посвятившая мужу. О своем же творчестве она забыла. А жаль. Вот послушайте:

Сыплет звезды август холодеющий,
Небеса студенны, ночи сини,
Лунный пламень тлеющий, негреющий
Проплывает облаком в пустыне.
О моя любовь незавершенная,
В сердце холодеющая нежность!
Для кого душа моя зажженная
Падает звездою в безнадежность?

Марина читала стихи, а он сидел, весь во власти сказочной силы поэзии. И ему было грустно, и грусть эта с каждой строфой становилась все острее и нестерпимее. Она поднималась в нем горячей волной, и Сергею казалось, что Марина не читает стихи, а поет их.

— Вот такие стихи. — Марина замолчала.

Они долго сидели молча, глядя в окно, за которым темнота постепенно стирала со снега дневной свет. Поезд мчался сквозь нее, и мимо окна пролетали, как звезды, алые искры.

— Нагнала я на вас тоску. — Марина попробовала улыбнуться, но улыбка, так и не родившись, пропала. — Я свет зажгу.

Они опять пили чай. Опять читали стихи. Рассказывали друг другу о себе. Теперь Сергей видел другой Ленинград: промерзшие дома, улицы, засыпанные снегом, ломтики хлеба пополам с отрубями. И большую квартиру на Невском он увидел, и человека со странной фамилией Егулин, выменивающего ценности на продукты. Что он мог рассказать? Почти ничего. Потому что о том, чем занимался Сергей, могут знать только люди, посвященные в их дела. Хвастаться той единственной в жизни неделей войны, за которую получил медаль «За отвагу», глупо. Марина человек военный, сама увидит. Но ему очень хотелось, чтобы она узнала обо всем этом сама. Узнала и увидела его совсем другими глазами.

Марина посмотрела на часы.

— Мне пора на дежурство, Сережа.

— Уже? — В голосе его послышалось столько сожаления, что она, улыбнувшись, предложила:

— Вы можете мне помочь. Я вас использую как грубую мужскую силу.

Сергей вскочил, он был готов идти куда угодно и делать что угодно, лишь бы побыть с ней хотя бы еще час.

Они миновали вагон-аптеку, перевязочную.

— Пришли. — Марина вынула из шкафа халат. — Накиньте его, Сережа, он, конечно, маловат вам, но это временно. Я принесу минут через десять другой. Пойдемте. — Она открыла дверь, и Белов сразу же почувствовал острый запах лекарств, к которому примешивались еще какие-то неприятные, резкие запахи. По обеим сторонам вагона тянулись в два ряда койки, на них лежали раненые.

— Здравствуйте, мальчики, — сказала Марина.

— Здравствуй, дочка.

— Мариночка...

— Привет.

— Здравия желаем, товарищ младший лейтенант.

— Ах, Марина, ах, Марина, ах, Марина, — пропел чей-то веселый голос.

Они медленно шли вдоль ряда коек, и Марина успевала поправить подушку, вынуть градусник, пожать чью-то руку, кому-то улыбнуться, ответить на шутку.

— Мариночка, товарищ младший лейтенант медицинской службы, — раздался вдруг протяжный, интонационно знакомый Сергею голос, — кого ты к нам привела?

С верхней полки свешивалась рука, вся синяя от татуировок. Чего только не было на ней! Якоря, кресты, могилы. Но Сергею сразу бросилась в глаза знакомая сентенция: «Кто не был — побудет, кто был — не забудет». Он поднял голову и увидел челку, косо лежащую над нагловатыми глазами, ухмылочку и блеск стальных фикс.

— Так кто же будет этот клиент? Новый медбрат?

— Лежите тихо, Свиридов, вы слишком любопытны.

— Студент, — раздался вдруг взволнованный голос, — студент... Сережа...

Белов повернулся к соседней койке — на него глядело удивительно знакомое лицо.

— Не узнаешь? Эх... студент...

Так это же Гончак! Старшина Гончак, с которым они вместе держали оборону под Москвой.

— Гончак! — крикнул Сергей. — Вася...

Он рванулся к койке и крепко прижался лицом к колючей щетине старшины. Халат упал с плеч.

— Во! — Вагон оживился. — Кореша встретил, Гончак?

— Земляка!
— Однокашника.
— А я и не знал, — насмешливо проговорил Свиридов за спиной Сергея, — что у тебя, Гончак, среди мусоров дружки водятся. Или он тебя до войны крестил? На пятерку или восьмеричок...
— Молчи ты, пехота морская, — зло ответил старшина, — нас с Сережкой под Москвой немец огнем крестил. Понял?..
— Как же ты, Гончак, а, — голос Белова сорвался, — куда тебя?

Он только теперь различил пергаментно-желтое лицо старшины, увидел, что Гончак, как в кокон, запеленут бинтами.
— Не повезло мне, Сережа, вторую войну без царапины, а тут в Румынии разыскал меня осколок. Разворотило кишки. Не знал уж, буду жить или нет. Да вот видишь, оклемался. Теперь везут меня в солнечный Баку на окончательную поправку.
— Это ничего... Это хорошо, Вася... Главное — жив.
— Точно, Сережа, — волнуясь, ответил старшина,— жив. А не думал ведь. Совсем рядом со мной она стояла, точила косу.
— Кто? — не понял Белов.
— Смерть моя, друг ты мой. Видел ее, безносую, как тебя. Ты о себе расскажи...
— Погоди, Гончак, а где капитан наш?
— Лукин? Светлая голова. Погиб геройски под городом Белгородом.
— Жаль.
— Да, геройский командир был. Ты помнишь, Серега, как мы немца держали? — голос старшины стал звучным.
Да разве Белов мог забыть это? Танки, лезущие на окопы, бронетранспортеры, серые фигурки в прицеле пулемета. Такое не забудешь.
— Помню, Вася...
— Дали мы им тогда. Помнишь, как горел ты весь, пока я тебя в госпиталь вез. Лукин тогда сказал: «Как хочешь, а до Москвы довези, хоть на себе». Я потом вспоминал тебя. Часто вспоминал. Жалел, что адреса не взял. Все думал, увижу ли студента...
— Вот и встретились мы, Вася...

— Марина, — заглянула в дверь палаты сестра, — начальница идет.

— Вам надо уходить, Сережа, — Марина взяла его за рукав.

— Как же так, Марина, — Белов вопросительно поглядел на нее, — ведь это Гончак...

— Ты придешь завтра, — от волнения Сергей и не заметил, что она назвала его на «ты», — после завтрака сразу приходи.

Сергей сжал руку Гончака.

— Я приду, Вася, завтра...

— Буду ждать... Очень тебя ждать буду.

Когда Сергей вышел, Свиридов повернулся на бок и посмотрел на Марину:

— Что ж это вам, Мариночка, кавалеров не хватает? Фронтовиков мало? Ну зачем вам этот мент? Мы, бывало, таких у нас в Николаеве...

— Замолчи, — жестко сказал Гончак, — замолчи, приблатненный. Как ты воевал, я не знаю. А вот как он — своими глазами видел. Этот пацан всю нашу роту спас. Немцы во фланг зашли, а он один, с пулеметом... Потом мы мост держали. Всех побило, всех десятерых. А мы вдвоем. Понял ты? И сдержали гадов. Он с фронта не бежал. Его больного отправили. А что он в милицию пошел, значит, так надо.

Марина, прижавшись к стене, молча слушала их, и ей почему-то были очень приятны слова Гончака.

Сергей, придя в свой вагон, погасил свет и открыл маскировочную штору. Он глядел в темное окно, и в нем, словно на экране, память прокручивала ленту сорок первого...

— Студент, — хрипло сказал капитан Лукин, — твоя задача простая — отсекай пехоту от танков.

Еще с утра этого дня он, словно геометрическую формулу, накрепко заучил эту азбуку боя. Как же жалел тогда Сергей, что в институте с занятий по военной подготовке убегал в кино! Вот и оказался в трудную минуту годным, но необученным.

Перед окопом горела земля. Вернее, солярка, вытекшая из подбитого танка. Три их застыли навечно перед этой низкой ямой, которую в сводках будут именовать оборонительной полосой.

— Идут! — крикнул Гончак.

Из леса, тяжело переваливаясь через обочину, выползли еще два танка с автоматчиками, прижавшимися к броне... Тяжелые машины шли уверенно. Немцы точно знали, что у моста нет орудий. Передний танк, не останавливаясь, открыл огонь, снаряд лег почти рядом, обдав Сергея комьями земли. Камни застучали по каске, но он ничего не чувствовал, ловя в прицел серые фигуры на борту танка.

— Давай, — скомандовал Лукин, — давай, студент!

Первая очередь высекла искры на броне башни. Он чуть довернул хомутик прицела и стеганул вдоль бронированного чуда, сбивая на дорогу фигуры автоматчиков. Трижды ударила бронебойка. Но танки все равно шли как заколдованные.

Опять глухо ухнула ПТР, и одна машина закружилась на месте. Солдаты начали прыгать на дорогу. Но второй танк продолжал неотвратимо надвигаться.

— Пропускай через себя! — крикнул Лукин и упал на дно окопа.

Сергей сдернул пулемет с бруствера, плюхнулся вниз, и сразу же исчезло небо, горячая солярка потекла по лицу, уши заложило от грохота. Все это длилось несколько секунд. Потом опять свет и перекошенное лицо Гончака, бросающего бутылку. И снова сошники в землю и длинной очередью вдоль дороги. Тяжелый смрад горящего танка мешал дышать, едкий дым щипал глаза. Но он не замечал ничего. Только дорога, вдоль которой бежали серые фигурки солдат. В тот день они отбили шесть атак. Потом втроем отходили по горящему мосту...

«ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Оперативная сводка за 14 января

...В городе Будапеште наши войска, сжимая кольцо окружения немецко-венгерской группировки, овладели Восточным вокзалом, станцией пригородных поездов Чемер, городским газовым заводом и заняли более 200 кварталов. За 13 января в городе Будапеште наши войска взяли в плен 2400 немецких и венгерских солдат и офицеров и захватили следующие трофеи: тан-

ков — 5, орудий разных калибров — 21, паровозов — 57, железнодорожных вагонов — 2160, цистерн — 30. На других участках фронта — поиски разведчиков и в ряде пунктов бои местного значения.

За 13 января наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 80 немецких танков».

Газета была двухдневной давности, но Сергей все же прочитал ее с интересом. Эти три дня прошли для него словно во сне. Они почти не расставались с Мариной. Когда она дежурила, Белов ходил навещать Гончака. Даже строгая Александра Яковлевна закрывала глаза на это. Ну а после дежурства, поспав немного, они снова встречались и говорили. О чем? Сергей так и не мог вспомнить. Иногда, когда он стоял с Мариной в тамбуре или у окна в коридоре, Сергею казалось, что никакой войны вовсе нет. Просто едут они на каникулы в Баку, и ждут их там две недели счастья.

Но война напоминала о себе на каждом шагу. Напоминала стонами раненых, круглосуточно горящими лампами операционной, напоминала внезапными остановками, на которых солдаты-санитары выносили из вагонов глухо покрытые простыней носилки. Этот поезд вез сквозь ночи бред и стоны, лихорадку и жажду, жизнь и смерть.

В вагоне Гончака к Сергею привыкли. Он перезнакомился со всеми, даже Свиридов перестал обращать внимание на его погоны.

Завтра на рассвете они должны были приехать в Баку. Сергей сидел и ждал Марину.

— Какая гадость! — Лепилов тяжело плюхнулся на свою полку. — Вы только подумайте! На этой станции старшего лейтенанта Трофимова, раненного, забирает жена. Он на костылях, только начал ходить, — Лепилов полез в чемодан, достал деньги, — а сволочь-шофер не хочет везти. Требует бог знает сколько. А у бедной женщины не хватает денег.

— Кто не хочет везти? — встрепенулся Сергей.

— Да шофер. Калымит здесь у станции, гоняет с мешочниками на рынок.

— Где он?

— Вон, — капитан ткнул пальцем в окно.

На платформе стояла женщина в сером пальто и

здоровенный мордастый мужик в расстегнутом ватнике. Они о чем-то оживленно спорили.

Сергей надел шинель, застегнул портупею и молча вышел. Перепрыгивая через рельсы, он услышал просящий голос женщины и односложные ленивые ответы шофера.

Сергей прыгнул на перрон.

— Эй вы, — крикнул он, — подойдите сюда! Да, да, вы.

Шофер медленно, вразвалочку подошел к нему.

— Ну?

— Документы.

— Это пожалуйста. — Он достал права и паспорт.

— Пошли со мной.

— Куда? Куда, начальник? Я ничего плохого не делаю.

Сергей поглядел на его красное, лоснящееся лицо и подумал, что это тоже Егулин, и ему сразу же стал ненавистен здоровый, сытый детина, наживающийся на чужом горе.

— Почему не на фронте?

— Так бронированный я, начальник, от завода. — Голос шофера потерял прежнюю наглость. Он смотрел на Сергея преданно и трусливо.

— Поедешь со мной.

— Зачем же так, начальник. Я ведь всегда к милиции с душой, если кого подвезти...

— Слушай меня внимательно. — Белов твердо посмотрел ему в глаза. — Сейчас отвезешь раненого. Понял?

— Понял, старшой, понял.

— Бесплатно.

— Сделаем как на такси, в лучшем виде доставлю. Да разве я когда... Любого спроси... Мы милицию уважаем...

— На, — Белов протянул ему документы, — я завтра проверю. И если ты возьмешь у этой гражданки деньги — пеняй на себя. — Он повернулся и пошел к вагону.

— Спасибо вам. — Его догнала женщина в темном пальто. — Я просто не знаю, как вас благодарить.

— Пустое. Не стоит. Вы с ним построже. Я этих людей знаю, они хамы, поэтому рекомендую постараться говорить с ними порезче.

— Так, — сказал Лепилов, когда Сергей поднялся в вагон, — магическая сила погон околоточного.

— Вы не правы, — отпарировал Белов, — околоточный набил бы ему морду до крови и еще деньги отобрал. А я должен соблюдать социалистическую законность.

— Так кто больше прав? Вы или чеховский околоточный надзиратель Свинолобов?

— Я. Не надо по одному рвачу судить обо всех. Это Егулин...

— Кто? — удивился Лепилов.

— Накипь это. Пена. А если ее снять, то остальная вода чистая.

— Вы, Сережа, после знакомства с нашей Мариной начали несколько афористично выражаться.

— Да ну вас в самом деле, Владимир Федорович!

— Юпитер, ты краснеешь, значит, я прав, — довольно засмеялся Лепилов.

Этот последний день был полон ожидания и дел. Сергей попрощался со всеми. Гончаку он оставил адрес, взяв с него честное слово, что он зайдет к нему. Теперь оставалось дождаться Марину.

Сергей стоял у окна и курил. Он уже выкурил полпачки, а Марины все не было. В голову начали приходить нелепые мысли. Он даже загадывать стал. Если первой войдет в коридор женщина, значит, все будет хорошо. Но первым показался мужчина, старший лейтенант, врач-стоматолог. Настроение у Белова испортилось начисто. Он собрался пойти к Марине в палату.

Она подошла к нему и крепко взяла за руку.

— Пойдем.

Так, взявшись за руки, они прошли весь вагон. У своего купе она остановилась:

— Пошли.

— А девочки?

— Их не будет.

Они вошли в купе, и Марина положила руки ему на плечи. Ее губы и глаза были совсем рядом, от мягких волос пахло мылом и аптекой. Сергей крепко прижал ее к себе, ища ее губы. Тело Марины стало мягким и податливым... А поезд мчался сквозь ночь, и колеса стучали: «В Баку, в Баку, в Баку...»

МОСКВА. Последняя неделя января

«УББ НКВД БССР МУР ОББ ДАНИЛОВУ

СРОЧНО

Записка по ВЧ

Согласно полученным от вас данным, сообщаем, что Кузыма С. К. в настоящем является Бурковским Степаном Казимировичем, год рождения 1919, опасным бандитом, разыскиваемым по делу бандгруппы Крука. Высылаем к вам для опознания арестованного оперуполномоченного капитана Токмакова. С ним направляем оперативно-розыскные материалы на Бурковского С. К.

НКВД БССР. УББ Клугман».

ДАНИЛОВ

Утром к нему пришел следователь прокуратуры Чернышов. Он долго снимал в углу кабинета фетровые боты, в миру именуемые «прощай, молодость», разматывал бесконечный шарф, стаскивал тяжелое пальто довоенной «постройки» с меховыми отворотами. Оно, это пальто, и ввело в соблазн двух грабителей «штопорил», встретивших Степана Федоровича в прошлом году в темном Косом переулке. Старичок в богатой шубе, а она в темноте вполне за такую сходила, был добычей удачливой и легкой. Боярская шуба предполагала, кроме всего, наличие золотых часов, денег и хорошего портсигара. Угрожая ножами, они подступили к старичку со стандартным предложением: «Раздевайся». Каково же было их изумление, когда этот гриб-мухомор, выдернув из кармана наган, прострелил одному из них руку и через некоторое время доставил обоих в отделение милиции.

Данилов, случайно оказавшийся там на следующий день по своим делам, не мог без смеха читать показания арестованных. Настолько огорошены были они всем происшедшим.

Наконец Степан Федорович освободился от «фор-

мы одежды зимней», как он сам называл все это, и сел к столу.

— Ну-с, уважаемый товарищ Данилов, — Чернышов протер чистым платочком стекла очков, — начнем наши игры.

— Вам сдавать, Степан Федорович, — улыбнулся Данилов.

— Тогда ознакомьтесь, я тут для ваших сотрудников набросал план оперативно-следственных мероприятий. — Он положил на стол несколько отпечатанных на машинке страниц.

Данилов быстро пробежал их глазами.

— В основном по этому плану нами все сделано.

— А где акты экспертизы на деньги и золото, изъятые у Судина?

— Запросили. Пока ответа нет.

— Что слышно из Баку?

— Белов звонил утром, знакомится с материалами на Валиеву.

— Тэк-с. — Чернышов хитро поглядел на него. — Что Алтунин — Чистяков?

— Устанавливаем подлинность найденных документов.

— А Кузыма?

— Вот. — Данилов протянул ему вчеграмму.

Чернышов водрузил очки и начал медленно читать.

— Не нравится мне это, — тяжело вздохнул он.

— Что именно?

— Бумажка эта.

— Почему?

— Уводит она нас от сути дела.

— Так, Степан же Федорович, дело простое, как ананас. Вы закрываете материалы по убийству Судина, а мы дальше разрабатываем Бурковского-Кузыму.

— Оно так, милейший Иван Александрович, дадите мне Валиеву — и моя работа окончена. Я о вас думаю.

— Наше дело служивое. Держать и не пущать.

— Ну-с, это все лирика, а я хотел бы допросить Бурковского-Кузыму. Вы с ним общались?

— Пока нет, до сегодняшнего дня врачи не разрешали.

— Так и приступим, благословясь. Зовите его из узилища.

Данилов поднял трубку.

— КПЗ. Данилов. Там за ОББ арестованный Кузыма в седьмой. Ко мне в кабинет на допрос.

Иван Александрович вышел из-за стола, показал рукой на свое место Чернышову: мол, прошу, теперь вы здесь хозяин. Степан Федорович сел на стул Данилова, поправил очки, разложил бланки протокола. Начал заполнять их.

«Протокол допроса.

Я, следователь райпрокуратуры Чернышов С. Ф., в 11 часов 15 минут в помещении Московского уголовного розыска допросил в качестве обвиняемого гр. Бурковского Степана Казимировича».

— Так. — Чернышов положил ручку, прислушался.

В коридоре слышался гулкий стук сапог конвойного милиционера и шаркающие шаги задержанного.

— Вроде ведут. — Данилов сел у стола. Он расположился так, чтобы одинаково хорошо видеть Чернышова и арестованного. Дверь распахнулась, и старший конвоя доложил:

— Задержанный гражданин Кузыма на допрос доставлен.

— Заводи, — приказал Чернышов.

— Только он буйный, товарищ подполковник, — предупредил конвоир, — наручники снимать?

— Как, Степан Федорович? — вопросительно посмотрел Данилов на следователя.

— Снимай, — махнул рукой Чернышов, — сдюжим как-нибудь.

— Вам видней. — Сержант скрылся за дверью.

Кузыма-Бурковский сидел на стуле, потирая запястья, натертые «браслетами». Выглядел он плохо. Небритое отечное лицо, потухшие, ко всему безразличные глаза, свалявшиеся волосы торчали в разные стороны.

«Странное лицо, — подумал Данилов, — как у злого гнома из сказок Перро. — Он даже вспомнил эту картинку, виденную давным-давно в детстве и потрясшую еще тогда его до глубины души. — Точь-в-точь злой гном».

— Я следователь райпрокуратуры Чернышов, — начал Степан Федорович стандартную фразу, — веду ваше дело. Вы обвиняетесь по статьям 136 и 182 УК

РСФСР. Вам разъяснить значение данных параграфов Уголовного кодекса?

Задержанный посмотрел на него так, будто решил прочитать что-то очень интересное, написанное на аккуратном бостоновом пиджаке следователя, потом перевел глаза на Данилова.

— Мент, сука, мусор, — его взгляд ожил, — марафету дай! Слышишь! Дай марафету! Не то ничего не скажу. Понял?

— Тихо, Бурковский, тихо, — Данилов встал, — наркотиков вы не получите...

— Дай... Гад... Марафету... А-а-а!

Задержанный вскочил и бросился на Чернышова. Секундой раньше Данилов перехватил его тонкое запястье и, заворачивая руку, поразился силе этого человека.

В комнату ворвались конвоиры. Снова надели наручники на Бурковского.

— Маленький, а здоровый, — покачал головой, отдуваясь, сержант, — я же вас предупреждал. — Он неодобрительно посмотрел на следователя.

— У наркоманов это бывает, — пояснил Чернышов, — психоз, так сказать, высшая форма физического напряжения. Ну-с, что будем делать, Иван Александрович?

— Я думаю, его надо снова передать врачам. Пусть еще немного подлечат его.

— Не возражаю.

— Уведите задержанного, — приказал Данилов. Он снова сел за стол и поднял трубку телефона: — Лев Самойлович? Данилов приветствует. Да. Да. Пытались мы с товарищем Чернышовым поговорить с вашим подопечным. Да... Да... Буянит... Сколько? .. Еще минимум неделя... Лев Самойлович, я в вашей терминологии аки баран... Да, верю... Верю... Только нужен он нам... Очень нужен... Неужели никак пораньше нельзя?.. Ну, что делать... Вы наука... Вам виднее... Спасибо... Спасибо... Извините, что побеспокоил... Всех благ.

— Я все понял, — Чернышов начал натягивать боты. — Стало быть, через неделю. Вы с этим, ну как его?..

— Чистяковым?

— Именно-с. С ним беседовали? — Он наконец на-

тянул свои «прощай, молодость» и взялся за шарф.

— Пока нет. Хочу сегодня. — Данилов помог ему надеть боярскую шубу.

— Спасибо. Попробуйте. А я завтра заеду.

ДАНИЛОВ И «ПОЛКОВНИК»

Он сидел перед ним свободно. Легко так сидел, словно не на допросе, а в гости пришел. И папиросу он держал с каким-то особым изяществом. Ночь в камере совершенно не повлияла на него. Китель без погон был немятый, галифе тоже, сапоги, хоть и потускнели, но еще не потеряли блеска.

«Интересный мужик, — отметил Данилов, — такие женщинам нравятся очень. Лицо нервное, тонкое, глаза большие, руки красивые. Чувствуется порода. Интересно, кто его родители были?» Он умышленно затягивал допрос, давая «полковнику» освоиться. По опыту он знал, что таких, как этот задержанный, на испуг не возьмешь. Утром ему позвонил дежурный по КПЗ и растерянно доложил:

— Задержанный из девятой бриться просит.

— Ну и что?

— Что делать?

— Дайте.

— Не положено острое-то. Инструкция.

— Тогда побрейте его.

— Побрить?! — ошарашенно спросил дежурный.

— Именно.

— Слушаюсь.

Да. Если «полковник» попросил побриться, значит, арест не сломал его. Мало кто из их «клиентов» требует бритву по утрам. Обычно люди, попав в камеру, ломаются внутренне и опускаются внешне. Этот, видать, крепкий. Зарядку сделал, по пояс водой холодной обтерся.

— Ну, с чего начнем? — задал первый вопрос Данилов.

— Я не знаю, — спокойно ответил «полковник», — вам виднее.

— Фамилия?

— Алтунин.

— Имя?

— Вадим Гаврилович.
— Год рождения?
— Десятый.
— Это ваши документы? — Данилов достал диплом и летную книжку.
— Мои.
— Судя по ним, вы профессиональный летчик.
— Да, в тысяча девятьсот двадцать восьмом году я поступил в Ейскую авиашколу и в тридцатом окончил ее.
— Кто ваши родители?
— Не знаю.
— То есть?
— Помню отца и мать очень смутно. Помню, что жил в Москве, где-то на Арбате. Потом поезд. Тиф. Меня воспитывал совершенно чужой человек.
— Кто?
— Это важно?
— Конечно.
— Он умер, когда я поступил в авиашколу. Фамилия его Забелин. Он был одним из первых русских летчиков.
— Как вы попали к нему?
— Он никогда не рассказывал. Просто я очнулся в Мариуполе, в тихом беленьком доме на берегу моря. Так началась моя вторая жизнь.
— А потом сколько у вас их было?
— Две, подполковник, всего две. Одна — жизнь летчика Алтунина, другая — «полковника» Чистякова. Вы не поверите, а я рад, что попал к вам. Теперь, если удастся, я начну еще одну жизнь, надеюсь, она будет счастливее предыдущих, правда, намного короче.
— Почему вы так считаете? Кстати, ваше последнее воинское звание?
— Это записано в летной книжке.
— Там написано «капитан».
— Так оно и было. Вы прощупываете меня, чтобы легче выстроить схему допроса. Не так ли?

Данилов молчал, с любопытством глядя на Алтунина.
— Зря стараетесь. Зачем вам попусту тратить время, дайте мне в камеру бумагу и чернила. Я сам напишу. Только не тревожьте меня два дня и, пожалуй-

ста, распорядитесь, чтобы мне давали бриться. А то я себя грязным чувствую.

— Хорошо. Еще просьбы будут?

— Попросите Ларису, пусть перешлет мне папирос.

— Хорошо.

— Ну так я пошел.

Алтунин встал, выглянул в коридор.

— Конвой! — крикнул он. — Проводите меня.

В дверях показалось недоуменное лицо милиционера:

— Отвести?

— Отведите, — сказал Данилов.

«Любопытный парень. Ох какой любопытный! Что же он напишет? Нет. Такой врать не станет. Он и так на последней черте. Напишет правду. Надо распорядиться, чтобы ему разрешали бриться. А Ларисе я сейчас позвоню».

— Алло, — пропел в трубке знакомый голос.

— Лариса Евгеньевна?

— Да.

— Это Данилов.

— Кто?

— Данилов из МУРа. Помните?

— Конечно. Как он там?

— Нормально.

— Болезнь протекала нормально, больной перед смертью икал.

— Зачем так мрачно? Он просит папирос.

— А увидеть его можно?

— Пока нет.

— Куда передать папиросы?

— Петровка, тридцать восемь, дежурному. Скажите, что я распорядился.

Теперь опять надо было ждать. Результатов командировки Белова, врачей, работающих с Кузымой-Бурковским, показаний Алтунина, актов экспертиз. Опять ожидание, а дело пока стоит. То есть формально все уладилось как нельзя лучше. Убийца Соколова арестован, убийцу Судина водит наружное наблюдение, сообщник Бурковского арестован, имя его установлено. Запросы разосланы. Личность Судина установлена. Фамилия его настоящая Судинский, год рождения тот же, только здоровье он не подрывал и судился дважды. Один раз за мошенничество, второй — за скупку и

хранение краденого. В архиве ГУМа нашлись его старые дела. Только как он уполномоченным Азколхоза стал — загадка. Данные на него Данилов передал Белову, он должен был установить все обстоятельства.

Ну что же. Пока все идет неплохо. Вот только явка, Чистякову данная, и сообщение из Белоруссии о Бурковском. Кстати, это что за бандгруппа, как его... А, вот... Крука. Надо позвонить Сереже Серебровскому в ГУББ наркомата, его отдел как раз Белоруссию курирует.

Данилов набрал номер.

— Серебровский.

— Здравствуй, Сережа. Это Данилов.

— Ваня, дружище, я только что о тебе думал.

— Телепатия.

— Что, что?

— Угадывание мыслей на расстоянии.

— Ты что, у Вольфа Мессинга хлеб отбить хочешь?— засмеялся Серебровский. — Ну выкладывай, чего беспокоишь руководящих работников наркомата?

— Дело к тебе есть. Срочное.

— Тогда жду. — Серебровский повесил трубку.

ДАНИЛОВ И СЕРЕБРОВСКИЙ

Кабинет у Сергея был здоровый. Солидный кабинет. С портретами и коврами. Мебель кожаная. Стол огромный, как саркофаг. На нем чернильный прибор мраморный, с бронзой. В углу часы старинные с навечно застывшими стрелками. Данилов, усаживаясь в кресло, спросил с усмешкой:

— Часы-то тебе эти зачем?

— Для солидности. У нас здесь они как должностной знак: чем интереснее часы, тем положение у хозяина выше.

— Так они не ходят.

— Это никого не касается. Я же тебе объясняю, что это как лишняя звезда на погоны. Понял?

— Куда уж яснее.

— Ты, Ваня, меня критиковать пришел, подрывать основы бюрократического устройства? — Сергей белозубо улыбнулся. — Нет, брат, тебе этого не понять.

В твоем кабинете еле сейф умещается. Так какие у тебя дела?

— Сережа, — Данилов достал из планшета папку с делом Судина-Судинского, — ты, кажется, Западную Белоруссию ведешь?

— Именно веду за ручку через бурный поток жизни.

— Ты серьезно можешь разговаривать?

— Серьезно неинтересно, Ваня. Так зачем тебе понадобилась Западная Белоруссия? Что, Ваня, разве в Москве все урки перевелись?

— На, читай, — Данилов протянул ему дело. — Меня интересует, кто такой Крук.

— Болек, — Серебровский на секунду поднял глаза, — самый что ни на есть вредный бандит.

— Почему Болек? — удивился Данилов.

— Полное его имя Болеслав. Подожди, не перебивай.

Серебровский читал, делал выписки и даже посвистывал от удовольствия. Наконец он закрыл папку и посмотрел на Данилова. В синих глазах его плясали веселые чертики.

— Ванечка, миленький, ты просто не знаешь, как порадовал нас. Цены тебе нет. Да я за эти бумажки готов отдать все, что хочешь, даже часы эти проклятущие.

— Спасибо, мне бы чего попроще.

— Это можно. — Серебровский встал, достал ключи, подошел к сейфу, открыл чугунную дверцу, склонился над ним. — На, от себя отрываю, — он положил перед Даниловым длинную желтоватую пачку.

— Это что такое?

— «Второй фронт». Сигареты американские. Видишь, верблюд нарисован? «Кемел» называются. Кури на здоровье. Здесь десять пачек.

— Шикарно живешь. Откуда они?

— От верблюда, — Серебровский захохотал, — от этого самого «Кемела».

— Ты мне зубы не заговаривай, Сережа, в чем дело, толком.

— На Востоке говорят: «Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать». Сейчас я прикажу принести материалы по банде Крука. — Серебровский нажал кнопку звонка. В дверях появилась секретарша. — Ярошенко ко мне.

Через несколько минут в кабинет вошел невысокий худощавый майор.

— Немедленно все материалы по бандгруппе Крука.

— Слушаюсь, — майор вышел.

— Сейчас, Ваня, ты своими глазами увидишь, что это за лудильщик. Сволочь редкая. Убийца, садист, наркоман. Сейчас Ярошенко принесет материалы, там его нынешние деяния. Кстати, этот Бурковский у него вроде адъютанта, тоже пуля по нему давно плачет. Так вот я о чем. Знакомясь с нашими документами, ты обрати внимание на справку о самом Круке. Любопытное жизнеописание.

Без стука в кабинет вошел Ярошенко и положил перед Серебровским две толстые папки.

— Я могу быть свободен?

— Да, иди, — Серебровский переложил материалы на столик к Данилову, — читай.

Данилов открыл папку. С первой страницы дела на него глядела фотография человека в немецкой военной форме со знаками различия лейтенанта. Высокий лоб, глаза глубоко сидящие, крепкий нос, тяжелый волевой подбородок.

«Крук Болеслав Сигизмундович, мать полька, отец белорус. 1901 года рождения, место рождения город Ковель, окончил Краковскую гимназию, трижды привлекался польским судом за соучастие в вооруженном ограблении банковских контор. После присоединения Западной Белоруссии, по оперативным данным, появился во Львове, где совершил ограбление часового магазина фирмы «Буре».

Скрывался под фамилией Скрыпник. В 1941 году объявился в Пинской области, где служил сначала во вспомогательной полиции, потом в полевой жандармерии. Имеет звание лейтенанта и награжден Бронзовой медалью. Активно боролся с партизанами, в карательных акциях против местного населения участия не принимал. В 1944 году после освобождения Красной Армией временно оккупированной территории Белоруссии скрылся. Сформировал банду из бывших немецких пособников и уголовного элемента. По оперативным данным, банда насчитывает около пятидесяти стволов».

Далее на многих страницах шло подробное описание действий банды Крука. В основном нападение на небольшие воинские обозы, ограбление сберкасс, за-

хват автомашин, везущих в Минский банк деньги и золото.

— Странно, — сказал Данилов, — никакой ярко выраженной политической окраски. Одна уголовщина.

— В том-то и дело, — Серебровский наклонился, читая из-за его плеча, — грабежи, убийства во время нападений, и все. У нас создалось впечатление, что он собирает ценности, чтобы с ними или уйти за линию фронта, или пробиться в Польшу. Но в этом году банда Крука начала активизировать действия против партийно-советского аппарата. Она убила двух председателей сельсовета и секретаря районного комитета комсомола. Тем самым группа Крука приобрела и политическую окраску. А это вдвойне опасно. Какими еще располагаем данными о Круке? Вот читай.

«...Пьет мало, употребляет наркотики, начитан, легко вступает в контакт и умеет поддерживать беседу, любит органную музыку, одевается щегольски, чистоплотен, смел и осторожен, жесток. Работая у немцев, сколотил банду из десяти человек и занимался грабежом среди мирного населения».

— Кстати, в эту бандочку и входил Бурковский, — пояснил Сергей.

— А он кто такой?

— Вон в той папке материалов по членам его банды, которых нам удалось выявить.

«Бурковский Степан Казимирович, год рождения 1920-й, место рождения город Минск, из рабочих, ранее судим по статьям 142 и 193 УК БССР. Бежал с этапа в июле 1941 года, с 1942 года находился на территории Пинской области, во вспомогательной полиции не служил, с оккупационными властями не сотрудничал. В составе банды Крука грабил мирное население. С 1944 года активный член бандгруппы, является адъютантом Крука, вооружен и очень опасен при задержании.

Наркоман, образование начальное, смел, жесток, отлично стреляет, предан Круку, обвиняется в убийстве предположительно десяти человек».

Так вот какой «клиент» попал к нему. Данилов взглянул на фотографию. Фас, профиль. Снимали в минской тюрьме. На фотографии Бурковский был пострижен наголо, и лицо его казалось еще более асимметричным.

— Что делать будем, Сережа? — Данилов закрыл папку.

— Понимаешь, мне кажется, что Судин и Алтунин каким-то боком связаны с Круком. Подумай сам. У Судина этого...

— Судинского, — поправил Данилов.

— Один черт. Так вот, у покойника нашего наркотики нашли. Так. Постой, дальше пойдем. Он в Белоруссию часто ездил. Так. Теперь смотри, вот лист дела сороковой. Куда командировки: Барановичи, Пинск. Так. А это зона действия бандгруппы Крука. Появление в Москве Бурковского. Так. Деньги, золотые пластины. Рупь за сто отвечаю, экспертиза покажет, что деньги взяты в Белоруссии, а золото из той машины, что везла ценности в Минск. Вот она, Ваня, суровая проза нашей жизни. Теперь сам думай.

— А думать здесь, Сергей, нечего. Надо получить сведения.

— Ваня, надо расколоть Бурковского, и поторопи ты Алтунина. Целых два дня. Да ты знаешь, что может этот Болек за один час натворить? Он что, на самом деле роман создает? Нет же, чистосердечные показания. Так пусть поторопится.

— Ты меня, Сергей, знаешь, — твердо сказал Данилов, — я свое слово держу даже перед алтуниными.

— Ну и держи, мой хороший, кто тебе не дает. Ты в трюм к нему спустись. Погоди: то, мол, да се. Глядишь, он и пораньше сделает.

— Нет, Сергей, я ему два дня дал.

— Ох и черт ты упрямый, — Серебровский хлопнул ладонью по столу, — ну ладно, делай как знаешь. Только помни, что ты вышел на верную дорожку к банде Крука. Теперь о Валиевой.

— Там Белов.

— Это хорошо. Я позвоню Ибрагимбекову, чтобы они оказали ему полную поддержку.

— Ну, ладно, — Данилов встал, — в гостях хорошо...

АЛТУНИН

От стены до окна четыре шага. Раз. Два. Три. Четыре. И снова четыре, и снова. Нет, не испугался он,

когда увидел человека с пистолетом. Не испугался. Пожалел, что не успел еще раз обнять Ларису. Тюрьма. Нет, пока камера предварительного заключения. А впрочем, одно и то же. Везде ему дадут не больше четырех шагов от стены до окна. А потом? Интересно, как его расстреляют? Выведут в коридор и бахнут в затылок или поставят перед отделением солдат? Впрочем, какая разница? Главное — умереть достойно надо. А то жил погано последние годы и умрешь погано. А этот подполковник, как его, Данилов, мужик неплохой. Высокий, лицо приятное, руки хорошие, говорит интеллигентно. Надо писать. Детство, юность, зрелость. Нет, это лирика. Он напишет с того самого дня, как познакомился с Судиным и его дружочком нежным, Болеславом. С этого дня он начнет. Напишет и предаст? Нет. Предать можно друзей, а не эту сволочь. Он просто поможет избавиться от них. Хоть перед смертью немного поживет честно и умрет честно. А почему умрет? А потому, бывший капитан Алтунин, что за эти дела: убийство, дезертирство в военное время, за участие в делах Судина — вышка. Так-то вот. В коридоре тяжело топает надзиратель. В закрытом козырьком окне серая полоска зимнего неба. Вот все, что осталось тебе. Последняя пересадка, а там выдадут билет на скорый, название которому — смерть. Он постоял немного, потом решительно сел за стол и взял ручку.

БАКУ. Февраль

Все то время, пока в кабинете торжественно звучал голос Левитана, никто не проронил ни слова. Люди вслушивались в чужие названия незнакомых городов, гордясь и радуясь за тех, кто, не жалея жизни, дрался на их улицах.

— Ты понял, Сэрожа, — с сильным кавказским акцентом крикнул оперуполномоченный Азизов, — что говорят нам, клянусь честным словом!

Все зашумели, полезли за папиросами.

— Ты помнишь, а ты помнишь, — взволнованно кричал Азизов, — ведь они хотели осенью сорок первого быть в Баку!

— Вспомнил, — прогудел огромный, как шкаф, ка-

питан Айрапетов, — ты забудь об этом. Не было такого.

— Этого не может быть, потому что не может быть никогда, — сказал Белов радостно.

— Правильно, Сэрожа, — Азизов хлопнул его по ладони — очень хорошо сказал.

— Это не я. Это Чехов сказал.

— Какая разница кто, главное, чтобы хорошо сказано было, клянусь честным словом.

Они сидели в одном из кабинетов местного УББ и ждали звонка. Сегодня заканчивалась оперативная разработка, сегодня по сигналу старшего группы наружного наблюдения Сергей должен был арестовать Валиеву. Несколько дней пристального интереса к ее особе дали самые невероятные сведения. Казалось, что без помощи этой женщины в Баку не происходит ни одна незаконная сделка. Валиева успевала всюду. Купить по дешевке золото, выменять на продукты ковер, получить деньги за дефицитные лекарства, маклерствовать при обмене жилплощади.

— Не баба, — сказал про нее Азизов, — а целая контора.

В Баку на Сергея свалилась сразу масса дел. Правда, местные коллеги выделили ему в помощь двух очень толковых работников, хорошо знающих обстановку и здешние условия. Они и занимались Валиевой до приезда Сергея. В общем, картина постепенно прояснялась. Зульфия была связана с неким Абдулаевым Вагифом Абдулаевичем, работавшим зампредседателя Азпотребкооперации, он, кстати, и взял на работу Судина-Судинского. Им плотно занялись ребята из ОБХСС, они же, проведя негласную ревизию, установили количество лекарств, незаконно полученных Валиевой.

Из ее связей их заинтересовал всего один человек. Он регулярно появлялся в аптеке каждую среду, заходил прямо в кабинет управляющего. Жил он в Арменикенде, в старом деревянном доме с галереей. На допросе летчик Рахимов показал, что Валиева летела из Москвы с ним. Звали его Георгий Георгиевич Аванесов. Сотрудники Бакинского уголовного розыска «прошлись» по этой фамилии, но она нигде не значилась. И все-таки Аванесов вызывал у Сергея какие-то пока еще не объяснимые и смутные подозрения. Безусловно, он был причастен к убийству Судинского. Но какую

он играл роль, пока никто не знал. В Баку Аванесов согласно отметке о прописке прибыл в 1940 году из Еревана, он был уже немолод — пятьдесят пять лет. Работал экспедитором в том же Азпотребсоюзе. Его фотографию и данные Азизов отправил в уголовный розыск Армении, теперь они ждали ответа.

Сегодня бакинская часть операции должна была завершиться. А в Баку стояла чудесная солнечная погода. Сергею удавалось вырвать немного времени и побродить по городу. Он впервые видел современность, переплетающуюся со средневековьем. Старый город с его крепостной стеной, острыми, как кинжал, башнями минаретов кружил Белова по узким улочкам, выбрасывал на маленькие площади с фонтанами, заводил в тихие уютные дворы. Арабская вязь на стенах о чем-то предупреждала его, гортанный восточный говор звучал незнакомо и настороженно, и ему казалось, что он попал на страницы давно прочитанных книг. На лавочках у домов сидели старики в мягких сапогах и каракулевых шапках, они важно, словно знакомому, кивали Сергею головами, и он здоровался с ними и от этого становился причастным к непонятной для него жизни маленьких дворов и улиц.

Азизов отдал Сергею свой плащ, благо они были одного роста, фуражку он оставлял в общежитии, поэтому гулял по городу относительно свободно. Иногда ребята водили его в маленькие духанчики, там они о чем-то шептались с усатым поваром, похожим на разбойника, и им приносили кебабы, зелень и терпкое молодое вино. В духане горько пахло бараньим жиром и кислым вином. Плыли в дыму усатые лица, и Сергею становилось хорошо и спокойно. После короткой передышки опять начинались бесконечные справки, протоколы, рапорты. Ближе к утру у него нещадно начинало щипать глаза от табачного дыма, во рту стояла непроходящая никотиновая горечь, а лица людей начинали двоиться и троиться. Тогда он бросался на диван прямо в кабинете и забывался коротким каменным сном.

Зазвенел телефон, Азизов взял трубку. Он с кем-то коротко поговорил и повернулся к Сергею:

— Валиева в аптеке.

— Поехали, — Сергей снял с вешалки плащ.

— Какие мысли, Сережа? — спросил Айрапетов.

— Я к ней в кабинет зайду, ты, Азизов, у дверей станешь, а ты, Борис, у окна.

— Понятно. Кого еще брать?

— Я думаю, двух милиционеров давайте прихватим на всякий случай. — Сергей вопросительно поглядел на Айрапетова.

— А зачем? Вот, смотри, план аптеки. Выход один, я проверил, окошко кабинета управляющего забрано решеткой, так что мне там делать нечего. Ты иди к ней, Азизов у дверей станет, а я в торговом зале. Как смотришь?

— В общем, все правильно, — Белов смутился. Он, как старший и ответственный за операцию, обязан был предусмотреть все. А он забыл о решетках на окне. Ругая себя мысленно последними словами, Сергей спустился по лестнице и сел в старенький автобус.

Машина, подвывая изношенным мотором, стучала по мостовым старого города. Надсадно ревя, она брала подъемы и, странно позвякивая, бежала под уклон.

— Двадцать пять лет, клянусь честным словом, он у нас работает. Мне знающие люди говорили, что его англичане в Баку забыли, — с гордостью сказал Азизов.

— Ну что говоришь, а? Зачем так говоришь? — перебил его шофер. — Какие, слушай, англичане, я его сам новый получал в тридцать пятом году. Ты же скажешь.

Значит, десять лет бегает по улицам Баку эта заслуженная колымага-автобус. Белов вспомнил их муровские автобусы, такие же старые и гремящие, и подумал, почему в милиции всегда самая старая техника? И сам ответил себе. Наверное, из-за войны. Видимо, после ее окончания придет к ним хорошая, добротная армейская техника, а пока и такая сойдет.

Автобус остановился в узком переулке, казалось, стены домов касались его бортов.

— Пошли, — сказал Азизов.

В аптеке было пусто. Только у рецептурного отдела стоял высокий седой старик в длинном бешмете и коричневой каракулевой папахе.

— Где управляющий? — спросил Сергей кассиршу.

— У себя.

Они с Азизовым прошли в маленький, освещенный матовым колпаком коридорчик. В нем была всего од-

на дверь со стеклянной табличкой. Белов толкнул ее и шагнул в комнату.

— Вы ко мне? — За столом сидела женщина лет тридцати. Гладко зачесанные волосы собраны на затылке в большой пучок, нос с горбинкой, губы жирно намазаны помадой. Белов увидел ее руки в кольцах и большие золотые полумесяцы серег в ушах.

— Вы к кому? — раздраженно спросила Валиева.

— К вам, Зульфия Валиевна.

— Вы от кого?

— Я хочу вам предложить купить у меня эту вещь.— Сергей вынул из кармана черепаховую шпильку и увидел, как даже под гримом медленно начало белеть лицо Валиевой.

— Я сотрудник Московского уголовного розыска, — он достал удостоверение, — вы поедете со мной.

На Валиеву словно напал столбняк. Она молча сидела на стуле, пока оперативники обыскивали ее кабинет, не читая, подписала протокол, встала, когда ей предложили пройти. Она жила как во сне, отрешенно от всего происходящего. Выходя из кабинета, она забыла каракулевое манто, и Айрапетов накинул ей его на плечи. Так же молча она села в автобус и только там закричала, словно проснулась:

— Нет!.. Это не я!.. Я не убивала!.. Он сказал: насыпь ему снотворного!.. Я насыпала!.. Нет!.. Это не я!..— она схватила Белова за отвороты плаща. — Слышите!.. Это он!.. Все он!.. Я только открыла ему дверь!.. Я сразу ушла!.. Это он!..

— Кто он? — крикнул Белов, с трудом вырываясь из цепких рук Валиевой. — Кто он, я вас спрашиваю?

— Аванесов!.. Жорик!.. Я открыла ему дверь, впустила его!.. Он забрал все бумаги!.. Вещи собрал!.. Говорит — унеси!.. Я еще поищу... — И она заплакала навзрыд, как плачут на восточных похоронах.

Они сдали Валиеву дежурному, и снова автобус вез их в Армяникенд.

— Слушай, Рашид, — спросил Сергей Азизова, — а почему этот район так смешно называется?

— Как правильно сказал Сэрожа, клянусь честным словом, — обрадовался Азизов, — именно смешно...

— Ну что ты говоришь, — вмешался в разговор Айрапетов, — ты его не слушай, он языком молотит, как ишак хвостом.

Азизов в ответ довольно захохотал.

— Ну вот, — продолжал Айрапетов, — пример тебе. Ты, Азизов, типичный пережиток. Нет такого названия. Это раньше так говорили, а теперь нет. В городе жили христиане и мусульмане. Христиане — армяне. А все остальные — язычники. Так вот, все христиане селились вместе, чтобы легче было от варваров обороняться. Понял теперь? Национальная вражда была. Теперь нет. Разве в хорошее старое время с этим варваром Азизовым за стол сел бы? Никогда.

— Ты уж скажешь, — беззлобно ответил Азизов, — я варвар. Ты на себя посмотри.

Они переругивались всю дорогу, и Белов понял, что это у них такая игра. Говори о чем угодно, только не о деле, на которое едешь.

Шофер спросил Азизова о чем-то по-азербайджански, тот ответил, и автобус, свернув, остановился.

— Прибыли.

Ночь была темная. Ветер с моря нес запах нефти и рыбы.

— Стойте здесь, — сказал Айрапетов, — я дворника найду.

Они стояли в темноте, слушая, как гудит над крышами ветер. Он налетал на улицы, и было слышно, как дрожат под его напором стекла.

Айрапетов вернулся минут через десять с дворником.

Они о чем-то вполголоса поговорили на армянском.

— Дома он, — перевел Сергею Азизов, — давно пришел. Один он.

— А ты знаешь армянский? — удивленно спросил Сергей.

— Здесь работать, надо и армянский, и азербайджанский, и грузинский, и турецкий знать.

— Неужели все выучил? — спросил удивленно Белов.

— Какой там. Всего понемножку.

Наконец Айрапетов, видимо, договорился с дворником.

— Пошли. Он постучит, скажет, что телеграмма. Ну а дальше по обстоятельствам. Оружие проверьте.

Они вошли во двор и по скрипучей лестнице начали подниматься на галерею. Под напором ветра дом скрипел, как старая шхуна. Сырые доски поскрипыва-

ли под ногами. Первым шел Айрапетов, и Сергей считал, что это непорядок, первым должен идти руководитель операции — таков уж неписаный закон угрозыска. На галерее он обогнал Айрапетова. Тот не возражал. Сегодня задержанием руководил не он.

— На галерею выходит окно кухни, — сказал Азизов.

— Закрой его, — шепотом приказал Сергей.

Из занавесок пробивалась полоска света.

— Там он, — сказал дворник, — там, начальник.

— Стучи.

Дворник забарабанил костяшками пальцев по стеклу. За дверью послышались шаги, густой грубый голос что-то спросил по-армянски, дворник ответил. Из всего длинного диалога Белов разобрал одно знакомое слово — «телеграмма». Щелкнул замок, дверь распахнулась, и на пороге выросла фигура здоровенного детины в майке, пижамных брюках и тапочках на босу ногу.

Сергей, оттолкнув дворника, шагнул в квартиру.

— Уголовный розыск, — сказал он.

Он так и не успел закончить фразу. Аванесов с неожиданной для его массивного тела легкостью прыгнул на кухню. Дверь захлопнулась. Сергей бросился к ней. Раздался выстрел, пуля ударила где-то рядом с его головой. Аванесов стрелял сквозь дверь.

— Сергей! — крикнул Айрапетов.

Но в это время послышался звон стекла и выстрел. Сергей с Айрапетовым выскочили на галерею и увидели катящийся им под ноги клубок тел. Айрапетов упал на него, послышался глухой удар, потом кто-то громко застонал.

— Тихо, — отдуваясь, прохрипел Айрапетов, — ишь ты, стрелять начал. — От волнения он тоже начал говорить с сильным акцентом.

«ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА гр. ВАЛИЕВОЙ З. В.

Вопрос. Расскажите подробно, как вы убили Судина Илью Иосифовича.

Ответ. Я никого не убивала. Мне было поручено усыпить его и открыть дверь Аванесову.

Вопрос. Кто вам поручил это?

Ответ. Ко мне в аптеку пришел Аванесов и сказал, что хозяин велел ехать в Москву и забрать у Судина все бумаги.

Вопрос. Кто такой хозяин?

Ответ. Я его не знаю и никогда не видела, свои распоряжения он передавал через Аванесова.

Вопрос. Почему это поручили именно вам?

Ответ. Я жила с Ильей.

Вопрос. Какие бумаги необходимо было изъять?

Ответ. Не знаю, об этом Аванесов ничего не говорил.

Вопрос. Расскажите, как было дело.

Ответ. Я позвонила Илье и сказала, что приду к нему ночевать. Мы на кухне решили поужинать и выпить бутылку вина. Когда он разлил вино по стаканам, я попросила его принести забытую мною в столовой сумку и насыпала в его стакан большую дозу снотворного. Он выпил и минут через десять заснул. А я открыла дверь и впустила Жору.

Вопрос. Что было потом?

Ответ. Жора собрал в чемодан какие-то бумаги и ношеные вещи Ильи, отдал мне и велел уходить.

Вопрос. Зачем он остался?

Ответ. Он еще что-то искал.

Вопрос. Что именно?

Ответ. Он не говорил...»

БЕЛОВ И АВАНЕСОВ

— Ты меня, начальник, пойми. Поймешь — простишь. Сижу ем, чай пью, вдруг ты врываешься. Я думал, бандит какой.

— Я же сказал вам, что мы из уголовного розыска.

— Послушай. Розыск-мозыск. Жулье знаешь какое стало?

— С нами был дворник.

— А, дворник-морник. Послушай, ему бумажку сунь, он с кем хочешь пойдет. Продажный человек, понимаешь?

— Откуда у вас оружие?

— Нашел. Клянусь мамой, на берегу моря нашел.

— Почему не сдали в милицию?

— Понимаешь, время такое, жулья навал, решил — оставлю до конца войны.

— При обыске у вас нашли большую сумму денег и патроны к нагану.

— Деньги покойный братик оставил, Арташез, патроны нашел.

— Не слишком ли много находок?

— Повезло, начальник, всю жизнь не везло, а на старости лет...

Сергей допрашивал Аванесова в маленьком узком кабинете Айрапетова. Задержанный врал, нагло глядя в глаза Белову. Где-то в самой глубине их Сергей видел, как смеется над ним этот огромный мускулистый человек. Даже видавший виды Азизов молча возмущенно всплеснул руками, словно собираясь аплодировать.

— Так вы отказываетесь говорить правду? — спросил Белов.

— А я что делаю? — усмехнулся донельзя довольный задержанный.

— Зачем вы приезжали в Москву?

— Какая Москва, начальник? В Тбилиси был, в Ереване был, в Кутаиси был, в Батуми был, — Аванесов привстал.

— Сидеть, — Азизов схватился за кобуру.

— Слушай, что такой нервный, а? Сижу, видишь! — Аванесов покачал головой осуждающе.

— Мы устроим вам очную ставку с Рахимовым, — Сергей встал.

— Кто такой? — заволновался Аванесов.

— Летчик, с которым вы летели. Пригласить?

— Ну зачем, а? Был в Москве. Фрукты возил, зелень-мелень.

— А что вы делали на квартире Судина?

— Никакого Судина не знаю, — ответил, внезапно став серьезным, Аванесов.

— Пригласите Валиеву, капитан, — попросил Белов Айрапетова.

— Стой, начальник. Ах, — задержанный замотал головой и с силой ударил кулаком по колену, — сука-баба, тварь! Не зови. Буду говорить. Только ты мне как чистосердечное признание оформи. Как...

— Может быть, вам оформить явку с повинной? — с иронией спросил его Белов. — Может быть, вы в угрозыск сами пришли? Я советую вам говорить правду.

«*ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА АВАНЕСОВА Г. Г.*

Вопрос. Кто такой хозяин?
Ответ. Абдулаев Вагиф Абдулаевич.
Вопрос. За что вы должны были убрать Судина?
Ответ. Морденок знал много.

Вопрос. Почему возникла такая необходимость?

Ответ. Мне хозяин сказал, что Илья спутался в Белоруссии с какими-то бандитами-каэрами. Мол, они ему за дела давали золото и деньги. Он сказал: банду по нынешним временам быстро повырежут и выйдут на Илью, а через него на нас.

Вопрос. Какие дела были у Судина с бандитами?
Ответ. Не знаю.

Вопрос. Что вы искали на квартире Судина?
Ответ. Деньги и золото.
Вопрос. Нашли?
Ответ. Нет.

Вопрос. Какие документы вам велено было забрать?
Ответ. Те, что лежали в красной кожаной папке.
Вопрос. Что это были за документы?

Ответ. Какие-то накладные и счета. Я в этом ничего не понимаю.

Вопрос. Что еще вы взяли в квартире Судина?

Ответ. Кожаное пальто, пыжиковую шапку, три костюма, все письма и записные книжки, золотые вещи.
Вопрос. Какие?

Ответ. Часы семь штук, двенадцать колец, три портсигара и браслет.

Вопрос. Где вы их нашли?
Ответ. В шкафу под бельем.
Вопрос. Где жили в Москве?

Ответ. В доме колхозника на Дорогомиловском рынке...»

Той же ночью у себя на квартире был арестован Абдулаев. С ним работали почти неделю. Абдулаев брал на себя все, кроме организации убийства Судина. Он признал спекуляцию, скупку и торговлю золотом, наркотики. Только через неделю, припертый следователем актами экспертиз, очными ставками и показаниями Аванесова, Абдулаев сдался.

«ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА АБДУЛАЕВА В. А.

...*Ответ*. Осенью прошлого года ко мне приехал Судин и рассказал, что в Белоруссии он вступил в контакт со своим старым другом. Якобы его друг руководит бандой.

Вопрос. Что говорил вам Судин о составе, вооружении, дислокации банды?

Ответ. Я не понимаю, что значит слово «дислокация».

Вопрос. Место расположения банды.

Ответ. Где-то в Барановичской области. Он не уточнил.

Вопрос. Состав и вооружение?

Ответ. Не говорил.

Вопрос. Кто возглавляет банду?

Ответ. Какой-то его старый друг, с которым он сошелся во Львове в 1940 году.

Вопрос. Чем занимается банда?

Ответ. Он объяснил, что они нападают на сберкассы, отделения госбанков, почты.

Вопрос. Что вы ответили Судину?

Ответ. Я сказал, что мы хозяйственники, поэтому ничего общего не должны иметь с каэрами.

Вопрос. Порвал Судин отношения с бандитами?

Ответ. Нет. Он приезжал в Баку и хвастался деньгами и золотом. Угрожал мне физической расправой.

Вопрос. Конкретнее?

Ответ. Когда я отказался поставить медикаменты и продовольствие, он сказал, что вызовет из Белоруссии человека, который рассчитается со мной.

Вопрос. Какие дела были у Судина с бандитами?

Ответ. Он отвозил в условленное место медикаменты и продовольствие, получал от них для реализации награбленную мануфактуру и носильные вещи.

Вопрос. Среди изъятых у вас бумаг обнаружено письмо, адресованное покойному: «Милый дядя. Ты пишешь, что твой старший брат очень плох. Не бойся, мы высылаем хорошего врача. Пусть летчик проводит его к нему. Любящий тебя племянник». Чье это письмо?

Ответ. Не знаю...»

Ежедневно о ходе расследования Белов докладывал Данилову в Москву. После того как он передал ему

выдержку из протокола Абдулаева, подполковник помолчал и сказал Сергею:

— Ну, кажется, все. Распорядись, чтобы этапировали в Москву Валиеву и Аванесова, и вылетай. Самолет уходит завтра утром, договоренность есть.

— Хорошо, Иван Александрович.

— Да, кстати, тут тебя четыре письма ждут. Пришли на отдел. Личные. Может, что важное, — хитро спросил Данилов, — так давай я вскрою и прочту тебе.

— Нет, — заорал Сергей в трубку, — это не служебные, Ван Саныч, это мне!

— Ну если так, не буду. Вылетай.

На аэродром Белова провожали Азизов с Айрапетовым. Вез их все тот же автобус. Когда они подъехали к КПП, Айрапетов убежал куда-то и вернулся с летчиком.

— Этот груз? — летчик показал на мешок и ящик, лежащие в углу салона.

— Он, — подтвердил Айрапетов.

— Ладно, возьму. Только грузите скорей.

— Взяли, ребята, — скомандовал Борис.

— Что это? — удивился Сергей.

— Подарок, — небрежно ответил Азизов, — твоим ребятам. Фрукты сухие. От нас.

— Зачем... — начал было Сергей и осекся, посмотрев на их лица.

Они погрузили мешок и ящик. Обнялись крепко. Из иллюминатора Белов еще несколько минут видел их. Потом земля накренилась, самолет лег курсом на запад. Сергею почему-то было очень грустно. За эти дни он сдружился с невозмутимым Борисом Айрапетовым и стремительным, веселым Рашидом Азизовым. Он только начинал жизнь и не привык еще к горечи расставаний.

Потом, через много лет, он поймет, что этим и прекрасна жизнь, дарящая встречи и разлуки. Он летел в Москву и думал о другом. Мысли его были заняты рассуждением о великом братстве людей, живущих в разных концах страны, порой никогда не видящих друг друга. Всех их объединяла служба в милиции, они были словно рыцари одного ордена, основной закон которого — бескорыстная и беззаветная дружба.

МОСКВА. Февраль

ДАНИЛОВ

«Начинаем обзор новостей, — звучно и неестественно бодро раздался голос диктора. — Корреспондент «Правды» передает из Рязани. Колхозники сельхозартели «Красная звезда» Рязанского района к XXVII годовщине Красной Армии создали при сельской школе фонд помощи детям фронтовиков. Решением общего собрания в этот фонд передано 90 пудов зерна, 120 пудов картофеля, 50 килограммов шерсти, 10 тысяч рублей. Из личных средств члены артели дополнительно собрали для этой же цели 30 тысяч рублей.

Члены колхоза «Строитель» выделили в фонд помощи детям фронтовиков 42 пуда зерна, 90 пудов картофеля и 5 тысяч рублей».

Данилов дослушал информацию и выключил радио. Ему необходимо было собраться с мыслями. Сегодня утром позвонил врач и сказал, что Кузыма-Бурковский чувствует себя вполне прилично и работать с ним можно. Иван Александрович приказал доставить к нему арестованного в 14.00. Следовательно, у него оставалось два часа. Дело, начавшееся с происшествия в Первом Зачатьевском переулке, значительно переросло рамки обыкновенного убийства. В него оказались втянуты самые разные люди, занимавшиеся уголовщиной почти всех видов. От квартиры пятнадцать следы привели к крупным махинаторам из Азербайджана и профессиональному уголовнику Аванесову, протянулась нить в Белоруссию к банде Крука.

— Цветное дело, — сказал начальник МУРа, прочитав материалы, — но к нашей чести надо отметить, мы сработали предельно оперативно. Дальше забота ГУББ. МУР есть МУР, наше дело столицу охранять. Твоя задача, Иван, допросить этого Бурковского и все данные на стол товарищам из наркомата. Только поторопись. Читал сводку? Ведь там новая банда объявилась, «Черная кошка». Тебе ею заниматься придется.

Данилов полностью переключил Муравьева на эту «кошку», а сам решил довести до конца старое дело. Запросы и акты экспертиз подтвердили, что деньги,

найденные у Судина и Алтунина, действительно захвачены бандой Крука, золото тоже. Пришли ответы по поводу документов Алтунина. Действительно, он окончил Ейское летное училище с прекрасной характеристикой. В военной прокуратуре нашлось дело о его дезертирстве. В деле были послужной список и характеристика на летчика первого класса, командира звена истребительного полка капитана Алтунина. Там же нашлись и протоколы допросов его командиров и сослуживцев. Все они, как один, говорили о случившемся с недоумением. Военный следователь, основываясь на этих, в общем-то, безукоризненно положительных документах, высказал мнение, что Алтунина могли убить украинские националисты, а тело спрятать.

Падение Алтунина было настолько стремительным и непонятным, что Данилов, многое повидавший на своем веку, никак не мог это объяснить. Он еще раз решил посмотреть его показания.

ПОКАЗАНИЯ АЛТУНИНА

«Я не буду писать о детстве и юности как о времени, не имеющем отношения к тому, что произошло со мной. Говорят, что человек сам пишет свою биографию. Я не сумел. Окончив училище, я служил в различных авиационных соединениях. Мечтал о перелетах и рекордах высоты. Подавал заявления с просьбой отправить меня воевать в Испанию, просился на финский фронт. Но служба в армии — это прежде всего дисциплина. Так объясняли мне, и я, понимая это, мирился.

В 1940 году наша часть была переведена на земли воссоединенной Западной Украины. Мы стояли под городом Львовом. Я не хочу рассказывать о том, какое впечатление на нас, людей, служивших до этого в маленьких русских городах, произвел элегантный веселый город. Львов тогда еще жил по старым законам. Я не хочу описывать магазины и рестораны, женщин, словом, все, что встретилось мне там. Я внезапно почувствовал себя совершенно в другом, незнакомом, красивом мире. Но все это лирика.

В нашей части работала по вольному найму Зося Здановская. Ей было двадцать пять лет, и вряд ли в полку нашелся бы летчик, не пытавшийся ухаживать за ней. Мне повезло больше всех. У нас начался ро-

ман. Лирическую часть я оставлю для себя. Вам же хочу сказать, что никогда я не был так увлечен женщиной. Через некоторое время я уже жил у нее на квартире, но об этом, правда, в части ничего не знали. Мы вели веселую жизнь. Прогулки, театры, кино, рестораны.

Однажды Зося познакомила меня со своими друзьями Болеславом Скрыпником и Ильей Судинским. Новые знакомые мне понравились, они были щедры и веселы. Мы часто бывали в ресторанах. Платили всегда они, а это меня устраивало, так как командирское жалованье небесконечно.

1 июня 1941 года, я очень хорошо помню этот день, мы пьянствовали в ресторане «Бристоль», там я встретил летчика из нашего полка лейтенанта Мирошникова. Я был пьян, и мне показалось, что он ухаживает за Зосей. Скрыпник, подливая мне коньяк, все время говорил:

— Олень. Он твою бабу уводит, а ты смотришь.

Дальше я ничего не помню. Очнулся я на квартире Судинского и первое, что увидел, свой пистолет, лежащий у кровати. Я поднял его и почувствовал кислый запах, появляющийся у нечищеного оружия после стрельбы. В комнату вошли Зося, Болеслав и Илья. Они и рассказали мне, что, пьяный, в драке у Стрыйского парка я застрелил Мирошникова. Зося, плача, добавила, что она была в части и меня ищут, чтобы отдать в трибунал.

Так из удачливого командира авиации я сразу же стал преступником. Я решил пойти в часть. Но Зося и ее друзья отговорили меня. Мы пили опять, и я вдруг понял, что они правы, в тридцать лет незачем умирать. Они достали мне другие документы, и мы с Ильей уехали в Баку. Перед отъездом у нас был разговор со Скрыпником, он объяснил мне, кто он такой, и предложил вместе зарабатывать деньги. Так, я помог ему в ограблении часового магазина. Мы взяли там много золотых часов. Судинский быстро реализовал их, и мы уехали. Но не просто в Баку. Скрыпник подбивал меня там подготовить угон рейсового самолета и перелететь через границу. Он сказал, что там мы с Зосей будем жить как цари. Тогда мне было все равно, и я согласился. Мы уехали с Судинским, а Зося и Скрыпник должны были догнать нас. Но планы Скрыпника

так и не осуществились: началась война. В Баку я жил под фамилией Супрун и работал шофером в Азпотребсоюзе. Илье удалось достать мне липовое заключение медкомиссии о моей непригодности для воинской службы. Я возил какие-то вещи и получал за это деньги (долю) и продукты.

В 1944 году мы с Судинским уехали в Москву. Здесь он дал мне документы на имя полковника авиации Чистякова, слушателя Академии Генштаба. Я жил под чужим именем, носил чужие погоны и ордена. Деньги были, и я посещал коммерческие рестораны. Мне даже хотелось, чтобы меня арестовали. Я часто спрашивал Илью, зачем я ему нужен. Он пояснил мне, что готовит одну аферу, а полковник авиации, фронтовик и орденоносец легче сможет ее провернуть.

Однажды Илья вернулся из Белоруссии и рассказал мне, что встретил Скрыпника, он руководит бандой, у него много денег и золота. Я должен буду в начале марта поехать в Барановичи, разыскать пивную на Красноармейской и там ждать человека от Болеслава. Потом вместе с бандой уйти в Эстонию, там захватить самолет и перелететь в Швецию вместе с Ильей и Болеславом. А пока на мою дачу будут приходить письма, которые я, не распечатывая, обязан отдавать Илье. Кроме того, ко мне будут приезжать люди и оставлять для него деньги.

Писем было четыре. Деньги передавали дважды. Кто, я не видел: их клали в бочку у сарая. Один раз я их передал, потом забрал себе 200 тысяч.

В январе ко мне приехал Кузыма и начал угрожать. Я сказал, что передал деньги Илье. Он велел мне проводить его к Судинскому.

— Я его убью, падлу, — сказал он.

Я решил проводить его и скрыться, деньги у меня были. Дальнейшее вам известно.

В. Алтунин».

Данилов, перечитав его показания, снова поразился, как мог внезапно погибнуть человек. Неглупый, смелый, когда-то хороший летчик. Страх заставил его стать дезертиром. Алтунин никого не убивал. Данилов проверил его показания. В тот день лейтенант Мирошников спокойно вернулся домой. Он и сейчас жив и здоров. Только уже не лейтенант, а подполковник. Алтунин по-

пался на обычную бандитскую провокацию. Сначала эта Зося выбрала его, потом Алтунина споили, подавили его волю. Ну а спектакль — несложная штука для таких людей, как Крук и Судинский.

Ладно, об этом после. Капитан Токмаков из Белорусского УББ привез материалы на Бурковского. Да, это тот еще фрукт. Ограбления, налеты, убийства.

Иван Александрович посмотрел на часы. Скоро приведут Бурковского. Надо пригласить Токмакова, пусть посидит, послушает, ему это будет наверняка интересно.

ДАНИЛОВ И БУРКОВСКИЙ

Нет, теперь арестованный был совсем другим. Врачи постарались. Бурковский выглядел вполне прилично, даже глаза стали осмысленными. Они жили отдельно на отекшем мучнистом лице, настороженные и холодные.

— Ну что смотришь, — спросил его Токмаков, — не узнал?

— Я твою подлючую рожу, мент, на всю жизнь запомнил, — с затаенной ненавистью сказал Бурковский.

— Слушайте, Бурковский, ведите себя прилично, — Данилов чуть повысил голос, — вы не в камере.

— Это точно, — задержанный резко повернулся к нему, — в камере мы бы тебя у параши задавили.

— Вы будете отвечать на вопросы?

— Нет.

— У нас достаточно данных, чтобы передать дело в суд. Но мы бы хотели...

— Хотели. Ну и хотите. Я все это беру. Да, убивал, грабил. Беру.

— Чистосердечное...

— А, тебе признание нужно! Нет, не купишь. Я был в законе и есть в законе. Мы своих не продаем. Что мое, возьму.

— Где базируется Крук со своими людьми?

— Ищи. Тебе деньги за это платят. Я ничего не скажу. Никогда. Мне и так вышка, умру как законник, а не как сука.

— Хотите ознакомиться с документами, изобличающими вас?

— Незачем. Я к стенке лучше пойду, зато честен перед законом своим буду. Сбегу, на любом «толковище» отмажусь.

Токмаков встал, обошел вокруг сидящего на стуле Бурковского. Тот, прищурившись, провожал его глазами, готовый моментально среагировать на любое движение капитана.

— Значит, умрешь молча? — Токмаков наклонился к нему.

— Как бок-то, болит? — спокойно спросил Бурковский.

— Болит иногда.

— Хорошо тебя заштопали, мент. Я-то думал, отгулял ты. Эх, надо было для верности еще одну пулю в тебя, лежачего, пустить. Да засуетился с делами. Вот и ошибочка вышла. Фарт твой. Значит, жив.

— Как видишь, — белозубо улыбнулся Токмаков,— ошибся ты, Бурковский, я еще поживу, глядишь, и дождусь такого дня, когда мы вас всех переловим.

— Нас возьмешь, другие найдутся. Закон, он вечный.

— Нет, Бурковский, — перебил его Данилов, — «закон» твой воровской скоро кончится. Напрасно себя тешишь. Так будем по делу говорить?

— Вызывай конвой, начальник, не выйдет у нас душевного разговора.

И, уходя, от дверей бросил через плечо:

— Кто знает, может, и свидимся еще. У нас в сороковом в пересыльной тюрьме много таких, как вы, попадалось, так мы их...

Он скрипнул зубами и гулко хлопнул дверью.

— Этого гада, — зло выдохнул капитан, — его, товарищ подполковник, сразу на месте бить надо. Я предупреждал, что не скажет ничего. Он у Крука самый что ни на есть зловредный бандит был.

— Он ранил вас? — поинтересовался Данилов.

— Было дело. Можно закурить? Спасибо. Не успел я тогда...

— Хорошо стреляет тот, кто стреляет первым. — Данилов посмотрел на Токмакова.

— Да нет, — капитан дернул щекой, — я его мог подстрелить, но живым хотел взять.

Данилову нравился этот человек. Были в Токмакове сила, уверенность. Он знал цену словам, умел от-

стоять свое мнение на любом уровне беседы. В этом Иван Александрович убедился, присутствуя при разговоре капитана с Сергеем Серебровским. Токмаков в угрозыске служил с тридцать девятого, сразу после школы милиции уехал в Белоруссию. Воевал в партизанском отряде, после освобождения Белоруссии опять вернулся в угрозыск. Токмаков отлично знал оперативную обстановку, был, безусловно, храбрым и инициативным оперативником.

Сразу же после их знакомства капитан сказал:

— С Бурковским ничего не выйдет. Он пойдет к стенке, не облегчая душу исповедью.

Тогда Данилов не поверил, а вот сегодня, увидев глаза Бурковского, холодные, полные ненависти, понял: Токмаков прав. Всю свою жизнь Данилов работал в отделе особо опасных преступлений. За эти годы перед его глазами прошло много людей, которых после суда ждала высшая мера. Одни плакали, умоляли простить их, другие сами вызывались помочь следствию, видя в этом единственный шанс попасть не к стенке, а в лагерь, третьи с трудом сдерживали себя, но все же держались. Бурковский принадлежал к той редкой категории бандитов, у которых ненависть доминировала над всеми другими чувствами. С такими, как он, Данилов встречался в далеком двадцатом, потом в сорок первом. Тогда в этом кабинете сидел бывший юнкер Андрей Широков, самый удачливый бандит, которого встречал Данилов за свою службу в милиции. У него были такие же, как у Бурковского, глаза, спокойные, выцветшие от ненависти.

Ничего не поделаешь, видимо, Бурковский будет молчать. И он действительно молчал. И когда его допрашивал невозмутимый Степан Федорович Чернышов, и когда с ним работали следователи из ГУББ.

— Законченная сволочь, — резюмировал потом Серебровский, — с ним кашу не сваришь. Волк. Ничего в нем человеческого не осталось.

Они закончили дело об убийстве в Первом Зачатьевском переулке. Дело Валиевой, Аванесова и Бурковского было передано в прокуратуру. Теперь они должны были предстать перед судом. Другие заботы волновали Данилова. В городе появилась опасная банда «Черная кошка».

Воздушный бой самолета У-2 с «юнкерсом».

1-й Украинский фронт 2 марта (по телеграфу).

Все плотнее сжимают наши войска кольцо вокруг окруженного гарнизона в Бреслау. Противник яростно сопротивляется. Идут упорные бои за каждый дом, за каждый квартал. Большую помощь нашим наземным войскам оказывает авиация. Над городом ни днем, ни ночью не смолкает гул советских самолетов. Немецкое командование пытается оказать помощь с воздуха окруженному гарнизону. Транспортные «юнкерсы», нагруженные боеприпасами и продовольствием, стараются ночью проникнуть в район окружения. Но наши прославленные «Поликарповы-2» (У-2) с наступлением темноты блокируют посадочную площадку, вынуждая немцев сбрасывать грузы на парашютах. В результате грузы часто падают в расположение наших войск.

На днях летчик, младший лейтенант Филипчик, барражируя в районе города на самолете У-2, заметил «Юнкерс-52», который сбрасывал грузы. Штурман, лейтенант Клименко, из пулемета открыл огонь по вражескому самолету. Немецкий бомбардировщик загорелся и, объятый пламенем, рухнул на землю. Нельзя не выделить этот редкостный даже для наших бесстрашных сталинских соколов эпизод: легкомоторный самолет У-2 сбил трехмоторную неприятельскую машину!

ДАНИЛОВ

Он перебирался в новый кабинет. Вчера его вызвал начальник московской милиции генерал Махоньков и поздравил с присвоением очередного звания и новой должностью. Данилов стал замначальника МУРа. Кабинет его выходил в ту же приемную, что и начальника.

Новая комната была непривычно большой, даже его сейф, с огромным трудом перетащенный из старого кабинета, казался маленьким. Нового начальника отдела вместо него пока еще не прислали, поэтому в сейфе лежали прежние документы и разработки. В общем-то,

март начинался неплохо. Игорь Муравьев плотно сел на хвост этой самой «кошке». Вчера вечером на даче в Голицыне опергруппа после перестрелки захватила двух участников банды, и один уже начал давать показания. Пока все складывалось неплохо. Данилов читал протокол допроса. Если все будет так, как надо, то через месяц основную часть этой самой «кошки» можно обезвредить. И это необходимо сделать как можно скорее, потому что по городу ползли самые невероятные слухи. В очередях, в метро и трамваях говорили только о «Черной кошке». Казалось, что в Москве действует минимум полк хорошо вооруженных и наглых преступников.

В МУРе непрерывно звонили телефоны. И разного уровня руководящие голоса требовали немедленных мер. Все это нервировало и мешало работать.

Иван Александрович писал план оперативных мероприятий. Он дошел уже до третьего пункта, когда в кабинет без стука, такое уж у него было право, заглянул Осетров:

— Товарищ полковник, вас к начальнику.

Начальник сидел неестественно прямо, барабаня пальцами по столу. Лицо у него было красным и недовольным.

— Чем занят? — резко спросил он.

— Пишу план оперативных мероприятий.

— Много написал?

— Да нет, только начал.

— Другие допишут, — в голосе начальника проскользнули злые нотки.

— Это как же?

— Да так же, — находчиво ответил начальник и толкнул по столу к Данилову листок бумаги.

Выписка из приказа по НКВД СССР

«В связи с усилением активизации банд на территории Барановичской и Пинской областей в помощь УББ НКВД БССР создается специальная бригада ГУББ НКВД СССР. Руководитель бригады начальник отдела ГУББ полковник Серебровский, в бригаду входят...»

Дальше шло перечисление фамилий работников наркомата и... «замначальника МУРа полковник Данилов, старший оперуполномоченный капитан Самохин, опер-

уполномоченные старший лейтенант Белов и лейтенант Никитин...»

— Это как же? — растерянно спросил Данилов. — А «кошка»?

— Кошка, собака. Я Серебровского отматюгал, когда он мне позвонил, и сказал, что людей не дам. Так знаешь, кто со мной говорил? То-то. Нарком.

Данилов присвистнул.

— Вот так, — продолжал начальник, — он мне сказал: ты, мол, это местничество брось. Тоже нашелся удельный князь. О Москве мы подумаем, поможем вам. Но надо искоренить банды там, в республиках, а то сев скоро. Понял?

— Не совсем.

— А чего тут понимать? Час тебе на сборы, на тары и бары — и дуй в наркомат.

— Кто будет курировать операцию по «кошке» этой?

— Сам тряхну стариной, — начальник в сердцах саданул кулаком по столу, — начальство. Ему всегда видней. Да, кстати, там, в наркомате, тебя сюрприз ждет.

— Какой?

— Новый зам в ГУББ твой лучший друг.

— Кто?

— Комиссар милиции третьего ранга Королев.

— Виктор Кузьмич?

— Именно.

— Так он же в госбезопасности служил.

— Мало ли что было. Теперь переаттестовали его и — к нам.

— Да? — удивился Данилов. Он знал Королева с сентября сорок первого. Считал его опытным и инициативным работником госбезопасности. Но пути господни неисповедимы.

— Кстати, — перебил его мысли начальник, — явишься прямо к комиссару Королеву.

Данилов вернулся в свой кабинет, сел и крепко задумался. Не ко времени пришел этот приказ. Иван Александрович вообще не любил уезжать из Москвы. Здесь он знал все, начиная от проходных дворов, кончая воровскими малинами. Знал, на кого опереться и на кого нужно нажать, чтобы получить необходимые

сведения. Там, в Западной Белоруссии, ему придется ходить как слепому, с поводырем. Тем более что банды базируются не в городе, а в лесу. Значит, придется работать в основном в сельской местности.

Данилов посмотрел на часы. Одиннадцать. Вызывая его в наркомат, конкретного времени не назвали, приказали прибыть сегодня. Поэтому он все же дописал план. Потом вызвал Муравьева и обговорил с ним все детали предстоящей разработки. Пообедал, зашел в ОББ и распорядился о командировке Белова, Никитина и Самохина. Только после этого отправился в наркомат.

Он вышел из управления и невольно зажмурился: над крышами домов висело по-весеннему яркое солнце. С бульваров доносился запах талого снега. И хотя он был еще по-зимнему пушист, ветер пах именно таянием. Данилов медленно шел по Петровке, отмечая первые приметы весны. Он видел их в стеклянном блеске сосулек, в первой слякотной кашице на тротуаре, в глазах прохожих.

Москва после четырех лет военного аскетизма вновь становилась нарядной. Солнце отражалось в чистых окнах, с которых исчезли бумажные перекрестия, витрины магазинов освободились от деревянных козырьков и мешков с песком. Постепенно с улиц исчезали ватники и шинели. Люди ходили в нормальных зимних пальто, шубах. Встречалось еще много военных, и золото их погон еще больше украшало толпу.

Проходя мимо Столешникова, он отметил, что в кафе «Красный мак» моют окна и обновили вывеску над входом. Значит, скоро его откроют. А если так, то свой приезд из Белоруссии он с Наташей отметит именно там. На углу бойко торговали мороженщицы. «Мишка на Севере», «Машка на юге», — неслись над улицей их пронзительные голоса. Пачка мороженого из суфле стоила тридцать рублей. Продавщицы резали их пополам и на четвертушки. Хочешь, бери ешь. И многие взрослые покупали мороженое и торопясь ели, оглядываясь смущенно по сторонам, словно боясь, что их уличат в чем-то нехорошем.

Данилов свернул на Кузнецкий мост и, разглядывая витрину комиссионного магазина, залюбовался огромным бронзовым орлом. Подняв могучую лапу с потемневшими от времени зеленоватыми когтями, он незави-

симо и чуть с презрением взирал на людскую суету. Ивану Александровичу очень нравилась эта птица. Если бы не астрономическая цена, накрепко приковавшая орла к витрине, он бы наверняка купил его. Он вообще любил литье. Будь его воля и, конечно, средства, он всю квартиру заставил бы бронзовыми и чугунными фигурками львов, лошадей, офицеров в киверах и со шпагами.

Ноги сами занесли его в букинистический магазин, и знакомый продавец, милый старичок Борис Сергеевич, заманив его в маленькую комнату, выложил перед ним «Московского чудака» Андрея Белого.

— Берите, — шепнул он, — большая редкость, и цена доступная.

— Сколько? — так же шепотом спросил Данилов, с ужасом ожидая огромной суммы. Он твердо решил взять книгу, несмотря ни на что. Если не хватит денег, он позвонит Игорю и попросит подвезти.

— Сто пятьдесят, — радостно сообщил Борис Сергеевич.

Данилов выложил пять красных тридцаток и с чувством пожал тоненькую старческую руку.

— Скажите, Иван Александрович, — доверительно спросил Борис Сергеевич, заворачивая книгу, — что слышно о «Черной кошке»?

— А что вас интересует?

— Все, — стекла очков старичка задорно блеснули.

— Это слишком общо — все. — Данилов взял книгу. — Что я вам могу сказать, такая банда есть. Но слухи о ее подвигах преувеличены, по нашим данным, раз в сто.

— Нет, позвольте, — не унимался Борис Сергеевич,— погодите. Вот у нас в подъезде паника. Кто-то нарисовал кошачьи морды на дверях квартир. Люди напуганы, милиция бездействует...

— Милиция уже держит за хвост «кошку» эту, — рассмеялся Иван Александрович, — ну а кошачьи морды — дело рук мальчишек, зачем бандитам предупреждать о своем появлении?

Данилов вышел из магазина и весь оставшийся путь до дверей НКВД думал о страшной силе панических слухов. Они снежным комом катятся по городу, обрастая самыми невероятными подробностями. Рисунки. Выходит утром бабка и видит кошку, намазанную уг-

лем на дверях, и сразу весь район узнает об этом. А рисовали не бандиты, просто шалят местные пацаны, наводя страх на обывателя. И до чего же все-таки живуч он! Ко всему приспосабливается: к революции, войнам, бомбежкам. Распускает слухи, от которых, как заячий хвост, дрожит его малокровное сердце и трясется ночью в квартире за обитой железом дверью с крепостными запорами. За сплетни и слухи нужно привлекать к уголовной ответственности. Жаль, что такой статьи нет.

Предъявив удостоверение мрачному старшине с погонами внутренней службы, Данилов, раздевшись, поднялся на лифте на четвертый этаж. Он шел по длинному тоннелю-коридору с одинаковыми заплатами дверей. Здесь было тихо, не то что у них в МУРе, где коридоры были похожи на улицу в выходной день. Ворсистая дорожка глушила шаги, сияли плафоны под потолком, в их свете круглые таблички с номерами комнат отливали эмалевой чистотой.

Серебровского на месте не было. Смазливая секретарша, оценивающе оглядев незнакомого полковника, небрежно ответила, что начальник отдела у комиссара Королева. В приемной Данилова встретил молодой лейтенант. Он внимательно изучил удостоверение и предложил Данилову подождать.

Иван Александрович взял со стола очередной номер «Огонька» и, устроившись удобнее, начал читать. Он не торопился. Передав свои московские дела, он еще не приступил к белорусским и находился в блаженном состоянии командированного, едущего в поезде. Данилов с интересом просмотрел рубрику «Дела и люди Советской страны». Полюбовался портретом летчицы Поповой, на счету которой было 750 боевых вылетов, пересчитал ордена дважды Героя подполковника Мазуренко и начал читать «Дневник войны» И. Ермашева. Он так увлекся рассказом журналиста о войне, что совсем забыл, где находится.

— Немедленно разыщите... Да... Приказ комиссара Королева... Товарищ полковник, так же нельзя... Мы вашего Данилова давно ждем.

В неинтересном для него разговоре лейтенанта вдруг промелькнула его фамилия.

— Вы какого Данилова ищете? — спросил он, с неохотой отрываясь от журнала.

— Простите, товарищ полковник, но это наше дело, — важно ответил лейтенант.

Данилов хотел сказать ему пару слов. Уж больно не любил он вот таких лощеных нагловатых порученцев. Его дело, так пусть и ищет Данилова. Иван Александрович вновь открыл журнал и с удовольствием начал читать приключенческий рассказ Ник. Жданова «Старая лоция», но все же вполуха он слышал, как бился у телефона лейтенант, пытаясь его разыскать.

Постепенно приключения катера лейтенанта Лукашина настолько увлекли его, что Данилов забыл и о времени, и о порученце.

— Иван, — вернул его обратно в приемную голос Серебровского. — Сидит, читает, а мы с ног сбились, его разыскивая. Ты что здесь делаешь?

— Как видишь, читаю «Огонек» и жду приема, — невозмутимо ответил Данилов.

— Что такое? — Серебровский повернулся к лейтенанту. — Почему полковник Данилов сидит в приемной?

— Как Данилов? — лицо у порученца вытянулось. — Я...

— Ты давно здесь? — все больше распаляясь, рявкнул Серебровский.

— Часа полтора.

— Ну, Макаров, — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, проговорил Серебровский, — с тобой мы разберемся позже. Пошли, — махнул он рукой Данилову.

Королев встал из-за стола и пошел им навстречу. Виктор Кузьмич только еще больше похудел, и оспины на лице стали заметнее.

— Нашелся. А мы его ищем, поминаем тихим, незлым словом, — он крепко пожал руку Данилову, заглянул в глаза. — Давно, давно не видел тебя. Поседел, похудел.

— Да и ты, Виктор Кузьмич, не раздался на наших-то харчах. Или теперь на «вы», товарищ комиссар третьего ранга?

— Нет, Иван Александрович, для тебя все, как прежде. — Королев обнял его за плечи, повел к столу. — Садись. Кури.

Данилов удобно устроился в кресле, взял папиросу из пачки, лежащей на столе.

— Рад, очень рад, — продолжал Королев, — что опять пришлось работать вместе. Это моя идея была подключить тебя к белорусским делам. И подсказал мне ее Алтунин.

— То есть как?

— А очень просто. Беседовал я с ним, с доверием относится к тебе бывший капитан. Вот поэтому мы и решили поручить тебе одно очень важное дело. Я предварительно говорил с ним. Вроде бы мужик осознал многое и искренне раскаивается. Больше того, я думаю, он нам здорово сможет помочь. Но я пока ни о чем конкретном не намекал ему. Думаю, что ты сам побеседуешь с ним.

Королев постучал мундштуком папиросы по столу и вопросительно посмотрел на Данилова.

— Ты имеешь в виду явку в Барановичах?

— Гений, светлая голова, — вмешался в разговор Серебровский, — мы хотели бы внедрить Алтунина в банду.

— Не боитесь? — Иван Александрович посмотрел поочередно на своих собеседников. Они молчали, но в глазах каждого он прочитал, что да, конечно, боятся, но иного выхода нет.

— У меня есть парень, надо его внедрить вместе с ним, — твердо сказал Данилов.

— Кто? — Королев взял ручку.

— Лейтенант Никитин.

— Почему именно он?

— Смелый парень, фиксы золотые. Он вполне сойдет за уголовника, ну а потом — дело знает.

— Вот это главное, — обрадовался Королев. — Он семейный?

— Пока нет.

— Прекрасно.

— Что именно? — удивился Данилов.

— Одинокого легче на такое дело посылать, — пояснил ему Серебровский, — если что, терзаться меньше будешь.

— Это не ответ. Какая разница, если мы посылаем человека на смерть. Значит, вина ложится прежде всего на нас, — сказал Данилов грустно. И подумал о тяжёлом бремени власти. О тяжести потерь и ответственности, которая ложится прежде всего на плечи командиров.

— Ну так как, Иван Александрович? — спросил его Королев. — Как тебе наш план?

— План-то хорош. Но основные детали нужно доработать на месте, в Барановичах, а с Алтуниным я поговорю. Он где сидит?

— В «Таганке». В отдельной камере. Вызвать его? — оживился Серебровский.

— Не надо, я с ним прямо там поговорю.

ДАНИЛОВ И АЛТУНИН

Таганскую тюрьму со всех сторон окружали высокие дома, и Данилов подумал, что это не дело. Из окон виден прогулочный двор, совсем неподходящий пейзаж для тех, кто живет в этих домах. Но ничего, скоро наверняка эти тюрьмы разрушат. Незачем в черте города иметь такие страшилища.

Дежурный по КПП внимательно сверил его документы с бланком пропуска и нажал кнопку. Металлическая решетчатая дверь отъехала в сторону, пропуская его, и немедленно захлопнулась. У окошка дежурного он сдал оружие и получил ключ от следственной камеры.

Идя по темному коридору с потеками сырости на стене, Данилов поражался специфическому тюремному запаху: им были пропитаны стены, двери, пол, окна. Он был неистребим и едок. Данилов не любил бывать в тюрьмах. Каждое посещение их вызывало в нем ничем не оправданную, правда, брезгливую жалость к людям, сидящим в душных камерах. Вчера он посылал в тюрьму Белова, чтобы он навел справки об Алтунине. В его карточке было записано: чистоплотен, вежлив, много читает. Данилов распорядился просмотреть его библиотечный формуляр. Куприн, Лесков, лирика Симонова. Кроме того, в карточку было занесено нарушение режима. По вине надзирателя Алтунин попал в баню с двумя урками, те немедленно захотели его раздеть, и их еле откачали в санчасти. В общем, он оставался верен себе, проводя единую линию поведения.

Алтунин вошел в следственную камеру и улыбнулся:

— Иван Александрович! А я уж и не думал встретиться.

— Гора с горой...

— Да, воистину неисповедимы пути господни, но все они ведут в тюрьму...

— Ну зачем же так мрачно, — Данилов расстегнул планшет, достал бумаги, — мне кажется, что сегодня я смогу вас обрадовать.

— Чем же? — Алтунин печально посмотрел на него.

— Вот какое дело, Вадим Гаврилович, в своих показаниях вы пишете, что убили лейтенанта Мирошникова Вячеслава Михайловича. Так его звали?

— То, что Слава, помню, а отчество забыл.

— Далее вы показываете, что застрелили его в районе Стрыйского парка. Так?

— Так.

— Ошибаетесь.

— Я был пьян и писал со слов «дружков», — с горечью ответил Алтунин.

— Вот копия сводки Львовского НКВД за 1—2 июня 1941 года. В эти два дня не было зафиксировано ни одного убийства. А теперь прочитайте показания подполковника Мирошникова. Прошу.

Алтунин взял бумаги и начал медленно, словно по складам, читать. Потом поднял на Данилова остановившиеся, полные тоски глаза.

— Значит?..

— Именно. Скрыпнику (кстати, его настоящая фамилия Крук), необходим был пилот, который помог бы ему бежать за границу...

— Значит, Зося...

— Да, все так. Они сначала споили вас, а потом, подавив волю, запугав долгами, сделали из вас, Вадим Гаврилович, преступника. Мы сняли с вашей совести самое тяжкое обвинение — убийство товарища. Но остались еще ограбление магазина, дезертирство, соучастие в грязных спекуляциях Судинского, незаконное ношение орденов и оружия.

— Я готов, — спокойно ответил Алтунин и твердо посмотрел в глаза Данилову, — я не знаю, как благодарить вас. Убийство Мирошникова камнем лежало на моей совести...

— Нет, Алтунин, вас мучает другое, — перебил его Данилов, — вы слишком поздно поняли, куда завели вас эгоизм и себялюбие. Вы жили по принципу: лучше пять минут быть трусом, чем всю жизнь покойником.

ником. Это мучило вас. Потому что в основе своей вы человек храбрый и честный. Ослабив волю, вы поплыли по течению бездумно, как коряга, сброшенная трактором в реку, не задумываясь, куда прибьет вас вода.

— Зачем вы мне это говорите? — Алтунин взял папиросу, жадно затянулся. — Неужели так приятно топтать лежачего?

— Топтать? Нет. Я хочу, чтобы вы на время абстрагировались от прошлого. Представили себя вновь капитаном Алтуниным, а не зеком из камеры 287.

— Зачем? — Алтунин полоснул по нему глазами, словно очередью из автомата.

— У вас есть шанс. Но для этого вы должны помочь нам.

— Давайте, Иван Александрович, расставим точки над i. Если бы вы не дали мне этого эфемерного шанса, я все равно бы помог вам.

— Вот и прекрасно — Данилов поймал себя на чувстве радости. Неужели он доволен ответом Алтунина? «Нет, — подумал он, — меня устраивает другое. Алтунин согласился, а это единственный шанс, который поможет ему вновь стать человеком».

ДАНИЛОВ, КОРОЛЕВ, СЕРЕБРОВСКИЙ, АЛТУНИН

Он вошел в кабинет совершенно спокойно, будто не на беседу, от которой во многом зависела его судьба, а в гости пришел он сюда. На нем опять был китель с золотыми погонами, на груди рубиново переливались ордена.

Не доходя шагов десяти до стола, Алтунин по-уставному приставил ногу и вытянулся:

— Здравия желаю, гражданин генерал.

— Ну зачем же так официально, — Королев с нескрываемым любопытством рассматривал его, — давайте проще. Меня зовут Виктор Кузьмич, с Иваном Александровичем вы знакомы, с Сергеем Леонидовичем тоже. Так что присаживайтесь, Вадим Гаврилович.

— Если полицмейстер говорит «садись», то как-то неудобно стоять. — Алтунин сел.

— Ну вот, — добродушно проговорил Королев, —

мне кажется, что у Аверченко есть более удачные остроты.

— Приятно услышать, что генерал милиции не чужд изящной словесности, — Алтунин покосился на папиросы, лежащие на столе.

— А вы думали, Вадим Гаврилович, что мы как тот околоточный у Дорошевича: «держать и не пущать»?

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

И сразу почувствовали себя свободно, потому что разговор с первых же минут начался легкий и доверительный.

— Вадим Гаврилович, — комиссар стер с лица улыбку, — нам Иван Александрович доложил, что вы готовы помочь следствию.

— Да, — коротко ответил Алтунин.

— Давая обещание такого рода, — продолжал Королев, — вы тем самым берете на себя целый ряд обязательств.

— Да, — опять коротко, как щелчок курка.

— Но, кроме этого, вы подвергаете свою жизнь опасности.

— Виктор Кузьмич, — в кабинете повисла тишина, все ждали ответа Алтунина, — моей жизни теперь цена пустячная совсем. Если я смогу свести с ними счеты...

— Э... Так не пойдет, — покачал головой комиссар, — счеты, Вадим Гаврилович, в подворотнях сводят. Мы же просим вас помочь торжеству закона.

— Что надо делать?

— Это другой разговор. Вы вместе с товарищем Даниловым едете в Барановичи, идете на явку, там встречаете связного от Крука, внедряетесь в банду...

— Простите, не понял?

— Входите в доверие к главарю и делаете все, чтобы он поверил нашему человеку.

— Он будет со мной?

— Да.

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Вадим Гаврилович, — Королев встал, опершись руками о стол, — надо сделать еще больше. Мне трудно говорить, но мы мужчины и солдаты. Вы можете погибнуть в случае неудачи, а в случае удачи я не могу гарантировать вам помилования.

— Я знаю это, — Алтунин говорил, медленно подбирая слова, — я не жду снисхождения. Но в зал суда я хочу прийти чистым перед собой и перед памятью человека, который воспитал меня. Смерти я не боюсь.

— Чтобы наше задание выполнить, нужно любить жизнь, а любовь к жизни предполагает и страх смерти.

— Мы не по делу говорим, генерал, — неожиданно резко отрубил Алтунин, — я сказал, — готов!

— Вот и хорошо, мы сейчас вас познакомим с вашим напарником. Подружитесь с ним, он человек хороший. — Королев нажал кнопку звонка. В дверях кабинета вырос порученец.

— Макаров, пригласи лейтенанта Никитина, только не как в прошлый раз, когда ты Данилова искал.

Через несколько минут появился Никитин.

— Вот, лейтенант, ваш напарник. До отъезда вы будете жить вместе, потом пойдете на задание вместе. Присмотритесь друг к другу, пообвыкнете. Помните, что не в ресторан пойдете

— В пивную, товарищ комиссар, — блеснув фиксой, криво усмехнулся Никитин. — Тоже дело веселое.

— Ну вот, пойдите пообщайтесь перед веселым делом. Пока погрустите немного. Это полезно. Грусть она душу очищает.

Когда Никитин и Алтунин вышли, Королев вопросительно поглядел на офицеров:

— Ну, какое впечатление от беседы, товарищи полковники?

— Темна вода во облацех, — первым ответил Серебровский, — не понял я его. Но с самообладанием мужик.

— Он должен сделать, — тихо сказал Данилов, — не может быть, чтобы не сделал.

— Мне бы твою убежденность, Иван Александрович, — вздохнул Королев, — но, как говорили наши не столь отдаленные предки, за неимением гербовой пишем на простой. Теперь все зависит от вас. Детали операции продумайте на месте. А сейчас я хотел бы ознакомить вас с оперативной обстановкой в тех областях, где вам придется работать.

Королев достал из стола бумаги, развернул настольную лампу, чтобы свет падал лучше.

— За годы оккупации фашисты почти целиком опустошили территорию Белоруссии. За эти годы погибли

2,2 миллиона советских граждан, 380 тысяч человек угнано в Германию. В руины превращено 209 городов республики. Районы Суражский, Дубровикский, Пнеченицкий полностью опустошены и выжжены. Разрушено 10 тысяч заводов и фабрик, вывезено все оборудование в Германию. Ко времени освобождения в республике действует всего 2 процента довоенных производственных мощностей. На 74 процента пострадал жилищный фонд городов и сел.

Королев на секунду оторвался от справки.

— Теперь о сельском хозяйстве. Сократились посевные площади, многие земли поросли кустарником. Полностью уничтожены парниково-тепличные хозяйства, ирригационные сооружения. Истреблено и вывезено 2,8 миллиона голов крупного рогатого скота и 5,7 миллиона молодняка. А также отправлено в Германию 600 тракторов, 2433 молотилки и около 600 тысяч другого инвентаря. Это, товарищи, я говорю о том огромном ущербе, который понесло хозяйство республики.

Королев отодвинул бумагу.

— Но, несмотря ни на что, республика живет и трудится. Приближается весна. Сев. Колхозники готовы выйти на поля, посеять и собрать урожай. Вот здесь-то и начинается наша работа. ЦК ВКП(б) поставил перед органами задачу в кратчайший срок уничтожить бандитские формирования на территории республики, дать людям возможность спокойно жить и работать. Не хочу вас дезориентировать, товарищи, оперативная обстановка сложна, в силу объективных причин преступность в Белоруссии высокая. Фашистские пособники, дезертиры и просто уголовники терроризируют население или ушли в подполье. В западных областях действуют буржуазные националисты. Их работу инспектирует немецкая разведка. Вот такие дела.

Королев замолчал, внимательно глядя на собеседников. Первым нарушил молчание Серебровский.

— Виктор Кузьмич, наша группа имеет конкретное задание по ликвидации банды Крука. Какие сроки устанавливает для нас наркомат?

— Сроки, — усмехнулся комиссар, — вчера.

— Это понятно, — вмешался в разговор Данилов,— ну а если конкретно?

— Я говорил с начальником главка и замнаркома. Сошлись на том, что сроки будут обусловлены после

вашего доклада. Приедете на место, осмотритесь, доложите. Но помните: каждый день в тылу гибнут советские люди, и кровь их ложится на нас, помните об этом, товарищи.

ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ. Март

«Лондон. 24 марта (ТАСС). Бернский корреспондент газеты «Дейли экспресс» сообщает о новой уловке гитлеровцев: они исчезают как якобы умершие. Полковник войск СС О. Фикерт поместил в немецких газетах свой некролог, но четыре недели спустя его видели разгуливающим по главным улицам Барселоны под именем Вильгельма Клейнерта. Начальник штаба гитлеровской молодежи Гельмут Меккель, как сообщают, явился жертвой рокового «несчастного случая», но после этого его видели с главарем испанских студентов — фашистом Аваресом Серано...»

ДАНИЛОВ

Из своего окна он видел улицу, вернее, то, что осталось от нее. Вдоль разрушенных домов тянулся новый, еще не затоптанный дощатый тротуар. На этой улице каким-то чудом полностью сохранился только один двухэтажный дом, в котором теперь жили приехавшие из Москвы сотрудники. Все остальные здания в разной мере пострадали от артогня и перипетий уличного боя. Но все же улица жила обычно и размеренно. И ритм этой жизни ничем не отличается от московского. Так же по утрам уходили на работу люди, так же возвращались с темнотой. В развалинах играли ребятишки, их звонкие голоса многократным эхом отдавались в пустых коробках разрушенных домов.

Люди обжили руины. Как могли, отремонтировали разбитые квартиры, построили деревянные лестницы. По утрам мимо окон проходила колонна военнопленных. Они своими руками восстанавливали разрушенное. Рядом работали артели девчат. Данилова поразило, что они делятся своим скудным пайком с бывшими врагами. Таково уж свойство характера русского: бес-

пощадность к врагу и гуманизм к побежденному. Недаром издревле существовал обычай — лежачего не бьют.

Город весь одет в леса. Воздух пропах смолой, кипящим гудроном и краской.

Весна в этом году была скорой и ранней.

Уже несколько дней они жили в этом городе. Ежедневно его люди бывали в пивной на Красноармейской. Данилов сам зашел туда однажды. Пивная была разделена на два зала. В одном стояло восемь столов, покрытых липкой, потерявшей свой цвет клеенкой, на другой половине — туда вели четыре деревянные ступеньки — находилась бильярдная. Два стола со штопаным сукном, разбитые костяные шары, неизвестно откуда взявшиеся огромные керосиновые лампы освещали центр бильярдной. В углах навечно поселился настороженный полумрак. Там рассчитывались после игры, несмотря на грозную надпись: «Здесь на деньги не играют». Там же разливали по стаканам самогонку, и едкий дух ее, казалось, навечно впитался в дощатые стены с потрескавшейся штукатуркой.

— То место, — говорил о пивной начальник горугрозыска. И по тому, как он произносил слово «то», все становилось понятным без дополнительных комментариев. Пивная на Красноармейской была таким же порождением войны, как и Тишинка в Москве. Сюда со всего города собирались те, кого по тем или иным причинам выбросила из жизни война, или те немногие, навсегда отравленные тлетворным влиянием оккупации, с ее частным жульническим предпринимательством. Были и другие, у кого эти тяжелые четыре года отобрали семью, любимое дело, кого искалечили физически и морально. Город, бывший советским совсем недолгое время, чуть больше года, город, в котором люди жили по законам панской Польши, потом по страшным правилам фашистов, еще катился по инерции по ржавой рельсовой колее прошлого. Заканчивалась эта колея тупиком, и нужно было приложить много сил, чтобы повернуть жизнь города на главную магистраль.

На городском базаре продавали настоянный на табаке местный самогон «бимбер», старую военную польскую форму, немецкие, венгерские, румынские, польские сигареты, конфеты поразительно яркого цвета и самодельный лимонад на сахарине.

Данилову было все это непривычно и странно. Иногда ему казалось, что время сделало скачок на двадцать лет назад и он опять попал в «развеселые» годы московского нэпа.

Сегодня Алтунин должен был идти в пивную. Перед этим два дня подряд там работала от семнадцати до девятнадцати часов специальная группа из шести человек во главе с Серебровским. Сергей немедленно освоился в пивной, он лихо играл на бильярде, пил с завсегдатаями вонючий самогон. Кто он такой, никто не спрашивал. Мало ли кого выбрасывали волны времени к этому острову! Завсегдатаи видели, что этот Сережка парень тертый.

— Ваня, — сказал Серебровский после очередного посещения пивной, — в доверие-то я кое к кому влез. Да люди-то пустячные, не те люди. О банде там не говорят вообще. Табу. Запретная тема. Боятся очень. Надо выпускать Алтунина, иначе ничего не выйдет.

Они долго прикидывали, как обеспечить полную безопасность операции. Сразу за пивной начинались развалины: несколько кварталов искореженных, разбитых домов. Два дня Данилов с Токмаковым лазили среди груд кирпича, остатков лестниц, перекрыть район силами наличного оперсостава было невозможно. Человек, хорошо ориентирующийся в этом нагромождении кирпича, мог спокойно уйти от преследования. Оставалось одно — блокировать район воинскими подразделениями. Но это предложение отпадало само собой, так как скрытно подвести солдат было просто невозможно.

На совещании решили перекрыть все выходы из пивной, посадить часть людей в развалинах, обеспечить максимальное количество служебных собак. Подготовительные мероприятия провели ночью. Люди заняли указанные места. Все выходы из города, улицы, дороги контролировались усиленными нарядами внутренних войск и милиции. Сегодня в семнадцать часов Алтунин с Никитиным должны выйти на явку.

АЛТУНИН

Его привезли в город ночью. Потом в закрытой машине он и Никитин были доставлены в этот старый

дом на окраине города. Часть особняка была разбита, но вторая половина совершенно не пострадала. Их поселили в огромной круглой комнате с лепным бордюром и легкомысленными медальонами на потолке. Теперь над их головами розовощекие курносые амуры постоянно уносили куда-то томных женщин.

Никитин, войдя, долго рассматривал их, что-то тихонечко насвистывал, потом вздохнул:

— Вот жизнь, а? Слышь, Вадим?

В стены комнаты были вделаны зеркала. Вернее, их остатки, и комната кусками отражалась в потрескавшейся амальгаме. При свете лампы предметы ломались и становились таинственно-непонятными.

— А что здесь раньше было? — поинтересовался Никитин у сопровождающего их оперативника.

— При панстве, говорят, публичный дом располагался.

Никитин присвистнул:

— Вот тебе и на.

После воссоединения дом этот хотели отдать под библиотеку и даже завезли книги. Часть их немцы спалили, но кое-что Алтунин на чердаке нашел. Особенно обрадовался он Джеку Лондону. Из дома ему выходить запрещалось, поэтому он целый день лежал и читал. С Никитиным он почти не общался. Днем тот спал, а вечером таинственно исчезал, оставляя вместо себя все того же оперативника из местного горотдела.

Алтунин читал «Морского волка» и уже дошел до сцены драки, когда в коридоре раздалось посвистывание и в комнату вошел Никитин. Он несколько минут рассматривал себя в треснувшем зеркале, потом подошел и плюхнулся к нему на кровать.

— Значит, читаешь? — неопределенно сказал Никитин.

Алтунин молча закрыл книгу.

— На, — Никитин достал из кармана пистолет ТТ,— владей. Данилов приказал снарядить тебя в лучшем виде.

— Сегодня пойдем? — Алтунин сел на кровати.

— Сегодня. Боишься?

— Нет.

— Ну и правильно. Чего бояться-то? Хива она и есть хива. Вот ты, Вадим, скажи мне. Идешь ты на дело опасное. Ну, я другой разговор, мне положено.

А ты? Тебя же этот Крук вполне натурально шлепнуть может. А?

— Может.

— Странное дело, с одной стороны, тебя блатняки на ножи поставить могут, а если ты их повяжешь, то мне орден, а тебе опять трибунал. Неправильно это как-то.

— Мне лишь бы скорей.

— Это ты прав, — по-своему понял его Никитин, — раньше сядешь, раньше выйдешь. Ну, собирайся.

Алтунин встал, натянул сапоги, надел гимнастерку, туго перетянул ее ремнем, подошел к зеркалу и долго глядел в мутноватую, треснувшую его поверхность. Свечи, горящие в комнате, и лампа-трехлинейка у кровати отражались в его полумраке, создавая иллюзию длинного коридора. «Он ведет в неизвестность», — подумал Алтунин.

— Ты чего к зеркалу прилип? — с недоумением спросил Никитин.

— Посмотри, видишь? — подозвал его Вадим.

Никитин подошел, несколько минут глядел в зеркало.

— Свечки как свечки, — сказал Никитин, — они мне, знаешь, как надоели...

Они вышли на улицу. Оба высокие, стройные, в кожаных регланах и летных фуражках. Несмотря на вечер, в городе было совсем тепло. Ни с чем не сравнимый пьянящий весенний дух заполнял улицы. Навстречу им шли люди в расстегнутых пальто, кое-кто нес шапки в руках. Проходными дворами, развалинами они вышли на Красноармейскую. Улица была пуста. Ничто даже отдаленно не напоминало, что улица эта полностью блокирована работниками уголовного розыска. Но Никитин знал, что этот грузовик с плотно закрытым кузовом, под которым лежал разгневанный шофер, не случайно сломался именно здесь. Он знал, что в его закрытом кузове сидят и ждут сигнала люди.

Многое видел Никитин, безошибочно отличая работников ОББ от случайных прохожих.

И все это делалось ради безопасности — его и Алтунина.

Ох и шумно было в пивной! Голоса людей смешивались со звоном стаканов, и все перекрывал аккордеонист, игравший какие-то мучительно-тоскливые польские танго. Да, веселое место. Такие нравились Никитину. Он вообще любил в своей работе необычность и риск. Допросы утомляли его, он начинал быстро злиться, упускал главное — детали. Вот такое дело по нему. Горячее дело, рискованное.

Они сидели за столом, покрытым клеенкой, и пили пиво. Никитин покосился на Алтунина. Ничего сидит. Спокойный, руки не дрожат, бледности нет. Лихой он парень, Вадим. Отхлебывая пиво, он внимательно и цепко оглядывал людей. Ну и рожи!

Вон за столом у буфета трое красномордых, в пиджаках клетчатых с плечами подбитыми, сошлись лбами, шепчутся о чем-то. Куда только военкомат глядит? На них дивизионные пушки возить, а они в тылу самогонку с пивом жрут. А эти? Нет, эти, видать, крестьяне, после рынка продажу обмывают.

Распаренные официантки в грязных передниках сновали от столика к столику. Провожая их глазами, Никитин взглядом вырывал из этой толпы то женское лицо с грубо накрашенными губами, то человека, уронившего голову на грязный стол, то узнавал знакомого оперативника, усиленно разыгрывающего пьяного.

Время шло. Они пили пиво и даже по сотке «бимбера» схватили, закусив все это картофельными оладьями с салом. Время шло. Тягучее танго наводило тоску, где-то в углу за его спиной вспыхнул и погас скандал. Время шло. Никитин посматривал на часы. Восемнадцать тридцать. Ну что ж, посидим еще немного и смотаемся. Видать, не придут сегодня гонцы от Крука. Ну ничего, дней-то ох как много на это отпущено. Аж целая неделя. Работа непыльная. Сиди за столом и пей за казенный счет.

Алтунин сидел рядом с ним, такой же спокойный, как и всегда. Он курил и цедил сквозь зубы мелкими глотками кисловатое пиво. Он тоже ждал.

Никитин так и не понял, почему ему вдруг стало так неуютно, словно он раздетый на люди вышел. Он мазнул взглядом, как длинной очередью, по всему залу и увидел лицо. Здравствуйте вам, пожалуйста, за-

ходите, Настя. Знакомая рожа-то. Где же он видел-то его?

А память помчалась обратно, вырывая из прошлого человеческие лица. «Кто? Кто? Кто?! — кричала память. — Почему здесь?! Почему?!»

Он не услышал выстрела. Просто вдруг пиво залило лицо, осколком кружки рубануло по щеке. Алтунин упал, и вторая пуля разворотила деревянную стену. Аккордеон смолк, и кто-то закричал протяжно и страшно: «Ой! Убили!» Никитин выдернул наган, он теперь контролировал зал. Стреляли из-за буфета. Стреляли минимум трое. Никитин краем глаза увидел Алтунина, лежащего на полу, над ним склонился Серебровский. Он выстрелил трижды по буфету над головами бандитов. Разбитое стекло картечью разлетелось в узком пространстве. Трое бросились к черному ходу. Один из бандитов повернулся и рванул из кармана гранату. Никитин выругался и всадил в него пулю, прежде чем тот успел дотянуться до кольца. Перепрыгнув через убитого, он выскочил в узкий тамбур, ногой распахнул дверь на улицу.

Автоматная очередь заставила его прижаться к стене, он выстрелил два раза на вспышки в полумраке, уже различая четыре темные фигуры, уходившие к развалинам, погоня дугой охватила их.

«Уйдут, — со злостью подумал Никитин, — уйдут в развалины». Он бросился вслед за ними и услышал надсадный лай собак.

ДАНИЛОВ

Он шел через пивную по лужам разлитого пива, отбрасывая ногой валяющиеся стулья. Шел от двери, прочертив через зал видимую ему одному прямую линию. В конце ее лежал человек в залитом кровью желтом кожаном реглане.

— Ну? — спросил он у Серебровского.

Сергей ничего не ответил, только махнул рукой.

Данилов наклонился над убитым. Пуля, разорвав реглан, попала прямо в сердце. Он умер сразу, так и не поняв, видимо, что произошло. Удивление навсегда застыло в погасших глазах и на уже тронутом синеватой бледностью лице.

Данилов оглядел зал. У стены стояли посетители, оперативники проверяли у них документы. Запах пороха смешался с отвратительным запахом сивухи и пива.

«Так вот она, последняя станция твоих горьких странствий, капитан Алтунин», — подумал Данилов с острой жалостью.

— Почему начали стрелять? — спросил он у Серебровского.

— Непонятно.

— Товарищ полковник, — подбежал к нему запыхавшийся капитан Токмаков, — они уходят в развалины.

— Сколько их?

— Четверо.

— Как они прошли сквозь оцепление?

— Развалины, — Токмаков выругался, — там старая канализация, можно выйти прямо во двор пивной. Их преследуют, собак пустили.

— Пошли, — сказал Данилов.

Они с Серебровским вышли на улицу к машине. Где-то в развалинах слышались пистолетные выстрелы.

«Уйдут, — с тоской подумал Данилов, — хоть бы одного взять. Одного. От него потянется цепочка к банде».

Он был уверен, что в самое ближайшее время Крук узнает о том, что произошло на Красноармейской. Наверняка в пивной были его люди. Они не стреляли, и документы у них были в полном порядке. Они смотрели и запоминали...

Но почему начали стрелять? Почему?

НИКИТИН

Облава лавиной катилась по развалинам. Никитин бежал в темноте, падал, разбил колено, но все же бежал, ругаясь про себя. Сорвавшийся кирпич больно долбанул его по спине. Он бежал на выстрелы и лай собак. Внезапно вспыхнул прожектор, высветив мертвенно-синим светом причудливое нагромождение камней и переплетение арматуры. В столбах света крутилась красная кирпичная пыль, и Никитин увидел скорчившегося у полуразбитой стены человека. Пуля на-

чисто снесла ему половину черепа. Рядом с ним остановился офицер милиции в форме, и Никитин узнал капитана Токмакова.

— Готов! — крикнул он Никитину и махнул рукой вперед: — Там!

И, словно в подтверждение его слов, впереди ахнула граната и вслед за ней раздался грохот обвала — видимо, рухнула стена, и красная пыль на время совсем заслонила свет прожектора.

Они бежали в сторону голосов и взрыва, в сторону хриплого собачьего лая. И вдруг совсем рядом раздались глухое рычание, короткий крик и выстрел. Они кинулись туда и в свете фонарей увидели распластанного на земле человека и истекающую кровью собаку — огромную овчарку, намертво вцепившуюся ему в горло.

Они бросились к лежащему, пытаясь оттянуть умирающего пса.

— Как волк барана, — вздохнул Токмаков, — и этот готов.

Он осветил перекошенное ужасом лицо убитого, и Никитин сразу же узнал того самого человека из пивной, разглядывавшего его. Он посветил фонарем и увидел бессильно откинутую руку и татуировку — синий крест и вокруг него красные буквы. Никитин присел и прочел имя Валек. Так вот кто это. Как же он не вспомнил раньше? Валька Сычев по кличке Крест, тульский налетчик, которого он, Никитин, брал еще в сороковом. Значит, узнал его, сволочь, урка ушлая. А он-то распустил слюни, вспоминал, кто да где. Никитин выругался.

— Ты чего? — спросил Токмаков.

— Вот кто меня узнал, — Крест.

— А откуда ты его знаешь?

— В Туле брал на хате после того, как они ювелирный заглушили.

— У нас он как Валек проходит, — Токмаков начал обшаривать карманы убитого, — дезертир, бывший полицай. Вот досада-то, что его пес погрыз! Он у Крука в доверии, многое мог бы рассказать.

До утра оперативные группы обшаривали развалины. Пусто. Трое ушли в город. Теперь их надо было искать там.

Сразу после двенадцати машин стало мало. За два часа проехал один крытый «виллис» с недовольным подполковником. В предписании было указано: «Зам-командира в/ч 535-С, цель поездки — служебная командировка». И две полуторки: одна везла муку в воинскую часть, вторая — пустую тару в район.

Начавшаяся несколько часов назад стрельба, слабо доносившаяся сюда с того конца города, прекратилась, и вновь наступила тишина. Жилых домов на улице было всего три, все остальные разбило снарядами, и пустые глазницы окон глядели на улицу настороженно и страшно.

Вечер был теплый. Настоящий весенний. После полуночи из облаков выпрыгнула желтым мячиком луна, и свет ее засеребрил лужи. До смены оставалось недолго, всего час, и Фролов с удовольствием подумал о том, как они придут в дежурку, поставят автоматы в пирамиду, скинут шинели и поедят разогретых консервов с картошкой.

— У тебя осталось закурить? — спросил Фролов напарника.

Тот порылся в карманах, достал измятую пачку, скомкал, хотел бросить, но, видимо, выработанная годами службы в милиции привычка к порядку пересилила, и он, вздохнув, сунул пачку обратно в карман. Табака не было, поэтому курить захотелось сильнее.

— Надо ждать машины, может, у пассажиров табачком разживемся?

— А если не будет?

— Тогда терпи, брат. Сам виноват, что не позаботился.

— А ты?

— Я старший наряда, поэтому тебе мои действия обсуждать не положено, — засмеялся Фролов.

Они замолчали и начали думать каждый о своем, но мысли у них были удивительно одинаковые. Война заканчивалась, и ежедневно в сводках Информбюро сообщалось о новых взятых городах с непривычными на слух чужими названиями. Оба они вместе с армией дошли до Белоруссии, оба были ранены и лежали в одном госпитале. Обоих признали ограниченно годны-

ми и как членов партии направили на работу в милицию. Им много пришлось увидеть за несколько месяцев службы в «четвертом эшелоне». На их глазах погибали товарищи, фронтовики, прошедшие сотни огненных километров, недавно сменившие полевые погоны на синие милицейские. Понятие «фронт» здесь, в горячем тылу войны, полностью видоизменилось. Здесь не было трещин окопов, спиралей Бруно и колючей проволоки. Линия фронта проходила на улицах, в квартирах, в поле. Она была невидима и шла через их сердца, наполненные мужеством и скорбью.

Прослужив несколько месяцев в милиции, они понимали, что им доверено дело огромной важности, их полоса обороны сегодня — улица с разбитыми домами, весь город, вся страна.

Первым шум мотора услышал младший наряда.

— Вот вам и табак-то, едет, — толкнул он в бок Фролова.

А машина уже вырвалась в пустоту улицы, заполнив ее всю без остатка ревом двигателя.

Фролов поднял фонарик, нажал кнопку — вспыхнул красный свет. Машина, скрипя, медленно начала тормозить.

В кабине алело пятно папиросы, и Фролов с радостью подумал о первой, самой сладкой, затяжке.

Они подошли к машине с автоматами, взятыми на изготовку.

Фролов нажал ручку, открыл дверцу кабины.

— Контрольно-пропускной пункт. Прошу предъявить пропуск и документы.

— Минуту, — сидящий рядом с шофером младший лейтенант достал из планшета бумаги.

Фролов зажег фонарик.

Сначала он ничего не понял, все произошло словно во сне. От стены дома отделились три зыбкие, почти неразличимые в темноте фигуры и бросились к машине. Фролов кинул документы на сиденье и рванул с плеча автомат. В это время что-то больно толкнуло его в бок, и он упал, ударившись головой о крыло машины. Раздалось еще несколько выстрелов, потом резанул автомат, и Фролов увидел двух бегущих. Превозмогая боль, он вытянул из кобуры наган, поднялся на локте и выстрелил им вслед три раза. Выстрелил и потерял сознание.

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ КОСТРОВ

Он протянул документы сержанту милиции, автомат положил на колени так, чтобы стрелять было удобно. Мало ли что. Мишка увидел этих трех, бегущих к машине, но сначала не понял, что же случилось, и, только когда сержант начал падать, он из окна кабины резанул очередью в полдиска. Один из нападавших остановился, словно напоролся грудью на изгородь, и рухнул пластом. Двое, стреляя на ходу, побежали к развалинам.

Костров выскочил из машины и ударил из автомата вслед им, но люди уже скрылись в темноте, а стрелять в божий свет как в копеечку смысла не имело.

— Смотри! — крикнул он шоферу и сунул ему в руки автомат, а сам склонился над лежащими у машины милиционерами. Один был убит, а второй, сержант, потерял сознание. Мишка расстегнул на нем шинель, разорвал гимнастерку и начал перевязывать. В темноте улицы послышался треск мотоцикла. Мишка выдернул из кобуры пистолет и прижался к борту машины. Мотоцикл подлетел с треском, и из коляски выскочил офицер милиции. В темноте Костров видел только серебро погон.

— В чем дело? — Вспыхнул фонарь. — Что такое, младший лейтенант?

— Нападение, — Мишка сунул оружие в кобуру,— ваших вот тут подбило.

ДАНИЛОВ

— Зажгите фонари, — приказал Иван Александрович.

Полоска света побежала по земле, осветив на секунду золотистую россыпь автоматных гильз, особенно ярких на черном фоне мостовой, кожаную перчатку, раздавленный коробок спичек, обрывок ремня. Все эти вещи сейчас для Данилова имели особый и очень важный смысл, потому что дорисовывали ему картину происшествия, становились свидетелями того, что произошло здесь сорок минут назад.

А луч продолжал скользить по мостовой, и вот его яркий кружок осветил еще одну гильзу, но она была

длиннее автоматных и толще. Данилов поднял ее, подержал над светом. Да, впрочем, ему она уже ничего нового сказать не могла. Гильза была от патрона, которым снаряжается обойма к парабеллуму.

— Белов, — повернулся он к Сергею, — ищите гильзы от парабеллума.

Фонарик снова зашарил по земле.

— Товарищ полковник! — Данилов узнал в темноте голос капитана Самохина. — Собака взяла след, довела до развалин кинотеатра, там след потеряла. Но мы нашли вот что.

Данилов зажег фонарь и увидел, что Самохин держит шинель, обыкновенную солдатскую шинель с полевыми старшинскими погонами.

— Ну и что? — спросил Данилов.

— Вы посмотрите! — Самохин подставил воротник шинели под свет фонаря.

И Данилов увидел разорванную ткань и бурые пятна. Он потрогал воротник рукой. Грубое сукно было еще совсем сырым.

— Так, — сказал он, — так. А где нашли?

— Метрах в ста за углом. Собака облаяла.

— Понятно. Что еще?

— Найдено семь гильз от парабеллума, — ответил из темноты Белов. — Кроме того, рядом с убитым лежит парабеллум.

— Документы.

— Офицерская книжка на имя техника-лейтенанта Реброва Ильи Федоровича. Видимо, поддельная.

— Ну это не нам решать, а экспертам. Как милиционеры?

— Фролов в госпитале.

— Поезжай туда, Сережа, и, если можно, поговори с ним. Младший лейтенант и шофер дали показания?

— Да.

— Отпустите их. Впрочем, подождите. — Данилов подошел к машине. — Как ваша фамилия, лейтенант?

— Костров, товарищ полковник, — раздался такой знакомый и милый сердцу голос.

Данилов зажег фонарь и увидел, что у машины стоит и улыбается, блестя неизменной золотой фиксой, Мишка Костров.

ДАНИЛОВ И КОСТРОВ

Мишка ходил по его кабинету, и комната наполнялась тонким перезвоном медалей и орденов, завесой закрывавших его грудь. Данилов с удовольствием рассматривал его. Костров был в ладном кителе, золотые погоны поблескивали в свете лампы.

— Сколько же у тебя наград? — спросил Иван Александрович.

— Два Отечественной войны, Красной Звезды, Красного Знамени, два Славы, три медали «За отвагу», медали за Москву и Сталинград.

Да, славно повоевал Мишка Костров. Здорово. Данилов разглядывал его и вспоминал их многолетнее знакомство от того дня, когда в начале тридцатых он арестовывал Мишку Кострова по кличке Червонец на одной «малине» в Марьиной роще.

«Вот что время делает, — подумал он. — Эх ты, Костров, Костров».

— Ты куда ехал? — спросил он Мишку.

— В Пинскую область, в район, истребительную роту принимать.

— Вот оно как.

— А то как же, — зло скосил глаза Мишка, — пацанов учить с бандитами воевать.

— Погоди-ка, Михаил, погоди, может, и не придется тебе туда ехать.

— Да ну! — обрадовался Мишка.

— Ты погоди пока. — Данилов встал, взял лежащую на стуле шинель. — Я к Серебровскому пойду, буду просить, чтобы тебя в нашей группе оставили.

ДАНИЛОВ И СЕРЕБРОВСКИЙ

Сергей сидел на диване в кабинете начальника ОББ области, который он занял, как говорил сам, явочным порядком. Он сидел и внимательно разглядывал коробку от папирос. Иван Александрович знал, что если Серебровский о чем-то думает, то сосредоточивает внимание на вещах абсолютно случайных, не имеющих никакого отношения к делу.

— Ну давай живописуй, — вздохнул Серебровский.

— А чего давать-то? Я хотел рапорт написать...

— Да нет, ты уж своими словами, а эпистоляр — это после, для архива. А шмотки эти, — Серебровский ткнул папиросой в шинель, — на базар, что ли, несешь на «бимбер» менять?

— Погоди. В двадцать два часа сотрудники подвижного КПП сержант Фролов и милиционер Светлаков остановили машину-полуторку. Во время проверки документов трое неизвестных напали на них, открыв огонь из парабеллума.

— Откуда известна система оружия?

— Один пистолет нашли рядом с убитым и гильзы.

— Сколько?

— Семь штук.

— Прилично. Прямо-таки штурм. Порт-Артур, а не налет.

— Светлаков убит. Фролов ранен. Находящийся в кабине лейтенант Костров открыл огонь из ППШ, а шофер из карабина.

— Серьезный бой был. Даже однофамилец нашего героя попал в переделку.

— Не однофамилец.

— Ну, — вскочил Серебровский, — Мишка? Лично? Вот это номер. Ваня, готовь бумагу к его начальству. Пиши что хочешь, только Кострова с нами надо оставить. Он нам во как пригодится. — Серебровский провел ладонью по горлу.

— Он сейчас у меня сидит, — усмехнулся Данилов, — слушай дальше. Один из нападавших убит, двое скрылись. Когда они бежали, раненый Фролов подбил одного из нагана в шею.

— Откуда известно?

— Вот шинель нашли.

Серебровский разложил шинель на столе, внимательно рассмотрел.

— Так, Ваня! Ты нарисовал леденящую душу картину. Так. А слушай-ка, шинель твоего роста. А ну прикинь-ка!

Данилов пожал плечами и, брезгливо поеживаясь, натянул на себя чужую, чем-то неприятно пахнущую шинель.

— Повернись-ка, сынку, — Серебровский подошел к нему, внимательно осмотрел воротник. — А знаешь, Иван, ранение-то касательное, с такой отметиной много вреда можно еще принести. Как думаешь?

— А чего думать, — Данилов скинул шинель, вытер платком руки, — думать, Сережа, нечего. Они все равно постараются из города выйти. Нельзя им в городе-то оставаться. Да и потом... Крук их ждет.

— Что предлагаешь?

— Рана хоть и касательная, да противная больно. С такой отметиной шеей не повертишь. Так?

— Так.

— А стало быть, подранок наш к врачу пойдет. Я распорядился уже, дана команда во все поликлиники, медпункты, аптеки, больницы, госпитали, практикующим частникам сообщено, участковые сориентированы: если кто обратится с похожим ранением, звонить нам.

— Добро. — Серебровский сел на диван, закурил.— Ну как ты пока обстановку-то оцениваешь?

Данилов потянулся к коробке, взял папиросу, задумчиво начал разминать табак.

— Как оцениваю?

Он помолчал и потом сказал резко:

— Плохо дело, Сережа. План-то, продуманный в Москве, сорвался. Алтунин убит.

— Так кто же знал, что Никитин «крестника» встретит? Незапланированная случайность.

— Так в Москву и доложим?

— Ох, Ваня, тяжелый ты человек...

— Что есть, то есть. Эти двое — единственная ниточка к Круку.

— Твои соображения.

— Ждать. Усилить внимание КПП, теперь приметы точные: высокий, ранен в шею. Да пусть здешние ребята начнут чистку всех притонов, всех подозрительных мест.

МЛАДШИЙ ПРОВИЗОР СТАСЯ ПАШКЕВИЧ

День был сухой и солнечный. Свет с улицы, пробиваясь сквозь крест-накрест забранные металлом стекла, падал на кафель пола замысловатой решеткой. Аптека была старой. Ее построили еще в годы Семилетней войны. Здесь перевязывали гусаров командующего кавалерией армии Фридриха Великого генерала Зейдлица, мудреным инструментом, больше похожим на пыточный, доставали пули у гренадеров Салтыкова. Ок-

на аптеки видели затянутые копотью пушки Наполеона и польских повстанцев.

Немецкий комендант города, приехавший сюда, долго жевал сигарету, разглядывал кованый фонарь, свисающий с высокого потолка, видимо примериваясь, куда бы его можно было приспособить, но его убили партизаны ровно через неделю, и фонарь остался. Война не тронула аптеку так же, как не тронула ни одного дома на этой нарядной старинной улице.

Младший провизор Стася Пашкевич пришла на работу ровно в девять. Дежурный провизор Лазарь Моисеевич, поправив очки, сказал ей, вздохнув тяжело:

— Милая Стасенька, звонили из органов.

— Откуда? — удивилась Стася.

— Проще, из милиции. Предупредили, что, если к нам за помощью обратится человек с пулевым ранением шеи и высокий, видимо, в военной форме, немедленно позвонить в милицию, номер телефона лежит на столе управляющего.

— Хорошо, Лазарь Моисеевич. — Стася прошла за прилавок, села на высокий крутящийся табурет.

С утра посетителей почти не было. Только у рецептурного отдела стояли, что-то горячо обсуждая, две старушки из соседнего переулка. Они говорили быстро по-польски, и Стася ничего не могла разобрать, кроме бесконечных «матка боска».

Внезапно ожил репродуктор. Сначала из черного круга послышалось шипение, потом бодрый голос диктора заполнил аптеку:

«Говорит Москва, сегодня пятница, 30 марта. Передаем оперативную сводку Советского информбюро за 29 марта. Войска 3-го Белорусского фронта 29 марта завершили ликвидацию окруженной восточнопрусской группы немецких войск юго-западнее Кёнигсберга. За время боев с 13 по 29 марта немцы потеряли свыше 50 тысяч убитыми, при этом войска фронта захватили следующие трофеи: самолетов — 128, танков и самоходных орудий — 605, полевых орудий — свыше 3500, минометов — 1440, пулеметов — 6447, бронетранспортеров — 586, радиостанций — 247, автомашин — 35 060, тракторов и тягачей — 474, паровозов — 232, железнодорожных вагонов — 7673, складов с боеприпасами, вооружением, продовольствием и другим военным имуществом — 313».

Старший провизор Мария Петровна вышла из подсобки и внимательно выслушала сводку. Потом повернулась к Стасе сразу помолодевшим лицом и, улыбнувшись, сказала:

— Скоро войне-то конец, девочка.

Стася проводила ее взглядом и подумала о том, что Мария Петровна, видно, очень ждет своего мужа, который воюет где-то в Польше.

Взвизгнула пружина входной двери, и в аптеку вошел высокий военный в фуражке с черным околышем и кожаной куртке без погон. Шея его была обмотана грязным бинтом. Сразу же за ним вошел второй, с погонами лейтенанта.

Повязка была сделана неумело, наскоро, она мешала раненому повернуть голову.

— Девушка, милая, — улыбнулся Стасе лейтенант,— у вас бинтика не найдется? Моего шофера зацепило. Бандиты из лесу обстреляли.

Он еще раз улыбнулся. Улыбка на его небритом лице была словно приклеена. Улыбались только губы, а глаза оставались пустыми и неподвижными.

— Его надо перевязать, — решительно сказала Стася, — куда ранен?

— В шею, — мрачно ответил «шофер».

— Проходите, — Стася показала рукой на дверь в подсобку и вдруг вспомнила разговор с Лазарем Моисеевичем: «Господи, он же предупреждал о высоком человеке с ранением шеи. Господи, что же делать?»

А «шофер» уже распахнул дверь подсобки, и Стася увидела удивленные глаза Марии Петровны.

— Марь Петровна, — стараясь сдержать волнение, сказала Стася, — вот товарищ военный в шею ранен. Его надо перевязать и сыворотку противостолбнячную ввести. А я пойду, мне медикаменты взять надо.

Стася плотно закрыла за собой дверь и встретилась глазами с «лейтенантом». Он стоял посередине зала, похлопывая пальцами по передвинутой на живот кобуре. Стараясь не смотреть на него, Стася пересекла зал и вошла в кабинет. Она накинула на дверь тяжелую щеколку и подошла к телефону.

Они выскочили из машины, не доезжая аптеки.

— Ты заходи, — сказал Токмаков Никитину, — а то меня многие в лицо знают. Впрочем, постой, тебя же тоже вчера срисовали.

— Пойду я, — сказал Сергей.

— Точно, — обрадовался Токмаков, — иди, у тебя вид вполне штатский, ты больше на студента похож.

Сергей улыбнулся и толкнул тяжелую дверь. Отвратительно взвизгнула пружина. Облокотясь на прилавок, лицом к двери стоял небритый человек в мятой офицерской шинели, рука его лежала на кобуре. Из-за прилавка смотрели на Сергея испуганные девичьи глаза. «Это и есть Стася Пашкевич», — подумал Сергей и сказал громко:

— Здравствуйте, товарищ Пашкевич, моя фамилия Белов, я из аптекоуправления.

— Здравствуйте, — ответила девушка, и по ее тону Сергей понял, что правила игры она приняла.

— А где управляющий? — спросил Сергей и краем глаза заметил, что «лейтенант» снял руку с кобуры.

— Он будет попозже, — ответила девушка, — а что вы хотите?

— Мне надо осмотреть вот этот шкаф, — Сергей показал рукой на огромный, до потолка, шкаф, находившийся за прилавком. «Лейтенант», еще раз мазнув по нему глазами, сделал шаг к двери, и на секунду Сергей оказался у него за спиной. Он толкнул «лейтенанта» стволом пистолета в спину:

— Руки! Только тихо, без фокусов.

В аптеку ворвались оперативники.

— Где второй? — спросил Токмаков.

Стася молча указала на дверь.

На табуретке сидел человек, голый по пояс, рядом лежала кожаная куртка. Женщина в белом халате аккуратно бинтовала ему шею. Услышав скрип двери, он резко обернулся, лицо исказила гримаса боли. Он потянулся к куртке, но табуретка качнулась, и он упал, потеряв равновесие. Никитин схватил куртку, вынул из кармана парабеллум.

— Вы арестованы.

Данилов поднял телефонную трубку, подумал немного, прежде чем назвать номер. Вот уже почти десять часов они допрашивали «старшину», но добиться так ничего и не смогли. Он или молчал, или нес такое заведомое вранье, что даже многоопытные оперативники удивленно разводили руками. А «старшина» сидел на стуле, положив ногу на ногу, улыбался нагловато, курил предложенные ему папиросы.

В перерыве к Данилову зашел Серебровский.

— Ну знаешь, Иван, я тебя не понимаю.

— То есть?

— Он явно издевается над нами, а ты сидишь и аккуратно протоколируешь его вранье.

— Пусть пока покуражится.

— Что значит «пока»? Долго оно будет длиться, это самое «пока»? Ты пойми, он убивал наших товарищей, за его спиной стоит банда Крука!

— Ты мне, Сережа, политграмоту не читай. Я и сам все знаю. Придут данные экспертизы, будем оперировать фактами.

— Ну смотри, тебе жить. Только время уходит, а банда где? — Серебровский выразительно щелкнул пальцами. — Время идет, ясно?

— Куда уж яснее.

— Смотри, Иван, Москва жмет. Местные-то уже сообщили о наших прекрасных играх.

— Это зачем еще?

— Торопится кое-кто, ответственность с себя снимает. Мол, поручено дело москвичам...

— Погоди, Сережа, — Данилов встал, потянулся.— Так тоже думать нельзя. Ну есть кто-то один. Перестраховщик. Кстати, ты выяснил кто?

— А чего выяснять-то?

— С ним поговорить надо. Обязательно поговорить. Но это все после.

В дверь постучали. Вошел начальник НТО, немолодой сутулый подполковник.

— Ну вот, — сказал он, — мои ребята работали как звери.

— Долго что-то. — Серебровский достал папиросы.

— Наука, — желчно отпарировал подполковник, — это вам не жуликов ловить.

— Да уж, — усмехнулся Данилов, — это вы правы. Наука — вещь серьезная. Куда уж нам, дуракам, чай пить. Показывайте.

Начальник НТО сердито засопел и начал выкладывать на стол снимки и диаграммы. Ровно через полчаса Данилов приказал привести к нему арестованного.

«Старшина» вошел, лениво осмотрел кабинет так, словно попал в него впервые, и сел, развалясь на стуле.

— Вы когда-нибудь слышали о такой науке — криминалистике?

— Приходилось. — «Старшина» потянулся к столу, взял папиросу.

— Вот и прекрасно, — сказал Данилов и заметил, как настороженно прикуривал арестованный. — Прекрасно, — продолжал он, — это намного облегчит нашу беседу. Смотрите, вот пуля, извлеченная врачом при операции у нашего сотрудника Фролова, а вот вторая пуля, отстрелянная специально из изъятого у вас пистолета. Читайте заключение экспертизы. Да, вы уже говорили, что нашли пистолет на улице. Кстати, шесть снаряженных обойм тоже? Молчите? Прекрасно! Вы помните, что наш врач делал вам перевязку? Отлично! У вас хорошая память. Так вот, экспертиза сообщает, что ваша группа крови совпадает с группой крови на воротнике шинели, найденной на месте преступления.

Данилов встал из-за стола, подошел к шкафу, достал шинель.

— Хотите примерить?

— Нет.

— Что же делать будем?

— Я все расскажу, если вы мне запишете явку с повинной! — Голос «старшины» стал хриплым, лицо осунулось.

— Значит, вы к нам на перевязку пришли? Так, что ли?

— А мне все одно стенка. И ты, начальник, об этом распрекрасно знаешь. Так что скажу — вышка, не скажу — вышка...

— Ну давай героем помирай, — Данилов усмехнулся, — ты здесь в благородство будешь играть, а Крук самогонку жрет и консервами закусывает.

— Это точно. Он, конечно, падло, жирует там...

— Ты, я вижу по разговору, вор-«законник». Так?

— Ну?

— А связался с кем? С фашистом бывшим связался.

— Ты меня, начальник, на голое постановление не бери. Крук не фашист, а блатной. Самый что ни на есть «законник».

— Блатной, говоришь? Эх, набито в твоей башке мусора, смотри. — Данилов бросил на стол фотографию Крука в немецкой форме: — На, полюбуйся на своего «законника».

Арестованный взял фотографию, долго разглядывал ее. Уголки губ у него задергались, он бросил снимок на стол и сказал хрипло:

— Папиросу дай.

Данилов толкнул к нему пачку. В кабинете повисла тишина, слышно было только, как трещит пересохший табак.

— Ах сука, падло, — «старшина» замотал головой,— сволочь, фашист... Гнида немецкая... Про себя, начальник, потом скажу... Мне все равно вышка... Народу у него двадцать два человека... Люди всякие... Блатные, дезертиры, сынки куркулей местных, два немца.

«Старшина» замолчал, подбирая слова, лицо его както сразу осунулось и пожелтело.

— Мы в лесу в схронах прятались под деревней Коржи. Да не торопись. Ушел он. Послал нас в город и ушел. Сказал: «Доставьте человека на хутор рядом с Коржами. Хозяин Стефанчук, там и ждите, за вами придут».

— Хутор от деревни далеко?

— Пять километров.

— Значит, Крук сменил базу?

— Да, он в соседнюю область перебирался, говорил, что там где-то в лесу землянки и схроны есть.

За плотно занавешенными окнами умирала ночь. Рассвет, пришедший на смену ей, серой полосой прорвался сквозь щели маскировки. Данилов поднял штору, погасил лампу, распахнул окно. Тяжелый папиросный дым пополз на улицу, свежий весенний воздух словно вымыл стены кабинета.

«Старшина» покосился на открытое окно. В глазах его было столько тоски, что Данилову на секунду стало жаль этого человека. На секунду, на один коротенький миг. Сколько таких сидело перед его столом! Нет, все же он не жалел их. Бандитов, запачканных

кровью близких ему, Данилову, людей. Говоря с ними, он никак не мог заглушить непонятное чувство недоумения и досады.

«Старшина» встал, подошел к окну.

— Весна, начальник, — хрипло выдавил он. — В лесу скоро лист пойдет, сок березовый...

Иван Александрович молчал.

— Ну ладно, полковник, вызывай конвой, пойду в свой терем.

— Слушай, — Данилов подошел к нему, стал рядом, — помоги нам со Стефанчуком...

— Нет, начальник, я все сказал, а помогать не буду. Прощения от державы все равно не заслужу. Не проси.

Когда «старшину» увели, Иван Александрович вновь сел за стол и начал читать показания. Всю ночь говорил он с этим человеком, подошедшим к последней черте. Да, он прав. Пощады ему не ждать. Слишком много крови спрессовалось в листах протокола. Но здесь, среди старых дел и нераскрытых преступлений, было самое главное — численность банды Крука, ее вооружение и характеристики бандитов, удивительно меткие и точные. И опять в душе Ивана Александровича шевельнулось чувство досады.

МИШКА КОСТРОВ

Он сидел в кабинете, тесно заставленном столами, и обучал Сережу Белова играть в очко.

— Ты, Белов, — поучительно говорил Мишка, словно кот щуря нагловатые глаза, — к этому делу никакой склонности не имеешь. Не дай бог в тюрьму попадешь, играть не садись. Ну смотри.

Мишка бросал карты, и у него на руках опять был туз с десяткой.

Сергей непонимающе глядел на Мишку, потом на хохочущего Никитина.

— Может, в банчок по маленькой, а? — повернулся к Никитину Мишка.

— Нет уж. С тобой пусть придурки играют. Я лично пас. — Никитин встал, подтянул голенища начищенных сапог. — Ну что начальство-то там? Пойду выясню. Может, дадут хоть полдня отдохнуть?

— Как же, — усмехнулся Белов, — дождешься.

— А я все же узнаю.

Никитин вышел, Мишка собрал карты, сунул их в полевую сумку. Опять жизнь, сделав непонятный зигзаг, вернула его к тому, с чего он начинал в сорок первом. Только нет. Шалишь, другой он, младший лейтенант Костров. Совсем другой. Только что же делать ему придется в этом распрекрасном городе? Блатных он местных не знает, да и они его тоже. Но ведь зачем-то он нужен Данилову и Серебровскому? Только зачем?

Но все-таки хорошо, что жизнь опять свела его с этими людьми. В их жизни было то главное, что всегда импонировало Кострову, — риск. Он не видел для себя занятия, в котором бы отсутствовал элемент опасности. Все профессии на земле он делил на мужские и прочие. К одной из мужских он причислял работу в милиции. Он уже для себя решил твердо и бесповоротно: окончится война, пойду в угрозыск. А тут желанная возможность сама плыла в руки.

— Сережа, — Мишка присел рядом с Беловым, — ты меня введи в курс дела.

Сергей поднял на Кострова отсутствующие глаза.

— Что? — спросил он.

— В чем дело-то? Зачем вы сюда приехали?

— Бандитов ловить.

— Это я понимаю, ты мне суть объясни.

— Ты, Миша, у Данилова спроси, — твердо ответил Белов, — он тебе, я думаю, все и объяснит.

— Значит, не доверяешь, — Мишка зло ощерился, — как в банду лезть, так Мишка, а как...

— Погоди, дождись Данилова, — так же вежливо, но твердо ответил Сергей.

Мишка посмотрел на него и отметил, что паренъ-то явно не в себе.

— Слушай, ты, часом, не влюбился? — спросил Мишка и увидел, как лицо Белова пошло красными пятнами.

— Точно, — зловеще ахнул Костров, — влип. Ну, теперь жди неприятностей.

— Каких? — удивленно спросил Белов.

— «Каких», — передразнил его Мишка, — он еще спрашивает! Да ты знаешь, что такое бабы, а? Бабы, они...

Мишка не успел объяснить Белову, что такое бабы. Дверь отворилась, и вошел Серебровский.

— Ты здесь, Костров? Это хорошо. Пошли со мной.

СЕРЕБРОВСКИЙ, НИКИТИН, КОСТРОВ И ДРУГИЕ

В двух километрах от хутора Стефанчука дорога больше походила на болото. Серебровский представил себе рев двигателей, пронзительный треск шестеренок коробки передач и понял, что добраться до хутора на машинах скрытно просто невозможно.

Он вылез из кабины, еще раз с сожалением поглядел на асфальтово блестящую под солнцем грязь и скомандовал:

— Слезай!

Автоматчики, привычно прыгая через борт полуторки, строились вдоль кювета, из «газика» вылезли оперативники.

— Кононов!

К Серебровскому, скользя по глине обочины, подбежал командир взвода автоматчиков.

— Дальше идешь без машин. Все помнишь?

— Так точно, товарищ полковник.

— Оставь нам пулеметный расчет и двигай.

— Есть.

Автоматчики тремя маленькими колоннами ушли в лес.

Серебровский посмотрел на часы. Через тридцать минут, ну пусть через сорок автоматчики окружат хутор. Тогда и начнется их работа. Он посмотрел на куривших у машины оперативников. Посмотрел внимательно, стараясь различить хоть малейшую тень беспокойства на их лицах. Но так ничего и не увидел. Лица у офицеров были будничные, как у людей перед привычной и уже надоевшей работой.

Над лесом, дорогой, полем висело яркое апрельское солнце. От земли шел пьяноватый резкий дух. Из леса пахло сырой землей и талым снегом. Весна была спорой и ранней. Солнце припекало спину, и хотелось постелить на землю брезент, лечь лицом к солнцу и, закрыв глаза, ощутить на лице доброе и ласковое тепло.

Серебровский взглянул на часы. Время тянулось не-

стерпимо медленно. Он подошел к машине, сел на подножку, закрыл глаза и подставил лицо солнцу. И сразу всего его наполнило чувство покоя. Легкий ветерок, пахнущий свежестью, прилетел из леса, оставляя на губах горьковатый привкус смолы и березового сока. Мысли Серебровского сразу стали спокойными и размеренными. Все нынешнее ушло куда-то, и подступили воспоминания. В них жили люди, которых любил он, Сергей Серебровский, и которые платили ему тем же. Постепенно ушли куда-то голоса товарищей, смолкли щебетание птиц и шум леса. Серебровский задремал.

— Товарищ полковник, — сквозь сон прорвался голос Никитина, — товарищ полковник.

Серебровский открыл глаза и сразу не смог сообразить, где он находится. Так не вязался этот солнечный, чистый, прекрасный мир с тем, чем он занимался этим утром.

— Связной от командира взвода.

— Товарищ полковник, — к машине подошел сержант, — лейтенант Кононов приказал передать: все в порядке.

— Люди в доме есть?

— Так точно.

— Пойдешь с нами. — Серебровский повернулся к оперативникам: — Тронулись.

А утро было таким же, и солнце с каждой минутой припекало все сильнее. Но для Серебровского этого больше не существовало. Все заслонил хутор Стефанчука. Идя по лесу, Сергей думал о том, как незаметно подойти к хутору, взять хозяина и оставить засаду.

Он уже видел дом. Добротный, бревенчатый, покрытый шифером, и коровник он видел под железной крышей, и колодец.

Всего ничего оставалось до хутора, как из чердачного окна ударил пулемет и тяжелые пули косой срезали ветки берез.

— Ложись! — крикнул Серебровский, срывая с плеча автомат.

Лежа за поросшим мхом стволом ели, он оглянулся, пересчитал ребят: вроде бы все в порядке.

— Раненые есть? — спросил он.

— Нет, — врастяжку ответил Никитин, — бог миловал.

Дом стоял на поляне, залитой солнцем. Он был мирным и уютным, этот добротно, на долгие годы сработанный дом. Но вместе с тем в нем жила смерть. И неизвестно, кто сегодня останется лежать на этой поляне. Серебровский еще раз посмотрел на дом. Он знал, что сейчас начинается его работа и что уже никто не сможет помочь ему.

Он встал, и сразу же басовито прогрохотал пулемет.

Серебровский прижался к дереву, вынул из кармана платок, поднял его над головой и шагнул из-за спасительных деревьев. Теперь он стоял на поляне словно голый, чувствуя телом леденящую бесконечность черного ствола пулемета.

— Прекратите огонь! — крикнул он чуть хрипловатым голосом и сделал еще несколько шагов.

Дом молчал. И тишина эта ободрила Серебровского, он понял, что люди, сидящие за прочными бревенчатыми стенами, готовы слушать его.

— Я, полковник милиции Серебровский, предлагаю вам сдаться. Дом окружен. Сопротивление бессмысленно. Помните, что добровольная сдача поможет вам...

Выстрела он не услышал, просто внезапно перевернулось небо, и солнце начало постепенно гаснуть.

— Огонь! — крикнул Мишка. — Пулеметчик, пень рязанский, огонь!

Он стеганул из автомата очередью в полдиска по чердачному окну. За его спиной, захлебываясь, бил пулемет, оперативники палили из автоматов по дому.

Никитин прыжком пересек несколько метров, отделявших его от лежащего полковника, поднял его на руки и тяжело побежал к деревьям. Ему оставалось всего шага два, как из окна закашлял, давясь ненавистью, второй пулемет. Пуля куснула его в ногу, но он все же сделал эти два шага и упал.

Оперативники втащили их за спасительные деревья. Серебровский потерял сознание, но был жив, только дышал прерывисто и тяжело. Мишка разорвал его набухшую кровью гимнастерку и начал бинтовать простреленную грудь.

Никитин сидел на земле, зло матерясь, рассматривал раненую ногу.

— Ну, — повернул он к Самохину выцветшее от боли лицо, — ты теперь начальник, что делать будем?

— Брать их будем, — жестко ответил Самохин.

— Иди бери, — выругался Никитин, — они тебя как раз дожидаются: где этот капитан Самохин, который нас брать будет?

Подбежал командир взвода.

— Ну что у вас?

— А ничего, — так же зло ответил Никитин, — чай пить собираемся.

— У них три МГ, капитан, — сказал взводный. — Так просто их не взять.

— Значит, так, Самохин. — Костров положил автомат. — Гранаты есть? — повернулся он к взводному.

Лейтенант утвердительно кивнул головой.

— Прорвусь к дому, а вы меня огнем прикроете. Только патронов не жалейте.

— Ты что? — выдавил Никитин. — Жить надоело?

— Миша, — начал Самохин.

— Все, — сказал Мишка, — среди вас я один фронтовик, у нас такое бывало. Значит, мне и идти. Так где гранаты, лейтенант?

— Сидорчук! — крикнул Кононов. — Неси гранаты.

Младший сержант, первый номер пулеметного расчета, опасливо косясь в сторону хутора, принес вещевой мешок. Мишка развязал шнурок, стягивающий горловину, сунул руку и вытащил тяжелую противотанковую гранату.

— Годится.

Он опять сунул руку и вытянул «лимонку».

— Куда столько-то? — спросил Сидорчук.

— Надо так, понял? Значит, слушай меня, — Мишка взял его за отвороты ватника, — запомни, что я скажу, как «Отче наш». Бей по чердаку, не давай этому, с пулеметом, высунуться.

— Я еще один расчет пришлю и пяток автоматчиков, — сказал Кононов.

— Дело. Пусть они огонь на окнах сосредоточат.

Через полчаса все было готово. Пробившийся сквозь грязь «виллис» забрал Серебровского и Никитина, пришло обещанное подкрепление.

— Ну, Мишка! — Самохин хлопнул его по плечу.

— Моя сдача, — Костров сунул запал в гранату, — давайте.

Вот они, проклятые десять метров. Ну чуть больше. Да как же проскочить их? Ничего, он проскочит. Он

не умрет в самом конце войны от пули этих гадов. Просто не может умереть. Зря, что ли, прополз он на брюхе бесконечный путь от Москвы до Будапешта? Нет, не умрет. И от мыслей этих пришла к Мишке великая злость. Она овладела всем его существом. И в ней без остатка растворились нерешительность и страх. Теперь в нем жили эти несколько метров, иссеченные пулями наличники окна и тяжесть гранаты.

— Давай! — крикнул Мишка.

За его спиной загрохотали очереди, посыпались выбитые пулями щепки.

— Эх, — он скрипнул зубами и кинул вперед сразу ставшее невесомым тело. Рывок! Земля! Теплая, пахучая. Опять рывок! Очередь с чердака! Мимо! Еще! Бьет пулемет из окна, смерть прошла над головой, даже волосы опалила. На! Получи, гад!

Мишка, падая, метнул гранату в окно. Он не следил за ее полетом, он знал, что попадет. Он не мог не попасть. Тяжелый взрыв качнул дом. Со звоном вылетели стекла.

Мишка вскочил, выдернул пистолет и, подтянувшись о подоконник, прыгнул в комнату. Взрыв разворотил печь, и красноватая кирпичная пыль плыла в комнате густой пеленой. На полу валялся искореженный пулемет, рядом с ним безжизненное тело в иссеченной осколками кожаной куртке. Второй бандит лежал посреди комнаты, обхватив руками МГ. Мишка выскочил в сени. Вот и лестница на чердак. Он осторожно поднялся, заглянул в проем люка. Прислонясь к скату крыши, сидел сам старик Стефанчук, из-под прижатых к животу ладоней текла казавшаяся черной кровь. Он с ненавистью посмотрел на Мишку и закрыл глаза.

ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ. Апрель

«ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Оперативная сводка за 3 апреля

В течение 3 апреля войска 2-го Белорусского фронта вели бои по уничтожению остатков окруженной груп-

пы немецких войск восточнее Гданьска и заняли населенные пункты Нойемдорф, Клайплеенсдорф, Зигескранц, Хойбуде, Кракауеркемпе, Кракау. За 1 и 2 апреля в этом районе взято в плен более двух тысяч немецких солдат и офицеров».

ДАНИЛОВ

Москва торопила. Телефон ВЧ раскалился от указаний и приказов. Крук ушел, но Иван Александрович чувствовал, что скоро он должен появиться. Пока работники районных НКВД проверяли лесные хутора, искали следы банды. После ранения Серебровского руководство операцией было поручено ему, Данилову.

Поторопился Сергей со Стефанчуком. Хутор нужно было обложить и ждать. А вместо этого... В общем, что вспоминать. Серебровский лежал в госпитале, врачи говорили, что опасность миновала.

Данилов ездил к нему. Сидел у кровати, смотрел на худое, пожелтевшее от боли и потери крови лицо друга, и острая жалость наполняла его.

Ночью ему позвонил начальник облОББ Грязновский:

— Товарищ полковник, получены данные: Крук собирается объединить все мелкие бандгруппы и прорываться на Запад.

— Сведения надежные?

— Вполне.

Как же невероятно тяжело шло это дело! Разве мог он подумать в Москве в январе, что дело Судина приведет его сюда? Что от московского барыги потянется ниточка к главарю опасной банды?

Ему очень не хватало Игоря Муравьева. Не хватало его уверенности, веселья, напора. Нет, не его это дело — гонять по лесам банды. Город Москва — это другое дело. Дни и ночи Данилов мотался по районам, пешком, на лодках добирался до хуторов, пытался разговорить напуганных молчаливых людей. Банда была где-то рядом. Он чувствовал это по односложности ответов, читал на испуганных лицах.

Ночью, забываясь коротким тяжелым сном, он просыпался от стука капель и шороха ветвей и сидел, настороженно слушая темноту. Нервное переутомление да-

вало себя знать, и Данилов с завистью смотрел на безмятежно спящих Белова и Кострова.

Он так часто смотрел на фотографию Крука, что мог бы узнать его сразу, во что бы он ни был одет. Закрывая глаза, он видел хрящеватый нос, тонко очерченные губы, глубоко сидящие глаза этого человека.

Война заканчивалась. Наши войска освободили почти всю Венгрию. Третий Украинский фронт наступал в Австрии. По утрам, читая газеты, Данилов находил все новые и новые названия незнакомых городов. Они звучали непривычно и таинственно. Сталкиваясь с ними на газетных страницах, он вспоминал старинные рождественские открытки, на которых были выдавлены покрытые серебром готические городки.

Все чаще и чаще люди говорили: «Ничего, вот кончится война, тогда заживем». Он тоже ждал конца войны с нетерпением, хотя знал, что его война не кончится никогда. Он воевал уже двадцать семь лет, с 1918 года. Днем, ночью, в любую погоду. Просто после окончания войны он и его коллеги автоматически переходили из четвертого эшелона в первый — вот и вся разница.

Об их потерях и победах не писали в газетах. Они жили скромно и умирали так же скромно. Но если бы ему когда-нибудь предложили уйти из угрозыска, он наверняка бы отказался.

Они жили прямо в управлении. Их группе выделили три комнаты. Данилову достался маленький квадратный кабинетик. Чтобы разложить раскладушку, нужно было отодвигать шкаф. Но зато окно выходило в парк. Он был через дорогу. Каждое утро Иван Александрович видел изысканную решетку ограды и длинную вереницу деревьев.

Весна началась всерьез. На деревьях набухли почки, улицы уже высохли, и в открытое окно залетал пьянящий, пахнущий смолой ветер.

По коридорам управления ходил злой Мишка Костров. Вечерами он вваливался к Данилову и читал бесконечные письма от жены. Сережа Белов каждое утро бегал на почту и в окошке до востребования получал очередное послание от Марины. Судя по количеству писем, роман развивался стремительно. Данилов никому не писал и не получал писем. Писать он

не любил, Наташе звонил по телефону. Он тосковал по Москве.

Сегодняшнее утро началось плохо. Он едва успел умыться, как дежурный вызвал его к аппарату ВЧ.

— Москва, — с сочувствием сказал майор.

Данилов. Данилов слушает.

Королев. Говорит комиссар Королев.

Данилов. Слушаю вас, Виктор Кузьмич.

Королев. Доложите обстановку.

Данилов. Работаем по установлению места расположения банды.

Королев. Долго работаешь, Данилов.

Данилов. Как могу.

Королев. Не прибедняйся, Иван Александрович. Есть результаты?

Данилов. Есть.

Королев. Конкретнее.

Данилов. Нами по оперативным каналам точно установлен район дислокации Крука.

Королев. Иван Александрович, нарком торопит, активизируй действия. Через пяток дней жду результатов. Возможно, прилечу сам.

Данилов. Хорошо бы.

Королев. Как Серебровский?

Данилов. Пошел на поправку.

Королев. Слава богу. Наталья Константиновна передает тебе привет. Вчера звонил ей. Жалуется, что не пишешь.

Данилов. Вот я всегда так. Как дела у Муравьева?

Королев. Тяжело ему. Работа серьезная. Так что заканчивай дела и — сюда, в Москву.

Данилов. Я здесь по своей охоте сижу?

Королев. Ну ладно, ладно, Иван. Так ты помни, я жду результатов. У меня все.

Данилов положил трубку, достал папиросы. Майор-дежурный щелкнул зажигалкой.

— Значит, через пять дней. — Данилов выпустил толстую струю дыма. — Через пять дней.

УЧАСТКОВЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ЕГОРОВ

Теперь войну он видел во сне. Она возвращалась к нему постоянно, и сны эти были однообразны и длин-

ны, как бесконечные товарные составы. Он все время убегал, а за ним, беззвучно лая, неслись собаки, и солдаты без лиц, только плечи и каски, стреляли. И выстрелов он не слышал, только вспышки, огромные, как сполохи грозы, и ожидание чего-то страшного и жестокого. Но на этот раз Егоров услышал звук выстрела и, просыпаясь, еще не сознавал, где кончается сон и начинается реальность. Он лежал в саду под яблоней на жестком топчане. Гимнастерка валялась рядом на земле, а за ней ремень с кобурой. Действуя инстинктивно, еще не придя в себя, он вытащил наган и, как был в одних галифе, нижней рубашке и босиком, выскочил за калитку.

Вдоль улицы в клубах пыли неслась тройка. Она приближалась стремительно, и Егоров увидел человека, погонявшего лошадей. Он стоял, широко расставив ноги, словно влитой, хотя бричку немыслимо трясло. В бричке было еще трое. А лошади приближались, и тогда один из троих поднялся на колени и взмахнул рукой:

— Прими подарок, участковый!

Егоров выстрелил, падая. Сбоку глухо рванула граната. Участковый вскочил и, положив наган на сгиб локтя, выстрелил вслед бричке.

Когда осела пыль и стук колес ушел за околицу, Егоров увидел метрах в десяти лежащего человека. Он лежал, неестественно раскинув руки, но все же Егоров полез в карман, где насыпью лежали патроны, и перезарядил наган. Мягко ступая босыми ногами, участковый подошел к убитому, перевернул его, и мельком поглядев в лицо, понял, что этого человека он видит впервые.

«Так кто же все-таки кричал с брички?»

— Участковый, младший лейтенант!

От сельсовета бежал боец истребительного батальона.

— Ну что? Что там еще?

— Бандиты сельсовет перебили.

ДАНИЛОВ И НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ

За окном лежал город в развалинах, соединенных темными, без фонарей улицами.

— Видишь, Иван Александрович, — сказал началь-

ник управления, — видишь, какой стал город. Темнота, грязь, развалины. А я здесь вырос. Он зеленый был, добрый.

— Восстановим, — ответил Данилов, — еще лучше станет.

— Может быть, лучше, но не таким.

Начальник открыл сейф, достал папку.

— Я тебя вот зачем пригласил. В лесах между деревнями Ольховка и Гарь банда объявилась.

— Большая?

— По нашим данным, стволов двадцать.

— Чья банда?

— Видимо, Крука.

— Точно Крука? В области есть и другие бандгруппы.

— Точно.

— Откуда данные?

— А ты фотографию посмотри. Вот донесение Егорова о нападении на сельсовет. У участкового фотоаппарат трофейный, он сфотографировал убитого и следы.

— Так, — сказал Данилов. — Кто это?

— Сенька это Мазур, кулак, дезертир, по нашим данным, с прошлого года в банде Крука. Застрелил его Егоров. А вот дальше, видишь ли, послание.

Данилов сел удобнее, прочитал прыгающие безграмотные строчки.

— Так, значит, в апреле сто работников НКВД и большевиков. Ничего, с размахом начинает действовать.

— Егоров мужик умный, хочу забрать его сюда, в аппарат угрозыска, — начальник опять встал, подошел к окну, — видишь, даже следы, типичные для этого налета, дал.

Данилов полистал страницы дела, начал читать рапорт участкового:

«Также сообщаю, что кроме гильз отечественного и немецкого образца мною обнаружено:

1) На одном из колес брички лопнула металлическая шина, колесо оставляет характерный след.

2) В подкове коренника на правой задней ноге не хватает трех гвоздей.

3) Кроме того, перед нападением в селе появился велосипедист. След его велосипеда точно такой же, как оставленный на месте преступления в деревне Ложки. Протектор переднего колеса имеет три широкие глад-

кие заплаты, причем одна из них четко выдавливает цифру девять...»

— Молодец, — Данилов закрыл папку, — ведь, кроме этого, ничего нет. Велосипедист, я думаю, наводчик, сначала в деревне появляется он, потом бандиты. И видимо, этого человека знают. Привыкли к нему, иначе чужого да на велосипеде «срисовали» бы сразу же. Вот его и надо устанавливать.

— А кто тебе мешает? Устанавливай. Вот поезжай в район и устанавливай на доброе здоровье. Группу я тебе дам, старший ее — капитан Токмаков. Шесть оперативников и шофер. Пулемет ручной дам МГ, автоматы. Выезжай этой ночью. В конце концов, — начальник управления полистал календарь, — числу к двадцать девятому Крука нужно обезвредить.

— Даже число назначил, — Данилов встал, — планировать легко, а...

— Что я, не знаю, Иван Александрович? Прошу очень, выйди ты на него быстрее, сделай все, чтобы подготовить войсковую операцию, понял?.. Ведь тебя из Москвы нам в помощь прислали. Так ты уж того, помоги, брат, а?

— Я-то понял.

— Ну раз так, помни, — голос у начальника стал жестким, — за кровь людей мы с тобой в ответе. С нас спросят, с милиции.

Данилов вышел из кабинета начальника областного УНКВД. Задумчиво постоял в приемной.

Дежурный адъютант посмотрел на полковника из Москвы. Полковник улыбнулся.

— Что-нибудь надо, товарищ полковник? — спросил с недоумением адъютант.

— Что? Ах да, — Данилов провел ладонью по лицу, — у тебя вода горячая есть?

— Так точно, в титане.

— Организуй, пусть принесут ко мне в кабинет. Побриться надо.

— Слушаюсь, — ничего не понимая, ответил адъютант, а про себя подумал, что полковник, видимо, немного не в себе. Видать, выпил втихую.

Данилов брился, насвистывая какой-то бойкий мотивчик. Черт его знает, когда он слышал эту песенку про дочь камергера. Видимо, в двадцать первом в Одессе, когда брали они остатки знаменитой банды Мишки

Япончика. С самим Мишкой, некоронованным королем Молдаванки, было покончено еще в двадцатом, а дружки его очень мешали нормальной жизни. Вот тогда и полазил Данилов по одесским забегаловкам.

В дверь постучали. Данилов отложил бритву.

— Да! — крикну он.

На пороге появился капитан Токмаков.

— У меня все готово.

— Молодец. Сейчас едем. Только вот умоюсь.

Через несколько минут свежий, подтянутый, чуть пахнущий одеколоном, Данилов вошел в комнату своей группы. Все спали, только Сергей Белов, загородив свет лампы газетой, писал бесконечное письмо Марине.

— Ей? — спросил Данилов, добро усмехнувшись.

— Так точно.

— Поднимай людей, Сережа. Едем.

— Куда?

— Крука ловить.

— Объявился? — обрадованно спросил Белов.

— Вроде.

ДАНИЛОВ

Все это время его не покидало ощущение странной приподнятости. Даже ночная дорога, по которой с трудом пробиралась машина, не могла испортить его настроения. Сначала они ехали по шоссе, вернее, по тому, что осталось от него. Война разбила полотно, и машины шли медленно, как слепые. Прорези маскировочных колпаков, надетых на фары, высвечивали совсем узкую полосу перед самым радиатором машины. Шофер, нещадно ругаясь, вел «виллис» предельно осторожно. Но все равно они несколько раз проваливались в ямы, и Данилов больно стукнулся головой о металлический кронштейн брезентовой крыши.

Несколько часов их трясло и мотало, и наконец к рассвету они свернули на размытый проселок. Ревели двигатели, машины не ехали, а скользили по грязи. Дважды все вылезали и толкали «виллисы». Но все равно Данилов был доволен. Наконец-то появилась чуть заметная ниточка. Она приведет его к Круку.

В районный центр приехали к семи утра. Их уже ждали. Начальник райотдела, худощавый капитан с

двумя рядами колодок на кителе, доложил Данилову обстановку.

— Хорошо, хорошо, — ответил Иван Александрович, — вы бы организовали нам умыться с дороги.

Капитан посмотрел на них, улыбнулся и гостеприимно распахнул дверь:

— Прошу. Умойтесь, закусите, чем бог послал.

Через полчаса они сидели за столом, на котором нестерпимо аппетитно дымилась вареная картошка и лежали куски жареной свинины. Пообедав, вместе с капитаном Токмаковым они посмотрели выборку всех вооруженных нападений за последние два месяца. Их было всего четыре.

— Вот эти два, — сказал начальник угрозыска района, — мы второго дня раскрыли. Тут, на хуторах, — он ткнул пальцем в карту, — дезертир притаился. Решил, видно, к дому податься, документы ему были нужны да деньги. Мы его на втором эпизоде и сняли. Нет, нет, товарищ полковник, — он посмотрел на Данилова, — я сам ездил, и из НКГБ ребята с ним в минской тюрьме говорили. Глухо. Он о банде ничего не знает.

— А ты сам-то о Круке слышал чего?

— Я? — начальник розыска усмехнулся. — Дай-ка папироску, Токмаков, спасибо. Я его, как вас видел. Допрашивал он меня. Очень он душевно допрашивал.

— Ты что-то путаешь, — сказал Данилов, — Крук допрашивал! По нашим данным, он...

— Я путаю? — начальник угрозыска улыбнулся. — Вы зубки эти металлические видите, товарищ полковник? Так-то. Так мои собственные мне Крук в сорок третьем ручкой «вальтера» выбил. Я тогда в партизанском отряде был, в разведке. Подорвали мост, а меня взрывной волной оглушило. Они меня и взяли тепленького. Узнал он меня. Я ведь его в тридцать шестом задерживал.

— А потом?

— Потом история длинная. Оглушили они меня, в камеру бросили. Утром собирались в фельджандармерию передать. А я ушел.

— Как ушел? — удивился Токмаков.

— Ночью из отхожего места. Да неинтересно это все. Я вот что скажу... — Он не успел закончить. Дверь распахнулась, влетел дежурный.

— На селекционную станцию налет!

— В машину! — скомандовал Данилов. — Быстро. Ты, Токмаков, останешься здесь искать велосипед. Остальные в машину. Сколько километров до станции?

— Шесть. — Начальник розыска достал из шкафа автомат. — Людей брать?

— Не надо, хватит моих. Пусть лучше Токмакову помогут.

— Кто звонил?

— Да голос странный, вроде детский, — ответил дежурный, — он только успел сказать: банда, потом выстрел, и связь оборвалась.

Не доезжая километров двух, увидели дым. Горела станция.

— Давай, — крикнул Данилов шоферу, — слышишь!

Шофер буркнул что-то и выжал педаль газа. Стрелка спидометра медленно уходила за отметку «сто».

Во дворе станции горел сарай.

— Зерно подожгли, сволочи, — выругался начальник розыска. Он прислушался и вдруг бросился к сараю.

— Стой! — крикнул Данилов. — Сгоришь!

— Там люди!

Сквозь треск и гул пламени из сарая доносились стоны.

Оперативники ломами разбили дверь и вытащили шестерых полузадохнувшихся связанных работников станции.

Пока спасали остатки зерна и оказывали помощь людям, Данилов узнал, что часа два назад приезжал на велосипеде новый почтальон, привозил газеты, потом приехали шестеро на бричке, нагрузили зерно на бричку и две телеги, стоявшие в сарае на станции, людей связали, заперли в сарай и подожгли с остатками зерна.

Звонила дочка агронома, она спряталась в директорском кабинете. Бандиты о звонке ничего не знали и девочку не нашли.

— Где она? — спросил Данилов.

— Вон у крыльца, — ответили ему.

На крыльце стояла девочка лет тринадцати в выгоревшем на солнце ситцевом платьице.

— Как тебя зовут? — спросил Данилов, присев на на ступеньки крыльца.

— Зина...

Голос был тихий, казалось, что девочка не говорит, а выдыхает слова.

— Ты очень испугалась?

— Очень. Когда они уехали, я поглядела в окно. Они поехали туда, — девочка показала рукой к лесу, — потом увидела огонь и спряталась.

— Спасибо, дочка, ты нам очень помогла.

— А вы их поймаете?

— Наверное.

Через двор, придерживая автомат, бежал начальник розыска.

— Товарищ полковник, они в сторону хуторов подались через лес. Следы те же, что в Ольховке.

ТОКМАКОВ

Токмаков медленно шел по улице. Со стороны казалось, что задумался человек, просто гуляет, низко опустив голову. День был теплый. Гимнастерка прилипла к спине, сапоги стали пудовыми от налипшей грязи.

«Зачем же я глупостями занимаюсь, — подумал капитан, — пойду в розыск, они наверняка знают, сколько в городе велосипедов».

Он уже совсем собрался повернуть к райотделу, как увидел след. Отчетливый, замечательный след с цифрой девять, выдавленной в грязи улицы. Он пошел по следу, еще не веря в удачу, добрался до площади и потерял его. Здесь узкую полоску протектора затоптали чьи-то сапоги и ботинки, разбили шины полуторок.

Токмакову даже холодно стало. Он закрутился по площади, но следа не было. Так он дошел до здания почты и увидел прислоненный к крыльцу велосипед. На колесе передачи висел амбарный замок. Токмаков подошел, на ходу отмечая мельчайшие детали: потертое кожаное седло, облупившуюся краску, проржавевшие ободья, истертые широкие протекторы. Велосипед был трофейный, из тех, что побросали, отступая, немцы. Подойдя ближе, капитан увидел на шине большую заплатку с цифрой девять.

Токмаков переложил пистолет из кобуры в карман

и, отойдя в сторону, встал, прислонившись спиной к дереву.

Минуты тянулись медленно, и ему снова стало невыносимо жарко. Так он стоял и ждал, засунув руки в карманы галифе, перекатывая зубами сорванную веточку. Из здания почты выходили люди. Один, второй, третий... Токмакову хотелось пить, и он сильнее сжал во рту веточку, выдавливая горьковатый сок.

Почтальон в черной форменной тужурке с синими петлицами вышел из дверей, поправляя на плече тяжелую сумку. Он постоял немного, потом медленно пошел в сторону площади. Опять не тот. Токмаков вынул из кармана руки, вытер вспотевшие ладони. Во рту стояла сухая хинная горечь.

«А что, если зайти на почту, там наверняка есть бачок с водой...»

Почтальон возвращался. Он подошел к крыльцу, повесил сумку на руль велосипеда, достал из нее ключ и наклонился к замку. Когда он разогнулся, то увидел рядом молодого парня в синей гимнастерке с серебряными погонами. Он стоял совсем рядом, покачиваясь с каблука на носок, глубоко засунув руки в карманы.

— Хорошая машина, — сказал Токмаков.

— Ничего, не жалуюсь. — Голос у почтальона оказался неожиданно писклявым для его крупного тела.

— Уж больно она мне нравится, — улыбнулся Токмаков.

— Мне тоже. — Почтальон еще раз оглядел офицера всего: козырек фуражки, низко надвинутый на глаза, расстегнутый ворот гимнастерки, облепившей крепкое, готовое к броску тело, и потянулся к сумке.

— Вот это лишнее, стой тихо. — Токмаков резко выдернул из кармана руку с пистолетом. — Тихо, я сказал. Давай к райотделу. Дернешься — убью.

ДАНИЛОВ

— А если они поедут другой дорогой? — спросил Данилов. — Тогда как?

— Другой дороги для них нет. Только эта. — Начальник райугрозыска лежал на траве, положив тяжелые руки на кожух МГ. — Вы не бойтесь, товарищ полковник, они выйдут именно сюда.

— Откуда знаешь?

— Ко мне утром сведения поступили, что банда базируется где-то в районе старых схронов, а дорога туда одна. Эта дорога. Другой нет. — И словно в подтверждение его слов вдалеке застучали колеса телег.

— Ну что я вам говорил, — начальник розыска глубже утопил сошники пулемета, повел стволом, — самое место.

Данилов чуть приподнял фуражку, подал сигнал.

Через несколько минут телеги выбрались на поляну. Данилов мысленно поблагодарил своего напарника — тот выбрал отличное место, в случае боя солнце било прямо в глаза бандитам.

— Ну, — прошептал он, — давай.

Пулемет ударил длинно и глухо. И сразу же две лошади, запряженные в бричку, упали. Одна телега перевернулась, мешки с зерном посыпались на поляну.

Бандиты ответили нестройными очередями из автоматов. Но снова пророкотал пулемет, звонко застучали автоматы оперативников. Бандиты заметались, но, потеряв двоих, поняли, что окружены. Тогда они начали сбрасывать мешки.

— Бросай оружие, выходи по одному! — крикнул, приподнявшись на локти, Данилов.

— Получи, сука!

Пули прошли совсем рядом, опалили волосы.

— Они там как в доте. Пока мы эти мешки расшибем, дня два пройдет, — сказал начальник угрозыска, — они не сдадутся.

— Ладно. — Данилов достал гранаты, связал их ремнем и пополз к дороге.

— Вы куда, вернитесь!

Он слышал, как пули противно визжали над его головой, но полз, и с каждым движением тело становилось все более послушным и гибким. Пора. Он поднял голову, прикинул расстояние и с силой метнул связку. Тяжелая волна придавила его к земле, но он тут же вскочил и бросился к разметанным взрывом мешкам. С другой стороны бежали ребята его группы.

На дороге, полузасыпанные пшеницей, лежали шесть трупов.

— Погрузите их, — приказал Данилов, — и отправьте в город.

Он подобрал фуражку и пошел к машине. В лесу

было тихо, и пороховая гарь клубилась синевой в лучах солнца. На поляне звонко и жалобно заржала раненая лошадь. Потом щелкнул одиночный выстрел. И вдруг, как никогда раньше, Данилову очень захотелось жить.

ДАНИЛОВ И ПОЧТАЛЬОН

— Пока у нас есть только косвенные улики против него, — Данилов взял документы арестованного, медленно полистал, — только косвенные, а это все равно, что нет ничего.

— Товарищ полковник, — засмеялся начальник райотдела, — а пистолет в сумке?

— Всегда может отпереться. Нашел на дороге, не успел сдать.

— Да что вы, Иван Александрович? Год-то у нас какой? Война. Сорок пятый. Так что ж, мы с ним церемониться будем?!

— Социалистическая законность...

— Я знаю, — зло сказал начальник, — все знаю я и о законности, и о презумпции невиновности. Только вы видели, как они наших в сарае хотели сжечь? Видели! Так и мы должны. Кровь за кровь.

— Ну ты, Борис Станиславович, уже не в партизанском отряде.

— Это точно, тогда дело другое было. Но не об этом разговор. Вас прислали нам в помощь ликвидировать банду. Вы его и «расколите» вашими методами.

— Попробую.

Капитан угрюмо посмотрел в спину выходящему Данилову. Задержанный сидел у стены. Кисти рук, слишком маленькие для мужчины, были туго перетянуты веревкой...

— Развяжите, — скомандовал Иван Александрович. И уже задержанному: — Садитесь к столу. Вы ведь почтальон, правильно? — Задержанный молча кивнул.

— Вот и хорошо. Значит, читать умеете. Вот ознакомьтесь, статья 59, пункт 3 Уголовного кодекса. Читайте, читайте, там все есть, и пособничество бандитам тоже. Это неважно, что вы сами не убивали...

— Что вам от меня надо?

«Ну и голос, — удивился Данилов, — прямо как у мальчика из церковного хора».

— Нам надо немного. Ответьте, где Крук?

Задержанный молчал.

— Хорошо, мы найдем его сами. И он начнет давать показания. Тогда уже вас ничто не спасет.

— Сначала найдите, — почтальон усмехнулся.

— А чего искать, мы его считай что нашли. Не хотите нам помочь, не надо. Кстати, в налете на селекционную станцию участвовало шесть человек. Мы их привезли сюда, сейчас вам покажем, и бричку их привезли. Пойдемте.

Задержанный встал. Потом сел снова.

— Ну что же вы? Пошли, — Данилов расстегнул кобуру.

— Ладно. Скажу. Только запишите, я связник. На мне крови нет.

— Запишем. Веди протокол, Токмаков.

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА гр-на СЕМЕНЦА С. И.

«*Вопрос*. По документам вы Тутык Андрей Гаврилович. Назовите ваше настоящее имя.

Ответ. Семенец Стефан Иванович.

Вопрос. Год рождения?

Ответ. 1890-й.

Вопрос. Место рождения?

Ответ. Город Ковно.

Вопрос. Знаете ли вы Болеслава Крука?

Ответ. Да, знаю.

Вопрос. При каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

Ответ. Мы познакомились в тридцатом году в Пинске. У меня была лавка, комиссионная торговля. Крук продавал мне золото и драгоценности.

Вопрос. Ворованные?

Ответ. Мое дело коммерция. Кроме того, Пинск в те годы находился на территории Польши, так что эти операции неподсудны советским властям.

Вопрос. Чем вы занимались во время оккупации?

Ответ. Коммерцией. Держал в Барановичах комиссионный магазин.

Вопрос. Встречались ли вы с Круком?

Ответ. Да. Он привозил ко мне вещи для продажи.

Вопрос. Конкретнее. Какие вещи?

Ответ. Золото, серебряные вещи, камни, отрезы сукна.

Вопрос. Знали вы, откуда он их берет?

Ответ. Меня это не интересовало. Мое дело коммерция.

Вопрос. Расскажите подробно, как вы попали в бандгруппу Крука?

Ответ. Когда ваши войска подошли к Барановичам, я взял ценности и бежал. Но с немцами уйти не смог. Тогда я решил пробираться один в Польшу. Крука я встретил под Пинском. Он предложил мне легализоваться в этой области как почтальону. А потом вместе с ним уйти в Польшу.

Вопрос. Когда потом?

Ответ. Крук говорил — весной этого года, когда будет собрано достаточное количество денег и ценностей.

Вопрос. Кто помог вам легализоваться?

Ответ. Один человек, его сейчас здесь нет.

Вопрос. Кто конкретно? Вы обещали говорить правду.

Ответ. Вуйцик Станислав. Он работает в райфо.

Вопрос. Он связан с бандой?

Ответ. Да.

Вопрос. Где он сейчас?

Ответ. В области. Приедет послезавтра.

Вопрос. Какие функции выполняет Станислав Вуйцик в банде Крука?

Ответ. Вопроса не понимаю.

Вопрос. Что он делает в банде?

Ответ. Собирает сведения о партийных, советских работниках, служащих НКВД. Выясняет, куда отправляются деньги, ценности, мануфактура.

Вопрос. Короче, он наводчик?

Ответ. Вроде того.

Вопрос. Где хранит Крук ценности?

Ответ. Точно не знаю. Где-то около райцентра.

Вопрос. Почему вы так считаете?

Ответ. Однажды Вуйцик ездил куда-то прятать деньги. Он взял у меня велосипед. Отсутствовал примерно час с небольшим.

Вопрос. Вы были связником. Расскажите о том, как вы поддерживали связь с бандой.

Ответ. У нас был почтовый ящик. Знаете подбитый танк в роще у развилки дороги? Так вот, под правой гусеницей нужно поднять разбитый трак, там в углуб-

лении лежит гильза от крупнокалиберного пулемета. В нее мы и кладем «крипс».

Вопрос. Что кладете?

Ответ. Если по-русски — сообщение».

Теперь он знал о банде много. Почти все знал. Резидент. Количество. Вооружение. Канал связи. Можно было готовить войсковую операцию, то есть брать связника и резидента. Кто-нибудь из них наверняка на допросе покажет место бандитских схронов. Потом окружить их и предложить сдаться. А если не сдадутся... Не сдадутся? Тогда... Он вспомнил свой спор с Серебровским, ехавшим на хутор брать Стефанчука.

— Некогда мне думать, — зло крикнул Сергей, — комбинации хороши, когда время есть! У нас нет времени! Понял?

Серебровский кричал, сам распаляя себя криком. Он не хотел ждать. Не хотел с наступлением ночи оцепить хутор и постараться взять бандитов живьем. Он пошел в лоб.

— Ты меня прости, Ваня, — надсадно дыша, сказал Сергей, когда Данилов пришел к нему в госпиталь, — наломал я дров.

Он повернулся на бок и застонал. Совсем тихо. Но Данилов-то знал, чего это стоит Серебровскому.

— Лежи, лежи. Поправляйся, — он положил на тумбочку печенье и шоколад, которые с невероятным трудом раздобыл у хозяйственников. И, уйдя, он долго не мог забыть глаза Сергея, подернутые пеленой боли.

Банда у Крука небольшая, но вооружена прекрасно. Просто так они не сдадутся. Бой будет серьезным. И неизвестно, сколько придется положить людей. Господи, почему же такая несправедливость? Ведь многие из тех, кого он должен вести против банды, были партизанами, воевали в пехоте. Ведь не для того они гибли и воскресали вновь, чтобы в самом конце войны, когда наши войска дерутся за Берлин, умереть здесь, на освобожденной территории. «Четвертый эшелон» — горячий тыл войны. Вспомнят ли когда-нибудь о тех, кто дрался в этом тылу? О тех, кто погиб, защищая семьи ушедших на фронт солдат?..

— Иван Александрович, вы где? — заглянул в дверь Сережа Белов.

— Здесь, Сережа.
— Вы что же в темноте сидите? Пойдемте чай пить.
— Я потом, ты иди.
— А когда потом?
— Скоро, дружище, скоро.

Сергей ушел, затворив дверь. Данилов нащупал папиросы на столе, взял одну и положил обратно. Сердце билось надсадно и неровно. Ощущение это было непонятным и странным. Ему казалось, что он взлетает и падает на огромных качелях. Данилов достал лекарство, сунул в рот таблетку и замер, прислушиваясь.

— Где полковник? — раздался в коридоре голос начальника райотдела.
— Не знаю, — ответил кто-то.
— Найти! Что вам полковник — иголка?

Данилов встал и вышел в коридор.

— Я здесь, капитан.
— Товарищ полковник, звонили из области. Ребята взяли Вуйцика под наблюдение.
— Отлично.
— Ваш младший лейтенант...
— Костров?
— Да, Костров. Он и четверо крепких ребят скрытно наблюдают за «почтовым ящиком».
— Добро.
— Что же дальше, товарищ полковник?
— Дальше... Дальше... Это, кстати, что такое?
— Велосипед почтальона.
— Почему он здесь?
— Хочу передать участковому. Вы же сами знаете, весь мой транспорт — шесть лошадей да старая полуторка.

Они вышли на крыльцо. В темноте вспыхивали и гасли огоньки папирос. Привыкшие к темноте глаза различали сидящих на лавочке милиционеров.

— ...Так вот, — продолжал рассказ чей-то хрипловатый басок, — он мне и говорит: на нейтралке убитый старшина лежит. А я ему: ну и что? А он — валенки у него хорошие. Ну и что, говорю? Кто же из-за этого жизнью рисковать будет? А он вздыхает.

Рассказчик замолчал.

— Дальше-то что? — спросил кто-то.
— Чего?

— Полез он за валенками-то?
— А то как же, я же говорил, что он дюже жадный был.
— Не побоялся? — спросил тот же голос.
— Нет, рискнул. Жадность, брат, страшная вещь.
Данилов резко повернулся и вошел в коридор райотдела.
— Токмаков! — крикнул он. — Где Токмаков?!
Капитана нашли минут через пять. Токмаков, застегивая на ходу гимнастерку, подошел к Данилову.
— Извините, товарищ полковник, уснул.
— Токмаков, — Данилов внимательно посмотрел на него, — кто видел, как ты брал «почтальона»?
— Вроде никто.
— Вроде или точно?
— По-моему, точно. Да я его и не брал вовсе, просто прошли в милицию. Культурно так прошли, словно гуляли.
— Ну ладно. Трус в карты не играет.
— А что такое?
— Видишь велосипед?
— Вижу.
— Бери машину и сделай так, чтобы даже ребенку было ясно, что владельца велосипеда сбили. Понял?
— Пока нет, — честно признался Токмаков.
— Надо, чтобы завтра весь райцентр знал, что некий шофер из воинской части пьяным проезжал по городу и сбил почтальона. Раненого в тяжелом состоянии сначала отправили в больницу, оттуда в область. Теперь понял?
— Понял.
— Борис Станиславович, — повернулся Данилов к начальнику райотдела, — я уезжаю в область, завтра вернусь. У меня к вам просьба: вы не в курсе, есть ли в городе надежный электрик?
— Найдем. А в чем дело?
— Пусть наладит освещение на площади. Возможно, нам придется устроить маленькую иллюминацию.
— Это как понимать? — с недоумением спросил начальник. — Как приказ?
— Именно так.
— Слушаюсь.
— Значит, вы все поняли? Вот и прекрасно. Я поехал. Позовите Белова и Самохина.

Шоферу он сказал только одно слово: «Гони». Тот усмехнулся, и «виллис» помчался по дороге, как по полосе препятствий. Они не сбавляли скорость даже на шоссе. Данилов просто приказал сорвать маскировочные колпаки. Он сидел, глядя в темноту, зажав зубами давно погасшую папиросу, молчал и думал о Круке, пытаясь поставить себя на его место. Весь многолетний опыт работы подсказывал Данилову, что он не может ошибиться.

В город они въехали на рассвете.

ДАНИЛОВ И НАЧАЛЬНИК ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

— Так, — сказал начальник и с уважением посмотрел на Данилова, — хитро придумал. А ведь он клюнет, я тебе точно говорю, клюнет.

— Очень рад, что и вы так считаете. Москву будем запрашивать?

— А зачем? Это дело наше. Людей я, естественно, выделю. Более того, больше дам, чем ты просишь. А вот с тем делом... — начальник на секунду запнулся,— я в обком доложить обязан. Без их санкции не могу. Ты уж пойми меня правильно. Но, думаю, нам помогут. Первый секретарь обкома — бывший командир нашей партизанской бригады. Он поймет.

Секретарь обкома партии принял их через час.

— Рад познакомиться, — он пожал руку Данилову, — весьма рад. Слышал, слышал о ваших делах. Жалею очень, что не успел вас принять раньше. Ну рассказывайте.

Данилов молча положил рапорт на стол. Секретарь обкома внимательно прочитал его, хитро посмотрел на Данилова.

— Неплохо, совсем неплохо. Весьма точный расчет на психологию Крука. Если это удастся, то мы сможем захватить банду почти без потерь. Так?

— Да, товарищ секретарь.

— Ну зачем же так официально? У меня имя есть. Скажите, Иван Александрович, чем вы руководствовались, составляя этот план?

— Сводками Информбюро.

— То есть.

— Войне конец. Надо беречь людей.

— Очень правильно. А мы ведь ничего не теряем. — Секретарь посмотрел на начальника управления, улыбнулся. — Ничего не теряем, — опять повторил он и поднял телефонную трубку.

МОСКВА. Май

«ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

Оперативная сводка за 21 апреля

В течение 21 апреля центральная группа наших войск продолжала вести наступательные бои западнее реки Одер и реки Нейсе. В результате этих боев наши войска на Дрезденском направлении заняли города Калау, Люккау, Ной-Вельцов, Зенфтенберг, Лутаверк, Каменц, Бацен и вели бои за Кенигсбрюк.

Западнее Одера наши войска заняли города Бернау, Вернохен, Штраусберг, Альт-Ландсберг, Буков, Мюнхеберг, Херцфельде, Эркнер и завязали бои в пригородах Берлина...»

Старенький фордовский автобус, купленный еще во времена панской Польши, надрывно ревя мотором, с трудом полз по размытому проселку. Четыре рейса в день делал он между областным центром и районом. И каждый раз пассажиры считали, что это его последний рейс. Но вопреки здравому смыслу, в нарушение всех технических инструкций автобус, отдохнув на маленькой площади городка, вновь уходил и вновь возвращался.

Но все же пассажиры с облегчением вздыхали, выходя на конечной остановке. Бог его знает, что могло случиться с этим старым рыдваном?

Вуйцик приехал в городок первым утренним рейсом. По дороге им встретились три полуторки, битком набитые бойцами истребительного батальона и милиционерами. Тут же на площади он узнал две новости: все наличные силы охраны выехали в соседний район кончать какую-то банду, и этой ночью пьяный шофер сбил почтальона. Шофер арестован, почтальон увезен на «скорой помощи» в область.

В чайной, куда он зашел позавтракать, Вуйцик услышал и живописные подробности происшествия: скрип тормозов в ночи, крик, вой сирены «скорой помощи». Там же он встретил хирурга из местной больницы, который разъяснил ему кое-какие медицинские подробности...

Остальные подробности он узнал, придя на работу в райфо. Главными темами утренней беседы были автокатастрофа и налет на селекционную станцию.

Вуйцик работал. Разговаривал по телефону, подписывал какие-то бумажки, составлял месячную ведомость. В двенадцать часов из случайного разговора он выяснил, что в районном отделении Госбанка находится около 300 тысяч рублей. Он сопоставил два этих факта. Триста тысяч и отъезд работников милиции в соседний район. Было о чем задуматься.

Главное случилось за полчаса до обеденного перерыва. В комнату, где помещалось райфо, вошел молоденький младший лейтенант в мятой шинели, запачканной грязью.

— Товарищи, — спросил он, — кто у вас здесь начфин?

— Начфин в армии, а здесь заведующий райфо, — ответил Вуйцик, — а в чем дело?

— Я командир саперного взвода. Мы работаем у вас по восстановлению.

— Вы садитесь. Так в чем же дело?

— Свиридов! — крикнул лейтенант. — Неси.

Два сержанта внесли в комнату полусгнивший, запачканный землей ящик.

— Мы копали траншею для телефонного кабеля, — пояснил лейтенант, — ну вот и наткнулись. Думали, мина. Смотрим, — сержанты поставили ящик на стол, и Вуйцик увидел золотые монеты, — десятки царской чеканки.

Через несколько минут в райфо началось столпотворение. Пришли секретарь райкома, председатель райисполкома, начальник милиции.

Монеты быстро пересчитали. Их оказалось тысяча сто двадцать три. Составили акт, копию которого и передали лейтенанту. Заведующий райфо позвонил в область. Инкассаторов и охрану обещали прислать только утром. Золото унесли в помещение райбанка.

Выходя из райфо, начальник милиции мрачно сказал:

— Такие ценности по нынешним временам батальон охранять должен, а у меня людей раз-два и обчелся. Как бы эту ночь-то пережить?

В два часа Вуйцик вышел из райфо, свернул в переулок, потом на огороды. Он шел на развилку дорог.

МИШКА КОСТРОВ

Подбитый танк стоял на поляне, уронив на броню ствол пушки. Мишка Костров лежал метрах в сорока от него. Из засады поляна просматривалась прекрасно. Никто не смог бы подойти к танку незамеченным. Они лежали всю ночь, все утро. Хотелось курить, и Мишка то и дело поглядывал на часы, дожидаясь смены.

Человек появился около трех. Он осмотрелся, потом быстро подбежал к танку, достал из-под гусеницы гильзу и положил ее на место.

— Инспектор райфо, — прошептал над Мишкиным ухом его напарник, сержант из райотдела. Мишка поднес палец к губам.

Человек уходил в сторону города. Минут через сорок к развилке дорог подлетела бричка, запряженная лоснящимися, сытыми конями. В ней сидели трое в военной форме. Один соскочил на землю, разминаясь, посмотрел по сторонам, потом побежал к танку.

ДАНИЛОВ

Он ждал Крука и не сомневался, что тот придет сегодня. Весь прошедший день и всю прошедшую ночь Данилов готовил операцию. Ругался с прижимистыми финансистами, подписывал бесконечные акты на золото. Ночью в город скрытно был переправлен батальон войск НКВД. Вместе с комбатом Данилов рассчитал мельчайшие детали операции. Крук должен появиться на площади перед райбанком, уйти отсюда ему уже не удастся.

С наступлением сумерек Данилов с начальником райугрозыска и людьми своей группы укрылся в помещении банка. Теперь оставалось одно — ждать.

В полночь звякнул телефон. Начальник угрозыска взял трубку.

— Угу... Так. Понял... Угу... Доложу. Товарищ полковник, Вуйцик вышел из дома, прошелся по улицам и быстрым шагом направился к развилке дорог.

— Значит, скоро прибудет сам Крук. — Данилов передернул затвор маузера. — Приготовились.

Стук копыт и грохот колес ворвались на улочки спящего городка. Они стремительно приближались, заполнили площадь и стихли у здания банка. Только лошади храпели в темноте.

— Свет! — скомандовал Данилов.

— Давай, — прошептал в трубку начальник угрозыска.

Над площадью вспыхнули фонари и осветили три повозки, набитые вооруженными людьми. Данилов рассчитал верно. Свет ошеломил бандитов, и они заметались, не находя себе места.

Данилов шагнул к окну.

— Внимание! — крикнул он. — Площадь окружена! Вы находитесь под прицелом пулеметов. Сопротивление бессмысленно.

И в подтверждение его слов густая цепь автоматчиков, смыкаясь, появилась из тени домов. Солдаты медленно стягивали кольцо.

— Внимание! Я полковник милиции Данилов. На крышах пулеметы. Город оцеплен вторым кольцом автоматчиков. Мы не хотим кровопролития. Предлагаю добровольно сдать оружие. Считаю до трех, потом открываем огонь. Раз!

С брички соскочили двое и, бросив автоматы, с поднятыми руками пошли к солдатам. Потом еще трое... Еще. Еще.

В желтоватом мертвенном свете ламп Данилов искал знакомое лицо и наконец нашел его. Крук стоял, прислонясь спиной к бричке.

— Вот он, — сказал Данилов Самохину, — пошли, а то, не дай бог, застрелится.

Он вышел из дверей банка и увидел, как Крук вскинул пистолет.

Данилов выстрелил. Рука бандита повисла как плеть, и он начал медленно оседать.

Крук сидел на земле, раскачиваясь, придерживая

раненую руку. Иван Александрович подошел, наклонился к нему:

— Ну как дела, Болек?

Крук, прищурившись, молча смотрел на Данилова спокойно и настороженно.

— Привет тебе от Илюши Судина и Бурковского.

Крук молчал, только правая щека чуть подергивалась.

— Берите его, — скомандовал Данилов. — Всё.

На площади автоматчики обыскивали сдавшихся бандитов.

ДАНИЛОВ (окончание)

Поезд подходил к Москве утром. Четверо суток тащился он от Минска. Четверо суток Данилов спал, просыпался на несколько минут и засыпал снова. Перед Москвой он побрился, почистил сапоги и вышел на площадку. Он уехал раньше. Сотрудники его группы остались в Белоруссии готовить документацию, а его срочно вызвали в Москву.

Данилов стоял в тамбуре и неотрывно глядел в окно. Поезд, протяжно гудя, летел мимо заколоченных дач. С минуты на минуту должна была начаться Москва.

И она началась с закопченных кирпичных домов, потом потянулись бесконечные пакгаузы и железнодорожные мастерские. Наконец побежала мимо платформа Беговая, и поезд, тяжело отдуваясь, начал тормозить у перрона.

Данилов спрыгнул и пошел к выходу. Над вокзалом репродукторы разносили голос Левитана:

«Передаем приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова, при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлином — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии».

«Конец! — подумал Данилов. — Вот он, конец войны».

СОДЕРЖАНИЕ

Эдуард Анатольевич Хруцкий

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭШЕЛОН

Художественный редактор **А. А. Митрофанов**

Технический редактор **И. Н. Барынкина**

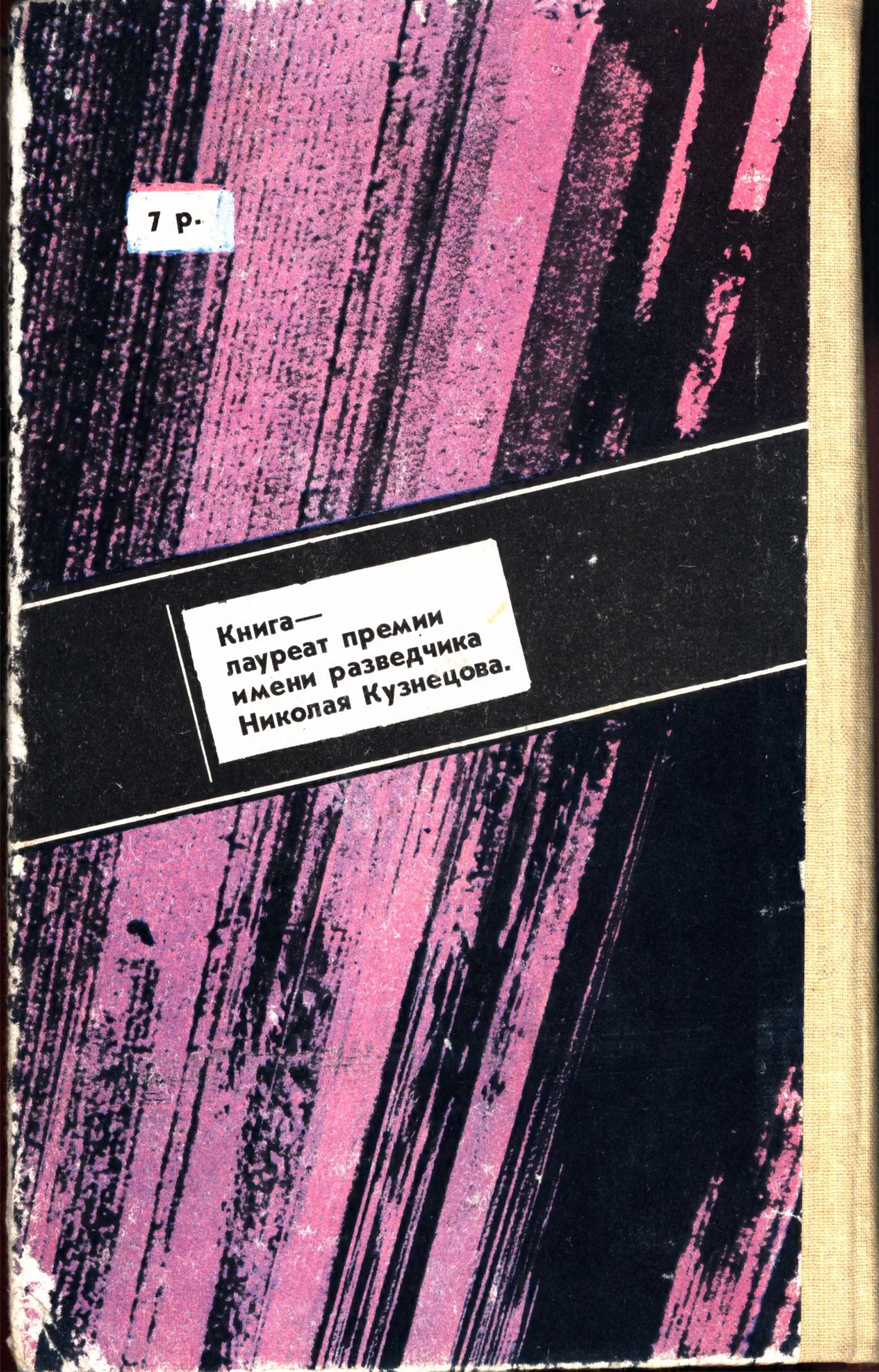
Корректоры: **И. С. Судзиловская, Е. А. Платонова**

ИБ № 5148

Сдано в набор 28.02.90. Подписано в печать 2.11.90. Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 36,12. Усл. кр.-отт. 36,54. Уч.-изд. л. 37,77. Тираж 100000 экз. Заказ 3884. Цена 7 р. Изд. № 1/е-391.

Издательство ЦК ДОСААФ СССР «Патриот».
129110, Москва, Олимпийский просп., 22.

394746, г. Воронеж, проспект Революции, 39, типография издательства «Коммуна».

7 р.
Книга—
лауреат премии
имени разведчика
Николая Кузнецова.

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ